

В.К. Агафонов

Заграничная охранка

Введеніе.

Около 11 лѣтъ—отъ 1906 до 1917 г.г.—провели мы, русскіе эмигранты, въ изгнаніи за-границей.

Всѣ эти долгіе годы мы жили и на чужбинѣ подъ неустаннымъ наблюденіемъ агентовъ царскаго правительства, которое окутало насъ густою сѣтью шпіонажа и провокаціи. Особенно сильно и мучительно проявлялось это въ міровомъ центрѣ культурной жизни—въ Парижѣ. Почти за каждымъ изъ насъ ходили по пятамъ и французскіе и русскіе филеры, на каждомъ собраніи у входовъ и выходовъ и въ самомъ залѣ мы встрѣчали подозрительныхъ субъектовъ, отъ которыхъ за версту пахло охранкой и сыскомъ; мы хорошо знали, что наша переписка перлюстрируется не только въ центрахъ Россійской имперіи и въ ея пограничныхъ пунктахъ, но и въ столицѣ Великой Республики, и на территоріи свободолюбивой Швейцаріи; мы хорошо знали, что эта перлюстрація производилась русской политической полиціей при тайномъ содѣйствіи мѣстныхъ полицейскихъ властей, почтальоновъ и консьержей; мы хорошо знали все это—и ничего не могли подѣлать.

Не только русскіе эмигранты боролись съ заграничной «охранкой», —противъ института заграничныхъ политическихъ полицій протестовали и во французской прессѣ, и съ парламентской трибуны такіе вліятельные политическіе дѣятели, какъ Жоресъ.

Когда глава французскаго министерства знаменитый Клемансо, въ отвѣтъ на рядъ пламенныхъ филиппикъ, произнесенныхъ въ палатѣ депутатовъ Жоресомъ послѣ разоблаченія Гартинга-Ландезена, далъ публичное обѣщаніе, что на французской землѣ отнынѣ не будетъ иностранныхъ политическихъ полицій,

мы знали, что данное обѣщаніе не воплотится въ жизнь; и, дѣйствительно, филерская слѣжка за нами послѣ этого нисколько не ослабѣла.

Но гораздо мучительнѣе и тяжелѣе для насъ, русскихъ эмигрантовъ, чѣмъ это «внѣшнее наблюденіе», была та атмосфера недовѣрія и подозрѣнія къ своимъ же товарищамъ, которая была порождена провокаціей. Послѣ разоблаченія Азефа, подозрительность и взаимное заподозриваніе приняли совершенно болѣзненный характеръ: подозрѣвали чуть ли не всѣхъ, порой самыхъ близкихъ товарищей и друзей, подозрѣвали часто безъ всякихъ основаній, зря, но, съ другой стороны, все же не принимали достаточныхъ предосторожностей и мѣръ для охраненія себя отъ провокаторовъ.

Какъ показало изученіе, еще далеко неполное, архивовъ «Заграничной Агентуры» (такъ назывался центральный органъ русской политической полиціи за-границей), черезъ ея руки за періодъ 1905—1917 г.г. прошло около ста «секретныхъ сотрудниковъ» («провокаторовъ»), въ той или иной степени причастныхъ къ «внутреннему освѣщенію» своихъ товарищей-революціонеровъ, а иногда и къ прямой провокаціи,—процентъ, довольно значительный, если принять во вниманіе, что политическихъ эмигрантовъ за это время въ Западной Европѣ было не болѣе 4—5 тысячъ.

Понятно, поэтому, что, когда до Парижа въ мартѣ 1917 года дошли первыя вѣсти о февральской революціи, многіе изъ эмигрантовъ обсуждали вопросъ о томъ, что нужно захватить архивы политической полиціи, которую эмиграція неизмѣнно соединяла съ консульствомъ и съ посольствомъ, и арестовать чиновъ «охраны». Въ силу разныхъ обстоятельствъ,—среди которыхъ не послѣднее мѣсто занимало то, что въ страстномъ желаніи попасть какъ можно скорѣе на родину и принять участіе въ работѣ «возрожденія страны», многіе видные революціонеры не задумались войти въ непосредственныя сношенія съ такими яркими представителями старой власти, какъ посолъ Извольскій,—революціонное выступленіе не состоялось.

Вопросъ о захватѣ архивовъ политической полиціи и объ арестѣ ея чиновъ въ Парижѣ не обсуждался ни на общихъ эмигрантскихъ собраніяхъ, ни въ партійныхъ группахъ; дѣло заглохло, архивъ и «чины» остались неприкосновенными.

Но когда былъ организованъ, наконецъ, эмигрантскій комитетъ по отправкѣ политическихъ эмигрантовъ въ Россію, то нами былъ поднятъ вопросъ о томъ, чтобы просить Временное Правительство о допущеніи представителей комитета въ опечатанное помѣщеніе «Заграничной Агентуры» для разбора архивовъ и для выясненія состава секретныхъ сотрудниковъ.

Послѣ трехнедѣльнаго ожиданія мы все же получили отъ Керенскаго это разрѣшеніе, причемъ къ намъ былъ присоединенъ эмигрантъ, присяжный повѣренный Е. И. Раппъ. Почти одновременно съ этой телеграммой Керенскаго, Раппъ получилъ предложеніе отъ предсѣдателя чрезвычайной слѣдственной комиссіи Муравьева организовать составленіе описи дѣлъ Заграничной Агентуры.

Такимъ образомъ, волею петроградскаго начальства во главѣ задуманнаго нами дѣла офиціально оказался Раппъ; комиссія по разбору архивовъ бывшей Заграничной Агентуры сформировалась въ слѣдующемъ составѣ: предсѣдатель—Раппъ, члены: В. К. Агафоновъ, М. М. Левинскій, С. Левицкій (Познеръ), М. П. Вельтманъ (Павловичъ) и М. Н. Покровскій. Кромѣ того, временно въ комиссіи работали: Веллеръ, Л. П. Гомелля, С. И. Ивановъ, Биллигъ и Стружецкій.

Въ силу телеграфнаго предписанія, въ началѣ при нашихъ работахъ присутствовалъ вице-консулъ Кандауровъ, но затѣмъ офиціальная бумага Муравьева, присланная на имя Раппа, освободила Кандаурова отъ этой обязанности. Вскорѣ затѣмъ нами былъ приглашенъ въ качествѣ эксперта давно уже проживавшій въ Парижѣ извѣстный разоблачитель многихъ секретныхъ сотрудниковъ и вообще всей подпольной дѣятельности Д-та Полиціи бывшій помощн. дѣлопроизвод. Д-та Полиціи Л. Меньщиковъ.

На дверяхъ Заграничной Агентуры, помѣщавшейся въ нижнемъ этажѣ русскаго консульства въ Парижѣ, мы нашли печати консульства и личную печать завѣдующаго Агентурой Красильниковъ; снявъ ихъ и отомкнувъ двери, находившіяся на запорѣ подъ двумя ключами, не безъ волненія вошли мы въ таинственную парижскую «охранку», состоявшую всего изъ двухъ относительно небольшихъ комнать... Вотъ онъ, тотъ центръ, откуда невидимая рука направляла свои удары въ самое сердце русской политической эмиграціи; здѣсь плелась паутина, окутывавшая насъ и

нашихъ товарищей тысячью тонкихъ, но крѣпкихъ нитей; здѣсь, думали мы, совершались сатанинскія искушенія, и слабые или уже развращенные становились окончательно предателями...

Двѣ небольшія комнаты—одна въ два окна, другая въ одно—за рѣшетками; окна выходятъ на дворъ, общій для посольства и консульства. Первая комната—канцелярія; вдоль стѣнъ ея стоятъ высокіе вплоть до потолка шкафы съ дѣлами; это и есть знаменитый архивъ Заграничной Агентуры; двѣ шифоньерки съ карточными каталогами, одинъ шкафъ съ старыми дѣлами, кипами «агентурныхъ листковъ» и альбомами фотографій революціонеровъ, три письменныхъ стола съ пишущими машинками на нихъ и массивный негораемый шкафъ—вотъ чисто дѣловая обстановка канцеляріи Заграничной Агентуры.

Совершенно другое впечатлѣніе производила другая комната—кабинетъ самого Красильникова: великолѣпный письменный столъ краснаго дерева съ роскошными бронзовыми канделябрами и другими украшеніями, диванъ, кресло, стулья краснаго сафьяна и два большихъ портрета царя и наслѣдника... Здѣсь вырабатывались директивы и планы «внѣшняго» и «внутренняго» наблюденія за политическими эмигрантами, которые немедленно, при посредствѣ состоявшаго въ распоряженіи Красильникова, жандармскаго подполковника Люстиха или главы филеровъ—знаменитаго Бинта, передавались многимъ десяткамъ агентовъ внѣшняго наблюденія—«шпикамъ» тожъ—и, такъ называемымъ, «секретнымъ сотрудникамъ», по-просту провокаторамъ; директива начинала приводиться въ исполненіе—и вы чувствовали это на себѣ, если были уже стрѣлянымъ волкомъ, увеличеніемъ числа подозрительныхъ фигуръ при вашемъ выходѣ на улицу, усиленной любезностью вашей консьержки, а затѣмъ и усиленнымъ устремленіемъ въ вашу сторону подозрительныхъ «товарищей»; послѣднее улавливали, къ сожалѣнію, немногіе—только особенно наблюдательные...

Послѣ внимательнаго осмотра этого таинственнаго убѣжища нашихъ враговъ, мы сразу нашли въ ящикахъ Красильниковаго стола и въ бюро его помощника Мельникова нѣсколько интересныхъ бумагъ: ирошеніе на Высочайшее имя о помилованіи извѣстнаго въ Парижской колоніи художника Иванова, докладъ Красильникова Д-ту Полиціи о переговорахъ съ корреспондентомъ «Рус-

скаго Слова» Брутомъ-Бѣловымъ, пресившимся въ секретные сотрудники, два подробнѣйшихъ доклада Бинта о переговорахъ съ однимъ довольно извѣстнымъ парижскимъ эмигрантомъ по поводу возможнаго поступленія его въ число секретныхъ сотрудниковъ Заграничной Агентуры и нѣкоторыя другія, менѣе интересныя бумаги.

Понятно, что первые дни нашей работы въ канцеляріи Заграничной Агентуры прошли въ довольно безпорядочномъ чтеніи бумагъ, найденныхъ нами въ столахъ самого Красильникова, чиновниковъ его канцеляріи и въ негосудаемомъ шкафу; затѣмъ нѣсколько дней было посвящено систематическому обзору всего «богатства», накопленнаго въ этихъ двухъ комнатахъ.

Прежде всего, наше вниманіе было привлечено двумя карточными каталогами—первый изъ нихъ, печатный, заключалъ въ себѣ около 15—20 тысячъ карточекъ съ фамиліями и примѣтами разыскиваемыхъ и подлежащихъ аресту лицъ, замѣшанныхъ въ революціонномъ движеніи. Второй каталогъ, гораздо для насъ болѣе интересный, состоялъ изъ 2—3 тысячъ карточекъ, на которыхъ чиновниками Заграничной Агентуры отмѣчались, конечно, въ алфавитномъ порядкѣ всѣ лица, упоминавшіяся по той или иной причинѣ въ бумагахъ Агентуры; помимо фамилій, имени, а иногда и отчества, а также и клички—революціонной или агентурной, на каждой такой карточкѣ отмѣчались номера входящихъ или исходящихъ бумагъ, въ которой упоминалось данное лицо. Просматривая этотъ каталогъ, каждый изъ насъ, членовъ комиссіи, могъ сразу увидѣть, въ какіе годы его заграничнаго бытія и какъ часто заграничное и россійское начальство обращало на него свое благосклонное вниманіе. Такъ, напримѣръ, нишущій эти строки тревожилъ Заграничную Агентуру или самый Д-тъ Полиціи за все время своего 11-лѣтняго изгнанія не болѣе ста разъ.

Подобныя автобіографическія занятія показали намъ, во-первыхъ, что архитектура архива Заграничной Агентуры покоится на этомъ карточномъ каталогѣ и на системѣ исходящихъ (посылаемыхъ Заграничной Агентурой) и входящихъ (получаемыхъ ею) бумагъ и, во-вторыхъ, что среди этихъ бумагъ отсутствуетъ значительное ихъ количество.

Изъ разспросовъ чиновъ Заграничной Агентуры намъ удалось установить, что много наиболѣе секретныхъ бумагъ было вывезено изъ помѣщенія Агентуры жандъ подполк. Люстихомъ и чинов-

никомъ Мельниковымъ еще до запечатанія посольствомъ этого помещенія; выяснилось также, что всѣ эти документы находятся на квартирѣ у Мельникова. Узнавъ это, я раннимъ утромъ отправился на квартиру Мельникова, забралъ 9 пакетовъ бумагъ и совместно съ нимъ и вице-консуломъ Кандауровымъ перевезъ ихъ въ помещеніе Агентуры. Впослѣдствіи оказалось, что все же многихъ бумагъ въ архивѣ недостаетъ. Красильниковъ «объяснялъ» это тѣмъ, что бумаги не являлись для него чѣмъ-то неприкосновеннымъ,—для него прежде всего было важно «живое» дѣло, а нѣкоторые документы могли и затеряться.

Системы «отдѣльныхъ дѣлъ» въ архивѣ Заграничной Агентуры не существовало, и только въ исключительныхъ случаяхъ (запросъ Д-та, необходимость въ данный моментъ подробнѣйшей справки и т. п.) канцелярія Заграничной Агентуры составляла изъ соотвѣтствующихъ номеровъ входящихъ и исходящихъ бумагъ временныя «отдѣльныя» дѣла; къ входящимъ и исходящимъ въ такихъ дѣлахъ присоединялись и различные другіе документы: письма, агентурные листки, различные справки, фотографическія карточки. Среди такихъ временныхъ отдѣльныхъ дѣлъ наше вниманіе остановилось на дѣлѣ о Савинковѣ, о бунтѣ на крейсерахъ «Аскольдъ» и о военномъ шпіонажѣ. Между прочимъ, даже изъ бѣглаго просмотра дѣла объ «Аскольдѣ», намъ стало ясно, что бунтъ былъ организованъ не безъ участія провокаціи и что въ ней игралъ не послѣднюю роль нѣкій Виндингъ, имѣвшій сношенія съ охранкой (см. списокъ).

Съ жаднымъ любопытствомъ также перелистывали мы альбомы фотографическихъ карточекъ, найденныя нами въ канцеляріи Заграничной Агентуры. Альбомы эти были, во-первыхъ, основные—для надобностей самой Заграничной Агентуры, заключавшіе въ себѣ фотографіи нѣсколькихъ сотъ революціонеровъ, и маленькіе альбомчики, специально предназначенные для агентовъ наружнаго наблюденія и вмѣщавшіе лишь 20—30 небольшихъ фотографій революціонеровъ, главнымъ образомъ, террористическаго направленія, особенно интересныхъ бдительному полицейскому начальству.

При этомъ предварительномъ общемъ обзорѣ архивовъ Заграничной Агентуры, мы вскорѣ поняли, что главная наша задача—

разоблаченіе «провокаторовъ» представляетъ чрезвычайныя трудности, такъ какъ ни въ бумагахъ, ни въ каталогахъ, ни въ фотографическихъ альбомахъ мы не нашли, конечно, какихъ-либо указаній на фамиліи секретныхъ сотрудниковъ; только впоследствии, при болѣе подробномъ изученіи архивовъ, намъ удалось извлечь нѣсколько бумагъ, въ которыхъ находились прямыя или косвенныя указанія на настоящія фамиліи сотрудниковъ, но, увы, то были либо «герои» давно минувшихъ временъ, либо уже проваленные либо выброшенные за бортъ самимъ начальствомъ за ненадобность— «бывшіе» секретные сотрудники.

О дѣйствующемъ же составѣ секретныхъ сотрудниковъ, о предателяхъ, служившихъ до послѣдняго дня и получавшихъ свои тридцать серебрянниковъ до того момента, пока ихъ платили, мы нашли указанія лишь въ финансовыхъ отчетахъ Заграничной Агентуры; но и въ этихъ отчетахъ секретные сотрудники фигурировали лишь подъ спеціальными охранными кличками. Здѣсь мы впервые познакомились съ «Гретхенъ», съ «Скосомъ», съ «Россини», съ «Неверомъ», съ «Люси», съ «Корбо», «Веберомъ», «Шарпантье», «Неемъ», «Пьеромъ», «Сержемъ», «Американцемъ», «Шарни» и съ другими болѣе или менѣе звучными именами...

Сравненіе финансовыхъ отчетовъ за разные годы и мѣсяцы показало, что до самаго послѣдняго времени въ Заграничной Агентурѣ работало не менѣе двадцати двухъ секретныхъ сотрудниковъ, получавшихъ отъ 250 до 2.500 франковъ въ мѣсяць; среднее жалованье за послѣдніе годы было 500 франковъ; кромѣ того, многіе изъ сотрудниковъ получали значительныя суммы—отъ 200 до 1.000 франковъ на разъѣзды и различныя командировки, получали также наградныя, пособія, на леченіе и вообще всѣ богатыя милости, какъ и остальные чиновники Россійской имперіи. Ни одной расписки секретнаго сотрудника въ полученіи имъ денегъ въ архивахъ Агентуры найдено не было—и немудрено, такъ какъ при Красильниковѣ, напримѣръ, всѣ деньги, причитавшіяся секретнымъ сотрудникамъ, выдавались подъ расписку на руки подполк. Люстиху, который и передавалъ ихъ по назначенію. Только два сотрудника «Шарни» (Загорская) и «Ратмиръ» (Рекюли), находившіеся въ непосредственномъ завѣдываніи Красильникова, получали деньги лично отъ него.

Но, конечно, и финансовые отчеты не дали намъ данныхъ для разоблаченія настоящихъ фамилій секретныхъ сотрудниковъ. Впервые блеснула передъ нами надежда на это разоблаченіе, когда, при болѣе систематическомъ изученіи входящихъ и исходящихъ бумагъ архива, мы замѣтили, что на многихъ бумагахъ послѣднихъ годовъ, посылавшихся Агентурой въ Д-тъ, точнѣе на ихъ «отпускахъ», т.-е. на копіяхъ, остававшихся въ архивахъ Агентуры, имѣются помѣтки изъ нѣсколькихъ буквъ, которыя обозначали охранную кличку секретнаго сотрудника, сообщавшаго Люстиху приводимыя въ бумагѣ свѣдѣнія и указанія. Иногда на такой бумагѣ имѣлась не одна, а нѣсколько такихъ охранныхъ кличекъ, что, конечно, указывало на то, что свѣдѣнія были сообщены нѣсколькими сотрудниками. Для разоблаченія настоящихъ фамилій предателей, мы и рѣшили объединять въ отдѣльное дѣло бумаги, которыя такими помѣтками относились къ опредѣленной охранной кличкѣ. Благодаря такому приему, можно было очертить сферу дѣятельности даннаго секретнаго сотрудника; такъ, напри- мѣръ, были раскрыты «Скосъ», оказавшійся с.-р. грузиномъ Дими- трашвили и «Ніель» — Бронтманъ (Этеръ).

Затѣмъ, большое значеніе въ дѣлѣ раскрытія охранныхъ псев- донимовъ сотрудниковъ оказали намъ, такъ называемые, «агентур- ные листки» — оригиналы донесеній жанд. подполк. Люстиха, рот- мистра Лиховскаго и Литвина, составлявшіеся на основаніи собе- сѣдованій или писемъ секретныхъ сотрудниковъ, находившихся подъ руководствомъ этихъ охранниковъ. Въ агентурныхъ лист- кахъ проскальзывали различнаго рода интимныя указанія, очень важныя для установленія того или иного сотрудника и исчезавшія въ официальныхъ бумагахъ, составлявшихся на основаніи этихъ листовъ для отсылки ихъ въ Д-тъ Полиціи. Такъ, напри- мѣръ, въ одномъ такомъ агентурномъ листкѣ Люстиха, съ точной датой по обыкновенію, я прочелъ, что сотрудникъ «Гретхенъ» нездоровъ, что у него «гонять солитера», въ другомъ, что тотъ же сотрудникъ давно не приходитъ на свиданія, такъ какъ занятъ своими «мухо- ловками». Указанія, чрезвычайно характерныя и достаточныя для того, чтобы послѣ цѣлаго ряда справокъ выяснить, кто скрывается подъ поэтическимъ именемъ «Гретхенъ» (Кокочинскій). «Мухолов- ками» Люстихъ, въ видахъ конспираціи, а, можетъ быть, и крат-

кости, называетъ мастерскую Кокочипскаго для изготовленія бумаги противъ мухъ.

Затѣмъ мнѣ удалось найти черновики двухъ докладовъ Красильникова, въ которыхъ онъ сообщаетъ Департаменту какъ о «проваленныхъ», благодаря Бурцеву, секретныхъ сотрудникахъ, такъ и о тѣхъ, положеніе которыхъ поколеблено, такъ какъ относительно нихъ у Бурцева имѣются кой-какія подозрѣнія; въ этихъ черновикахъ надъ фамиліями всѣхъ этихъ лицъ надписаны карандашемъ ихъ охранныя клички; такъ было раскрыто 8 или 9 псевдонимовъ секретныхъ сотрудниковъ Красильникова.

Эта кропотливая аналитическая работа была затѣмъ провѣрена и дополнена во время допросовъ чиновъ Заграничной Агентуры нашей комиссіей во главѣ съ Раппомъ и съ прибывшимъ изъ Россіи уже къ концу нашей работы комиссаромъ Временнаго Правительства Г. Сватиковымъ. Были допрошены затѣмъ нашей комиссіей и нѣкоторые разоблаченные секретные сотрудники (Димитрашвили, Кокочинскій, Сталь, Житомирскій, Чирьевъ), а Г. Сватиковъ подвергъ такому же допросу секретныхъ сотрудниковъ, проживавшихъ въ Англіи (Бронтманъ, Гудинъ, Цукерманъ-Орловъ), въ Италіи (Вакманъ, Савенковъ), въ Швейцаріи (Санвеловъ, Абрамовъ) и въ Швеціи (Коганъ-Андерсенъ).

Эти допросы «провокаторовъ» не дали цѣннаго фактическаго матеріала, хотя большинство изъ нихъ (за исключеніемъ Абрамова и Димитрашвили) не отрицали своей службы въ Заграничной Агентурѣ. Всѣ показанія даже и сознавшихся секретныхъ сотрудниковъ сводились почти всегда къ одному и тому же, что они-де вошли въ сношенія съ полиціей вслѣдствіе тяжелыхъ семейныхъ и матеріальныхъ обстоятельствъ, что они почти ничего не давали представителямъ Заграничной Агентуры и часто даже обманывали ее сообщеніемъ ложныхъ свѣдѣній...

Члены нашей комиссіи по изученію дѣлъ Заграничной Агентуры прекратили свою работу не одновременно; дольше всѣхъ пришлось проработать мнѣ, но и я не въ силахъ уже былъ оставаться въ Парижѣ, когда такъ тянуло въ Россію. Въ сентябрѣ я покинулъ Францію...

Завѣдываніе архивомъ Заграничной Агентуры и дальнѣйшая разработка его была оставлена въ рукахъ комиссіи изъ трехъ

лицъ: М. Левинскаго, С. Левицкаго (Познера) и Лазаркевича; экспертомъ при комиссіи былъ оставленъ Л. Меньщиковъ.

По возвращеніи своемъ въ Петроградъ я не имѣлъ намѣренія приступить къ немедленному изданію собранныхъ мною матеріаловъ по исторіи Заграничной Агентуры, такъ какъ въ это время многочисленная комиссія изучала колоссальные архивы бывшаго Д-та Полиціи, и я предполагалъ связать свою маленькую работу съ тѣмъ громаднымъ трудомъ, который долженъ былъ завершить въ концѣ концовъ изученіе матеріаловъ Д-та. Но послѣ октябрьскаго переворота работа по изученію архива Д-та Полиціи была прекращена, архивъ запечатанъ, и я счелъ невозможнымъ откладывать далѣе опубликованіе результатовъ своей работы, тѣмъ болѣе, что въ мои руки поступили документы, конечно, въ копіяхъ, которыя являлись прекраснымъ дополненіемъ къ даннымъ, собраннымъ мною въ архивахъ Заграничной Агентуры. Приношу здѣсь свою сердечную благодарность А. А. Овсянникову, который передалъ въ мое распоряженіе находившіеся въ его рукахъ матеріалы.

Цементъ, спаявшій въ единое цѣлое эти разрозненные факты, я почерпнулъ, съ одной стороны, изъ своихъ собственныхъ воспоминаній, съ другой—изъ бесѣдъ съ нѣкоторыми знатоками стараго полицейскаго режима.

На основаніи всѣхъ этихъ данныхъ, я попытался дать, конечно, весьма несовершенный и неполный очеркъ исторіи Заграничной Агентуры съ начала ея основанія вплоть до нашихъ дней; несовершенный и неполный, такъ какъ архивы Заграничной Агентуры изучены мною относительно поверхностно—и вслѣдствіе краткости времени, бывшаго въ моемъ распоряженіи (4 мѣсяца), и вслѣдствіе спеціальной задачи, поставленной нами себѣ при изученіи этихъ архивовъ (разоблаченіе провокаторовъ),—а изъ архивныхъ сокровищъ Д-та Полиціи въ мои руки попала, конечно, весьма незначительная часть матеріала, касающагося дѣлъ Заграничной Агентуры. Но въ наше время, когда событія бѣгутъ съ такой головокружительной быстротой, а правительства смѣняются въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, я считаю болѣе предусмотрительнымъ издать мою работу хотя бы и въ далеко несовершенномъ видѣ, такъ какъ никто не можетъ поручиться, что матеріалы, необходимые для полной разработки нашей темы, останутся въ неприкосновенности.

Небольшая книжка, которую я предлагаю вниманію читателя, распадается на двѣ части: первая—историческій очеркъ Заграничной Агентуры, вторая—списокъ и краткая характеристика большинства секретныхъ сотрудниковъ, «работавшихъ» въ этомъ учрежденіи.

Въ историческомъ очеркѣ, я придерживался документальнаго изложенія, т.-е., по мѣрѣ возможности, для характеристики событій и лицъ приводилъ документы почти цѣликомъ; дѣлалъ я это не только для того, чтобы сохранить «неподражаемую прелесть» языка и психологіи авторовъ этихъ документовъ, являвшихся въ то же время и дѣйствующими лицами нашей печальной эпопеи, но и потому, что въ этихъ документахъ всюду разсыяны факты и указанія, въ данный моментъ представляющіеся, можетъ быть, мало интересными и незначительными, но могущими дать въ будущемъ, а для нѣкоторыхъ нашихъ читателей, вѣроятно, и въ настоящемъ, нити для выясненія многихъ темныхъ вопросовъ въ области политическаго сыска и провокаціи.

Мартъ 1918 г.

Петроградъ.

В. Агафоновъ.

ГЛАВА I.

Наслѣдство „Священной Дружины“ переходитъ къ Департаменту Полиціи.—Зарожденіе русской „Заграничной Агентуры“ для наблюденія за русскими революціонерами.—Первый завѣдывающій „Заграничной Агентурой“ Корвинъ-Круковской (1883 г.).—Французская „Бригада Барла“.—Записка Семякина 1874 года.—Шпіонская дѣятельность русскихъ консуловъ.—Отставка Круковского и назначеніе на его мѣсто въ 1884 г. П. И. Рачковскаго.—Контрактъ Д-та Полиціи въ 1885 г. съ провокаторомъ Гекельманомъ-Ландезеномъ.—Шпіонская и провокаторская дѣятельность Ландезена въ Швейцаріи и въ Парижѣ.

Департаментъ Полиціи взялъ въ свои руки организацію „Заграничной Агентуры“ для наблюденія за дѣятельностью политическихъ эмигрантовъ въ 1883 году, когда ему были переданы дѣла знаменитой „Священной Дружины“. Вмѣстѣ съ этими дѣлами къ Д-ту Полиціи перешли, какъ сообщаетъ тогдашній директоръ Д-та Плеве въ своей докладной запискѣ тов. министра внутреннихъ дѣлъ Оржевскому, отъ 30 іюня 1883 г., и четыре заграничныхъ агента означеннаго общества: „1) присяжный повѣренный *Волковъ*, 2) отставной надворный совѣтникъ *Климовъ* и 3) купеческіе сыновья *Гуринъ* и *Гордонъ*. Первый изъ нихъ, Волковъ, отправился въ Парижъ, по уполномочію бывшаго издателя „Московского Телеграфа“—Радзевича, съ цѣлью выясненія условій предполагавшагося изданія новой либеральной газеты и связалъ съ этой поѣздкой свою агентурную дѣятельность, а второй—Климовъ, скомпрометировавшій уже себя среди эмигрантовъ изданіемъ въ Женевѣ газеты „Правда“, долженъ былъ доставить подробный поименный списокъ женевской эмиграціи съ характеристикой выдающихся вожаковъ послѣдней; между тѣмъ, дѣятельность этихъ лицъ выразилась лишь въ сообщеніи Волкова о томъ, что замыслы русской колоніи въ

Парижъ въ смыслъ изданія газеты, въ виду мѣстныхъ и внѣшнихъ условій, не могутъ быть осуществлены, Климовъ же, не уснѣвшій въ теченіе 2-хъ-лѣтняго своего пребыванія въ Женевѣ ознакомиться съ наличнымъ составомъ эмиграціи, ограничился лишь сообщеніемъ ничтожныхъ, на-лету схваченныхъ свѣдѣній... Что же касается остальныхъ двухъ агентовъ—Гурина, поселившагося въ Парижѣ, и Гордона, въ Цюрихѣ, то оба они, по своему развитію и пониманію дѣла, могутъ быть полезны, подавая надежду сдѣлаться въ приведенныхъ пунктахъ внутренними агентами, въ каковыхъ Д-тъ Полиція встрѣчаетъ насущную потребность“.

Въ виду этихъ соображеній Плеве предлагаетъ Оржевскому оставить Гурина и Гордона на ихъ мѣстахъ съ сохраненіемъ прежняго жалованья по 200 руб. въ мѣсяцъ каждому, а Климова и Волкова отозвать въ Россію.

Но, какъ видно изъ памятной записки, подписанной А. Миллеромъ отъ 29 мая 1883 г., у Д-та Полиціи были за-границей и другіе агенты, наблюдавшіе за политическими эмигрантами, а именно: *Анненскій* съ жалованьемъ въ 500 фр. въ мѣсяцъ, *Белина*—400 фр. въ мѣсяцъ, *Николаидесъ*—200 фр. въ мѣсяцъ, *Стемковскій*—200 фр. въ мѣсяцъ и *Милевскій*—150 фр. въ мѣсяцъ.

Въ этой же запискѣ значатся таинственные лица, которымъ Д-тъ высылаетъ за-границу пенсію: *Камилль де-Кордонъ*—800 фр. въ мѣсяцъ, *Лелива де-Сплавскій*—2.000 фр. въ годъ и *Ида Шнейдеръ*—300 червонцевъ въ годъ, за заслуги умершаго ея отца.

Неудовлетворительное положеніе Заграничной Агентуры, конечно, очень беспокоило тогдашнихъ вождей русскаго полицейскаго сыска, Оржевскаго и Плеве—и они начинаютъ принимать цѣлый рядъ мѣръ для постановки политической агентуры за-границей на „должную высоту“. Въ іюнѣ 1883 г. въ Парижѣ назначается надворный совѣтникъ *Корвинъ-Круковской* для общаго наблюденія за политическимъ розыскомъ во Франціи. Корвинъ-Круковской получаетъ, за подписью Плеве, удостовѣреніе на французскомъ языкѣ, въ которомъ указывается, что онъ—Круковской—„облеченъ довѣріемъ

Д-та Полиції и что дружественнымъ Россіи Державамъ предлагается оказывать ему содѣйствіе при исполненіи имъ своего порученія“.

Это назначеніе находится въ несомнѣнной связи съ прошеніемъ Корвина-Круковского отъ 30 марта 1883 г. Приводимъ этотъ человѣческій документъ полностью:

„Нижеподписавшійся, участвуя въ 1863 г. въ польскомъ возстаніи, послѣ усмиренія онаго, бѣжалъ за-границу. Съ 1864 по 1866 г.г. проживалъ въ Италіи—въ Туринѣ, Миланѣ и Флоренціи. Въ началѣ 1867 г. переѣхалъ въ Парижъ, гдѣ оставался до 1873 г.—Въ теченіе этого времени, въ продолженіе 1½ года посѣщалъ инженерное училище „Ponts et chaussées“. Не имѣя средствъ дальше воспитываться, во время французско-прусской войны поступилъ въ саперный баталіонъ, въ сраженіи подъ Седаномъ взятъ въ плѣнъ—по заключеніи мира, возвратившись въ Парижъ, занимался при желѣзной дорогѣ въ качествѣ рисовальщика. Въ концѣ 1873 г. переселился въ Швейцарію, жилъ въ Женевѣ, Бернѣ и Цюрихѣ, занимаясь также при желѣзной дорогѣ—въ 1874 г., случайно познакомившись съ б. чиновникомъ б. III отдѣленія (пріѣхавшимъ въ Цюрихъ) статскимъ совѣтникомъ *Перецомъ*, въ теченіе двухъ лѣтъ помогалъ ему въ обнаруженіи поддѣльщиковъ русскихъ (вырвано) ...хъ билетовъ и неоднократно былъ... (вырвано) въ Вѣну, Краковъ, Берлинъ, Бреславль, Данцигъ и Познань.

Въ 1876 году, отправившись въ Сербію, поступилъ добровольцемъ, занимая должность старшаго адъютанта Русско-Болгарской бригады, участвуя въ сраженіяхъ противъ турокъ, награжденъ золотою и серебряною медалью „За храбрость“ и военнымъ орденомъ „Такова“. По расформированіи бригады въ Румыніи, въ г. Плоешти, и по прибытіи въ этотъ городъ Главной Императорской квартиры, покойнымъ генераль-адъютантомъ Мезенцевымъ 1 іюня 1877 г. принять на службу въ качествѣ агента, исполнялъ эту должность по 1 января 1879 г. сперва въ Болгаріи, а потомъ въ Румыніи въ Бухарестѣ, въ распоряженіи генераль-адъютанта Дрентельна—въ теченіе службы былъ

командированъ въ секретныя и опасныя миссіи: въ Константинополь и въ венгерскія крѣпости—въ Кронштадтъ и Германштадтъ. Въ мартѣ мѣсяцѣ того года, получивъ Высочайшее помилованіе, возвратился на родину въ г. Варшаву, служа агентомъ при жандармскомъ округѣ, исполнявъ неоднократно секрет... (вырвано) за-границей, владея французскимъ, не... (вырвано) язы...

С.-Петербургъ, 30 марта 1883 г.

Владимирская, № 2 (подпись вырвана)“.

Въ помощь Круковскому Оржевскій предписалъ Плеве „пригласить на службу для завѣдыванія агентами центральной парижской агентуры французскаго гражданина *Александра Барлэ*, заключивъ съ нимъ контрактъ“. Барлэ получалъ 500 фр. жалованья въ мѣсяцъ и былъ подчиненъ Круковскому; въ вѣдѣніи Круковского находилось еще три французскихъ агента: *Бинтъ*, *Росси* и *Ріанъ*.

Въ это же время на полицейскомъ небосклонѣ начинаетъ всходить новая звѣзда—*Петръ Ивановичъ Рачковскій*. Въ январѣ 1884 г. Плеве командируетъ состоящаго въ распоряженіи Д-та Полиціи дворянина Рачковскаго за-границу для обнаруженія мѣстожителства жены *Сергѣя Дегаева*—убійцы *Судейкина* и для „установленія за нею, ея сношеніями и корреспонденціей тщательнаго, въ теченіе нѣкотораго времени, наблюденія“.

Интересны телеграммы одного изъ помощниковъ Плеве по Д-ту Полиціи *Семякина* за подписью „*Жоржъ*“, посланныя *Корвину-Круковскому* въ Парижъ по поводу этой командировки Рачковскаго. Обѣ телеграммы—шифрованные, первая написана по-французски, вторая по-русски.

Первая гласитъ слѣдующее: „Извѣстному Вамъ Рачковскому поручено специальное дѣло, о коемъ онъ Вамъ сообщить лично. Прошу Васъ предоставить въ его распоряженіе одного и въ случаѣ необходимости нѣсколькихъ агентовъ и, въ виду важности дѣла, оказать ему помощь и поддержку. Благоволите вручить ему въ копіи нижеслѣдующее“.

Другая телеграмма (французская): „Сестра *Сергѣя*, дѣвица, выѣзжаетъ за-границу. За ней ѣдетъ *Страковскій* съ

компаніей для личной передачи Вамъ. Ожидайте Парижъ и, по полученіи телеграммы, подписанной Федоръ, немедленно выѣзжайте съ Иваномъ въ назначенное мѣсто, передавъ наблюденіе, если уже начато по Парижу, Барлэ; неначатое временно оставьте. Телеграфируйте адресъ“.

Рачковскій, по свѣдѣніямъ, собраннымъ мной въ Петроградѣ за послѣдніе мѣсяцы, получилъ эту командировку, такъ какъ до этого служилъ въ Департ. Полиціи и былъ помощникомъ знаменитаго Судейкина, убитаго Дегаевымъ. Дегаевъ, какъ извѣстно, былъ въ сношеніяхъ съ Судейкинымъ и выдавалъ ему своихъ товарищей народовольцевъ; сносился Судейкинъ съ Дегаевымъ не только лично, но и при посредствѣ Рачковскаго. На эту командировку Рачковскому была отпущена крайне незначительная сумма, и ему приходилось самому слѣдить въ Парижѣ за революціонерами, но зато онъ завелъ парижскія знакомства, которыя впоследствии много помогли его удивительной карьерѣ. Между прочимъ, онъ знакомится въ это время съ Жюлемъ Гансеномъ, о которомъ рѣчь еще впереди...

„Должной высоты“ политическій сыскъ за-границей не достигъ и въ 1884 году, какъ то показываетъ докладная записка, поданная Д-ту Полиціи Семякинымъ 12 марта 1884 г. послѣ его заграничной командировки.

Приводимъ наиболѣе важныя данныя изъ этой крайне обстоятельной и интересной записки.

Семякинъ указываетъ, что наблюденіе за дѣятельностью эмигрантовъ за-границей осуществляется при помощи: 1) консуловъ въ Парижѣ, Вѣнѣ и Берлинѣ и вице-консула *Шафрова* въ Сулинѣ, 2) сношенія пограничныхъ жандармскихъ офицеровъ съ пограничными прусскими, австрійскими полицейскими властями, 3) Краковского полицейскаго комиссара Костржевскаго и 4) „корреспондентовъ“ Д-та Полиціи въ Бухарестѣ, Вѣнѣ, Женевѣ и Парижѣ.

Семякинъ даетъ слѣдующую характеристику всѣхъ этихъ учрежденій и лицъ:

1) Консулы въ Вѣнѣ и въ Берлинѣ, поддерживая оживленные сношенія съ Д-томъ, вполне обстоятельно испол-

няютъ всѣ требованія послѣдняго и сообщаютъ цѣнныя свѣдѣнія какъ о русскихъ подданныхъ, участвующихъ въ революціонной дѣятельности преступныхъ сообществъ въ Австріи и Германіи, такъ и о проявленіяхъ соціально-революціоннаго движенія вообще въ названныхъ государствахъ. Генеральный консулъ въ Парижѣ, не имѣя, повидимому, связей съ Парижской префектурой, ограничивается формальнымъ исполненіемъ требованій полиціи. Расходы всѣхъ трехъ консуловъ на секретныя надобности не превышаютъ 1¹/₂ тысячъ рублей въ годъ.

Вице-консулъ въ Сулинѣ *Шафировъ* доставляетъ свѣдѣнія неравномѣрно, и Д-тъ Полиціи даже не знаетъ личнаго состава, дѣятельности и сношеній эмигрантовъ въ Румыніи. По мнѣнію *Семякина*, командировка *Милевскаго* въ Бухарестъ исправить положеніе дѣла; но кромѣ того необходимо увеличить денежныя затраты на агентуру въ Румыніи—*Шафировъ* получаетъ всего на это дѣло 3.000 руб. въ годъ.

2) Сношенія пограничныхъ жандармскихъ офицеровъ съ сосѣдними прусскими и австрійскими полицейскими властями не дали до сего времени, по новизнѣ дѣла, ощутительныхъ результатовъ. Лишь сношенія капитана *Массона* съ Краковской полиціей приносятъ, по мнѣнію *Семякина*, значительную пользу для уясненія соціально- и національно-революціонныхъ происковъ галиційскихъ поляковъ. Майоромъ же *Дедиллемъ* (сношенія съ галиційскими властями) и нач. Подольской губ. жанд. упр. *Мазуромъ* *Семякинъ* недоволенъ, особенно послѣднимъ, такъ какъ „его экзальтированныя сообщенія представляются безсвязнымъ лепетомъ нервно разстроеннаго человѣка“. Впрочемъ, и расходъ на эти „международныя“ сношенія былъ крайне незначительный—300 руб. *Массону* и 90 руб. пособія *Мазуру*.

3) Несомнѣнное значеніе имѣютъ обстоятельныя и вполнѣ вѣрныя сообщенія *Костржевскаго*, но, къ сожалѣнію, меланхолично сообщаетъ *Семякинъ*, сношенія эти совершенно неоформлены и отсутствіе какого-либо вознагражденія за нихъ не дозволяетъ Д-ту „злоупотреблять любезностью

Костржевскаго“. Эта любезность была вскорѣ вознаграждена—комиссаръ Костржевскій получилъ орденъ Станислава 3-ьей степени.

4) „Корреспонденты“ Д-та:

Милевскій—человѣкъ добросовѣстный, исполнительный, получаетъ 150 руб., проситъ 200 руб. въ виду дороговизны жизни въ Бухарестѣ.

Стемковскій въ Вѣнѣ—вполнѣ бесполезенъ, пишетъ рѣдко, даетъ ложныя свѣдѣнія, повторяется, получаетъ 200 руб.

Гуринъ въ Женевѣ „несомнѣнно внутренній агентъ“, проницательно заявляетъ Семякинъ, „и находится въ сношеніяхъ съ видными представителями эмиграціи. Всѣ сообщенія Гурина до сего времени представляли интересъ и многія изъ нихъ подтвердились фактами. Судя по его частной перепискѣ съ Рачковскимъ, Гуринъ человѣкъ добросовѣстный и агентъ школы современной, на почвѣ „воздѣйствія“ и „компромиссовъ“, получаетъ 275 руб. съ разъѣздами“.

Корвинъ-Круковской и Бригада Барлэ. Семякинъ даетъ весьма лестный отзывъ о дѣятельности Барлэ, но совершенно уничтожающій о Корвинѣ-Круковскомъ, который, по его мнѣнію, „дѣломъ не интересуется, не понимаетъ его и даже не даетъ себѣ труда разбирать письма, доставляемыя ему Барлэ, заваливая всякимъ хламомъ Д-тѣ. Изъ 4.000 руб., отпускаемыхъ ежемѣсячно Круковскому, онъ получаетъ на свою долю не менѣе 1.500 руб., расписывая ихъ по разнымъ рубрикамъ отчета. Барлэ утверждаетъ, пишетъ Семякинъ, что для веденія всего дѣла въ Парижѣ достаточно 6.000 фр. въ мѣсяцъ (2.400 р.)“.

Изъ записки Семякина видно, что содержаніе всѣхъ агентовъ Д-та за-границей обходилось въ то время 58.080 руб. въ годъ.

Семякинъ не задается широкими преобразованіями Заграничной Агентуры, но все же предлагаетъ нѣкоторую внутреннюю реорганизацію, которая сводится въ существенномъ къ слѣдующему: увеличить суммы, отпускаемыя на шпионскую дѣятельность консуламъ, увеличить жалованье

Милевскому и предоставить въ распоряженіе австрійскаго комиссара въ Галиціи Костржевскаго 3.000 руб. ежегодно; что касается парижской и женевской агентуръ, то прежде всего Семякинъ предлагаетъ уволить Корвина-Круковского и замѣнить его *Рачковскимъ*, „какъ человекомъ довольно способнымъ и во многихъ отношеніяхъ соотвѣтствующимъ этому назначенію“. „Рачковскому можетъ быть назначено сверхъ получаемаго имъ содержанія въ 250 р. еще 250 руб. въ мѣсяцъ на разъѣзды въ Женеву и другія мѣста, телеграммы, почтовые и иные мелкіе расходы. Кромѣ сего, подчеркиваетъ Семякинъ, необходимо приобрѣсти въ Парижѣ изъ мѣстныхъ эмигрантовъ внутренняго агента, который находился бы въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ Рачковскимъ“.

Семякинъ предлагаетъ также предоставить Барлэ полную самостоятельность въ организаци и завѣдываніи французскими агентами внѣшняго наблюденія, а также и въ расходѣ ассигнованныхъ ему на эту агентуру 5.000 фр. въ мѣсяцъ; лишь контроль въ расходованіи этой суммы возлагается на Рачковскаго. Не забываетъ Семякинъ и самого себя, такъ какъ предлагаетъ ассигновать въ распоряженіе дѣлопроизводителя 3 дѣлопроизводства Д-та Полиціи, какую должность онъ занималъ въ это время, 1.500 р. ежегодно на экстренные и случайные расходы и на награды заграничнымъ агентамъ.

Къ этому дѣлопроизводству Семякинъ предлагаетъ присоединить иностранный отдѣлъ изъ 3-хъ чиновниковъ, который будетъ вѣдать не только сообщенія агентовъ, но и всѣ сообщенія пограничныхъ властей, сообщенія начальника Варшавскаго жанд. округа о сношеніяхъ польскихъ революціонеровъ съ Галиціей и Познанью, сообщенія консуловъ, какъ агентурнаго характера, такъ и о выдачѣ имъ паспортовъ русскимъ подданнымъ за-границей; кромѣ того, этотъ иностранный отдѣлъ долженъ „составить несуществующій донинѣ списокъ эмигрантовъ, регистрировать всѣхъ лицъ, состоящихъ подъ негласнымъ надзоромъ, выбывшихъ за-границу.. еженедѣльно представлять обзоръ наиболѣе выдаю-

щихся свѣдѣній, полученныхъ изъ поименованныхъ выше источниковъ и ежемѣсячно выпускать сборникъ свѣдѣній: а) о происходящихъ въ теченіе мѣсяца событіяхъ, б) о вновь установленныхъ адресахъ и сношеніяхъ эмигрантовъ какъ за-границей, такъ и съ лицами, въ Имперіи проживающими, в) о выбывшихъ за-границу поднадзорныхъ или бѣжавшихъ преступникахъ и задержанныхъ при возвращеніи, г) о вновь вышедшихъ за-границею революціонныхъ изданіяхъ на русскомъ языкѣ или имѣющихъ отношеніе къ Россіи“.

20 мая 1884 г. проектъ Семякина получилъ одобреніе директора Д-та Плеве и товарища министра Оржевскаго. Для ликвидаціи же Круковскаго въ Парижъ былъ посланъ въ концѣ марта 1885 г. Семякинъ, который и уладилъ дѣло, выдавъ Круковскому 10.000 фр. и взявъ расписку о неимѣніи претензій къ Д-ту Полиціи; Семякинъ же ввелъ *Рачковскаго* въ управленіе парижской и женеvской агентурой.

Корвинъ-Круковской не могъ такъ легко утѣшиться въ своемъ паденіи и уже 20 іюля 1884 г. обратился съ письмомъ къ Семякину, въ которомъ, жалуясь на свое тяжелое матеріальное положеніе, просилъ выдать ему за прежнія услуги пособіе въ размѣрѣ 3.000 фр., или хоть ссуду въ 1.000 фр., угрожая—въ случаѣ отказа—обратиться къ царю. вмѣстѣ съ тѣмъ Круковской указываетъ, что онъ, „несмотря на свое стѣсненное матеріальное положеніе, отклонилъ выгодныя для него предложенія нѣкоторыхъ французскихъ газетъ разоблачить въ рядѣ статей устройство русской полиціи въ Парижѣ“.

Все заставляетъ предполагать, что Круковской былъ удовлетворенъ и на этотъ разъ, такъ какъ угроза шантажемъ и разоблаченіями всегда оказывала магическое дѣйствіе на Д-тъ Полиціи.

Черезъ годъ парижская агентура снова подверглась нѣкоторымъ измѣненіямъ, благодаря докладу 8 мая 1885 г. *Дурново Оржевскому*, въ которомъ директоръ Д-та ссылается на данныя, доставленные надворнымъ совѣтникомъ *Зволян-*

скимъ (новый полицейскій герой), полученные послѣднимъ изъ личныхъ объясненій съ Рачковскимъ и Барлэ.

Изъ этого доклада видно, что у *Барлэ* было 6 французскихъ агентовъ, на которыхъ онъ тратилъ 1.560 фр. въ мѣсяць, что чиновнику парижской префектуры онъ платилъ 200 фр. ежемѣсячно, что у него было двѣ конспиративныхъ квартиры, на одной изъ которыхъ производилось „наблюденіе за корреспонденціей“, и что на консьержей, „по наблюденію за перепиской“, онъ расходовалъ 1.070 фр. ежемѣсячно. Траты самого Рачковского были значительно меньше, а именно отъ 1.200 до 1.500 фр. въ мѣсяць, при этомъ обращаютъ на себя вниманіе слѣдующіе расходы: на постоянную квартиру для наблюденія за Тихомировымъ, въ которой жилъ агентъ *Продеусъ* (бывшій околоточный надзиратель), тратилось 65 фр. ежемѣсячно; отъ 600 до 800 фр. въ мѣсяць уходило на „внутреннюю агентуру, временныя наблюдательныя квартиры, единовременныя выдачи консьержамъ, полицейскимъ чиновникамъ и другимъ за разныя свѣдѣнія, на оплату мелкихъ услугъ—извозчики, кафе и пр.“. Такимъ образомъ, получалась переиздержка, достигающая 500 фр. ежемѣсячно (Рачковскому отпускалось на расходы всего 1.000 фр.), которую Дурново объясняетъ „усиленной дѣятельностью по выясненію личностей *Сержіуса (Кайгера)* и *Славинскаго (Иванова)*, *Алексыя Николаевича (Тонконогова)* и по наблюденію за ними“, затѣмъ—расходами на устройство внутренней агентуры, на поѣздку агента изъ Швейцаріи въ Парижъ по вызову эмигранта Русанова (Кто это? В. А.) и др.

Все это заставляетъ Зволянскаго и Дурново склоняться къ тому, чтобы усилить ассигнованія *Рачковскому* за счетъ ассигнованій *Барлэ*, у котораго, какъ то выяснилъ Зволянскій, получается „ежемѣсячно довольно значительный остатокъ, обрашаемый имъ въ свою пользу“.

Всѣ предложенія Дурново получили утвержденіе Оржевскаго, и Рачковскому была отпущена въ его распоряженіе вторая тысяча фр. въ мѣсяць, которую отняли у *Барлэ*; съ гражданиномъ же *Барлэ* заключенъ былъ новый контрактъ до 1 іюня 1887 г.

Одновременно было заключено 8 мая 1885 г. условіе съ секретнымъ сотрудникомъ *Ландезеномъ* (онъ же *Гекельманъ*), который несомнѣнно являлся той секретной агентурой Рачковскаго, о которой упоминается въ докладѣ Дурново. Ландезенъ—будущій Гартингъ—новый герой русской полицейско-провокааторской эпопеи.

24 марта 1885 г. *С. Зволянскій* прислалъ изъ Парижа, гдѣ онъ находился въ служебной командировкѣ, на имя Семякина въ Д-тъ Полиціи телеграмму, въ которой говорится, что „субъектъ“ требуетъ за службу 1.000 фр. въ мѣсяцъ, не считая разъѣздныхъ, въ случаѣ разрыва—12.000 фр., можетъ войти въ сношеніе съ редакціей, „личность ловкая, неглупая, но сомнительная. Федоренко полагаетъ сношенія съ нимъ полезными, но цѣна высокая“.

На это послѣдовалъ 25 марта телеграфный отвѣтъ Дурново на имя Федоренко для Зволянскаго:

„Нахожу цѣну слишкомъ высокою. Можно предложить 300 руб. въ мѣсяцъ. Единовременныхъ выдачъ въ такомъ размѣрѣ допустить нельзя. Вознагражденіе вообще должно зависѣть отъ степени пользы оказанныхъ услугъ, которыя до сихъ поръ сомнительны. Прошу Васъ рѣшить вопросъ съ Ф., смотря по нуждѣ въ содѣйствіи подобной личности. Будьте осторожны относительно сохраненія особы Федоренко“... „Субъектомъ“ былъ Ландезенъ-Гекельманъ, въ слѣдствіи Гартингъ.

Послѣ этого съ Ландезеномъ было выработано слѣдующее соглашеніе:

„Бывшій агентъ Спб-го секретнаго отдѣленія, проживающій нынѣ въ Парижѣ подъ именемъ Ландезена, приглашенъ съ 1 сего мая къ продолженію своей дѣятельности за-границей и поставленъ въ непосредственныя отношенія съ лицомъ, завѣдывающимъ Агентурой въ Парижѣ. Соглашеніе съ Ландезеномъ, рассчитаннымъ Секретнымъ Отдѣленіемъ по 1 марта сего года, состоялось на слѣдующихъ условіяхъ:

1) съ 1 мая 1885 г. Ландезенъ получаетъ триста рублей или *семьсотъ пятьдесятъ франковъ* жалованья въ мѣсяцъ;

2) въ случаѣ поѣздокъ внѣ Парижа, предпринимаемыхъ въ видахъ пользы службы и по распоряженію лица, завѣдывающаго Заграничной Агентурой, Ландезену уплачиваются стоимость проѣзднаго билета и *десять франковъ* суточныхъ;

3) служба Ландезена считается съ 1 марта 1885 г., причемъ за мартъ и апрѣль ему уплачивается жалованье по старому расчету, т.-е. по двѣсти рублей въ мѣсяцъ, и, кромѣ того, возвращаются расходы по поѣздкѣ въ Парижъ въ размѣръ *ста* рублей;

4) въ случаѣ прекращенія сношеній съ Ландезеномъ, по причинамъ, отъ него независящимъ, онъ предупреждается заранее о таковомъ рѣшеніи и, сообразно съ его усердіемъ и значеніемъ оказанныхъ имъ услугъ, ему сохраняется въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ получаемое жалованье или производится единовременная выдача, и то, и другое по усмотрѣнію Д-та Полиціи...

Директоръ Департамента П. Дурново.

8 мая 1885 г.“.

На поляхъ написано: „Разрѣшаю“ П. Оржевскій, 8 мая.

Гекельманъ — студентъ Петербургскаго горнаго института—былъ „заагентуренъ“ въ началѣ 80-ыхъ годовъ, вѣроятно полковникомъ Секеринскимъ, начальникомъ Петербургскаго охраннаго отдѣленія; онъ „освѣщалъ“ своихъ товарищей-студентовъ, но вскорѣ былъ ими заподозрѣнъ и потому покинулъ Петербургъ, переѣхалъ въ Ригу, гдѣ и поступилъ въ число студентовъ мѣстнаго политехникума. Но и здѣсь Гекельману не повезло, онъ также быстро „провалился“ и принужденъ былъ въ 1884 г. уѣхать за-границу—въ Швейцарію, гдѣ и поступилъ въ Цюрихскій политехникумъ подъ фамиліей *Ландезенъ*. Подъ этой фамиліей онъ входитъ и въ эмигрантскую среду, которая въ началѣ встрѣчаетъ его несовсѣмъ доброжелательно. Несмотря на эти неудачные дебюты Гекельмана-Ландезена, Рачковскій прозрѣлъ въ начинающемъ провокаторѣ большой „талантъ“ и, какъ мы видимъ изъ приведеннаго выше пикантнаго контракта, сдѣлалъ его своимъ „секретнымъ сотрудникомъ“.

Провокаторъ *Гекельманъ-Ландезенъ* „работалъ“ за-границей, главнымъ образомъ, среди народовольцевъ. Для характеристики его провокаторской дѣятельности не безынтересно прочесть слѣдующую докладную записку *Зволянскаго*, представленную имъ директору Д-та Полиціи Дурново 6 октября 1886 г.:

„По свидѣтельству завѣдывающаго Агентурой, сотрудникъ Л. является для него вполне полезнымъ помощникомъ и работаетъ совершенно искренно. Самымъ важнымъ является, конечно, сожителство его съ *Бахомъ*¹⁾, съ которымъ у него установились весьма дружественныя отношенія. Кромѣ того, Л. поддерживаетъ личное знакомство и связь съ *Баранниковой*, *Сладковой*, *Лавровымъ* и *Паленомъ*, а бывая на квартирѣ у *Баранниковой*, видитъ и другихъ приходящихъ къ ней лицъ.—*Тихоміровъ* былъ нѣсколько разъ на квартирѣ *Баха* и Л., но у него Л. не бывалъ и приглашенія бывать пока не получалъ. Хотя *Бахъ* съ нимъ довольно откровененъ, въ особенности по вопросамъ внутренней жизни эмиграціи, но нѣкоторая сдержанность по отношенію къ Л. со стороны прочихъ эмигрантовъ еще замѣтна: специально политическихъ вопросовъ и споровъ съ нимъ не ведутъ и совѣтовъ не спрашиваютъ, но, впрочемъ, присутствія его не избѣгаютъ, а если онъ находится въ комнатѣ, то говорятъ про дѣла, не стѣсняясь. Такое положеніе Л., достигнутое благодаря постоянному, вполне разумному руководству его завѣдывающимъ Агентурой, представляетъ, конечно, значительный успѣхъ по сравненію съ тѣмъ подозрительнымъ приѣмомъ, который былъ оказанъ Л. въ прошломъ году при его приѣздѣ. При продолженіи дѣла въ томъ же духѣ, несомнѣнно Л. удастся приобрѣсти большее довѣріе и болѣе близкія отношенія и онъ будетъ играть роль весьма для насъ цѣнную, если, конечно, какой-нибудь несчастный случай не откроетъ эмиграціи глаза на прошлое Л.

¹⁾ *Бахъ*—народоволець, а впоследствии—одна изъ центральныхъ фигуръ партіи социалистовъ-революціонеровъ, почти безвыѣздно жилъ все время, начиная съ 80-хъ годовъ, за-границей.

Связь *Л.* съ эмиграціей поддерживается еще и денежными отношеніями. *Бахъ* почти совершенно живетъ на его счетъ, и другіе эмигранты весьма часто занимаютъ у него небольшія суммы, отъ 50 до 150, 200 фр... Приѣмъ этотъ для поддерживанія отношеній является вполнѣ удачнымъ, но, конечно, въ этомъ отношеніи должны быть соблюдены извѣстныя границы относительно размѣра ссудъ, что мною и разъяснено *Л.*, впрочемъ, большихъ денегъ у него на это и нѣтъ.—Такъ какъ на возвращеніе денегъ, одолженныхъ *Л.*, въ большинствѣ случаевъ нельзя рассчитывать, и ему по-этому самому приходится занимать, то завѣдывающимъ Аген-турой ассигновано на этотъ предметъ изъ агентурныхъ де-негъ 100 фр. ежемѣсячно. Сумма эта, по мнѣнію к. р. *Рач-ковскаго*, слишкомъ мала, и можно было бы съ большою пользою для дѣла, увеличить таковую до 250 фр. въ мѣ-сяць, объ отпускѣ коихъ, въ случаѣ согласія, и ходатайствуетъ *г. Рачковскій*, такъ какъ изъ агентурныхъ денегъ, за массой другихъ расходовъ, нѣтъ возможности дѣлать эти выдачи.

Раньше *Л.* и *Бахъ* жили въ меблированной комнатѣ, что было весьма неудобно для сношеній, поэтому признано было необходимымъ нанять отдѣльную квартиру. Расчетъ оказался правильнымъ, такъ какъ квартиру посѣщаютъ уже многіе эмигранты. Покупка мебели и устройство квартиры стоили *Л.* 900 фр., которые онъ занялъ у *Рачковскаго*. Рас-ходъ этотъ былъ неизбеженъ, такъ какъ, по существующему обычаю парижскихъ домохозяевъ, нельзя нанять квартиру, не имѣя обстановки, обезпечивающей годовую квартирную плату.

Деньги эти подлежатъ возвращенію г-ну *Рачковскому*, такъ какъ расходъ этотъ долженъ быть принятъ *Д-мъ* за свой счетъ.

Надворный совѣтникъ С. Зволянскій.

6 октября 1886 г.“.

Резолюція: „Г. товарищъ министра изволилъ разрѣшить уплату 900 фр.“.

Дир. Дурново“.

Гекельманъ-Ландезенъ не удовлетворялся однимъ „освѣ-щеніемъ“ своихъ друзей-революціонеровъ, онъ былъ также несомнѣнно и злостный провокаторъ: благодаря ему была

организована, а затѣмъ и ликвидирована въ Парижѣ мастерская бомбъ, причемъ пострадали (тюремное заключеніе или высылка) многіе русскіе революціонеры - народовольцы; къ этому эпизоду мы еще вернемся.

Г Л А В А П.

Блестящая организація Рачковскимъ за-границей „наружнаго“ и „внутренняго“ наблюденій за революціонерами.—Разгромъ Рачковскимъ народовольческой типографіи въ Женевѣ. — Побѣда его надъ Л. Тихомировымъ.—Укрѣпленіе связей съ иностранными полиціями и воздѣйствіе на иностранную прессу —Провокація съ лабораторіей бомбъ въ Парижѣ.—Провокаторъ Гекельманъ Ландезенъ скрывается въ Бельгію.—Организація Рачковскимъ галиційской агентуры и постановка во главѣ ея провокатора М. Гуровича.—Организація Рачковскимъ берлинской агентуры и постановка во главѣ ея провокатора Ландезена, переименованнаго въ инженера Аркадія Гартинга.—Карьера Гекельмана-Ландезена-Гартинга.—Политическая дѣятельность Рачковского: его роль въ подготовленіи Франко-Русскаго союза, его попытки вліять на папскую политику, его тайственная отставка въ 1902 г.

Какъ ни довѣряли высшіе чины Д-та Полиціи своему любимцу Рачковскому, все же они не упускали случая лично провѣрять его дѣятельность; этимъ отчасти объясняются частыя командировки ихъ за-границу. Послѣ одной изъ такихъ заграничныхъ поѣздокъ надворный совѣтникъ *Зволянскій* представляетъ 6 октября 1886 года директору Д-та слѣдующій докладъ:

„Естественно развиваясь съ каждымъ годомъ, благодаря установленію новыхъ связей и изысканію лучшихъ способовъ наблюденія, а также пріѣзду новыхъ личностей, агентурное дѣло за-границей вмѣстѣ съ тѣмъ требуетъ постоянно и большихъ расходовъ. За послѣднее время особое увеличеніе расходовъ произошло отъ слѣдующихъ причинъ: перлюстрація писемъ дѣлается все дороже и дороже, такъ какъ, съ одной стороны, устанавливается за большимъ количествомъ лицъ, а, съ другой стороны, консьержи и почтальоны постоянно увеличиваютъ свои требованія и, во избѣжаніе могущаго произойти скандала, нѣтъ возможности имъ въ этомъ отказать. Перлюстрація же является безусловно необходимой и оправдывается получаемыми результатами.

Переездъ *Тихомірова* въ *Raincy* значительно также увеличилъ расходы по наблюденію: наемъ особаго агента-француза, поѣздки постоянныя наблюдательныхъ агентовъ, суточные имъ и т. д. увеличили расходъ до 900 фр. въ мѣсяцъ. Квартира, служившая для наблюденія за *Тихоміровымъ* въ Парижѣ, осталась, такъ какъ изъ нея производится теперь наблюденіе за *Ясевичемъ* и *Бородаевской*, переселившимися на *Avenue Reille*, гдѣ раньше жилъ *Тихоміровъ*. Квартира же на бульварѣ *Араго*, противъ которой жилъ раньше *Ясевичъ*, не могла быть оставлена, ибо вполне пригодна, благодаря своему мѣстоположенію, для другихъ цѣлей и, кромѣ того, существуютъ условія съ домохозяевами.

Спеціальное наблюденіе за *Чернявской* въ Женевѣ и содержаніе (суточные, двѣ квартиры) агентовъ *Милевского* и *Бинта* обходится больше 1.000 фр. въ мѣсяцъ.

Устройство контръ-наблюденія со стороны эмиграціи вызвало необходимость найма нѣсколькихъ (хотя и дешевыхъ) подставныхъ агентовъ, для введенія въ заблужденіе контръ-наблюдателей“.

Въ этомъ же докладѣ *Зволянскій* подчеркиваетъ несовершенное положеніе политическаго сыска въ Швейцаріи, гдѣ у завѣдывающаго Агентурой нѣтъ филеровъ. „Находящіеся нынѣ въ Женевѣ агенты *Милевскій* и *Бинтъ* спеціально заняты наблюденіемъ за *Галиной-Чернявской* и за работами въ народовольческой типографіи“. Затѣмъ *Зволянскій* указываетъ, что, „такъ какъ большая часть переписки эмигрантовъ съ Россіей идетъ именно черезъ Швейцарію, вопросъ о перлюстраціи пріобрѣтаетъ особенно важное значеніе и устройство таковой несомнѣнно дастъ результаты“.

Для реорганизаціи политической агентуры въ Швейцаріи *Зволянскій* предлагаетъ командировать на 2—3 мѣсяца завѣдывающаго парижской агентурой *Рачковского*. Въ этомъ же докладѣ *Зволянскій*, вознося до небесъ дѣятельность *Рачковского*, проситъ д-тъ не утруждать послѣдняго требованіемъ частыхъ письменныхъ рапортовъ и заканчиваетъ

свой докладъ слѣдующими словами: „Съ полной справедливостью причисляя Заграничную Агентуру къ числу самыхъ лучшихъ (если не лучшая) русскихъ политическихъ агентуръ, заслуга организаціи которой всецѣло принадлежитъ г. Рачковскому, я считаю нравственной своей обязанностью представить вниманію В. П-ва служебную дѣятельность названнаго чиновника и просить благосклоннаго ходатайства В. П-ва о предоставленіи г. Рачковскому почетной награды, которая несомнѣнно побудитъ его заняться порученнымъ ему дѣломъ еще съ бѣльшими рвеніемъ и усердіемъ. За время службы въ Д-тѣ г. Рачковскій наградъ не получалъ, а производство въ чинъ коллежскаго регистратора едва ли можно считать поощреніемъ для лица, состоящаго около 15 лѣтъ на службѣ“.

Предложенія Зволянскаго были удовлетворены съ молниеносной быстротой: уже 9 октября 1886 г., всего черезъ 3 дня послѣ представленія доклада Зволянскимъ, Дурново пишетъ Рачковскому, что „въ виду успѣшной дѣятельности парижской агентуры, особенно проявившейся въ обнаруженіи посредствомъ искусныхъ агентурныхъ дѣйствій мѣстопробыванія *Макаревскаго*, разрѣшено: 1) уплатить долгъ Рачковскаго въ 3.000 фр. безвозвратно, 2) выдать *Л.* (несомнѣнно *Ландезену*. В. Аг.) 900 фр. на устройство квартиры, 3) отпускать съ 1 ноября на агентурные расходы ежемѣсячно по 3.000 фр. вмѣсто 2.000 фр., 4) выдать единовременно на экстраординарные расходы 3.000 фр.

Въ этомъ письмѣ Дурново очень озабоченъ сохраненіемъ въ цѣлости *Л.* (Ландезена) въ связи съ вопросомъ объ ассигнованіи послѣднему 250 фр. ежемѣсячно на ссуды товарищамъ. Дурново пишетъ Рачковскому: „не могутъ ли безвозвратныя траты *Л.* такой суммы возбудить какія-либо подозрѣнія въ эмигрантахъ и компрометировать его положеніе, едва возстановленное путемъ сложныхъ комбинацій съ Вашей стороны, и не будетъ ли осторожнѣе съ Вашей стороны ограничить эти ссуды суммой, не превышающей 100 фр., которые Вы можете ему выдавать изъ увеличенной нынѣ агентурной суммы“.

Парижскія дѣла не отнимали всего времени у Рачковскаго, онъ усиленно „работалъ“ и въ своихъ „провинціяхъ“ и прежде всего въ Швейцаріи. Здѣсь вниманіе его было сосредоточено, главнымъ образомъ, на народовольческой типографіи въ Женевѣ, которая, по его мнѣнію, „составляла до сихъ поръ главную основу революціонной дѣятельности заграничнаго отдѣла „Народной Воли“ и которую поэтому онъ рѣшилъ уничтожить. Рачковскимъ былъ детально разработанъ планъ этого разбойнаго предпріятія и его вѣрные помощники *Гуринъ*, *Милевскій*, *Бинтъ* и какой-то швейцарскій гражданинъ „въ ночь съ 20-го на 21-е ноября 1886 г. привели этотъ планъ въ исполненіе“. Женевская народовольческая типографія была разгромлена на-чисто; налетчиками было истреблено: шесть листовъ (по 1.000 экз. каждый) готовившейся къ выходу 5-ой книжки „Вѣстника Народной Воли“, Календарь „Народной Воли“, третья и четвертая части второй книжки „Вѣстника“, сочиненія Герцена, брошюра Л. Тихомирова—„На родинѣ“, „Набатъ“ и другія изданія „Народной Воли“—всего до 6.000 экземпляровъ; кромѣ того, былъ разсыпанъ текущій наборъ журнала и разбросано по улицамъ Женевы около 6 пудовъ шрифта.

Директоръ Д-та Полиціи *И. Н. Дурново* былъ чрезвычайно гордъ этой побѣдой надъ заграничной крамолой, министръ внутр. дѣлъ графъ Толстой тоже былъ чрезвычайно доволенъ и счелъ своимъ вѣрноподданническимъ долгомъ доложить о подвигѣ Рачковскаго и его сотрудниковъ царю. 6 декабря 1886 г. Рачковскому было сообщено, что ему Высочайше пожалованъ орденъ Св. Анны 3-ей степени, а самъ онъ произведенъ въ чинъ губернскаго секретаря, а дворянину Владиславу *Милевскому* пожалованъ чинъ коллежскаго регистратора, кромѣ того товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ, „признавая дѣятельность парижской агентуры заслуживающей полного одобренія и поощренія“, назначилъ большія денежныя награды всѣмъ служащимъ агентуры, а именно Рачковскому 5.000 фр., сотруднику въ Женевѣ (*Гурину. В. А.*) 3.000 фр., *Милевскому* 1.500 фр., *Бинту* 1.500 фр., сотруднику *Л.* (несомнѣнно *Ландезену*) 500 фр., *Барлэ* 500 фр.

и филерамъ — *Pianu*, котораго Рачковскій аттестуетъ — „единственный, къ сожалѣнію, способный и въ высшей степени добросовѣстный агентъ французской организаціи“, 500 фр., *Продеусу*, *Козину* и *Петрову* по 300 фр., *Мельцеру* 250 фр., *Росси*, *Амали* и *Лазару* по 200 фр...

Народовольческая типографія въ Женевѣ скоро возродилась, но Рачковскій не задумался произвести на нее новый налетъ и уничтожить до-тла и отпечатанные листы, и книги, и все шрифты. Въ набѣгѣ участвовали „французскій“ гражданинъ *Бинтъ*, „швейцарскій гражданинъ“ (тотъ же, что и въ первый разъ) и наблюдательный агентъ. За новый подвигъ Бинтъ получилъ 500 фр. и золотую медаль на станиславской лентѣ, а „швейцарскій гражданинъ“ всего лишь—600 фр.

Эти „героическія“ выступленія Рачковскаго не убивали въ немъ все жъ и „политика“.

Не безынтересно отмѣтить, напримѣръ, что еще въ 1886 г. *Рачковскій*, донося Д-ту о скоромъ пріѣздѣ въ Петербургъ генеральнаго парижскаго консула Карцева, который долженъ былъ, между прочимъ, ходатайствовать о награжденіи нѣкоторыхъ членовъ парижской префектуры съ префектомъ *Гроньономъ* во главѣ, поддерживаетъ это ходатайство слѣдующимъ образомъ: „при успѣшности названнаго ходатайства наши политическія отношенія съ мѣстной префектурой, какъ первенствующимъ полицейскимъ учрежденіемъ въ Парижѣ, несомѣнно, должны стать на вполне прочныя основанія, укрѣпивши за мною возможность дѣйствовать безъ всякихъ внѣшнихъ стѣсненій со стороны г. Гроньона и его подчиненныхъ, а также и пользоваться ихъ прямыми (хотя, конечно, негласными) услугами во всѣхъ потребныхъ случаяхъ“.

Вообще положеніе Рачковскаго настолько укрѣпилось, что въ 1887 г. (7 марта) Дурново самъ предлагаетъ Рачковскому не возобновлять контракта съ Барлэ, а взять организацію и внѣшней агентуры вполне въ свои руки.

Отвѣчая на это предложеніе, Рачковскій сообщаетъ Дурново, что Барлэ уже три года фактически устраненъ отъ агентурнаго дѣла, но что, удаляя его совершенно, необхо-

Димо, во избѣжаніе различныхъ непріятностей, назначить ему пенсію въ 3.000 фр. въ годъ; большинство же агентовъ Барла Рачковскій предлагаетъ отпустить за полной ихъ негодностью. Послѣ этой реформы, „парижская внѣшняя агентура принимаетъ слѣдующій видъ: завѣдующій наружной агентурой колл. рег. *Милевскій*, 4 русскихъ агента—*Продусъ*, *Козинъ*, *Петровъ* и *Мельцеръ* съ прежнимъ содержаніемъ, 4 французскихъ агента съ содержаніемъ—*Ріанъ* и *Бинтъ* по 400 фр., *Дюгэ* и *Довъ* по 250 фр.; пенсія Барла, расходы французскихъ агентовъ, консьержъ въ домѣ *Юрьевской*—все эти издержки, говоритъ Рачковскій, не будутъ превышать 1.500 фр. въ мѣсяцъ“.

Предложенія Рачковского были приняты, контрактъ съ Барломъ возобновлялся, причемъ ему была назначена пенсія въ первый годъ—6.000 фр., а затѣмъ по 3.000 фр.

1 октября 1887 г. осуществилась и другая „мечта“ Рачковскаго: ему начали отпускать ежемесячно 2.000 фр. на содержаніе и устройство агентуры въ Швейцаріи, и въ апрѣлѣ 1888 г. Рачковскій представилъ въ Д-тѣ вѣдомость въ 19 фр. 20 сант. расходовъ съ перваго іюля 1887 г. по 1-е апрѣля 1888 г. на наружное наблюдение въ Цюрихѣ проживающими тамъ революціонерами и на поѣздку агента за *Ясевичемъ* до задержанія послѣдняго въ Вѣнѣ. Ихское наблюдение имѣло главной своей цѣлью обнаруженіе мѣстопробываніе *Говорухина* и *Рудевича*.

Но главныя силы изобрѣтательнаго ума Рачковского въ то время (вторая половина 80-хъ годовъ) были направлены на борьбу съ Львомъ Тихоміровымъ. Въ настоящій моментъ моихъ рукахъ нѣтъ еще достаточно данныхъ, чтобы вполне описать всѣ фазы этой борьбы, но,—насколько я и теперь могу судить о ней на основаніи какъ документовъ, такъ и бесѣдъ съ нѣкоторыми компетентными лицами,—въ знаменитомъ, надѣлавшемъ столько шума, превращеніи терриста-народовольца Льва Тихомірова въ крайняго монархиста и царскаго вѣрнопопданнаго—сыграли нѣкоторую роль езуитскія подпольныя махинаціи Рачковского. Нѣкоторые изъ моихъ собесѣдниковъ даже уверяли меня, что въ по-

слѣднемъ актѣ этой несомнѣнной драмы происходили даже личные свиданія Тихомірова съ Рачковскимъ.

Такимъ образомъ расло могущество, а также и денежные ресурсы Рачковскаго, такъ какъ всѣ его „смѣтныя экономіи“ приводили въ концѣ концовъ все же къ значительному увеличенію расходовъ Заграничной Агентуры, и мы видимъ, что на январь и февраль 1887 г. въ его распоряженіе ассигновано 20.050 ф.; но и этихъ суммъ ему оказывалось недостаточно и онъ входилъ въ долги, которые чрезвычайно умѣло заставлялъ выплачивать Д-тъ Полиціи. Приводимъ здѣсь весьма характерное письмо *Рачковскаго* къ *П. Н. Дурново* отъ 4—16 ноября 1888 г.:

„Вашему Превосходительству благоугодно было истребовать отъ меня свѣдѣнія, во что обошлась мнѣ конспирація съ Тихоміровымъ. Позволяю себѣ изложить дѣло съ полной откровенностью, на которую вызываетъ меня милостивое гребованіе Вашего Превосходительства.

Послѣ уничтоженія народовольческой типографіи, эмигранты рѣшили поднять тревогу въ иностранной печати и воспользоваться означеннымъ случаемъ, чтобы выступить передъ Европой съ ожесточенными нападками на Русское правительство. Зная о таковомъ намѣреніи, я рѣшилъ не только противодѣйствовать ему, но, вмѣстѣ съ симъ, и деморализовать эмиграцію помощью той же печати, на которую революціонеры возлагали столько надеждъ. Между прочимъ, благодаря г. *Гансену*, о которомъ я уже имѣлъ честь докладывать Вашему Превосходительству, результаты оказались самые блестящіе: получая отповѣдь на каждую свою замѣтку въ нѣсколькихъ органахъ радикальной парижской печати, эмигранты скоро вынуждены были замолчать и все дѣло кончилось лишь тѣмъ, что созданный Тихоміровымъ въ Парижѣ террористическій кружокъ потерялъ свой исключительный престижъ, а самая эмиграція оказалась опозоренной.

Однако, не считая себя вправѣ беспокоить Ваше П-во относительно г. *Гансена*, я благодарилъ его изъ своихъ личныхъ средствъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, для меня явилась оче-

видная необходимость въ такомъ лицѣ, которое имѣло бы доступъ въ разнородные органы мѣстной печати. Необходимость эта выступала тѣмъ болѣе, что Заграничная Аген-тура, по самой своей сущности, не можетъ пользоваться тѣми способами дѣйствій, которые безъ всякихъ затруд-неній практикуютъ въ Россіи... Г. Гансенъ отвѣчалъ всѣмъ нужнымъ требованіямъ, и я счелъ за лучшее поставить его въ обязательныя отношенія къ себѣ, для осуществленія тѣхъ агентурныхъ цѣлей, которыя, по мѣстнымъ условіямъ, являлись достижимыми только помощью печати. Такимъ об-разомъ, и не доводя до свѣдѣнія Вашего П-ва о щекотли-вомъ денежномъ вопросѣ, я въ теченіе двухъ лѣтъ пла-тилъ г. Гансену, сокращая свои личные потребности и даже войдя въ долги, ежемѣсячно отъ 300 до 400 фр.

Затѣмъ ходъ борьбы съ *Тихоміровымъ* создалъ необхо-димость въ брошюрѣ, гдѣ подъ видомъ „*исповѣди ниги-листа*“ разоблачались бы кружковыя тайны и темныя сто-роны эмигрантской жизни, тщательно скрывавшіяся отъ по-стороннихъ. Г. Гансенъ, выправивши французскій стиль бро-шюры, отыскалъ для изданія фирму, а самое напечатаніе брошюры обошлось мнѣ въ 200 фр.

Наконецъ, на отпечатаніе двухъ протестовъ противъ *Тихомірова* мною дано было изъ личныхъ средствъ 300 фр., а на брошюру *Тихомірова* „*Почему я пересталъ быть ре-волюціонеромъ*“ доставлено было моимъ сотрудникомъ Л. и вручено Тихомірову тоже 300 фр. Всѣ же остальные рас-ходы происходили въ предѣлахъ отпускаемыхъ мнѣ аген-турныхъ средствъ.

Взявши на себя смѣлость доложить обо всемъ этомъ, я имѣлъ въ виду единственно исполнить приказаніе В. П-ва и никогда не дерзнулъ бы самостоятельно выступить съ исчисленіемъ расходовъ, понесенныхъ мною лично и безъ предварительнаго разрѣшенія, по конспираціямъ съ *Тихо-міровымъ* и его кружкомъ.

Примите, В. П-во, увѣренія въ моемъ глубокомъ почтеніи и безпредѣльной преданности.

Вашего П-ва покорнѣйшій слуга П. Рачковскій“.

Жюль Гансенъ, о которомъ мы уже упоминали, родомъ датчанинъ, принялъ французское подданство и игралъ значительную роль въ политическихъ и газетныхъ кругахъ Парижа: онъ былъ совѣтникомъ франц. министерства иностр. дѣлъ и постояннымъ сотрудникомъ многихъ парижскихъ газетъ, состоялъ онъ также корреспондентомъ петроградскихъ „Новостей“ Нотовича. Очень вѣроятно, что въ „Новости“ его устроилъ Рачковскій, который тоже когда-то, въ началѣ своей карьеры, посылалъ корреспонденціи Нотовичу изъ Архангельска.

Жюль Гансенъ былъ очень близокъ съ русскимъ посломъ въ Парижѣ бар. Моренгейномъ, съ которымъ познакомился еще въ Копенгагенѣ, гдѣ Моренгейнъ былъ раньше посланникомъ.

Сообщаемъ эти свѣдѣнія, такъ какъ они проливаютъ свѣтъ на нѣкоторые моменты зарожденія Франко-Русскаго союза. Гансенъ и Рачковскій играли значительную закулисную роль въ заключеніи этого союза. Въ началѣ 900-хъ годовъ Гансенъ выпустилъ даже книгу о первыхъ шагахъ творцовъ алліанса...

Дурново вполне согласился съ доводами Рачковскаго и представилъ товарищу министра внутр. дѣлъ докладъ, въ которомъ, излагая заслуги Рачковскаго, проситъ выдать ему 9.200 фр. въ вознагражденіе понесенныхъ имъ расходовъ, но товарищъ министра оказался болѣе скупымъ и менѣе благосклоннымъ и разрѣшилъ выдать лишь 7.000 фр. Рачковскій немедленно же воспользовался этимъ и обратился въ Д-тъ съ новымъ ходатайствомъ о выдачѣ соответственныхъ пособій его доблестнымъ помощникамъ, которые, по его словамъ, „при различныхъ фазисахъ борьбы съ Тихомировскими организаціями, особенно внутренніе агенты, руководимые сознаніемъ долга, выказали такъ много энергіи, герпѣнія и выдержки“.

Въ отвѣтъ на это ходатайство, Дурново прислалъ Рачковскому телеграмму отъ 16 декабря 1888 г.: „Можете представить списки денежныхъ и почетныхъ наградъ, обозначивъ время полученія послѣднихъ“.

Начальство недаромъ любило и награждало Рачковскаго; онъ проявлялъ поистинѣ изумительную энергію и своеобразную талантливость въ организаціи заграничнаго политическаго сыска. По мѣрѣ развитія революціоннаго движенія и колоссальнаго роста заграничной эмиграціи развивалась и дѣятельность Рачковскаго и расла его мощь: всѣ революціонныя заграничныя группы, всѣ выдающіеся эмигранты—Плехановъ, Кашинцевъ, Лурья, Алисовъ, Кропоткинъ, Лопатинъ, Лавровъ, Сущинскій, Бурцевъ и др.—были окутаны паутиной какъ внутренняго, такъ и внѣшняго наблюденія.

Разгромъ народовольческой типографіи въ Женевѣ положилъ начало поли ейской карьерѣ Рачковскаго, побѣда надъ Тихомировымъ создала незыблемое служебное положеніе ловкому организатору борьбы съ революціонерами, но только знаменитое дѣло съ мастерской бомбъ въ Парижѣ открыло Рачковскому пути къ несомнѣнному, хотя и закулискому, вліянію на внѣшнюю политику Россійской имперіи.

Одной изъ задачъ, которую поставилъ Рачковскій Ландезену — было сблизиться съ эмигрантами террористическаго настроенія—съ Накашидзе, Кашинцевымъ, Тепловымъ, Степановымъ, Рейнштейномъ и др.—и вовлечь ихъ въ какое-нибудь террористическое предпріятіе. На одномъ изъ интимныхъ собраній Ландезенъ подалъ мысль объ организаціи убійства Александра III и о приготовленіи для этого акта бомбъ въ Парижѣ. Когда поднялся вопросъ о необходимыхъ для этого деньгахъ, то тотъ же Ландезенъ вызвался достать нужную сумму у своего богатаго дядюшки—и досталъ... конечно, у Рачковскаго. Была устроена мастерская бомбъ, и Ландезенъ даже начиналъ нѣкоторыя изъ нихъ и принималъ участіе въ испытаніяхъ ихъ взрывной силы, производившихся въ лѣсу Raincy, въ окрестностяхъ Парижа. Послѣ опытовъ многіе члены кружка должны были ѣхать въ Россію организовать самое покушеніе на Александра III. Ландезенъ долженъ былъ уѣхать однимъ изъ первыхъ, но за два дня до отъѣзда онъ въ видахъ конспираціи перемѣнилъ свою парижскую квартиру.

Рачковскій слѣдилъ шагъ за шагомъ за всей группой террористовъ какъ черезъ Ландезена, такъ и при помощи

внѣшняго наблюденія (Милевскій). Въ то же время, при посредствѣ Жюля Гансена, онъ держалъ въ курсѣ этого дѣла, конечно, скрывая провокацію Ландезена, французскихъ министровъ — иностранныхъ дѣлъ Флуранса и внутр. дѣлъ Констанана. Послѣ нѣкоторыхъ колебаній Констанъ далъ приказъ объ арестѣ заговорщиковъ. Всѣ были арестованы, кромѣ Ландезена, который скрылся, но въ теченіе двухъ мѣсяцевъ продолжалъ жить въ Парижѣ.

Произошелъ сенсационный процессъ (1890 г.); русскіе революціонеры были присуждены — нѣкоторые къ тюремному заключенію, почти всѣ къ высылкѣ изъ предѣловъ Франціи; Ландезенъ, какъ „подстрекатель“, былъ приговоренъ къ пяти годамъ тюрьмы. Но провокаторъ былъ уже внѣ предѣловъ досягаемости — въ Бельгіи; мы еще не разъ встрѣтимся съ нимъ.

Этотъ суровый приговоръ надъ русскими революціонерами размягчилъ сердце Александра III по отношенію къ правительству Французской республики, онъ началъ гораздо благосклоннѣе относиться къ идеѣ о союзѣ съ Франціей, и переговоры пошли быстрымъ темпомъ. Во время этого закулиснаго дѣйствія Рачковскій нашелъ, конечно, пути сблизиться съ французскими политическими дѣятелями; къ этой эпохѣ и относится начало его дружбы съ Делькассэ, а впоследствии и съ самимъ презид. Лубэ. Воздѣйствіе Рачковского на представителей русской власти носило иной характеръ. Рачковскій былъ тонкимъ знатокомъ Парижа и незамѣнимымъ чичероне по его таинственнымъ, но веселымъ учрежденіямъ...

Среди занятій „высшей политикой“ Рачковскій все же не забывалъ и своего прямого, ближайшаго дѣла — политическаго сыска и освѣщенія дѣятельности русскихъ революціонеровъ за-границей: совершенствуется внѣшнее наблюденіе, появляются новые секретные сотрудники. Среди послѣднихъ послѣ Ландезена начинаетъ играть съ 1892 г. значительную, но далеко еще невыясненную роль *Левъ Бейтнеръ*, въ началѣ жившій въ Швейцаріи, а потомъ въ 900-хъ годахъ развѣзжавшій по Европѣ и Россіи. Въ это время въ глазахъ полицейскаго начальства пріобрѣтаетъ большое значеніе В. Л. Бурцевъ,

какъ пламенный проповѣдникъ террористической борьбы съ царизмомъ.

„В. Бурцевъ, пишетъ въ „Минувшемъ“ извѣстный разоблачитель Меншиковъ, въ качествѣ адепта террора былъ подѣ усиленнымъ наблюденіемъ Заграничной Агентуры. Рачковскій зналъ, какъ Бурцевъ, въ разговорахъ (съ кѣмъ? В. А.) объяснялъ“ тайную цѣль изданія „Былого“, что онъ говорилъ о Панкратьевѣ, кого рекомендовалъ въ Россіи. Корректуры изданій Бурцева препровождались въ Д-тъ Полиціи вмѣстѣ съ письмами: отъ него—подлинными и въ копіяхъ—и къ нему. Связи Бурцева Агентурѣ были болѣе или менѣе извѣстны; въ особенности обращалось вниманіе на его знакомыхъ изъ числа пріѣзжей молодежи, которые по возвращеніи на родину подвергались наблюденію и преслѣдованію (Лебедева, Ослопова, Замятинъ, Менкесъ, Краковъ, Мальцева, Пальчинская, выѣхавшая въ Россію подѣ присмотромъ филеровъ, и др.).

Въ разсматриваемый періодъ (1900—1912) Бурцевъ былъ подѣ перекрестнымъ огнемъ агентуры: съ одной стороны Бейтнеръ, пользовавшійся его довѣріемъ, съ другой—Панкратьевъ, давнишній его знакомый. Нельзя ручаться, что не было и третьяго освѣдомителя—не напрасно Рачковскій хвастливо докладывалъ, что относительно народовольцевъ въ Парижѣ и въ Лондонѣ имѣ приняты мѣры, „обезпечивающія отъ всякихъ неожиданностей“, и что дѣятельность народовольцевъ ему была „въ точности извѣстна“. Петръ Эммануиловичъ Панкратьевъ, получавшій отъ Бурцева транспорты „Народовольца“, „руководившій революціонной дѣятельностью Лебедевой“, рекомендовавшій эмигрантамъ осторожность, былъ агентомъ Петербургскаго охраннаго отдѣленія, о чемъ Рачковскій не зналъ“ ¹⁾).

¹⁾ Александра Ивановна *Лебедева* (она же Лукьянова), характеризовавшая *Панкратьева*: „славный человекъ, умный, опытный, но уравновѣшенный“, была предана послѣднимъ; ее арестовали весной 1901 г., вмѣстѣ съ Олимпіадой Марковной *Мальцевой* и Алексѣемъ Николаевичемъ *Хавскимъ* (Ланцевичемъ)—талантливымъ, начинающимъ поэтомъ; послѣдній и вышедшая за него за-

Въ Департаментѣ Полиціи всѣ остерегались другъ друга, никто никому не довѣрялъ и потому часто случалось, что завѣдующій Заграничной Агентурой не зналъ, что рядомъ съ его собственными „провокаторами“ работаютъ и секретные сотрудники Д-та Полиціи и Петербургскаго или какого-нибудь другого охраннаго отдѣленія. Рачковскій, можетъ быть, былъ еще болѣе своихъ преемниковъ освѣдомленъ о такихъ вмѣшательствахъ въ дѣла его царства другихъ державъ, но, какъ видимъ, кой-чего и онъ не зналъ.

Дѣятельность Рачковскаго не ограничивалась внѣшнимъ и внутреннимъ наблюденіемъ за дѣятельностью революціонныхъ группъ и отдѣльныхъ политическихъ эмигрантовъ за-границей; какъ мы уже видѣли, онъ удѣлялъ много времени и силъ для борьбы съ русскими революціонерами и въ западно-европейской печати. Приводимъ здѣсь выписку изъ интереснаго письма *Рачковскаго* къ *Дурново* отъ 19 марта 1892 г., касающагося одного изъ такихъ литературныхъ выступленій знаменитаго охранника:

„Простите, Ваше П-во, за долгое и вынужденное молчаніе, за все это время я не сидѣлъ, сложа руки, и помимо обычныхъ занятій и хлопотъ, успѣлъ составить брошюру, которая была переведена на французскій языкъ и на-дняхъ появится въ свѣтъ. Въ этой брошюрѣ выставляется въ настоящемъ свѣтѣ наше революціонное движеніе и заграничная агитація со всѣми ея отрицательными качествами, уродливостью и продажностью. Остальная часть брошюры посвящена англичанамъ, которые фигурируютъ въ ней въ качествѣ своекорыстныхъ, чванливыхъ и потерявшихъ всякій стыдъ и совѣсть фарисеевъ, нарушившихъ международныя приличія въ альянсѣ съ нигилистами. Брошюра будетъ отпечатана въ 2 т. экземпляровъ, причемъ около тысячи будетъ разослано въ Лондонъ: министрамъ, дипломатамъ, членамъ парламента, муниципа-

мужъ Лебедева были сосланы на 5 лѣтъ въ Якутскую область, гдѣ Хавскій застрѣлился въ 1904 г. *Панкратьевъ* былъ оглашенъ, какъ предатель, въ 1901 г., въ № 11 „Искры“, гдѣ былъ опубликованъ его апокрифическій „рапортъ“ по начальству; позднѣе онъ служилъ чиновникомъ Д-та Полиціи, а въ сентябрѣ 1909 г. умеръ.

литета, высокопоставленнымъ лицамъ и во всѣ редакціи лондонскихъ газетъ. Другая тысяча предназначается для правительственныхъ лицъ во Франціи, Швейцаріи, Даніи, Германіи, Австріи и для разсылки во всѣ Европейскіе и наиболѣе распространенные Американскіе журналы.

При господствующемъ антагонизмѣ къ англичанамъ и при всеобщемъ негодованіи къ динамитнымъ героямъ, подъ категорію которыхъ подведены нигилисты, наша брошюра подниметъ много шума; она и положитъ начало моеѣ агитаціи, о необходимости которой я докладывалъ въ своемъ донесеніи“...

Рачковскому въ его публицистической борьбѣ съ русскими революціонерами-эмигрантами помогалъ не только *Жюль Гансенъ*, но и многіе другіе французскіе журналисты, изъ которыхъ мнѣ называли *Кальмета* (Calmette) изъ „Фигаро“, убитого въ Парижѣ въ 1914 г. г-жей Кайо, *Мора* (Maure), сотрудника „Petit Parisien“ и *Рекюли* (Rescouli), „работавшаго“, какъ мы уже знаемъ, и у Красильникова, а слѣдовательно, почти навѣрное, и у Ратаева и у Гартинга. Но Рачковскій никогда не останавливался на полдорогѣ и имѣлъ неискоренимую слабость къ „грандіозному“. Одно лицо, стоявшее близко къ Заграничной Агентурѣ, рассказывало мнѣ въ Петроградѣ, что Рачковскій въ апогеѣ своей славы затѣялъ придать борьбѣ съ русскими революціонерами, такъ сказать, международный характеръ. Для этого онъ организовалъ въ Парижѣ, конечно анонимно, „La ligue pour le salut de la patrie russe“ (Лига для спасенія русскаго отечества). Сотни парижскихъ камло расклеивали по стѣнамъ Парижа воззваніе Лиги, призывавшее французовъ записываться въ Лигу, чтобы бороться съ врагами Россіи, стремящимися нанести ударъ ея величію, и прежде всего съ шайкой проходимцевъ, людей безъ отечества, нашедшихъ пріютъ во Франціи и поставившихъ себѣ цѣлью совершать въ Россіи убійства и экспроприаціи. Воззваніе приглашало всѣхъ бороться съ этой шайкой всѣми средствами, вплоть до террора. Эти воззванія были разосланы и по французской провинціи и тамъ нашли, кажется, нѣкоторое сочувствіе и нѣсколько десятковъ или даже сотенъ лицъ прислали въ Парижское Бюро Лиги (rue de Provence) свои пяти-

франковые членскіе взносы. „Счастье было такъ близко, такъ возможно...“, но сорвалось. Французскій министръ внутр. дѣлъ далъ понять Рачковскому, что предпріятіе надо прекратить. Лицо, рассказавшее объ этой аванюрѣ, утверждаетъ, что деньги (150.000 р.) на нее были получены отъ дворц. коменданта Гессе. Разсказъ этотъ, конечно, требуетъ документальнаго подтвержденія, но предпріятіе въ стилѣ Рачковскаго.

Такое углубленіе политическаго сыска, переходившее уже въ прямое воздѣйствіе на общественное мнѣніе Европы, и призывъ иностранцевъ къ активной борьбѣ съ русскими революціонерами, не помѣшало Рачковскому расширять сферу своего вліянія и пространственно: въ іюнѣ 1896 г. ему поручается организація политической агентуры и въ Галиціи, на что министерство внутреннихъ дѣлъ ассигнуетъ 3.000 фр. въ годъ. Но здѣсь, вѣроятно, дѣятельность Рачковскаго не отличалась особой продуктивностью, и, забѣгая нѣсколько впередъ, мы приведемъ данныя изъ доклада директора Д-та Полиціи *Лопухина*, представленнаго имъ министру внутреннихъ дѣлъ 1 февраля 1903 г. и касающагося организаціи агентуры въ *Галиціи*, *Прусской Познани* и въ *Силезіи*.

„Съ начала 80-хъ годовъ, пишетъ *Лопухинъ*, была организована на раціональныхъ основаніяхъ Заграничная Агентура, имѣвшая главнымъ руководящимъ центромъ г. Парижъ, которая въ теченіе многихъ лѣтъ тщетно пыталась поставить правильное наблюденіе въ Галиціи, Прусской Познани и Силезіи, но, къ сожалѣнію, мѣстности эти, хотя и прилегающія непосредственно къ русской границѣ, остались до сего времени безъ надлежащаго надзора съ точки зрѣнія внутренней агентуры. Неоднократно государственная полиція стремилась завязать сношенія съ тамошними полицейскими должностными лицами, при посредствѣ пограничныхъ жандармскихъ офицеровъ, но получаемыя отъ нихъ свѣдѣнія носили по большей части характеръ историческихъ справокъ или газетныхъ статей. Между тѣмъ, не говоря уже о Вѣнѣ, гдѣ функціонируютъ студенческіе революціонные кружки, занимающіеся сборомъ денегъ на преступныя предпріятія и

сформированіемъ транспортовъ нелегальныхъ изданій, города Краковъ и Львовъ являются видными центрами національнаго и соціалистическаго движенія, причемъ въ г. Львовѣ съ 1900 г. образовалась новая группа, провозгласившая своей программой террористическіе принципы прежняго общества „*Пролетаріатъ*“, эмиссары коей уже не разъ пріѣзжали съ подложными паспортами въ Привислинскій край для установленія связей съ своими единомышленниками и преступной пропаганды среди рабочихъ; кромѣ того, нельзя обойти молчаніемъ прусскій городъ *Тильзитъ* съ учрежденными въ немъ спеціальными книжными магазинами, которые торгуютъ исключительно польскими и латышскими произведеніями печати, воспрещенными къ ввозу въ предѣлы имперіи; пользуясь отсутствіемъ надзора со стороны русской государственной полиціи, революціонеры избрали названный городъ для сформированія транспортовъ политической контрабанды и отправленія оттуда на нашу границу.

Въ настоящее время, благодаря дѣятельности агентуры на *Балканскомъ* полуостровѣ, въ связи съ вновь организованнымъ *Бессарабскимъ* розыскнымъ отдѣленіемъ, можно признать полную обезпеченность русской границы со стороны *Румыніи* и такимъ образомъ, при общемъ стремленіи оградить государство отъ всевозможныхъ неожиданностей, казалось бы необходимымъ освѣтить дѣятельность революціонеровъ, проживающихъ въ сосѣднихъ съ нами *Австро-Венгрии* и *Пруссіи*“.

Для „правильной“ организаціи политической агентуры въ поименованныхъ выше странахъ было рѣшено поручить ее „не имѣющему чина потомственному почетному гражданину Михаилу Ивановичу *Гуровичу*“, какъ теперь всѣмъ извѣстно, злостному провокатору, занимавшемуся предательствомъ въ теченіе 12 лѣтъ—съ 1890 до 1902 г.г., когда Гуровичъ, наконецъ, былъ изобличенъ. Гуровичъ былъ зачисленъ на службу съ 1-го января 1903 года, получилъ пособіе въ 500 рублей на переѣздъ въ Варшаву и авансъ на агентуру въ 1.000 рублей, жалованья же ему было назначено 4.200 въ годъ.

Мотивировка пребывания въ Варшавѣ Гуровича была слѣдующая: „Въ виду того, что къ ближайшимъ обязанностямъ Гуровича относится наблюденіе какъ за социалистическимъ, такъ и національнымъ польскимъ движеніемъ, главнымъ центромъ коего въ Россіи является Варшава, то названный городъ избранъ для постоянного его жительства“.

Галиційская авантюра Гуровича продолжалась недолго, — она была ликвидирована въ 1904 году.

Остановимся нѣсколько на „сотрудникахъ“ Гуровича. Къ 1 апрѣля 1903 года ихъ было всего трое: какой-то Варшавскій сотрудникъ, Петербургскій сотрудникъ (вѣроятно, *Говоровъ*) и помощникъ полицейскаго надзирателя *Василій Соркинъ*; къ 1 іюня число сотрудниковъ возросло уже до восьми: кромѣ Соркина и Говорова, появляется сотрудница *Зелинская* въ Лембергѣ, получавшая ничтожное жалованье въ 25 руб.; *Завадская* въ Краковѣ; *В. Яновичъ* въ Лембергѣ; нѣкто *В. М-ичъ*, который съ 10 января 1903 года по мартъ на проѣздъ за-границу и содержаніе получилъ 100 руб., редакторъ „*Галичанина*“ въ Лембергѣ, получившій 150 руб., австрійскій комиссаръ *Медлеръ* въ Котовицахъ (100 руб.); *Животовскій* Исаакъ въ Варшавѣ (40 р.); какой-то сотрудникъ въ Екатеринославѣ (60 р.); *А. Вагановъ* (15 р.); *Соловкинъ* (35 р.); въ іюнѣ появляется сотрудница *Анисимова* (*Анна Чернявская*) (30 р.), а въ сентябрѣ сотрудникъ *Томашевскій*, направленный въ Краковъ, и сотрудница *Заблоцкая* (40 р.); въ октябрѣ *Карлъ Заржецкій* (50 р.); *М. Адамоскій* (*Адамскій*, *Адамовскій*) (30 р.) и *З. Висневская* въ Варшавѣ (20 р.); въ ноябрѣ и декабрѣ появляются еще новые сотрудники — *Ковальская* (*Скербетъ*) (40 р.) и *Василевскій* (35 р.), носившій кличку „*Рассоль*“; этому „*Рассолю*“ при отправленіи его въ ссылку было выдано 50 руб.

Гуровичъ „трогательно“ заботился даже объ образованіи своихъ секретныхъ сотрудниковъ; такъ, въ октябрѣ 1903 г. имъ выдано сотрудницѣ *Заблоцкой* въ Краковѣ 46 руб. на уплату — за слушаніе лекцій на высшихъ курсахъ Баринецкаго, членскихъ взносов въ „*Соколъ*“, женской читальнѣ, на по-

жертвованіе для п. п. с. и расходы по поѣздкѣ на сходку въ Величку; также въ октябрѣ было выдано сотруднику *Заржецкому* 45 р. для взноса платы за право слушанія лекцій въ университетѣ и посѣщеніе рисовальныхъ классовъ академіи художествъ. Въ мартѣ-апрѣлѣ 1904 г. появляется среди сотрудниковъ Гуровича старый соратникъ Рачковскаго—*Милевскій*.

1903—1904 г.г. уже входятъ въ эпоху царствованія слѣдующаго заграничнаго полицейскаго самодержца—*Ратаева*, и мы должны вернуться еще къ Рачковскому и къ организациі имъ *Берлинской* политической агентуры.

9 декабря 1900 г. директоръ Д-та Полиціи *Зволянскій* обратился съ докладомъ къ министру внутреннихъ дѣлъ, въ которомъ, между прочимъ, говоритъ слѣдующее: „За послѣднее время революціонные дѣятели разнаго направленія, пользуясь сравнительною близостью г. Берлина къ границѣ Россійской имперіи, избрали этотъ городъ центромъ, куда стекается изъ разныхъ европейскихъ странъ, преимущественно изъ Швейцаріи, революціонная и соціалъ-демократическая литература, предназначенная для водворенія въ Россіи черезъ германскую границу.

Это обстоятельство, а также имѣющіяся въ Д-тѣ Полиціи свѣдѣнія объ образованіи въ Берлинѣ кружка лицъ, преимущественно русскихъ подданныхъ, придерживающагося народовольческой программы, заставили Д-тъ Полиціи войти въ соглашеніе съ подлежащими германскими властями по вопросу объ учрежденіи въ Берлинѣ особой агентуры изъ русскихъ и иностранныхъ агентовъ и филеровъ, по примѣру Парижа и Лондона, для наблюденія за дѣятельностью проживающихъ въ Берлинѣ русскихъ революціонеровъ.

Нынѣ завѣдующій иностранною агентурой Департамента статскій совѣтн. Рачковскій, получивъ разрѣшеніе Германскаго правительства на устройство упомянутой агентуры и заручившись содѣйствіемъ подлежащихъ властей, представилъ проектъ организациі агентуры въ Берлинѣ, по которому предполагается, на первое время, ограничиться шестью агентами подъ ближайшимъ руководствомъ сотрудника Рачков-

скаго г-на Г..., которымъ предполагается назначить содержание въ размѣрѣ 300 марокъ въ мѣсяцъ каждому и 600 марокъ въ мѣсяцъ завѣдующему, а кромѣ того на наемъ квартиры и всѣ другіе расходы по наблюденію 600 марокъ въ мѣсяцъ, а всего 3.000 марокъ въ мѣсяцъ“.

Кредитъ въ 36.000 марокъ въ годъ былъ разрѣшенъ министромъ.

Господинъ Г., на котораго была возложена Берлинская агентура, былъ Аркадій Михайловичъ *Гартингъ*, жившій тогда на Фридрихъ-Вильгельмъ-штрассе № 4. Подъ этой фамиліей русскимъ правительствомъ былъ замаскированъ бывшій секретный сотрудникъ Рачковского и бывшій революціонеръ—*Ландезенъ-Гекельманъ*.

Какъ мы уже знаемъ, *Ландезенъ* послѣ своей провокаціи въ Парижѣ принужденъ былъ оставить Францію и поселиться въ Бельгіи. Въ награду за этотъ подвигъ Абрамъ-Ааронъ Гекельманъ—мѣщанинъ города Пинска—въ августѣ 1890 г. становится потомственнымъ почетнымъ гражданиномъ, которому предоставлено право повсемѣстнаго жительства въ имперіи и назначена по Высочайшему повелѣнію пенсія въ 1.000 руб. въ годъ.

Въ Бельгіи — постоянномъ мѣстожительствѣ *Ландезена*—онъ совмѣстно съ провокаторомъ-анархистомъ барономъ *Штернбергомъ* организуетъ какую-то анархистскую провокаціонную затѣю и, конечно, съ успѣхомъ для себя проваливаетъ ее. Но *Ландезенъ* не сидитъ въ Брюсселѣ, а все время мечется по Европѣ, сопровождая и охраняя высочайшихъ особъ. Одновременно съ этимъ происходятъ и превращенія *Ландезена*. Въ 1892 (или 1893) г. въ Висбаденѣ онъ принимаетъ православіе; обрядъ крещенія совершаетъ настоятель русской посольской церкви въ Берлинѣ, воспріемниками являются—секретарь русскаго посольства въ Берлинѣ М. Н. Муравьевъ и жена сенатора Мансурова; при этомъ Абрамъ превращается въ Аркадія, Гекельманъ остается.

Рачковскій не забываетъ услуги, оказанной ему Гекельманомъ-Ландезеномъ, и даетъ ему командировку за коман-

дировкой, одну другой выгодноѣ и „почетнѣ“. Въ 1893 г. Аркадій Гекельманъ командированъ въ Кобургъ-Гота на помолвку Николая Александровича, наследника Россійскаго престола, съ Алисой Гессенской—1.000 руб. подъемныхъ, царскій подарокъ; въ 1894 г.—Гекельманъ охраняетъ Александра III въ Копенгагенѣ—подъемныя, подарокъ, орденъ Данеборга и золотая медаль; затѣмъ онъ ѣдетъ съ императоромъ въ Швецію и Норвегію — на охоту — орденъ Св. Серафима; въ 1896 г. Гекельманъ превращается уже въ инженера Аркадія Михайловича *Гартинга*—кавалера Прусскаго ордена Краснаго Орла, Австрійскаго креста за заслуги—и мы видимъ его на Villa Turbi, на югѣ Франціи, около Ниццы, „охраняющимъ“ умиравшаго цесаревича Георгія, затѣмъ въ Бреславлѣ охраняющимъ Николая II, при свиданіи того съ Вильгельмомъ; Гартингъ сопровождаетъ царя въ Парижъ—орденъ Почетнаго Легіона, затѣмъ въ Лондонъ—орденъ Викторіи, въ Дармштадтѣ—орденъ Эрнеста... И такъ до безконечности... Карманы не вмѣщаютъ золота и царскихъ подарковъ, на груди уже нѣтъ мѣста для новыхъ крестовъ... Богатство, почетъ, молодая, красивая жена-бельгійка изъ „хорошей“, строго-католической семьи—*Madeleine Palot*, въ душевной простотѣ и не вѣдающая, кто скрывается за этимъ великолѣпнымъ крестоносцемъ. Наконецъ, еще повышение—Абрамъ Гекельманъ—милостью Рачковскаго —начальникъ Берлинской агентуры.

Какъ шло дѣло организаціи новой Берлинской политической агентуры, видно изъ слѣдующаго доклада *Рачковскаго* министру внутреннихъ дѣлъ отъ 22 августа 1902 г.:

„Въ концѣ декабря 1900 года я приступилъ къ организаціи Берлинской агентуры, съ каковою цѣлью мною былъ командированъ туда инженеръ Гартингъ съ 3 наружными агентами. Берлинская полиція отнеслась крайне подозрительно къ осуществленію нашего предпріятія, полагая, вѣроятно, что мы задались мыслью водвориться въ Германіи для военнаго розыска или по другимъ какимъ-либо политическимъ соображеніямъ. Путемъ весьма продолжительныхъ переговоровъ мнѣ, наконецъ, удалось убѣдить полицейскія власти въ

дѣйствительныхъ задачахъ предполагавшейся организаціи. И только вслѣдъ за полученіемъ президентомъ берлинской полиціи и другими его чиновниками почетныхъ наградъ, дружественныя отношенія установились между мною и подлежащими властями.

На мѣстѣ выяснилось, что 3-хъ наружныхъ агентовъ оказалось недостаточно и въ настоящее время, когда наличный составъ агентовъ увеличился до 6 человѣкъ, при постоянномъ содѣйствіи берлинской полиціи, наружныя силы далеко не соотвѣтствуютъ дѣйствительнымъ потребностямъ розыскаго дѣла въ Берлинѣ. Проектируемая въ Берлинѣ система прописки иностранцевъ весьма неудовлетворительна и усложняется тѣмъ, что въ многочисленныхъ полицейскихъ участкахъ листки вновь прописывающихся остаются иногда въ участкахъ отъ одного мѣсяца до 6 недѣль, причемъ бывають случаи, что названные листки вовсе не доходятъ въ центральное полицейское управленіе. На практикѣ оказывается также, что до 30% иностранцевъ вовсе не прописываются и это лишаетъ всякой возможности установить то или другое разыскиваемое лицо. Между тѣмъ, громадное количество людей, подлежащихъ контролю агентуры, вынуждаетъ г. Гартинга изыскивать *невъроятные* способы для провѣрки получаемыхъ Департаментомъ свѣдѣній по революціоннымъ записямъ у того или другого лица, обнаруживаемыхъ при арестахъ въ Россіи. Ближайшимъ сотрудникомъ Берлинской агентуры является полицейскій комиссаръ В., оказывающій негласныя услуги за денежное вознагражденіе далеко превышающее отпускаемыя г. Гартингу средства на секретныя расходы. Такъ, въ теченіе минувшаго апрѣля и мая завѣдующій Агентурой издержалъ 1.095 марокъ по представляемымъ счетамъ, о возмѣщеніи которыхъ позволяю себѣ ходатайствовать передъ В. Превосходительствомъ.

Независимо изложеннаго, завѣдующему Агентурой представлялось необходимымъ войти въ сношенія съ однимъ изъ служащихъ въ президентствѣ, при содѣйствіи котораго онъ получилъ до 1.500 листовъ русскихъ подданныхъ, проживающихъ въ Берлинѣ, и имѣть возможность получать ихъ

въ будущемъ, что является громаднымъ подспорьемъ въ его дѣятельности. Означенному чиновнику также необходимо платить опредѣленное вознагражденіе.

Принимая за симъ во вниманіе, что существующія въ Берлинѣ крайне трудныя условія для наружнаго наблюденія вынуждаютъ завѣдующаго Агентурой нанимать 3 конспиративныхъ квартиры, уплачивать расходы по наблюденію и удовлетворять массу мелочныхъ затратъ... не признаете ли возможнымъ увеличить эту статью бюджета до 1.200 марокъ ежемѣсячно“...

Подъ буквой В. здѣсь скрывается комиссаръ берлинской полиціи Wiene, который по приказу самого Вильгельма стоялъ въ непосредственной связи съ русской политической агентурой въ Германіи и отъ котораго не должно было быть никакихъ тайнъ.

Какъ опытный провокаторъ, Гартингъ-Ландезенъ прежде всего обратилъ вниманіе на организацію въ Берлинѣ „внутренней агентуры“ и имъ былъ заагентуренъ въ началѣ 1902 г. такой ловкій и опасный предатель, какъ секретный сотрудникъ, получившій кличку „Ростовцевъ“, студентъ Берлинскаго университета—*Житомірскій*, которому съ марта этого года было положено жалованье въ 250 марокъ въ мѣсяць. Въ Петроградѣ я получилъ свѣдѣнія, что Житомірскій еще до поступленія къ Гартингу служилъ въ нѣмецкой полиціи, куда его „помѣстилъ“ нѣмецкій агентъ Kussin,—и только вслѣдствіе трогательнаго симбіоза нѣмецкой и русской полиціи Житомірскій былъ переуступленъ Гартингу. Въ 1902 году директоръ Д-та Полиціи Зволянскій докладываетъ товарищу министра внутр. дѣлъ князю Святополкъ-Мирскому, что „со времени поступленія на службу „Ростовцева“ сообщенія Берлинской агентуры сдѣлались особенно содержательны и интересны“.

Тотъ же Зволянскій въ томъ же—1902—году докладываетъ, что въ Берлинѣ сосредоточено весьма значительное число русскихъ революціонеровъ, постоянно посылающихъ въ Россію транспорты нелегальной литературы, и существуетъ подъ руководствомъ стараго эмигранта Ефима *Левита* кру-

жокъ народовольцевъ, „исключительно озабоченный возможностью организациі террора въ Россіи“...

Понятно, что столь блестящая дѣятельность Гартинга-Ландезена была соотвѣтственно вознаграждена и въ томъ же 1902 году вмѣсто обѣщанныхъ 36.000 онъ получилъ 39.000 марокъ, кромѣ того на сотрудника „Ростовцева“ 3.000 марокъ, и въ сентябрѣ 1902 года 1.095 марокъ, а въ 1903 году кредитъ Берлинской агентуры былъ увеличенъ еще на 7.200 марокъ, причемъ Гартингу открыть текущій счетъ въ 10.000 марокъ въ Deutsche-Bank; въ этомъ же 1903 году, сверхъ ассигнованныхъ 49.200 марокъ, Гартингъ получилъ 3.600 марокъ на уплату содержанія дѣлопроизводителю Берлинской агентуры и 1.075 марокъ—за напечатаніе статьи „Ein Gnadenakt“ въ „Tägliche Rundschau“ отъ 7 апрѣля 1903 г., за изданіе брошюры „Russland und Finland“ въ 5.000 экземплярахъ и на отсылку нѣкому *Эрнесту Вуду* въ Стокгольмъ 100 марокъ.

Къ Берлинской агентурѣ и къ ея главѣ Гартингу мы еще вернемся въ слѣдующихъ главахъ, а теперь снова переходимъ къ центральной фигурѣ перваго періода исторіи Заграничной Агентуры Петру Ивановичу Рачковскому.

Дѣятельность Рачковскаго за время его семнадцатилѣтняго пребыванія на посту завѣдывающаго русской „Заграничной Агентурой“ не ограничивалась, какъ мы уже знаемъ, лишь борьбой съ русскими революціонерами-эмигрантами. Онъ былъ умный, энергичный и честолюбивый человѣкъ и его замыслы поднимались гораздо выше вліятельнаго, но скромнаго поста начальника за-границей русскихъ провокаторовъ и иностранныхъ филѣровъ. Рачковскій сумѣлъ завязать тѣсныя связи и интимныя знакомства не только съ представителями иностранныхъ полицій, но и съ вліятельными общественными дѣятелями — съ депутатами и съ министрами, особенно во Франціи; мы уже упоминали о его сношеніяхъ съ Флурансомъ, Констаномъ, о его дружбѣ съ Делькассэ и съ самимъ президентомъ Лубэ; мы слышали, что въ президентскомъ дворцѣ Лубэ предоставилъ Рачковскому особую комнату, гдѣ глава російскаго полицейскаго сыска остано-

вливался запросто, когда прїѣзжалъ въ Парижъ. Рачковскій жилъ подъ Парижемъ въ Сень-Клу, гдѣ занималъ роскошную виллу и задалъ Лукулловы пиры своимъ французскимъ и иностраннымъ друзьямъ и своимъ петроградскимъ покровителямъ.

Можно утверждать, что въ заключеніи Франко-Русскаго союза Рачковскій игралъ большую роль, доселѣ еще недостаточно выясненную. Знаменитое дѣло съ организаціей мастерской бомбъ въ Парижѣ, спровоцированное Ландезеномъ, конечно, по указаніямъ Рачковскаго, и повлекшее за собой въ 1890 году арестъ, высылку и тюремное заключеніе для многихъ русскихъ революціонеровъ, жившихъ въ Парижѣ, дѣло, въ которомъ французское правительство проявило по отношенію къ русскому самодержавію необычайную предупредительность и угодливость, несомнѣнно ускорило заключеніе Франко-Русскаго союза.

Къ сожалѣнію, мы не можемъ здѣсь останавливаться на политической дѣятельности Рачковскаго. Скажемъ только, что именно эта „высшая“ политика и повлекла за собой отставку его. Суммируя рассказы нѣсколькихъ компетентныхъ лицъ объ этой сторонѣ дѣятельности Рачковскаго за границей, я пришелъ къ заключенію, что отставка эта была вызвана слѣдующими обстоятельствами: Рачковскій имѣлъ большія связи въ католическомъ мірѣ, не безъ нѣкотораго посредства и вліянія своей жены—француженки и ярой католички; на его виллѣ въ St.-Cloud часто бывали и Monseigneur Charmetain и вліятельнѣйшій père Burtin, личный другъ кардинала Рамполлы. Рачковскій давно уже, при посредствѣ своихъ агентовъ, велъ наблюденіе за кардиналомъ Ледоховскимъ, главой католиковъ польскихъ націоналистовъ, тянувшихъ къ Австріи. Рачковскій же, конечно, все время работалъ для французской оріентаціи. Въ этой политикѣ заинтересовалось и высшее начальство, и въ 1901 г. Рачковскій даетъ роскошный обѣдъ въ одномъ изъ аристократическихъ парижскихъ кафэ (Durand), гдѣ былъ завсегдатаемъ и гдѣ всѣ лакеи почтительно звали его „général russe“. На обѣдѣ присутствовалъ прїѣхавшій изъ Петербурга директоръ д-та ду-

ховныхъ дѣлъ иностранныхъ вѣроисповѣданій Мосоловъ, специально вызванный для свиданія съ Мосоловымъ папскій интернунцій въ Гаагѣ Mons. Tarnassi, Mons. Charmetain и рѣге Burtin. На обѣдѣ обсуждался вопросъ о проведеніи на папскій престолъ, въ случаѣ ожидавшейся въ ближайшемъ будущемъ смерти папы Льва XIII, кардинала русско-французской оріентаціи (Рамполла). Министерство внутр. дѣлъ стремилось во всемъ этомъ дѣлѣ, главнымъ образомъ, къ тому, чтобы гарантировать себѣ успѣхъ въ борьбѣ съ ополченіемъ римско-католическимъ духовенствомъ бѣлоруссовъ Холмщины и Сѣверо-Западнаго края.

Вскорѣ послѣ этого дипломатическаго обѣда Рачковскій ѣдетъ секретно въ Римъ, получаетъ аудіенцію у Льва XIII, которому представляетъ цѣлый рядъ данныхъ о польской агитаціи кард. Ледоховскаго и его соратниковъ. Левъ XIII высказывается за желательность имѣть въ Россіи своего представителя. Рачковскій ухватывается за эту идею, летитъ въ Петербургъ, обрабатываетъ мин. вн. дѣлъ Горемыкина, который докладываетъ царю и добивается его согласія. Рачковскій возвращается въ Парижъ и дѣятельно принимается за дальнѣйшую работу въ этомъ направленіи, но вдругъ получаетъ строжайшее предписаніе—прекратить кампанію. Оказывается, что о тайнственной „комбинаціи“ Рачковскаго и Горемыкина провѣдали Побѣдоносцевъ, графъ И. Н. Игнатьевъ и мин. вн. дѣлъ Ламздорфъ и уговорили царя дать отбой. Это былъ первый ударъ „политической“ карьерѣ Рачковскаго. За первымъ скорѣ послѣдовалъ второй.

Когда въ 1902 г. царь съ царицей Александрой Федоровной были во Франціи, то до нихъ дошли слухи о спиритѣ и гипнотизерѣ Филиппѣ, излечивающемъ нервныя болѣзни. Рачковскому было приказано разыскать Филиппа и доставить въ Компьенъ, гдѣ тогда жили русскіе высокіе гости. Рачковскій немедленно выполнилъ данное ему порученіе. Филиппъ началъ свои сеансы и „леченіе“ пошло столь удачно, что счастливый эскулапъ скорѣ отправился вмѣстѣ съ императорской четой въ Петербургъ и сталъ пользоваться тамъ

громаднымъ вліяніемъ. Разсказываютъ, что, когда Филиппъ захотѣлъ за свои придворныя заслуги получить званіе русскаго врача, то онъ добился даже и этого, благодаря угодливости Витте и директ. мед. акад. Пашутина.

Намъ неизвѣстно, какія отношенія были у Рачковскаго съ Филиппомъ, но онъ почему-то воспылалъ благороднымъ негодованіемъ и написалъ личное письмо императрицѣ Маріи Федоровнѣ, гдѣ выяснялъ всю пагубность вліянія Филиппа, который-де является орудіемъ въ рукахъ масоновъ.

Императрица-мать имѣла крупный разговоръ съ коронованнымъ сыномъ и не скрыла источника полученныхъ ею свѣдѣній о Филиппѣ. Царь страшно разгнѣвался, вызвалъ къ себѣ Плеве, тогда уже министра внутр. дѣлъ, и горько жаловался ему на „подлеца Рачковскаго“. Плеве, давно уже, со временъ Дегаева, не любившій Рачковскаго и боявшійся его, воспользовался удобнымъ случаемъ, вызвалъ телеграфно Рачковскаго въ Петербургъ и для выясненія его „продѣлокъ“ назначилъ надъ нимъ слѣдствіе. Надъ головой нашего героя нависла гроза; казалось, гибель его неизбѣжна, такъ какъ „продѣлокъ“ за душой Петра Ивановича было немало. Но сильные друзья (среди нихъ дворц. коменд. Гессе) выручили. Слѣдствіе было вскорѣ прекращено. Рачковскій же былъ высланъ сначала въ Брюссель, а затѣмъ въ Варшаву; у меня есть свидѣтельскія показанія, что и въ Брюсселѣ и въ Варшавѣ онъ видѣлся съ старымъ своимъ пріятелемъ Евно Азефомъ. На мѣсто Рачковскаго завѣдывающимъ Заграничной Агентурой въ ноябрѣ 1902 года былъ назначенъ Леонидъ Александровичъ *Ратаевъ*, начальникъ Особого Отдѣла Департамента Полиціи.

Приводимъ слѣдующую смѣту содержанія Заграничной Агентуры въ Парижѣ, Лондонѣ, Швейцаріи и Галиціи за послѣдній 1902 годъ завѣдыванія ею Рачковскимъ. Эта смѣта интересна тѣмъ, что въ ней имѣются указанія на секретныхъ сотрудниковъ:

I. *Въ Парижѣ:*

- 1) Личное содержаніе д. с. с. Рачковскаго—1.800 фр.
- 2) На расходы по особо возложенному порученію—500 фр.

- 3) Сотруднику Г.—750 фр. (Гольшманъ ¹⁾ В. Аг.).
- 4) Сотруднику Л.—750 фр. (Ландезенъ. В. Аг.).
Ему же пенсія—250 фр.
- 5) Сотруднику М.—750 фр. (Милевскій. В. Аг.).
- 6) Сотруднику К.—500 фр. (Несомнѣнно, фамилія этого сотрудника начинается буквой К. В. Аг.).
- 7) Письмоводителю 250 фр.
- 8) На агентурные расходы 3.700 фр.
- 9) На содержаніе русскихъ филеровъ—1.200 фр.
- 10) На содержаніе французскихъ агентовъ—133 фр.
- II. Агентура въ Швейцаріи — 2.000 фр.
- III. Агентура въ Лондонѣ — 6.000 фр.
- IV. Агентура въ Галиціи — 2.500 фр.

Всего 22.250 фр. въ мѣсяцъ.

А. Лопухинъ, исправлявшій въ 1902 г. должность директора Д-та Полиціи, сообщая о переводѣ Ратаеву 39.900 фр. на содержаніе агентуры въ ноябрѣ и въ декабрѣ, просилъ „выдавать изъ высланныхъ денегъ жалованье только тѣмъ изъ бывшихъ сотрудниковъ д. с. с. Рачковскаго, которые будутъ оказывать агентурныя услуги Вамъ непосредственно, тѣмъ же изъ числа его бывшихъ сотрудниковъ, которые почему-либо не пожелали служить у Васъ непосредственно, прошу выдачу жалованья прекратить“.

¹⁾ Подъ буквой Г. скрывается несомнѣнно Гольшманъ, въ началѣ секретный сотрудникъ, а затѣмъ правая рука и „перо“ Рачковскаго, хорошо писавшій и по-русски и по-французски. Большинство серьезныхъ докладовъ Рачковскаго было написано Гольшманомъ. Впрочемъ, въ распоряженіи Рачковскаго былъ и еще одинъ „писатель“. Не онъ ли скрывается подъ буквой К.—первой буквой его фамиліи?

ГЛАВА III.

Завѣдующій Заграничной Агентурой Леонидъ Александровичъ Ратаевъ.—Его секретные сотрудники высшей марки: Л. Бейтнеръ, Батушанскій, М. Загорская, Евно Азефъ.—Командировка И. Ф. Манусевича-Мануйлова въ Парижъ для обработки французской прессы.—Ликвидация Балканской агентуры.—Берлинская агентура подъ управленіемъ Гартинга.—Успѣшное заагентурированіе имъ секретныхъ сотрудниковъ.—Ликвидация Берлинской агентуры и ея возстановленіе.—Отставка Ратаева 1 авг. 1905 г.; его слезница.—Характеристика Гартингомъ Заграничной агентуры при Ратаевѣ.

Война между Рачковскимъ и Плеве съ его помощниками шла, видимо, по всему фронту. Въ этой войнѣ не послѣднюю роль игралъ Ратаевъ и въ планы его начальства и его самого входило, конечно, какъ можно сильнѣе опорочить во всѣхъ отношеніяхъ дѣятельность Рачковскаго; такъ, уже 22 декабря 1902 года *Ратаевъ* пишетъ *Лопухину*:

„Въ настоящее время, по истеченіи 2-хъ мѣсяцевъ, я позволю себѣ доложить В. Пр-ву, что основой для смѣты на будущій годъ долженъ служить счетъ расходамъ, представленный д. с. с. Рачковскимъ въ августъ текущаго года въ послѣдній его пріѣздъ въ С.-Петербургъ, съ нѣкоторыми измѣненіями, соотвѣтственно настоящимъ потребностямъ.

Расходы по разѣздамъ въ 600 фр. въ мѣсяцъ едва ли можно признать чрезмѣрными, если подъ словомъ „разѣзды“ подразумѣвать всѣ расходы во время путешествія. Надолго отлучаться изъ Парижа, куда стекаются всѣ предписанія, запросы и донесенія, неудобно, а, между тѣмъ, оставлять безъ самоличнаго надзора Лондонъ и Швейцарію я не признаю возможнымъ, въ особенности пока все не наладилось такъ, какъ мнѣ хочется.

По части секретныхъ сотрудниковъ, я полагаю не придерживать строго рамокъ Лондона, Парижа и Швейцаріи, а *предполагаю раскинуть сеть нѣсколько шире. Уже мною лично пріобрѣтено трое сотрудниковъ*: одинъ добавочный для Парижа (спеціально для наблюденія за русской столовой), одного для Мюнхена и одного я полагаю послать въ Бельгію, гдѣ въ Брюсселѣ и Льежѣ образовалось порядоч-

ное гнѣздо. Изъ числа прежнихъ сотрудниковъ не всѣ еще перешли ко мнѣ, но перейдутъ съ отъѣздомъ П. И. изъ Парижа... Независимо сего мнѣ *во что бы то ни стало* необходимо пріобрѣсти сотрудника среди *спеціально* поляковъ. Въ Лондонѣ польская революція очень сильна и весьма серьезна, освѣщеніе же на мой взглядъ не вполне достаточное. Подробный докладъ по Лондону составляется и для его окончанія мнѣ необходимо еще туда поѣхать, что я и сдѣлаю, представивъ окончаніе работы о „Желтыхъ“.

Наружное наблюденіе—самое слабое мѣсто Агентуры. Изъ 10 показанныхъ въ расчетъ наружныхъ агентовъ, дѣйствительно пригодныхъ только 6, и то изъ нихъ одинъ Прюдеусъ въ командировкѣ, въ Берлинѣ, но жалованье ему плачу я. Остальные четыре въ полномъ смыслѣ слова—инвалиды, не пригодные къ живому дѣлу. Пока еще я по отношенію къ нимъ ничего не предпринималъ, но предполагаю, давъ извѣстный срокъ, отпустить ихъ на пенсію и взять на ихъ мѣсто новыхъ. Но, не дожидаясь ихъ увольненія, я уже принанялъ трехъ опытныхъ филеровъ и командировалъ ихъ въ Швейцарію... Изъ Швейцаріи можно считать до извѣстной степени обставленной только одну Женеву. Между тѣмъ, Швейцарія—въ настоящее время самый бойкій и серьезный революціонный пунктъ. Во главѣ командированныхъ людей я поставилъ одного изъ старѣйшихъ, наиболѣе опытныхъ и развитыхъ наружныхъ агентовъ и поручилъ ему, войдя въ соглашеніе съ мѣстными полицейскими чиновниками, организовать наблюденіе въ слѣдующихъ пунктахъ: Женева, Цюрихъ, Бернъ и Лозанна. Когда дѣло нѣсколько наладится, я поѣду на мѣста, и, убѣдившись въ правильности постановки дѣла, я думаю его сдѣлать главнымъ приказчикомъ по Швейцаріи, въ родѣ того, какъ г. Гартингъ въ Берлинѣ. Въ настоящее время этотъ агентъ получаетъ въ мѣсяць 350 фр. (менѣе 250 фр. не получаетъ ни одинъ), 150 фр. на мелкіе расходы и 10 фр. суточныхъ, какъ находящійся въ командировкѣ. Сообразно съ новымъ положеніемъ придется увеличить жалованье до 700 фр. Когда мнѣ удастся наладить Швейцарію, я постараюсь связать

Швейцарское наблюдение съ Берлинскимъ, а послѣднее съ за-границей.

На Швейцарію отпускается всего 2.000 фр. въ мѣсяцъ, и эту цифру придется значительно пополнить изъ другихъ статей бюджета.

Равнымъ образомъ я принимаю на свой счетъ тѣ порученія, которыя я по своимъ личнымъ надобностямъ возлагаю на г. Гартинга, какъ, напр., организація наблюденія въ Штутгартѣ ¹⁾.

Остальные расходы остаются тѣ же, что и при Рачковскомъ. Изъ нихъ лишнимъ бременемъ на меня лежитъ плата 500 фр. чиновнику главн. упр. общественной безопасности (*Sûreté générale*). Это, въ сущности, политическая полиція, приноровленная къ мѣстнымъ французскимъ нуждамъ, и мнѣ этотъ чиновникъ ничего существеннаго не даетъ, покончить же съ нимъ я не рѣшаюсь, такъ какъ онъ можетъ мнѣ вредить; гораздо для меня важнѣе префектура полиціи, но здѣсь я нашелъ натянутыя отношенія. Самый нужный для меня человекъ г. Пюибаро (*Puybaraud*) — личный врагъ П. И. Рачковскаго. Мнѣ приходится буквально все пріобрѣтать тайкомъ и за сдѣльную плату. Я уже сдѣлалъ шаги къ примиренію съ этимъ господиномъ, который занимаетъ должность начальника *Bureau des recherches*, но боюсь, что это обойдется не дешево. Въ Парижѣ мнѣ приходится держать три квартиры: одну собственную, гдѣ живу, и двѣ конспиративныхъ. Далѣе слѣдуютъ телеграфные и почтовые расходы, содержаніе канцеляріи и т. п. Кромѣ того, здѣсь даромъ буквально ничего не достается и за все приходится тѣмъ или инымъ способомъ платить... потому я убѣдительно ходатайствую, хотя бы на первый годъ, сохранить мнѣ отпускаемую сумму въ размѣрѣ 19.450 фр. въ мѣсяцъ. Въ эту сумму хотя и входятъ деньги, отпускаемая будто бы на Галицію, но онѣ, какъ изволите видѣть изъ смѣты, идутъ на покрытіе другихъ потребностей Агентуры“.

¹⁾ Въ Штутгартѣ, какъ извѣстно, въ это время жилъ П. Б. Струве и печаталось „Освобожденіе“.

На это письмо Лопухинъ, по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ, сообщилъ 31 декабря 1903 г., что на 1903 годъ смѣта на содержаніе Агентуры въ Парижѣ, Лондонѣ и Швейцаріи сокращается до 150.000 фр. и что въ эту смѣту не включены расходы по содержанію Агентуры въ Галиціи, которую предположено выдѣлить въ самостоятельную организацію. Въ январѣ 1904 года смѣта Парижской Агентуры была сокращена еще на 15.600 фр. (въ годъ), получавшихся двумя секретными сотрудниками, которые оставили службу въ Парижской Агентурѣ и перешли въ Берлинскую Агентуру. Такимъ образомъ, по смѣтамъ 1904 и 1905 г.г. на агентуру въ Парижѣ отпускалось всего 134.000. фр. въ годъ.

Такими сокращеніями Ратаевъ былъ, конечно, очень недоволенъ и все время стремился вернуться къ прежней смѣтѣ Заграничной Агентуры, не упуская при этомъ указывать начальству на недостатки управленія Рачковскаго.

28 января 1903 года Ратаевъ снова посылаетъ Лопухину докладъ съ интересной характеристикой тогдашней агентуры въ Швейцаріи.

„По пріѣздѣ въ Парижъ, докладываетъ Ратаевъ, я попалъ въ очень тяжелое положеніе. По моей долголѣтней службѣ я сразу понялъ, что способы веденія дѣла моимъ предмѣстникомъ значительно устарѣли и совершенно не приспособлены къ современнымъ требованіямъ Департамента. Какъ я уже писалъ, наиболѣе слабымъ пунктомъ оказалась Швейцарія, а, между тѣмъ, я засталъ моментъ, когда центръ и даже можно сказать пульсъ революціонной дѣятельности перенесенъ именно туда. На меня сразу посыпались изъ Департамента запросы по части выясненія разныхъ лицъ въ Швейцаріи, а у меня, кромѣ чиновника Женевской полиціи, подъ руками не было никого. А сіе весьма недостаточно по той причинѣ, во-первыхъ, что пользоваться этимъ чиновникомъ можно только съ соблюденіемъ особыхъ предосторожностей. Если надо выяснить какое-либо лицо, проживающее безъ заявленія своей личности въ полицію, то надо написать на это лицо *анонимный доносъ*, и тогда чиновникъ по-

лучаетъ уже распоряженіе своего начальства. Иначе дѣлать нельзя, такъ какъ онъ боится потерять мѣсто.

Конечно, я всѣ усилія направилъ на поправленіе дѣла въ Швейцаріи и за короткое время удалось уже кое-что сдѣлать въ этомъ направленіи. Конечно, все это далеко еще не удовлетворительно, но въ послѣдствіи я рассчитываю, быть можетъ, чего-нибудь добиться. Наблюденіе здѣсь вообще довольно затруднительно, и притомъ еще эта трудность осложняется его дороговизной. Для наглядности я прилагаю при семъ отчетъ въ расходованіи суммъ за истекшій январь... остатокъ и даже съ недохваткой пошелъ на содержаніе внутренней агентуры. Послѣдняя также весьма и весьма нуждается въ реорганизациі и освѣженіи. Во-первыхъ, она сильно распущена и набалована. Послѣ того, напр., какъ я, путемъ значительныхъ затратъ и исключительно благодаря смѣтливости и распорядительности старшаго швейцарскаго агента, установилъ *Кракова* наружнымъ способомъ, секретный сотрудникъ, котораго я объ этомъ оповѣстилъ, нынѣ увѣдомляетъ, что онъ объ этомъ „уже знаетъ“, такъ какъ *Краковъ* прибылъ еще въ концѣ января изъ Россіи, гдѣ видѣлся съ *Негрескулъ*, а потомъ прожилъ нѣсколько дней въ Берлинѣ. Теперь онъ живетъ съ сестрами *Малкиными*.

Чтобы дѣло пошло болѣе или менѣе удовлетворительно, необходимо дать, во-первыхъ, время, а во-вторыхъ—денегъ. Я убѣдительно просилъ и прошу на первый годъ оставить неприкосновенной ту сумму, которая отпускалась П. И. Рачковскому. Будьте увѣрены, что я ее расходую съ надлежащей экономіей и осторожностью, а если что переплачиваю пока, то потому, что еще новичекъ въ дѣлѣ. Самымъ обременительнымъ я считаю деньги, даваемые чиновнику Лондонской полиціи и главнаго управленія общественной безопасности въ Парижѣ. Но я ихъ получилъ отъ моего предшественника, и если этотъ расходъ сократить, то въ Лондонѣ уже ничего нельзя будетъ сдѣлать, а въ Парижѣ мы станемъ умышленно портить“...

Несмотря на ковы своихъ враговъ, главнымъ образомъ Рачковскаго и Гартинга, Ратаевъ крѣпко сидѣлъ на своемъ

мѣстѣ, пока былъ живъ Плеве — врагъ Рачковскаго, а директоромъ Департамента состоялъ Лопухинъ.

Рачковскій въ это время велъ сложную подпольную игру противъ Плеве, которая въ настоящее время еще не можетъ быть выяснена съ достаточной полнотою; но въ этой большой игрѣ старый интриганъ, не останавливавшійся ни передъ чѣмъ и ничего никому не прощавшій, не упускалъ случая подвести мину и подъ своего счастливаго соперника и замѣстителя Ратаева. Въ этомъ Рачковскому оказывалъ незамѣнимую помощь его достойный вскормленникъ Ландезенъ-Гартингъ, завѣдывавшій въ это время, какъ мы уже видѣли, Берлинской Агентурой. Гартингъ формально былъ подчиненъ Ратаеву, но на дѣлѣ былъ совершенно самостоятеленъ и въ своихъ докладахъ директору Департамента Полиціи дѣлалъ прямые доносы на своего непосредственнаго начальника, на его бездѣйствіе или упущенія.

Но Ратаевъ держался крѣпко не только благодаря благосклонности къ нему Плеве, но и потому, что въ его секретной агентурѣ работали провокаторы и шпіоны такой высокой марки, какъ *Левъ Бейтнеръ*, *Марья Алексѣевна Загорская* и самъ *Евно Азефъ*. Благодаря имъ Ратаевъ могъ хорошо „освѣщать“ дѣятельность и планы и старыхъ народовольцевъ, и нарождавшихся социалистовъ - революціонеровъ. Первыхъ, въ томъ числѣ Бурцева съ Краковымъ, обхаживалъ Бейтнеръ, вторыхъ — Загорская и особенно Азефъ, который доставлялъ своему патрону чуть не ежедневные рапорты и, между прочимъ, подробнѣйшіе доклады о съѣздѣ социалистовъ-революціонеровъ въ Женевѣ 5 іюля 1903 года, о „конференціи представителей россійскихъ революціонныхъ и оппозиціонныхъ группъ и организацій“ въ Парижѣ 9/22 октября 1904 г., на которой партію с.-р. представляли Черновъ и Азефъ ¹⁾.

Казалось бы, все предвѣщало Ратаеву долговременное пребываніе на посту завѣдующаго Заграничной Агентурой;

¹⁾ Болѣе подробно о всей — и россійской и заграничной — дѣятельности Евно Азефа см. во второй части.

по ироніи судьбы въ его царствованіе получили даже свое завершеніе нѣкоторыя изъ начинаній его предшественника и врага—Рачковскаго.

Какъ извѣстно, еще Рачковскій организовалъ „кружокъ французскихъ журналистовъ“ въ 1901 г. и осенью того же года поднялъ, благодаря имъ, въ парижскихъ газетахъ кампанію противъ русскихъ эмигрантовъ, но поставить это дѣло на должную высоту онъ „за недостаткомъ соотвѣтственныхъ ассигнованій“ не могъ, если не считать его неудачной попытки организовать знаменитую „Лигу для спасенія русскаго отечества“. Мечта Рачковскаго осуществилась лишь при Плеве и при Ратаевѣ, когда въ мартѣ 1903 г. былъ командированъ въ Парижъ для соотвѣтственной информации и подкупа иностранной прессы Иванъ Федоровичъ Манусевичъ-Мануйловъ (Нововременскій „Маска“); въ распоряженіе Мануйлова было отпущено 12.160 руб. ежегодно.

Впослѣдствіи эта сумма значительно возрасла, такъ какъ на одинъ подкупъ „Echo de Paris“, „Gaulois“ и „Figaro“ Манусевичъ-Мануйловъ тратилъ въ годъ не менѣе 24 тысячъ франковъ. Подкупъ этотъ совершался въ видѣ абонементовъ на нѣкоторое количество экземпляровъ данной газеты. Кромѣ того, Манусевичъ-Мануйловъ издавалъ въ Парижѣ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ журнальчикъ „La Revue Russe“, поставившій себѣ цѣлью парализовать „интриги“, направленные противъ Россіи; редакція этого журнальчика помѣщалась въ квартирѣ редакціи газеты „Figaro“, официальнымъ редакторомъ и сотрудниками были французы. Средства на изданіе „La Revue Russe“—10.000 франковъ въ мѣсяць—были отпущены изъ личныхъ средствъ Николая II. Манусевичъ-Мануйловъ сносился непосредственно съ самимъ министромъ внутр. дѣлъ—Плеве—и совершенно не зависѣлъ отъ Ратаева...

Въ вѣдѣніе же Ратаева въ 1904 г. поступилъ и политическій сыскъ на Балканскомъ полуостровѣ.

Когда въ январѣ 1904 г. послѣ разоблаченія роли Александра Вайсмана, какъ агента Д-та Полиціи въ Вѣнѣ и на Балканахъ, было рѣшено закрыть и ликвидировать Балканскую Агентуру, то жанд. полковн. Владимиръ Вале-

ріановичъ *Тржецякъ*, стоявшій во главѣ ея, а затѣмъ, находившійся при Варшавскомъ губ. жанд. управл., въ февралѣ 1905 года былъ назначенъ въ помощники къ Ратаеву для наблюденія за русскими на Балканскомъ полуостровѣ. 27 февраля *Тржецякъ* выѣхалъ изъ Варшавы въ Вѣну на свиданіе съ Ратаевымъ и съ нимъ объѣхалъ Балканскій полуостровъ—Бѣлградъ, Софію, Константинополь—для организаціи Агентуры въ этихъ странахъ и обслѣдованія фабрики бомбъ въ Софіи. Послѣ этого путешествія *Тржецякъ* выѣхалъ въ Одессу для установленія связи между Балканской Агентурой и жанд. заграницными властями, а затѣмъ въ Варшаву и въ С.-Петербургъ.

Здѣсь мы воспользуемся случаемъ, чтобы охарактеризовать составъ *Балканской Агентуры* до ликвидаціи ея въ 1904 году при полковникѣ *Тржецякѣ*. Въ вѣдѣніе этой агентуры входили Румынія, Болгарія, Сербія и Вѣна. Въ *Румыніи* подъ началомъ полковника *Тржецяка* находилось 16 агентовъ: *Осадчукъ* Иванъ Осиповичъ, *Мотылевъ* Александръ Александровичъ, *Таборъ* Самуиль, онъ же *Самуиловъ*, *Меласъ* Григорій Анастасьевичъ, *Терзичъ* Иванъ, *Краевичъ* Михайль, *Гаспаръ* Александръ, *Ивахновъ* Трифонъ Иларіоновичъ, *Руэ*, *Зирра*, *Лапинскій* Антонъ, *Яманди* Григорій Федоровичъ, *Стоевъ* Іоакимъ Степановичъ, *Тридасъ* Сюзанна, *Буяновъ* Харлампій и *Хорошевъ* Иванъ; въ *Болгаріи* было 5 агентовъ: *Озеровъ* Антонъ Михайловичъ, *Перлинъ* Нахманъ Сендеровъ, *Заверуха* Емельянъ, *Шварцъ* Петръ Андреевичъ, *Богдановъ*; въ *Сербіи* двое: *Гнѣдичъ*, *Джайя* Іованъ; въ *Вѣнѣ*—одинъ *Вайсманъ* Шимонъ Мойше-Мордковъ (братъ Александра). Кромѣ того, въ *Бухарестѣ* было два сортировщика писемъ и въ *Яссахъ* два почтальона; получали они по 100 р. въ мѣсяцъ.

Среди этихъ сотрудниковъ находится значительное число лицъ, спеціально занимавшихся перлюстраціей писемъ политическихъ эмигрантовъ.

Затѣмъ интересно отмѣтить участіе въ этой Агентурѣ иностранныхъ политическихъ чиновъ—*Гаспара*—комиссара Бухарестской сыскной полиціи (50 фр.), *Гнѣдича*—помощника

градоначальника въ Бѣлградѣ (100 фр.), *Зирра*—румынского полицейскаго комиссара на станціи Плоешти (100 фр.); также не лишено интереса то, что „оказывалъ различныя мелкія агентурныя услуги въ качествѣ случайнаго сотрудника письмоводитель Россійской императорской миссіи въ Бухарестѣ Іоакимъ Степановичъ *Стоевъ* (безъ опредѣленнаго содержанія). Изъ другихъ сотрудниковъ, уже перечисленныхъ нами выше, остановимся здѣсь лишь на слѣдующихъ: *Осадчукъ* специализировался, главнымъ образомъ, по организаціи агентуры и перлюстраціи почты, велъ таковую въ Бухарестѣ, Варнѣ, Руссукѣ и Яссахъ (400 фр.); *Меласъ* Георгій Анастасьевичъ, грекъ, „съ успѣхомъ выполнялъ порученія агентурнаго свойства во всѣхъ румынскихъ городахъ, расположенныхъ по Дунаю... обладаетъ личной инициативой, находчивъ, хитеръ и не стѣсняется средствами для достиженія цѣли (500 фр.)“; *Озеровъ* Антонъ Михайловичъ „имѣетъ сношенія съ македонскими революціонерами и съ проживающими въ Женевѣ членами группы народовольцевъ и а.-к..., наблюдалъ за тѣмъ, чтобы с.-р. не получили отъ македонскихъ революціонеровъ взрывчатыхъ веществъ—300 фр.; *Перлинъ* Нахманъ Сендеровъ жилъ въ Бухарестѣ, а затѣмъ съ 1902 г. въ Парижѣ, жилъ по паспорту Александрова, въ 1892 г. кончилъ Бухарестскій университетъ съ дипломомъ доктора медицины, „способствовалъ организаціи въ Румыніи и Болгаріи революціонной агентуры“, въ 1888 г. сообщилъ о готовившемся русскими революціонерами въ Парижѣ динамитномъ взрывѣ, сообщилъ объ отъѣздѣ Черкасова и Бурцева въ Лондонъ, участвовалъ въ организаціи арестовъ революціонеровъ Ананьева и Корсакова и въ попыткѣ ареста Бурцева, съ 1902 г. до осени 1903 г. жилъ въ Парижѣ и занимался въ клиникѣ Шарко, а затѣмъ переселился на постоянное жительство въ Софію (500 фр.); *Шварцъ*—помощникъ адвоката въ Софіи—„оказывалъ въ качествѣ случайнаго сотрудника агентурныя услуги Александру Вайсману, а по отъѣздѣ того въ С.-Петербургъ обслуживалъ Софію и велъ тамъ, между прочимъ, перлюстрацію... обладаетъ достаточными нравственными основами и вполне воспитанъ“;

Джайя — редакторъ-издатель сербской газеты „Народъ“ — „въ качествѣ случайнаго сотрудника оказывалъ Тржецяку и его предшественнику рядъ агентурныхъ услугъ“; *Вайсманъ Симонъ* „въ 1895 году перешелъ на службу въ Заграничную Агентуру и организовалъ агентурное наблюдение въ Вѣнѣ, сдѣвъ первыя 5 лѣтъ былъ студентомъ Вѣнскаго университета; прекрасно начитанъ, интеллигентенъ, исполнителенъ и корректенъ, обладаетъ нравственными качествами, порядоченъ, честенъ, преданъ дѣлу и ведетъ его сознательно“; по закрытіи Балканской Агентуры Вайсманъ оставленъ при агентурѣ Д-та Полиціи (500 фр.) ¹⁾.

Берлинская Агентура при Ратаевѣ находилась подъ самостоятельнымъ управленіемъ *Гартинга*, который проявлялъ большую активность, особенно въ дѣлѣ вербовки секретныхъ сотрудниковъ. Перечислимъ нѣкоторые изъ его подвиговъ въ этой области:

Въ 1903 г. Гартингомъ былъ командированъ въ Мюнхенъ „старый сотрудникъ для выясненія болѣе видныхъ дѣятелей тамошнихъ революціонныхъ колоній“; новому сотруднику выдано авансомъ черезъ Квицинскаго въ С.-Петербургѣ 150 руб. (324 марки); внутренній старый сотрудникъ Берлинской Агентуры былъ отпущенъ осенью 1903 года въ Россію, но вскорѣ вернулся обратно; секретный сотрудникъ въ Гейдельбергѣ (З.) ²⁾ помогалъ въ 1904 г. контролировать переписку А. Гоца и И. Фундаминскаго; въ концѣ 1903 г. въ Швейцарію для выясненія раскола въ организаци „Искры“ былъ командированъ секретный сотрудникъ (несомнѣнно Житомірскій. В. Аг.) и получилъ на это 300 марокъ; наконецъ, въ январѣ 1904 г. Гартингомъ „пріобрѣтенъ сотрудникъ „Москвичъ“, которому выдано пособіе на выѣздъ изъ Россіи 800 руб. и назначено жалованья 1.600 марокъ въ мѣсяцъ. Этотъ таинственный „Москвичъ“ уже 20 апрѣля 1904 г. получилъ отъ Гартинга сверхъ своего жалованья еще 1.060 фр. за поѣздки въ Швейцарію, Парижъ и Италію, 300 марокъ—

¹⁾ Подробнѣе о Вайсманахъ см. во 2-й части.

В. Аг.

²⁾ Несомнѣнно Зинаида Жученко.

В. Аг.

23 марта за поѣздку въ Берлинъ и въ сентябрѣ 1904 года 650 фр. „въ возмѣщеніе расходовъ по поѣздкѣ по городамъ Западной Европы въ цѣляхъ изученія положенія русской политической эмиграціи“.

Впрочемъ, уже въ февралѣ 1904 г. сотрудникъ „Москвичъ“ былъ переданъ въ распоряженіе самого Ратаева. Приводимъ здѣсь интересное письмо по этому поводу *Лопухина* къ *Ратаеву* отъ 9 февраля 1904 г.:

„Поступающія данныя о дѣятельности русской эмиграціи свидѣтельствуютъ, что наиболѣе активныя ея силы сосредоточиваются въ Швейцаріи и преимущественно въ Женевѣ, гдѣ находятся центры обѣихъ главнѣйшихъ революціонныхъ группъ, т.-е. с.-р. и с.-д., а равно помѣщаются редакціи и печати ихъ партійныхъ органовъ. Благодаря такой группировкѣ, активные революціонные дѣятели, выбывающіе изъ Россіи, а также лица, укрывающіяся отъ преслѣдованія властей, по прибытіи за-границу естественно стремятся въ Швейцарію, гдѣ примыкаютъ къ готовымъ уже кадрамъ и такимъ образомъ формируютъ все болѣе и болѣе сплоченное революціонное сообщество. Въ сихъ видахъ представляется своевременнымъ принять мѣры къ обезпеченію исполнѣя правильнаго и всесторонняго освѣщенія дѣятельности означенныхъ революціонныхъ центровъ, причемъ для достиженія сей цѣли необходимо усилить дѣйствующій въ вѣренномъ Вашему наблюденію районѣ агентурный составъ.

Въ послѣднее время Департаментъ заручился предложеніемъ услугъ извѣстнаго Вамъ секретнаго сотрудника (псевдонимъ „Москвичъ“), который по своему положенію и стариннымъ связямъ въ революціонной средѣ можетъ оказать полезныя услуги по дѣламъ порученной Вамъ агентуры. Названный „Москвичъ“ имѣетъ при себѣ организованный имъ лично составъ сотрудниковъ и въ вознагражденіе за труды получаетъ совмѣстно съ ними изъ суммъ Д-та по 2.000 фр. въ мѣсяцъ.

Сообщая объ изложенномъ, предлагаю В-му П-ву разыскать „Москвича“, вступить съ нимъ въ ближайшее сношеніе и о результатахъ дѣятельности доносить мнѣ.

Вы можете предъявить сотруднику настоящее письмо и поставить его въ извѣстность, что *настоящее измѣненіе въ первоначальной программѣ* его положенія и будущей дѣятельности проистекаетъ непосредственно изъ соображеній пользы дѣла и розыскной службы и что отъ принятія его предложенія зависитъ вопросъ о дальнѣйшемъ существованіи самаго соглашенія съ нимъ Департамента“.

Въ Петроградѣ на основаніи цѣлаго ряда свидѣтельскихъ показаній мнѣ удалось установить, что подъ псевдонимомъ „Москвичъ“ скрывается старый нашъ знакомый — *Левъ Бейтнеръ*.

Такимъ образомъ, у Гартинга въ Берлинѣ въ началѣ 1904 года были въ распоряженіи слѣдующіе секретные сотрудники: 1) *Ростовцевъ (Житомирскій. В. Аг.)*—400 марокъ въ мѣсяць, 2) *Москвичъ (Левъ Бейтнеръ. В. Аг.)*—1.640 марокъ въ мѣсяць, 3) *Кіевлянинъ*—125 марокъ, тоже *Житомирскій*, котораго изворотливый Гартингъ, небрезговавшій и малымъ, проводилъ въ отчетѣ подъ двумя кличками, а платилъ, конечно, одному, а не двумъ *Житомирскимъ*), 4) *З.* (переехалъ изъ Лейпцига въ Гейдельбергъ (несомнѣнно *Зинаида Жученко. В. Аг.*), 5) *Степановъ* (въ сентябрѣ 1904 года получилъ 1.304 марки — 1.600 фр. въ возмѣщеніе произведенныхъ имъ расходовъ), 6) *Обуховъ* (осенью 1904 г. командированъ въ Россію, на что получилъ 500 руб. авансомъ), 7) *Кондратьевъ* (съ октября 1904 г.)—100 марокъ въ мѣсяць ¹⁾.

Ежемесячные расходы на Берлинскую Агентуру достигали въ это время 96.300 фр. Въ эту сумму не входили, конечно, различныя публицистическія упражненія въ нѣмецкой прессѣ, которыя оплачивались особо; такъ, напр., за

¹⁾ Какъ видитъ читатель, изъ „семи секретныхъ сотрудниковъ Гартинга мы съ достовѣрностью могли установить: „Ростовцева“ и „Кіевлянина“ — *Житомирскаго*, „Москвича“ — *Льва Бейтнера* и *З.* — *Зинаиду Жученко*; три остальные псевдонима нами пока еще не раскрыты окончательно. Если у кого-либо изъ нашихъ читателей имѣются по сему поводу какія-либо данныя или соображенія, просимъ сообщить ихъ намъ на адресъ книгоизд. „Книга“.

напечатаніе письма министра вн. д. къ Стэду въ „Darmstädter Tagblatt“ №№ 239 и 240 — 1903 г. уплачено 100 марокъ.

Вѣроятно, и здѣсь не побрезговалъ Гартингъ ста марками, такъ какъ ясно, что такую сенсаціонную вещь, какъ письмо Плеве къ Стэду, всякая газета напечатаетъ не только даромъ, но даже и деньги хорошія заплатитъ.

Въ 1904 г. Гартингъ былъ вызванъ въ Петербургъ и ему была поручена д-ромъ Д-та Полиціи Лопухинымъ организація контръ-развѣдки для борьбы съ японскимъ шпіонажемъ, во главѣ котораго стоялъ Акаши, а затѣмъ и спеціальная миссія—принятіе мѣръ для охраны пути второй эскадры Рождественскаго на Дальній Востокъ. Закипѣла работа. Для борьбы съ японцами Гартингъ призвалъ „старую гвардію“—филеровъ, слѣдившихъ раньше за русскими революціонерами, и „провокаторовъ“; самъ же метался по Европѣ, слѣдомъ за Акаши и другими настоящими и мнимыми японскими шпіонами: сегодня въ Петербургѣ, завтра въ Берлинѣ, послѣ-завтра въ Стокгольмѣ, въ Копенгагенѣ. Заслуженному провокатору Гартингу ассигнуется громадныя суммы (200 или 300 тысячъ рублей), даются широкія полномочія...

Въ результатъ знаменитый и печальный для насъ Гульскій инцидентъ, когда разнервничавшіеся, подъ вліяніемъ гартинговскихъ „достоверныхъ“ донесеній, а по словамъ нѣкоторыхъ свидѣтелей—и прямыхъ указаній присутствовавшего на одномъ изъ судовъ Гартинга, командиры эскадры Рождественскаго разстрѣляли флотилію англійскихъ рыбаковъ, принявъ ихъ за японскіе миноносцы. Какъ извѣстно, Россія оказалась тогда на волоскѣ отъ войны съ Англіей... Виновникъ этого позорнаго для насъ международнаго конфликта—Гартингъ—получилъ большую денежную награду и орденъ Владимира, дававшій мѣщанину города Пинска, провокатору Абраму Гекельману, право на потомственное дворянство...

Несмотря на столь успѣшную дѣятельность Гартинга, какія-то высшія соображенія Д-та Полиціи, а вѣрнѣе подпольная игра партій въ министерствѣ вн. дѣлъ, привели послѣднее къ убѣжденію, что Берлинскую Агентуру нужно

ликвидировать, какъ самостоятельное учрежденіе, и наблюденіе за русскими революціонерами, проживающими въ Германіи, предоставить центральной Парижской Агентурѣ.

17 января 1905 года директоръ Д-та Полиціи *Лопухинъ*, у котораго завѣдующимъ Особымъ Отдѣломъ политической агентуры состоялъ *Макаровъ*, представилъ товарищу министра вн. дѣлъ докладъ, въ которомъ, между прочимъ, пишетъ:

„Въ 1901 г., въ виду скопленія въ Берлинѣ значительнаго количества русскихъ революціонеровъ, признано было необходимымъ выдѣлить изъ Парижской Агентуры для названнаго города отдѣльный органъ политическаго розыска, сохраненіе коего за принятіемъ Германскимъ правительствомъ особо репрессивныхъ мѣръ противъ иностранныхъ подданныхъ, занимающихся революціонной дѣятельностью, въ настоящее время представляется излишнимъ...

За послѣдніе годы главнымъ руководящимъ центромъ русской политической эмиграціи является Швейцарія и въ особенности Женева, гдѣ и необходимо сосредоточить всѣ наблюдательныя силы Заграничной Агентуры, что возможно будетъ достигнуть при объединеніи Парижской и Берлинской Агентуръ и передачѣ въ распоряженіе чиновн. особ. поруч. *Ратаева* всѣхъ наблюдательныхъ агентовъ и секретныхъ сотрудниковъ Берлинской агентуры“.

Изъ смѣты, приложенной къ этому докладу, видно, что въ распоряженіи Гартинга въ это время, кромѣ сотрудника З., получавшаго 3.880 марокъ въ годъ, было трое русскихъ секретныхъ сотрудника (на всѣхъ 9.300 марокъ въ годъ) и трое нѣмецкихъ секретныхъ сотрудниковъ (на всѣхъ 7.200 марокъ въ годъ).

Видимо, въ теченіе 1904 года составъ секретной агентуры Гартинга въ Берлинѣ претерпѣлъ значительныя измѣненія.

Докладъ директора Д-та Лопухина получилъ утвержденіе министра вн. дѣлъ на слѣдующій же день и Берлинская Агентура перестала существовать, какъ самостоятельное учрежденіе; на ликвидацію ея дѣлъ Гартингу было отпущено 31 января 1905 года 6.500 руб.

Но съ исчезновеніемъ изъ полицейскаго и вообще земного горизонта Плеве, убитаго въ іюль 1904 году, соотношеніе силъ боровшихся за власть партій, измѣнилось и верхъ взяла клика, въ которой не послѣднюю роль игралъ *Рачковскій*; и уже въ первой половинѣ 1905 г. мы видимъ его на крайне важномъ посту вице-директора Д-та Полиціи по политической части съ правами директора Д-та. *Рачковскій* не замедлилъ возстановить только что упраздненную Лопухинымъ Берлинскую Агентуру, а своего питомца Гартинга снова сдѣлалъ завѣдующимъ этой Агентурой; для этого Рачковскому достаточно было представить 11 іюня 1905 г. министру вн. дѣлъ докладъ, въ которомъ онъ, между прочимъ, пишетъ слѣдующее:

„Принимая во вниманіе, что со времени объединенія названной Агентуры (Парижской и Берлинской) Берлинъ, по своей близости къ русской границѣ, не утратилъ для революціонеровъ своего значенія и тамъ продолжаетъ сосредоточиваться значительное количество активныхъ дѣятелей различныхъ партій, включительно до террористовъ, которые при отсутствіи нынѣ правильно организованнаго агентурнаго наблюденія могутъ совершенно свободно осуществлять свои преступные замыслы, Д-тъ Полиціи полагалъ бы существенно важнымъ незамедлительно *возстановить* Берлинскую Агентуру на прежнихъ основаніяхъ“...

Легко было убѣдить петербургскихъ самодержцевъ, что вчерашняя истина стала грубымъ заблужденіемъ.

Ратаеву было предложено немедленно вернуть въ распоряженіе Гартинга соотвѣтственныя суммы, отпущенныя на агентурное наблюденіе въ Германіи. Изъ переписки, возникшей по этому поводу, мы видимъ, между прочимъ, что во времена Ратаевского управленія содержаніе Парижской, Лондонской и Швейцарской Агентуръ обходилось въ 134.400 фр. въ годъ, изъ которыхъ на Лондонъ шло 50.000 и на Швейцарію — 18.000 фр.

За этимъ щелчкомъ по самолюбію Ратаева вскорѣ послѣдовалъ и настоящій ударъ:

1 августа 1905 года Ратаевъ былъ устраненъ отъ завѣ-

дыванія Заграничної Агентуры и вмѣсто него былъ назначенъ его врагъ—*Аркадій Гартингъ*.

Конечно, Ратаевъ немедленно полетѣлъ въ Петербургъ, чтобы пустить въ ходъ соотвѣтственные пружины, но все было тщетно; приходилось примириться и отойти отъ власти. Въ утѣшеніе, впрочемъ, онъ получилъ въ видѣ пособія 15.000 фр. и поселился въ Парижѣ, гдѣ и жилъ съ тѣхъ поръ подъ фамиліей *Рихтера*. Приводимъ слѣдующую интересную выписку изъ докладной записки *Ратаева* министру вн. дѣлъ отъ 9/22 марта 1906 года:

„Я рѣшилъ представить на Ваше благоусмотрѣніе краткій обзоръ моей дѣятельности съ сентября 1902 года по іюль 1905 г.

Должность мою я вынужденъ былъ покинуть совершенно неожиданно безъ всякихъ предупрежденій и какъ разъ въ тотъ самый моментъ, когда *агентура среди партіи с.-р. достигла небывалой высоты*, и ожидалась весьма крупные результаты. Въ минувшемъ іюлѣ (1905 г.), когда я пріѣхалъ въ Петербургъ, я засталъ странное положеніе. На всѣ мои вопросы какъ высшее, такъ и ближайшее начальство категорически заявляло мнѣ, что съ дѣятельностью моею они совершенно не знакомы, докладовъ моихъ не читали и не знаютъ, но, тѣмъ не менѣе, подъ страхомъ лишенія пенсіи, требовали, чтобы я немедленно уѣзжалъ въ Парижъ для сдачи должности. Такъ что я, собственно говоря, до сихъ поръ совершенно не освѣдомленъ о причинахъ прекращенія моей служебной дѣятельности...

Такова нравственная сторона дѣла. Тотчасъ послѣ оставленія мною должности, отпускъ на Заграничную Агентуру былъ увеличенъ на 100.000 фр. и такимъ образомъ въ настоящее время, когда въ сущности за-границей дѣла втрое меньше, чѣмъ прежде, замѣститель мой получаетъ все то, что отпускалось на Германію и съ добавленіемъ еще 100.000 франковъ“...

Сѣтованія Ратаева на несправедливость высшаго начальства вполне правильныя: вѣдь, это въ его царствованіе и подъ его руководствомъ достигла наибольшаго блеска

провокационная дѣятельность Евно Азефа; и это сокровище пришлось оторвать отъ своего сердца и отдать врагу. „8 августа 1905 года Ратаевъ въ С.-Петербургѣ передалъ Рачковскому временно находящагося въ Россіи секретнаго сотрудника“. Несомнѣнно, здѣсь дѣло идетъ объ Азефѣ, хотя для насъ такъ же несомнѣнно, что Рачковскій не могъ не знать Азефа гораздо раньше и, конечно, зналъ и видѣлся и „работалъ“ съ нимъ рука объ руку.

Подобно тому, какъ Ратаевъ при замѣщеніи въ Парижѣ Рачковскаго доклады свои по начальству посвящалъ прежде всего критикѣ и умаленію заслугъ своего предшественника, такъ же *Гартингъ* въ первомъ же своемъ докладѣ дѣлаетъ то же по отношенію къ Ратаеву. Приводимъ нѣкоторыя наиболѣе интересныя мѣста изъ длиннаго рапорта Гартинга Рачковскому отъ 14/1 сентября 1905 г.:

„Согласно ордеру господина товарища министра внутреннихъ дѣлъ завѣдывающаго полиціей, отъ 19 минувшаго іюля о назначеніи меня завѣдывающимъ Заграничною Агентурою Департамента Полиціи, я отправился въ Берлинъ для принятія архива, который г. *Ланге-Говоровъ*, довѣренное лицо д. с. с. Ратаева, долженъ былъ къ тому времени передать на храненіе нашему генеральному консульству въ Берлинѣ.

Наканунѣ моего пріѣзда, состоявшагося 19 августа (старого стиля), въ генеральное консульство, дѣйствительно, былъ сданъ г. *Ланге-Говоровымъ* сундукъ съ бумагами, по вскрытіи коего въ ономъ оказался архивъ, переданный мною въ концѣ минувшаго февраля командированному для принятія отъ меня Берлинской Агентуры отставному надворному совѣтнику Мѣдникову. Новыхъ же документовъ, которые поступили бы за послѣдніе четыре мѣсяца, изъ Департамента Полиціи не оказалось, вслѣдствіе чего можно предполагать, что, начиная съ марта мѣсяца, розыскная дѣятельность Берлинской Агентуры была прекращена. Единственными новыми бумагами, оказавшимися среди архива, было нѣсколько телеграммъ, адресованныхъ г-ну *Ланге-Го-*

ворову, прежде служившимъ въ моей Агентурѣ наружнымъ агентомъ *Вольцомъ*, въ которыхъ послѣдній настоятельно требовалъ высылки денегъ и извѣщалъ о задержаніи Женевской полиціей его, Вольца, равно какъ и другого агента Парижской Агентуры—нѣкоего *Маша*.

При личномъ свиданіи, названный Вольцъ подтвердилъ мнѣ содержаніе упомянутыхъ его телеграммъ къ г-ну Ланге-Говорову, пояснивъ при этомъ, что, работая въ Швейцаріи безъ всякаго руководства, онъ и Машъ обратили на себя вниманіе мѣстныхъ властей, были задержаны Женевской полиціей и засимъ оба высланы изъ Женевы. Нѣкоторое время спустя, Вольцъ и Машъ, по порученію д. с. с. Ратаева, отправились въ Дюссельдорфъ, гдѣ Машъ былъ задержанъ мѣстною полиціею за долги и, просидѣвъ нѣкоторое время въ тюрьмѣ, былъ высланъ затѣмъ изъ Дюссельдорфа.

Изъ документовъ, одновременно съ симъ препровождаемыхъ д. с. с. Лемтюжниковымъ, Ваше Превосходительство изволите усмотрѣть, что г. Ратаевымъ передано д. с. с. Лемтюжникову: архивъ, 4 наружныхъ агента, 1 секретный сотрудникъ, нѣкій *Свѣтлицкій* (псевдонимъ), какъ разъ случайно пришедшій по дѣламъ службы въ канцелярію агентуры..., адреса двухъ наружныхъ и одного внутренняго агента въ Лондонѣ и списокъ причастныхъ къ Агентурѣ Департамента Полиціи, проживающихъ въ Швейцаріи, лицъ (спеціально занимающихся перлюстраціей писемъ одного изъ участковъ Женевы).

Изъ содержанія вышеупомянутыхъ списковъ усматривается нижеслѣдующее:

Въ Парижѣ, въ Агентурѣ, числится 6 человекъ. Изъ нихъ *Чашниковъ*, по старости, производительной работы дѣлать не можетъ. *Ильинъ* состоитъ машинистомъ. Изъ 4 наружныхъ агентовъ для наблюденія употребляется только *Самбенъ* и *Левекъ*, который, какъ мнѣ извѣстно изъ дѣлъ, особенными способностями не отличается; *Фернбахъ* годенъ лишь для собиранія справокъ; *Бинтъ* же, прежде занимавшійся наружнымъ наблюденіемъ, состоялъ при д. с. с. Ратаевѣ въ роли ближайшаго и довѣреннаго помощника, по

наружному же наблюдению на него никакихъ порученій не возлагается и онъ заявляетъ, что наблюдениемъ больше заниматься не будетъ.

Въ Женевѣ находится 6 человекъ, числящихся въ Агентурѣ. Изъ нихъ *Риго*, еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ бывшій наблюдательнымъ агентомъ, въ настоящее время къ таковой службѣ не пригоденъ, вслѣдствіе характерной наружности (непомѣрно толстъ), *Депассель*, *Боке* и *Делеамонъ*, состоящіе на службѣ въ Женевской полиціи, пригодны лишь для доставленія въ Женевѣ Заграничной Агентурѣ Департамента Полиціи частнымъ образомъ кое-какихъ справокъ о проживающихъ тамъ революціонерахъ. *Мерсіе* поставляетъ корреспонденцію для перлюстраціи, которою специально занимаются *Риго* и г-жа *Депассель*.

Въ Лондонѣ наружнымъ наблюдениемъ занимается агентъ *Фарсъ*, а собираніемъ справокъ — англичанинъ *Торпъ*.

Такимъ образомъ, для надобностей наружнаго наблюденія въ Парижѣ, Лондонѣ и Швейцаріи, — при настоящемъ наличномъ составѣ, — въ распоряженіи Заграничной Агентуры въ дѣйствительности остается всего лишь три человека“.

Переходя затѣмъ къ разсмотрѣнію финансовой смѣты Ратаева, *Гартингъ* высказываетъ удивленіе, какимъ образомъ Ратаевъ могъ платить такія большія жалованья агентамъ внѣшняго наблюденія, что мѣсячные расходы на содержаніе послѣднихъ превышали 8.000 фр. „Какимъ образомъ мой предмѣстникъ, говоритъ *Гартингъ*, уплачивая такія сравнительно крупныя суммы нѣкоторымъ изъ наружныхъ агентовъ, могъ содержать еще секретныхъ сотрудниковъ и платить, напримѣръ, 900 франковъ въ мѣсяцъ извѣстному Департаменту Полиціи *Бабаджану* (псевдонимъ) (*Батушанскій. В. А.*), нынѣ уѣхавшему, по указанію г. Ратаева, въ Россію, съ тѣмъ, кажется, чтобы постараться поступить на службу къ г. Гуровичу, тѣмъ болѣе, что, независимо *Бабаджана*, у него имѣлось еще нѣсколько мелкихъ секретныхъ сотрудниковъ, которые, при самомъ скромномъ жалованьи, несомнѣнно, получали въ общей сложности около 1.000 фр. въ мѣсяцъ“.

Гартингъ объясняетъ это тѣмъ, что Ратаевъ поставилъ такія высокія жалованья въ смѣту только лишь передъ своимъ уходомъ. „Предположеніе это представляется мнѣ, говоритъ Гартингъ, еще тѣмъ болѣе правдоподобнымъ, что, помимо всѣхъ перечисленныхъ расходовъ, г. Ратаевъ до сентября минувшаго года платилъ нынѣ умершему *Милевскому* жалованье въ 1.250 франковъ въ мѣсяцъ, не считая 1.000 франковъ наградныхъ, и по смерти Милевского продолжалъ выдавать его вдовѣ по 1.000 фр. въ мѣсяцъ, вплоть до минувшаго января мѣсяца. Затѣмъ, по концѣ 1904 года онъ платилъ г. *Гольшману* по 1.000 франковъ въ мѣсяцъ и 1.000 франковъ наградныхъ, а съ 1 января по концѣ минувшаго іюля, т.-е. до пожалованія послѣднему пенсіи, выдавалъ ему ежемѣсячно по 500 франковъ“.

Помимо скомпрометированія своего предшественника и соперника, Гартингъ стремился этимъ доносомъ къ осуществленію другой—болѣе матеріальной—цѣли, а именно: увеличить ассигнованіе отпускаемыхъ въ его распоряженіе суммъ.

Рачковскій пошелъ навстрѣчу желанію Гартинга, и ассигновка на Заграничную Агентуру была увеличена почти на 100.000 фр., въ томъ числѣ 12.000 фр. было ассигновано на содержаніе новаго сотрудника *Девернина* и 40.800 фр. на приобрѣтеніе секретныхъ сотрудниковъ.

Французу Девернину была поручена организація внѣшняго наблюденія.

ГЛАВА IV.

„Бывшій провокаторъ“ Гекельманъ - Ландезенъ — статскій совѣтникъ Аркадій Гартингъ становится завѣдующимъ Заграничной Агентурой.—Его секретные сотрудники: Житомирскій, Батушанскій, Цейтлинъ, Маасъ, Загорская.—Трагедія Черняка.—Разоблаченіе Лзефа.—Докладъ Гартинга объ этомъ событіи.—Борьба Гартинга съ Бурцевымъ.—Разоблаченіе Гартинга и исчезновеніе его изъ Парижа.

Гартингъ управлялъ Заграничной Агентурой до начала 1909 года, когда *Бурцевъ* на основаніи данныхъ, сообщенныхъ ему, главнымъ образомъ, *Меньшиковымъ*, напечаталъ въ французскихъ газетахъ, что глава русской политической поли-

ціи за-границей, проживающій въ Парижѣ статскій совѣтникъ и кавалеръ многихъ Россійскихъ и иностранныхъ орденовъ (въ томъ числѣ и французскаго ордена Почетнаго легіона)—Аркадій Михайловичъ Гартингъ не кто иной, какъ бывшій политическій эмигрантъ, а затѣмъ провокаторъ, долгіе годы состоящій на службѣ русской полиціи, *Абрамъ Гекельманъ-Ландезенъ*—одинъ изъ организаторовъ (съ провокаціонной цѣлью) знаменитой мастерской бомбъ въ Парижѣ, присужденный за это судомъ французской исправительной полиціи къ тюремному заключенію, но своевременно скрывшійся.

Къ этому полицейскому скандалу, въ теченіе долгаго времени не сходявшему со столбцовъ не только французскихъ, но и всѣхъ европейскихъ газетъ, мы еще вернемся; теперь же обратимся къ эпохѣ гартинговскаго управленія Заграничной Агентурой.

Въ началѣ Гартинговскаго управленія произошла и знаменитая трагедія *Черняка*.

Молодой Яковъ Чернякъ учился въ Женевѣ, гдѣ и окончилъ курсъ съ дипломомъ химика; здѣсь же онъ вошелъ въ сношенія съ с.-р. и числился въ рядахъ партіи, но по возвращеніи своемъ въ Россію въ 1905 году сблизился съ максималистами и оказывалъ имъ значительныя техническія услуги въ дѣлѣ изготовленія взрывчатыхъ снарядовъ; послѣ провала максималистскаго центра ему удалось уѣхать за-границу и онъ нѣкоторое время жилъ въ Парижѣ, гдѣ велъ сношенія, главнымъ образомъ, съ с.-р.

Видимо, Д-тъ Полиціи крайне преувеличивалъ роль Черняка въ революціонномъ движеніи и стремился во что бы то ни стало захватить его въ свои руки. Чернякъ былъ вызванъ въ Стокгольмъ таинственной телеграммой, которая гласила—„Alexis venez Nathalie“ и которую, какъ онъ предполагалъ, ему прислала якобы Климова (одна изъ видныхъ максималистокъ); здѣсь онъ былъ арестованъ шведской полиціей, посаженъ въ тюрьму и былъ бы несомнѣнно выданъ русскому правительству, если бы не энергичная кампанія, которую повели его друзья въ Парижѣ и въ другихъ европейскихъ центрахъ противъ этой выдачи, и не экстрен-

ная поѣздка брата Черняка (Ильи) въ Стокгольмъ, гдѣ онъ, съ своей стороны, сумѣлъ заинтересовать въ этомъ дѣлѣ и прессу, и парламентскіе круги. Молодой Чернякъ былъ освобожденъ изъ стокгольмской тюрьмы, но немедленно высланъ изъ Швеціи.

На пароходѣ, въ пути изъ Стокгольма въ Антверпенъ, Чернякъ и еще двое изъ пассажировъ этого парохода тайно скончались отъ отравленія, причины котораго и доселѣ остались далеко невыясненными; многіе предполагаютъ, что злого умысла въ этомъ отравленіи не было и что Чернякъ былъ отравленъ случайно газами, исходившими изъ трюма, благодаря разложенію сложенныхъ тамъ фосфористыхъ соединеній. Другая гипотеза, которая вначалѣ казалась наиболѣе вѣроятной и которую мы усиленно защищали въ иностранной прессѣ, а центральный комитетъ с.-р. и въ официальныхъ заявленіяхъ, была та, что Чернякъ отравленъ агентами русской полиціи. Въ Антверпенѣ бельгійская соціалистическая партія устроила Черняку торжественныя похороны, превратившіяся въ грандіозную манифестацію противъ русскаго самодержавія,—манифестацію, въ которой приняли участіе нѣсколько десятковъ тысячъ народа съ сотнями знаменъ и вѣнковъ.

Въ архивахъ Заграничной Агентуры я нашелъ слѣдующій документъ, относящійся къ самому началу этой трагедіи.

Гартингъ докладываетъ 22 ноября (5 декабря) 1906 года, между прочимъ, слѣдующее:

„Въ случаѣ, если бы Ваше Превосходительство признали цѣлесообразнымъ возбудить вопросъ о выдачѣ Черняка нашему Правительству, я позволяю себѣ почтительнѣйше высказать мнѣніе, что благопріятнаго результата легче можно будетъ достигнуть, обратившись для сего письмомъ на имя Стокгольмскаго полиціймейстера Гинце: судя по заявленіямъ, едѣланнымъ мнѣ за послѣднее мое пребываніе въ Стокгольмѣ начальникомъ мѣстной полиціи г. Стендалемъ,—можно думать, что при возбужденіи вопроса о выдачѣ Швеціей политическихъ преступниковъ путемъ дипломатическимъ не только потребуется гораздо болѣе времени, но

необходимо будетъ къ тому же непремѣнно обосновать ходатайство на вполне легальныхъ и фактическихъ доказательствахъ виновности.

Что же касается телеграфнаго предложенія Вашего Превосходительства о высылкѣ арестованныхъ въ Швеціи лицъ не въ Финляндію, а непосредственно въ Россію, то я обратился по сему поводу къ начальнику Стокгольмской тайной полиціи и, по полученіи отъ него отвѣта, не премину безотлагательно довести его до свѣдѣнія Вашего Превосходительства. Полагаю, что это предложеніе не встрѣтитъ сочувствія шведскихъ полицейскихъ властей въ виду того, что сношенія между Стокгольмомъ и Петербургомъ идутъ обыкновенно черезъ Гельсингфорсъ“.

Эта телеграмма Гартинга даетъ нѣкоторыя основанія думать, что вызовъ Черняка въ Стокгольмъ былъ ловушкой, устроенной ему русской полиціей...

Эпоха гартинговскаго управленія Заграничной Агентурой были эпохой конца русской революціи 1905—1906 годовъ, эпохой колоссальной провокаціи, окутавшей всѣ революціонныя партіи, и началомъ моральнаго разложенія этихъ послѣднихъ. Гартингъ-Ландезенъ игралъ немалую роль въ этой гнусной борьбѣ русскаго правительства съ революціонной Россіей; въ его рукахъ были такіе выдающіеся провокаторы, какъ *Житомірскій*, *Батушанскій*, *Цейтлинъ*, *Жученко*, *Маасъ*, *Загорская* и, наконецъ, вѣроятно, самъ *Азефъ*.

Мы говоримъ „вѣроятно“, такъ какъ въ нашихъ рукахъ нѣтъ прямыхъ указаній, что Азефъ „работалъ“ подъ началомъ Гартинга; выше мы видѣли, что Ратаевъ при своей отставкѣ сдалъ Азефа съ рукъ на руки непосредственно самому Рачковскому въ Петроградѣ.

Съ другой стороны, и среди революціонеровъ начала организовываться борьба съ провокаціей и одинъ за другимъ были разоблачены такіе крупные провокаторы, какъ Азефъ, Цейтлинъ, Жученко и, наконецъ, самъ Гартингъ-Ландезенъ. Въ центрѣ этой борьбы съ провокаціей стоитъ *В. Л. Бурцевъ*, которому бывшіе полицейскіе чиновники—Бакай и Меньшиковъ—доставили цѣлый рядъ секретныхъ докумен-

товъ и разоблаченій. Вся дѣятельность Гартинга поэтому проходить, съ одной стороны, въ организаціи все болѣе широкой провокаціи, съ другой—въ борьбѣ съ Бурцевымъ и съ другими разоблачителями.

Послѣ раскрытія Азефа, Гартингъ, какъ то видно изъ его донесеній Д-ту Полиціи, находится все время въ безпокойствѣ, что не сегодня-завтра пробьетъ и его часъ; онъ предлагаетъ Д-ту цѣлый рядъ мѣръ, чтобы защитить свою агентуру и прежде всего самого себя отъ дальнѣйшихъ разоблаченій, между прочимъ, усиленно настаиваетъ передъ Д-томъ, чтобы послѣдній, въ свою очередь, убѣдилъ русское правительство оказать дипломатическое давленіе на французское правительство, чтобы выслать изъ Франціи В. Л. Бурцева, В. К. Агафонова и Бакая, которые-де злоумышляютъ противъ его жизни; конечно, это злоумышленіе было плодомъ его испуганнаго воображенія.

Заботы объ охранѣ своей личности не мѣшали, конечно, Гартингу усиленно работать надъ освѣщеніемъ дѣятельности русскихъ революціонныхъ партій за-границей и не только надъ освѣщеніемъ, но и надъ активнымъ, непосредственнымъ вмѣшательствомъ во внутреннія дѣла этихъ партій.

„При первомъ полученіи свѣдѣній о намѣреніи социаль-демократовъ созвать новый съѣздъ, докладываетъ Гартингъ д-ру Департамента Полиціи, я ясно представлялъ себѣ невыгодность допущенія такового за-границей въ виду свободы, которой они пользуются здѣсь, но, будучи въ то же время убѣжденъ, что воспрепятствовать имъ въ этомъ не удастся, мною были направлены *всѣ усилія* къ тому, чтобы съѣздъ этотъ состоялся въ Копенгагенѣ.

Не говоря уже о полной поддержкѣ со стороны датскихъ полицейскихъ властей, въ которой я былъ увѣренъ, я обезпечилъ присутствованіе на съѣздѣ агентуры и принялъ всѣ мѣры къ тому, дабы не только официальные засѣданія, но даже внутренняя жизнь и квартиры главныхъ участниковъ не миновали бы контроля и надзора Загран. Агентуры. Объ этомъ мною было подробно доложено 30/17 апрѣля за № 145. По полученіи телеграфнаго приказанія

Вашего Превосходительства отъ 23 апрѣля относительно недопущенія съѣзда въ Копенгагенѣ, я немедленно снесся по сему поводу съ начальникомъ копенгагенской полиціи.

Нынѣ мною получены телеграфныя указанія, что участники съѣзда направляются въ Лондонъ, гдѣ, вѣроятно, и произойдетъ съѣздъ. Благодаря особымъ условіямъ жизни въ Лондонѣ, невозможно рассчитывать на содѣйствіе мѣстныхъ полицейскихъ властей и агентура едва ли сможетъ, изъ опасенія провала, принять активное участіе въ работахъ съѣзда.

Представляя объ изложенномъ, вслѣдствіе предписанія Вашего Превосходительства отъ 24 января с. г. за № 1101, имѣю честь добавить, что мною были приняты всѣ мѣры къ его точному исполненію и выдано сотруднику на разъѣзды по организаціи съѣзда 1.000 франковъ; сего числа мною переслано ему еще 500 фр. въ виду его телеграфной просьбы о добавочныхъ деньгахъ на поѣздку въ Лондонъ, причемъ нѣтъ увѣренности, что въ послѣднемъ городѣ онъ сможетъ принять участіе въ съѣздѣ“.

Несомнѣнно, секретнымъ сотрудникомъ, которому была поручена эта деликатная миссія, былъ *Житомірскій*.

Конечно, еще лучше „обработывались“ эсеровскія заграничныя группы, среди которыхъ, помимо рядовыхъ провокаторовъ, находились Загорская и Маасъ, стоявшіе въ непосредственной близости съ центральными лицами с.-р. партіи. Какъ видно изъ докладовъ Гартинга въ Д-тъ Полиціи, онъ былъ довольно хорошо освѣдомленъ о составѣ не только группъ, но и центрального комитета с.-р. партіи и нѣкоторыхъ его предпріятій, а также и о расколахъ и новыхъ теченіяхъ въ партіи, хотя нужно отмѣтить, что во многихъ сообщеніяхъ Гартинга имѣются многочисленные и значительныя неточности, напр., много путаницы въ его докладахъ о парижской группѣ с.-р., такъ называемой лѣвой группѣ и о журналѣ „Революціонная Мысль“, издававшемся въ Парижѣ *В. Агафоновымъ*, *Я. Юделевскимъ* и *А. Гнатовскимъ*; Много хлопотъ и тревогъ доставила Гартингу, какъ мы уже упоминали, дѣятельность *Бурцева*. Прежде

всего, Гартингъ стремится къ тому, чтобы удалить его изъ Франціи. Приводимъ слѣдующій документъ, который показываетъ, къ какимъ приемамъ прибѣгалъ Гартингъ для осуществленія этой своей цѣли; документъ этотъ—письмо Гартинга къ полковнику *Климовичу*, исполнявшему тогда должность директора Д-та Полиціи:

„Озабочиваясь о сохраненіи интересовъ Заграничной Агентуры при крайне удручающихъ обстоятельствахъ, причиняемыхъ пребываніемъ въ Парижѣ *Бака* и *Бурцева*, я имѣлъ недавно обсужденіе этого дѣла въ парижской префектурѣ, причемъ мнѣ было заявлено, что если бы имѣлся какой-нибудь прецедентъ, въ видѣ жалобы на *Бака* со стороны кого-либо, съ указаніемъ на вослѣдовавшія со стороны *Бака* угрозы, то это могло бы послужить поводомъ для возбужденія дѣла о высылкѣ *Бака* изъ Франціи, хотя въ префектурѣ не увѣрены въ осуществленіи министерствомъ внутреннихъ дѣлъ сего предположенія.

Въ виду изложеннаго я позволяю себѣ представить слѣдующее соображеніе: пользуясь извѣстнымъ чувствомъ злобы, возбужденной *Бака* въ „Туркѣ“, находящемся въ Вильнѣ, можно было бы подлежащими переговорами добиться согласія „Турки“ на представленіе Россійскому генеральному консулу въ Парижѣ жалобы съ указаніемъ въ таковой, что онъ, *Гутманъ*, прибывъ въ началѣ августа въ Парижъ для детальнаго изученія шапочнаго ремесла, попалъ въ компанію русскихъ, изъ числа коихъ нѣкто *Бака*, проживающій 24 rue du Parc Montsouris, сталъ склонять его, *Гутмана*, войти въ составъ группы русскихъ революціонеровъ и при его, *Гутмана*, на то несогласіи грозилъ принятіемъ насильственныхъ мѣръ, до смертнаго насилія включительно; въ виду чего, онъ, *Гутманъ*, боясь насилія, бѣжалъ изъ Парижа въ Россію, потерпѣвъ, кромѣ нравственнаго потрясенія, еще и матеріальныя убытки, и на что онъ, *Гутманъ*, принося жалобу г. консулу, просить о преслѣдованіи по отношенію *Бака*.

Если бы, дѣйствительно, отъ *Гутмана* поступила такая жалоба на имя Россійскаго генеральнаго консула въ Парижѣ, то я смогъ бы ее направить въ префектуру, причемъ

обстоятельство это во всякомъ случаѣ въ извѣстной степени поспособствуетъ дѣлу высылки Бакая...

№ 424.

Парижъ.

7/20 ноября 1908 г.“.

Намѣченная Гартингомъ программа была выполнена. Къ „Туркѣ“-Гутману былъ присоединенъ другой подобный же провокаторъ, шантажистъ Познанскій; ими было начато судебное преслѣдованіе Бурцева, которое закончилось лишь вящимъ посрамленіемъ Парижской Агентуры.

Особенно началъ волноваться Гартингъ, беспокоясь за свою судьбу послѣ разоблаченія Азефа; онъ представляетъ Д-ту подробнѣйшій, хотя и далеко не точный, отчетъ о секретныхъ засѣданіяхъ парижскихъ группъ с.-р. и положительно засыпаетъ телеграммами начальство. Мы приводимъ этотъ отчетъ полностью:

Совершенно секретно.

Его Превосходительству

Господину Директору Департамента Полиціи.

Отчетъ о состоявшемся 1/14 января 1909 г. въ Парижѣ секретномъ засѣданіи исключительно членовъ „правой“ группы партіи социалистовъ-революціонеровъ по дѣлу Азефа

На этомъ засѣданіи, состоявшемся подъ предсѣдательствомъ Фундаминскаго (Бунакова), Викторъ Черновъ произнесъ рѣчь, приблизительно, слѣдующаго содержанія:

Азефъ, являясь однимъ изъ основателей партіи с.-р., пользовался за свою дѣятельность всеобщимъ въ ней уваженіемъ. Центральному комитету партіи теперь стало извѣстно что Азефъ имѣлъ сношенія съ Рачковскимъ въ 1902 г. (?), и что министръ внутреннихъ дѣлъ Плеве былъ убитъ только потому, что Рачковскій былъ заинтересованъ въ выполненіи сего террористическаго акта въ виду непріязненнаго отношенія

Плеве къ нему ¹⁾. Хотя ц. к. еще въ этомъ фактѣ не увѣренъ, но *Бурцевъ и Юделевскій* подтверждаютъ это обстоятельство. Въ то же время, продолжаетъ ораторъ, для ц. к. *нѣтъ теперь* сомнѣнія, что Дурново не былъ убитъ только потому, что Азефъ этого не хотѣлъ.

Черновъ утверждаетъ, что до 1905 г. Азефъ обманывалъ Департаментъ Полиціи и не выдалъ *всего* ему извѣстнаго о партійныхъ дѣлахъ; по его словамъ, имѣются данныя, подтверждающія, что Департаментъ Полиціи не зналъ, какую крупную позицію занималъ Азефъ въ партіи с.-р. и что Департаментъ былъ увѣренъ, что онъ членомъ партіи не состоитъ и тѣмъ болѣе членомъ центрального комитета и боевой организаціи партіи. Въ Департаментѣ Полиціи Азефу вѣрили только потому, что онъ заявлялъ, что знаетъ *все*, что дѣлается въ партіи с.-р. исключительно изъ-за своего обширнаго знакомства съ участниками названной революціонной организаціи, и лишь благодаря *Татарову* впоследствии Департаментъ узналъ о дѣйствительно серьезной роли Азефа среди социалистовъ-революціонеровъ. Хотя, говоритъ Черновъ, до ц. к. неоднократно доходили слухи, что Азефъ—провокаторъ, но никогда не имѣлось для этого достаточныхъ уликъ и „боевики“ *всегда* защищали Азефа, „а они-то его знали лучше всѣхъ“. Когда Азефъ заявилъ разъ, что рѣшилъ уйти изъ боевой организаціи, „боевики“ хотѣли прекратить работу—теперь становится яснымъ, что *всѣ* они были игрушкой въ его рукахъ.

„Кто же все это выяснилъ? *Бакай?*“ спрашиваетъ Черновъ и отвѣчаетъ, „что показанія Бакая ничего не выяснили бы, если бы „*другое лицо*“, болѣе освѣдомленное, этому не помогло бы“.

(Имени этого человѣка Черновъ не назвалъ, но ясно, что рѣчь идетъ о *Лопухинѣ*).

¹⁾ Позволяю себѣ отмѣтить, что въ моментъ убійства статсъ-секретаря Плеве дѣйств. ст. сов. Рачковскій жилъ въ Варшавѣ и Азефа не зналъ, который въ этотъ періодъ времени могъ лишь находиться въ распоряженіи преемника г. Рачковского по должности завѣдующаго Заграничною Агентурою Департамента Полиціи дѣйств. ст. сов. Ратаева.

Бурцевъ, продолжаетъ Черновъ, видѣлся лично разъ съ этимъ „лицомъ“, а затѣмъ „переговоры съ нимъ велись при участіи посредника“.

По словамъ Чернова, достоверно извѣстно, что 11/24 ноября 1908 г. Азефъ былъ въ Петербургѣ у этого „лица“ и просилъ у него не выдавать Бурцеву то, что оно знаетъ, но „лицо“ это все же открыло ему извѣстное. Утверждаютъ также, что затѣмъ къ этому „лицу“ явился генераль Гера-симовъ съ угрозами и что „лицо“ это написало объ этихъ угрозахъ министру внутреннихъ дѣлъ Столыпину и просило его охранять ¹⁾).

Черновъ полагаетъ, что кадеты внесутъ въ Думу запросъ о роли Азефа и спросятъ правительство, какъ оно могло имѣть сношенія съ человѣкомъ, который убилъ Плеве и великаго князя *Сергѣя Александровича* и если, добавляетъ ораторъ, подобный запросъ состоится, то таковой внесетъ большую смуту въ страну.

Въ заключеніе ораторъ, говоря, что весь составъ ц. к-та обязанъ подать въ отставку, потому что онъ *долженъ* былъ знать объ этомъ провокаторѣ и не зналъ, со слезами на глазахъ призывалъ всѣхъ социалистовъ-революціонеровъ сплотиться и, „начавъ чистую работу, забыть о той струѣ грязи, которая протекала за всю предыдущую дѣятельность въ партіи благодаря Азефу“.

Когда Черновъ окончилъ свою рѣчь, председательствовавшій Фундаминскій (Бунаковъ) и многіе изъ присутствовавшихъ плакали; другіе сидѣли съ опущенными головами, не произнося ни слова.

По объявленіи 5-ти минутнаго перерыва, началось зада-ваніе вопросовъ.

¹⁾ По рассказамъ Бурцева, Лопухинымъ было написано три письма съ просьбою объ его охранѣ: одно—министру внутреннихъ дѣлъ Столыпину, другое—директору Департамента Полиціи Тру-севичу и третье—генералу Герасимову. По нѣкоторымъ агентурнымъ даннымъ, возможно допустить, что письма эти были доставлены по адресамъ Вѣрой Гоцъ, ѣздившей въ Россію, какъ думаютъ, по дѣлу Азефа.

Извѣстный соціалистъ - революціонеръ *Кузьминъ* (кл. „Графъ“), пріятель *Агафонова*, проситъ слова по поводу выше-приведеннаго доклада Чернова, но ему въ этомъ отказываютъ.

Затѣмъ слѣдуютъ вопросы о томъ, правда ли, что Азефъ получалъ 6 т. руб. въ годъ отъ ц. к., и правда ли, что послѣдній устроилъ побѣгъ Азефу на воздушномъ шарѣ. На это Черновъ возражаетъ, что Азефъ получалъ отъ ц. к. только 125 р. въ мѣсяцъ и что никакихъ воздушныхъ шаровъ для побѣга не было.

На запросъ, не былъ ли именно Азефомъ указанъ Гершуни въ Кіевѣ и не благодаря ли ему арестованъ послѣдній, Черновъ отвѣтилъ, что Гершуни былъ задержанъ по указанію кіевского студента, который случайно находился въ томъ домѣ, гдѣ была получена телеграмма отъ Гершуни о его пріѣздѣ.

На вопросъ одного изъ присутствовавшихъ, „кто хозяинъ гостиницы въ Берлинѣ, гдѣ Азефъ, по словамъ его, останавливался нѣсколько дней, когда, по свѣдѣніямъ ц. к., онъ ѣздилъ въ Петербургъ, Черновъ отвѣтилъ, что хозяинъ этой гостиницы агентъ русскаго консула (?) и что прислуга этой гостиницы, между прочимъ, заявляетъ, что Азефъ въ ней пробылъ только 2 часа; хозяинъ же утверждаетъ, что Азефъ въ ней прожилъ 5 дней, и что показанія прислуги также разнятся съ показаніями хозяина о примѣтахъ Азефа.

На вопросъ, почему Черновъ не называетъ имени „лица“, давашаго ц. к. столь важныя свѣдѣнія объ Азефѣ, онъ отвѣтилъ, что ц. к. не можетъ огласить имени этого человека до тѣхъ поръ, пока Бурцевъ не дастъ на это разрѣшеніе.

На вопросъ: „почему не убили Азефа“—Черновъ объясняетъ, что были такіе, которые хотѣли, дѣйствительно, его убить, но что другіе готовы были его защищать съ оружіемъ въ рукахъ.

Отчетъ о засѣданіяхъ лѣвой группы соціалистовъ-революціонеровъ (Юделевскаго и Агафонова) по дѣлу Азефа.

Вслѣдъ за объявленіемъ центр. к-томъ Азефа провокаторомъ, лѣвая группа с.-р. устроила, вечеромъ 14 сего января

первое закрытое засѣданіе для своихъ членовъ, какъ для ознакомленія ихъ съ резолюціями, принятыми 9 января по выслушаніи доклада „конспиративной комиссіи“, разслѣдовавшей дѣло Азефа, такъ и вообще для обсужденія этого крупнаго инцидента.

Предсѣдателемъ засѣданія былъ выбранъ Агафоновъ; секретаремъ лицо, пока еще не вполне выясненное, съ конспиративной кличкой „Украинцевъ“, исполнявшій въ то же время роль стенографа; докладчикомъ дѣла явился Юделевскій.

Послѣ краткой вступительной рѣчи Агафопова съ изложеніемъ сути дѣла объ Азефѣ, выступилъ Юделевскій и сталъ въ порядкѣ постепенности излагать всѣ данныя, приведшія „конспиративную комиссію“ къ заключенію о провокаторствѣ Азефа:

1) Первые подозрѣнія о провокаціонной дѣятельности Азефа явились у *Гершуни*, который будто бы, въ бытность свою еще въ Шлиссельбургской тюрьмѣ, обсуждая провалы вмѣстѣ съ извѣстнымъ *Мельниковымъ*, [натолкнулся на Азефа.

2) При провалѣ Сѣверной боевой дружины, особенно казалось подозрительнымъ то обстоятельство, что провалъ приписывался нѣкому матросу *Масокину*; на него шли намеки изъ Петербургской охраны и почему-то то же самое стали говорить и члены ц. к. При ликвидаціи же этой дружины, охранное отдѣленіе знало въ совершенной точности, гдѣ, кого и какъ брать, кто былъ съ бомбой и кто съ револьверомъ, что могло быть извѣстно только лишь въ верхахъ б. дружины; обстоятельство же отвлеченія вниманія на Масокина, исходившее отъ Охр. Отд., и повтореніе этого имени ц. к.-мъ указываютъ, что предатель имѣлъ связь или входилъ въ ц. к.

3) Покушеніе на взрывъ Государственнаго Совѣта: ц. к.-ту извѣстно, что взрывъ этотъ долженъ былъ выполнить нѣкій *Кальвино-Лебединцевъ*. Но о фактѣ, что Кальвино и Лебединцевъ одно и то же лицо, никто, кромѣ Азефа, въ Россіи не зналъ; одинъ изъ социалистовъ-революціонеровъ сообщилъ въ партію, что Азефъ, встрѣтясь съ нимъ на Невскомъ проспектѣ, проговорился, что арестованный Кальвино есть Лебединцевъ.

Далѣе интересенъ эпизодъ съ записной книжкой Лебединцева: она была захвачена при обыскѣ финляндскими властями, о чемъ узналъ Бурцевъ, бывшій въ это время въ Россіи. Бурцевъ какими-то путями у финляндскихъ властей эту книжку добылъ и передалъ ц. к-ту, откуда она исчезла и очутилась въ распоряженіи Петербургской охранки. Но и это обстоятельство не могло бы выяснить, что Кальвино есть Лебединцевъ, ибо этого въ книжкѣ не было означено.

4) Къ этому же времени относится сближеніе Бурцева съ Бакаемъ и обоюдныя ихъ сношенія съ чинами охранки, чтобы добыть списки провокаторовъ. Списокъ этотъ они достали, но явно умышленно ложный, такъ какъ въ немъ помѣщенъ былъ, въ числѣ другихъ, „Карлъ“, но не было Азефа. Къ списку были приложены какія-то 3 фотографическія карточки.

5) Наконецъ, о томъ, что Азефъ состоялъ сотрудникомъ охраннаго отдѣленія, стали поступать свѣдѣнія отъ Петербургскихъ, Московскихъ и Саратовскихъ филеровъ, находившихся въ сношеніяхъ съ социалистами-революціонерами, и отъ одного служащаго у жандармскаго офицера Кременецкаго, который, будучи недоволенъ тѣмъ, что его не отличаютъ за его заслуги, рѣшилъ отомстить своему начальнику и написалъ въ ц. к. письмо, хранимсе при дѣлахъ, съ указаніемъ на провокаторскую дѣятельность Татарова и Азефа.

6) Такія же письма, но уже анонимныя, поступили въ ц. к. и изъ Департамента Полиціи, но Азефъ въ одномъ назывался кличкою „Виноградовъ“, а въ другомъ „Рыскинъ“ или Раскинъ.

7) Стоя во главѣ боевой организаціи, пользуясь полнымъ довѣріемъ ц. к., который ему магически будто бы подчинялся, Азефъ являлся диктаторомъ, не допускавшимъ ни автономныхъ группъ, ни какихъ-либо выступленій противъ него, причемъ люди, ему не сочувствовавшіе или его подозревавшіе, роковымъ образомъ проваливались. Докладчикъ привелъ примѣры и фамиліи: *Гронскаго* и *Шефтеля* (дѣло побѣга *Савинкова*), *Черняка* и нѣкоторыхъ другихъ.

Затѣмъ Юделевскій приступилъ къ объясненію руководства и участія Азефа въ покушеніяхъ на Плеве, великаго

князя *Сергѣя Александровича*, *Дубасова*, *Богдановича* и *фонъ-деръ Лауница*.

О послѣднемъ, будто бы, совершенно точно былъ освѣдомленъ состоявшій въ Департаментѣ *Гуровичъ*, открыто говорившій, что „все и всегда можно устроить“. Покушеніе на *фонъ-деръ Лауница* произошло не такъ, какъ было указано *Азефомъ*, а по собственной инициативѣ исполнителей. Это обстоятельство было, будто бы, разъяснено *Гуровичемъ Бакаю*.

Юделевскій добавилъ, что удавались многія дѣла, не бывшія извѣстными *Азефу*, а грандіозно задуманныя, при его руководствѣ и участіи, проваливались.

Докладчикомъ приведено еще много мелкихъ фактовъ, изъ коихъ можно было усмотрѣть провокаціонную дѣятельность *Азефа*. Все это подробно будетъ изложено послѣ прокорректированія въ отпечатанномъ отчетѣ лѣвой группы партіи.

Докладчикъ указалъ на выдающуюся роль въ раскрытіи *Азефа*—*Владимира Бурцева*, которому даже угрожала смертельная опасность, такъ какъ, будто бы, въ Парижъ уже прибыли 2 боевика, рѣшившіе убить его. Но это обстоятельство не помѣшало *Бурцеву* довести дѣло до конца.

Когда на устные и письменныя заявленія *Бурцева* ц. к. не обратилъ никакого вниманія, то *Бурцеву* удалось войти въ сношеніе въ Петербургѣ съ однимъ весьма важнымъ, высокопоставленнымъ „лицомъ“, назвать которое докладчикъ отказался, ссылаясь на конспирацію, каковое „лицо“ согласилось подтвердить провокаціонную дѣятельность *Азефа*. Это „лицо“ недавно и было вызвано изъ Россіи сюда для подтвержденія свѣдѣній объ *Азефѣ*. При этомъ слѣдуетъ отмѣтить, что какъ только „конспиративная комиссія“ ц. к. рѣшила вызвать это „лицо“ сюда, *Азефъ* полетѣлъ въ С.-Петербургъ къ этому „лицу“ и упрашивалъ его не выдавать, что, будто бы, немедленно послѣ того къ тому же „лицу“ прибылъ начальникъ Петербургскаго охраннаго отдѣленія, генералъ *Герасимовъ*, и тоже требовалъ тайны, но „лицо“ отказалось соблюдать таковую.

Азефъ отрицалъ на допросъ свою поѣздку въ Петербургъ, но его видѣли тамъ товарищи.

Затѣмъ докладчикъ добавилъ, что, по предъявленіи ц. к.-мъ обвиненія Азефу, послѣднему оставлено было нѣсколько времени на размышленіе, пользуясь чѣмъ Азефъ скрылся.

Второе засѣданіе ¹⁾ состоялось 16 января, предсѣдательствовалъ тотъ же Агафоновъ, секретарь „Украинцевъ“. Это засѣданіе было крайне бурное, неоднократно прерываемое ужаснымъ шумомъ и криками. Началось оно уже съ инцидента: первое слово дано было „правому“ социалисту-революціонеру „Петру“ (рабочій, о коемъ свѣдѣнія будутъ сообщены дополнительно), заявившему, что докладчикъ въ одномъ изъ своихъ пунктовъ (наканунѣ въ засѣданіи) стремился доказать, что ц. к. предостерегаетъ партію отъ провокаторовъ; это не правда. Послѣднее предостереженіе о провокаторѣ Бакаѣ сдѣлано вовсе не ц. к., а отдѣльной группой, и эти объявленія вывѣшивалъ никто иной, какъ онъ, „Петръ“. Поднялся шумъ; лѣвые социалисты-революціонеры стали за Бакаю. Петръ ушелъ съ трибуны, которую занялъ Юделевскій и, не отрицая провокаторства Бакаю, указалъ, что его настоящая дѣятельность вполне искупаетъ его прошлую вину, но что, конечно, Бакай ни въ какія организаціи не войдетъ.

¹⁾ *Примѣчаніе автора.* Это засѣданіе было устроено „лѣвой группой“ для всѣхъ социалистовъ-революціонеровъ, проживавшихъ въ Парижѣ; оно было весьма многочисленнымъ: на немъ присутствовали почти всѣ центральныя фигуры партіи, а также и внѣгрупповые эс-еры. Болѣзненная острота момента и первая встрѣча враждующихъ группъ — „правой“ и „лѣвой“ — породили необычайную нервность атмосферы и „бурность“ этого засѣданія. Въ печатаемыхъ нами докладахъ Гартинга истина нѣсколько сдобрена фантазіей. Мы не считаемъ возможнымъ подвергать здѣсь критическому разбору эти доклады Гартинга, укажемъ лишь слѣдующую неточность. „Конспиративная комиссія“ была избрана „лѣвой группой“, членами ея были — Агафоновъ, Гнатовскій и Юделевскій. Комиссія до объявленія Азефа провокаторомъ и нѣкоторое время послѣ этого событія работала рука объ руку съ Бурцевымъ, но затѣмъ разошлась съ нимъ. Группа Агафопова и Юделевского ни секретныхъ, ни открытыхъ переговоровъ съ ц-кистами о соглашеніи не вела.

Засимъ стали подаваться записки съ различными вопросами.

Такъ одна: Зналъ ли Департаментъ Полиціи о покушеніи на Плеве?

Юделевскій въ уклончивой рѣчи разъяснилъ, что Департаментъ Полиціи могъ знать и не знать; хотя тотъ же Департаментъ допускалъ много разъ покушенія для сохраненія агентуры, для выдвиганія того или иного человѣка. Передъ покушеніемъ, завѣдывавшій политическимъ розыскомъ Рачковскій (!) былъ въ Варшавѣ, куда, по странному совпаденію, прибылъ и Азефъ. Возможно, что послѣдній вполнѣ ознакомилъ Рачковского съ планомъ покушенія¹⁾.

Слѣдующія записки запрашивали разъясненія о характеристикѣ Азефа, его денежномъ содержаніи отъ ц. к. и Департамента.

При дачѣ объясненій по этимъ запискамъ, Юделевскій подробно сообщилъ всѣ свѣдѣнія о происхожденіи Азефа, его знаніяхъ, работѣ, вліяніи. Относительно содержанія сказалъ, что, быть можетъ, кто-либо изъ членовъ ц. к. пожелаетъ дать разъясненіе. Это осталось безъ отвѣта, такъ какъ ц. к. офиціально на этихъ засѣданіяхъ не присутствовалъ. Молчаніе было прервано Фундаминскимъ, сказавшимъ, что товарищъ *Гарденинъ* (*Черновъ*) дастъ впослѣдствіи группамъ объясненія по этому вопросу.

Поднялся „Валерьянъ“ и произнесъ рѣзкую рѣчь объ обязательномъ отчетѣ ц. к. передъ всѣми. Рѣчь его была покрыта шумомъ и криками. Затѣмъ внезапно выступилъ неизвѣстный соціалистъ-революціонеръ, предложившій покончить съ разборомъ этой грязи, но былъ прерванъ страшнымъ шумомъ.

Максималистъ „Григорій“ въ рѣзкой формѣ заявилъ протестъ противъ защиты ц. к.-та.

Предсѣдатель Агафоновъ вступился и сказалъ, что разборъ необходимъ, что это поученье (?! *В. Аг.*), а кто не хочетъ участвовать, тотъ свободенъ уйти.

¹⁾ Фактъ этотъ, какъ уже выше доложено, не отвѣчаетъ истинѣ.

Савинковъ и какой-то старикъ пытались говорить, но рѣчи обоихъ были заглушаемы сильнымъ шумомъ.

Сухомлинъ выступилъ съ крайне рѣзкимъ протестомъ противъ ц. к. и перешелъ въ лѣвую группу.

Пытался говорить *Кузьминъ* („Графъ“) про Московское и Кронштадтское возстанія, указавъ, что и тамъ дѣйствовали провокаторы, но былъ прерванъ *Фундаминскимъ*, сказавшимъ, что такія рѣчи—это настоящій обвинительный актъ и что членъ ц. к., на котораго онъ намекаетъ, работаетъ до сихъ поръ въ Россіи.

Юделевскій вновь выступилъ, указывая на виновность *Азефа* въ смерти *Поливанова*; ему отвѣчали 2 неизвѣстныя еще женщины, хотя и отмѣтившія виновность *Азефа*, но указавшія обстоятельства, служившія отчасти къ его оправданію въ этомъ случаѣ.

На вопросъ, знала ли жена *Азефа* о его провокаторской роли, *Бурцевъ* заявилъ, что нѣтъ (среди с.-р. и ц. к. мнѣнія насчетъ сего расходятся).

Затѣмъ перешли къ обсужденію вопроса по дѣлу подготовки покушенія на *Бурцева*, причемъ *Юделевскій* заявилъ что, кромѣ прибывшихъ для убійства *Бурцева* боевиковъ изъ Петербурга, есть еще одна опасность, но это секретъ, который онъ не можетъ пока оглашать (!).

Засимъ *Юделевскій*, охарактеризовавъ вліяніе *Азефа* силою его личности, сказалъ, что члены ц. к. находились подъ его очарованіемъ и его гипнотическимъ вліяніемъ.

Этими засѣданіями разборъ дѣла о провокаторствѣ *Азефа* еще не кончился и будетъ продолжаться въ послѣдующихъ засѣданіяхъ.

Въ частной бесѣдѣ *Юделевскій* говорилъ, что *Бурцеву* за деньги высылались изъ Петербурга „ложные списки провокаторовъ“, въ кои помѣщались лица вполне честныя и не могущія быть заподозренными.

Юделевскій указываетъ на *Раковского* (Лернеръ), который, какъ достоверно извѣстно *Бурцеву*, является исполнительнымъ чиновникомъ и что ему, Лернеру, хотѣли даже приписать провалъ „Сѣверной боевой дружины“, между тѣмъ,

какъ, по отзыву Бурцева, Лернеръ былъ арестованъ за нѣсколько мѣсяцевъ ранѣе этого провала.

Юделевскій увѣряетъ, что „Карлъ“ передъ смертью сообщилъ, что Азефъ провокаторъ, на что Черновъ возражалъ, что отъ „Карла“ передъ казнью имъ, дѣйствительно, было получено письмо, но что въ послѣднемъ ничего подобнаго не говорилось.

Одинъ изъ ц-кистовъ рассказываетъ, что Азефъ заявилъ нѣсколько времени тому назадъ, что онъ желаетъ исключительно заняться подготовленіемъ центрального акта (т.-е. покушенія на *Государя Императора*), что это дѣло должно было быть приведено въ исполненіе при участіи лишь одного боевика (повидимому, Савинкова) и „любителей“ (повидимому, не партійныхъ военныхъ), что все уже было готово, *Государь* нахсдился въ нѣсколькихъ отъ нихъ шагахъ, но... „пороху не хватило“. Азефъ не виноватъ, молъ, что это дѣло не удалось... Членъ ц. к. рассказываетъ, что на сдѣланное ему предложеніе быть менѣе загадочнымъ, заявилъ, что, по конспиративнымъ соображеніямъ, онъ пояснить этого не можетъ. (Не идетъ ли рѣчь о центральномъ покушеніи, подготовлявшемся Азефомъ вмѣстѣ съ Савинковымъ съ годъ тому назадъ, когда послѣдній спѣшно бѣжалъ за-границу. Среди близкихъ къ центру с.-р. людей тогда говорили, что онъ бѣжалъ изъ за какой-то неудачи крупнаго акта, подготовлявшагося въ Финляндіи или Царскомъ).

Савинковъ категорически увѣряетъ, что Азефъ не все сообщалъ про него Департаменту Полиціи или выдавалъ только то, что ему было выгодно.

Въ интимной бесѣдѣ Бурцевъ рассказываетъ: послѣ уже упомянутыхъ доносовъ въ центральномъ комитетѣ о провокаторствѣ Татарова и Азефа, къ послѣднему явился одинъ изъ боевиковъ, получившій такое извѣщеніе, и, сказавъ, что знаетъ провокатора Татарова, спросилъ, а кто же другой провокаторъ—*Азеевъ*? Азефъ будто бы мгновенно нашелся и отвѣтилъ: „Азеевъ—это значитъ я, Азефъ“. Указавъ, что обстоятельство это было темой бесѣды между завѣдывавшими Особымъ Отдѣломъ Н. А. Макаровымъ и Заграничною Аген-

турою Ратаевымъ, въ высшей степени расхваливавшими находчивость Азефа, Бурцевъ добавилъ, что это извѣстно Бакаю отъ Мѣдникова.

Представляется вѣроятнымъ, что Бакай могъ узнать объ этомъ разговорѣ отъ Мѣдникова, передававшего о немъ у себя дома своей сожительницѣ, бывшей въ курсѣ всего происходившаго въ Департаментѣ Полиціи, въ присутствіи Бакая или что этотъ разговоръ могъ быть переданъ Бакаю Гуровичемъ, узнавшимъ о немъ отъ того же Мѣдникова.

Сопоставляя моментъ побѣга Азефа изъ Парижа и имѣвшійся уже тогда у ц. к., дней 10, достовѣрныя свѣдѣнія о его провокаторствѣ, является весьма вѣроятнымъ, что Лопухинъ могъ дать извѣщенія ц. к-ту въ Парижѣ 21 декабря нов. ст., а не 21 ноября, какъ это доложено за № 521.

Въ ноябрѣ же Азефъ, повидимому, былъ у Лопухина въ С.-Петербургѣ, причемъ Лопухинъ сначала хотѣлъ, якобы, прогнать его, а потомъ говорилъ съ нимъ минутъ 30; въ это время за Азефомъ, будто бы, стояло на улицѣ наблюденіе отъ социалистовъ-революціонеровъ, видѣвшихъ, какъ онъ былъ у Лопухина.

Говорятъ, что Лопухинъ, испугавшись послѣ визита къ нему генерала Герасимова, не хотѣлъ продолжать своихъ разоблаченій, но его жена заставила его продолжать ихъ, сказавъ, что если онъ прекратитъ таковыя, то она со своими дочерьми пойдетъ къ социалистамъ-революціонерамъ и сама расскажетъ все то, что ей извѣстно.

Ц-кисты не довѣряли Бурцеву, когда онъ имъ сообщилъ свѣдѣнія, получавшіяся, какъ онъ самъ говорилъ, отъ мелкихъ чиновниковъ Департамента Полиціи; но затѣмъ было найдено какое-то крупное лицо, которому какъ ц-кисты, такъ и Бурцевъ довѣряютъ и коему довѣряетъ также Лопухинъ, и это-то лицо состоитъ и будетъ впредь состоять посредникомъ въ сношеніяхъ социалистовъ-революціонеровъ съ Лопухинымъ. Онъ, будто бы, обѣщаль дать социалистамъ-революціонерамъ все, что ему извѣстно, и передалъ уже 2 телеграммы къ Азефу, одна подписанная „Pierre“, т.-е. Рачковскій, а вторая „Michel“, т.-е. Гуровичъ. (Не были ли эти телеграммы адресованы Татарову, а не Азефу?).

Ц-кисты увѣрены, что Лопухинъ безусловно искрененъ и преданъ революціонерамъ, хотя и принадлежитъ къ умѣреннымъ элементамъ, и своими показаніями онъ сможетъ спасти русскую революцію. Они говорятъ, что онъ не боится преслѣдованій русскаго правительства, такъ какъ онъ обо всемъ совѣщался съ адвокатами.

Бурцевъ имѣетъ матеріаль, доказывающій сношенія Азефа съ Рачковскимъ, Ратаевымъ (о сношеніяхъ съ коимъ они письменныхъ данныхъ, будто бы, не имѣютъ) и генераломъ Герасимовымъ.

„Конспиративная комиссія“, выяснившая провокаторскую дѣятельность Азефа и занимавшаяся этимъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, состоитъ изъ:

- 1) *Гнатовскаго* (Прекеръ),
- 2) *Юделевскаго*,
- 3) *Агафонова*,
- 4) б. максималиста „Григорія“ (фамилія пока не установлена, но примѣты его: л. 25, выше средняго роста, брюнетъ, малые бородка и усы; говорилъ рѣчь на похоронахъ Гершуни),
- 5) *Селезнева Петра*,
- 6) *Бурцева* и
- 7) *Бака*.

Для меня ясно, что хотя теперь роль Бака основательно отводится на второй планъ, но онъ былъ душою всего слѣдственнаго дѣла, такъ какъ онъ одинъ знакомъ съ системой розыска въ нашихъ охранныхъ отдѣленіяхъ и сумѣлъ добытыя данныя суммировать и ихъ использовать.

Приходится жалѣть, что не было найдено возможнымъ способствовать высылкѣ Бака изъ предѣловъ Франціи, поводомъ къ чему могла послужить жалоба *Гутмана* („Турка“). (Префектъ полиціи былъ готовъ тогда провести это дѣло). Престижъ Бака и Бурцева до того нынѣ возросъ, что теперь добиться ихъ высылки невозможно.

Какъ Ваше Превосходительство изволите усмотрѣть изъ прилагаемой статьи „L'Humanité“, подъ заглавіемъ L'extraordinaire scandale policier“, Бака уже является „героемъ“.

бывшимъ „начальникомъ секретной полиціи“ въ Варшавѣ, и несомнѣнно, что если вопросъ о его высылкѣ былъ бы поднятъ теперь, то французскіе соціалисты будутъ его защищать всѣми способами.

Дабы не дать окрѣпнуть легендѣ, что такіа серьезныя лица, какъ б. директоръ Департамента Полиціи Лопухинъ и „начальникъ Варшавской секретной полиціи“ Бакай переходятъ на сторону революціонеровъ, казалось бы полезнымъ немедленно огласить въ русской и заграничной прессѣ подробную характеристику Бакай, съ цѣлью развѣнчать его личность, какъ „героя“, для чего сообщить всѣ извѣстные факты, какъ о его прежнемъ секретномъ сотрудничествѣ, такъ и о его „чиновничьихъ“ подвигахъ по подлогамъ и освобожденію арестованныхъ за деньги; также слѣдовало бы освѣтить и роль Лопухина. Дѣлать изъ его поведенія секретъ кажется совершенно излишнимъ, въ виду того, что революціонеры во все посвящены, и въ газетной кампаніи ими будутъ освѣщать всѣ событія, сообразуясь съ выгодами момента. Не знаю, можно ли подвергнуть Лопухина судебному преслѣдованію, но печатное освѣщеніе его роли лишитъ революціонеровъ почвы для скандала, ими затѣваемаго, и покажетъ обществу, что правительство, стоя выше подобныхъ нападокъ, не боится разоблаченій б. директора Лопухина, вступившаго теперь въ союзъ съ соціалистами-революціонерами изъ чувства личнаго недовольства и мести.

Мною дѣлаются попытки пріостановить или ослабить газетную здѣшнюю кампанію; *Императорскій* посоль, съ коимъ я имѣлъ по сему поводу подробныя объясненія, съ своей стороны, попытается переговорить объ этомъ съ президентомъ совѣта министровъ Клемансо; но, къ сожалѣнію, находитъ онъ, Клемансо врядъ ли сможетъ оказать въ этомъ смыслѣ содѣйствіе, въ виду того, что онъ, съ одной стороны, боится Жореса и соціалистовъ, а съ другой стороны, вслѣдствіе малаго вліянія, которое онъ можетъ проявить на французскую прессу.

Подобное сообщеніе въ русской и заграничной прессѣ можетъ способствовать пріостановленію газетной кампаніи и свести съ пьедесталовъ „героевъ“.

Бакай до сихъ поръ является однимъ изъ руководителей въ секретной революціонной организаціи, составленной Бурцевымъ и поставившей себѣ цѣлю вести поочередно секретное наблюденіе за членами партіи социалистовъ-революціонеровъ, съ цѣлью выясненія, не состоитъ ли кто-либо изъ нихъ въ сношеніяхъ съ Заграничной Русской Политической Полиціей.

Характерно, что на роль Бакая одинаково со мною смотритъ социалистъ-революціонеръ *Лазаревъ*, въ письмѣ коего къ *Натансону*, при семъ прилагаемомъ въ копіи и калькѣ, высказывается вредъ, что Бакай сталъ теперь „героемъ“.

Вышеприведенныя свѣдѣнія о роли Лопухина рассказываются не публично, а въ крайне конспиративномъ кругу лицъ, и какъ социалисты-революціонеры, такъ и Бурцевъ весьма жалѣютъ, что имя Лопухина проникло въ прессу, и считаютъ, что это обстоятельство является или нескромностью кого-либо изъ членовъ партіи, или скорѣе даже выступленіемъ русскаго правительства.

Къ вышеизложенному считаю долгомъ добавить, что среди социалистовъ-революціонеровъ ходятъ въ настоящее время упорные, хотя пока тщательно скрываемые, слухи о провокаторствѣ также и Виктора Чернова. Цитируются слѣдующіе три факта: 1) какой-то маленькій чиновникъ Департамента передавалъ, что Черновъ состоитъ на службѣ у правительства; 2) когда производился въ Петербургѣ обыскъ въ редакціи „Мысль“, Черновъ успѣлъ, будто бы, скрыться, выскочивъ изъ окна, послѣ чего немедленно отправился на свиданіе съ какимъ-то крупнымъ правительственнымъ лицомъ, и 3) на какомъ-то свиданіи былъ замѣченъ въ формѣ пристава перодѣтый Черновъ (?! *В. Аг.*); фактъ этотъ сообщенъ социалистамъ революціонерамъ преданными имъ саратовскими филерами.

Увѣряютъ, что Бурцевъ находится въ сношеніяхъ съ цѣлымъ рядомъ чиновниковъ, служащихъ въ Департаментѣ Полиціи и въ охранныхъ отдѣленіяхъ и сообщающихъ ему свѣдѣнія частью за деньги, частью изъ сочувствія революціонному движенію.

Хотя въ данный моментъ въ революціонной средѣ о заведующемъ Заграничной Агентурой пока открыто не гово

рять, но на-дняхъ Бурцевъ, въ крайне интимной бесѣдѣ, высказался, что „Гартинга“ надо убрать во что бы то ни стало, но въ тихомолку. Это меня наводитъ на мысль, что Лопухинъ говорилъ революціонерамъ и про меня.

Къ сему долгомъ считаю добавить, что говорятъ о предстоящемъ скоро новомъ съѣздѣ партіи социалистовъ-революціонеровъ, о томъ, что нѣкоторые члены центрального комитета будутъ замѣнены новыми (Черновъ и Натансонъ, вѣроятно, останутся въ комитетѣ) и что нынѣ ц-кистами ведутся секретные переговоры съ Агафоновымъ и Юделевскимъ о соглашеніи.

Объ изложенномъ имѣю честь доложить Вашему Превосходительству.

Приложенія: 1) 2 вырѣзки изъ газеты „L'Humanité“ отъ 3/16 и 4/17 сего января,

2) 2 вырѣзки изъ газеты „Le Temps“ отъ 3/16 и 4/17 сего января

и 3) 2 извѣщенія Парижской группы социалистовъ-революціонеровъ.

З. З. А. (п.) АГ.

№ 8

Парижъ

6/19 января 1909 г.“.

Одновременно, до и вслѣдъ за этимъ отчетомъ въ Петербургъ летятъ отъ Гартинга телеграммы за телеграммами; конечно, всѣ самымъ секретнымъ шифромъ и всѣ подписанныя „Жакъ“—парижскій охранный псевдонимъ Гартинга; телеграммы адресованы М-г Troussewitch 16 Fontanka, Pbg. Трусевичъ былъ въ то время директоромъ Д-та Полиціи.

Приводимъ нѣкоторыя изъ этихъ телеграммъ:

Отправлена 16/29 января 1909 г. вечеромъ:

„Рачковскій (не Ратаевъ ли? В. А.) проситъ телеграфировать. Въ виду непрекращающихся газетныхъ выступленій Бурцева, приписывающихъ ему руководство Азефомъ при выполненіи послѣднимъ цѣлаго ряда политическихъ убійствъ, онъ проситъ разрѣшенія господина министра опровергнуть

печатно ложныя сообщенія Бурцева, руководимаго Лопухинымъ въ этой интригѣ. Гартингъ“.

Разрѣшеніе министра было получено, и *Ратаевъ* (а не Рачковскій) помѣстилъ въ „*Matin*“ двѣ статьи, направленныя противъ Бурцева, чрезвычайно ловко составленныя и хорошо написанныя.

Отправлена 20 января/2 февраля 1909 г. въ 12 час. дня:

„По секретнымъ увѣреніямъ Бурцева, онъ имѣетъ свѣдѣнія Воеводина-Григорьева отъ Залѣскаго“.

Здѣсь Гартингъ воображаетъ, что онъ докопался, изъ какихъ источниковъ, помимо Бака, идутъ къ Бурцеву разоблаченія; видимо, онъ не знаетъ, что съ Бурцевымъ, при посредствѣ Бака, уже входитъ въ сношенія извѣстный Л. Меньшиковъ.

Отправлена 15/2 февраля 1909 г. въ 12 ч. дня:

„*Expédié Petersbourg* с.-р. Вольскимъ отправлены надняхъ какіе-то документы по дѣлу Азефа адресу Васильевъ Островъ, 13 линія домъ № 42 point Романовскій“.

Видимо, секретные сотрудники работаютъ во-всю.

Гартингъ не довольствуется этимъ и стремится добратъся до Бурцева при посредствѣ друзей послѣдняго.

2/15 января 1909 года, въ 2 часа дня, онъ доноситъ Трусевичу телеграфно же:

„*Concernant* нумѣро 1791 Павелъ Краковъ живетъ Басковъ переулочъ тридцать шесть или тридцать девять подъ именемъ Іосифа Павловича Бегасъ для сохраненія агентуры прошу хранить источникъ секретъ“.

И затѣмъ 3/16 января 1909 г.:

„*Complétant* télégramme d'hier кажется возможнымъ заагентурить теперь Кракова“.

Въ поискахъ предателя, выдававшего полицейскія тайны Бурцеву, Гартингъ остановился въ концѣ концовъ на агентѣ *Лурихъ* и сталъ увѣрять свое начальство, что вся бѣда пошла именно отъ этого агента.

20 апрѣля/2 мая 1909 года „*Жакъ*“ телеграфируетъ въ Д-тъ Полиціи Зуеву:

„Измѣна *Луриха*, несомнѣнно начавшаяся давно уже, поставила крайнюю опасность не только всѣхъ людей, съ которыми видался Андреевъ, но и я; лишь полное признаніе *Луриха* поможетъ мнѣ уяснить, будетъ ли хоть кто-либо спасенъ изъ здѣшнихъ агентуръ. Подробности доложу лично. Прошу вернуть сюда Андреева какъ можно скорѣе и разрѣшить мнѣ прибыть тогда для доклада Петербургъ“.

Въ тотъ же день онъ посылаетъ слѣдующую телеграмму Зуеву:

„Помимо печатанія Матенѣ воспоминаній Федорова готовится этой газетѣ и журналѣ серьезная кампанія всего обличительнаго матеріала Бурцева и другихъ. Необходимо принять сейчасъ мѣры къ недопущенію сего.“

Гуманите напечатана сегодня первая статья. Это можетъ быть несомнѣнно предпринято Рафаловичемъ или Рачковскимъ при имѣніи нужныхъ суммъ“...

Для борьбы съ замыслами террористовъ, какъ дѣйствительными, такъ и фиктивными, существовавшими лишь въ богатомъ воображеніи Гартинга, онъ не довольствовался средствами, имѣвшимися въ его собственномъ распоряженіи, но стремился втянуть въ борьбу съ „зловредными злоумышленниками“ и французскую полицію; по этому поводу въ архивахъ Заграничной Агентуры сохранилась слѣдующая шифрованная телеграмма Гартинга д-ру Д-та Полиціи Зуеву, подписанная „Жакъ“ и отправленная 30 апрѣля/13 мая 1909 г.:

„По совершенно секретному личному частному соглашенію чинами префектуры мною выработана слѣдующая мѣра. Префектура готова сформировать особый отрядъ агентовъ долженствующихъ наблюдать исключительно важнѣйшихъ русскихъ террористовъ и будетъ освѣдомлять меня о результатахъ для выполненія этой мѣры необходимо чтобы наше правительство добилось черезъ посла дабы французское министерство предписало префектурѣ усилить надзоръ за русскими террористами въ виду имѣющихся свѣдѣній о возможности осуществленія ими плана цареубійства во время поѣздки Государя за-границу. Описанная мѣра раздѣляется вице-директоромъ“.

Но лихоладочная дѣятельность не приноситъ успокоенія.

Гартингъ чувствуетъ себя въ Парижѣ, какъ на горячихъ угляхъ, и все дѣлаетъ для того, чтобы уѣхать въ Петербургъ; временнымъ замѣстителемъ своимъ онъ проситъ прислать ротмистра Андреева (бывшаго секретнаго сотрудника), уже работавшаго при немъ въ Заграничной Агентурѣ. Андреевъ былъ вскорѣ посланъ въ Парижъ, но Гартингу выбраться въ Петербургъ не удалось. Волненіе его росло съ каждымъ днемъ, а приходилось заниматься не только своей собственной особой и Бурцевымъ, но и сложнымъ наблюденіемъ за с.-д., с.-р. и особенно за боевиками—Савинковымъ и другими; приводимъ слѣдующую интересную телеграмму, отправленную Гартингомъ Зуеву 2/15 іюня 1909 г.:

„Недѣли двѣ тому назадъ какой-то деревушкѣ вродѣ Заборовки или Ширвиндъ лежащей близъ границы случайно арестованъ боевикъ посланный Савинковымъ для подготовки квартиръ группѣ боевиковъ Рогинскаго Point по прежнему дѣлу онъ подлежалъ повѣшенію должны были попытаться подкупить стражника для освобожденія необходимо его не выпускать и устроить чтобы мотивы продолженія ареста не дошли сюда point. Дѣдъ находившійся въ Петербургѣ выбранъ въ цска весь составъ коего нынѣ Россіи point отъѣздъ группы боевиковъ Савинкова съ Долининымъ и Михайломъ пока отложены *lettre suit. Jaques*“.

Вскорѣ послѣ этой телеграммы гроза, которой такъ боялся Гартингъ, разразилась: во французской прессѣ появились разоблаченія Бурцева, что Гартингъ—не кто иной, какъ бывший провокаторъ Гекельманъ-Ландезенъ, приговоренный французскимъ судомъ къ тюремному заключенію. Поднялся страшный скандалъ, вызвавшій въ Палатѣ знаменитый запросъ Жореса по поводу Гартинга и вообще существованія тайныхъ полицій русской и другихъ на территории Французской республики. Глава тогдашняго французскаго правительства—Клемансо былъ поставленъ въ крайне затруднительное положеніе, изъ котораго онъ могъ выйти только официальнымъ заявленіемъ въ Палатѣ, что отнынѣ

существованіе иностранныхъ полицій въ Парижѣ будетъ запрещено. Пасколько это заявленіе соотвѣтствовало истинѣ, мы, русскіе эмигранты, превосходно знали, такъ какъ слѣжка за нами не прекратилась, а предательская дѣятельность „внутреннихъ сотрудниковъ“ развивалась все шире; нынѣ же всю лживость заявленія Клемансо мы видимъ изъ докладной записки, представленной 5 сентября 1913 года тогдашнимъ завѣдующимъ Заграничной Агентурой *Красильниковымъ* директору Д-та Полиціи Бѣлецкому:

„Вступивъ въ завѣдываніе Заграничною Агентурою, пишетъ Красильниковъ, вскорѣ послѣ того, когда во Французскомъ Парламентѣ предсѣдатель совѣта министровъ Клемансо, отвѣчая на запросъ по дѣлу А. М. Гартинга, сдѣлалъ извѣстное заявленіе, что иностранныхъ полицій во Франціи болѣе не существуетъ, мнѣ пришлось сразу считаться съ тѣми невозможными условіями, въ которыя поставило Заграничную Агентуру это заявленіе главы Французскаго правительства того времени.

Послѣ такого заявленія предсѣдателя совѣта министровъ, принятаго Палатою къ свѣдѣнію, Заграничная Агентура оказалась во Франціи въ нелегальномъ положеніи, и вслѣдствіе сего ей пришлось осуществлять свою дѣятельность въ совершенно ненормальныхъ условіяхъ.

Послѣ указанного выше инцидента въ Парламентѣ Французское правительство относилось къ Заграничной Агентурѣ съ особою осторожностью; впослѣдствіи, когда мнѣ удалось заслужить довѣріе французскихъ властей, отношеніе это дѣлалось все лучше и лучше, а затѣмъ уже Заграничной Агентурѣ стало ими оказываться и оказывается нынѣ полное во всемъ содѣйствіе, но при этомъ, однако, французскія власти чрезвычайно опасаются всего, что можетъ служить указаніемъ на продолженіе существованія во Франціи русской политической полиціи.

Всякій инцидентъ, могущій быть использованъ въ этомъ смыслѣ, вызываетъ въ правительственныхъ сферахъ безпокойство и переполохъ въ виду возможности по этому поводу запроса въ Парламентѣ.

Такое „нелегальное“ существованіе Заграничной Агентуры при крайней чувствительности французскихъ властей ко всякимъ инцидентамъ, могущимъ поднять вопросъ о продолженіи ея дѣятельности во Франціи, создаетъ ей чрезвычайно трудное положеніе“.

Какъ читатель увидитъ изъ дальнѣйшаго изложенія, не существуетъ такихъ трудныхъ положеній, изъ которыхъ царская полиція не нашла бы удобнаго для себя выхода.

ГЛАВА V.

Защитный титулъ новаго завѣдывающаго Заграничной Агентурой с. с. А. А. Красильникова.—Устраненіе Красильникова отъ непосредственныхъ сношеній съ секретными сотрудниками.—Помощникъ Красильникова—жанд. подполковникъ Эргардтъ.—Русскіе и иностранные филёры.—Обѣщаніе Клемансо окончательно забыто.—Инцидентъ Фонтана—Леоне.—Полная реорганизація внѣшняго наблюденія.—„Частное“ бюро Бинта-Самбэна.—Агенты Дворцовой Охраны за-границей.

Гартингъ исчезъ изъ Парижа, по крайней мѣрѣ официально, но русская политическая Заграничная Агентура не прекратила своей работы во Франціи, хотя нѣкоторое время, вслѣдствіе нанесеннаго ей тяжелаго удара, она пришла въ значительное разстройство: главнаго начальника не было, были временные замѣстители: ротмистры *Андреевъ* и *Долговъ*. Только въ ноябрѣ 1909 года прибылъ въ Парижъ „командированный министерствомъ вн. дѣлъ за-границу для сношеній съ мѣстными властями и російскими посольствами и консульствами чиновникъ особыхъ порученій 5 класса при министрѣ вн. дѣлъ“ статскій совѣтникъ Александръ Александровичъ *Красильниковъ*. Такимъ длиннымъ титуломъ министерство вн. дѣлъ пыталось замаскировать назначеніе новаго завѣдывающаго Заграничной Агентурой. Красильникову въ видахъ большей конспиративности были поручены главнымъ образомъ, такъ сказать, дипломатическія сношенія русскаго министерства вн. дѣлъ съ иностранными властями

и завѣдываніе канцеляріей Заграничной Агентуры. При допросѣ его нашей комиссіей, онъ, между прочимъ, показалъ слѣдующее:

„— Непосредственно послѣ моего пріѣзда въ Парижъ въ 1909 году, я никакого отношенія къ агентурѣ не имѣлъ, агентурой завѣдывалъ ротмистръ Долговъ. На мнѣ же, какъ на специалистѣ по розыску, лежало лишь офиціальное представительство... мною была принята отъ ротмистра Андреева не секретная агентура, а вообще бюро; что касается секретныхъ сотрудниковъ, то мнѣ даже запрещено было касаться этой стороны дѣла, ограничиваясь контролемъ надъ дѣйствіями подполковника Эргардта. Я зналъ всѣхъ секретныхъ сотрудниковъ по фамиліямъ, но не могъ вмѣшиваться въ агентуру... но впослѣдствіи было признано неудобнымъ раздѣленіе представителей мин. внутр. дѣлъ въ Парижѣ на офиціальныхъ и неофиціальныхъ, французскому правительству неизвѣстныхъ, и ротм. Долговъ былъ подчиненъ мнѣ. Когда Долговъ ушелъ изъ Парижа, мнѣ былъ переданъ одинъ изъ его сотрудниковъ. Но большая часть сотрудниковъ, напримѣръ, большинство сотрудниковъ подп. Эргардта, оставалась мнѣ лично неизвѣстной—за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда сотрудникъ почему-нибудь мнѣ былъ представленъ. Лично моими сотрудниками были «Шарни» и «Ратмиръ»“.

Итакъ, хотя и на „нелегальномъ положеніи“, но русская политическая полиція въ Парижѣ продолжала свою дѣятельность: французскіе и русскіе филеры продолжали слѣдить за каждымъ шагомъ русскихъ эмигрантовъ, а внутренне-секретные сотрудники „освѣщаютъ“ своихъ товарищей, а порой и провоцировать.

Филеры, какъ иностранцы, такъ и русскіе, состояли непосредственно на службѣ у начальника Заграничной Агентуры, а кромѣ того временами ¹⁾ за-границей появлялись и

¹⁾ Офиціальныя командировки русскихъ филеровъ за-границу начались въ эту эпоху, по инициативѣ д-ра Д-та Пол. Бѣлецкаго, въ виду приближавшагося 300-лѣтняго юбилея Романовской династіи.

филеры петербургскаго охраннаго отдѣленія, вѣроятно, и другихъ россійскихъ охранныхъ отдѣленій, а также и агенты дворцовой охраны для ознакомленія съ выдающимися революціонными дѣятелями.

Ближайшее завѣдываніе этими группами филеровъ поручалось старшимъ изъ нихъ, а иногда Красильниковъ откомандировывалъ для этой цѣли своего ближайшаго помощника по управленію Агентурой титулярнаго совѣтника Мельникова. Приводимъ слѣдующее письмо Мельникова къ Красильникову изъ Женевы отъ 22 апрѣля 1912 г.:

„Отъ Жолиге я получилъ увѣдомленіе, что работа русскихъ людей въ Кави благополучно ими окончена, и ему удалось показать всѣхъ интересныхъ лицъ.

Что же касается до 2 русскихъ, нынѣ находящихся въ С.-Ремо, то Морису остается имъ показать лишь Сав. (всѣхъ прочихъ русскіе уже видѣли). Но такъ какъ, по словамъ Мориса, Савинковъ рѣдко выходитъ изъ виллы, то русскимъ придется, въ ожиданіи его появленія, пребыть въ С.-Ремо еще нѣкоторое неопредѣленное время. Какъ только получу отъ Мориса извѣщеніе, что ему удалось показать Сав., мы в. в. вмѣстѣ немедленно выѣдемъ изъ Генуи въ Парижъ.

Двое остальныхъ русскихъ находятся въ Кави, гдѣ продолжаютъ работу, начатую ими сызнова.

Сегодня съ утреннимъ поѣздомъ прибылъ сюда, встрѣченный нами на вокзалѣ, Борисъ Моисеенко. Пробывъ здѣсь около 25 мин., онъ съ поѣздомъ направился въ Сестри. О встрѣчѣ его тамъ Дюренъ предупредилъ Жолиге телеграммой“.

Въ слѣдующемъ году тотъ же Мельниковъ пишетъ своему начальнику 22 апрѣля изъ Ниццы:

„Въ дополненіе къ моей телеграммѣ отъ сего числа, въ коей я просилъ Вашихъ инструкцій, какъ мнѣ дѣйствовать въ отношеніи направленія предстоящей работы 3-ьей партіи русскихъ механиковъ, я, кромѣ того, позволилъ себѣ высказать мнѣніе, что лучше было бы пока обождать ихъ посылкой на работу въ Кави, а именно по слѣдующимъ причинамъ:

1) Необходимо, чтобы кавійцы немного успокоились и нѣкоторое время не видѣли у себя подозрительныхъ для нихъ лицъ. Въ каждомъ, появляющемся въ Кави, иностранцѣ они, въ особенности Колосовъ, видятъ русскихъ агентовъ, пріѣхавшихъ туда съ цѣлью за ними наблюдать. Такъ произошло и съ нѣкоторыми изъ нашихъ механиковъ, на которыхъ, при каждой съ ними встрѣчѣ, Колосовъ и его пріятель очень подозрительно посматривали.

2) Неимѣніе въ настоящее время подходящаго для русскихъ руководителя. Бывшій руководитель, итальянецъ Розелли, г. Дюреномъ откомандированъ для наблюденія на станцію Алласіо. Другіе, находящіеся въ распоряженіи г. Дюрена, люди: итальянецъ Фрументо находится въ Неаполѣ съ Потоцкой, а Цепгу на станціи Генуя вмѣстѣ съ Дюреномъ. Изъ всѣхъ этихъ лицъ ни Цепгу, ни Розелли руководителями при работѣ русскихъ быть не могутъ, такъ какъ они, въ особенности Розелли, очень хорошо извѣстны кавійцамъ. Слѣдовательно, для этой цѣли необходимо будетъ подыскать изъ общаго числа нашихъ людей такого человѣка, который бы зналъ въ лицо всѣхъ кавійцевъ.

Тѣмъ временемъ, когда будетъ подыскано подходящее для этой цѣли лицо, можно занять русскихъ работой здѣсь и въ Санъ-Ремо. Познакомить механиковъ съ интересными лицами, живущими въ этихъ городахъ, никакихъ затрудненій не представляетъ и этимъ дѣломъ я могу заняться лично самъ. Всѣ эти лица хорошо извѣстны мнѣ, и я знаю мѣста, гдѣ можно ихъ встрѣтить. Означенныя мои предположенія по поводу предстоящей работы послѣдней партіи механиковъ считаю долгомъ доложить на Ваше усмотрѣніе.

Въ заключеніе считаю долгомъ препроводить Вамъ для свѣдѣнія общій списокъ всѣхъ лицъ, которыя были показаны русскимъ механикамъ въ Парижѣ, Ниццѣ, Санъ-Ремо и Кави ди-Лаванья“.

Этими русскими механиками были филеры центральнаго отдѣленія С.-Петербургскаго охр. отдѣл. Имъ были „показаны“ слѣдующіе эмигранты: въ Парижѣ—Натансонъ Маркъ,

Агафоновъ, Ракитниковъ, Бессель и его жена, Вареновъ, Кисинъ, Куриско, Куриско г-жа, Юделевскій, Школьникъ, Бурцевъ, Мирка Горфейнъ, Розенфельдъ и его жена Бартольдъ, Борисъ Березинъ, Лазаркевичъ („Дивпровскій“), жена Лазаркевича, Софія Эфрусси („Сѣрая“), Лебедевъ-Вороновъ, Авксентьевъ, Булгаковъ, Фейтъ, Смирновъ, Слетовъ Степанъ, Роза Дудель, Антипинъ, Рунге, Станкевичъ, Родштейнъ, Леоновичъ, Броунъ, Глотовъ, Лункевичъ, Массъ; въ Ниццѣ: Фабрикантъ Владимиръ, Прибылевъ Александръ, Тумановъ, Малицкая Анастасія; въ Санъ-Ремо: Савинковъ, Лукановъ, Сомова, Плюховъ, Плехановъ съ дочерью; въ Кави-ди-Лаванья: Столяровъ, Климова Наташа, Тарасова, Неждановъ Андрей (Соболь), Качоровскій Карлъ, Колосовъ Евгений (Колари), Тютчевъ Николай, Ландау, Марія, Зильбербергъ Ксенія, Берже и его жена, Богдановъ Иванъ (Костовичъ), Карабегова Нина, м-ль Берестова или Березова, Черненко, м-ль Еякина, Боярскій и его жена, Дмитрій и Рита Б., Фабрикантъ Борисъ, Радзиловская, Салманова...

Красильниковъ не хвастался: положеніе его и Заграничной Агентуры у французскаго правительства упрочивалось, знаменитое обѣщаніе Клемансо было окончательно забыто. Какъ видно изъ прилагаемаго ниже документа, во Франціи продолжали существовать не только русская, но и другія иностранныя полиціи.

„Завѣдывавшій въ Парижѣ итальянской полиціей кавалеръ Венцель, докладываетъ 4/17 января 1913 года Красильниковъ Бѣлецкому, по требованію французскаго правительства, отозванъ изъ Парижа, причемъ французскія власти отклонили назначеніе ему замѣстителя, что поведетъ къ уничтоженію въ Парижѣ Итальянской Агентуры.

Требованіе французскаго правительства вызвано было особыми дѣйствіями Венцеля, который интересовался и занимался военной развѣдкой, чему французскія власти получили неопровержимыя доказательства.

Когда о томъ доведено было до свѣдѣнія предсѣдателя совѣта министровъ, то послѣдній потребовалъ отъ мини-

стерства внутреннихъ дѣлъ представленію ему доклада о дѣйствіяхъ во Франціи всѣхъ иностранныхъ полицій вообще.

Составленіе доклада облечено было въ строжайшую тайну, но мною счѣнь конфиденціально получены были довольно точныя свѣдѣнія относительно его содержанія.

Значительная часть доклада отведена русской Заграничной Агентурѣ.

Свидѣтельствуя, что дѣйствія русской полиціи въ Парижѣ и во Франціи вообще отличаются особенной корректностью и полнымъ единеніемъ съ полиціей французской, докладъ указываетъ и на услуги, часто оказываемыя этой послѣдней русской Заграничной Агентурѣ.

При редактированіи этой части доклада труднымъ пунктомъ представлялся инцидентъ съ разоблаченіемъ д. с. с. Гартинга, который обойти молчаніемъ было нельзя.

О семъ въ докладѣ говорится, что русское правительство само было въ данномъ случаѣ введено въ заблужденіе, такъ какъ настоящая самоличность д. с. с. Гартинга была ему неизвѣстна“.

Какъ видитъ читатель, французскій министръ внутреннихъ дѣлъ въ докладѣ своемъ главѣ министерства сильно уклоняется отъ истины, утверждая, что „самоличность (sic!) д. с. с. Гартинга была неизвѣстна“ русскому правительству.

Несмотря на столь твердое положеніе русской Заграничной Агентуры, все же надъ ней снова разразилась гроза, заставившая Красильникова и его начальство совершенно реорганизовать, такъ называемое, внѣшнее наблюденіе. Грозой этой былъ скандалъ, скромно называемый Красильниковымъ инцидентомъ *Леоне—Фонтана*. „Инцидентъ“ этотъ получилъ широкую огласку какъ во французской, такъ и въ итальянской прессѣ.

Фонтана, Жанъ Людвигъ, французскій гражданинъ, въ 1911 г. поступилъ на службу въ розыскную контору *Биттаръ-Монена* (подъ этой фирмой работала филѣрская агентура Красильникова). На судѣ Фонтана отрицалъ свою причастность къ Красильниковской агентурѣ. Судъ произошелъ

по слѣдующему поводу: въ журналѣ Бурцева появилась фотографія полицейскихъ, на которой красовался и Фонтана. Последний заподозрилъ въ кражѣ этой карточки секретнаго агента *Леоне*, тоже служившаго въ Заграничной Агентурѣ, но перешедшаго къ Бурцеву. Фонтана вызвалъ Леоне въ кафэ и побилъ. За Фонтана, который долженъ былъ уйти со службы, ходатайствовалъ великій князь Николай Михайловичъ, которому онъ оказывалъ услуги въ Каннѣ. За всѣ эти подвиги и добродѣтели Д-тъ Полиціи представилъ Фонтана къ награжденію золотой медалью съ надписью „За усердіе“ на Анненской лентѣ, но „награжденіе не состоялось, такъ какъ Фонтана сталъ шантажировать“. И лучшія намѣренія не всегда приводятъ къ желанному концу...

Рѣшивъ реорганизовать наружное наблюденіе, *Красильниковъ* представилъ *Бълецкому*, согласно указаніямъ послѣдняго, подробнѣйшую докладную записку, о которой мы уже упоминали, и содержаніе которой приводимъ теперь цѣликомъ въ виду ея большого интереса:

„Агенты наружнаго наблюденія, пишетъ *Красильниковъ*, отлично освѣдомленные о томъ положеніи, въ которое поставлена Агентура, далеко не являются людьми, вѣрными своему долгу, способными сохранить служебную тайну; наоборотъ, большинство изъ нихъ, за малымъ исключеніемъ, къ числу которыхъ слѣдуетъ отнести, главнымъ образомъ, англичанъ, готовыхъ эксплоатировать въ личныхъ интересахъ не только все то, что имъ могло сдѣлаться извѣстно, но и самый фактъ нахожденія ихъ на службѣ у русскаго правительства.

Или, какъ они выражаются, для придачи этому факту болѣе компрометирующее значеніе—на службѣ у русскаго посольства.

Въ результатѣ получается совершенно ненормальное положеніе: агенты наружнаго наблюденія находятся на службѣ Департамента Полиціи, хорошо Департаментомъ оплачиваются, а между тѣмъ, въ силу существующихъ условій, приходится съ ними считаться, постоянно имѣя въ виду, что каждый изъ нихъ не только можетъ, но и вполне способенъ при первомъ случаѣ поднять шумъ, вызвать инцидентъ, ко-

торый поставить Заграничную Агентуру въ затруднительное положеніе.

Пока агентъ исполняетъ свои обязанности добросовѣстно, все идетъ хорошо, но когда онъ отъ этого уклоняется и приходится съ него взыскивать, въ особенности же въ случаяхъ увольненія, тогда „волкъ показываетъ зубы“ и начинается всякаго рода шантажъ, или прямо измѣна.

Принимая во вниманіе, что агентовъ много и всякое попустительство по отношенію къ одному служить отвратительнымъ примѣромъ для другихъ, то безусловная дисциплина необходима въ столь важномъ и отвѣтственномъ дѣлѣ. Завѣдующему Заграничною Агентурою необходимо строго преслѣдовать всякое отъ нея уклоненіе, но, съ другой стороны, ему постоянно приходится считаться съ рискомъ вызвать непріятную исторію въ случаѣ неповиновенія или мести провинившагося агента, являющагося, какъ и всѣ его товарищи, носителемъ служебныхъ тайнъ и личнымъ участникомъ нелегальной дѣятельности Заграничной Агентуры. Когда же такіе инциденты начинаются, то положеніе становится тѣмъ тяжелѣе и непріятнѣе, что приходится идти на компромиссы вмѣсто того, чтобы отвѣтить виновному по достоинству.

При вступленіи моемъ въ завѣдываніе Заграничною Агентурою мнѣ пришлось вести переговоры съ бывшимъ агентомъ *Озанномъ*, угрожавшимъ разоблаченіями и требовавшимъ уплаты ему 5.000 франковъ.

Послѣ многихъ перипетій и при содѣйствіи нѣкоторыхъ чиновъ префектуры удалось привести Озанна къ согласію удовольствоваться 3.500 фр., которые и были Департаментомъ ему уплачены.

Послѣ этого начались требованія бывшаго агента *Демайлля*, тоже угрожавшаго разоблаченіями. Департаментомъ было уплачено ему 750 фр.

Чтобы насколько возможно обезопасить себя отъ повторенія подобныхъ инцидентовъ, мною, съ разрѣшенія Департамента, при увольненіи агентовъ, выдавалась имъ индемнизація въ размѣрѣ трехмѣсячнаго оклада жалованья, но однако и это вознагражденіе не мѣшало нѣкоторымъ агентамъ

въ той или другой степени стараться вредить дѣлу, которому они прежде служили.

Лучшимъ примѣромъ, яркой иллюстраціей всего того, что я имѣю честь докладывать выше, является дѣло съ *Леоне*, который, будучи уволенъ за самое недобросовѣстное исполненіе служебныхъ обязанностей и всякіе неблагоприятные поступки, тѣмъ не менѣе все же получилъ вознагражденіе въ 750 фр., выдавъ расписку въ полномъ удовлетвореніи.

Этотъ же *Леоне* черезъ годъ заявляетъ о своемъ желаніи быть вновь принятымъ на службу, сначала просить, затѣмъ требуетъ, наконецъ, угрожаетъ и, въ концѣ концовъ, идетъ къ *Бурцеву*, который, при помощи его, поднимаетъ противъ Заграничной Агентуры цѣлый походъ. При этомъ оказалось, что *Леоне* во все время своей службы тщательно отмѣчалъ себѣ все, что могло представлять интересъ, сохранилъ нѣкоторыя письма, другія сфотографировалъ, утаилъ довѣренныя ему фотографіи, однимъ словомъ, систематически все время готовился къ будущей измѣнѣ.

Когда же моментъ этой измѣны наступилъ, то этотъ итальянецъ, ни разу не ступавшій на французскую территорию, никогда меня не выдавшій и не получавшій отъ меня ни слова, заявляетъ всюду и вездѣ, что онъ состоитъ на службѣ у русскаго посольства въ Парижѣ и что я былъ его начальникомъ, и это, несмотря на то, что взятая съ него, при выдачѣ ему 750 фр. вознагражденія, подписка, собственноручно имъ написанная на французскомъ и итальянскомъ языкахъ, гласитъ, что онъ „состоитъ на службѣ въ справочномъ бюро Биттаръ-Монена, отъ котораго и получилъ полное удовлетвореніе“.

Ясно, что наименованіе себя агентомъ русскаго посольства въ Парижѣ было для *Леоне* необходимо, чтобы придать важность своимъ разоблаченіямъ, ибо кому, кромѣ *Бурцева*, могла бы быть интересна дѣятельность частнаго справочнаго или даже розыскаго бюро, тогда какъ обвиненіе русскаго посольства въ розыскной дѣятельности, въ содержаніи агентовъ для наблюденія за эмигрантами являлось дѣломъ громкимъ, имѣющимъ уже политическое значеніе, а потому мо-

гущимъ найти поддержку и среди французскихъ социалистовъ, какъ поводъ къ выступленію противъ правительства.

Необходимо при этомъ отмѣтить и тотъ фактъ, что Леоне встрѣтилъ поддержку и содѣйствіе со стороны бывшихъ агентовъ Заграничной Агентуры, которыхъ онъ разыскалъ въ Парижѣ.

Несмотря на то, что эти бывшіе агенты, получившіе при увольненіи особое вознагражденіе по 750 фр., отлично знали выступленіе Леоне, одинъ изъ нихъ—Геннекенъ—помогалъ ему деньгами, безъ которыхъ онъ бы не прожилъ въ Парижѣ, другой—Робайль—кромѣ денежной помощи еще сообщилъ ему всѣ неизвѣстныя Леоне, а извѣстныя ему, Робайлю, имена и адреса агентовъ наблюденія, каковыя адреса Леоне тотчасъ же сообщилъ Бурцеву.

Послѣ Леоне, другой агентъ, уволенный за надувательство, за посылаемыя имъ ложныя донесенія, тогда какъ онъ находился у своей жены—далеко отъ мѣста наблюденія,—Жоливе тоже обратился къ Бурцеву и предложилъ ему продать какіе-то документы и сдѣлать разоблаченія, и дѣло не состоялось только потому, что у Бурцева не было денегъ. А между тѣмъ Жоливе, бывшій агентъ Парижской полицейской префектуры, былъ имъ отлично рекомендованъ: при расчетѣ съ нимъ, несмотря на изобличеніе его въ обманѣ, ему, кромѣ полного расчета, выдано было еще вознагражденіе въ размѣрѣ мѣсячнаго оклада содержанія.

Къ сожалѣнію, долженъ доложить, что всѣ эти примѣры не есть исключеніе и что повторенія подобныхъ инцидентовъ можно ожидать постоянно по тому или другому поводу; болѣе того, имъ отлично извѣстно, что многіе агенты тщательно записываютъ все то, что дѣлаютъ сами, и то, что поручается ихъ товарищамъ, службою коихъ они постоянно интересуются. Цѣль такого интереса и этихъ записей понятна сама собою—создать себѣ матеріалъ для использованія въ будущемъ.

Принимая во вниманіе все изложенное, нельзя не придти къ заключенію, что является необходимымъ такому положенію вещей положить конецъ, а это достигнется только

тогда, когда наблюдение будет осуществляться вполне легально.

Когда въ 1901 году изданъ былъ во Франціи законъ, воспреещающій воспитаніе юношества монашескимъ орденамъ, то послѣдніе тотчасъ же преобразовали свои учебныя заведенія, послѣ чего продолжали по-прежнему свое преподаваніе, но только подъ личиною школъ, содержимыхъ частными лицами или обществами.

Нѣчто подобное было бы необходимо предпринять для дальнѣйшаго осуществленія во Франціи наружнаго наблюденія, создавъ для этого легально функціонирующій органъ, который бы не подлежалъ шантажу, основанному лишь на томъ, что наблюдение это ведется нелегально.

Въ донесеніи отъ 11/24 іюня 1910 г. я уже имѣлъ честь докладывать о необходимости поставить дѣло наружнаго наблюденія такимъ образомъ, чтобы филёры не могли считать себя на службѣ у русскаго Императорскаго посольства, и что мною принимаются къ тому всѣ мѣры.

Прекративъ допускъ агентовъ въ зданіе посольства, запретивъ посылку по адресу его донесеній наблюденія и вообще всякой конспиративной корреспонденціи и объявивъ, наконецъ, всѣмъ филёрамъ, путемъ предъявленія имъ письменнаго разъясненія, что Императорское посольство, какъ дипломатическое учрежденіе, полицейскимъ дѣломъ и розыскомъ не занимается и никакихъ агентовъ не содержитъ, я вмѣстѣ съ тѣмъ старался все обставить такимъ образомъ, какъ будто агенты находятся на службѣ у Биттара-Монена, частнаго лица.

Однако, несмотря на то, что вся „видимость“ была за эту версію, все же агенты наблюденія при каждомъ нужномъ для нихъ случаѣ заявляли, что они находятся на службѣ въ русскомъ посольствѣ.

Инцидентъ Леоне показываетъ, что одна „видимость“ совершенно недостаточна и что необходимо по самому существу дѣла все поставить такимъ образомъ, чтобы подобнаго рода заявленія противорѣчили самой очевидности, которую можно бы было въ случаѣ надобности установить документально.

Эта же цѣль можетъ быть достигнута только совершенной ликвидаціей всего состава наружнаго наблюденія во Франціи и Италіи, которому было бы объявлено, что въ виду инцидентовъ послѣдняго времени и повторяющихся случаевъ измѣнъ, Заграничная Агентура прекращаетъ окончательно свое существованіе, что никого не удивитъ, ибо филеры сами понимаютъ, что дальше такое положеніе продолжаться не можетъ.

Эта ликвидація съ соблюденіемъ всѣхъ формальностей—выдачею увольняемымъ агентамъ ихъ документовъ, полученіемъ отъ нихъ расписокъ въ полномъ удовлетвореніи и т. п.—составила бы первый пунктъ той программы, которую необходимо было бы нынѣ выполнить, чтобы достичь указанной выше цѣли.

Второй же пунктъ состоялъ бы послѣ этого въ организаціи съ соблюденіемъ всѣхъ требованій французскаго закона, частнаго розыскаго бюро, которое бы, какъ многія другія подобныя предпріятія, уже существующія въ Парижѣ и во Франціи вообще, могло бы заниматься розыскной дѣятельностью и наблюденіями вполне легально.

Бывшій начальникъ Парижской сыскной полиціи Горонъ, выйдя въ отставку, открылъ розыскное бюро, существующее до сихъ поръ, и зарабатываетъ большія деньги. Завѣдывавшій когда-то наблюденіемъ при Заграничной Агентурѣ Альфредъ Девернинъ тоже занимается нынѣ частнымъ розыскомъ, и никто не будетъ удивленъ, если теперь, послѣ окончательной ликвидаціи, старшій агентъ *Бинтъ* объявитъ другимъ филерамъ, что, чувствуя себя еще въ силахъ работать и сдѣлавъ за 32 года своей службы кое-какія сбереженія, онъ намѣренъ тоже открыть розыскное бюро по примѣру Горона, Девернина и другихъ.

При этомъ Бинтъ предложитъ нѣкоторымъ изъ агентовъ и только лучшимъ изъ нихъ пойти къ нему на службу, выработаетъ съ ними условія и заключитъ съ каждымъ изъ нихъ договоръ найма, который будетъ зарегистрированъ согласно закона.

Выполнивъ затѣмъ всѣ требующіяся закономъ формальности, Бинтъ устроится въ нанятомъ для его бюро помеще-

ніи, начнетъ свою частную дѣятельность, дѣлая, по примѣру другихъ частныхъ полицейскихъ бюро, соответствующія рекламныя объявленія въ нѣкоторыхъ газетахъ, съ указаніемъ адреса бюро, телефона и т. д., приблизительно такого содержанія: „Генрихъ Бинтъ, бывшій инспекторъ сыскной полиціи. Дознаніе, розыскъ, частныя наблюденія“.

Если на такое объявленіе кто-нибудь отзовется, то Бинтъ не будетъ отказываться первое время отъ исполненія предложенныхъ ему постороннихъ дѣлъ, такъ какъ возможно, что нѣкоторыя обращенія частныхъ лицъ въ его бюро будутъ дѣлаться съ цѣлью провѣрки, дѣйствительно ли онъ занимается общимъ розыскомъ въ коммерческихъ интересахъ.

Главная же и, въ сущности, исключительная дѣятельность розыскного бюро Бинта будетъ состоять въ осуществленіи тѣхъ наблюденій, которыя будутъ мною ему указываться.

Характеръ этихъ наблюденій не удивитъ агентовъ потому, что Бинтъ уже при соглашеніи съ ними объяснить, что, открывая свое бюро, онъ рассчитываетъ исполнять порученія Департамента Полиціи, надѣясь, что, во вниманіе къ его 32-лѣтней службѣ и заслуженному имъ довѣрію, Департаментъ предпочтительно будетъ обращаться къ нему, чѣмъ къ кому бы то ни было другому.

Если же впослѣдствіи даже было бы установлено, что бюро Бинта, главнымъ образомъ, наблюдаетъ за русскими эмигрантами, то никто не можетъ ему въ этомъ воспрепятствовать, равно какъ и доказать, что наблюденіе это ведется по порученію Департамента Полиціи, такъ какъ никакихъ слѣдовъ сношеній съ Департаментомъ въ дѣлахъ бюро не будетъ.

Въ случаѣ же какихъ-либо агрессивныхъ дѣйствій со стороны контръ-революціонной полиціи, передъ которой нынѣ приказано отступать агентамъ Заграничной Агентуры изъ боязни инцидента, могущаго вызвать нежелательное осложненіе, то агенты розыскного бюро Бинта этой боязни имѣть уже не будутъ и смогутъ дать насильникамъ отпоръ, открыто заявляя о своей службѣ у частнаго лица и сами обвиняя ихъ въ самоуправствѣ.

Конечно, допустимо, что впоследствии и среди агентов Бинта тоже могут оказаться изменники, но измена их не будет имѣть того значенія и, при невозможности воспользоваться для созданія политическаго инцидента, не представить ни для кого интереса, кромѣ какъ развѣ для...

На что, главнымъ образомъ, слѣдуетъ въ данномъ случаѣ обратить вниманіе, это на то непріятное положеніе, которое создаетъ Французскому правительству каждый инцидентъ, указывающій на существованіе во Франціи русской политической полиціи.

При повтореніи такихъ инцидентовъ Французское правительство можетъ, въ концѣ концовъ, дѣйствительно оказаться вынужденнымъ заявить о желательности прекращенія во Франціи полиціи, находящейся на службѣ у Русскаго правительства.

Когда произошелъ инцидентъ Леоне съ Фонтана (донесеніе за № 1005 с. г.) и я былъ вызванъ утромъ по телефону въ министерство внутреннихъ дѣлъ, новый директоръ „Сюрете Женераль“ г-нъ Пюжале, расспрашивая меня о подробностяхъ происшедшаго, просилъ сказать, что ему доложить министру, который требуетъ по этому дѣлу экстренный докладъ, имѣя въ виду возможность интерпелляціи социалистовъ Палаты. Передавъ суть дѣла, я предъявилъ г-ну Пюжале выданную Леоне при увольненіи отъ службы собственноручную расписку, въ коей онъ признавалъ, что состоялъ на службѣ агентомъ у частнаго предпринимателя Биттаръ-Монена, и при этомъ я сказалъ г-ну Пюжале, что расписка эта опровергаетъ заявленіе Леоне, что онъ состоялъ агентомъ русскаго посольства въ Парижѣ. Правительство въ случаѣ интерпелляціи, можетъ утверждать, что все дѣло сводится къ личной ссорѣ двухъ агентовъ частнаго розыскаго бюро.

Директору „Сюрете Женераль“ очень понравилась эта мысль, и онъ сказалъ, что именно въ этомъ смыслѣ онъ сдѣлаетъ докладъ министру.

Въ дальнѣйшемъ разговорѣ по этому поводу директоръ „Сюрете Женераль“ высказалъ, что, вообще, развѣ вопросъ ка-

састся дѣятельности частнаго розыскаго бюро, то правительству никакихъ объясненій давать не приходится и достаточно ему объ этомъ заявить, чтобы инцидентъ оказался исчерпаннымъ.

Съ другой стороны, когда появился въ газетѣ „Matin“ разговоръ редактора этой газеты съ агентомъ Фонтана, заявившимъ, что онъ состоитъ на службѣ у частнаго лица г. Биттаръ-Монена и къ русскому посольству никакого отношенія не имѣетъ, то заявленіе это вызвало неудовольствіе Бурцева и депутатовъ Жореса и Дюма, усмотрѣвшихъ въ немъ „ловкій полицейскій маневръ“, могущій помѣшать имъ использовать инцидентъ Леонс—Фонтана, какъ доказательство существованія во Франціи русской полиціи.

Разъ же розыскаго бюро будетъ учреждено съ выполненіемъ всѣхъ формальностей и требованій закона и все будетъ удостовѣряться зарегистрированными актами, то, если социалисты и утверждали бы, что все это есть „только маневръ“ и бюро Бинта субсидируется, даже содержится русскимъ Департаментомъ Полиціи, утвержденія эти останутся чисто голословными, тогда какъ Французское правительство сможетъ отвѣтить на нихъ доказательно, заявляя, что не имѣетъ возможности воспрепятствовать дѣйствію правильно организованнаго частнаго предпріятія, какъ и права доискиваться, кто именно является его кліентами.

Въ качествѣ директора-владѣльца розыскаго бюро я полагалъ бы болѣе подходящимъ избрать *Генриха Бинта*, вмѣсто нынѣшняго завѣдующаго наружнымъ наблюденіемъ Биттара-Монена, имя котораго пріобрѣло за послѣднее время слишкомъ большую извѣстность вслѣдствіе упорной противъ него кампаніи Бурцева.

32-лѣтняя служба Бинта въ Заграничной Агентурѣ съ самаго начала ея организаціи даетъ основаніе отнестись съ довѣріемъ какъ къ личной его честности и порядочности, такъ и къ его розысному опыту, созданному многолѣтней практикой не только во Франціи, но и въ другихъ государствахъ Европы, Германіи, Италіи и Австріи.

Кромѣ того, по натурѣ своей, нѣсколько тщеславной, Бинтъ наиболѣе подходитъ къ предстоящей ему роли.

Имѣя въ виду въ будущемъ всякія случайности, я полагалъ бы необходимымъ приобщить къ Бинту помощника, который являлся бы въ общемъ ихъ предпріятіи равноправнымъ съ нимъ компаніономъ, причемъ между ними заключенъ бы былъ формальный компанейскій договоръ, устанавливающій, что, учреждая совместно розыскное бюро, въ случаѣ смерти одного изъ нихъ, весь активъ ихъ общаго предпріятія, какъ-то: обстановка бюро и деньги, могущія оказаться въ кассѣ налицо, переходятъ въ собственность другого.

Контрактъ о наймѣ квартиры подъ бюро долженъ быть заключенъ на имя обоихъ компаньоновъ.

Въ качествѣ компаньона Бинта я полагалъ бы избрать старшаго, послѣдняго по времени службы *Альберта Самбена*, на порядочность, скромность и честность котораго тоже вполне можно положиться.

Самбенъ, какъ и Бинтъ, былъ бы посвященъ во всю суть дѣла и находился бы въ сношеніяхъ со мною, тогда какъ всѣ остальные служащіе бюро не должны будутъ знать объ этихъ сношеніяхъ.

Одинъ изъ компаньоновъ обязательно долженъ жить въ помѣщеніи бюро.

Изъ числа 38 филеровъ французовъ и итальянцевъ, состоящихъ нынѣ на службѣ, я полагалъ бы удержать въ качествѣ агентовъ частнаго розыскаго бюро одиннадцать французовъ и одного итальянца, такъ что общій составъ бюро, вмѣстѣ съ Бинтомъ и Самбеномъ, будетъ равняться 14 человѣкамъ.

Такое сокращеніе состава наблюденія, хотя бы на первое время, является необходимымъ, главнымъ образомъ, для того, чтобы отбросить весь мало-мальски ненадежный элементъ, а также, чтобы придать болѣе вѣроятности факту учрежденія розыскаго бюро частнымъ человѣкомъ, который, конечно, не могъ бы сразу брать себѣ значительное число служащихъ.

По мѣрѣ надобности и нахожденія соотвѣтственныхъ людей, составъ этотъ можетъ быть впослѣдствіи увеличенъ.

Кромѣ того, я имѣю въ виду использовать еще и ниже-слѣдующее обстоятельство:

Въ настоящее время, вслѣдствіе реорганизація Парижской полицейской префектуры, новымъ префектомъ полиціи Генніеномъ, многіе изъ членовъ префектуры, выслужившіе уже право на пенсію и недовольные новыми порядками, выходятъ теперь въ отставку.

Большинство изъ нихъ, не намѣреваясь поступать на постоянную частную службу, не прочь, тѣмъ не менѣе, при случаѣ увеличивать свои средства дополнительными заработками, и я имѣю въ виду, что, по мѣрѣ надобности, розыскное бюро будетъ использовать ихъ для веденія временныхъ наблюденій или исполненія другихъ порученій.

Списокъ агентовъ, намѣченныхъ въ составъ розыскного бюро, съ указаніемъ получаемого ими въ настоящее время содержанія:

Бинтъ Генрихъ—директоръ бюро (800 фр.), *Самбенъ* Альбертъ—помощникъ директора (400 фр.).

Въ качествѣ агентовъ: французы: *Дюренъ* Генрихъ—300 фр., *Фознтэнъ* (Гамаръ) Поль—300 фр., *Казаюсъ* Жоржъ—250 фр., *Римъ* (онъ же *Муссонэ*) Жоржъ—250 фр., *Делангль* Шарль—250 фр., *Готтлибъ* Жоржъ—250 фр., *Фежеръ* Луи—250 фр., *Лоранъ* Бернаръ—250 фр., *Пушо* Августъ—250 фр., *Ружо* Франсуа—250 фр., *Друшо* Берта—200 фр., *Инвернизи* Евгеній, итальянецъ—200 фр.; всего 4.300 франковъ.

Списокъ агентовъ, предположенныхъ къ увольненію, съ указаніемъ получаемого ими нынѣ содержанія:

Французы: *Фохтъ* Морисъ—300 фр., *Бартисъ*—250 фр., *Боніоль*—250 фр., *Бертольдъ*—250 фр., *Шарле*—250 фр., *Дюссосуа*—250 фр., *Годаръ*—250 фр., *Фонтана*—250 фр., *Генри*—250 фр., *Левекъ*—250 фр., *Рю*—250 фр., *Соваръ*—250 фр., г-жа *Риширъ*—200 фр., г-жа *Тіерселенъ*—200 фр.

Итальянцы: *Фрументо*—250 фр., *Розерои*—250 фр., *Оттъ-Гіецъ*—150 фр., *Туннингеръ*, австріецъ—265 фр.; всего 4.365 фр.

Помѣщеніе для бюро въ четыре комнаты я полагалъ бы необходимымъ нанять въ одномъ изъ людныхъ центровъ Парижа и въ такомъ домѣ, гдѣ имѣются другія конторы или коммерческія предпріятія, посѣщаемыя посторонней публикой.

Думаю, что подходящее помѣщеніе можетъ быть найдено за цѣну около 3.000—2.500 фр. въ годъ.

При расчетѣ съ агентами съ cadaго изъ нихъ будетъ взята подписка въ томъ, что, состоя на службѣ у г. Биттаръ-Монена, содержателя частнаго розыска бюро, нынѣ ликвидировавшаго свое дѣло, онъ отъ него весь расчетъ и полное удовлетвореніе получилъ.

Ничего нѣтъ невозможнаго въ томъ, что нѣкоторые изъ уволенныхъ агентовъ по полученіи всего, что имъ слѣдуетъ, обратятся потомъ къ Бурцеву, но это будутъ тѣ, которые рано или поздно все равно нашли бы къ нему дорогу, а въ данномъ случаѣ сообщенія ихъ въ общемъ мало интересны, будутъ относиться уже къ „прошлому“, такъ какъ волею-неволею имъ придется сообщить о происшедшей окончательной ликвидаціи.

Въ виду необходимости, какъ при ликвидаціи прежняго состава наблюденія, такъ и при учрежденіи и организаціи частнаго розыска бюро, соблюсти всѣ требованія закона и соотвѣтственно редактировать расписки и указанные выше разнаго рода акты, придется поручить всю эту сторону дѣла юристу, и я полагалъ бы пригласить для этой цѣли адвоката *Жеро Каройона*, уже выступавшаго по дѣламъ Заграничной Агентуры.

Организація наблюденія на новыхъ началахъ столь же необходима въ Италіи, какъ и во Франціи, инцидентъ съ Леоне служить тому лучшимъ доказательствомъ, но опредѣленный докладъ по этому предмету я буду имѣть возможность представить только послѣ поѣздки моею въ Римъ, гдѣ вопросъ этотъ придется предварительно обсудить съ мѣстными властями.

Наблюденіе въ Англіи функціонируетъ правильно безъ всякихъ инцидентовъ и осложненій, и я полагалъ бы никакихъ измѣненій въ организацію онаго не вводить.

Завѣдующій наблюденіемъ *Поуелль* ведетъ дѣло умѣло, агенты - англичане по природѣ своей отличаются порядочностью и заслуживаютъ довѣрія.

Что же касается Германіи, то тамъ, а именно въ Берлинѣ, имѣются только двое старо-служащихъ агентовъ, *Нейхаузъ* и *Вольтицъ*, хорошо извѣстныхъ и мѣстнымъ властямъ, какъ состоящіе на службѣ въ русской полиціи, и такъ какъ ихъ только двое, то не представляется надобности вносить какія-либо измѣненія въ ихъ служебное положеніе“...

Всѣ предложенія Красильникова были приняты Д-томъ и министерствомъ внутр. дѣлъ, и „частное бюро“ Бинта-Самбена начало дѣйствовать во-всю, но Д-тъ Полиціи не удовлетворялся этимъ наблюденіемъ за политическими эмигрантами и, какъ мы уже видѣли, посылалъ время отъ времени различные отряды филеровъ изъ Россіи, чтобы знакомить ихъ съ русскими революціонерами, живущими за-границей. Мы уже знакомы съ командировкой Петербургскаго охраннаго отдѣленія; теперь же приводимъ докладъ Красильникова д-ру Д-та Брюнъ-де-Сентъ-Ипполиту отъ 31 марта 13 апрѣля 1914 года по поводу подобной же заграничной командировки агентовъ Дворцовой Охраны:

„Вслѣдствіе письма отъ 24 марта с. г. за № 168699, имѣю честь доложить Вашему Превосходительству, что предъявленіе агентамъ Дворцовой Агентуры проживающихъ за-границей революціонеровъ представляется въ настоящее время болѣе труднымъ, чѣмъ это было въ предшествующіе годы.

Въ Парижѣ Бурцевъ нынѣ проявляетъ усиленную дѣятельность, стараясь выслѣживать ведущіяся наблюденія и устанавливать наблюдательныхъ агентовъ, для чего сподвижники его, *Леруа* и другіе, спеціально обходятъ улицы кварталовъ, гдѣ проживаютъ эмигранты.

Внѣ Парижа наиболѣе видные революціонеры проживаютъ въ Генуѣ, Кави, Нерви и Алласіо, а въ этихъ мѣстностяхъ, послѣ Бурцевскихъ выступленій въ лѣвыхъ итальянскихъ газетахъ, русскіе эмигранты только и ищутъ случая вызвать какой-нибудь инцидентъ и установить ведущееся за

ними наблюденіе русской полиціей, о дѣйствіяхъ коей они стремятся вновь начать кампанію въ печати.

Кромѣ того, въ предшествоующіе годы, сопровожденіе командированныхъ филеровъ для указанія имъ революціонеровъ поручалось мною наблюдательнымъ агентамъ Заграничной Агентуры, которымъ, конечно, дѣлалось извѣстнымъ, что пріѣзжіе являются состоящими на службѣ русскими агентами. Въ настоящее же время являлось бы крайне нежелательнымъ ставить агентовъ розыскаго бюро „Бинтъ и Самбенъ“ въ сношеніе съ пріѣзжими филерами, что давало бы имъ возможность фактически установить связь этого „частнаго бюро“ съ русскою охраною.

Въ виду сего нынѣ мнѣ придется изыскать новые способы предьявленія революціонеровъ командироваемымъ агентамъ и осуществлять оное особо осторожно и конспиративно, тѣмъ не менѣе, имѣю честь доложить, что во всякомъ случаѣ, такъ или иначе, возложенная на меня задача будетъ мною выполнена и командированные агенты Дворцовой Агентуры будутъ ознакомлены съ личностями видныхъ революціонеровъ какъ въ Парижѣ, такъ и на югѣ Франціи и въ Италіи.

Позволяю себѣ только ходатайствовать, чтобы, въ виду выше указанныхъ трудныхъ условій, агенты Дворцовой Агентуры командировались бы самыми незначительными группами, во всякомъ случаѣ, не болѣе 4-хъ человекъ, а во-вторыхъ, чтобы, по возможности, не очень ограничивать ихъ временемъ“...

Здѣсь кстати сказать нѣсколько словъ о Дворцовой Агентурѣ, точнѣе о „Дворцовой Охранѣ“. Эта охрана организована въ началѣ 1906 года при дворцовомъ комендантѣ; цѣлью ея была охрана царя, его семьи и бывшей императрицы Маріи Ѳеодоровны путемъ внѣшняго, вооруженнаго наблюденія. Компетентное лицо, съ которымъ я бесѣдовалъ на эту тему, утверждало, что никогда Дворцовая Охрана не имѣла своихъ „секретныхъ сотрудниковъ“; по выраженію этого лица, охрана велась этой организаціей лишь „физическая“, но, конечно, начальникъ Дворцовой Охраны стоялъ въ постоянномъ контактѣ съ начальникомъ Петербургскаго

охраннаго отдѣленія и съ завѣдующимъ Особымъ Отдѣломъ Д-та Полиціи. Во главѣ Дворцовой Охраны съ самаго начала ея учрежденія до августа 1916 г. стоялъ жандармскій офицеръ *А. И. Спиридовичъ*, до того завѣдывавшій Кіевскимъ охраннымъ отдѣленіемъ и арестовавшій Григорія Гершуни, а въ концѣ 1916 года назначенный Ялтинскимъ градоначальникомъ. Въ Дворцовой Охранѣ было 275 человѣкъ нижнихъ чиновъ и 4 офицера (не считая начальника), кромѣ того, при ней состояла собственная канцелярія изъ 8 чиновниковъ. Содержаніе Дворцовой Охраны обходилось нѣсколько болѣе 200 тысячъ рублей въ годъ; нижніе чины ея вербовались почти исключительно изъ унтеръ-офицеровъ петроградскихъ гвардейскихъ полковъ, они носили особую форму и были вооружены револьверами и короткими тесаками, но, конечно, имъ часто приходилось во время своей службы переодѣваться въ штатское платье и не только „охранять“, но и „филировать“. Отряды Дворцовой Охраны сопровождали царя, его семью и бывш. императрицу Марію Ѳедоровну во всѣхъ ихъ перемѣщеніяхъ по Россіи. Когда царь уѣзжалъ за границу, то туда же командировался и филерскій отрядъ Дворцовой Охраны отъ 10 до 30 человѣкъ. Такъ, лѣтомъ 1910 г. въ Наугеймъ было командировано около 20 агентовъ Дворцовой Охраны, во время итальянскаго визита ихъ было гораздо меньше, но зато при свиданьи царя съ румынской королевской фамиліей въ Констанцѣ (1914 г.) ихъ присутствовало, по настоянію румынскаго правительства, не менѣе 30 человѣкъ. Во время заграничныхъ путешествій царя и его семьи агенты Дворцовой Охраны передавались въ распоряженіе полиціи даннаго государства (Германіи, Италіи, Румыніи). Конечно, начальникъ Дворцовой Охраны все время пребыванія царя и его семьи за границей стоялъ въ непосредственномъ сношеніи съ Красильниковымъ или его помощникомъ. Сверхъ 200 тысячъ, расходуемыхъ на Дворцовую Охрану, въ распоряженіе дворцов. коменданта отпускалось (по Высоч. повел.) еще сто тысячъ рублей на внутреннюю агентуру; на что тратились эти деньги, установить намъ не удалось.

ГЛАВА VI.

Новые помощники Красильникова по завѣдыванію секретными сотрудниками: Люстихъ, Лиховской, Литвинъ.—Организація секретной агентуры при Красильниковѣ во Франціи, въ Швейцаріи, въ Италіи, въ Англіи, въ Швеціи, въ Сѣв. Америкѣ.—Наличный составъ секретныхъ сотрудниковъ въ 1917 году: 12 с.-р.: Загорская Деметрашвили, Бронтманъ, Абрамовъ, Санвеловъ, Селивановъ, Вакманъ, Савенковъ, Гудинъ, Патрикъ, Штакельбергъ, Каганъ (Чеканъ); 5 с.-д., бунда, польск. партій: Житомирскій, Кокочинскій, Коганъ, Шустеръ, Модель; анархисты: Цукерманъ (Орловъ), Долинъ, Орловскій; Семеновъ по „Морскому Союзу“.—Характеристика нѣкоторыхъ изъ этихъ секретныхъ сотрудниковъ.—Общая характеристика дѣятельности секретной агентуры при Красильниковѣ.

Какъ мы уже упоминали, организація и самое завѣдываніе внутренней агентурой, такъ называемыми „секретными сотрудниками“ (провокаторами), въ началѣ не находилось въ рукахъ самого Красильникова; этими сотрудниками при его пріѣздѣ завѣдывалъ ротмистръ Долговъ, жившій въ Парижѣ, какъ и всѣ другіе жандармы, подъ чужой фамиліей; въ февралѣ же 1910 года ротмистръ Долговъ передалъ секретныхъ сотрудниковъ командированному въ помощь Красильникову жандармскому ротмистру *Эргардту*, о чемъ Красильниковъ и докладываетъ слѣдующимъ образомъ отъ 24 февраля (9 марта) 1910 г. директору Д-та Полиціи *Зуеву*:

„Имѣю честь доложить Вашему Превосходительству, пишетъ онъ, что ротмистръ Эргардтъ вошелъ въ сношеніе съ парижскими друзьями, за исключеніемъ одного, котораго принялъ я.

Передача друзей совершилась вполнѣ благополучно и безъ всякаго личнаго посредства ротмистра Долгова. Что же касается до иногороднихъ, то я имѣю въ виду вызвать для личнаго свиданія только нѣкоторыхъ изъ нихъ, съ менѣе же интересными ротмистръ Эргардтъ вступить въ сношеніе письменно. Докладывая объ изложенномъ, считаю необходимымъ добавить, что во всѣхъ имѣвшихъ мѣсто собесѣдованіяхъ всѣми безъ исключенія высказывалось не только опасеніе, но даже убѣжденіе, что у Бурцева имѣются въ

Департаментъ Полиціи вѣрные друзья, сообщающіе ему все, что имъ удастся узнать интереснаго“.

Хотя время вступленія Краси́льникова въ управленіе Заграничной Агентурой совпадало съ началомъ ликвидаціи революціоннаго движенія 1905—1906 годовъ, но за-границей, именно вслѣдствіе этой ликвидаціи, число политическихъ эмигрантовъ непрерывно увеличивалось, соотвѣтственно съ этимъ расло и число секретныхъ сотрудниковъ: русское правительство подготавливалось на всякій случай къ новому революціонному движенію и стремилось поѣтому къ наиболѣе полному освѣщенію всѣхъ революціонныхъ партій и кружковъ; съ другой стороны—опасность террористическихъ выступленій далеко не миновала, а этого и Дворъ, и Правительство, и Д-тъ Полиціи боялись пуще всего, особенно центральнаго террора.

Мы видимъ поѣтому, что главныя усилія и Заграничной Агентуры направлены прежде всего на освѣщеніе партіи с.-р. и особенно группъ и лицъ, террористическое умонстроеніе которыхъ было особенно ярко выражено: число секретныхъ сотрудниковъ с.-р. было вдвое больше, чѣмъ число сотрудниковъ, „работавшихъ“ во всѣхъ другихъ партіяхъ. С.-р-овскіе провокаторы получали и наибольшія жалованія: *Загорская*—2.500—3.500 фр. въ мѣсяцъ, баронъ *Штакельбергъ*—1.300 фр., и никто не получалъ менѣе 500 фр. въ мѣсяцъ.

Съ увеличеніемъ числа секретныхъ сотрудниковъ пришлось дать въ помощь ротмистру Эргардту еще другого жандарма, и въ августѣ 1912 г. въ Парижъ прибылъ командированный Д-томъ Полиціи помощникъ управляющаго Варшавскимъ охранн. отдѣл. (по району) бывшій офицеръ корпуса жандармовъ, ротмистръ армейской кавалеріи Владиміръ Эмилиевичъ *Люстихъ*, въ вѣдѣніе котораго послѣ смерти жанд. полполк. Эргардта въ 1915 г. и перешло большинство секретныхъ сотрудниковъ. Затѣмъ 5 іюля 1915 г. въ распоряженіе Краси́льникова былъ посланъ прикомандированный къ Петроградскому жанд. упр. ротмистръ кавалеріи (бывшаго корпуса жандармовъ) Борисъ Виталиевичъ *Лиховской*; изъ Парижа онъ былъ направленъ въ Швейцарію

гдѣ и завѣдывалъ секретными сотрудниками: *Долинымъ, Абрамовымъ, Санвеловымъ, Моделемъ и Шустеромъ..*

Въ концѣ 1912 года въ распоряженіе начальника Заграничной Агентуры былъ посланъ губернской секретарь Антонъ Ивановичъ *Литвинъ*, которому за-границей поручались различныя деликатныя миссіи; затѣмъ на него было возложено завѣдываніе секретными сотрудниками, проживавшими въ Англіи, а именно *Бронтманомъ* (Этеръ), *Гудинымъ* и *Селивановымъ*. Между „деликатными миссіями“, которыя поручались Литвину, отмѣтимъ знаменитые переговоры его вмѣстѣ съ провокаторомъ - анархистомъ Долинымъ съ военнымъ атташе нѣмецкаго посольства полковникомъ фонъ-Бисмаркомъ въ Берлѣ.

Переговоры эти вначалѣ были разрѣшены Д-томъ Полиціи и касались организаціи забастовокъ и стачекъ на русскихъ заводахъ и производства взрывовъ въ Россіи желѣзнодорожныхъ мостовъ, заводовъ военныхъ заготовокъ и супердредноута „Марія“. Конечно, переговоры эти велись подъ флагомъ военной контръ-развѣдки, и къ нимъ мы еще вернемся.

На того же Литвина Красильниковымъ возлагались иногда переговоры съ лицами, предлагавшими свои услуги Заграничной Агентурѣ, или съ тѣми революціонерами, которые, по предположенію Агентуры, могли быть „заагентурены“. Такимъ образомъ этому ловкому полицейскому чиновнику давались самыя отвѣтственныя порученія, несмотря на то, что начальство петербургское и парижское прекрасно знало, что Литвинъ—лицо, не заслуживающее никакого довѣрія. Для характеристики Литвина его начальствомъ, приводимъ слѣдующую справку отъ 4 декабря 1912 года, найденную нами въ дѣлахъ Заграничной Агентуры:

„*Литвинъ*, Антонъ Ивановичъ, губернской секретарь, поступилъ на службу въ Варшавское отдѣленіе 11 августа 1904 года; 12 марта 1906 года произведенъ въ первый классный чинъ и 5 января 1907 года назначенъ на должность чиновника для порученій названнаго отдѣленія.

Завѣдуя агентурой, Литвинъ, какъ обладающій смѣлостью и трудоспособностью, съ выдающимся успѣхомъ провелъ

рядъ наиболѣе серьезныхъ дѣлъ по террористическимъ выступленіямъ, при обстановкѣ явно опасной для его жизни, за что по ходатайству и. д. Варшавскаго оберъ-полицмейстера въ ноябрѣ 1907 года былъ представленъ Варшавскимъ генераль-губернаторомъ къ ордену Св. Владимира 4 степени, но означенное ходатайство уважено не было и въ Департаментѣ Полиціи послѣдовало представленіе его къ ордену Св. Станислава 3-ей степени. Впослѣдствіи по статуту Литвинъ награжденъ былъ орденомъ Св. Владимира 4-ой степени.

Въ 1908 году на имя г. министра внутреннихъ дѣлъ поступила телеграмма отъ еврейки *Луцкой* съ жалобой о томъ, что Литвинъ, съ цѣлью вымогательства тысячи рублей денегъ отъ ея мужа, заключилъ послѣдняго подъ стражу.

Подробное разслѣдованіе по сему дѣлу, по приказанію бывшаго директора Департамента Полиціи сенатора Трусевича, было потребовано отъ помощника Варшавскаго генераль-губернатора по полицейской части и поступило на обсужденіе инспекторскаго отдѣла Департамента Полиціи для разрѣшенія вопроса о преданіи Литвина суду. Однако инспекторскій отдѣлъ въ послѣднемъ засѣданіи по этому дѣлу, состоявшемуся 6 іюня 1909 года, не нашелъ достаточныхъ данныхъ, изобличающихъ Литвина въ означенномъ преступленіи, и постановилъ: возвратить дѣло по принадлежности, какъ не вызывающее никакихъ распоряженій со стороны инспекторскаго отдѣла.

Вмѣстѣ съ тѣмъ инспекторскій отдѣлъ постановилъ черезъ особый отдѣлъ Департамента Полиціи сообщить помощнику Варшавскаго генераль-губернатора по полицейской части, что, Литвинъ, будучи чиновникомъ для порученій охраннаго отдѣленія, производилъ обыски и разслѣдованія по общеуголовному дѣлу о хищеніяхъ и кражахъ, чѣмъ и нарушилъ основныя правила дѣятельности охранныхъ отдѣленій.

Изъ доклада о провѣркѣ въ 1910 году политическаго розыска при Варшавскомъ охранномъ отдѣленіи усматривается, что Литвинъ проявилъ рядъ неправильныхъ дѣй-

ствій по завѣдыванію секретной агентурой и допустилъ своихъ секретныхъ сотрудниковъ къ совершенію провокаціонныхъ дѣйствій, кромѣ того, отъ секретныхъ сотрудниковъ поступили заявленія о недобросовѣстной расplatѣ Литвина съ ними.

Въ виду изложеннаго 13 августа 1910 г. за № 114115 предложено помощнику Варшавскаго генераль-губернатора по полицейской части отвести Литвина отъ единенія съ агентурой и по истеченіи нѣкотораго времени устроить его внѣ розыскныхъ учрежденій Привислинскаго края.

6 іюня 1911 г. отъ Варшавскаго оберъ-полцмейстера получено письмо на имя директора Департамента Полиціи, въ которомъ сообщается о томъ, что Литвину, за участіе его въ недобросовѣстной игрѣ въ карты въ Варшавскомъ Русскомъ Собраніи, предложено оставить службу въ Варшавскомъ охранномъ отдѣленіи.

Кромѣ того, по имѣющемуся въ Департаментѣ свѣдѣніямъ, Литвинъ, при возбужденіи вопроса о возможности оставленія имъ службы въ отдѣленіи и не рассчитывая послѣ ухода изъ отдѣленія на какое-либо мѣсто, высказывалъ, что онъ постарается о своемъ удаленіи противъ его желанія возбудить дѣло судебнымъ порядкомъ и обнаружить при этомъ секретныя дѣла, касающіяся его службы въ отдѣленіи, въ виду чего сообщено было генералу Утгофу объ учрежденіи за Литвиномъ секретнаго наблюденія.

Въ іюнѣ 1911 г., въ Департаментъ Полиціи являлась жена Литвина и заявила, что ея семья, состоящая изъ двухъ сыновей школьнаго возраста, за увольненіемъ ея мужа, обречена на голоданіе. Изъ дальнѣйшаго разговора съ г-жей Литвинъ усматривалось, что ея мужъ, будто бы, вель игру подъ давленіемъ полковника Глобачева и что если ея мужъ не будетъ устроенъ, то, повидимому, они намѣрены перейти на путь какихъ-то открытій.

По докладу изложеннаго г. товарищу министра внутреннихъ дѣлъ, Его Превосходительство изволилъ приказать 16 августа 1911 года объявить Литвину, что онъ будетъ устроенъ въ ближайшее время, что и было исполнено.

Съ разрѣшенія г. директора Литвинъ былъ принятъ въ концѣ 1911 г. на службу по вольному найму въ Московское охранное отдѣленіе, но съ условіемъ, чтобы онъ ни подъ какимъ видомъ не былъ допускаемъ къ личнымъ сношеніямъ съ агентурой, о чемъ сообщено было начальнику Московскаго охраннаго отдѣленія 23 декабря 1911 года за № 11511.

Въ іюлѣ 1913 г. Литвинъ командированъ по распоряженію г. товарища министра внутреннихъ дѣлъ за-границу для исполненія секретнаго порученія, гдѣ и состоитъ по настоящее время“.

Таковъ былъ составъ полицейскихъ чиновъ Заграничной Агентуры, руководившихъ въ эпоху Красильникова царствованія секретными сотрудниками. Главная работа въ этой области лежала на *Люстихъ*; онъ завѣдывалъ всѣми парижскими секретными сотрудниками, онъ же обрабатывалъ всѣ доклады, поступавшіе отъ Лиховскаго изъ Швейцаріи, отъ Литвина изъ Англіи и отъ сотрудниковъ, находившихся безъ начальственного призора въ Америкѣ (*Патрикъ*, *Байковскій*), въ Италіи (*Вакманъ*, *Савенковъ*) и въ Стокгольмѣ (*Коганъ-Андерсенъ*).

На рукахъ самого Красильникова оставалась лишь „главная агентура“—Марія Алексѣевна *Загорскія*, освѣщавшая центральныхъ дѣятелей партіи с.-р., и французскій журналистъ *Рекули*, игравшій при Красильниковѣ роль иностраннаго обозрѣвателя, но, конечно, исполнявшій и нѣкоторыя другія обязанности, какъ, напр., соотвѣтственную обработку представителей французской прессы.

Люстихъ жилъ въ Парижѣ подъ чужой фамиліей и сносился съ находившимися въ его завѣдываніи секретными сотрудниками или лично, въ различныхъ парижскихъ кафэ, или письменно; въ этомъ послѣднемъ случаѣ доклады секретныхъ сотрудниковъ поступали на конспиративную квартиру, гдѣ и обрабатывались *Люстихомъ* въ, такъ называемые, *агентурные листки*, оригиналы же докладовъ секретныхъ сотрудниковъ уничтожались; такіе же агентурные листки составлялись имъ и послѣ каждаго свиданія съ сотрудникомъ.

Въ архивахъ Заграничной Агентуры мы нашли цѣлыя кипы этихъ агентурныхъ листковъ, исписанныхъ мелкимъ готическимъ почеркомъ подполковника Люстиха.

Агентурные листки поступали затѣмъ въ обработку (весьма незначительную) Мельникова и самого Красильникова; такимъ образомъ составлялись доклады для Д-та Полиціи. Въ этихъ докладахъ сотрудники никогда не называются собственными именами, ни инициалами, а носятъ спеціальныя клички, часто удивительно подходящія къ вѣшнему или къ внутреннему облику даннаго секретнаго сотрудника. Мы уже рассказывали, какимъ образомъ намъ удалось расшифровать нѣкоторыя изъ этихъ таинственныхъ кличекъ. Въ концѣ концовъ оказалось, что до самаго послѣдняго времени въ Заграничной Агентурѣ „работало“ 22 секретныхъ сотрудника, а именно: с.-р. освѣщали *Загорская, Деметрашвили, Бронтманъ, Абрамовъ, Санвеловъ* (арм. и груз. группы), *Селивановъ, Вакманъ, Савенковъ, Гудинъ, Патрикъ, Штапельбергъ* и *Чеканъ* (Каганъ); с.-д.—*Житомірскій, Кокочинскій, Коганъ, Шустеръ* (почти исключительно у латышей) и *Модель*; анархистовъ—*Орловскій, Цукерманъ* (Орловъ), *Выровой*—бывшій чл. Государственной Думы и *Долинъ*, кромѣ того *Поповъ* (Семеновъ) освѣщаль, главнымъ образомъ, „Морской Союзъ“, *Байковскій*, жившій въ Америкѣ—такъ-называемое Мазепинское движеніе.

Нѣкоторые секретные сотрудники были, такъ сказать, „энциклопедистами“—освѣщали нѣсколько партій; среди нихъ первое мѣсто, безусловно, занимаетъ *Кокочинскій*, дававшій детальныя и обстоятельныя доклады не только о с.-д., но и о „Бундѣ“, и о сіонистахъ, и о п.-п.-с., и вообще о всѣхъ лицахъ, которыя были интересны начальству. *Деметрашвили* также освѣщаль не только с.-р., но и захватывалъ порой и грузинскія и армянскія организаціи; нѣкоторые секретные сотрудники являлись такими энциклопедистами въ силу географическаго положенія, какъ, напр., *Патрикъ*, на которомъ лежало въ послѣднее время освѣщеніе революціонной дѣятельности всѣхъ русскихъ эмигрантовъ въ Соединенныхъ Штатахъ.

Вообще, вслѣдствіе того, что въ это время російская революція была уже почти ликвидирована, дѣятельность Заграничной Агентуры носила не столько агрессивный, сколько предупредительный характеръ: провокація, въ узкомъ смыслѣ этого слова, отошла на задній планъ и почти исчезла, центромъ тяжести дѣятельности секретныхъ сотрудниковъ являлось „освѣщеніе“.

Заграничная Агентура поставила себѣ цѣлью знать все, что происходитъ не только въ партійныхъ организаціяхъ, но и въ жизни каждаго болѣе или менѣе виднаго эмигранта, въ его не только общественной, но и личной жизни; въ этомъ отношеніи Заграничная Агентура при Красильниковѣ была поставлена очень обстоятельно.

Изъ сводокъ о состояніи различныхъ революціонныхъ партій, составлявшихся ежегодно Д-томъ Полиціи, а также изъ книги полк. Спиридовича „Революціонное движеніе въ Россіи“, изданной на средства Д-та Полиціи въ 1916 году въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ для библіотекъ жандармскихъ управленій, видно, что центральная русская полицейская власть широко пользовалась данными, доставлявшимися ей Заграничною Агентурою Красильниковской эпохи.

Изъ секретныхъ сотрудниковъ, оказывавшихъ Красильникову наибольшія услуги въ этомъ отношеніи, нужно отмѣтить *Масса*, представлявшаго обширные доклады о положеніи партіи не только за-границей, но и въ Россіи, по которой онъ, якобы, по порученію партіи совершалъ продолжительныя поѣздки, *Деметрашвили*, умѣвшаго внѣдряться въ интимную жизнь революціонеровъ, *Абрамова*, опытнаго, „заслуженнаго провокатора“, и, наконецъ, *Загорскую*, державшую въ Парижѣ революціонный с.-р. салонъ, въ которомъ толпились и „вожди“, и рядовые партійные работники.

Наиболѣе важнымъ „сотрудникомъ“ с.-д. являлся докторъ *Житомірскій*—одинъ изъ самыхъ старыхъ провокаторовъ, имѣвшій связи и въ нѣкоторыхъ кругахъ французскаго общества. Многіе партійные работники давно уже относились недовѣрчиво къ Житомірскому, а Бурцевъ, какъ

мы увидимъ ниже, высказывалъ и прямыя подозрѣнія въ связи этого изящнаго господина съ русской полиціей; но, несмотря на все это, Житомирскій продолжалъ вращаться среди с.-д. и вообще въ революціонныхъ кругахъ и, какъ видно изъ документовъ, давалъ Заграничной Агентурѣ весьма цѣнные и разнообразныя данныя о дѣятельности с.-д. за-границей.

Такой иммунитетъ людей, несомнѣнно, подозрительныхъ объяснялся отчасти и своеобразной точкой зрѣнія нѣкоторыхъ вождей на моральныя качества партійныхъ работниковъ: такъ, напр., когда Ленину говорили: „какъ вы терпите въ партіи такого человѣка, какъ Житомирскій“, онъ отвѣчалъ: „въ большомъ хозяйствѣ всякая дрянь пригодится“.

Въ количественномъ отношеніи больше всѣхъ другихъ секретныхъ сотрудниковъ давалъ данныхъ о с.-д. за-границей неутомимый *Кокочинскій*, освѣщавшій одновременно, какъ мы уже знаемъ, и „Бундъ“, и сіонистовъ, и п.-п.-с.

Какія интимныя стороны жизни революціонныхъ круговъ за-границей стремилась освѣтить агентура Красильникова, видно хотя бы изъ слѣдующихъ документовъ:

Красильниковъ докладываетъ Д-ту Полиціи отъ 24 октября (6 ноября) 1913 года: „*Бартольдъ* говоритъ, что черезъ 2—3 недѣли онъ уѣзжаетъ изъ Парижа въ Англію, а оттуда въ Россію. „Дѣло“, на которое онъ ѣдетъ, должно быть, по его словамъ, ликвидировано къ 25 декабря текущаго года. Деньги на терроръ у него, будто бы, имѣются въ количествѣ, бѣльшемъ, чѣмъ это даже пока нужно. *Натансонъ*, будто бы, хотѣлъ наложить, такъ сказать, арестъ на эти деньги, но ему не удалось. Бартольдъ имѣлъ по этому поводу крупный разговоръ съ Натансономъ, и они чуть было не поссорились. Деньги на терроръ попали къ Бартольду благодаря *Чернову*. Лицо, которое дало эти деньги, обратилось, будто бы, предварительно къ Чернову съ вопросомъ—кому можно дать эти деньги, и Черновъ указалъ на Бартольда. Только Чернову извѣстно точно, какіе акты предпринимаются и кто входитъ въ эту боевую группу. Наблюденіе за Бартольдомъ ведется“.

Про того же самого Бартольда, въ агентурныхъ листкахъ и черновыхъ записяхъ Заграничной Агентуры, имѣются, между прочимъ, слѣдующія „освѣщенія“: „Если вѣрить Бартольду, то имъ предполагается какой-то серьезный актъ, а потому надлежитъ учредить за нимъ серьезное наблюденіе, а также за Ив. Дм. Студеникинымъ (68, rue Barrault), который, несомнѣнно, приметъ въ этомъ выступленіи участіе“.

И затѣмъ, слѣдующее письмо, судя по почерку, полк. Эргардта Красилюникову: „Сегодня утромъ возвратился изъ своей поѣздки въ Россію Бартольдъ. Побывалъ онъ въ Москвѣ (1 сутки) и въ С.-Петербургѣ нѣсколько часовъ.“

Результатъ поѣздки, если не считать благополучнаго возвращенія, отрицательный. Денегъ, на которыя они рассчитывали, добыть не удалось, и онъ возвратился ни съ чѣмъ.

Остановился онъ на своей старой квартирѣ 19, rue Gazan и на-дняхъ собирается ѣхать въ Ниццу“.

Между строкъ этого письма рукою Красилюникова написано: „Не сборъ денегъ, а свиданіе съ лицомъ, отъ ко-раго зависѣло полученіе денегъ. Это ему не удалось; онъ вернулся ни съ чѣмъ“.

Небезынтересна также и слѣдующая записка, найденная среди черновыхъ бумагъ Заграничной Агентуры:

„*Шаховъ*. 19—20 апрѣля въ Парижъ пріѣхалъ изъ Москвы московскій богачъ *Шаховъ*.“

Официальная цѣль пріѣзда: Озаботиться дальнѣйшимъ образованіемъ взятыхъ имъ на попеченіе учениковъ закрытой въ Петербургѣ частной гимназіи, кажется, Витмеръ.

Неофициальная цѣль: Порученіе к.-д. партіи, въ коей онъ состоитъ: к.-д., недовольные министерствомъ, хотятъ повести противъ него сильную агитацію въ прессѣ, и такъ какъ это въ Россіи невозможно, то они уполномочили Шахова войти въ сношеніе съ представителями революціонныхъ партій за-границей и предложить имъ издавать въ Парижѣ русскій органъ анти-правительственнаго направленія. Въ случаѣ согласія, средства на изданіе этого органа будутъ даны *Шаховымъ*, а к.-д. берутъ на себя распространеніе этого органа въ Россіи

Сношенія Шахова: Для выполненія сего порученія Шаховъ вошелъ въ сношеніе съ *Натансономъ*, *Аксентьевымъ* и *Рубановичемъ*. Отвѣтъ этихъ лицъ: Въ данный моментъ создать общепартійный русскій органъ невозможно вслѣдствіе партійныхъ разногласій, но что такой органъ на французскомъ языкѣ уже существуетъ, причемъ указали на „*La Tribune*“, издаваемую Рубановичемъ. По мнѣнію представителей революціонныхъ партій, *важнѣе* распространять антиправительственныя идеи на Западѣ среди общественныхъ круговъ на понятномъ имъ языкѣ, чѣмъ среди русскихъ, проживающихъ за-границей. Поэтому они предложили Шахову помочь с.-р., тратящимъ большія деньги на осуществленіе этой цѣли, ассигновавъ имъ извѣстную сумму денегъ, на которую они будутъ продолжать изданіе „*La Tribune*“ и постараются такой же органъ издавать и въ Англіи на англійскомъ языкѣ. Кромѣ же того, они будутъ имѣть возможность и въ самой Россіи продолжать съ успѣхомъ уже начатое ими изданіе партійной легальной литературы („Голосъ Труда“, „Трудовой Голосъ“, „Наше Дѣло“, „Осколки“, „Завѣты“ и т. п.).

Отвѣтъ Шахова: Лично онъ очень сочувственно относится къ ихъ заявленію, но положительнаго отвѣта отъ партіи кадетъ онъ дать сейчасъ не можетъ и долженъ съ ними предварительно переговорить.

Свиданіе Шахова съ Аксентьевымъ: Выразивъ сочувствіе дѣятельности с.-р.-овъ, Шаховъ лично отъ себя обѣщалъ Аксентьеву въ скоромъ времени выслать болѣе или менѣе крупную сумму на изданіе с.-р. литературы.

Запрещеніе было сдѣлано отъ к.-д. Шахову—входить въ сношенія съ Бурцевымъ.

Поѣздка *Шахова* въ Лондонъ: Изъ Парижа Шаховъ поѣхалъ въ Лондонъ на свиданіе съ Кропоткинымъ, къ которому тоже имѣетъ порученіе отъ к.-д., касательно издательства такой же литературы и въ Лондонѣ.

Мы убѣждены, что въ этихъ свѣдѣніяхъ о поѣздкѣ Шахова много невѣрнаго, но все же приводимъ эту записку—во-первыхъ—для характеристики запросовъ и работы Загар-

ничной Агентуры, во-вторыхъ—въ надеждѣ, что приводимыя свѣдѣнія покажутъ заинтересованнымъ лицамъ того секретнаго сотрудника, который ихъ „освѣщалъ“.

Только съ *Загорской* Красильникову сравнительно не повезло: во-первыхъ, она категорически отказалась вступить въ сношенія съ подполковникомъ Эргардтомъ, командированнымъ, какъ мы уже знаемъ, въ Парижъ для завѣдыванія секретными сотрудниками Заграничной Агентуры, находившейся подъ общимъ управленіемъ Красильникова; во-вторыхъ, и самая „работа“ *Загорской* стала гораздо менѣе продуктивной при Красильниковѣ, чѣмъ во времена Ратаева и Гартинга, о чемъ Красильниковъ не разъ доносилъ Д-ту; одно изъ такихъ донесеній мы приводимъ здѣсь полностью:

„Въ дополненіе къ телеграммамъ отъ 28—15 ноября и 1 дек. (18 ноября), имѣю честь доложить Вашему Превосходительству, что свѣдѣнія, изложенныя въ первой изъ нихъ, а именно, что Южный телеграфировалъ своей женѣ въ Парижъ о благополучномъ переходѣ имъ границы и прибытіи въ Петербургъ, были получены вечеромъ 26 ноября отъ Главной Агентуры и 28 ноября донесены по телеграфу въ отвѣтъ на телеграфный запросъ за № 1709. Между тѣмъ, 30 ноября были получены неопровержимыя данныя, доказывающія, что Южный 27 ноября находился въ г. Вѣнѣ, не получивъ еще никакихъ опредѣленныхъ директивъ, причемъ вообще ничего опредѣленнаго во всѣхъ отношеніяхъ въ то время еще выяснено не было. Къ изложенному считаю необходимымъ добавить, что такъ называемая „Главная Агентура“ до настоящаго времени не даетъ никакихъ существенныхъ свѣдѣній, ограничиваясь передачею мало опредѣленныхъ слуховъ, а въ приведенномъ выше случаѣ сообщеніе ея прямо не соотвѣтствовало истинѣ“.

Въ виду этого, для давленія на *Загорскую*, Д-тъ Полиціи, по предложенію Красильникова, уменьшилъ жалованье *Загорской* съ 3¹/₂ тысячъ франковъ до 2¹/₂ тысячъ франковъ въ мѣсяць.

Вѣроятно, вслѣдствіе этихъ „внутреннихъ треній“, въ Д-тѣ

Полиціи и возникла мысль о временномъ переездѣ Загорской въ Россію. 29 ноября 1910 года Вице-Директоръ Д-та Полиціи Виссаріоновъ пишетъ Красильникову:

„По приказанію господина товарища министра внутреннихъ дѣлъ и въ дополненіе къ личнымъ моимъ переговорамъ съ Вами, имѣю честь просить Ваше Высокоблагородіе, не признаете ли Вы своевременнымъ вступить въ настоящее время въ обсужденіе съ извѣстнымъ Вамъ „Шальнымъ“ вопроса о возможности его выѣзда въ Россію и въ частности въ Петербургъ. Инициатива поѣздки никоимъ образомъ не можетъ и не должна исходить отъ Шального. Необходимо лишь его согласіе въ случаѣ предложенія ему этой поѣздки кѣмъ-либо изъ большихъ людей.

Та роль, о которой я лично говорилъ съ Шальнымъ и съ Вами, представляется для него наиболѣе соответственной, хотя и можетъ видоизмѣняться въ зависимости отъ обстоятельствъ дѣла. Всѣ средства, которыми мы располагаемъ, будутъ обращены къ тому, чтобы гарантировать Шальному удачное выполненіе при исключительно строжайшемъ соблюденіи его положенія.

Итакъ, не теряя ни одной минуты, обсудите и сообщите результаты“.

Какъ видитъ читатель, Загорская носила въ Д-тѣ Полиціи кличку „Шальной“ и „Главной Агентуры“, затѣмъ уже Красильниковъ перекрестилъ ее въ „Шарни“. Хотя Загорская и не проявляла той активности, какъ при Ратаевѣ, все же ее держали въ Заграничной Агентурѣ до самаго послѣдняго времени не только потому, что она „когда-нибудь, какъ говорилъ Красильниковъ, благодаря своему положенію и связямъ, однимъ показаніемъ могла вознаградить всѣ расходы“, но, несомнѣнно, и потому, что она все же продолжала давать цѣнныя „освѣщенія“; мы убѣждены, что доклады Красильникова, касавшіеся террористическихъ предпріятій и плановъ, а также и взаимоотношенія центральныхъ фигуръ партіи с.-р., строились, главнымъ образомъ, на показаніяхъ Загорской.

Когда эмигрантскіе, революціонные круги начали послѣ

дѣла Азефа болѣе внимательно относиться къ вопросу о провокаціи, то безбѣдная, даже широкая жизнь Загорскихъ въ Парижѣ, конечно, обращала на себя вниманіе, и, чтобы парировать подозрѣнія, они распускали слухи о своемъ богатствѣ: она — де родомъ изъ богатой купеческой семьи, а у него — кроата по происхожденію — громадныя помѣстья въ Кроаціи. Этого, къ сожалѣнію, было достаточно, чтобы у громаднаго большинства погасить всѣ подозрѣнія. Впослѣдствіи оказалось, что Марія Алексѣевна Загорская, до замужества Андреева, — крестьянка, а кроатскій вельможа — Владимиръ Францевичъ *Загорскій* — секретный сотрудникъ Д-та Полиціи еще съ 1901 года (въ началѣ „карьеры“ получалъ всего — 60 руб. въ мѣсяцъ).

Незадолго до войны, а можетъ быть, даже и въ началѣ ея, австрійскій подданный Владимиръ Загорскій принялъ французское подданство и поступилъ во французскую армію; онъ былъ нѣкоторое время на Салоникскомъ фронтѣ, гдѣ сербскіе офицера заподозрили его въ шпіонствѣ въ пользу Австріи. Лѣтомъ 1917 года чета Загорскихъ отдыхала отъ своихъ трудовъ гдѣ-то на Ривьерѣ...

Вообще и Заграничная Агентура, и Д-тъ Полиціи принимали всегда цѣлый рядъ мѣръ, чтобы появленіе денегъ у секретныхъ сотрудниковъ не вызывало особенныхъ подозрѣній въ революціонной средѣ. Такъ, напримѣръ, злостному провокатору Массу было приказано изобрѣсти сестру — миллионершу въ Америкѣ, которая будто бы и высылала ему большія деньги; неутомимому Кокочинскому было выданъ 5.000 франковъ для организаціи коммерческаго предпріятія, которое въ концѣ концовъ ничего, кромѣ убытка, не приносило; Житомирскій, конечно, тоже на средства Д-та Полиціи организовалъ въ Парижѣ франко-русское издательство медицинскихъ книгъ и т. д.

Заграничная Агентура прибѣгала къ всевозможнымъ способамъ, чтобы отвести глаза отъ того источника, изъ котораго секретные сотрудники получали деньги. Приводимъ здѣсь письмо Красильникова отъ 5—18 іюня 1913 года Мину, которое иллюстрируетъ эти отеческія заботы полиціи

о своихъ сотрудникахъ: „Сотрудникъ Заграничной Агентуры Сережа ¹⁾ обратился съ ходатайствомъ устроить ему хотя бы одинъ только разъ пересылку денегъ изъ Россіи съ тѣмъ, чтобы этимъ показать своимъ знакомымъ, что средства къ жизни онъ получаетъ отъ родныхъ изъ Россіи и единовременная получка хотя бы 100 рублей дала бы ему возможность выѣхать изъ Парижа, воспользовавшись лѣтними каникулами, на свиданіе съ лицами, представляющими для насъ особый интересъ и съ которыми онъ находился въ близкихъ сношеніяхъ, еще будучи въ ссылкѣ.

Означенныя деньги, составляющія мѣсячный окладъ его жалованья за іюль мѣсяцъ, онъ проситъ выслать почтовымъ переводомъ по возможности изъ Кіева отъ имени Берты Капланъ по адресу: Madame Bessel (для Ильи) 22, rue Maurice Mayer Paris.

О полученіи на этотъ адресъ денегъ для него Сережа уже предупредилъ адресатку.

Я, съ своей стороны, нахожу, что просьба Сережи заслуживаетъ быть исполненной, почему и позволяю себѣ объ изложенномъ Васъ просить, такъ какъ это хотя бы до нѣкоторой степени дастъ окружающей его средѣ указаніе, на какія средства онъ живетъ, и поѣздка Сережи по полученіи денегъ не покажется странной и подозрительной.

При семъ имѣю честь приложить чекъ на сто рублей“.

Такими однообразными и примитивными приѣмами полиція охраняла отъ подозрѣній своихъ „секретныхъ сотрудниковъ“. Успѣхъ охранниковъ обуславливался въ данномъ случаѣ не только легкомысленной довѣрчивостью революціонеровъ, но и тѣмъ, что за послѣднія два десятилѣтія они начали легче, чѣмъ прежде, относиться къ проникновенію въ ихъ среду людей, чуждыхъ имъ по духу. Блестящимъ примѣромъ подобной терпимости и является отношеніе парижской эмиграціи къ кѣ Загорскимъ—людямъ совершенно иныхъ интересовъ и устремленій.

¹⁾ Сережа—охранная кличка; настоящая фамилія его Чеканъ или, вѣрнѣе, Каганъ—смотри списокъ.

Г Л А В А VII.

Секретные сотрудники российских охранных отделений и Д-та Полиции за-границей.— Докладъ о террорѣ полк. Еремина.— Записка о террорѣ, составленная Д-мъ Полиции на основаніи данныхъ заграничныхъ секретныхъ сотрудниковъ полк. фонъ-Котена.— Полемика съ нимъ Красильникова.— Охрана высочайшихъ особъ во время ихъ заграничныхъ путешествій.— Борьба Красильникова съ Бурцевымъ.— Двойная игра Жоливе и Леоне.— Бурцевъ разоблачаетъ нѣсколькихъ сотрудниковъ Красильникова.— Тщетныя попытки Д-та Полиции раскрыть таинственного бурцевскаго „корреспондента“.— Другія непріятности г-на Красильникова.— Организациа имъ во время войны военнаго шпіонажа.— Роль въ этомъ дѣлѣ Долина, Литвина, Бинта и Самбена.

Несмотря на то, что, какъ мы уже говорили, дѣятельность Заграничной Агентуры во время Красильниковскаго управленія, особенно во второй половинѣ его, сводилась почти исключительно къ освѣщенію революціонныхъ круговъ, причемъ это освѣщеніе совершалось достаточно обстоятельно, Д-тъ Полиции все же недовольствовался секретными сотрудниками, находившимися подъ вѣдѣніемъ Красильникова, но прибѣгалъ и къ другимъ способамъ освѣщенія революціонныхъ группъ за-границей, а именно къ спеціальнымъ командировкамъ за-границу своихъ секретныхъ сотрудниковъ или секретныхъ сотрудниковъ российскихъ охранныхъ отделений.

Здѣсь считаемъ нужнымъ привести слѣдующій циркуляръ д-ра Д-та Полиции *Бѣлецкаго* всѣмъ начальникамъ охранныхъ отделений, который показываетъ, что на вопросъ о командировкѣ за-границу начальниками российскихъ охранныхъ отделений своихъ секретныхъ сотрудниковъ различные директора Департамента смотрѣли неодинаково:

М. В. Д.	Лично.
Департаментъ Полиции.	Совершенно секретно.
По Особому Отдѣлу.	Циркулярно.
27 іюля 1910 года.	Начальникамъ районныхъ и охранныхъ отделений.
№ 125790.	

Циркулярами Департамента Полиции отъ 18-го апрѣля и 29 мая 1909 года за №№ 128085 и 130439 на имя начальниковъ охранныхъ отделений были воспрещены

командировки секретныхъ сотрудниковъ за-границу *безъ предварительнаго разрѣшенія Департамента*. Въ такомъ требованіи, вызывавшемся обстоятельствами момента, въ настоящее время надобности не встрѣчается, а потому господинъ товарищъ министра внутр. дѣлъ, командиръ отдѣльнаго корпуса жандармовъ, во измѣненіе и развитіе вышеупомянутыхъ циркуляровъ, приказалъ объявить къ руководству нижеслѣдующее:

Если будетъ признано необходимымъ послать секретнаго сотрудника по дѣламъ политическаго розыска за-границу, или таковую командировку сотрудникъ получитъ отъ партіи, то начальники охранныхъ отдѣленій, давъ надлежащія указанія командируемому лицу, немедленно доносятъ Департаменту о цѣли командировки и командированномъ лицѣ (псевдонимъ, организація, имя, подъ которымъ извѣстенъ въ организаціи), а также указываютъ условія командировки, государство и городъ, въ который посланъ сотрудникъ. Отправивъ сотрудника за-границу, надлежитъ непрерывно поддерживать съ нимъ связь и всѣ получаемыя отъ него свѣдѣнія беззамедлительно представлять въ Департаментъ Полиціи. Если же явится необходимость сотруднику временно связаться съ за-граничнымъ представителемъ Департамента Полиціи, или передать его въ вѣдѣніе послѣдняго, то объ этомъ надлежитъ телеграфировать Департаменту для полученія явки. Во всякомъ случаѣ командируемому сотруднику должно быть внушено, что въ случаѣ поступившихъ къ нему серьезныхъ свѣдѣній, требующихъ принятія немедленныхъ мѣръ, онъ обязуется заявить объ этомъ представителю Департамента Полиціи за-границей, увѣдомивъ послѣдняго письмомъ по адресу: Monsieur Ridler, 79, rue de Grenelle, Paris.

При этомъ Его Превосходительствомъ приказано объявить, что достигнутые сотрудниками успѣхи, въ смыслѣ полученія ими серьезныхъ свѣдѣній, будутъ прежде всего отнесены къ лицамъ, командировавшимъ сотрудниковъ.

Подписалъ: И. д. директора *С. Бѣлецкій*.

Скрѣпилъ: завѣдующій особымъ отдѣломъ
полковникъ *Ереминъ*.

Вѣрно: помощн. дѣлопроизводителя (подп. неразборч.).

Въ бумагахъ Заграничной Агентуры мы нашли громадный докладъ полк. Еремина (подпись неразборчива, но по цѣлому ряду данныхъ мы убѣждены, что докладъ этотъ надо приписать ему) „о террористическихъ планахъ и вообще объ отношеніи къ террору различныхъ заграничныхъ группъ и отдельныхъ представителей партіи с.-р.“. Въ Петроградѣ изъ совершенно достовѣрнаго источника я узналъ, что докладъ этотъ былъ посланъ Красильникову по приказанію д-ра Д-та Полиціи Бѣлецкаго, для провѣрки данныхъ, полученныхъ, главнымъ образомъ, отъ командированныхъ за-границу начальникомъ Петерб. охр. отд. полковникомъ Котеномъ, секретно отъ Красильникова, но съ вѣдома Бѣлецкаго и тов. мен. вн. д. Золотарева, двухъ секретныхъ сотрудниковъ—*Верецкаго* Николая и *Кирюхина*, а также и данныхъ секретнаго сотрудника барона *Штакельберга*, переданнаго затѣмъ полк. Котеномъ Заграничной Агентурѣ. Приводимъ этотъ докладъ въ виду его большого интереса почти цѣликомъ; датированъ онъ 28 марта 1912 года:

„Изъ совокупности поступающихъ изъ за-границы агентурныхъ свѣдѣній (изъ 4-хъ источниковъ) усматривается, что наиболѣе злободневнымъ вопросомъ среди заграничныхъ работниковъ партіи социалистовъ-революціонеровъ является вопросъ объ отношеніи къ террору. Вопросъ этотъ, о которомъ послѣдніе 2—3 года революціонные круги, подавленные разоблаченіями Азефа, Жученко и другихъ, избѣгали говорить, сразу сталъ чуть не единственной темой разговора. Серьезную роль въ возбужденіи интереса къ террору сыгралъ центральный комитетъ партіи.

Настоящій составъ центральнаго комитета началъ свою дѣятельность въ условіяхъ крайне для него неблагопріятныхъ. Отсутствіе въ новомъ ц. к. крупныхъ именъ, неимѣніе въ его активѣ серьезныхъ заслугъ передъ партіей, вынужденный уходъ прежняго состава ц. к., сохранившаго въ рядахъ партіи, несмотря на сильно скромпрометировавшее дѣло Азефа, многихъ убѣжденных сторонниковъ, дѣлали положеніе новаго ц. к. весьма шаткимъ. Изыскивая способы укрѣпить свое положеніе, новый ц. к. рѣшилъ за-

нять стойкую террористическую позицію — первоначально идейную, а при первомъ удобномъ случаѣ — активную. На этомъ пути центральному комитету прежде всего пришлось натолкнуться на обособленное автономное положеніе боевой организаціи со своей исключительной прерогативой. Однако, послѣ неудачи, постигшей предпринятое боевой организаціей въ концѣ 1909 года изъ Петербурга... находившагося здѣсь передового боевого отряда боевой организаціи въ составѣ извѣстныхъ Департаменту Полиціи Степана *Слетова*, Михаила *Чернавскаго*, Сергѣя *Моисеенко* (Луканова), Вацлава *Рогинскаго* (Мишеля Коморскаго), Вульфа *Фабриканта* (Дальняго), Яна *Бердо*, бѣглаго матроса „Якова Ипатыча“ и неустановленнаго крестьянина по имени „Ивана“, жившаго вмѣстѣ съ Сергѣемъ Моисеенко, а также послѣ ареста въ февралѣ того же года Льва *Либермана* (нелегальнаго *Стромилова*), боевая организація перестала проявлять себя активно. Хотя затѣмъ въ теченіе лѣта 1910 года ряды боевой организаціи пополнились вступленіемъ въ ея ряды Федора *Назарова*, *Сидорчука* и нѣкоторыхъ другихъ, но начавшіеся въ средѣ организаціи внутренніе раздоры и особенно взаимныя подозрѣнія въ провокаціи (окончившіеся самоубійствами Яна Бердо и Мишеля Коморскаго) совершенно парализовали дѣятельность боевой организаціи. Ядро боевой организаціи, въ составѣ: Бориса *Савинкова*, Евгениі *Сомовой*, Маріи *Прокофьевой*, а затѣмъ (послѣ отъѣзда изъ Петербурга) и вышеупомянутыхъ Михаила Чернавскаго, Сергѣя Моисеенко, Вацлава Рогинскаго, а нѣсколько позже еще и Натальи *Климовой*, проживавшей весьма конспиративно съ января по сентябрь мѣсяцъ 1910 года сначала въ Лондонѣ, а затѣмъ въ Сѣверной Франціи, и поддерживавшей сношенія съ центральнымъ комитетомъ, исключительно черезъ *Фундаминскаго* (Бунакова), распалось. Савинковъ съ Сомовой переѣхали на Ривьеру, гдѣ поселились совершенно открыто, Прокофьева уѣхала въ Давосъ, въ Швейцарію лечиться отъ чахотки, Рогинскій поступилъ въ авіаціонную школу въ Парижѣ и т. д.

Около этого же времени среди партійныхъ работниковъ

возникло сильное неудовольствіе, направленное лично противъ Савинкова. Причиной недовольства послужили, съ одной стороны—бездѣтельность боевой организаціи, а главнымъ образомъ—воспоминанія, написанныя Савинковымъ по порученію центрального комитета. Будучи достаточно искреннимъ, Савинковъ рассказалъ исторію всѣхъ террористическихъ выступленій, въ которыхъ онъ участвовалъ, а также тѣхъ, къ которымъ онъ былъ прикосновененъ, въ такомъ духѣ; въ какомъ былъ написанъ его извѣстный рассказъ „Конь Блѣдный“, вызвавшій въ свое время энергичную отповѣдь на страницахъ „Знамени Труда“. По воспоминаніямъ Савинкова, какъ онъ самъ, такъ равно *Сазоновъ*, *Каляевъ* и др. „славные террористы“ выходили не столько героями, чуждыми всякихъ недостатковъ, кристально чистыми по своимъ нравственнымъ качествамъ и жившими только идеальными стремленіями ко благу народа и человѣчества, сколько самыми обыкновенными смертными съ значительной долей авантюризма и исканія сильныхъ ощущеній и со всѣми свойственными людямъ недостатками, въ особенности въ отношеніи къ женщинамъ. Появленіе воспоминаній Савинкова въ подобномъ видѣ совершенно развѣнчало бы многихъ бывшихъ „героевъ“, что, конечно, было не въ интересахъ партіи, почему Савинкову былъ поставленъ ультиматумъ: передѣлать свои воспоминанія по даннымъ указаніямъ, подъ угрозой исключенія въ противномъ случаѣ изъ партіи. Передѣлкой этой Савинковъ занимается по настоящее время, обрабатывая свои воспоминанія, насколько извѣстно, чуть не въ двѣнадцатый или тринадцатый разъ.

Приведенныя выше обстоятельства значительно упрощали центральному комитету ту задачу, которую, какъ уже упомянуто выше, онъ себѣ поставилъ—взять терроръ въ свои руки и подчинить террористовъ своему вліянію. Съ означенною цѣлью центральнымъ комитетомъ были предприняты шаги въ двухъ направленіяхъ. Во-первыхъ, была произведена весною и лѣтомъ 1911 года анкета среди старыхъ партійныхъ работниковъ, проживающихъ за-границей, съ цѣлью выяснить ихъ принципиальное отношеніе къ террору, а

также, кто изъ старыхъ работниковъ желаетъ принять личное участіе въ террористическихъ выступленіяхъ. Вторыхъ, на страницахъ „Знамени Труда“ стала систематически вестись апологія террора съ цѣлью привлеченія въ ряды террористовъ свѣжихъ силъ въ лицѣ молодыхъ партійныхъ работниковъ. Въ этихъ видахъ въ „Знамени Труда“ начали печататься біографіи террористовъ, ихъ воспоминанія, описанія подготовки актовъ, историческіе обзоры, статистика политическихъ убійствъ и пр., для достиженія вполне определенной цѣли—спеціальной обработки молодыхъ работниковъ въ строго-террористическомъ направленіи.

Несомнѣнно, что вся эта пропаганда террора значительно способствовала пробужденію интереса къ нему, но были и другія обстоятельства, помимо сказанной пропаганды, приводившія къ тому же результату, т.-е. къ возбужденію интереса къ террору.

Въ 1911 году среди сторонниковъ областного заграничнаго комитета, издавна находившагося въ оппозиціи къ центральному комитету, стало зарождаться новое теченіе, лидерами коего явились мало извѣстные до того партійные работники *Антонъ Савинъ*, *Огановскій* и нѣкоторые другіе. Представители этого теченія настаивали на необходимости полного пересмотра партійныхъ программъ и тактики. Въ отношеніи программы они исходили изъ того положенія, что основная часть партійной программы—аграрный вопросъ—базируется на предположеніи, что русскій крестьянинъ, по натурѣ своей и по историческому укладу своей жизни, есть крестьянинъ - общинникъ. Между тѣмъ, законъ 9 ноября 1906 года, помимо того, что онъ фактически разрушаетъ общину, показалъ, что крестьяне весьма охотно переходятъ на отруба и легко расстаются съ общинными формами землевладѣнія. Это обстоятельство, разрушая одну изъ главнѣйшихъ основъ партійной программы, вызываетъ, по мнѣнію представителей указаннаго теченія, необходимость пересмотра всей программы. Вопросъ этотъ не новъ, такъ какъ еще въ 1907 году въ Москвѣ была издана извѣстными Департаменту Полиціи Мотелемъ Шахновымъ *Розенбергомъ* и Ми-

хаиломъ Яковлевымъ *Гендельманомъ* брошюра. Къ пересмотру аграрной программы“ (авторы скрыли свои фамилии подъ псевдонимами „Фирсова“ и еще какого-то), каковая брошюра въ то время была признана еретической. Въ отношеніи тактики представители новаго теченія требовали пересмотра, доказывая, что терроръ, какъ средство борьбы, устарѣлъ, что при существованіи Государственной Думы терроръ является анахронизмомъ, и, наконецъ, что терроръ настолько скромпрометированъ дѣломъ Азефа, что лучше совершенно отказаться отъ террора, чѣмъ рисковать повтореніемъ подобной исторіи.

Это теченіе, къ которому впослѣдствіи примкнули *Авксентьевъ*, Николай Алексѣевъ *Ульяновъ* („Андрей Ивановичъ“) и нѣкоторые другіе, и которое за послѣднее время стало принимать наименованіе „ликвидаторства“, привлекло къ себѣ значительное вниманіе среди заграничныхъ работниковъ партіи, вызвало ожесточенные дебаты и завербовало въ свои ряды довольно большое число сторонниковъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ оно несомнѣнно способствовало пробужденію интереса и къ террору, и горячая проповѣдь противниковъ террора вполнѣ естественно производила иногда и обратное дѣйствіе, способствуя самоопредѣленію части партійныхъ работниковъ, относившихся ранѣе къ вопросамъ террора болѣе или менѣе индифферентно. Характерно отмѣтить, что къ числу лицъ, готовыхъ отречься отъ террора, за послѣднее время примкнулъ такой видный сторонникъ террора, какъ вышеупомянутый *Степанъ Слетовъ*, недавно вернувшійся изъ Россіи, гдѣ онъ провелъ болѣе полугода. Въ настоящее время онъ стоитъ за ликвидацію нелегальной партійной работы и про него говорятъ: „Вотъ стоило только старому работнику поработать въ Россіи, какъ онъ уже сразу сдѣлался изъ террориста самымъ мирнымъ культурникомъ“.

Ярой поборницей террористическихъ позицій, занятыхъ центральнымъ комитетомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ лицомъ, наиболѣе горячо стремящимся поддержать партію, прекратить происходящіе внутри ея раздоры и вновь поднять значеніе партіи—является извѣстная *Вѣра Финеръ*. Единственнымъ

средствомъ для достиженія указанныхъ цѣлей является, по мнѣнію Вѣры Фигнеръ, возобновленіе террора и доведеніе его до самыхъ широкихъ размѣровъ. Въ данное время она является виднѣйшимъ идеологомъ террора въ партіи, особенно послѣ выхода изъ рядовъ партіи Виктора Чернова. Вѣра Фигнеръ живетъ постоянно въ Швейцаріи, въ Кларанѣ и оттуда ведетъ переписку со многими боевыми ячейками партіи, находящимися въ другихъ мѣстахъ. Кромѣ того, къ ней зачастую пріѣзжаютъ партійные работники изъ другихъ мѣстъ, а иногда и она сама ѣздитъ для личныхъ переговоровъ въ тотъ или другой городъ. Такъ, напр., въ данное время она находится въ Парижѣ, а оттуда имѣетъ въ виду поѣхать въ Лондонъ.

Раньше чѣмъ перейти къ перечисленію отдѣльныхъ группъ и ячеекъ, объединяемыхъ Вѣрой Фигнеръ, необходимо упомянуть объ одномъ вполне обособленномъ боевомъ теченіи, вдохновителемъ котораго является членъ центральнаго комитета извѣстный соціалистъ-революціонеръ *Волховской*. Эта группа говоритъ, что частичный терроръ долженъ идти рука объ руку съ народнымъ возстаніемъ, что необходимо готовиться къ возстанію путемъ организаціи крестьянства, пропаганды въ войскахъ и среди офицеровъ, обученія партійныхъ работниковъ военному дѣлу и пр. Волховской пропагандируетъ въ данное время созывъ въ Парижѣ или въ Лондонѣ конференціи военныхъ работниковъ п. с. - р. для разработки плановъ военно-революціоннаго устройства въ Россіи и боевой подготовки крестьянъ. По этому вопросу въ № 39 „Знамени Труда“ была помѣщена статья за подписью „С. Свича“ (Петра Карповича). Статья обратила на себя вниманіе, и редакція „Знамени Труда“ получила изъ Россіи, преимущественно изъ южной, а также изъ Московскаго района, рядъ сочувственныхъ писемъ съ призывомъ ц. к. къ устройству военно-партійныхъ школъ и вообще къ популяризаціи военныхъ знаній среди партійныхъ работниковъ. По послѣднимъ свѣдѣніямъ, въ Россію уже посланъ пѣкій *Топоровъ*—крупный организаторъ по военному и боевому дѣлу. Болѣе подробныя свѣдѣнія объ этой группѣ мною будутъ доложены дополнительно.

Группы, объединенныя Вѣрой Фигнеръ, географически распредѣлены въ трехъ мѣстахъ: въ Швейцаріи, Ривьерѣ и въ Парижѣ.

Въ Швейцаріи, помимо Вѣры Фигнеръ, наиболѣе крупными величинами являются извѣстные Департаменту Полиціи: Егоръ Егоровъ *Лазаревъ* (кличка наблюденія по Петербургу „Старикъ“, по Швейцаріи „Амурскій“), проживающій въ Кларанѣ, и Иванъ Юльевъ *Старынкевичъ* (кличка наблюденія по Швейцаріи „Нильскій“), проживающій въ Лозаннѣ. Къ этимъ двумъ лицамъ получаютъ явки с.-р., ѣдущіе изъ Россіи. Кромѣ нихъ, въ настоящее время, проживаютъ въ Швейцаріи слѣдующія лица, изъявившія желаніе посвятить себя террористической работѣ. Къ числу таковыхъ относятся:

1) Извѣстный Департаменту Полиціи по моимъ докладамъ отъ 13 октября 1911 г. за № 245 и по слѣдующимъ бывшій студентъ С.-Петербургскаго Университета, изъ кр. Гродненской губ., Бѣльскаго уѣзда, Демьянъ Григорьевъ *Безюкъ* (партійныя клички „Гоголь“ и „Петръ Петровичъ“— въ наблюденіи „Дунайскій“). Безюкъ проживаетъ въ Кларанѣ подъ фамиліей Журавлева.

2) Кр. Тамбовской губ. и уѣзда, Пахотноуглевской вол. и села, Любовь Ефимовна *Гальцева* (кличка наблюденія „Средняя“). Гальцева проживаетъ также въ Кларанѣ совместно съ Безюкомъ.

Оба эти лица пріѣхали въ Швейцарію въ октябрѣ минувшаго года изъ Петербурга, причемъ средства на поѣздку они получили отъ присяжныхъ Владимира Вильямова *Беренштама* и Самуила Еремѣева *Кальмановича*; въ настоящее время они получаютъ денежную помощь отъ матери редактора газеты „Рѣчь“ Іосифа *Гессена*.

3) Нѣкая Анна *Дьякова*, она же Анна Борисовна, еврейка, бѣглая каторжанка (кличка наблюденія „Рейнская“); она проживала въ Кларанѣ, а въ первыхъ числахъ марта перѣѣхала подъ наблюденіемъ въ Парижъ, гдѣ и сдана мѣстному наблюденію.

4) Неизвѣстный студентъ Петербургскаго Университета (партійная кличка „Николай Николаевичъ“— въ наблюденіи

„Шелковый“), прїѣхавшій въ Кларанъ въ январѣ и поселившійся вмѣстѣ съ Безюкомъ.

5) Нѣкій Михаилъ Викторовичъ *Бакулинъ*—нелегальный (партийная кличка „Викторъ“), проживавшій въ Кларанѣ и переѣхавшій затѣмъ въ Парижъ подъ наблюдениемъ французскихъ филеровъ.

6) Нѣкій Александръ Дмитриевичъ, онъ же Саша (въ наблюдении „Уральскій“), проживавшій до отъѣзда Бакулина въ разныхъ мѣстахъ, а послѣ его отъѣзда поселившійся въ Кларанѣ по его же паспорту. Въ настоящее время проживаетъ въ предмѣстьѣ Торрито, подъ фамиліей Бакулина.

7) Нѣкая „Маруся Непримириная“, проживающая неизвестно гдѣ (наблюдению неизвестна). Она является убѣжденной террористкой и играетъ крупную роль въ Швейцарской группѣ. Последній разъ была въ Кларанѣ въ февралѣ сего года и 27 февраля (ст. ст.) выѣхала въ Италію.

8) Неизвѣстный, напоминающій по примѣтамъ извѣстнаго Департаменту Полиціи террориста „Святополка“, онъ же „Николай Выборгскій“, онъ же „Владимиръ Григорьевичъ“—организаторъ покушенія на Московскаго генераль-губернатора Гершельмана въ 1907 году и на великаго князя Николая Николаевича въ 1908 году. Мѣсто жительства неизвестно, наблюдению также неизвестенъ. Былъ въ Кларанѣ у Вѣры Фигнеръ въ первыхъ числахъ февраля ст. ст.

9) Нѣкій „Петръ“ (въ наблюдении „Войлочный“), проживающій въ Женевѣ, очень друженъ съ „Марусей Непримириной“; убѣжденный террористъ.

10) Неизвѣстный, проживающій въ Женевѣ (кличка наблюдения „Суконный“), террористъ.

11) Анархистка или максималистка „Ревекка“—хромая на правую ногу (кличка наблюдения „Ситцевая“), знакомая со всей группой, проживаетъ въ Женевѣ.

12) Упоминаемый въ докладѣ моемъ отъ 13 сего марта за № 102 „Лазарь“—проживавшій въ Женевѣ и выѣхавшій оттуда 11/24 марта въ Россію.

Въ настоящее время группа ожидаетъ прїѣзда изъ Христіаніи бѣглаго каторжанина. По сдѣланному мною

сношенію съ начальникомъ Симбирскаго губернскаго жандармскаго управленія отъ 17 марта за № 1726 видно, что Петровъ-Котроховъ въ 1906 году участвовалъ на собраніяхъ въ г. Симбирскѣ, бывшихъ въ старыхъ казармахъ, и митингахъ, гдѣ говорилъ рѣчи противоправительственнаго содержанія; въ томъ же году привлекался къ дознанію въ качествѣ обвиняемаго по 126 ст. Угол. Улож., а также былъ привлеченъ судебнымъ слѣдователемъ по особо-важнымъ дѣламъ Симбирскаго окружнаго суда по обвиненію по 139, 1630, 1633 и 1 ч. 1634 ст.ст. Улож. о Наказ. По приговору военно-окружнаго суда былъ осужденъ въ каторжныя работы на 13 лѣтъ и 4 мѣсяца. Кромѣ того, за вооруженное нападеніе 6 ноября 1906 года, съ цѣлью ограбленія почты, слѣдовавшей изъ села Жадовки, Корсунскаго уѣзда, былъ осужденъ въ каторжныя работы еще на 5 лѣтъ и 4 мѣсяца. Онъ былъ отправленъ въ г. Омскъ, откуда бѣжалъ и проживаетъ, по агентурнымъ свѣдѣніямъ полковника Шабеевскаго, въ Парижѣ.

На Ривьерѣ находятся Борисъ Савинковъ, Евгенія Сомова, Марія Прокофьева, Наталья Климова и нѣкоторые другіе. Тамъ же, повидимому, находится и „Маруся Непримиримая“, по своимъ примѣтамъ очень напоминающая Наталью Климову. Отдѣльно отъ этой группы въ Спеціи, близъ Генуи, проживаетъ Викторъ Черновъ. Группа эта агентурой ввѣреннаго мнѣ отдѣленія въ данное время не освѣщается.

Въ Парижѣ находится, такъ называемая, „лѣвая группа“ или группа Дилевскаго и Агафонова, для сношенія съ каковою и выѣхала главнымъ образомъ Вѣра Фигнеръ въ Парижъ. Кромѣ того, тамъ находятся слѣдующія лица босвого направленія, поддерживающія непосредственно или прямо сношенія съ Вѣрой Фигнеръ. Къ числу таковыхъ лицъ относятся:

1) Борисъ Бартольдъ.

2) Проживающій совмѣстно съ нимъ подъ именемъ Ивана Студеникина — Воронежскій мѣщанинъ Иванъ Давыдовъ Смирновъ, разыскиваемый циркуляромъ Департамента По-

лиціи отъ 28 марта 1910 г. за № 126022/93, привлекавшійся въ г. Курскѣ въ 1908 г. по дѣлу боевой организаціи партіи с.-р. Болѣе подробныя свѣдѣнія о немъ доложены мною въ запискѣ отъ 21 марта с. г. за № 114.

3) Нѣкто Василій Викторовичъ *Льдовъ*, также проживающій съ Бартольдомъ и Смирновымъ.

4) Въ той же квартирѣ проживалъ бѣглый матросъ *Гамлавскій* или *Гамлявскій*, упоминаемый въ докладѣ моемъ отъ 2 сего марта за № 86.

5) Вышеупомянутый Вольфъ *Фабрикантъ*, выѣхавшій въ настоящее время на Ривьеру. (Кличка наблюденія по Петербургу „Сухой“).

6) Нѣкій *Глотовъ*, выѣхавшій на Ривьеру нѣсколькими днями ранѣе *Фабриканта*.

7) Бывшій студентъ Петербургскаго университета Александръ Николаевъ *Худатовъ* (партійная кличка „Шурка“), проживавшій подъ фамиліей *Гурьева*. Въ началѣ сего года Худатовъ долженъ былъ выѣхать въ Россію съ какимъ-то партійнымъ порученіемъ, но свою поѣздку отмѣнилъ, такъ какъ узналъ, что о немъ наводятся справки.

8) „Даша Кронштадтская“, она же „Даша Военная“, принимавшая участіе въ Кронштадтскомъ возстаніи въ 1906 году. Существуетъ предположеніе, что ею было совершено покушеніе на жизнь Вологодскаго тюремнаго инспектора Ефимова въ апрѣлѣ 1911 г.

Недавно она выѣхала, вмѣстѣ съ женой Худатова, въ Италію, возможно, что на Ривьеру.

Главнѣйшими мотивами, коими обусловливается съ точки зрѣнія Вѣры Фигнеръ и ея сподвижниковъ необходимость террора, являются слѣдующіе: во-первыхъ, какъ уже упомянуто выше, желаніе спасти партію отъ развала и показать, что партія, несмотря на понесенные ею тяжелые удары, существуетъ и вполнѣ жизнеспособна. Во-вторыхъ, стремленіе помѣшать во что бы то ни стало благополучному теченію предстоящихъ въ 1913 году торжествъ по случаю трехсотлѣтія Дома Романовыхъ. И, наконецъ, въ-третьихъ, требованіе политическихъ ссыльныхъ и каторжанъ отвѣтить

терроромъ на тѣ репрессіи, жестокости и истязанія, коимъ они, якобы, подвергаются.

Взяться за осуществленіе покушенія на жизнь Государя Императора, повидимому, можетъ группа *Савинкова* или группа *Дилевскаго* и *Агафонова*. Съ послѣдней группой въ настоящее время ведетъ переговоры *Вѣра Фигнеръ*. Группа эта, существующая уже около 4-хъ лѣтъ, ничѣмъ реальнымъ о своемъ существованіи до сихъ поръ не заявила и находилась все время въ оппозиціи къ центральному комитету. Главнымъ тормозомъ ея дѣятельности было полное отсутствіе денежныхъ средствъ. Въ настоящее время группа соглашается признать главенство центральнаго комитета, но съ правомъ вести работу (исключительно боевую) вполнѣ автономно. Если центральный комитетъ не въ состояніи будетъ дать достаточныхъ для совершенія покушенія средствъ, группа рассчитываетъ добыть недостающія средства путемъ экспроприаціи.

Вообще можно предполагать, что болѣе или менѣе разработаннаго плана покушенія на жизнь Государя Императора въ данное время не существуетъ. Безюкъ, ѣздившій недавно на Ривьеру для переговоровъ съ группой *Савинкова*, вынесъ впечатлѣніе, что совершеніе покушенія во время пребыванія *Его Величества* въ Ялтѣ или въ Москвѣ признается неосуществимымъ, кое-какія надежды въ этомъ смыслѣ возлагаются на путешествія *Его Величества*, но и то, повидимому, лишь въ области предположеній.

Слѣдующимъ стоитъ совершеніе покушенія на жизнь г. министра внутреннихъ дѣлъ. Осуществленіе этого покушенія, которое можно считать наиболѣе назрѣвшимъ, и которое рѣшено произвести во что бы то ни стало, повидимому, возьметъ на себя Швейцарская группа. Въ послѣднее время, въ связи съ разговорами о необходимости покушенія на жизнь *Его Высокопревосходительства*, стали подробно обсуждать способъ убійства г. министра внутреннихъ дѣлъ *Сипягина Балмашевымъ*, причемъ высказывались предположенія о возможности примѣнить этотъ способъ вновь. По сему поводу мною даны надлежащія указанія подполковнику *Озеровскому*.

Далѣе существуетъ предположеніе объ убійствѣ Варшавскаго генераль-губернатора Скалона и генерала Герасимова, котораго продолжаютъ считать руководителемъ политическаго розыска въ Имперіи. Впрочемъ, убійство генерала Герасимова намѣчается лишь при условіи, что оно не потребуетъ большихъ затратъ деньгами и людьми.

Наконецъ, актомъ, которому также придается большое значеніе, является актъ въ отношеніи начальника главнаго тюремнаго управленія. Покушеніе на жизнь дѣйствительнаго статскаго совѣтника Хрулева настойчиво требуютъ политическіе каторжане и ссыльные и подысканіемъ исполнителей на этотъ актъ очень озабочены Вѣра Фигнеръ, „Маруся Непримримая“, Безюкъ и Егоръ Лазаревъ. Насколько извѣстно, пока исполнителя на это не нашлось и ближайшая надежда въ этомъ направленіи возлагается на вышеупомяну-таго Петрова-Котрохова.

Денегъ для террористическихъ предпріятій имѣется очень мало. Извѣстно лишь, что центральный комитетъ получилъ недавно откуда-то 24.000 франковъ, а Вѣра Фигнеръ получила изъ Америки 2.000 долларовъ; кромѣ того, она получила еще отдѣльно 600 долларовъ специально для организаціи побѣга *Брешко-Брешковской*, что надѣются осуществить въ теченіе лѣта сего года при содѣйствіи какого-то ссыльнаго бывшаго солдата изъ кружка „Нечаева“, знающаго хорошо условія ссылки; солдатъ этотъ по профессіи сапожникъ. Вышеупомянутая предстоящая поездка Вѣры Фигнеръ въ Лондонъ имѣетъ главной цѣлью изысканіе средствъ на терроръ.

Докладывая объ изложенномъ Вашему Превосходительству, имѣю честь присовокупить, что подробныя примѣты всѣхъ перечисленныхъ лицъ, а равно ихъ заграничныя адреса, будутъ мною представлены дополнительно.

Полковникъ *Ереминъ* ¹⁾“.

¹⁾ *Примѣч.* Въ Петроградѣ я получилъ компетентное подтвержденіе, что авторъ этого доклада былъ полковн. Ереминъ.

Мы не даемъ критическаго разбора свѣдѣній, сообщаемыхъ секретными сотрудниками какъ въ этомъ докладѣ, такъ и въ дру-

Вѣроятно, главнымъ источникомъ свѣдѣній, на которыхъ построенъ этотъ докладъ полковника Еремина, была заграничная секретная агентура полковника фонъ-Котена.

Тотъ же полк. *фонъ-Котенъ* на основаніи данныхъ, полученныхъ имъ отъ его заграничныхъ секретныхъ сотрудниковъ,⁹ въ слѣдующемъ (1913) году даетъ рядъ новыхъ свѣдѣній о террористическихъ планахъ заграничныхъ революціонеровъ; Д-тъ Полиціи 5 февраля 1913 г. препровождаетъ Красильникову по этому поводу слѣдующую бумагу:

„Вслѣдствіе Вашихъ докладовъ отъ 20, 21 и 22 января за №№ 93, 101 и 102 Департаментъ Полиціи увѣдомляетъ Ваше Высокоблагородіе, что по дѣлу сформированія за-границей боевыхъ отрядовъ для отправки ихъ въ Россію съ террористической цѣлью, отъ полковника *фонъ-Котена* получены нижеслѣдующія свѣдѣнія:

Къ началу текущаго года продолжительное бездѣйствіе боевой организаціи стало вызывать, по свѣдѣніямъ агентуры полковника фонъ-Котена, нареканія среди членовъ партіи и въ центральный комитетъ стали поступать заявленія отдѣльных лицъ и даже группъ, предлагавшихъ свои услуги въ дѣлѣ террора. Энергичнымъ идеологомъ террора явились извѣстная Вѣра *Фигнеръ* и невѣста убійцы статсъ-секретаря Плеве—Егора Сазонова—Марія *Прокофьева*.

Въ ноябрѣ текущаго года къ полковнику фонъ-Котену

гихъ бумагахъ, исходившихъ отъ начальника Заграничной Агентуры или изъ Департ. Полиціи. Такая критика завела бы насъ очень далеко, потребовала бы книги вдвое бѣльшей по размѣрамъ, чѣмъ наша, и вышла бы за предѣлы поставленной нами себѣ задачи; мы даемъ очеркъ дѣятельности Заграничной Агентуры, а не пишемъ исторію революціоннаго движенія.

Но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ мы сами съ полной несомнѣнностью знаемъ, что приводимые въ документахъ свѣдѣнія невѣрны, мы дѣлаемъ соотвѣтствующія замѣчанія. Такъ, напримѣръ, въ докладѣ Еремина совершенно ложно сообщеніе о томъ, что парижская „лѣвая группа“ с.-р., группа „Юдилевскаго и Агафоновъ“, вела переговоры съ Вѣрой Фигнеръ и что эта группа соглашалась „признать главенство центрального комитета“.

В. Аг.

поступили агентурныя указанія, что на возстановленіи центрального террора сталъ настаивать Маркъ *Натансонъ*. Съ этой цѣлью изъ состава „заграничной делегаціи“ выдѣлились въ особую „конспиративную комиссію“ *Натансонъ* и *Ариуновъ*, съ правомъ кооптировать въ эту комиссію тѣхъ лицъ, кого они найдутъ нужнымъ. Имѣются указанія, что комиссія вступила даже въ переговоры съ Савинковымъ, несмотря на господствующее нынѣ въ партіи отрицательное къ нему отношеніе. Переговоры съ Савинковымъ, повидимому, не привели ни къ какому результату ¹⁾. Тогда комиссія предложила роль организатора будущаго боевого отряда Сергѣю *Моисеенко* (Луканову), но Моисеенко отъ роли организатора отказался, заявивъ, что онъ считаетъ себя пригоднымъ лишь для роли исполнителя. Наконецъ, повидимому, выборъ организатора боевого отряда остановился на проживающемъ въ Парижѣ, извѣстномъ Заграничной Агентурѣ, Михаилѣ *Курисько*. Отрядъ этотъ ставить себѣ цѣлью организацію царевубійства: формированіе его еще далеко не окончено и пока намѣчаются будущіе его участники. Въ числѣ таковыхъ, кромѣ самого Курисько, намѣчены: его жена *Ксенія* (по свѣдѣніямъ Особаго Отдѣла *Груздева*), нѣкій Александръ *Добровольскій* (личность, полковникомъ фонъ-Котеномъ неустановленная), бывшій военный работникъ *Бронскій* ²⁾ и какой-то бѣглый матросъ Черноморскаго флота. Всего отрядъ долженъ состоять изъ 8 человекъ.

Денежныя средства на осуществленіе предпріятія, по сообщенію полковника фонъ-Котена, повидимому, имѣются, такъ какъ не особенно давно поступили указанія, что какая то дѣвица, не вполне нормальная, желаетъ пожертвовать партіи черезъ проживающую въ Лозаннѣ Евгенію *Григоровичъ* пятьдесятъ тысячъ рублей. По этому дѣлу Натан-

¹⁾ Противъ этого мѣста на поляхъ, вѣроятно, рукой подполк. Эргардта, написано: „Это говорилъ Борисъ и ему предлагали“.

²⁾ Подъ кличкой Бронскаго средн с.-р. вращался въ это время разоблаченный нашей комиссіей провокаторъ баронъ Штакельбергъ.

сонъ специально ѣздилъ въ декабрѣ минувшаго года изъ Парижа въ Лозанну ¹⁾).

Натансонъ имѣетъ въ виду распредѣлить эти 50.000 рублей слѣдующимъ образомъ: 35.000 рублей дать на боевое дѣло, а 15.000 рублей передать Бурцеву для борьбы съ провокаціей.

Кромѣ свѣдѣній объ этомъ боевомъ предпріятіи, у полковника фонъ-Котена имѣются неопредѣленные указанія на нахожденіе уже въ данное время въ Петербургѣ боевого отряда, сорганизованнаго Викторомъ Черновымъ для покушенія на бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ, тайнаго совѣтника Макарова, каковой отрядъ возможно, что войдетъ въ составъ формируемаго Михаиломъ Куриско боевого отряда. И, наконецъ, имѣются указанія, что проживающій въ Парижѣ бывшій писарь Петербургскаго окружнаго интендантскаго управленія Андрей Ниловъ, бѣжавшій въ 1908 г. изъ тюрьмы, имѣетъ въ Парижѣ свою собственную автономную боевую группу, и что, кромѣ того, у него есть возможность достать на терроръ довольно значительную сумму денегъ отъ какихъ-то высокопоставленныхъ сестеръ, проживающихъ постоянно за-границей, у коихъ онъ служилъ личнымъ секретаремъ еще до поступленія на военную службу ²⁾). Въ самое послѣднее время изъ среды „вольныхъ социалистовъ“, по свѣдѣніямъ полковника фонъ-Котена, выдѣлилось два боевыхъ отряда—одинъ изъ 6-ти и другой изъ 9-ти че-

¹⁾ Здѣсь рукой, вѣроятно, подполк. Эргардта написано: „Къ профессору Броне, у котораго лечился въ клиникѣ“.

²⁾ Противъ этого мѣста на поляхъ написано, вѣроятно, рукой подполк. Эргардта: „Сколько ихъ всѣхъ?“. А Бессель обращался къ делегаціи съ просьбой дать денегъ на посылку террористовъ въ Псковъ. Делегация отказала, отвѣтивъ, что въ ихъ содѣйствіи они не нуждаются и, когда нужно будетъ, сами пошлютъ людей. Бессель отказался отъ участія. Агентъ ц. к. объяснилъ: „намъ провокаторовъ не надо“. Тогда Натансонъ предложилъ ему гарантировать успѣшность предпріятія. Отъ этого Бессель отказался (гр. 6 чл.) группа 9 чл. обратилась къ Авксентьеву. Онъ оставался тогда одинъ въ делегаціи (Ник. Дм.). Онъ потребовалъ планъ организаціи; отказался, указывая на возможность провала.

ловѣкъ, которые предложили центральному комитету свои услуги для совершенія террористическихъ актовъ центрального характера. Членъ центрального комитета Натансонъ согласился принять ихъ предложеніе подъ условіемъ входа въ первый изъ этихъ отрядовъ агента центрального комитета (для каковой цѣли намѣчался *Василій Леоновичъ*) и подъ условіемъ постоянного контроля со стороны центрального комитета надъ дѣйствіями второго отряда. Оба отряда отъ предложенныхъ условій отказались, но, тѣмъ не менѣе, выѣздъ обоихъ отрядовъ въ Россію весьма возможенъ, по свѣдѣніямъ полковника фонъ-Котена, и независимо отъ центрального комитета, если только этимъ отрядамъ удастся достать необходимыя для сего денежные средства и паспорта. Въ отношеніи средствъ они рассчитываютъ получить таковыя отъ упомянутаго выше *Андрея Нилова*. По предположеніямъ Агентуры, въ случаѣ полученія указанныхъ выше денежныхъ средствъ, отряды выѣдутъ — одинъ въ Псковъ, а другой въ Орель, въ цѣляхъ терроризаціи административнаго персонала Псковской и Орловской центральныхъ каторжныхъ тюремъ.

Сообщая вышеизложенныя агентурныя свѣдѣнія полковника фонъ-Котена, Департаментъ Полиціи проситъ Ваше Высокоблагородіе провѣрить таковыя при посредствѣ Вашей агентуры, обративъ исключительное вниманіе на лицъ не установленныхъ. Таковыми являются, изъ числа здѣсь перечисленныхъ, *Александръ Добровольскій, Бронскій* и „бѣглый матросъ“ Черноморскаго флота; всѣ остальные Вамъ хорошо извѣстны. Трое помянутыхъ полковнику фонъ-Котену совершенно неизвѣстны и поэтому никакихъ о нихъ данныхъ онъ не даетъ, равно они неизвѣстны Департаменту Полиціи.

Что касается означеннаго Добровольскаго, то Департаменту Полиціи извѣстно о немъ лишь то, что Вы о немъ доносили отъ 1 сентября 1909 г. за № 433, 27 января № 134, 27 апрѣля № 579 и 16 іюня 1911 г. № 498 и отъ 12 мая 1912 г. за № 659. По изложеннымъ въ этихъ донесеніяхъ даннымъ, Добровольскій въ настоящее время уста-

навливается въ Департаментъ Полиціи, но пока безуспѣшно, такъ какъ въ распоряженіи Департамента не имѣется его фотографіи.

Въ виду сего Департаментъ проситъ о высылкѣ фотографіи и считасть полезнымъ сообщить Вашему Высокоблагородію, для оріентированія, провѣрки и, въ дальнѣйшемъ, для донесенія результатовъ послѣдней, что по дѣламъ Департамента проходили слѣдующіе Александры Добровольскіе, нынѣ разрабатываемые: 1) Александръ *Кирилловичъ Добровольскій*, кіевскій политехникъ, дворянинъ, родился въ 1880 году, привлекался въ Кіевѣ въ 1908 г.; 2) Александръ *Ивановичъ Добровольскій*, сынъ священника въ Любимовскомъ уѣздѣ Ярославской губерніи, родился 14 марта 1884 г., окончилъ Ярославскую духовную семинарію, отецъ и сестры его живутъ въ с. Покровскомъ Любимовскаго уѣзда, привлекался въ 1902 г. въ Ярославлѣ по дѣлу организаціоннаго комитета ярославскихъ семинаристовъ; 3) Александръ *Ивановичъ Добровольскій*, окончившій Петербургскій университетъ въ 1911 г., проходилъ въ Петербургѣ по наблюденію за „боевой организаціей“ центрального комитета партіи социалистовъ-революціонеровъ, и, наконецъ, 4) Александръ *Георгіевичъ Добровольскій*, бывшій воспитанникъ Преславской (въ Крыму) учительской семинаріи, родился въ 1891 г., привлекался при Таврическомъ губернскомъ жандармскомъ управленіи по 126 ст. Угол. Улож. въ связи съ ограбленіемъ подрядчика въ Мелитополѣ ¹⁾.

Изъ *Бронскихъ* Департаменту Полиціи извѣстенъ единственный социаль-демократъ меньшевикъ *Бронскій* (безъ имени) изъ донесенія Вашего отъ 1 декабря 1912 года за № 1583 и *Вронскій*, допуская, что по созвучію фамилій могла произойти ошибка, студентъ-медикъ Московскаго университета Петръ Александровичъ Леонгардтъ Витольдовичъ

¹⁾ Противъ этого мѣста рукой, должно быть, подполк. Эргардта написано: „Этотъ самый живетъ въ Fontenay aux Roses съ Петровой, изучаетъ біологію, записанъ въ Сорбонну, студентъ, группы не посѣщаетъ“.

Вронскій, уволенный за безпорядки въ 1901 году изъ означеннаго университета.

Вице-директоръ *С. Виссаріоновъ*.

Завѣдующій Особымъ Отдѣломъ

полковникъ *Ереминъ*“.

Данныя, полученныя *Красильниковымъ* отъ своихъ секретныхъ сотрудниковъ, разошлись съ данными полковника *фонъ-Котена*, и по поводу его записокъ въ Д-тъ Полиціи *Красильниковъ* докладываетъ своему начальству слѣдующее:

„Ни *Вѣра Финеръ*, ни *Марія Прокофьева* идеологами террора не являются, и ни та, ни другая о террорѣ не помышляютъ. Первая занята всецѣло благотворительными дѣлами помощи ссыльнымъ и каторжанамъ и къ террору относятся отрицательно, вторая тяжело больна и уже два года никакихъ разговоровъ о политикѣ не ведетъ и, кромѣ близкихъ, никого не видитъ.

Что *Маркъ Натансонъ* настаиваетъ на возобновленіи террора, также не вѣрно.

Натансонъ—человѣкъ весьма осторожный, боевую дѣятельность признаетъ лишь съ извѣданными практичными людьми и съ большими денежными средствами, чего теперь въ партіи нѣтъ.

Аргуновъ считается лишь хорошимъ пропагандистомъ, террористомъ же онъ совершенно не является.

Что же касается до *Савинкова*, то о порученіи ему организациі боевого дѣла не можетъ быть и рѣчи, ибо его, наоборотъ, всячески вынуждаютъ подать заявленіе о выходѣ изъ партіи и, конечно, ни съ какими предложеніями къ нему обращаться не будутъ, точно также какъ къ *Луканову*, который извѣстенъ, какъ близкій другъ *Савинкова*.

Куриско, бывшій членъ боевой организациі, можетъ быть полезенъ, какъ техникъ, но не имѣетъ руки, да еще правой, и съ такими примѣтами, конечно, на него никакой отвѣтственной роли не возложатъ.

Свѣдѣніе, что *Натансонъ* ѣздилъ въ Швейцарію доставать деньги для боевой организациі, не вѣрно. Онъ, дѣйстви-

тельно, ѣздилъ въ Лозанну въ декабрѣ мѣсяцѣ два раза, но съ цѣлью навѣстить своего больного племянника. Никакихъ денегъ Натансонъ не получилъ, а 15 тыс. рублей онъ бы во всякомъ случаѣ Бурцеву не далъ.

Точно также представляется совершенно неправдоподобнымъ, чтобы въ Петербургѣ могъ находиться боевой отрядъ, организованный Черновымъ, такъ какъ всѣ лица, которыхъ пригласить бы могъ Черновъ, находятся въ настоящее время за-границей. Въ Россіи находится лишь Софія Бродская, но и та поѣхала по личнымъ своимъ дѣламъ“.

Свѣдѣнія Красильникова оказались гораздо болѣе точными, чѣмъ доклады фонъ-Котена, не потому-ли и послѣдовала въ слѣдующемъ 1914 году, по распоряженію д-ра Д-та Бѣлецкаго и тов. мин. вн. дѣлъ Джунковскаго, ликвидація заграничнаго отряда секретныхъ сотрудниковъ фонъ-Котена? По крайней мѣрѣ, слѣдующій докладъ Красильникова Д-ту Полиціи отъ 27 января/9 февраля 1914 года говоритъ уже о бывшихъ сотрудникахъ полк. фонъ-Котена. Этотъ докладъ интересенъ тѣмъ, что онъ указываетъ на принадлежность къ группѣ фонъ-Котена секретныхъ сотрудниковъ „Молодого“ (см. „Списокъ“) и „Бернара“ (Верецкаго).

„Вслѣдствіе письма В. П-ва отъ 10 января за № (цифры неразборчивы) имѣю честь доложить, пишетъ Красильниковъ, что изъ числа бывшихъ сотрудниковъ полковника фонъ-Котена въ составѣ Заграничной Агентуры имѣлось всего три лица. А именно: Munt—онъ же Высоцкій, Lejeune—онъ же Молодой и Pierre—онъ же Петровскій.

Первые два Munt и Lejeune были переданы фонъ-Котеномъ лично подп. Эргардту въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1912 г. во время пріѣзда полковн. фонъ-Котена въ Парижъ. По истеченіи года, т.-е. въ ноябрѣ 1913 г., Lejeune, не удовлетворяющій требованіямъ, предъявляемымъ секретнымъ сотрудникамъ, былъ удовлетворенъ содержаніемъ по 1 декабря и стоимостью проѣздного билета до СПб., и ему было предложено возвратиться въ Россію, о чемъ я имѣлъ честь донести Вашему Превосходительству.

Оба эти лица были предъявлены и. д. завѣдующаго Особ. Отдѣломъ М. Е. Бросцкому во время пріѣзда его въ минувшемъ ноябрѣ мѣсяцѣ въ Парижъ, для ознакомленія съ Заграничной Агентурой. Въ бытность за-границей г. тов. в. м. д. Г. И. Джунковскаго, Его Превосходительство изволилъ высказать пожеланіе, чтобы находящіеся за-границей секретные сотрудники Имперскихъ розыскныхъ органовъ были бы переданы въ вѣдѣніе Заграничной Агентуры, о чемъ должно будетъ послѣдовать соответствующее распоряженіе. Въ минувшемъ ноябрѣ мѣсяцѣ подп. Эргардтъ получилъ отъ полк. фонъ-Котенъ письмо, въ которомъ послѣдній увѣдомляетъ о передачѣ П. Эр. секретн. сотрудника Петровскаго, который долженъ будетъ прислать на извѣстный адресъ письмо за подписью „Pierre“. Кромѣ этого, полк. фонъ-Котенъ сообщаетъ о возможности полученія еще писемъ отъ двухъ лицъ, за подписями „Осиповъ“ и „Шульцъ“, которые находились уже въ то время въ Парижѣ, и о скоромъ пріѣздѣ еще одного лица, нѣкоего „Воскресенскаго“, съ которымъ тоже представится необходимымъ войти въ сношенія.

Изъ всѣхъ этихъ лицъ Заграничная Агентура, въ лицѣ подп. Эр., вошла въ сношенія только съ однимъ *Петровскимъ*, котораго подп. Эр. зналъ лично, войдя съ нимъ въ сношенія лѣтомъ 1912 г. вслѣдствіе приказанія В. П.—телеграфнаго мнѣ предписанія Д-та Пол. отъ 27 мая/21 іюня 1912 г. за № 566, о чемъ и было донесено телеграммой отъ 29 мая/11 іюня 1912 г. за № 165.

Изъ вышеизложеннаго В. П-во изволите усмотрѣть, что полк. ф.-Котенъ въ теченіе послѣдняго года былъ переданъ только *одинъ* сотрудникъ, и я затрудняюсь понять, о передачѣ какого второго изъ пребывавшихъ въ Парижѣ секретныхъ сотрудниковъ полк. ф.-Котена Ваше П-во изволите запрашивать. Былъ переданъ одинъ Петровскій-Pierre. Обстоятельства, сопровождавшія передачу—сперва обмѣнъ писемъ, а затѣмъ свиданіе въ кафе.

Петровскій и Bernard—лица совершенно разныя.

Съ первыми двумя—Munt и Lejeune—Bernard тоже ничего общаго не имѣетъ, въ чемъ могъ убѣдиться М. Е. Броецкій, видѣвшій всѣхъ трехъ.

Гдѣ въ настоящее время находится Bernard, точно указать я лишень возможности, такъ какъ Bernard въ среднихъ числахъ минувшаго декабря былъ вынужденъ внезапно покинуть Парижъ, увѣдомивъ только письмомъ подп. Эр., что онъ уѣзжаетъ въ Геную, но какъ долго онъ тамъ пробудетъ, самъ того не знаетъ; адресъ для писемъ не указалъ, но обѣщалъ по пріѣздѣ въ Геную написать ¹⁾. Съ того времени о немъ нѣтъ никакихъ извѣстій, даже содержанія за январь онъ не получилъ. Образца почерка его не сохранилось, такъ какъ всѣ письма его, какъ не имѣющія значенія, уничтожались, да если бы и были сохранены, то представленія о его почеркѣ не дали бы никакого, такъ какъ онъ всегда писалъ печатными буквами“.

Но все же, кромѣ „освѣщенія“ дѣятельности и плановъ заграничныхъ революціонеровъ, Д-тъ давалъ Красилюникову иногда и болѣе деликатныя порученія — воздѣйствовать, на примѣръ, на измѣненіе состава заграничной делегаціи, что видно изъ приводимаго ниже предписанія:

„Вслѣдствіе донесенія Вашего отъ 1/14 сего марта за № 434, Департаментъ Полиціи сообщаетъ Вашему Высокоблагородію, что возможная передача Маркомъ Натансономъ своихъ партійныхъ полномочій и имѣющихся у него, какъ у члена заграничной делегаціи, партійнаго матеріала и связей Василю Васильеву Сухомлину является безусловно нежелательной, такъ какъ Василій Сухомлинъ, будучи сторонникомъ возможно широкаго осуществленія политическаго террора, не преминетъ использовать свои полномочія и поддерживаемыя имъ въ Россіи связи въ цѣляхъ проведенія въ жизнь своихъ крайнихъ идей.

Поэтому, придавая кандидатурѣ названнаго Сухомлина въ замѣстительствѣ Натансона особо серьезное значеніе, Департаментъ Полиціи находитъ, что единственнымъ въ данномъ случаѣ обстоятельствомъ, могущимъ воспрепятствовать передачѣ послѣднимъ своихъ полномочій Сухомлину, яв-

¹⁾ Въ Петроградѣ я узналъ, что Bernard — Николай Верецкій былъ въ это время отозванъ въ Петербургъ полк. фонъ-Котеномъ.

ляется ухудшеніе между ними отношеній и даже полный ихъ разрывъ. Въ виду сего Деп. Полиціи просить Ваше Высокоблагородіе обратить особое вниманіе на необходимость наличности тѣхъ условій, при коихъ отношенія Натансона къ Сухомлину измѣнились бы и изысканіе коихъ Департаментъ Полиціи предоставляет опытности Вашего Высокоблагородія“...

Кромѣ обычной своей дѣятельности, Заграничная Аген-тура имѣла порой и спеціальныя заданія, требовавшія отъ нея мобилизаціи всѣхъ ея силъ; мы говоримъ здѣсь объ охраненіи особъ Императорской фамиліи при ихъ заграничныхъ путешествіяхъ; въ подобныхъ случаяхъ организовывались особые отряды филеровъ, какъ изъ числа находившихся въ вѣдѣніи самого Красильникова, такъ и изъ русскихъ сыщиковъ, командировывавшихся въ такихъ случаяхъ изъ Россіи; дѣло не ограничивалось внѣшнимъ наблюденіемъ, а призывались на помощь и внутренніе-секретные сотрудники для выясненія плановъ и намѣреній революціонеровъ. Такъ, въ 1910 г., напр., Эргардтъ доноситъ Красильникову, что „Carnot“ пишетъ о пріѣздѣ вдовствующей императрицы М. Ф. и В. К. М. А. сообщаетъ, что „никакого движенія или опасности со стороны партій нечего опасаться, но во всякомъ случаѣ за единственныхъ анархистовъ нельзя поручиться, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые очень возбуждены противъ пріѣзда визитеровъ. Во всякомъ случаѣ, если Вы согласны съ моимъ предложеніемъ, необходимо мнѣ присутствовать на похоронахъ, потому что я же знакомъ со всѣми анархистами, даже интернаціональными“. На это я ему отвѣтилъ, что можете идти на похороны, но чтобы съ полиціей не имѣлъ бы никакихъ сношеній“.

Подъ кличкой Carnot скрывался секретный сотрудникъ *Курьянскій*.

Но эти экстренныя, такъ сказать, сверхсмѣтныя, занятія несли съ собою не только заботы и волненія, но и большія богатые милости: ордена, чины, деньги; каждое такое заграничное путешествіе высочайшей особы вызывало новыя сверхсмѣтныя многотысячныя ассигнованія завѣдующему Заграничною Агентурою и его агентамъ.

Вообще, эпоха Красильникова не была столь бурною, какъ времена Гартинга, Ратаева или Рачковскаго, можно было бы жить довольно спокойно, почти безъ волненій, если бы подъ бокомъ не было этого проклятаго Бурцева, который подводилъ подъ секретныхъ сотрудниковъ Заграничной Агентуры мину за миной.

Красильниковъ, конечно, принималъ свои мѣры, особенно благодаря помощи такихъ опытныхъ сыщиковъ, какъ подполк. Эргардтъ и „французскій гражданинъ“ Бинтъ. Около Бурцева всегда крутилось два-три „провокаatora“ — художникъ *Зиновьевъ*, *Верецкій*, *Бронтманъ-Этеръ* и другіе. Французскій филеръ *Жоливе* съ сыномъ, поступившіе на службу къ Бурцеву, ежедневно таскали подробнѣйшіе доклады о каждомъ шагѣ знаменитаго разоблачителя-революціонера и его друзей въ Заграничную Агентуру.

Несомнѣнно, двойную игру велъ и состоявшій на службѣ у Бурцева бывшій филеръ Заграничной Агентуры *Леоне*.

Бросая теперь ретроспективный взглядъ на эту борьбу Бурцева и Заграничной Агентуры, нужно признать, что, несмотря на несомнѣнное превосходство матеріальныхъ силъ Агентуры, все же верхъ бралъ, несомнѣнно, Бурцевъ: благодаря свѣдѣніямъ, поступававшимъ къ нему отъ Бакая, Менъщикова и изъ многихъ другихъ источниковъ, онъ выбивалъ изъ таинственнаго агентурнаго гнѣзда одного секретнаго сотрудника за другимъ, что вносило въ ряды предателей настоящую панику.

6 декабря/23 ноября 1913 г. Красильниковъ пишетъ Бѣлецкому:

„Имѣю честь доложить Вашему Превосходительству, что по поступившимъ отъ Агентуры свѣдѣніямъ Бурцевымъ разновременно было получено изъ СІБ. два письма, въ которыхъ неизвѣстнымъ Агентурѣ авторомъ давались Бурцеву указанія на лицъ, которыя имѣютъ сношенія съ русской полицейской охраной. Въ первомъ письмѣ были даны указанія на *четыре*хъ лицъ: Масса, Михневича (Corbeau), Этера (Niel) и Кисина.

О первыхъ трехъ изъ этихъ лицъ Бурцевымъ уже заявлено въ Делегации. Массъ и Михневичъ разоблачены; о

Кисинѣ ведется еще разслѣдованіе, а объ Этерѣ Бурцевымъ начато на этихъ дняхъ разслѣдованіе.

Во второмъ письмѣ тотъ же авторъ продолжаетъ свои указанія Бурцеву и высказываетъ свои подозрѣнія на слѣдующихъ лицъ:

- 1) Я. Г. ¹⁾, с.-р., парт. кличка С., живетъ въ Парижѣ.
- 2) М. К. Н., с.-р., парт. кличка М., живетъ въ Парижѣ.
- 3) В. А., с.-р., художникъ, живетъ въ Парижѣ.
- 4) Патрикъ, с.-р., выѣхалъ въ Америку (Margot-Never).
- 5) Житомірскій, с.-д., больш., парт. кличка Отцовъ, André-Daudet живетъ въ Парижѣ.
- 6) Н. Ж., проживаетъ въ Греноблѣ.
- 7) С. М., уѣхавшій въ Америку.
- 8) Каганъ Эліа, парт. кличка „Николай“, проживаетъ въ Парижѣ, с.-р., б. каторжанинъ (Serge).
- 9) Х. — дѣвица легкаго поведенія, какъ сказано въ письмѣ. По наведеннымъ Бурцевымъ справкамъ, это оказалась сожительница с.-р. Г. А.
- 10) Нѣкій К.

Помимо этого авторъ письма ставитъ Бурцева въ извѣстность, что въ его антуражѣ имѣется провокація. Въ этомъ отношеніи Бурцевъ остановилъ свое подозрѣніе на художникѣ Александрѣ Зиновьевѣ (Сенаторѣ-Matisset), который у него продолжаетъ бывать, хотя въ послѣднее время довольно рѣдко, и на С. М., который былъ тоже близокъ къ Бурцеву“.

Въ томъ же 1913 году Красильниковъ сообщаетъ Д-ту, что, по полученнымъ отъ секретныхъ сотрудниковъ свѣдѣніямъ, у Бурцева имѣются слѣдующія данныя, уличающія Niel'я (Пермяка) въ сношеніяхъ съ Заграничной Агентурой. („Niel“—охран. кл. провок. Бронтмана. В. Аг.):

„Въ то время, когда Niel проживалъ въ Кави, тамъ же временно находился и Бессель-Виноградовъ. Передъ отъѣздомъ послѣдняго въ Парижъ Niel'ю удалось его сфото-

¹⁾ Его избѣжаніе недоразумѣній я не привожу здѣсь фамилій лицъ, значащихся въ этомъ документѣ, а оставляю лишь инициалы.

графировать. Негативъ и отпечатанныя карточки Бессель взялъ съ собою, получивъ отъ Niel'я увѣреніе, что этихъ карточекъ онъ никому не давалъ. Между тѣмъ, бывший филеръ Леоне, перейдя къ Бурцеву, вручилъ ему одинъ экземпляръ того же самого снимка, который былъ сдѣланъ съ Бесселя и который находился у него, какъ у агента наружнаго наблюденія, коему было поручено наблюденіе за русскими эмигрантами, проживающими въ Италіи. Кроме того, тотъ же Леоне, наблюдая за русскими, въ томъ числѣ и за Niel'емъ, видѣлъ, какъ послѣдній, выходя изъ почтоваго бюро, читалъ получаемыя имъ письма и тутъ же ихъ уничтожалъ. Эти два факта, въ связи съ бывшими уже раньше подозрѣніями въ отношеніи Niel'я, по которымъ даже Бурцевъ печатно опровергалъ два раза на страницахъ своей газеты „Будущее“, побудили послѣдняго самымъ тщательнымъ образомъ разслѣдовать и выяснить всѣ неосвѣщенныя стороны партійной и частной жизни Niel'я, какъ прошлой, такъ и настоящей. Поставленный объ этомъ въ извѣстность, Niel' высказалъ увѣренность, что первые два пункта обвиненія его не пугаютъ, такъ какъ онъ сумѣетъ по нимъ оправдаться, но его очень озабочиваетъ и беспокоитъ единственный вопросъ, который, несомнѣнно, ему будетъ предложенъ Бурцевымъ,—это вопросъ объ источникахъ средствъ къ жизни. Это болѣе мѣсто не только у Niel'я, но почти у большинства сотрудниковъ.

До сихъ поръ окружающимъ его лицамъ, а также и Бурцеву, было извѣстно, съ его же словъ, что на жизнь ему присылаютъ тетки, проживающія въ Америкѣ. Несомнѣнно, что, когда его по этому вопросу будутъ допрашивать, онъ долженъ будетъ подтвердить это заявленіе и дать возможность провѣрить таковое, а для того, чтобы его тетки, которыя, действительно, проживаютъ въ Нью-Йоркѣ, не отказались бы подтвердить его заявленіе, необходимо Niel'ю лично повидать ихъ и подѣлать благовиднымъ предлогомъ попросить не отказать, въ случаѣ запроса, отвѣтить въ утвердительномъ смыслѣ.

Докладывая объ изложенномъ, имъ ю честь почтитель-

нѣйше просить В. Пр-во, не соблаговолите ли признать возможнымъ принять за счетъ Департамента Полиціи расходы по поѣздкѣ Niel'я въ Нью-Йоркъ, которые выразятся въ суммѣ 700 фр., и въ томъ случаѣ не отказать въ распоряженіи извѣстить меня объ этомъ по телеграфу, такъ какъ, пока Бурцевъ не выступилъ открыто съ обвиненіемъ противъ Niel'я, послѣдній имѣетъ еще возможность, не навлекая на себя подозрѣнія, съѣздить на мѣсяцъ въ Нью-Йоркъ, объяснивъ свой экстренный отъѣздъ болѣзью тѣхъ же тетокъ“.

Бурцеву же посвященъ Красильниковымъ большой докладъ д-ру д-та Бѣлецкому, охватывающій цѣлый 1913 годъ; приводимъ его въ черновомъ видѣ, такъ, какъ онъ вылился изъ-подъ пера взволнованнаго статскаго совѣтника:

„1913 годъ въ жизни Заграничной Агентуры ознаменовался рядомъ проваловъ сотрудниковъ,—проваловъ, являвшихся результатомъ не оплошности самихъ сотрудниковъ или лицъ, ведущихъ съ ними сношенія, а измѣной лица или лицъ, коимъ доступны, по ихъ служебному положенію, дѣла и документы, относящіеся къ личному составу Агентуры вообще и заграничной въ особенности. Обращаетъ на себя еще вниманіе то обстоятельство, что въ началѣ года имѣли мѣсто только единичные случаи такихъ проваловъ, какъ, напр., разоблаченіе Глюкмана (Ballet) и Лисовскаго-Ципина сотрудника СПБ. охр. отд., покончившаго жизнь самоубійствомъ.

Съ осени провалы усилились, и въ настоящее время они приняли эпидемическій характеръ.

Этотъ фактъ указываетъ, что лицу, дающему Бурцеву свѣдѣнія о сотрудникахъ, стало въ настоящее время доступнѣе черпать нужныя ему свѣдѣнія, или что оно само приблизилось къ источнику этихъ свѣдѣній.

Такъ, въ концѣ октября мѣсяца Бурцевъ подалъ загр. дел. п. с.-р. офиціальное заявленіе, въ которомъ обвинялъ члена п. с.-р. Масса въ сношеніяхъ съ полиціей. Во время разслѣдованія этого дѣла Бурцевымъ было предъявлено членамъ слѣдственной комиссіи письмо, полученное имъ изъ СПБ. отъ своего корреспондента, въ которомъ Массъ назывался агентомъ Д. Ц.

Относительно Масса Бурцевымъ еще въ мартѣ мѣсяцѣ текущаго года было получено отъ того же лица сообщеніе, что результатомъ поѣздки Масса по Россіи съ цѣлью ознакомиться съ положеніемъ революціоннаго движенія на мѣстахъ, былъ полученъ въ Д. П. докладъ, изъ чего можно вывести заключеніе, что Массъ—сотрудникъ. Въ то время у Бурцева опредѣленныхъ данныхъ, кромѣ этого свѣдѣнія, не имѣлось, и онъ, только по полученіи второго письма, въ которомъ Массъ опредѣленно назывался агентомъ Д. П., выступилъ съ офиціальнымъ обвиненіемъ Масса.

Уличающее письмо было предъявлено Бурцевымъ Слетову, Биллиту и Натансону, причемъ послѣдній подтвердилъ слова Бурцева, что источникъ, дающій свѣдѣнія, заслуживаетъ полного довѣрія.

Въ томъ же письмѣ, кромѣ Масса, указывалось, какъ на сотрудниковъ, еще на Этера (Niel), Воронова и Кисина.

Вороновъ по фамиліи названъ не былъ. Давались только указанія на прошлую его революціонную дѣятельность и на побѣгъ его изъ Сибири. По этимъ даннымъ не трудно было установить личность того, къ кому они относились.

Относительно Этера у Бурцева имѣлись уже и раньше указанія, но при разслѣдованіи не подтвердились, и два раза Бурцевъ печаталъ въ его оправданіе статьи въ №№ „Будущаго“, объясняя полученные имъ указанія желаніемъ очернить Этера, съ цѣлью отвлечь вниманіе отъ дѣйствительнаго сотрудника. Когда же обвиненіе Этера въ сношеніяхъ съ полиціей Бурцевъ получилъ отъ своего СПбургскаго корреспондента, дѣло приняло иной оборотъ, и онъ уже предъявилъ обвиненіе офиціально и въ настоящее время долженъ уже произойти судъ.

Вскорѣ послѣ полученія означеннаго письма, Бурцевъ получилъ отъ своего корреспондента второе, въ которомъ указывали на сношеніе съ Д. П. не четырехъ лицъ, а 10-ти, изъ числа коихъ 3 являются дѣйствительно сотрудниками Заграничной Агентуры. Что же касается остальныхъ, то мнѣ неизвѣстно, состоятъ ли они сотрудниками какого-либо имперскаго розыскаго органа или уже умышленно вклю-

чены въ списокъ корреспондентомъ для собственной безопасности, но во всякомъ случаѣ указываютъ на то, что лицо это въ курсѣ заграничныхъ партійныхъ дѣлъ и ему знакомы эмигрантскіе круги по предъявляемымъ о нихъ докладамъ.

Кромѣ лицъ, перечисленныхъ по фамиліямъ, Бурцеву были даны указанія, что при немъ тоже находится сотрудникъ, который „водитъ его за носъ“. Свои подозрѣнія Б въ остановилъ сперва на Зиновьевѣ (Matisset), но такъ какъ послѣдній въ теченіе второй половины этого года нѣсколько отдалился отъ Бурцева, то онъ, повидимому, заподозрилъ и Bernard'a, котораго подъ благовиднымъ предлогомъ удалилъ не только отъ себя, но изъ Парижа, чѣмъ, конечно, причинилъ дѣлу розыска существенный вредъ ¹⁾.

9 декабря по н. ст. Бурцевъ опять получилъ изъ Петербурга письмо, въ которомъ указывалось, что на предстоящій съѣздъ анарх.-ком. прибудетъ нѣкій „генераль отъ анархизма“, который „задастъ тонъ движенію и играетъ въ немъ большую роль“, что его въ настоящее время въ Парижѣ нѣтъ, но на съѣздъ прибудетъ.

Сопоставляя это указаніе съ полученнымъ имъ много ранѣе сообщеніемъ, что Николай Музиль-Рогдаевъ, будучи арестованъ въ г. Луцкѣ въ 1907 году, былъ освобожденъ будто бы по распоряженію Д. П., Бурцевъ еще болѣе убѣдился послѣ того, когда получилъ изъ того же источника свѣдѣнія, что о бывшемъ въ Парижѣ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ съѣздѣ анархистовъ (Вол. Общ.) въ Д. П. имѣются свѣдѣнія, а такъ какъ изъ генераловъ отъ анархизма на означенномъ съѣздѣ былъ Музиль, то и это сообщеніе приписано ему.

Получивъ письмо объ анархистахъ, Бурцевъ не замедлилъ сообщить его содержаніе Оргіани и Гольдсмиту, добавивъ, что лицо, отъ котораго исходитъ его письмо, служитъ въ Д. П. и находится въ числѣ тѣхъ шести лицъ, которыя имѣютъ доступъ къ секретнымъ дѣламъ и которыя будто бы близко стоятъ или стояли къ ген. Герасимову. Въ самое

¹⁾ Противъ этого мѣста на поляхъ написано: Глот., Ник. Мих. Жит. Жур. Каганъ, Азвол, Жаронъ, Хмара, С. Малковъ, Патрикъ.

последнее время Бурцевъ получилъ еще указанія на сношенія съ Д. П. члена и. с.-р. Патрика (зачеркнуто въ подлинникѣ), нѣкоего Сердюкова-рабочаго с.-р. (возможно, что идетъ рѣчь о Серебряковѣ-Минтѣ) и еще на какое-то лицо, давно живущее въ Парижѣ.

Въ результатъ получилось Бурцевымъ въ теченіе 1913 г. откуда-то сообщеніе, которымъ изъ числа сотрудниковъ Заграничной Агентуры въ теченіе послѣднихъ трехъ мѣсяцевъ разоблачены:

- 1) Г. Массъ и г. Вороновъ.
- 2) Находится въ періодъ officialнаго разслѣдованія Этеръ, коему обвиненіе уже предъявлено.
- 3) Въ періодъ негласнаго разслѣдованія и наблюденія: Житомірскій, Каганъ, Зиновьевъ и Bernard-Munt, Serge, Matisset.
- 4) Получены указанія, но ни къ какимъ дѣйствіямъ еще не приступлено: Never—Патрикъ.

Такимъ образомъ, изъ числа 23 сотрудниковъ Заграничной Агентуры выбыло окончательно двое и отошли отъ работы, находясь подъ слѣдствіемъ или подозрѣніемъ, семь человекъ, т.-е. 44,33% всего наличнаго состава.

Вся же остальная агентура настолько терроризирована этими разоблаченіями, въ особенности тѣмъ, что они вызваны указаніями, получаемыми Бурцевымъ, по его словамъ, и представляемыми въ нужныхъ случаяхъ письмами, отъ лица, хорошо освѣдомленнаго въ Департ. Полиц., что, опасаясь за свою собственную участь, почти совсѣмъ пріостановили свою работу.

Въ виду всего изложеннаго является существеннымъ и крайне необходимымъ обнаружить лицо или лицъ, освѣдомляющихъ Бурцева. Если же это окажется недостижимымъ, то хотя бы изыскать мѣры, которыя лишили бы его корреспондентовъ возможности впередъ причинять вредъ дѣлу розыска своей измѣннической работой.

Для достиженія этой цѣли, прежде всего необходимо остановиться на вопросѣ: откуда можетъ идти измѣна. Изъ Спб., т.-е. изъ Д. П., или изъ заграничнаго бюро въ Парижѣ, или изъ обоихъ этихъ учрежденій.

Что касается самого Бурцева, то онъ увѣряетъ, что главный его корреспондентъ, отъ котораго онъ получаетъ свѣдѣнія о сотрудникахъ, находится въ СПБ. и близокъ къ самымъ секретнымъ дѣламъ, въ подтвержденіе чего онъ предъявлялъ получаемыя имъ отъ своего корреспондента письма. Натансону, какъ главѣ с.-р. партіи и стоящему въ глазахъ Бурцева внѣ всякихъ подозрѣній, онъ, вѣроятно, далъ болѣе опредѣленные указанія, относящіяся къ своему корреспонденту, такъ какъ Натансонъ по поводу послѣдняго говорилъ: „Источникъ изъ СПБ. очень намъ дорогъ и очень тяжело достался; о немъ знаетъ очень ограниченный кругъ лицъ и даже Аргунову ничего о немъ неизвѣстно“. Кромѣ того, какъ сказано выше, Бурцевъ о своемъ корреспондентѣ говорилъ, что онъ состоитъ на службѣ въ Д. П. и находится въ числѣ тѣхъ 6 лицъ, которыя имѣютъ доступъ къ секретнымъ дѣламъ.

Свѣдѣніе это, полученное отъ агентуры, находитъ себѣ подтвержденіе въ донесеніи Жоливе, которому Бурцевъ говорилъ, что лицо, его освѣдомляющее, находится въ числѣ 10 лицъ, вѣдающихъ самыми секретными дѣлами, причемъ Бурцевъ добавлялъ, что никогда не удастся установить, кто именно изъ этихъ 10 лицъ находится съ нимъ въ сношеніяхъ.

Всѣ эти заявленія Бурцева можно было бы считать голословными, если бы не было тѣхъ писемъ, которыя онъ предъявлялъ по дѣлу Масса—Натансону, Слетову и Биллиту; по дѣлу анархиста—Оргіани и Маріи Гольдсмитъ. Кромѣ этого, агентура лично видѣла и читала два письма, въ коихъ сообщалось въ 1-мъ—о 4-хъ сотрудникахъ, во 2-мъ—о 10-ти.

Съ другой стороны, такія свѣдѣнія, какъ, напр., о поѣздкѣ Масса по Россіи и представленіи о результатахъ ея доклада, заграничнымъ бюро даны быть не могли, такъ какъ объ этой поѣздкѣ ничего не было извѣстно.

Совокупность этихъ данныхъ даетъ основаніе заключить, что измѣна идетъ изъ СПБ.

Однако, Бурцевъ указываетъ и на наличность у него освѣдомителя въ Парижѣ и нѣсколько разъ возбуждалъ вопросъ о необходимости этому мѣстному корреспонденту уплачи-

вать деньги. Вмѣстѣ съ тѣмъ, отъ агентуры много разъ получали указанія, что у Бурцева есть сношенія съ кѣмъ-то изъ служащихъ въ „консульствѣ“. Причемъ необходимо пояснить, что подъ словами „консульство“ въ эмигрантскихъ кругахъ Парижа подразумѣваютъ всѣ учрежденія, помѣщающіяся въ зданіи посольства, въ томъ числѣ и Заграничную Агентуру. Въ подтвержденіе этого агентура сообщала слѣдующіе факты: мѣсяца два тому назадъ агентура была свидѣтельницей разговора Бурцева по телефону съ неизвѣстнымъ агентурѣ лицомъ, которое Бурцевъ уговаривалъ придти къ нему на квартиру, гарантируя полную безопасность; на полученный отказъ, Бурцевъ назначилъ этому лицу въ 8 час. вечера свиданіе въ кафе. Черезъ нѣкоторое время Бурцевъ тѣмъ же лицомъ, которое отказалось придти на свиданіе, вызванъ вновь былъ къ телефону. Во время этого же разговора, означенное лицо благодарило Бурцева за присланные ему 500 фр. и письмо. По однимъ агентурнымъ свѣдѣніямъ, лицо это само съ Бурцевымъ не знакомо и поддерживается съ нимъ сношенія, черезъ какого-то литератора. Послѣ этого та же агентура узнала, что это лицо близко стоитъ къ Сушкову, причемъ эта фамилія была названа самой агентурой. Изъ другого агентурнаго источника были получены указанія, что Бурцевъ заплатилъ кому то изъ дающихъ ему въ Парижѣ свѣдѣнія о дѣятельности заграничнаго бюро (зачеркнуто) 500 фр. Помимо агентурныхъ указаній, имѣются еще слѣдующія данныя, говорящія за возможность передачи свѣдѣній изъ Парижскаго бюро, а именно:

1) Леруа сказалъ Жоливе, что Д. Пол. извѣщенъ о намѣреніи его написать свои мемуары о своей службѣ въ Заграничной Агентурѣ, тогда какъ объ этомъ Д. П. доложено не было, хотя я получилъ объ этомъ указаніе изъ мѣстнаго французскаго источника, а, кромѣ того, самъ Жоливе рассказывалъ Сушкову, когда послѣдній по моему порученію ѣздилъ къ нему въ Сени-Лаббей условиться о свиданіи со мною.

Когда Жоливе обратился ко мнѣ съ предложеніемъ своихъ услугъ и просилъ ему ствѣтить письмомъ въ Сени-Лаббей, гдѣ онъ тогда находился, я, не желая ему писать,

послалъ къ нему Сушкова условиться относительно свиданія со мною. Въ разговорѣ съ Сушковымъ, между прочимъ, сообщилъ о полученномъ имъ предложеніи напечатать свои мемуары о службѣ въ русской полиціи. Свѣдѣнія объ этомъ имѣлись и у меня изъ мѣстныхъ источниковъ, причемъ я ихъ Д. П. не докладывалъ, въ виду того, что мемуары эти были признаны Альмерейдой (редакторъ журн. „Красный Колпакъ“) неинтересными, почему и мысль о напечатаніи ихъ была оставлена.

По прибытіи въ Парижъ, приблизительно черезъ недѣлю Жоливе, при свиданіи со мной, рассказалъ, между прочимъ, что Леруа ему говорилъ, будто бы о напечатаніи имъ мемуаровъ было телеграфировано въ Д. П.

2) Когда было получено мною свѣдѣніе о тяжелой болѣзни Леруа, заболѣвшаго рожистымъ воспаленіемъ, то какъ-то, будучи въ Бюро, я, въ присутствіи Сушкова и Биттаръ-Монена, обратившись къ послѣднему, сказалъ: „Вы знаете, Леруа серьезно заболѣлъ; у него рожистое воспаленіе, и опасаются зараженія крови. При этомъ кто-то изъ насъ, точно не припомню—я ли, или Б.-М., сказалъ: „s'il rouvaît donc en crever“. (Хоть бы онъ отъ этого подохъ). Кромѣ насъ троихъ въ Бюро въ это время въ этой комнатѣ никого не было. Изъ другихъ комнатъ о томъ, что говорится въ одной, ничего услышать нельзя.

На первомъ же свиданіи со мной Жоливе, между прочимъ, рассказалъ мнѣ, что, будучи у Леруа и видя его съ забинтованнымъ лицомъ, онъ ему сказалъ, что если бы агенты русскаго посольства увидѣли его въ такомъ состояніи, —они бы его не узнали. При этомъ онъ высказалъ мнѣніе, что, вѣроятно, имъ неизвѣстны подробности о его болѣзни...

На это Леруа ему сказалъ, что имъ это отлично извѣстно, что по этому поводу, говоря о немъ, были даже сказаны слѣдующія слова, и тутъ же дословно повторилъ приведенную выше фразу.

Задаваясь теперь вопросомъ, кто можетъ быть въ сношеніяхъ съ Бурцевымъ, приходится совершенно исключить служащихъ въ самомъ консульствѣ, несмотря на указанія агентуры, что корреспондентъ Бурцева является, будто бы,

служащимъ въ консульствѣ. Никто изъ служащихъ консульства въ помѣщеніе Заграничной Агентуры, въ отсутствіи чиновъ послѣдней, не входитъ. Если кто-нибудь изъ нихъ изрѣдка и заходитъ, то только по какому-либо *служебному дѣлу* и обращается къ кому-нибудь за справками, ко мнѣ или кому-нибудь изъ чиновъ канцеляріи, доступа къ дѣламъ и перепискѣ эти лица безусловно не имѣютъ. То же самое можно сказать о чинахъ дипломатической канцеляріи посольства. Къ дѣламъ Заграничной Агентуры имѣютъ касательство, кромѣ меня, Сушковъ, Мельниковъ и Бѣбровъ; Биттаръ-Монена приходится исключать, какъ лицо, незнакомое съ русскимъ языкомъ“...

Какъ мы увидимъ ниже, измѣна тащась около самого Красильникова...

Д-тъ Полиціи и Красильниковъ, конечно, не оставались въ долгу, и слѣжка за Бурцевымъ, какъ внутренняя, такъ и наружная, вслѣдствіе ожесточеніемъ, благодаря чему и полиція знала, въ свою очередь, о Бурцевѣ довольно много.

„По ходу своей дѣятельности вообще, а въ настоящее время въ особенности, доносилъ Красильниковъ Д-ту 18 іюня 1913 года, видимо, опровергая свѣдѣнія фонъ-Котена, Бурцевъ далекъ отъ какихъ бы то ни было экскурсій. Въ данное время вся его дѣятельность сводится къ пріисканію средствъ къ существованію и къ поддержанію находящихся на его иждивеніи Леруа и Леоне. Поѣздка его на югъ Франціи и въ Италію, гдѣ онъ надѣялся добыть нужныя ему деньги, не увѣнчалась успѣхомъ. Онъ получилъ только обѣщаніе, что деньги ему будутъ даны въ концѣ августа или началѣ сентября. Если же онъ обѣщаннаго не получитъ, то, не имѣя возможности безъ денегъ продолжать свою разоблачительную дѣятельность, онъ, по его словамъ, уѣдетъ въ Россію, такъ какъ безъ денегъ ему за-границей дѣлать нечего“...

Но, конечно, главныя усилія Заграничной Агентуры и Д-та Полиціи направлялись къ тому, чтобы разоблачить лицо, дававшее Бурцеву свѣдѣнія о секретныхъ сотрудникахъ. Какъ мы видѣли, подозрѣнія падали на многихъ и въ томъ числѣ на помощника Красильникова — Сушкова, который, послѣ

предварительнаго изгнанія двухъ канцелярскихъ чиновниковъ, былъ въ концѣ концовъ и самъ вызванъ въ Петербургъ, зачисленъ въ законодательный отдѣлъ Д-та Полиціи и отданъ подъ негласный надзоръ начальника Петербургскаго охраннаго отдѣленія. Но и послѣ ухода Сушкова къ Бурцеву продолжали поступать свѣдѣнія о секретныхъ сотрудникахъ, и Д-тъ Полиціи это зналъ отъ Красильникова. Для уловленія тайнственнаго корреспондента Д-тъ Полиціи въ лицѣ полк. Еремина предлагасть 22 марта 1913 года Красильникову, „въ цѣляхъ изобличенія подлежащаго лица въ извѣстномъ Вамъ дѣяніи, отъ имени Бурцева прислать въ Петербургъ по нижеуказаннымъ адресамъ письма съ предложеніемъ доставить извѣстныя адресату и возможные для послѣдняго свѣдѣнія съ обѣщаніемъ оплатить ихъ крупной суммой, причемъ редакцію каждаго изъ писемъ видоизмѣнить, указавъ для каждаго отвѣта по возможности другой адресъ до востребованія, но такъ, чтобы высланный изъ Петербурга отвѣтъ былъ доставленъ Вамъ, а не Бурцеву“.

Для выполненія этого плана Д-тъ предписываетъ Красильникову принять цѣлый рядъ чисто пинкертоновскихъ предосторожностей, — увы, совершенно бесполезныхъ, такъ какъ никто изъ подозрѣвавшихся Д-томъ лицъ въ сношеніяхъ съ Бурцевымъ не былъ — и тонко задуманная махинація ни къ чему не привела.

Изъ всей переписки Д-та съ Красильниковымъ по этому поводу мы узнаемъ только, что Д-тъ Полиціи подозрѣвалъ въ преступныхъ сношеніяхъ съ Бурцевымъ слѣдующихъ лицъ: Васильева Ивана Степановича, Васильева Михаила Дмитриевича, Ширкова Константина Кондратьевича, Семенихина Семена Гавриловича, Преображенскаго Дмитрія Михайловича и Петрова Василия Петровича.

Коварный же корреспондентъ Бурцева и доселѣ ходитъ не разоблаченнымъ. Такимъ образомъ, послѣдній ударъ въ поединкѣ между Д-томъ Полиціи и Бурцевымъ былъ нанесенъ, несомнѣнно, Бурцевымъ ¹⁾.

¹⁾ Только въ текущемъ году уже въ Петроградѣ мнѣ удалось узнать изъ достовѣрныхъ источниковъ, что, кромѣ Бакая

Но, кромѣ этой, такъ сказать, хронической непріятности—Бурцевскихъ разоблаченій—у Красильникова, конечно, былъ цѣлый рядъ и другихъ. Для оживленія нашего разсказа остановимся на двухъ эпизодахъ.

Первый—это выступленіе вдовы подполк. Эргардта, требовавшей послѣ смерти своего мужа большого пособія и усиленной пенсіи и грозившей въ случаѣ отказа раскрытіемъ секретныхъ сотрудниковъ Заграничной Агентуры.

„Къ сожалѣнію, меланхолично замѣчаетъ Красильниковъ въ своемъ докладѣ д-ру Д-та Брюнъ де-Сентъ-Ипполиту, какъ теперь обнаружилось, подполк. Эргардтъ велъ свои сношенія съ Агентурою настолько семейно, что жена его была знакома съ нѣкоторыми его сотрудниками, которые у него даже бывали на дому.

Точно установить, сколько и кого именно изъ сотрудниковъ знаетъ г-жа Эргардтъ, я не имѣлъ возможности, но мнѣ извѣстно, что она знакома съ сотрудникомъ „Додэ“, который бывалъ у подполковника Эргардта, такъ же какъ, по словамъ ротмистра Люстиха, и сотрудникъ „Гретхенъ“.

Насколько могу судить, знакомъ съ г-жею Эргардтъ и „Лебукъ“. Подполковникъ Эргардтъ поручалъ женѣ и дочери отправлять по почтѣ посылки, служащему волонтеромъ во французской арміи, сотруднику „Сержу“, котораго, слѣдовательно, г-жа Эргардтъ тоже знаетъ.

Извѣстный Вашему Превосходительству, „Шарль“, по пріѣздѣ изъ Петербурга въ Парижъ, не увѣдомилъ о своемъ прибытіи ни меня, ни бюро Агентуры, а прямо направился на личную квартиру подполковника Эргардта и, не заставъ дома г-жу Эргардтъ, бесѣдовалъ съ ея матерью.

и Меньщикова, раскрывали Бурцеву охранныя тайны—сначала (во времена Гартинга)—бывшій революціонеръ, провокаторъ, а затѣмъ чиновникъ Д-та Полиціи—*Панкратьевъ старшій*, а затѣмъ (въ Красильниковскую эпоху) нѣкто *Петрищевъ*—чиновникъ Заграничной Агентуры, пользовавшійся такимъ довѣріемъ Красильникова, что у послѣдняго никогда не было и мысли о возможности измѣны съ его стороны. Послѣ февральскаго переворота *Петрищевъ* пріѣхалъ изъ-за границы въ Петроградъ.

— Знаешь ли г-жа Эргардтъ извѣстныхъ ей сотрудниковъ только по кличкамъ или же знаетъ она и ихъ личности, трудно сказать. Обнаружившійся теперь упрощенный способъ сношеній съ Агентурою подполковника Эргардта, видимо, мало, что скрывавшаго отъ своей жены, допускаетъ всѣ предположенія, что вмѣстѣ съ тѣмъ, весьма возможно, что г-жа Эргардтъ и преувеличиваетъ свою освѣдомленность, въ надеждѣ этимъ добиться желаемого“...

Второй эпизодъ произошелъ уже въ 1916 году и состоялъ въ томъ, что французская военная контръ-развѣдка перехватила конспиративную переписку между русской Заграничной Агентурой, представители которой выступали подъ псевдонимами „Эмиль Лео“ и „Сержъ Сартель“ (79 rue de Grenelle Paris), съ своими секретными сотрудниками—Андрэ Андерсеномъ (настоящая фамилія *Каганъ*¹⁾), жившимъ тогда въ Стокгольмѣ, и Орловскимъ, жившимъ въ Гаагѣ. Французская контръ-развѣдка строить цѣлый рядъ гипотезъ о томъ, къ какой категоріи русскихъ гражданъ принадлежатъ авторы этихъ писемъ, и въ концѣ концовъ признаетъ наиболее вѣроятной гипотезой то, что эти лица—русскіе революціонеры-иностранцы“, работающіе на пользу Германіи.

Въ нашихъ рукахъ находится обстоятельный докладъ французской контръ-развѣдки, касающійся этой переписки; въ докладѣ подробно излагается содержаніе пяти заказныхъ писемъ, направленныхъ Андерсеномъ (*Каганомъ*) и Орловскимъ²⁾ Эмилю Лео и Сержу Сартелю; къ сожалѣнію, у насъ не было этихъ писемъ и мы можемъ познакомить читателя съ ихъ интереснымъ содержаніемъ лишь по докладу французской контръ-развѣдки.

Въ іюнѣ 1916 года Андрэ Андерсенъ сообщаетъ Эмилю Лео, что онъ только что пріѣхалъ изъ Америки въ Стокгольмъ, спрашиваетъ у него инструкцій, проситъ денегъ. Андерсенъ очень беспокоится, чтобы кто-нибудь изъ его старыхъ пріятелей, съ которыми онъ снова вошелъ въ сношенія въ Сток-

¹⁾ См. списокъ. В. Аг.

²⁾ См. списокъ. В. Аг.

гольмъ и которымъ онъ внушилъ нѣкоторыя подозрѣнія своимъ прїѣздомъ изъ Америки, не раскрылъ бы настоящаго его имени. Почти всѣ изъ этихъ революціонеровъ, знакомыхъ Андерсена,—замѣчаетъ авторъ доклада,—русскіе подданные, но инородцы, занимаются торговлею, часто съ Германіею. Андерсенъ сообщаетъ также Эмилю Лео, что онъ уничтожилъ партійные документы, бывшіе въ его распоряженіи, такъ какъ предполагалъ вернуться въ Россію.

Во второмъ письмѣ Андрэ Андерсенъ даетъ отчетъ Эмилю Лео о своей дѣятельности въ Стокгольмѣ, между прочимъ, сообщаетъ ему, что одинъ изъ русскихъ депутатовъ Государственной Думы—членъ делегаціи, посланной Думою за-границу въ союзныя страны, привезъ будто бы въ Стокгольмъ большое количество важныхъ политическихъ документовъ, выкраденныхъ изъ русскихъ министерствъ внутреннихъ дѣлъ и военнаго; свѣдѣнія, заключавшіяся въ этихъ документахъ, депутатъ сообщилъ русскимъ революціонерамъ, проживающимъ въ Стокгольмѣ, и послѣдніе предполагали издать эти документы въ видѣ отдѣльной брошюры, чтобы „скомпрометировать русское правительство въ глазахъ всего міра“. Вслѣдствіе недостатка денегъ, изданіе брошюры не состоялось, и Андерсенъ сообщаетъ своему патрону, что онъ посоветовалъ отослать эти документы въ Америку, гдѣ ихъ легче опубликовать. „Такимъ путемъ,—пишетъ онъ Лео,—мы сможемъ, можетъ быть, овладѣть этими документами, такъ какъ всѣ пассажиры обыскиваются въ Англіи“.

Характеризуя содержаніе и форму какъ этихъ двухъ, такъ и всѣхъ остальныхъ писемъ, докладчикъ отмѣчаетъ сердечный тонъ ихъ, несомнѣнно, товарищескія отношенія между Лео и его корреспондентами, посылку первымъ довольно крупныхъ суммъ денегъ своимъ агентамъ и, наконецъ, то, что всѣ эти агенты русскіе революціонеры имѣютъ нѣкоторыя основанія, какъ религіозныя (всѣ они инородцы), такъ и коммерческія, предавать Россію въ пользу Германіи.

Кромѣ Андерсена и Орловскаго, докладъ упоминаетъ еще и третьяго корреспондента—*Маркса* и устанавливаетъ идею

тичность Эмиля Лео и Сержа Сартеля. Марксъ съ ироніей рассказываетъ, какъ Голландія переполнена русскими подданными (сплошь дезертиры-евреи, ненавидящіе русскихъ всѣми силами души). Особенно *это* письмо, по мнѣнію докладчика, равно какъ и тонъ всѣхъ остальныхъ писемъ, скорѣе враждебный Россіи, заставляетъ отбросить гипотезу, что Лео и его агенты находятся на службѣ у русскаго правительства, если только не предположить, что они одновременно служатъ и революціи, предавая одновременно и правительство, и революціонеровъ...

Докладъ этотъ, благодаря близкимъ связямъ Красильникова съ Sureté Générale и съ французской контръ-развѣдкой, былъ, конечно, доведенъ до его свѣдѣнія и, хотя доставилъ ему не мало хлопотъ, но, въ концѣ концовъ, ему удалось все же добиться, чтобы переписка между его двойниками (Лео и Сартель) и ихъ секретными сотрудниками оставалась впродъ неприкосновенной, несмотря на подозрительное содержаніе и враждебный тонъ по отношенію къ Россіи...

Эти маленькія служебныя непріятности съ лихвою покрывались громадными выгодами какъ чисто матеріальными, такъ и болѣе духовными—въ видѣ чиновъ и орденовъ, которыя принесла Красильникову война. Дѣло въ томъ, что во время войны было не только отмѣнено запрещеніе Заграничной Агентурѣ заниматься военнымъ шпіонажемъ, но Красильникову, сначала графомъ Игнатьевымъ, начальникомъ русской контръ-развѣдки въ Парижѣ, а затѣмъ и самимъ м-мъ вн. дѣлъ Протопоповымъ, было дано даже специальное порученіе заняться многими вопросами, носящими характеръ настоящей военной контръ-развѣдки.

Красильниковъ завелъ своихъ собственныхъ агентовъ, специально отдавшихъ военному шпіонажу (фамиліи ихъ въ данный моментъ мы не считаемъ возможнымъ опубликовать), но, кромѣ того, привлекъ къ этому дѣлу и агентовъ Заграничной Агентуры—постоянныхъ своихъ сотрудниковъ, какъ французовъ (Бинтъ и Самбенъ), такъ и русскихъ секретныхъ сотрудниковъ. Такое „смѣшиваніе“ двухъ различныхъ „ремеслъ“ не только не принесло пользы дѣлу военной

контръ-развѣдки, но даже, думается намъ, повлекло за собою весьма печальныя послѣдствія, доселѣ еще не выясненныя: укажемъ здѣсь хотя бы на опубликованные въ предсмертной исповѣди провокатора *Доллина* (см. списокъ) переговоры его и полицейскаго чиновника Литвина съ нѣмецкимъ посланникомъ въ Бернѣ. Приводимый нами ниже документъ наводитъ насъ на весьма тяжелыя сомнѣнія.

„Доношу, — пишетъ Литвинъ Красилюникову 1 іюня 1915 г., — что 11—12 мая текущаго года лично я и секретный сотрудникъ „Шарль“ явились въ германское посольство въ Бернѣ, гдѣ были приняты военнымъ атташе посольства полковникомъ фонъ-Бисмаркомъ съ цѣлью переговоровъ по извѣстному дѣлу.

Послѣднему мы замѣтили, что въ ноябрѣ мѣсяцѣ прошлаго года были командированы въ Россію и были связаны по дѣлу съ Константинопольскимъ посломъ, съ майоромъ Ляфертомъ, полковникомъ Шеллендорфомъ и Люднеромъ. Возложенное на насъ порученіе мы выполнили, по независящимъ отъ насъ обстоятельствамъ, лишь въ ночь на 1—14 апрѣля мѣсяца текущаго года, но что независимо отъ сего дѣла мы завязали сношенія съ Охтенскимъ заводомъ, въ которомъ намъ удалось произвести извѣстный взрывъ, происшедшій 16—29 апрѣля с. г.

За все время нашего отсутствія мы вышеупомянутымъ лицамъ посылали съ разныхъ мѣстъ нахожденія нашего въ Россіи письма и телеграммы по даннымъ намъ адресамъ, но не знаемъ, были ли получены наши письма и телеграммы.

Вслѣдъ за совершеніемъ взрыва моста нами было послано въ Бухарестъ специальное лицо, которое нами было лично уполномочено подробно переговорить съ полковникомъ Шеллендорфомъ и Люднеромъ въ Бухарестѣ, но лицо это провалилось и задержано на границѣ. Вслѣдствіе этого случая, изъ боязни личнаго задержанія, мы пробрались въ Финляндію, откуда черезъ Англію и Францію добрались до Швейцаріи, какъ пункта, болѣе удобнаго для дальнѣйшихъ переговоровъ.

Въ подтвержденіе всего вышеизложеннаго, мы представили французскія газеты съ описаніемъ взрыва моста въ Россіи, имѣющаго стратегическое значеніе, и вырѣзки изъ газетъ объ Охтенскомъ взрывѣ. Мы объяснили, что, вѣроятно, по цензурнымъ условіямъ, о взрывѣ моста сообщено въ русскихъ газетахъ не было, такъ какъ это произошло далеко отъ центра Россіи, а сообщеніе о взрывѣ мастерской завода объяснили тѣмъ, что это произошло въ столицѣ, такъ сказать, на виду у всѣхъ, и что поэтому скрывать это происшествіе было невозможно, и что для оправданія этого факта нужно было издать правительственное сообщеніе, которое указало въ происшествіи, какъ причину, несчастный случай.

Во время разсказа нѣмецкому полковнику фонъ-Бисмарку о взрывѣ мастерской въ Охтенскомъ заводѣ, я замѣтилъ его удивленіе и тонкую ироническую улыбку, не сходявшую съ его лица за все время нашего повѣствованія объ этой мастерской. Для меня стало яснымъ, что объ этомъ происшествіи у него имѣется какое-нибудь совершенно определенное понятіе, и что нашимъ словамъ онъ не вѣритъ.

Психологическія мои догадки подтвердило дальнѣйшее поведеніе Бисмарка, который, не интересуясь вовсе взрывомъ мастерской, быстро перешелъ къ разспросамъ о мостѣ. Показывались газеты съ замѣтками о взрывѣ; говорилось, что со всѣхъ мѣстъ Россіи посылались телеграммы по даннымъ намъ адресамъ; указывалось на массу препятствій, какія пришлось преодолѣть, пока удалось совершить взрывъ моста; упоминалось, что въ первоначальной организаціи этого дѣла произошелъ провалъ взрывчатыхъ веществъ, которыя были захвачены полиціей, вслѣдствіе чего само совершеніе взрыва моста пришлось оттянуть до болѣе удобнаго момента, которымъ и воспользовались 1—14 апрѣля с. г. и т. д.

Послѣ этихъ объясненій, повидимому, создалось болѣе или менѣе благопріятное впечатлѣніе, вѣрнѣе, не чисто дѣловое, офиціальное, такъ какъ онъ сказалъ, что, къ сожалѣнію, маіора Ляферта уже нѣтъ въ Константинополѣ, откуда онъ переведенъ. Куда переведенъ, не сказалъ. Спра-

шивать было неудобно. Послѣ всего этого онъ намъ обѣщаль немедленно послать телеграмму въ Берлинъ за указаніями, высказавъ предположенія, что о насъ послѣдуютъ запросы и въ Константинополь, но что отвѣтъ о насъ послѣдуетъ, вѣроятно, дней черезъ 5.

Для сношенія съ нами я далъ ему адресъ до востребованія въ г. Цюрихъ на имя Тибо. При этомъ просилъ посылать только простыя письма, такъ какъ у меня нѣтъ паспорта, и эта фамилія вымышленная. Адресъ этотъ я собственноручно записалъ карандашемъ (измѣненнымъ почеркомъ) въ записную книжку упомянутаго нѣмецкаго полковника, который, вынувъ книжку изъ кармана, попросилъ записать меня свой адресъ. Я пояснилъ, что не живу въ Цюрихѣ, но что буду тамъ черезъ 3—4 дня, а что теперь я ѣду въ Женеву, гдѣ долженъ буду имѣть свиданіе съ нѣкоторыми товарищами, которыхъ думаю пригласить съ собою въ будущемъ на дѣла. Въ этотъ моментъ полковникъ Бисмаркъ замѣтилъ мнѣ: „Сколько уже лицъ являлось по дѣлу этой Охты“, и махнулъ при этомъ рукой, усмѣхнувшись. Мы сдѣлали удивленное лицо и отвѣтили, что очень хотѣли бы видѣть этихъ лицъ.

На основаніи вышеизложеннаго у меня сложилось убѣжденіе, что у нѣмцевъ по дѣлу взрыва на Охтенскомъ заводѣ имѣется какое-нибудь, какъ я уже говорилъ объ этомъ, совершенно опредѣленное понятіе, а именно:

1) либо имъ извѣстно, что это происшествіе, дѣйствительно, несчастный случай;

2) либо, что это дѣло рукъ ихъ агентовъ, хорошо имъ извѣстныхъ.

При такихъ обстоятельствахъ мы разстались. Не получая никакого отвѣта въ теченіе 9 дней, я рѣшилъ еще разъ повидаться съ Бисмаркомъ и поторопить послѣдняго съ отвѣтомъ, исходя изъ тѣхъ соображеній, что Бисмаркъ въ разговорѣ можетъ о чемъ-нибудь проболтаться, что можетъ оказаться полезнымъ для нашихъ соображеній общихъ. Отсутствіе отвѣта изъ Берлина я началъ истолковывать тѣмъ, что нѣмцы черезъ свою агентуру наводятъ справки

относительно взрыва моста въ Россіи. Во второй разъ мы сначала спросили его по телефону, не получено ли имъ какихъ-либо извѣстій для насъ. Узнавъ, что у него ничего для насъ не имѣется, попросили его назначить намъ время для личныхъ переговоровъ, такъ какъ мы хотимъ оставить ему нашъ новый адресъ. Послѣ нѣкотораго колебанія онъ согласился насъ принять, и мы были приняты вторично, 16—29 мая с. г., въ субботу въ 5 ч. пополудни, въ той же самой комнатѣ посольства, но въ присутствіи какого-то господина, который занимался въ той же комнатѣ какими-то чертежами. Судя по внѣшности и манерамъ, господинъ этотъ производилъ впечатлѣніе военнаго. Въ нашъ разговоръ онъ не вмѣшивался.

При этомъ вторичномъ свиданіи фонъ-Бисмаркъ любезно объяснилъ, что его роль въ данномъ случаѣ сводится только къ посредничеству, что онъ своевременно сообщилъ, въ Берлинъ обо всемъ по телеграфу и что неполученіе отвѣта, вѣроятно, задерживается массой работы и разсылкой нужныхъ людей, поэтому намъ надлежитъ терпѣливо ждать. Если же намъ нужны деньги, то онъ еще разъ протелеграфируетъ въ Берлинъ и испроситъ указаній.

Въ отвѣтъ на это мы ему возразили, что деньги намъ пока совершенно не нужны, и что этотъ вопросъ насъ меньше всего интересуется.

Слѣдующія намъ деньги мы сможемъ получить впослѣдствіи, такъ какъ мы взялись за исполненіе ихъ порученій не по матеріальнымъ расчетамъ, а изъ побужденій политическаго характера, какъ революціонеры. Въ виду этого мы настаиваемъ на скорѣйшемъ свиданіи съ кѣмъ-либо изъ ихъ среды, съ цѣлью продолженія другихъ дѣлъ и установленія связей на этотъ предметъ. Все это дѣлается потому, что средства сообщенія теперь затруднительны, время идетъ, а каждый день ожиданія только тормозитъ дѣло.

Разговоръ этотъ произвелъ на полковника Бисмарка очень выгодное впечатлѣніе, и онъ сказалъ, что вновь обо всемъ телеграфируетъ въ Берлинъ.

При такихъ обстоятельствахъ мы разстались вторично. Въ виду неопредѣленнаго положенія я уѣхалъ, сказавъ

„Шарлю“, чтобы послѣдній дальнѣйшія отношенія велъ самостоятельно и лишь въ крайнемъ случаѣ, въ добываніи агентурныхъ свѣдѣній, обращался за помощью къ намъ,— въ моемъ лицѣ,—и ни въ какомъ случаѣ не соглашался ѣхать для переговоровъ, если таковые послѣдуютъ, въ Австрію или Германію.

И думаю, что нѣмцы, несомнѣнно, наводятъ справки по дѣлу взрыва моста и что послѣ этихъ справокъ къ намъ могутъ отнестись въ лучшемъ случаѣ, какъ къ шантажистамъ, а въ худшемъ—вплоть до самыхъ непріятныхъ послѣдствій, но въ интересахъ розыскаго дѣла, преслѣдуя исключительно надежды добыть хоть какія-нибудь полезныя свѣдѣнія, при такомъ положеніи, можно было бы рискнуть доказывать нѣмцамъ, что ихъ агентура и свѣдѣнія не вѣрны, или они просто не освѣдомлены, такъ какъ взрывъ мастерской Охтенскаго завода произведенъ только благодаря намъ, и что въ доказательство этого мы можемъ, находясь въ Швейцаріи, непосредственно связать нѣмцевъ съ нашимъ товарищемъ-революціонеромъ, служащимъ въ конторѣ Охтенскаго завода, который устроилъ взрывъ въ заводѣ и можетъ организовать еще лучшіе взрывы и дать нѣмцамъ полное объясненіе всего, что ихъ можетъ интересовать тамъ.

Исполненіе такой ссылки нѣмцамъ можно было бы осуществить помѣщеніемъ въ контору Охтенскаго завода какого-либо агента полиціи, который нами могъ бы быть указанъ, какъ нашъ товарищъ-революціонеръ.

Такимъ вымыселемъ далъ бы возможность обнаружить нѣмецкихъ агентовъ, находящихся въ Россіи, если бы таковые обратились къ указанному нами имъ лицу“.

Изъ другихъ донесеній, какъ Литвина, такъ и самого Долина, видно, что переговоры съ нѣмцами происходили не только въ Бернѣ, но и въ Константинополѣ, гдѣ представителемъ нѣмцевъ являлся нѣкій *Бернштейнъ*, причемъ разговоры велись не только о взрывѣ Охтенскаго завода и мостовъ, но и о взрывѣ Черноморскаго дредноута „Марія“. Изъ бумагъ Заграничной Агентуры видно, что Д-тъ Полиціи черезъ Красильникова запретилъ Долину и Литвину вхо-

дять въ переговоры съ нѣмцами объ организаціи какихъ бы то ни было взрывовъ и разрѣшилъ лишь переговоры объ организаціи стачекъ и забастовокъ. Исполнилъ ли это приказаніе Долинъ, неизвѣстно; извѣстно лишь, что по этому дѣлу объ ѣздѣ два раза въ Россію, первый разъ вмѣстѣ съ Литвинымъ, и вернулся вскорѣ послѣ смерти подполк. Эргардта; „при второй поѣздкѣ, сообщилъ намъ на допросѣ Красильниковъ, участіе Литвина было признано нежелательнымъ и все дѣло было передано военной развѣдкѣ“...

„Въ Россіи,—продолжаетъ тотъ же Красильниковъ,—у „Шарля“ былъ произведенъ обыскъ, какъ мнѣ извѣстно отъ вице-директора Д-та Полиціи Смирнова; что „Шарль“ руководился лично матеріальными мотивами въ дѣлѣ съ нѣмцами, меня не удивляетъ: эта сторона у него была сильно развита“.

Какъ бы то тамъ ни было, Охтенскіе заводы пострадали отъ взрыва, дреднотъ „Марія“ взлетѣлъ на воздухъ, Долинъ покончилъ свою жизнь самоубійствомъ, а въ одномъ изъ русскихъ банковъ у него оказалось нѣсколько десятковъ тысячъ рублей...

О контръ-развѣдкѣ, которая была поручена Красильниковымъ французскимъ гражданамъ *Бинту* и *Самбену*, имѣется въ архивахъ Заграничной Агентуры громадное число документовъ, самъ же *Бинтъ* показалъ слѣдующее:

„Съ момента объявленія войны, на меня была возложена спеціальная миссія—организовать доставку свѣдѣній, шпіонажъ и контръ-шпіонажъ при помощи швейцарцевъ, говорящихъ по-нѣмцки, которыхъ я долженъ былъ направлять съ спеціальными порученіями въ Германію и Австрію. Я далъ подробнѣйшія свѣдѣнія о лагерѣ около Гамбурга, гдѣ нѣмцы обучали около восьмисотъ молодыхъ финляндцевъ (фамиліи многихъ изъ нихъ я сообщилъ), которые предназначались для сформированія офицерскихъ кадровъ въ случаѣ финляндскаго возстанія противъ Россіи, которое нѣмцы хотѣли поднять; всѣ мои доклады, не безъ скромности заявляетъ Бинтъ, давали очень полныя указанія о положеніи въ срединныхъ имперіяхъ военнаго и транспортнаго дѣла, организаціи тыла, народныхъ настроеній, цѣны продуктовъ

и т. д. Въ Скандинавіи, главнымъ образомъ въ Стокгольмѣ и въ Бергенѣ, было также организовано собираніе нужныхъ свѣдѣній и контръ-шпіонажъ при помощи преданныхъ агентовъ изъ шведовъ и датчанъ; вся эта организація въ Скандинавіи работала очень хорошо подъ управленіемъ г-на Самбена... Въ Стокгольмѣ, между прочимъ, нашъ агентъ нѣсколько разъ видѣлъ г-на Протопопова—министра внутреннихъ дѣлъ въ гостяхъ у нѣмецкаго министра въ Стокгольмѣ...

Я очень много поработалъ при организаціи всѣхъ этихъ предпріятій, работалъ я изъ-за патріотизма, трогательно подчеркиваегиъ гражданинъ Бинтъ, я рисковалъ своей свободой, я два съ половиной мѣсяца сидѣлъ въ Швейцаріи въ предварительномъ заключеніи и былъ освобожденъ только въ виду моего болѣзненнаго состоянія...

Одинъ изъ моихъ лучшихъ швейцарскихъ агентовъ—Брейзинеръ послѣ семи поѣздокъ въ Германію и въ Австрію, былъ въ восьмой разъ арестованъ въ Австріи и умеръ послѣ девяти мѣсяцевъ предварительнаго заключенія въ тюрьмѣ въ Карлсруэ, другой мой швейцарскій агентъ И. пробылъ въ Швейцарской тюрьмѣ за контръ-шпіонажъ и я тщетно просилъ для него хотя бы маленькаго вознагражденія“...

Въ заключеніе гражданинъ Бинтъ проситъ Временное Правительство за свою 36-лѣтнюю службу назначить ему пенсію вмѣсто четырехсотъ франковъ въ мѣсяць, слѣдуемыхъ ему за первыя 25 лѣтъ,—пятьсотъ франковъ...

Другой французскій агентъ—Самбенъ—показалъ, что во время настоящей войны ему было поручено организовать шпіонажъ и контръ-шпіонажъ въ Скандинавіи, главнымъ образомъ, по слѣдующимъ вопросамъ: „собрать свѣдѣнія о нѣмецкой дѣятельности въ Швеціи и Финляндіи, имѣющія цѣлью поднять сепаратистское возстаніе противъ Россіи; о нѣмецкомъ шпіонажѣ въ Стокгольмѣ и на русско-шведской границѣ (Торнео—Хапаранда) и, наконецъ, о незаконной торговлѣ русскими кредитными рублями, производившейся черезъ Торнео при содѣйствіи нѣкоторыхъ русскихъ чиновниковъ. Благодаря своимъ связямъ, говоритъ Самбенъ, я могъ представить много докладовъ по всѣмъ этимъ вопросамъ и, на-

конецъ, я пригласилъ въ Стокгольмѣ очень обстоятельнаго человека, говорящаго по-шведски, который сумѣлъ привлечь къ этому дѣлу нѣсколькихъ лицъ, оказавшихъ намъ большія услуги, состоявшія, главнымъ образомъ, въ разоблаченіи нѣсколькихъ германскихъ шпионовъ“...

За свои заслуги въ области военнаго шпионажа завѣд. Заграничной Агентурой Красильниковъ получилъ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Этимъ и кончается эпопея Заграничной Агентуры...

Мы прослѣдили исторію этого почтеннаго учрежденія съ перваго момента его зарожденія; мы присутствовали и при первыхъ неумѣлыхъ попыткахъ стараго повстанца и царскаго шпиона Корвинъ-Круковскаго, и при геніально-провокаторскихъ махинаціяхъ шпиона и дипломата Рачковскаго и его вѣрнаго сподвижника, провокатора отъ рожденія и дѣйствительнаго статскаго совѣтника царской милостью, Абрама Гекельмана - Ландезена, въ крещеніи Аркадія Гартинга; мы видѣли, какъ расла мощь Заграничной Агентуры, а слава ея достигла апогея и въ русскихъ и въ заграничныхъ „сферахъ“, какъ ея вожди, борясь съ революціей и „разлагая партіи“ провокаціей, не упускали случая вліять и на международную политику Россійской имперіи; наконецъ, послѣ разгрома революціонныхъ силъ, мы вошли въ 1909 г. въ послѣдній, спокойно-дѣловитый періодъ исторіи заграничнаго отдѣленія Россійскаго Шпионско-Инквизиціоннаго Института, носившаго офиціальное названіе Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Какъ мы уже видѣли, въ этотъ періодъ Заграничная Агентура занималась почти исключительно „освѣщеніемъ“ революціонеровъ, оставляя на будущее, казалось уже недалекое, болѣе опредѣленныя провокаціонныя задачи. Но разразилась революція и смела съ пути не только всѣ расчеты охранниковъ, но и династію и весь государственный строй, которыми они держались.

Что придетъ на смѣну сгнившему и рассыпавшемуся россійскому самодержавію?!

Кто возьметъ на себя смѣлость предсказать ближайшую судьбу нашей растерзанной, но все еще великой страны?!

ГЛАВА VIII ¹⁾.

Общее положеніе политическаго розыска въ Россійской имперіи.— Корпусъ жандармовъ и шефъ его—министръ внутр. дѣлъ.—Жандармскія управленія.—Охранныя отдѣленія.—Инструкціи Столыпина въ 1907 г. о наружномъ наблюденіи и о секретной агентурѣ: противозаконный характеръ послѣдней инструкціи.—Провокаціонная дѣятельность секретныхъ сотрудниковъ и чиновъ политическаго розыска.—Проникновеніе секретной агентуры во всѣ области русской жизни и растлѣвающее вліяніе этого института.—Многочисленные циркуляры Д-та Полиціи послѣдовательно усиливаютъ значеніе секретной агентуры—Самодержцы Россійской имперіи—покровители секретной агентуры и провокаціи.—Заключеніе.

Дѣятельность Заграничной Агентуры будетъ не вполне ясна нашему читателю, если онъ не ознакомится съ общими задачами русскаго царскаго правительства на политическій розыскъ и на неразрывно связанный съ нимъ вопросъ о „секретныхъ сотрудникахъ“, въ революціонной средѣ обычно называемыхъ „провокаторами“.

Какъ извѣстно, политическій розыскъ въ Россійской имперіи издавна находился въ рукахъ „отдѣльнаго корпуса жандармовъ“, состоявшаго въ вѣдѣніи министра внутреннихъ дѣлъ—шефа жандармовъ; въ 1914 году почему-то сочли нужнымъ переименовать „шефа“ въ „главноначальствующаго надъ отдѣльнымъ корпусомъ жандармовъ“; но съ измѣненіемъ титула суть дѣла не измѣнилась: всѣ прерогативы власти шефа жандармовъ остались при министрѣ внутреннихъ дѣлъ.

Министръ внутреннихъ дѣлъ являлся главнымъ начальникомъ надъ всѣми частями и управленіями корпуса жандармовъ, за исключеніемъ состоящихъ при войскахъ полевыхъ жандармскихъ эскадроновъ. При министрѣ внутр. дѣлъ состоялъ Департаментъ Полиціи, который вѣдалъ дѣла по предупрежденію и пресѣченію, по охраненію общественной

¹⁾ Эта глава была прочитана мною до печати П. Е. Щеголеву, который далъ мнѣ нѣсколько весьма цѣнныхъ указаній; приношу Павлу Елисѣвичу свою сердечную благодарность. В. А.

безопасности и порядка, дѣла о государственныхъ преступленіяхъ, и объединялъ всю дѣятельность мѣстныхъ властей и весь политическій розыскъ; для этой послѣдней задачи при Д-тѣ Полиціи былъ организованъ „*Особый Отдѣлъ*“.

Политическій розыскъ вели губернскія, областныя и желѣзнодорожныя жандармскія управленія, а также „*охранныя отдѣленія*“, состоявшія преимущественно изъ жандармскихъ офицеровъ, спеціально командированныхъ въ отдѣленія; въ 1907 году были созданы еще и *районныя* охранныя отдѣленія, поставленные надъ мѣстными охранными отдѣленіями.

Вначалѣ существовали только Петербургское, Московское¹⁾ и Варшавское охранныя отдѣленія и лишь въ 1902 г. эти спеціальныя органы политическаго сыска были учреждены во всѣхъ болѣе или менѣе крупныхъ городахъ Россійской имперіи; эта реформа была проведена по инициативѣ знаменитаго *Зубатова*, бывшаго въ то время завѣдующимъ „*Особымъ Отдѣломъ*“; директоромъ Д-та Полиціи былъ тогда *Допухинъ*.

Вотъ что значитъ въ § I-мъ „*Положенія объ охранныхъ отдѣленіяхъ*“, утвержденнаго 9-го февр. 1907 г. мин. вн. дѣлъ, шефомъ жандармовъ *П. Столыпинымъ*:

„Въ тѣхъ мѣстностяхъ Имперіи, гдѣ представляется необходимымъ созданіе отдѣльныхъ розыскныхъ органовъ, негласныя разслѣдованія по дѣламъ о государственныхъ преступленіяхъ возлагаются на особо назначаемыхъ для этой цѣли офицеровъ корпуса жандармовъ или состоящихъ при Департаментѣ Полиціи чиновниковъ, съ образованіемъ при нихъ, въ случаѣ надобности, канцеляріи, именуемой „*Охраннымъ Отдѣленіемъ*“.

¹⁾ Московская „охранка“ была основана еще въ 1880 г. и называлась „отдѣленіемъ по охраненію общественной безопасности и порядка въ г. Москвѣ“; это учрежденіе „охраняло“, главнымъ образомъ, Москву и Московскую губернію, но какъ „районное отдѣленіе“ центральной области оно обслуживало, кромѣ Московской, еще 12 губерній — Тверскую, Ярославскую, Вологодскую, Архангельскую, Костромскую, Калужскую, Тульскую, Орловскую, Владимірскую, Рязанскую, Нижегородскую и Смоленскую.

Тѣмъ, что терминъ „охранное отдѣленіе“ относится лишь къ канцеляріи, а также и словами, — „въ случаѣ надобности“, хотѣли, конечно, замаскировать учрежденіе совершенно новыхъ органовъ политическаго сыска. „Надобность“ встрѣчалась всюду и охранныя отдѣленія росли, какъ грибы послѣ дождя.

Начальники охранныхъ отдѣленій работали подъ руководствомъ Департамента Полиціи. Начальнику охраннаго отдѣленія вмѣнялось въ обязанность сосредоточить въ своихъ рукахъ все дѣло розыска въ данной мѣстности и главное вниманіе обратить на негласное наблюденіе за подозрѣваемыми при помощи секретныхъ сотрудниковъ и филеровъ. Это „положеніе“ требовало отъ ведущихъ розыскъ строгой конспиративности и предписывало начальникамъ отдѣленій всякій разъ доносить въ департаментъ „о всѣхъ случаяхъ обнаруженія слѣдствіемъ, или дознаніемъ личности секретныхъ сотрудниковъ отдѣленія, или пріемовъ его агентурной дѣятельности“.

Въ дополненіе и поясненіе этого положенія объ охранныхъ отдѣленіяхъ въ томъ же 1907 году, департаментъ полиціи составилъ и разослалъ двѣ инструкціи по организаціи наружнаго филерскаго наблюденія и инструкцію по организаціи внутренняго агентурнаго наблюденія; всѣ три инструкціи были утверждены министромъ вн. дѣлъ Столыпинымъ.

Мы не станемъ останавливаться на первыхъ двухъ инструкціяхъ, упомянемъ только, что онѣ были весьма подробно и рационально разработаны, что къ почтенной филерской профессіи не допускались ни евреи, ни поляки и что филеры ни подъ какимъ видомъ не должны были знать лицъ, состоящихъ секретными сотрудниками, а секретные сотрудники не должны были знать филеровъ.

Инструкція по веденію „внутренняго секретнаго наблюденія“, по-просту по вербовкѣ и использованію „провокаторовъ“, была разослана Департаментомъ Полиціи (директ. Трусевичъ) 10-го февр. 1907 года всѣмъ начальникамъ районныхъ охранныхъ отдѣленій для ихъ личнаго руководства и для того, чтобы они ознакомляли съ началами и духомъ этого

архисекретнаго сыскаго катехизиса всѣхъ начальниковъ губернскихъ жандармскихъ управленій и охранныхъ отдѣленій, входящихъ въ районъ и вообще всѣхъ офицеровъ отдѣльнаго корпуса жандармовъ, ведущихъ розыскъ.

Эта инструкція окончательно положила въ основу политическаго розыска въ Россійской имперіи секретную агентуру— „провокаторовъ“, а наружному наблюденію—филерамъ—стала придавать второстепенное значеніе; секретные сотрудники вербовались изъ членовъ революціонныхъ организацій, или по крайней мѣрѣ изъ лицъ, тѣсно соприкасавшихся съ болѣе или менѣе выдающимися революціонерами.

Передъ нами лежитъ „Инструкція по организаціи и веденію внутренней агентуры“, составленная Московскимъ охраннымъ отдѣленіемъ; сбоку отлитографировано: „Совершенно секретно. Государственная тайна“. По заявленію компетентнаго лица, эта инструкція составлена начальникомъ Московскаго охраннаго отдѣленія *Заварзинымъ* и является мѣстами перепечаткой, мѣстами распространительнымъ пересказомъ Трусевическо-Столыпинской инструкціи. Отлитографированная въ количествѣ 30—50 экземпляровъ, она была роздана Заварзинымъ его ближайшимъ помощникамъ—жандармскимъ офицерамъ. Когда Д-тъ Полиціи узвалъ объ этомъ, то потребовалъ немедленно изъять ее изъ обращенія... даже среди жандармовъ,—столь секретной считалась инструкція о „внутреннемъ секретномъ наблюденіи“—даже начальники обычныхъ (нерайонныхъ) охранныхъ отдѣленій могли знакомиться съ этими таинственными предначертаніями лишь „съ голоса“ своихъ главныхъ шефовъ—начальниковъ *районныхъ* охранныхъ отдѣленій.

Въ Московской инструкціи съ чрезвычайной точностью опредѣлены различные типы секретныхъ сотрудниковъ.

„Единственнымъ, вполне надежнымъ средствомъ, обеспечивающимъ освѣдомленность розыскаго органа,—говорится въ этой инструкціи,—является внутренняя агентура. Составъ агентуры пополняется лицами, непосредственно входящими въ какія-либо преступныя организаціи, или прикосновенными къ послѣднимъ, или же лицами, косвенно освѣдомленными о

внутренней дѣятельности и жизни, хотя бы даже отдѣльных членозъ преступныхъ сообществъ. Лица, состоящіа членами преступныхъ сообществъ и входящіа въ постоянный составъ такой агентуры, называются—„агентами внутренняго наблюденія“ или „секретными сотрудниками“. Лица, которыя хотя и не входятъ въ преступныя организаціи, но, соприкасаясь съ ними, постоянно содѣйствуютъ дѣлу розыска, исполняя различныя порученія и доставляя для разработки матеріалъ по дѣятельности партій, въ отличіе отъ первыхъ носятъ названіе „вспомогательныхъ агентовъ“. Лица, доставляющія свѣдѣнія, хотя бы и постоянно, но за плату за каждое отдѣльное свое указаніе на то или другое революціонное предпріятіе или выступленіе какого бы то ни было сообщества, называются „штучниками“. Въ правильно поставленномъ дѣлѣ послѣдніе—явленіе ненормальное и вообще „штучники“—нежелательны, такъ какъ, не обладая положительными качествами сотрудниковъ, они быстро становятся дорогимъ и излишнимъ бременемъ для розыскаго органа“.

Столыпинская инструкція требуетъ отъ секретныхъ сотрудниковъ первой категоріи *систематическаго* доставленія свѣдѣній о дѣятельности революціонныхъ организацій; за эту „работу“ секретные сотрудники получаютъ опредѣленное мѣсячное вознагражденіе, размѣръ котораго инструкціей не опредѣляется и ставится въ зависимость отъ „цѣнности“ доставляемыхъ сотрудникомъ свѣдѣній и отъ положенія, занимаемаго имъ въ партіи.

Къ слову сказать, громадное большинство провокаторовъ получали ничтожное жалованье—зачастую 15—20 рублей въ мѣсяцъ; даже въ этой наиболѣе любимой области „государственнаго управленія“ царское правительство слѣдовало обычному своему правилу: „числомъ поболѣе, цѣною подешевле“.

Наибольшія жалованья, какъ мы уже знаемъ, получали заграничные секретные сотрудники, причемъ рекордъ былъ установленъ *Загорской*, которая въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ получала по 3½ тысячи франковъ въ мѣсяцъ. Самъ *Евно Азефъ* никогда не достигалъ такой суммы: охранное

жалованье его никогда не превышало тысячи рублей въ мѣсяцъ.

Столыпинская инструкция предписывала начальникамъ охранныхъ отдѣленій имѣть секретныхъ сотрудниковъ въ каждой изъ существующихъ въ данной мѣстности революціонныхъ организацій и по возможности даже по нѣскольку въ одной и той же организаціи.

Прочтѣе всего положеніе секретнаго сотрудника, участвуетъ Столыпинская инструкция, тогда, когда онъ играетъ роль пособника и посредника въ революціонныхъ конспиративныхъ дѣлахъ, но если ему нельзя „уклоняться отъ активной работы, возлагаемой на него даннымъ сообществомъ“ то „въ такомъ случаѣ онъ долженъ на каждый отдѣльный разъ испрашивать разрѣшеніе лица, руководящаго агентурой, и уклоняться во всякомъ случаѣ отъ участія въ предпріятіяхъ, угрожающихъ серьезной опасностью“ (§ 8 инструкции).

Это предписаніе секретнымъ сотрудникамъ „уклоняться“ отъ какой-то „активной“ работы и отъ какихъ-то „предпріятій, угрожающихъ серьезной опасностью“ (кому? отъ кого? В. Аг.), нарочито составлено глухо и неясно, чтобы предоставить, съ одной стороны, лазейку для настоящей провокаціонной „работы“ секретныхъ сотрудниковъ, а съ другой—дать начальствующимъ лицамъ право утверждать, что ни въ Департаментѣ Полиціи, ни въ учрежденіяхъ, состоящихъ подъ его началомъ—жандармскихъ управленіяхъ и охранныхъ отдѣленіяхъ, „провокація“ не существуетъ. Такого рода заявленіе и сдѣлалъ, напр., тов. министра внутр. дѣлъ *Макаровъ* въ своемъ отвѣтѣ на запросъ членовъ Государств. Думы 20-го ноября 1908 года „о незаконныхъ дѣйствіяхъ чиновъ Виленскаго охраннаго отдѣленія“: онъ произнесъ слѣдующія слова: „Категорически, твердо, убѣжденно и прямо говорю, что съ точки зрѣнія министерства вн. дѣлъ то, что называется провокаціей, недопустимо. Всякіе провокаціонные приемы являются преступленіемъ, должны прѣтѣть нравственному чувству всякаго порядочнаго человека и отвлекаютъ чиновъ охраны отъ серьезной задачи по борьбѣ съ революціей“.

Теперь документы архивовъ Департамента Полиціи, да-

леко еще не изученные, все же дают достаточный материал для того, чтобы утверждать, что „категорическое“ отрицаніе Макарова примѣненія политической полиціей провокаціи является сознательной неправдой. Приводимъ нѣсколько доказательныхъ примѣровъ.

Въ докладной запискѣ нач. Петерб. охраннаго отдѣленія фонъ-Коттсена д-ру Д-та Полиціи имѣются, между прочимъ, слѣдующія указанія на явно провокаторскую дѣятельность секретнаго сотрудника Владиміра Павловича *Кулагина*.

Кулагинъ,—утверждаетъ фонъ-Коттенъ,—въ 1906 году „выяснилъ составъ мѣстныхъ боевыхъ дружинъ партіи (с.-р. В. Аг.), мѣсто храненія оружія, взрывчатыхъ веществъ и снарядовъ, благодаря чему, 20 сент. того же года, одновременно съ арестомъ членовъ боевыхъ дружинъ, были арестованы и 22 участника, подготовившіе вооруженное ограбленіе казначея корпуса пограничной стражи ротмистра Месаксуди, причемъ при обыскахъ у нихъ было обнаружено: много оружія, боевые припасы, взрывчатые вещества и большое количество прокламацій. Того же 20 сент., въ числѣ прочихъ, былъ арестованъ и Кулагинъ. Военно-окружный судъ присудилъ его къ каторжнымъ работамъ на 4 года, а 11-го апрѣля 1908 года Государь Императоръ даровалъ полное помилованіе Кулагину, и онъ, просидѣвъ 18 мѣсяцевъ въ тюрьмѣ и не имѣя болѣе возможности работать въ отдѣленіи, уѣхалъ къ себѣ на родину. Кулагинъ обратился къ д-ру Д-та Полиціи съ просьбой о выдачѣ 4.000 рублей, обѣщанныхъ ему генераломъ Герасимовымъ въ награду за содѣйствіе и свѣдѣнія, благодаря которымъ 20 сент. 1906 г. было предупреждено ограбленіе казначея штаба отдѣльн. корпуса пограничной стражи ротмистра Месаксуди, и что онъ, Кулагинъ, принялъ участіе въ этомъ дѣлѣ, заручившись отъ генерала Герасимова гарантіей, что получитъ прощеніе и упомянутую денежную награду...

Фонъ-Коттенъ настаиваетъ передъ д-мъ Д-та Полиціи о выдачѣ Кулагину 4.000 рублей, такъ какъ, пишетъ онъ, „по имѣющимся у меня свѣдѣніямъ, Кулагину дѣйствительно

была обѣщана отъ отдѣленія единовременная награда въ 4.000 рублей, которой онъ не получилъ“¹⁾...

Для всякаго, послѣ прочтенія этого документа, совершенно ясна наличность въ данномъ дѣлѣ самой злостной провокаціи и со стороны Кулагина, и со стороны Герасимова.

Въ архивахъ Д-та Полиціи и охранныхъ отдѣленій имѣются несомнѣнно сотни примѣровъ подобной провокаціи агентствъ политическаго сыска и ихъ секретныхъ сотрудниковъ.

Основоположниками и отцами провокаціонной системы въ Россійской имперіи являются *Рачковскій* и *Зубатовъ* — характерныя, но далеко еще не освѣщенныя фигуры павшаго нынѣ самодержавнаго режима. Съ первыми шагами провокаціонной карьеры Рачковскаго мы уже ознакомили читателя, при описаніи знаменитаго дѣла парижской мастерской бомбъ, въ организаціи которой принималъ участіе достойный ученикъ и alter-его Рачковскаго — Гекельманъ-Ландезенъ-Гартингъ; мы не теряемъ надежды, что, наконецъ, будетъ выяснена и вся шпіонская, провокаторская и политическая дѣятельность этого російскаго Маккиавелли, несомнѣнно игравшаго громадную роль въ развитіи и дѣятельности другого, залитого кровью съ головы до ногъ, провокатора — Евно Азефа.

Коснувшись здѣсь вопроса о провокаціонной дѣятельности чиновъ политическаго сыска русскаго министерства внутреннихъ дѣлъ мы не можемъ не указать, что *Бакай* уже около 10 лѣтъ тому назадъ раскрылъ въ печати эту гнусную язву романовскаго полицейскаго режима и привелъ цѣлый рядъ характерныхъ случаевъ жандармской провокаціи.

„Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1906 г. съ вѣдома жанд. подполковника *Шевякова*, — писалъ Бакай въ 1909 г.²⁾, — при участіи провокатора *Щигельскаго*, въ деревнѣ Волѣ близъ Варшавы, нѣсколько лицъ изготовили бомбы, и затѣмъ были аресто-

¹⁾ См. „Былое“ № 2. Авг. 1917 г., стр. 237 — 238.

²⁾ *Le Passé. Былое*. Сборникъ по исторіи русскаго освободительнаго движенія, Апрѣль — Май, № 9 — 10. Paris 1909, подъ ред. В. Л. Бурцева. „Изъ записокъ М. Е. Бакая“, стр. 193 и слѣд.

ваны. Судебный слѣдователь по важнѣйшимъ дѣламъ Ползиковъ выяснилъ, что главнымъ виновникомъ этого дѣла является Щигельскій, и потребовалъ его ареста, но охранное отдѣленіе, выдавъ Щигельскому подложный паспортъ, официально отвѣтило, что Щигельскій скрылся. Надъ участниками вольскихъ бомбъ состоялся судъ, и они, въ количествѣ 4 человекъ, были приговорены къ каторжнымъ работамъ отъ 8 до 15 лѣтъ. За это предательство Щигельскій получилъ 100 р., а подполковникъ Шевяковъ произведенъ въ чинъ полковника“...

Провокаторъ *Бродскій*,—продолжаетъ свои разоблаченія Бакай,—въ Петербургѣ „проникъ въ боевую организацію соц.-дем. большевиковъ и въ качествѣ члена этой организаціи обучалъ рабочихъ за Нарвской заставой изготовленію бомбъ. Все это онъ дѣлалъ съ вѣдома жанд. полк. Герасимова, начальника Петербургскаго охраннаго отдѣленія. Тотъ же Бродскій, по порученію Герасимова и ротмистра Лукьянова, не послѣднюю роль игралъ въ Куоккальской динамитной лабораторіи, за устройство которой 11 с.-д. были осуждены въ Финляндіи и выданы Россіи“...

„Агентъ *Санковскій*, обвинявшійся и разыскивавшійся по дѣлу объ убійствѣ Ягоды и городского на Прагѣ, спокойно продолжалъ служить, причемъ „служеніе“ онъ понималъ, очевидно, такъ же, какъ и покровительствовавшій ему начальникъ *Заварзинъ*: онъ специализировался въ провоцированіи вооруженныхъ сопротивленій. При участіи Санковскаго было устроено вооруженное сопротивленіе въ Ново-Минскѣ, причемъ одинъ (Козловскій) былъ убитъ, а остальные его соучастники были преданы военному суду. Подобныя вооруженныя сопротивленія тотъ же Санковскій устроилъ въ Нивкахъ, Ченстоховѣ и Бендинѣ, причемъ нѣсколько рабочихъ было убито, а Бембасъ, Супернакъ, Заіонць и Эндрутекъ по приговору военно-полевого суда были казнены. За эти подвиги ротмистры Мувъ и Федоровъ получили ордена. Разслѣдованіе этихъ вооруженныхъ сопротивленій первоначально велъ въ административномъ порядкѣ подп. Шульцъ, который нашелъ въ этомъ дѣлѣ чистѣйшую провокацію,

главнымъ виновникомъ призналъ Санковскаго и отказался вести это дѣло, какъ явно провокаціонное, но, тѣмъ не менѣе, дѣло направили въ военно-полевой судъ“...

„Въ 1906 г. ротмистръ *Левдиковъ* въ Николаевѣ,—продолжаетъ Бакай,—при помощи провокатора и на деньги розыскного пункта поставилъ типографію мѣстной группы анархистовъ, потомъ арестовалъ ея членовъ и за это получилъ переводъ на должность начальника Одесскаго охраннаго отдѣленія. Въ Одессѣ на первыхъ же порахъ ротмистръ *Левдиковъ*, при помощи того же провокатора, якобы скрывшагося изъ Николаева послѣ провала типографіи, изготовилъ бомбы и сорганизовалъ группу анархистовъ для покушенія на Каульбарса. Наканунѣ подготовлявшагося покушенія были взяты бомбы и вовлеченныя въ это дѣло лица“...

Вообще Бакай утверждаетъ, что при участіи провокаторовъ „чины департамента полиціи, охранныхъ отдѣленій и жандармскихъ управленій совершаютъ террористическіе акты, устраиваютъ лабораторіи бомбъ, ставятъ типографіи, фальсифицируя такимъ образомъ политическіе процессы, въ которыхъ фигурируютъ обыкновенно завлеченныя жертвы,—и за все это охранники не только не попадаютъ въ арестантскія роты, какъ слѣдовало бы по существующимъ законамъ, но, вопреки утвержденію г. Макарова, получаютъ награды и повышенія въ чинахъ. Мало того, я смѣло могу утверждать, что безъ провокаціонныхъ приѣмовъ многихъ „политическихъ дѣлъ“ и совсѣмъ бы не было“¹⁾...

По отношенію къ провокаторской дѣятельности Азефа, Бакай первый высказалъ совершенно правильное мнѣніе, что объ этой дѣятельности должны были знать и руководители Азефа, и Д-тъ Полиціи. „При Деп. Полиціи и охранномъ отдѣленіи,—говоритъ Бакай²⁾,—разновременно состояли секретными сотрудниками—Татаровъ, Машъ, инж. Горенбергъ, Янкельсонъ и др. (Зинаида Жученко, прибавимъ мы отъ себя,—сотрудница „искренняя и убѣжденная“, по мнѣнію всѣхъ охранниковъ. В. Аз.), что всѣ они знали Азефа, какъ руководителя

¹⁾ Loc. cit.

²⁾ Loc. cit. „Азефъ, Столыпинъ и провокація“, стр. 204.

Б. О., и всѣ они своевременно доносили о немъ... Ясно, конечно, что Азефъ своей роли скрыть отъ нихъ не могъ. Партія с.-р. агентурой освѣщалась прекрасно, въ партіи всѣ знали, что Азефъ организовалъ убійство Плеве, и ужъ во всякомъ случаѣ Деп. Полиціи объ этомъ получалъ неоднократно свѣдѣнія“...

Извѣстно, что большіе безпорядки 1914 года въ Иваново-Вознесенскѣ были отчасти вызваны прокламаціями, которыя распространялись въ рабочей средѣ агентами „охранки“...

Секретнѣйшія бумаги, хранившіяся въ негораемомъ шкафу въ кабинетѣ завѣдующаго Особымъ Отдѣломъ, были почти всѣ сожжены въ послѣдніе часы царскаго режима однимъ предусмотрительнымъ охранникомъ, но все же нѣкоторыя дѣла какимъ-то чудомъ уцѣлѣли,—среди нихъ докладъ разслѣдованій вице-дир. Д-та Пол. Виссаріонова объ убійствѣ Петровымъ полк. Карпова. П. Е. Щеголевъ, который читалъ это дѣло, рассказывалъ мнѣ, что, между прочимъ, тамъ описанъ слѣдующій эпизодъ. Когда Петровъ вернулся изъ-за границы съ разрѣшенія ц. комитета п. с.-р. убить Карпова и Герасимова, то онъ, Петровъ, все же видѣлся съ Герасимовымъ, тогда уже не у дѣла, и сообщилъ послѣднему, что хочетъ убить Карпова,—на что Герасимовъ отвѣтилъ: „охота Вамъ убивать такого дурака, уже лучше Курлова“... Извѣстно, что Курловъ былъ „политическій“—точно: карьерный—врагъ Герасимова.

„Секретные сотрудники“, конечно, не разъ исполняли подобныя порученія своихъ начальниковъ, но такія дѣла велись очень тонко и врядъ-ли въ ближайшемъ будущемъ удастся пролить на нихъ полный свѣтъ.

Мы принуждены были сдѣлать это нѣсколько длинное отступленіе, чтобы освѣтить вопросъ о провокаціи секретныхъ сотрудниковъ и натравлявшихъ ихъ жандармовъ и чиновъ Д-та Полиціи,—теперь же вернемся снова къ Столыпинской инструкціи 1907 года о секретной агентурѣ.

Какъ нужно „заагентуривать“—т.-е. приобрѣтать секретныхъ сотрудниковъ?

Столыпинская инструкция даетъ подробнѣйшій отвѣтъ на этотъ вопросъ:

„Секретные сотрудники пріобрѣтаются способами различными. Для пріобрѣтенія ихъ необходимо постоянное общеніе и собесѣдованіе лица, вѣдающаго розыскомъ, или опытныхъ подчиненныхъ ему лицъ, съ арестованными по политическимъ преступленіямъ. Ознакомившись съ такими лицами и намѣтивъ тѣхъ изъ нихъ, которыхъ можно склонить на свою сторону (слабохарактерные, недостаточно убѣжденные революціонеры, считающіе себя обиженными въ организаціи, склонные къ легкой наживѣ и т. п.), лицо, вѣдающее розыскомъ, склоняетъ ихъ путемъ убѣжденія въ свою сторону и тѣмъ обращаетъ ихъ изъ революціонеровъ въ лицъ, преданныхъ Правительству. Этотъ сортъ сотрудниковъ нужно признать наилучшимъ. Помимо бесѣдъ съ лицами, привлеченными уже къ дознаніямъ, удастся пріобрѣтать сотрудниковъ и изъ лицъ, еще не арестованныхъ, которыя приглашаются для бесѣдъ лицомъ, вѣдающимъ розыскомъ, въ случаѣ полученія постороннимъ путемъ свѣдѣній о возможности пріобрѣтенія такого рода сотрудниковъ...

При существованіи у лица, вѣдающаго агентуру, хорошихъ отношеній съ офицерами корпуса жандармовъ и чинами судебного вѣдомства, производящими дѣла о государственныхъ преступленіяхъ,—поучаетъ Столыпинская инструкция,—возможно получать отъ нихъ, для обращенія въ сотрудники, обвиняемыхъ, дающихъ чистосердечныя показанія, причемъ необходимо принять мѣры къ тому, чтобы показанія эти не оглашались. Если таковыя даны словесно и не могутъ имѣть серьезнаго значенія для дѣла, то желательно входить въ соглашеніе съ допрашивающимъ о незанесеніи такихъ показаній въ протоколъ, дабы съ большей безопасностью создать новаго сотрудника“.

Кромѣ того, говоритъ инструкция, „можно использовать тѣхъ лицъ, которыя, будучи убѣждены въ бесполезности своей личной революціонной дѣятельности, нуждаются въ деньгахъ и, хотя не измѣняютъ кореннымъ образомъ убѣжденій, денегъ берутся просто продавать своихъ товарищей“.

На обязанности лица, вѣдающаго политическимъ розыскомъ, лежитъ не только пріобрѣтеніе, но и сохраненіе секретныхъ сотрудниковъ отъ „провала“.

Для этого сохраненія инструкція предписываетъ чинамъ, завѣдующимъ секретными сотрудниками, соблюдать цѣлый рядъ предосторожностей. Во-первыхъ, фамилію сотрудника можетъ знать только лицо, вѣдающее розыскомъ, остальные же чины розыскаго учрежденія, имѣющіе дѣло со свѣдѣніями сотрудника, могутъ въ необходимыхъ случаяхъ знать только псевдонимъ или номеръ сотрудника. Никто, кромѣ лица, завѣдывающаго розыскомъ, и лица, могущаго его замѣнить, не долженъ знать въ лицо никого изъ секретныхъ сотрудниковъ. Свиданія съ секретными сотрудниками должны происходить въ особыхъ конспиративныхъ квартирахъ.

Въ видахъ бѣльшей продуктивности работы секретныхъ сотрудниковъ инструкція предписывала начальникамъ розыска принимать всѣ мѣры къ тому, чтобы проводить сотрудниковъ, находящихся въ низахъ организаціи, „ближе къ центру организаціи, въ самые верхи этой послѣдней, при посредствѣ ареста болѣе сильныхъ работниковъ“, но при этомъ нельзя арестовывать всѣхъ окружающихъ сотрудника революціонеровъ, а необходимо „оставлять около него нѣсколько лицъ болѣе близкихъ и менѣе вредныхъ, или дать ему возможность уѣхать заранѣе по дѣламъ партіи, или въ крайнемъ случаѣ арестовать и его самого, освободивъ впоследствии съ близкими къ нему или наименѣе вредными лицами по недостатку уликъ. О предстоящемъ арестѣ сотрудника всегда нужно войти съ нимъ въ предварительное соглашеніе. Жалованье сотруднику во время ареста должно быть обязательно сохранено и по возможности увеличено“.

Но если секретный сотрудникъ уже далъ нѣсколько „удачныхъ ликвидацій“, т.-е. выдалъ уже нѣсколько группъ, то иногда и арестъ не можетъ отвести отъ предателя подозрѣнія его товарищей-революціонеровъ, его „революціонная репутація“ можетъ быть спасена лишь при томъ условіи, если онъ согласился понести кару за свою „революціонную дѣятельность“ вмѣстѣ съ своими товарищами, которыхъ онъ

предалъ. Директоръ Д-та Полиціи циркуляромъ отъ 24-го мая 1910 г. и преподаетъ чинамъ, завѣдующимъ политическимъ розыскомъ, что „въ подобныхъ случаяхъ болѣе цѣлесообразно не ставить сотрудниковъ въ такое положеніе и, съ ихъ согласія, дать имъ въ концѣ концовъ возможность, если то является необходимымъ, нести вмѣстѣ съ своими товарищами судебную отвѣтственность, имѣя въ виду, что, подвергшись наказанію въ видѣ заключенія въ крѣпость или ссылки, они не только гарантируютъ себя отъ провала, но и усилятъ довѣріе партійныхъ дѣятелей и затѣмъ смогутъ оказать крупныя услуги дѣлу розыска, какъ мѣстныхъ учрежденій, такъ и Заграничной Агентуры, при условіи, конечно, матеріальнаго обезпеченія ихъ во время отбыванія наказанія“...

И мы знаемъ, что дѣйствительно—ни ссылка, ни тюрьма не застраховывали русскихъ революціонеровъ отъ присутствія въ товарищеской средѣ шпионовъ и провокаторовъ...

Столыпинская инструкція о секретной агентурѣ стремилась объединить разнообразнѣйшіе приемы и навыки многочисленныхъ жандармскихъ управленій и охранныхъ отдѣленій, кромѣ того, она преслѣдовала и другую цѣль—оправдать съ юридической точки зрѣнія—посредствомъ умолчаній, недомолвокъ и нарочитой неясности — преступный институтъ секретныхъ сотрудниковъ.

Ни той, ни другой цѣли Столыпинъ не достигъ: начальники политическаго розыска сохранили—каждый свою „хватку“, а его инструкція, разрѣшавшая секретнымъ сотрудникамъ революціонную дѣятельность, находилась, несмотря на всѣ ухищренія и туманности текста, въ прямомъ противорѣчіи съ законами Россійской имперіи. Но министерство внутр. дѣлъ всегда ставило выше этихъ законовъ цѣли политическаго сыска, который, какъ гласитъ все та же инструкція, „долженъ быть направленъ къ выясненію центровъ революціонныхъ организацій и къ уничтоженію ихъ въ моментъ проявленія ими наиболѣе интенсивной дѣятельности, почему не слѣдуетъ срывать дѣло розыска ради обнаруженія какой-либо подпольной типографіи или мертво-

лежащаго на сохраненіи склада оружія, помня, что изъятіе подобныхъ предметовъ только тогда пріобрѣтаетъ особо важное значеніе, если они послужатъ къ изобличенію болѣе или менѣе видныхъ революціонныхъ дѣятелей и уничтоженію организаціи“.

Стоя на этой точкѣ зрѣнія, министерство внутреннихъ дѣлъ необходимо должно было не только допускать участіе секретныхъ сотрудниковъ въ революціонныхъ организаціяхъ, преступныхъ съ точки зрѣнія дѣйствовавшаго въ имперіи закона, но и поощрять этихъ сотрудниковъ къ усиленію ихъ революціонной дѣятельности и скрывать слѣды этой дѣятельности отъ слѣдствія и суда.

И хотя Столыпинская инструкція лицемѣрно запрещаетъ секретнымъ сотрудникамъ заниматься „провокаціей“, но, во-первыхъ, она понимаетъ подъ этимъ словомъ лишь случаи, когда самъ сотрудникъ создаетъ преступленія и подводитъ подъ отвѣтственность другихъ лицъ, игравшихъ въ данномъ дѣлѣ второстепенную роль, во-вторыхъ, авторы сего іезуитскаго документа оговариваются, что „провокаторство“ отдѣляется отъ „сотрудничества“ чрезвычайно тонкой чертой, перейти черезъ которую очень легко, наконецъ, въ-третьихъ, исполнители этой и другихъ инструкцій прекрасно понимали, что и ближайшее и самое высшее начальство за такой переходъ этой черты не только не покараетъ, а даже возблагодарить.

И, дѣйствительно, мы видимъ, что вся дальнѣйшая дѣятельность министерства внутреннихъ дѣлъ и Д-та Полиціи лишь развиваютъ и дополняютъ положенія, заложенные Рачковскимъ и Зубатовымъ и хитроумно вуалированные въ іезуитской инструкціи Столыпина: секретная агентура—„провокаторы“—провозглашается наиболѣе важнымъ оружіемъ борьбы правительства съ революціей и съ обществомъ, причемъ и д-ра Д-та Полиціи, и министры прекраснѣе освѣдомлены, что ихъ секретными сотрудниками зачастую являются уголовные преступники. Такъ, напр., въ циркулярномъ письмѣ отъ 5 сентября 1913 года дир. Деп. Пол. Бѣлецкій отмѣчалъ, что при вербовкѣ секретныхъ сотрудниковъ розыскныя

учрежденія часто принуждены прибѣгать къ услугамъ лицъ, совершившихъ государственныя преступленія и состоящихъ подъ судомъ или привлеченныхъ въ качествѣ обвиняемыхъ къ дознаніямъ и слѣдствіямъ; эти лица для того, чтобы уклониться отъ слѣдствія, суда и вообще отъ розыска ихъ, живутъ на нелегальномъ положеніи по подложнымъ документамъ. Бѣлецкій отмѣчаетъ дальше, что „кромѣ секретныхъ сотрудниковъ, совершившихъ преступленія до начала сотрудничества, розыскные органы пользовались услугами лицъ, какъ привлеченныхъ къ дознаніямъ и слѣдствіямъ, такъ и разыскиваемыхъ властями за принадлежность къ революціоннымъ организаціямъ и по обвиненію въ общеуголовныхъ преступленіяхъ уже во время состоянія ихъ при розыскныхъ учрежденіяхъ и впослѣдствіи также перешедшихъ на нелегальное положеніе, а также лицъ, скрывшихся отъ воинской повинности и подлежащихъ розыску и отвѣтственности за неявку къ исполненію таковой. Констатируя, что такое положеніе продолжаетъ существовать и въ настоящее время, директоръ Департамента просилъ незамедлительно сообщить ему списки всѣхъ этихъ сотрудниковъ, указавъ степень той пользы, которую они приносятъ дѣлу политическаго розыска“.

Послѣдній абзацъ показываетъ, что этотъ циркуляръ составлялся, конечно, не для того, чтобы избавиться отъ всѣхъ секретныхъ сотрудниковъ, надъ которыми висѣло уголовное преслѣдованіе.

Что касается до уклоненія отъ воинской повинности, то оно было почти всеобщимъ въ средѣ секретныхъ сотрудниковъ, являлось какъ бы бесплатной преміей за предательство.

Даже во время войны, когда эта негласная льгота встрѣтила сильное сопротивленіе со стороны военныхъ властей и многіе секретные сотрудники были забраны въ армію, министерство внутреннихъ дѣлъ не успокоилось и, помимо освобожденія нѣкоторыхъ изъ нихъ путемъ частныхъ ходатайствъ и давленій, пыталось провести общую мѣру освобожденія „наиболѣе нужныхъ и достойныхъ“.

Приводимъ слѣдующій циркуляръ д-ра Д-та Полиціи, являвшійся подготовительной ступенью для проведенія этой мѣры:

ДИРЕКТОРЪ

Департамента Полиціи.

Лично.

Совершенно секретно.

Циркулярно.

Милостивый Государь,

Послѣдовательный призывъ на дѣйствительную военную службу лицъ, находящихся въ положеніи военнообязанныхъ, привелъ въ конечномъ результатѣ къ тому, что нѣкоторыя розыскныя учрежденія утратили часть состава секретной агентуры, каковое обстоятельство въ свою очередь не замедлило, конечно, отразиться и на успѣшности политическаго розыска.

Въ виду сего и озабочиваясь, по условіямъ переживаемаго момента, всемѣрнымъ усиленіемъ на мѣстахъ агентуры, Департаментъ Полиціи намѣренъ въ этихъ цѣляхъ возбудить вопросъ объ освобожденіи отъ военной службы тѣхъ изъ сотрудниковъ, кои уже приняты въ войска и которые по своимъ качествамъ являются вполне заслуживающими довѣрія и имѣющими значеніе для розыска.

Сообщая объ изложенномъ, имѣю честь просить Васъ сообщить въ самомъ непродолжительномъ времени съ соблюденіемъ циркуляровъ отъ 11 января 1911 года за № 117049 и 7 марта сего года за № 134160 свѣдѣнія о томъ, кого именно изъ принятыхъ въ военную службу секретныхъ сотрудниковъ Вы признавали бы необходимымъ возвратить въ составъ подвѣдомственной Вамъ агентуры, указавъ въ отношеніи каждаго такого сотрудника точную и подробную его установку, а также въ какую часть онъ принятъ и гдѣ въ настоящее время находится.

Прошу Васъ, Милостивый Государь, принять увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи и преданности.

Начальникамъ губернскихъ, областныхъ и городскихъ жандармскихъ управленій, отдѣленій по охраненію обще-

ственной безопасности и порядка и гг. офицерамъ отдѣльнаго корпуса жандармовъ, вѣдающимъ розыскъ.

Подписаль: *Е. Климовичъ.*

№ 134211.

24 марта 1916 года.

В ъ р н о: За завѣдывающаго 6 дѣлопроизводствомъ
Департамента Полиціи,
подполковникъ *Кашиинцевъ*“.

Общая мѣра не прошла, но отдѣльныя освобожденія продолжались во все время войны. Такъ, напр., въ архивахъ Заграничной Агентуры я нашелъ переписку Красильникова съ Департаментомъ Полиціи объ освобожденіи отъ воинской повинности секретныхъ сотрудниковъ *Деметрашвили* и *Кокочинскаго*. Д-ръ Деп. Полиціи Брюнь-де-Сентъ-Ипполитъ внялъ просьбѣ Красильникова и ходатайствовалъ передъ главнымъ управленіемъ генеральнаго штаба объ освобожденіи отъ воинской повинности этихъ двухъ провокаторовъ. Д-ръ Д-та Полиціи мотивировалъ свою просьбу тѣмъ, что „означенныя лица въ настоящее время состоятъ при исполненіи возложенныхъ на нихъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ весьма важныхъ порученій совершенно секретнаго характера и безъ ущерба для дѣла не могутъ явиться къ исполненію воинской повинности изъ-за границы, гдѣ нынѣ находятся“.

Начальникъ мобилизаціоннаго отдѣла главнаго управленія генеральнаго штаба ген.-майоръ Аверьяновъ немедленно же отвѣтилъ д-ру Д-та Полиціи о своемъ согласіи—освободить Деметрашвили и Кокочинскаго отъ отбыванія воинской повинности...

Понятно, что при тѣхъ колоссальныхъ средствахъ, которыя находились вообще въ рукахъ министерства внутр. дѣлъ и, въ частности, въ распоряженіи Д-та Полиціи, эти учрежденія могли „заагентурировать“ цѣлыя полки секретныхъ сотрудниковъ; революціонныя партіи были переполнены ими, особенно верхи: разные партійные комитеты—и областные, и мѣстные—зачастую находились въ рукахъ провокаторовъ, а слѣдовательно, и Д-та Полиціи; не ускользали отъ вліянія послѣд-

няго и центральные комитеты революціонныхъ партій. Яркими примѣрами подобнаго вліянія являются Азефъ и Малиновскій...

Провокаторы проникають всюду—не только въ революціонныя партіи, но и во всѣ общественныя организаціи, въ университеты, высшія школы, въ гимназіи, на фабрики, въ кооперативы, въ деревню, наконецъ, въ войска—и въ солдатскую и въ офицерскую среду. Число провокаторовъ растетъ съ головокружительной быстротой и къ концу режима—передъ февральской революціей—достигаетъ, вѣроятно, не менѣе 30 тысячъ человѣкъ...

— Я боролся съ революціей и секретной агентурой разлагалъ партіи,—говорилъ въ бесѣдахъ со мной сидѣвшій въ „Крестахъ“ бывшій сановникъ царскаго правительства.

— Да, совершенно вѣрно, но вы разлагали не только партіи, но и все русское общество, даже всю Россію, такъ какъ вся Россія была отдана въ руки десятковъ тысячъ продажныхъ негодяевъ, у которыхъ не было ничего святого, кромѣ наживы, которые за деньги могли продать отца родного и оклеветать собственную мать. Въ рукахъ этихъ общественныхъ отбросовъ находилось все живое, все творческое въ Россіи—все, чѣмъ движется впередъ жизнь. Секретные сотрудники проникали всюду, все выслѣживали и доносили, причемъ многое искажали, многое выдумывали, кое-что создавали сами и провоцировали. На основаніи свѣдѣній, полученныхъ этимъ позорнымъ и далеко не надежнымъ путемъ, министерство внутреннихъ дѣлъ творило судъ и расправу, заполняло тюрьмы и Сибирь, преслѣдовало печать и всякое свободное слово, тормозило просвѣщеніе, убивало общественную и личную инициативу во всѣхъ областяхъ народной жизни,—однимъ словомъ, придавало Россійской имперіи характеръ азіатской деспотіи съ режимомъ произвола, насилія и застоя.

Вы разлагали революціонныя партіи—безспорно, но режимъ, въ которомъ царскими „ушами и глазами“ являлись десятки тысячъ людей, насквозь аморальныхъ, профессионаловъ-предателей и провокаторовъ, этотъ режимъ самъ уже окончательно разложился. И достаточно было дуновенія вѣтра, чтобы колоссъ превратился въ кучу мусора...

Изъ ряда циркуляровъ Д-та Полиціи и товарищей министровъ внутреннихъ дѣлъ мы видимъ, съ какой настойчивостью, упорствомъ и послѣдовательностью проводило министерство своихъ секретныхъ сотрудниковъ во всѣ закоулки Россіи, въ самую глубь, въ самую гущу ея жизни...

Мы не станемъ долго останавливаться на циркулярахъ, требующихъ отъ начальниковъ политическаго розыска пріобрѣтенія во что бы то ни стало, всѣми возможными способами и мѣрами секретныхъ сотрудниковъ въ *революціонныхъ партіяхъ*; такихъ циркуляровъ многіе десятки, ихъ рассылали всѣ безъ исключенія директора Д-та Полиціи и характеръ этихъ бумагъ въ большинствѣ случаевъ довольно однообразный...

Укажемъ лишь на слѣдующіе особенно пикантные циркуляры, относящіеся къ *партійной* секретной агентурѣ:

Въ циркулярѣ отъ 21 іюля 1908 года Д-тъ Полиціи (дир. Трусевичъ) обращаетъ вниманіе розыскныхъ органовъ, что нѣкоторые представители мѣстныхъ организацій партіи соціалистовъ-революціонеровъ высказываются за ограниченіе примѣненія политическихъ убійствъ и грабежей, но за то другіе члены партіи настаиваютъ на возможно широкомъ использованіи террора. Поэтому Трусевичъ рекомендуетъ розыскнымъ органамъ употребить всѣ усилія къ пріобрѣтенію новыхъ сотрудниковъ среди организацій крайней—террористической—части партіи, а помимо того принять мѣры къ тому, чтобы наличные сотрудники теперь же „путемъ постепеннаго проявленія въ своей революціонной средѣ все болѣе и болѣе рѣзкихъ сужденій вошли въ боевыя группы партіи для ихъ надлежащаго освѣщенія въ недалекомъ будущемъ“.

Но не было ли ясно и самому Трусевичу—автору этого циркуляра,—и начальникамъ розыска, получившимъ его, и секретнымъ сотрудникамъ, которымъ ближайшее начальство сообщило директиву Его Превосходительства, что недостаточно однихъ „рѣзкихъ сужденій“, чтобы „войти въ боевыя группы партіи“, что для этого нужно проявить себя болѣе опредѣленно и что такое проявленіе будетъ неизбежно носить характеръ „провокаціи“, которой, несомнѣнно, и требуетъ отъ секретныхъ сотрудниковъ д-ръ Д-та Полиціи Трусевичъ?

Другой циркуляръ, относящійся къ области партійной секретной агентуры, указываетъ какъ разъ на то „разложе-
ніе партій“, о которомъ, какъ о цѣли своей дѣятельности,
говорилъ мнѣ бывший сановникъ. Мы приводимъ его цѣликомъ:

М. В. Д.

Лично.

Департаментъ Полиціи.

Совершенно секретно.

Циркулярно.

По 9 дѣлопроизводству.

16 сентября 1914 г.

№ 190791.

Начальникамъ губернскихъ и област-
ныхъ жандармскихъ управленій, отдѣле-
ній по охраненію общественной безопасно-
сти и порядка и гг. офицерамъ отдѣльнаго корпуса жандар-
мовъ, вѣдающимъ розыскъ.

Поступающія изъ партійныхъ агентурныхъ источниковъ свѣдѣнія указываютъ на стремленіе, проявляемое за по-
слѣднее время въ средѣ Россійской социаль-демократиче-
ской рабочей партіи къ объединенію различныхъ, суще-
ствующихъ въ таковой, партійныхъ теченій, въ цѣляхъ какъ
общаго усиленія партіи, такъ и для приданія всѣмъ послѣ-
дующимъ ея активнымъ выступленіямъ бѣльшей планомѣрности,
энергіи и полной согласованности въ дѣйствіяхъ.

Учитывая исключительную серьезность настоящаго на-
мѣренія и всю нежелательность осуществленія такового,
Департаментъ Полиціи считаетъ необходимымъ предложить
начальникамъ всѣхъ розыскныхъ учрежденій безотлагательно
внушить подвѣдомственнымъ имъ секретнымъ сотрудникамъ,
чтобы они, участвуя въ разнаго рода партійныхъ совѣща-
ніяхъ, неуклонно-настойчиво проводили и убѣдительно от-
стаивали идею полной невозможности какого бы то ни было
организаціоннаго сліянія этихъ теченій и въ особенности
объединенія большевиковъ съ меньшевиками.

Подписалъ: директоръ *Брюнъ-де-Сентъ-Ипполитъ.*

Скрѣпилъ: зав. дѣлопроизводствомъ *М. Броецкій.*

В ѣ р н о: подполковникъ *Долговъ.*

Интересную иллюстрацію того, какъ проводился въ пар-
тійную среду этотъ лозунгъ Департамента Полиціи—борьба

противъ объединенія большевиковъ съ меньшевиками даетъ *В. Жилинскій* ¹⁾ на основаніи данныхъ, извлеченныхъ изъ архивовъ Московскаго охраннаго отдѣленія:

„...два представителя сообщаютъ пославшимъ ихъ организациямъ подробный отчетъ о своихъ переговорахъ. Черезъ нѣсколько дней въ охранку поступилъ отчетъ большевика объ этомъ совѣщаніи, а за нимъ поступилъ и второй—отъ меньшевика, ибо провокаторами были оба. Конечно, другъ друга они не знали, и доносъ былъ взаимнымъ“...

Въ этой же брошюрѣ Жилинскаго приводятся интереснѣйшія діаграммы, составлявшіяся Московскимъ охраннымъ отдѣленіемъ для иллюстраціи жизни и развитія каждой революціонной организаціи Центральной области Россійской имперіи. Мы приводимъ разборъ одной изъ такихъ діаграммъ для характеристики тайнаго, но могущественнаго вліянія Д-та Полиціи на революціонныя партіи:

„Какъ извѣстно, въ январѣ 1912 г., по инициативѣ Ленина и его единомышленниковъ, была созвана „всероссійская конференція партіи с.-д.“. Какъ и при какихъ условіяхъ она собиралась, видно изъ того, что охранное отдѣленіе было въ точности освѣдомлено о выборахъ на конференцію, и самъ Департаментъ Полиціи принялъ при этомъ самую опредѣленную позицію. Не препятствуя самому созыву конференціи, Департаментъ Полиціи принялъ всѣ мѣры къ тому, чтобы на конференцію попали исключительно представители „большевистскаго“ толка, арестовывая членовъ всѣхъ другихъ фракцій. Видимо, тактика Ленина не расходилась съ намѣреніями Департамента Полиціи, ибо командированныя имъ лица свободно разъѣзжали по Россіи съ вѣдома охранки; не менѣе шести агентовъ ея принимали самое живое участіе въ созывѣ ленинской конференціи. Результаты совмѣстныхъ усилій ярко выражены на этой діаграммѣ, составленной нач. Московскаго охраннаго отдѣленія: Вверху, изъ пяти членовъ ленинскаго совѣщанія, двое опубликованы,

¹⁾ *В. Б. Жилинскій*, Организация и жизнь охраннаго отдѣленія во времена царской власти. 1917—1918, стр. 33—34.

какъ сотрудники охраны. Ниже 4 кружка представляютъ собою членовъ областного бюро въ Москвѣ, направлявшаго и руководившаго работой большевиковъ въ Центральной области Россіи. Изъ этихъ четырехъ опубликованы двое, бывшихъ на службѣ начальника Московской охраны. Больше того. При выборахъ въ Государственную Думу кандидатъ большевиковъ и кандидатъ охраннаго отдѣленія являли собой одно и то же лицо; совмѣстными усиліями с.-д. большевиковъ и охраны кандидатъ въ Думу прошелъ, и начальникъ Московской охраны телеграфно поздравилъ съ „блестящимъ успѣхомъ“ свое прямое начальство—Департаментъ Полиціи! Поистинѣ убійственное для партіи совпаденіе. Этимъ избранникомъ былъ Р. Малиновскій“ ¹⁾).

Какъ теперь извѣстно, знаменитый провокаторъ—членъ Государственной Думы *Малиновскій*—талантливо и успѣшно осуществлялъ партійную программу, начертанную ему Департаментомъ Полиціи...

Изъ многочисленныхъ циркуляровъ, касающихся секретной агентуры въ *рабочей* средѣ, мы остановимся лишь на одномъ, но, въ виду значительнаго интереса, приводимъ его цѣликомъ:

М. В. Д.

Совершенно секретно.

Департаментъ Полиціи.

Циркулярно.

По Особому Отдѣлу.

Начальникамъ районныхъ охранныхъ отдѣленій и охранныхъ отдѣленій.

19 мая 1912 года.

№ 112555.

Рядъ забастовокъ, послѣдовавшихъ послѣ Ленскихъ событій и 1 мая сего года въ большинствѣ фабричныхъ и заводскихъ предпріятій, а также въ мастерскихъ нѣсколькихъ желѣзныхъ дорогъ обѣихъ столицъ и въ нѣкоторыхъ отдѣльных мѣстностяхъ Имперіи, показалъ, что въ настоящій моментъ, послѣ болѣе или менѣе

¹⁾ Л. с., стр. 34—35.

значительнаго, по подавленіи революціонной вспышки въ Россіи, перерыва, рабочія массы вновь поддаются легко сорганизованію, о чемъ свидѣтельствуется и отмѣченная стройность, дисциплинированность означенныхъ выступленій рабочихъ, носившихъ, въ большинствѣ, мирный характеръ.

По имѣющимся въ Департаментѣ Полиціи свѣдѣніямъ, даже сравнительно крупная агентура нѣкоторыхъ розыскныхъ органовъ не была своевременно освѣдомлена о готовящихся забастовкахъ и демонстраціяхъ, почему необходимо предположить, что движеніемъ руководятъ, подобно тому, какъ это имѣло мѣсто въ 1904—1905 г.г., силы, стоящія, можетъ быть, и внѣ партій, но задавшіяся цѣлью вызвать новую смуту въ государствѣ, возбуждая черезъ посредниковъ къ движенію и оказывая ему матеріальную поддержку.

Изъ изложеннаго явствуется, насколько необходимо теперь-же розыскнымъ органамъ всемѣрно озаботиться освѣщеніемъ происходящаго и выясненіемъ какъ ближайшихъ активныхъ дѣятелей въ рабочей средѣ, такъ и стоящихъ какъ бы въ сторонѣ вдохновителей ихъ.

Для сего представляется желательнымъ использовать происходившія въ семъ году забастовки въ цѣляхъ пріобрѣтенія солидной агентуры какъ по партіи социалистовъ-революціонеровъ, такъ въ особенности по Россійской социаль-демократической рабочей партіи.

Достигнуть этого возможно не путемъ обысковъ и арестовъ, по недостаточно разработаннымъ агентурнымъ свѣдѣніямъ, неблагонадежныхъ лицъ въ опредѣленномъ районѣ, а путемъ тщательнаго *совершенно негласнаго* изученія происхожденія забастовки на одномъ-двухъ наиболѣе крупныхъ предпріятіяхъ, причемъ надлежитъ поставить себѣ единственной цѣлью выясненіе сказаннымъ путемъ активныхъ и интеллектуальныхъ руководителей ея, дабы изъ ихъ среды и постараться пріобрѣсти агентуру, которая въ этомъ случаѣ можетъ быть получена даже безъ производства ликвидацій.

Сообщая объ изложенномъ вамъ для исполненія, Департаментъ Полиціи выражаетъ полную увѣренность, что, въ интересахъ охраненія общественной безопасности и порядка,

вы, въ сознаніи важности переживаемаго момента, не преминете принять всѣ зависящія отъ Васъ мѣры къ осуществленію поставленной Вамъ задачи государственнаго значенія.

Подписалъ: и. д. директора *С. Бѣлецкій*.

Скрѣпилъ: завѣдующій Особымъ Отдѣломъ,
полковникъ *Ереминъ*.

В ѣ р н о: подполковникъ *Васильевъ*.

Не прошло и мѣсяца послѣ разсылки этого циркуляра, какъ тотъ же Бѣлецкій посылаетъ начальникамъ жандармскихъ полицейскихъ управленій желѣзныхъ дорогъ спеціальнѣйшій циркуляръ, въ которомъ категорически предписываетъ „озаботиться безотлагательно приобрѣтеніемъ секретныхъ агентовъ въ средѣ всероссійскаго рабочаго союза“, предваряя, что, если въ какихъ-либо жандармскихъ отдѣленіяхъ не будетъ такой агентуры или агентура эта окажется недостаточно удовлетворительной, то Департаментъ Полиціи войдетъ къ министру внутреннихъ дѣлъ съ докладомъ „о несоотвѣтствіи такихъ начальниковъ отдѣленій и управленій занимаемымъ должностямъ“.

Заботы Департамента Полиціи о томъ, чтобы рабочая среда была облагодѣтельствована достаточнымъ количествомъ „провокаторовъ“, не отклонила вниманія попечительнаго начальства и отъ деревни: и мужичку посвящено соотвѣтственное число соотвѣтственныхъ циркуляровъ. Такъ, на примѣръ, въ циркулярѣ отъ 16 мая 1908 года директ. *Трусевичъ*, по приказанію министра внутреннихъ дѣлъ *Столыпина*, предлагаетъ „начальникамъ губернскихъ и областныхъ жандармскихъ управленій и охранныхъ отдѣленій и всѣмъ жандармскимъ офицерамъ, вѣдающимъ розыскъ, обратять главное вниманіе на приобрѣтеніе постоянныхъ секретныхъ сотрудниковъ въ составѣ мѣстныхъ крестьянскихъ братствъ, организованныхъ партіей социалистовъ-революціонеровъ“...

Какъ извѣстно, одной изъ трагедій русской общественной жизни было то, что въ политической борьбѣ съ деспотическимъ царскимъ режимомъ, принимала участіе, главнымъ образомъ, молодежь. Понятно, что Д-тъ Пол. не могъ, по-этому, оставить ее безъ отеческаго попеченія: сотнями „за-

агентуривались“ въ секретные сотрудники—студенты и гимназисты; соблазнами, деньгами и угрозами развращались нестойкія дѣтскія и юношескія души и умѣло, систематически подготавливались къ шпіонству, доносу и предательству.

Такъ, въ циркулярѣ Д-та Пол. (д-ръ *Зуевъ*) отъ 18 дек. 1910 года значитъ, между прочимъ, слѣдующее:

„Въ настоящее время получены свѣдѣнія, что въ наступающемъ январѣ мѣсяцѣ, по возвращеніи студентовъ изъ праздничнаго отпуска, революціонныя организаціи намѣрены вызвать въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ новыя волненія.

Въ предотвращеніе сего Д-тъ Полиціи, по приказанію господина товарища министра внутреннихъ дѣлъ командира отдѣльнаго корпуса жандармовъ, предлагаетъ Вамъ, милостивый государь, нынѣ же принять всѣ мѣры къ возможному усиленію внутренней агентуры въ учебныхъ заведеніяхъ и при ея содѣйствіи немедленно приступить къ выясненію тѣхъ воспитанниковъ, которые входятъ въ составъ революціонныхъ организацій и по своему вліянію на товарищей могутъ играть роль главарей.

Списки такихъ воспитанниковъ, составленные, во избѣжаніе ошибокъ, со всею тщательностью,—должны быть изготовлены заблаговременно, до начала наступающаго учебного сезона, дабы, въ случаѣ возникновенія безпорядковъ, лица эти могли быть незамедлительно изъяты изъ среды учащейся молодежи“...

О студентахъ-провокаторахъ, вѣроятно, всѣ слышали, менѣе извѣстны „секретные сотрудники“ среди учениковъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Въ бумагахъ Заграничной Агентуры я нашелъ письмо студента *Модея* (см. списокъ), адресованное завѣдывающему Агентурой Красильникову, въ которомъ онъ проситъ о зачисленіи его въ число секретныхъ сотрудниковъ этой Агентуры и въ доказательство добропорядочности своихъ политическихъ убѣжденій указываетъ, что Красильниковъ можетъ навести о немъ справки у такого-то начальника охраннаго отдѣленія, гдѣ онъ состоялъ секретнымъ сотрудникомъ, еще будучи гимназистомъ.

Такими же талантливыми юношами были трое братьев провокаторов *Верецкихъ* (см. список): всѣ они начали свою предательскую карьеру еще на ученическихъ скамьяхъ.

Григорій *Хавкинъ* (среди парижской эмиграціи носилъ прозвище „*Чукча*“) былъ „заагентуренъ“ вскорѣ послѣ своего исключенія изъ 4-го класса гимназіи.

Самъ *Евно Азефъ* закладывалъ фундаментъ своей міровой славы—перваго провокатора XX столѣтія—*вѣроятно*, въ то время, когда еще щеголялъ въ гимназической блузѣ (см. очеркъ „*Евно Азефъ*“).

Мы видимъ, что Д-тъ Полиціи „разлагалъ“ не только „партіи“, онъ развращалъ учащуюся молодежь—юношей и подростковъ.

Только товар. мин. внутр. дѣлъ *Джунковский* въ 1913 году, ничего не имѣя противъ завербованія въ секретные сотрудники студентовъ, все же нашелъ неудобнымъ распространить это предметное обученіе политической благонадежности и на гимназистовъ. Въ циркулярѣ отъ 1-го мая 1913 г. *Джунковский* предписываетъ, „въ цѣляхъ сохраненія отъ вліянія революціонной пропаганды обучающихся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, направить секретную агентуру на освѣщеніе соприкасающейся съ ними среды, для чего нѣтъ надобности пользоваться секретными услугами самихъ обучающихся, такъ какъ послѣдніе являются лишь объектомъ пропаганды и по своему развитію не въ состояніи отнестись сознательно и серьезно (sic!) къ обязанностямъ секретнаго агента и потому использованіе ихъ въ этомъ направленіи можетъ привести только къ *нежелательнымъ* явленіямъ“.

Сообщая объ изложенномъ для руководства при постановкѣ агентурнаго освѣщенія настроенія учащейся молодежи, предлагаю вмѣстѣ съ тѣмъ исключить немедленно изъ состава секретной агентуры воспитанниковъ всѣхъ, вообще, среднихъ учебныхъ заведеній и помнить, что имѣть сотрудниковъ изъ означенныхъ учебныхъ заведеній я не допускаю“.

Все же отрадно, какъ выражались официальные моралисты стараго режима, что хоть у тов. мин. *Джунковского* нашлась крупница стыда или совѣсти, не позволившая ему обучать предательству дѣтей и подростковъ.

А сколько ихъ было—этихъ несчастныхъ?!

И какую моральную заразу несли въ русскую жизнь эти съ дѣтства опозоренныя и опустошенныя души!

Это уже не „разложеніе революціонныхъ партій“, это—одна изъ причинъ разложенія Россіи и ея гибели...

Но, конечно, особое вниманіе министерства внутреннихъ дѣлъ было обращено на *войска*.

Объ организаціи секретной агентуры въ арміи и флотѣ имѣются многіе десятки циркуляровъ. Для характеристики требованій, предъявлявшихся Департаментомъ Полиціи въ этой области политическаго сыска мы приводимъ цѣликомъ слѣдующій интересный документъ:

ДИРЕКТОРЪ

Департамента Полиціи.

Совершенно секретно.

Циркулярно.

Милостивый государь,

Въ циркулярныхъ письмахъ отъ 30-го октября и 20 декабря 1910 года за №№ 127306 и 127651 указывалось на необходимость принятія самыхъ энергичныхъ и дѣйствительныхъ мѣръ для агентурнаго освѣщенія революціонной работы и оппозиціоннаго настроенія въ воинскихъ частяхъ. Означенное освѣщеніе можетъ осуществляться розыскными органами при помощи войсковой агентуры изъ такъ-называемыхъ „вольныхъ составовъ“, представленной изъ лицъ, принадлежащихъ къ организаціи, т.-е. постоянныхъ сотрудниковъ, и изъ лицъ, не принадлежащихъ къ организаціи, но соприкасающихся съ неблагонадежнымъ элементомъ и пользующихся его довѣріемъ, т.-е. вспомогательной агентуры.

При отсутствіи въ воинской части опредѣлившейся революціонной организаціи, соединившей неблагонадежный элементъ, работа постоянного сотрудника сводится лишь къ предупрежденію могущихъ возникнуть для формированія организаціи подготовительныхъ дѣйствій и къ освѣщенію принадлежащихъ къ организаціи отдѣльных лицъ и ихъ свя-

зей; освѣтитъ же настроеніе всѣхъ неблагонадежныхъ военныхъ чиновъ данной части, въ число коихъ могутъ войти и тѣ, оппозиціонное настроеніе которыхъ не явилось результатомъ революціонной пропаганды, а возникло на почвѣ недовольства порядкомъ или различными условіями военной службы, постоянный сотрудникъ не всегда можетъ, а потому для полнаго освѣщенія военной части необходимо также имѣть и вспомогательную агентуру, которая при надлежащей постановкѣ можетъ оказать серьезную услугу по предупрежденію возможныхъ выступленій среди военныхъ чиновъ.

Въ большинствѣ розыскныхъ органовъ вспомогательная агентура представлена только изъ военныхъ чиновъ, кторые ограничиваются сообщеніемъ свѣдѣній, касающихся поведенія своихъ товарищей въ районѣ расположенія части или же отношеній начальствующихъ лицъ къ своимъ подчиненнымъ.

Подобное состояніе вспомогательной агентуры не можетъ быть признано достаточнымъ, если принять во вниманіе, что неблагонадежные военскіе чины, при неблагопріятно сложившихся для ихъ преступныхъ побужденій обстоятельствахъ, вызванныхъ личнымъ составомъ служащихъ или же установившимся въ военной части бдительнымъ надзоромъ, становятся крайне разборчивыми въ сближеніяхъ съ сослуживцами, держатся особнякомъ и свою вредную дѣятельность до благопріятнаго случая проявляютъ внѣ района расположенія военной части, прибѣгая къ перепискѣ по условному адресу или же къ посѣщенію частныхъ квартиръ, гдѣ собираются, не возбуждая подозрѣнія съ внѣшней стороны.

Изъ поступившихъ въ Д-тъ Полиціи свѣдѣній усмотрѣно, что мѣстомъ этихъ собраній, иногда и съ участіемъ частныхъ лицъ, служатъ небольшія лавки или мелкія мастерскія (чаще сапожниковъ), куда подъ предлогомъ покупки или заказа заходятъ нижніе чины и, чувствуя себя внѣ надзора, свободно обмѣниваются убѣжденіями, читаютъ нелегальную или запрещенную въ обращеніи среди нижнихъ чиновъ литературу, болѣе освѣдомленные изъ нихъ ведутъ пропагандутуть же происходитъ подготовка къ какому-либо выступле-

нію и, наконецъ, адресомъ владѣльца лавки или мастерской пользуются для секретной переписки.

При такихъ обстоятельствахъ однимъ изъ серьезныхъ приѣмовъ борьбы является использование въ качествѣ вспомогательной агентуры хозяевъ означенныхъ лавокъ или мастерскихъ или же лицъ, живущихъ въ этихъ помѣщеніяхъ и присутствующихъ при посѣщеніи таковыхъ посторонними лицами.

Объ изложенномъ сообщается для руководства при освѣщеніи дѣятельности военно-революціонныхъ организацій.

Примите, милостивый государь, увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи.

Г.г. начальникамъ губернскихъ жандармскихъ управлений и охранныхъ отдѣленій.

Подписаль: *Н. Зувъ.*

№ 117885.

7 іюня 1911 года.

Вѣрно: за завѣдующаго Особымъ Отдѣломъ,
полковникъ (подпись неразборчива).

Видимо, въ іюнѣ 1911 года настроеніе въ войскахъ было далеко не благополучно; такъ, уже черезъ 19 дней послѣ приведеннаго нами выше циркуляра Д-та Полиціи тотъ же *Зувъ* разсылаетъ тѣмъ же лицамъ новое посланіе (26 іюня 1911 г.), гдѣ вновь проситъ „обратить вниманіе на необходимость не только возможно полного освѣщенія чисто революціонныхъ организацій въ арміи, но и на необходимость организациі самага ссторожнаго, но въ то же время дѣйствительнаго наблюденія за всѣми явленіями въ жизни частей войскъ и общаго настроенія въ нихъ, дабы всегда быть въ курсѣ того, какія изъ этихъ явленій могутъ быть использованы революціонными организаціями для подготовки почвы въ преступныхъ цѣляхъ.

О всемъ замѣченномъ въ этомъ отношеніи Вамъ надлежитъ неукоснительно сообщать Д-ту Полиціи, отъ котораго и будутъ исходить надлежащія указанія“...

Глубокій историческій интересъ представить эпопея, ко-

торая, надо полагать, будетъ когда-нибудь разсказана, эпопея о томъ, какъ боролись съ крамолой въ войскахъ жандармы и ихъ секретные сотрудники. Какъ извѣстно, однимъ изъ героевъ этой эпопеи былъ жандармскій полковн. *Мясоѣдовъ*, впоследствии казненный за измѣну и шпіонство...

Но, вѣроятно, и до войны эта работа въ войскахъ жандармовъ и провокаторовъ пріобрѣла уже столь опасный характеръ для „внутренняго порядка арміи“, что упоминавшійся нами тов. мин. внутр. дѣлъ *Джунковскій* въ циркулярѣ отъ 13 марта 1913 года предупреждаетъ своихъ жандармовъ, что данными своихъ „наблюденій“ они „должны дѣлиться съ командирами частей“.

„Прошу помнить,—заканчиваетъ этотъ циркуляръ *Джунковскій*,—что я не допущу безцѣльнаго и необоснованнаго вторженія въ область внутренней жизни части, относящейся всецѣло къ обязанностямъ ея войскового начальства, а равно предостерегаю чиновъ корпуса отъ привлеченія нижнихъ воинскихъ чиновъ къ сотрудничеству, такъ какъ признаю такую мѣру противною самимъ основамъ воинской дисциплины, а потому ничѣмъ не оправдываемой и впредь недопустимой“...

Джунковскій продержался недолго на посту тов. министра внутр. дѣлъ, но врядъ ли и во время его командованія корпусомъ жандармовъ послѣдніе подчинялись требованію своего начальника, не въ мѣру заботливаго объ „основахъ воинской дисциплины“: не могутъ же *Мясоѣдовы* обойтись безъ помощи провокаторовъ даже и въ солдатской средѣ!..

Какъ „работали“ провокаторы среди членовъ Государственной Думы, мы знаемъ изъ блестящаго примѣра *Малиновскаго*, но, конечно, кромѣ него были и многіе другіе „освѣдомители“. Такъ, напр., въ циркулярѣ отъ 30 мая 1915 г. вице-директоръ *Васильевъ* поручалъ начальникамъ губернскихъ жандармскихъ управленій и охранныхъ отдѣленій „усилить обслѣдованіе“ дѣятельности члена трудовой группы Государственной Думы *Керенскаго* путемъ секретныхъ агентовъ, приблизить ихъ къ самому члену Думы *Керенскому* или къ лицамъ, къ нему наиболѣе близкимъ, а помимо того, установить за нимъ неотступное филерское наблюденіе“...

Всюду—„и въ дворцы и въ хижины“ проникала въ Россіи секретная агентура, но каждому новому директору Д-та Полиціи и новому министру внутреннихъ дѣлъ все казалось, что армія провокаторовъ еще недостаточна, и они требовали новыхъ ассигнованій, новыхъ тысячъ секретныхъ сотрудниковъ и разсылали своимъ подчиненнымъ десятки и сотни новыхъ циркуляровъ. Характеренъ въ этомъ отношеніи громадный циркуляръ Бѣлецкаго отъ 30 окт. 1912 г., который онъ заканчиваетъ новымъ призывомъ—„настоятельной просьбой безотлагательно принять самыя энергичныя и дѣйствительныя мѣры къ пріобрѣтенію агентуры, способной всесторонне освѣтить переживаемыя явленія въ оппозиціонной и революціонной средѣ, обративъ особое вниманіе на освѣщеніе преступныхъ партійныхъ начинаній среди воспитанниковъ высшихъ учебныхъ заведеній, крестьянскихъ обществъ, железнодорожныхъ служащихъ, войсковыхъ и морскихъ частей“.

Въ своемъ стремленіи охватить секретной агентурой всю Россію сверху донизу директора Д-та Полиціи доходятъ до геркулесовыхъ столбовъ. Такъ, напр., въ циркулярѣ отъ 2-го іюня 1911 года Зуевъ требуетъ отъ начальниковъ политическаго розыска пріобрѣсти секретныхъ сотрудниковъ въ тѣхъ домахъ, гдѣ живутъ лица, на которыхъ революціонерами подготовляются покушенія, и привлечь къ оказанію агентурныхъ услугъ мѣстныхъ дворниковъ...

Такимъ образомъ, при корпусѣ жандармовъ состоялъ еще другой корпусъ—секретныхъ сотрудниковъ, по численности (30—40 тысячъ) приближавшійся къ составу армейскаго корпуса въ военное время. Эти два корпуса несомнѣнно способствовали разложенію революціонныхъ партій, но они же своей растлѣвающей дѣятельностью довершили и разложеніе абсолютистскаго строя Россійской имперіи и были одной изъ причинъ того государственнаго и моральнаго развала, который такъ мучительно переживаетъ теперь Россія...

Временное Правительство арестовало многихъ царскихъ министровъ и директоровъ Департамента Полиціи и намѣревалось судить ихъ, между прочимъ, и за организацію секретной агентуры, какъ за противозаконное дѣяніе.

Не думаю, чтобы, стоя на этой точкѣ зрѣнія, можно было юридически обосновать судебный приговоръ, обвиняющій привлеченныхъ и арестованныхъ царскихъ сановниковъ, такъ какъ виновенъ въ этихъ дѣяніяхъ былъ весь строй, весь старый режимъ, съ царемъ во главѣ; министръ внутр. дѣлъ и директоръ Д-та Полиціи могли отвѣтственность за „работу“ секретныхъ сотрудниковъ сложить на безотвѣтственного царя, который, какъ извѣстно, былъ прекрасно освѣдомленъ и о существованіи секретной агентуры, и объ ея дѣятельности...

Читатель уже въ исторіи Заграничной Агентуры видѣлъ примѣры, какъ покровительственно относились цари къ явно провокаціонной (мастерская бомбъ Ландезена въ Парижѣ)¹⁾ и разбойной (разгромъ народовольческой типографіи) дѣятельности секретныхъ сотрудниковъ, но для заключительнаго аккорда мы приведемъ все же нѣсколько примѣровъ царскаго сообщничества въ провокаціонныхъ дѣлахъ секретныхъ сотрудниковъ.

Въ прошеніи на имя д-ра Д-та Полиціи причисленный къ штату Кіевскаго губернскаго правленія б. помощникъ пристава I части гор. Бердичева Константинъ Мартыновичъ *Преображенскій* пишетъ, между прочимъ, слѣдующее: „Въ 1907 году мною была раскрыта преступная шайка соц.-революціонеровъ, покушавшихся на жизнь бывшаго военнаго министра генерала отъ-инфантеріи А. Ф. Редигера, а также на взрывъ Военнаго Совѣта. Наравнѣ съ этими преступниками, во избѣжаніе всякихъ со стороны ихъ подозрѣній о томъ, что я ихъ выдалъ въ руки правосудія, я также былъ арестованъ и осужденъ въ *каторжныя работы*, а затѣмъ по *Высочайшему повелѣнію* (Курсивъ мой. В. А.), состоявшемуся въ 8 день мая

¹⁾ На докладѣ министра внутр. дѣлъ И. Дурново отъ 28 іюня 1890 г. Александру III по поводу присужденія парижскимъ судомъ русскихъ революціонеровъ, участвовавшихъ въ этомъ спровоцированномъ Ландезеномъ дѣлѣ, красуется царская резолюція: „пока это совершенно удовлетворительно“. Александръ III былъ „удовлетворенъ“, хотя прекрасно зналъ, что осужденный наиболѣе сурово—на 5 лѣтъ тюрьмы—Ландезенъ былъ не революціонеръ, а злостный провокаторъ—правая рука Рачковскаго.

1909 года, былъ помилованъ и, во избѣжаніе преслѣдованія со стороны революціонеровъ, мнѣ была пожалована фамилія „Преображенскій“ вмѣсто прежней *Римша-Берескевичъ*¹⁾...

Даже и Николай II не могъ не видѣть, что имѣетъ здѣсь дѣло съ самой злостной провокаціей—и, несмотря на это, провокаторъ высочайше. помилованъ и награжденъ прибыльнымъ мѣстомъ и новой фамиліей.

Когда провокаторъ Ландезенъ пріѣхалъ изъ-за границы съ рекомендательными письмами отъ Раппопорта и Бурцева къ террористическому кружку, организовавшемуся въ Россіи (Фойницкій, Истомина, Бѣляевъ и др.), и провоцировалъ членовъ этого кружка къ немедленному террористическому выступленію, то всѣ эти провокаціонные переговоры Ландезена велись подъ диктовку директ. Д-та Полиціи П. Н. Дурново, который чуть не ежедневно представлялъ подробнѣйшіе доклады о ходѣ этого гнуснаго предпріятія министру внутр. дѣлъ—своему однофамильцу И. Дурново, а послѣдній тоже довольно часто и детально доносилъ о ландезеновскихъ махинаціяхъ возлюбленному монарху. Въ концѣ концовъ упомянутые нами выше русскіе террористы были почти всѣ обнаружены и арестованы. На докладѣ объ этой побѣдѣ Его Величество соизволилъ начертать: „Весьма дѣльно и ловко вели все это дѣло“. Ландезену же за его парижскую и руссійскую провокацію была высочайше пожалована пожизненная пенсія. Вообще высочайшее назначеніе пенсій провокаторамъ дѣло не столь ужъ рѣдкое въ лѣтописяхъ руссійскаго самодержавія.

Приводимъ по этому поводу нашъ послѣдній документъ:

Всеподданнѣйшій докладъ министра внутреннихъ дѣлъ.

(По Департаменту Полиціи).

Въ числѣ секретныхъ сотрудниковъ, состоявшихъ въ последнее время при Московскомъ охранномъ отдѣленіи, въ теченіе 25-ти лѣтъ несла службу Анна Григорьевна Сере-

¹⁾ „Вылое“. Августъ 1917, стр. 248.

брюкова, которая оказала весьма цѣнныя услуги дѣлу политическаго розыска. Благодаря ея указаніямъ, розыскнымъ органамъ удалось обнаружить нѣсколько подпольныхъ типографій, разслѣдовать преступную дѣятельность различныхъ профессиональных организацій, выяснить многіе революціонные кружки, проявившіе свою дѣятельность въ разныхъ городахъ и имѣвшіе связи съ руководящими центрами столицъ, и такимъ образомъ нанести революціонному движенію весьма значительный ущербъ.

Будучи убѣжденнымъ врагомъ крамолы, Серебрякова исполняла свои обязанности идейно, мало интересуясь денежнымъ вознагражденіемъ и совершенно тайно отъ своихъ родныхъ. Въ силу принятыхъ на себя добровольно обязанностей по содѣйствію правительству въ борьбѣ съ революціоннымъ движеніемъ, Серебрякова вынуждена была мириться съ тѣмъ, что ея дѣти, встрѣчая въ домѣ матери людей революціоннаго направленія, невольно сами заражались ихъ убѣжденіями, и ей приходилось нравственно страдать въ виду невозможности уберечь своихъ дѣтей отъ опасности увлеченія революціонными идеями и связанной съ этимъ совершенной шаткостью всей ихъ жизненной карьеры.

Несмотря на то, что Серебрякова въ теченіе всей своей продолжительной службы, полной тревогъ и нервнаго напряженія, отличалась исключительными способностями, находчивостью и осторожностью, старому эмигранту-народовольцу Бурцеву, въ силу особыхъ обстоятельствъ послѣдняго времени, въ октябрѣ мѣсяцѣ 1909 года удалось разоблачить и предать широкой огласкѣ ея дѣятельность, благодаря чему Серебрякова была оставлена на произволъ судьбы своимъ мужемъ и дѣтьми, уволена со службы изъ Московской губернской земской управы и, такимъ образомъ, лишилась единственнаго средства къ существованію.

Всѣ послѣдніе удары жизни настолько разстроили еще ранѣе подорванное здоровье Серебряковой, достигшей пятидесятилѣтняго возраста, что она лишилась трудоспособности, въ послѣднее же время совершенно потеряла зрѣніе на оба глаза.

Признавая въ виду сего участь Анны Серебряковой заслуживающей исключительнаго вниманія и озабочиваясь обезпеченіемъ ея старости, всеподданнѣйшимъ долгомъ поставляю себѣ повергнуть на *Монаршее Ваше Императорскаго Величества* благовозрѣніе ходатайство мое о *Всемиловѣннѣйшемъ* пожалованіи Аннѣ Серебряковой изъ секретныхъ суммъ Департамента Полиціи пожизненной пенсіи, въ размѣръ тысячи двухсотъ (1.200) рублей въ годъ.

Министръ внутреннихъ дѣлъ,
статсъ-секретарь *Столыпинъ*.

31 января 1911 года.

Собственною *Его Императорскаго Величества* рукою начертано „Ст.“—согласенъ—въ Царскомъ Селѣ, февраля 1 дня 1911 года.

Статсъ-секретарь *Столыпинъ*“.

Серебрякова ¹⁾ за четверть вѣка своей „работы“ въ Московской охранкѣ предала сотни своихъ „товарищей“—революціонеровъ и разрушила десятки революціонныхъ организацій; столь продолжительная и „плодотворная“ шпіонская дѣятельность зачастую, конечно, переходила и въ настоящую провокаціонную работу; послѣдняя же, въ концѣ концовъ, цѣнилась начальствомъ больше всего и награждалась даже исключительными милостями и высочайше пожалованными пенсіями (Ландезенъ-Гартингъ, Гуровичъ, Бейтнеръ, Жученко, Батушанскій)...

Поэтому мы снова повторяемъ, что юридически безмысленно привлекать къ отвѣтственности чиновниковъ царскаго правительства за насажденіе провокаціи: она насаждалась при благосклонномъ попустительствѣ самихъ царей, слово и воля которыхъ являлись закономъ въ Россійской имперіи.

Жандармы, провокаторы, каторга для „политическихъ“

¹⁾ Серебрякова „освѣщала“ н.е.-р.-овъ, и с.-д.-ковъ, и вообще всѣхъ, кто попадалъ въ районъ ея дѣйствія. О Серебряковой Бурцеву сообщилъ Л. Менъщиковъ.

съ цѣлой гаммой и физическихъ и моральныхъ пытокъ, смертная казнь и массовые разстрѣлы—все это было неразрывно связано съ самодержавнымъ режимомъ. Царь—высшая земная власть и законъ: ему все дозволено и все сдѣланное и сказанное имъ—священно. При такой государственной концепціи—самое слово — „беззаконіе“ — становилось и юридической, и фактической безсмыслицей. Государственная Дума пыталась отвоевать у самодержавія нѣкоторыя уступки въ этой основной области государственнаго права, но Николай II и его министры противились этому всѣми силами и всѣми средствами, вплоть до самыхъ ужасныхъ и самыхъ гнусныхъ—массовыхъ смертныхъ казней и массовой провокаціи. Революція покончила съ самодержавіемъ навсегда, но въ своемъ бурномъ развитіи перегнула палку въ другую сторону...

„Для торжества революціи всѣ средства хороши“,—говаривалъ Нечаевъ, вывертывая такимъ образомъ наизнанку ученіе Маккіавелли о правахъ государя. Правовое государство уже давно отказалось въ теоріи отъ ученія знаменитаго итальянца, но на практикѣ, какъ всѣ хорошо знаютъ, частенько возвращается къ нему. Въ современныхъ революціонныхъ теоріяхъ также нѣтъ единства въ этомъ вопросѣ и вообще онъ далеко не разработанъ.

Переживаемая нами російская революція въ теперешней своей фазѣ, видимо, склоняется къ нечаевскому лозунгу: для торжества революціи всѣ средства хороши и во имя ея всѣ другія цѣнности могутъ быть уничтожены.

Такой поворотъ російской революціи чреватъ тяжелыми послѣдствіями, которыя мы уже начали переживать...

Во имя нарождающагося новаго общественнаго строя, который не разъ будетъ еще принимать разнообразныя формы, нельзя давить несомнѣнную, непререкаемую цѣнность—человѣческую личность, борьба за свободу которой наполнила своимъ содержаніемъ всю предыдущую исторію человѣчества.

Если проводить точку зрѣнія Нечаева, то послѣ введенія смертной казни и уничтоженія свободы слова придется за-

вести и своихъ жандармовъ и своихъ „провокаторовъ“. И сказка, печальная сказка человѣческихъ заблужденій и кровавой борьбы за враждебные другъ другу „истины“, начнется сызнова... А вѣдь передъ человѣчествомъ стоитъ такая масса неотложныхъ творческихъ задачъ, требующихъ единенія и систематической работы, а не взаимнаго уничтоженія и бессмысленной растраты и культурныхъ приобрѣтеній, и естественныхъ богатствъ...

ПРИЛОЖЕНІЯ

I

ЕВНО АЗЕФЪ

(ОЧЕРКЪ)

II

СПИСОКЪ

СЕКРЕТНЫХЪ СОТРУДНИКОВЪ
ЗАГРАНИЧНОЙ АГЕНТУРЫ И
ЛИЦЪ, ВХОДИВШИХЪ СЪ НЕЙ
ВЪ СНОШЕНІЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ

КРИО-АБФ

(ОБЩЕЕ)

II

СЛУЖБА

ВЕРХНЕГО СЛУЖБОВОГО
УЧРЕЖДЕНИЯ ВЕЛИКОГО
УЧРЕЖДЕНИЯ ВЕЛИКОГО
УЧРЕЖДЕНИЯ ВЕЛИКОГО

I.

ЕВНО АЗЕФЪ.

(Очеркъ).

Лишь незначительная часть шпионской и провокаторской дѣятельности Евно Азефа касается Заграничной Агентуры; вначалѣ я и предполагалъ ограничиться лишь этой частью, чтобы не нарушить задачъ и архитектуры всей нашей книги. Но когда мы съ женой приступили къ детальному разбору имѣвшагося въ нашемъ распоряженіи матеріала, то сразу увидѣли, что выдѣлить заграничную дѣятельность Азефа изъ всей его пятнадцатилѣтней провокаторской „работы“ невозможно. Хотя Азефъ, въ теченіе всей своей охранной службы, большую часть времени провелъ за-границей, но это не потому, что онъ былъ непосредственно связанъ съ Заграничной Агентурой,—размахъ его провокаторской работы былъ всероссійскій и за-граница являлась для него лишь удобнымъ убѣжищемъ для установленія своего alibi въ террористическихъ предпріятіяхъ.

Шпионскіе щупальцы Азефа охватывали жизнь всей партіи социалистовъ-революціонеровъ за все время ея существованія, всюду, во всей Россіи и за-границей. Мало этого, Азефъ часто соприкасался съ центральными организаціями и съ дѣятелями другихъ революціонныхъ партій; его роль въ этой области еще очень мало выяснена, равно какъ и его несомнѣнное, злостное участіе въ организаціи и провалѣ многихъ возстаній 1905—1906 годовъ.

Вся эта грандіозно-гнусная эпопея еще ждетъ своего историка, но кое-что можно намѣтить уже и теперь.

Такимъ образомъ, передъ нами встала дилемма:—или совсѣмъ не касаться Азефа въ этой книгѣ, или попытаться,

хотя въ краткомъ и, къ сожалѣнію, въ конспективномъ видѣ, дать о немъ все, что мы уже знаемъ. Мы приняли послѣднее рѣшеніе и прежде всего потому, что въ современную бурную эпоху нельзя ручаться ни за продолжительность собственнаго существованія, ни за сохранность даже того относительно незначительнаго и неполнаго матеріала объ Азефѣ, который собранъ нами. Кромѣ того, намъ пришлось въ Парижѣ принять близкое участіе въ борьбѣ за разоблаченіе Азефа и въ работѣ по выясненію размѣровъ его провокаторской дѣятельности; намъ поэтому каждый документъ говоритъ и выясняетъ гораздо больше, чѣмъ какому-либо лицу „со стороны“. Лица же, еще гораздо болѣе насъ компетентныя во всей исторіи Азефа, видимо, не интересуются полнымъ освѣщеніемъ провокаторской роли Азефа въ русскій революціонномъ движеніи, такъ какъ ни „судебно-слѣдственная комиссія“, разбиравшая въ теченіе цѣлаго года азефовское дѣло, ни бывшіе друзья и товарищи Азефа по центральному комитету не удосужились въ теченіе 9 лѣтъ, прошедшихъ со времени разоблаченія и опубликованія этого провокатора, не только дать намъ полной картины его провокаторской дѣятельности, но привести хотя бы одинъ новый фактъ, способствующій ея выясненію. Даже воспоминанія Бориса Савинкова такихъ фактовъ сообщаютъ сравнительно мало.

Всѣ эти соображенія склонили насъ къ тому, чтобы составить и напечатать въ нашей книгѣ прилагаемый очеркъ „Евно Азефъ“. Я работалъ надъ этимъ очеркомъ совмѣстно съ своей женой—Юліей Михайловной—и самая тяжелая, главная часть этой работы легла на ея плечи.

Составляя этотъ очеркъ, мы съ женой какъ бы снова пережили тяжелые годы, проведенные нами въ Парижѣ въ борьбѣ съ азефщиной; несмотря на весь кошмаръ переживаемаго теперь нами развала Россіи, все же тотъ—прошлый—ужасъ не поблѣднѣлъ передъ настоящимъ; больше—они оба какъ-то слились вмѣстѣ, дополнили другъ друга и стали отъ этого еще ужаснѣе, еще грознѣе.

Нашъ очеркъ—лишь схема, лишь абрисъ. Мы стреми-

лись, на основаніи, какъ архивныхъ, сравнительно незначительныхъ, такъ и опубликованныхъ уже, матеріаловъ, установить годъ за годомъ вѣхи провокаторской и „революціонной“ дѣятельности Евно Азефа, затѣмъ сравнить данныя, извлеченныя изъ архивовъ „охранки“, съ данными, полученными изъ революціонныхъ источниковъ, и, наконецъ, проанализировавъ весь этотъ матеріалъ, сдѣлать возможные выводы. Безъ этой основной работы немислимо приступить къ дальнѣйшему—къ полной обрисовкѣ всей провокаторской дѣятельности Евно Азефа на фонѣ русскаго революціоннаго движенія послѣднихъ двадцати лѣтъ и борьбы съ революціей романовскаго самодержавія.

Нашъ первоначальный, схематическій очеркъ поневолѣ будетъ нѣсколько сухъ и протоколенъ, онъ потребуетъ отъ читателя нѣкотораго напряженія, но безъ этого нельзя разобратъ въ азефовской одиссеѣ. Повторяемъ,—время для полной исторической монографіи объ Азефѣ и объ „азефщицѣ“ еще не пришло...

Въ нашей работѣ мы натолкнулись на массу затрудненій и прежде всего на недостатокъ фактическаго матеріала; потому обращаемся ко всѣмъ, желающимъ помочь намъ въ освѣщеніи дѣятельности знаменитаго провокатора, прислать по адресу книгоиздательства „Книга“ (Петроградъ, Невскій пр., д. 74), на имя Валеріана Константиновича Агафонова, не только всѣ свѣдѣнія, касающіяся Евно Азефа и его охранной, „революціонной“ и личной жизни, не только его фотографическія карточки и т. п., но даже и всѣ соображенія и замѣчанія по поводу какъ его самого, такъ и окружавшей его среды. Всѣ матеріалы, по снятіи копій, будутъ незамедлительно возвращены.

* * *

Евно Фишелевъ *Азефъ*. Партийныя клички его: „*Толстый*“, „*Иванъ Николаевичъ*“, „*Валентинъ Кузьмичъ*“. Охранныя клички: *Виноградовъ*, *Раскинъ*, *Филипповскій*. На съѣздѣ въ Парижѣ револ. и оппозиц. группъ *Азефъ* выступаетъ подъ именемъ *Диканскаго*. Въ нѣкоторыхъ городахъ Россіи А. жилъ по подложнымъ паспортамъ—*Раскина* и *Сергѣя Милетонovichа Валуйскаго*. Евно Фишелевъ *Азефъ* или *Евгеній Филипповичъ Азевъ*—мѣщанинъ гор. Ростова на Дону, по другимъ же свѣдѣніямъ—*Лысковскій* мѣщанинъ Гродненской губ. Волковисскаго уѣзда; сынъ портного.

Учился А. въ Ростовѣ на Дону, вышелъ изъ 6-го класса; затѣмъ занимался репортерствомъ и служилъ секретаремъ у фабричнаго инспектора; вскорѣ сдѣлался комиссіонеромъ, но запутался въ денежныхъ дѣлахъ и уѣхалъ за-границу.

Центральный комитетъ партіи с.-р., объявляя 26 дек.—7 янв. 1908/1909-г.г. *Азефа* провокаторомъ, между прочимъ, указываетъ, что *Азефу* 38 лѣтъ; слѣдовательно, теперь—въ 1918 году—ему должно быть около 50 лѣтъ. За-границей въ 1892 г. *Азефъ* становится студентомъ политехническаго института въ Карлсруэ.

Примѣты: Толстый, сутуловатый, выше средняго роста, ноги и руки маленькія, шея толстая, короткая. Лицо круглое, одутловатое, желто-смуглое; черепъ кверху суженный; волосы прямые, жесткіе, обыкновенно коротко подстриженные; темный шатень. Лобъ низкій, брови темныя, внутренніе концы слегка приподняты; глаза каріе, слегка на выкатѣ. Носъ большой приплюснутый, скулы выдаются, одно ухо оттопыренное; губы очень толстыя и выпяченныя, чувственныя; нижняя часть лица слегка выдающаяся. Бороду обычно брилъ, усы носилъ подстриженными.

Карлсруэ (1892—1899 г.г.).

До сихъ не установлено точно, когда Азефъ началъ служить въ „охранкѣ“. Одни считаютъ—съ 1892 г. другіе—съ 1893 г. Передъ нами документъ—письмо жандарм. полковн. въ Ростовѣ на Дону А. П. Страхова къ завѣдующему Особымъ Отдѣломъ Д-та Пол. Г. К. Семякину:

„ На-дняхъ я получилъ анонимъ изъ Карлсруэ¹⁾ съ указаніями очень вѣрными. Видимо, авторъ желаетъ (разумѣется, не даромъ) оказывать услуги. *Подозрѣваю*, что это мой старый знакомый Азовъ (Азефъ) (Курсивъ мой. В. Аг.), надѣюсь скоро это провѣрить и установить, а тогда донесу Д-ту. Можетъ быть, онъ вамъ будетъ полезенъ, да у меня и средствъ на него нѣтъ. Онъ очень вѣрно сообщаетъ, что наши очень интересуются полученіемъ „Соціалъ - Демократа“ и просятъ карлсруйскихъ привезти, а у меня есть уже свѣдѣнія, что наши жида собрали деньжонокъ (и мой тамъ 10 р.) и послали въ Карлсруэ за новыми изданіями“.

Д-тъ Полиціи получилъ это письмо 3 мая 1893 г.

Итакъ, Азефъ еще до своего отъѣзда за-границу—въ Карлсруэ—состоялъ „сотрудникомъ“ въ Ростовѣ н/Д. у жанд. полковн. Страхова. Изъ-за границы Азефъ въ періодъ отъ 1892 г. до 1899 г. доносилъ не только на русскихъ студентовъ и другихъ лицъ изъ Карлсруэ, но сообщалъ вообще все, что узнавалъ о всѣхъ жившихъ въ другихъ городахъ Германіи и Швейцаріи отъ знакомыхъ или случайно—при своихъ поѣздкахъ по Германіи и Швейцаріи. Въ этотъ періодъ Азефъ былъ только „корреспондентомъ“ Департамента Пол., т.-е. по-просту только шпиономъ. Объ этомъ началъ „карьеру“ Евно Азефа свѣдѣнія чрезвычайно скудны.

¹⁾ Примѣчан. Семякина: „Мы уже вошли въ сношеніе съ этимъ лицомъ“.

Московскій періодъ (іюнь 1899 г.—ноябрь 1901 г.).

Въ 1899 г. Азефъ получаетъ въ Карлсруэ дипломъ электротехника и въ іюнь этого же года Д. П. командируетъ Азефа въ Москву „въ распоряженіе Московскаго начальника охраннаго отдѣленія надв. сов. *Зубатова*, подъ руководствомъ котораго и получаетъ Азефъ задатки полицейскаго воспитанія“, какъ трогательно сообщаетъ Ратаевъ въ своемъ письмѣ д-ру Деп. Пол. Зуеву („Былое“ № 2-й, 1917 г.).

Въ Москвѣ Азефъ благодаря своимъ многочисленнымъ заграничнымъ связямъ, между прочимъ, и усиленной рекомендаціи Житловскаго—одного изъ основателей заграничнаго Союза социалистовъ-революціонеровъ,—вступаетъ въ Сѣверный Союзъ соц.-революціонеровъ, основанный Аргуновымъ, М. Селюкъ и др., и становится виднымъ членомъ его.

Въ концѣ 1899 г. Зубатовъ доноситъ Д-ту Пол. объ успѣхахъ Азефа, перечисляетъ, съ кѣмъ онъ познакомился, кромѣ социалистовъ-революціонеровъ, сообщаетъ, что онъ проникъ въ „Обществовспомоществ. лицамъ интеллигентныхъ профессій“, гдѣ числится весь цвѣтъ радикаловъ, принять также въ сотрудники „Общедоступнаго Техника“ Нѣмчиновой и въ издательство этой послѣдней.

26 іюля 1900 г. Зубатовъ отправляетъ Азефа на нѣсколько недѣль за-границу, и Д-тъ Пол. даетъ порученія этому послѣднему—выяснить группы социаль-революціонеровъ въ Бернѣ, Парижѣ и Берлинѣ и ихъ связи въ Россіи. Московскіе же социалисты даютъ отъ себя „серьезныя порученія“ къ Житловскому и другимъ лицамъ...

Порученіе Д. П., конечно, было Азефомъ выполнено, какъ слѣдуетъ. Между прочимъ, въ своемъ донесеніи онъ указываетъ, что изъ берлинскихъ социаль-революціонеровъ слѣдуетъ особое вниманіе обратить на Карповича изъ Дерпта, жившаго раньше въ Москвѣ.

27 января 1901 г. Азефъ доноситъ, что въ Москвѣ 12 января на вечеринкѣ положено начало организаціи

боевой соціалъ-демократической кассы, цѣль которой—созданіе и поддержка соціалъ-демократической литературы, какъ легальной, такъ и нелегальной, посвященной борьбѣ за политическую свободу. Азефъ перечисляетъ лицъ, присутствовавшихъ на этой вечеринкѣ, въ томъ числѣ Платона Луначарскаго, Нѣмчиновыхъ, А. А. Балашову, г-жу Клеменко и др. При этомъ прибавляетъ, что и въ Вильнѣ образовалась группа соціалъ-демократовъ изъ Нахимовичей, Фундаминскаго, Гальперина и др., начавшихъ издавать соціалъ-демократическую бібліотеку; ими выпущены: „Рѣчь Либкнехта“, „Французская революція“ и „Наша программа“. Цѣль этой группы также борьба за политическую свободу. Тутъ же Азефъ упоминаетъ, что скоро ждутъ „Искру“ изъ Петербурга.

29 января 1901 г. Азефъ доноситъ, что наканунѣ Аргуновъ привезъ въ Москву „Революціонную Россію“, но что ее раньше распространять въ Петербургѣ, гдѣ и можно ее захватить, слѣдя за Селюкъ и ея знакомыми курсистками.

5 февраля 1901 г. Азефъ извѣщаетъ, что на масляной состоится „сѣздъ“ соціалъ-революціонерсвъ въ Харьковѣ, гдѣ будутъ кіевляне, харьковцы и представители изъ Минска. Москвичи конспираціи ради не поѣдутъ, предлагали и ему, Азефу, но онъ по понятнымъ причинамъ отклонилъ это“.

Союзъ соціалистовъ-революціонеровъ имѣлъ въ это время уже свой органъ—„Революціонную Россію“; первый ея № былъ напечатанъ около Москвы, 2-ой—въ Финляндіи, 3-й—въ Томскѣ, куда по настоянію Азефа Союзъ рѣшилъ перенести типографію „Рев. Россіи“. Въ Томскѣ типографія въ сентябрѣ 1901 г. арестовывается жанд. офицеромъ *Спиридовичемъ*. Часть группы, составлявшей Сѣв. Союзъ с.-р., также арестовывается. Всѣ указанія о типографіи и лицахъ, входящихъ въ составъ Сѣв. Союза, исходили отъ Азефа, а потому трудное „сложное дѣло“ наблюденія, ради успѣха дѣла и по конспиративнымъ соображеніямъ, приходилось ставить и осуществлять по взаимному съ нимъ (Азефомъ) соглашенію“, говоритъ Ратаевъ въ письмѣ къ Зуеву въ 1910 г.

Революціонеры приписывали ликвидацію какъ типографіи, такъ и членовъ Союза не провокатору, а „шпикамъ“, прослѣдившимъ Антіохъ-Вербицкую, везшую печатный станокъ изъ Москвы въ Томскъ, а затѣмъ также и тому, что Антіохъ-Вербицкая, будучи арестованной, на допросахъ выдавала.

Здѣсь интересно отмѣтить, что уже въ 1899 г. наблюденіе за революціонерами и, конечно, арестъ типографіи и членовъ Союза совершались по соглашенію съ Азефомъ. Чтобы какъ можно лучше скрыть роль Азефа, въ обвинительномъ актѣ по этому дѣлу ловко ввертывается предательство Антіохъ-Вербицкой, а въ дневникѣ филерскихъ наблюденій, который охранное отдѣленіе обязано было передать жандармскому управленію, вычеркивается, что революціонеръ Барыковъ посѣщаетъ домъ Стахѣева— „гдѣ имѣлъ занятія Азефъ“ ¹⁾. Дознаніе, также „по агентурнымъ соображеніямъ, переводится изъ Томска въ Москву“.

Въ первые годы начинающему шпиону платили очень незначительное жалованье: какъ „корреспондентъ“ Департамента Полиціи, Азефъ въ Карлсруэ получалъ всего по 50 р. ежемѣсячно, и въ 1897 г. и 1898 г., кромѣ того, 50 р. наградныхъ къ Рождеству; въ 1899 г. Азефъ получаетъ уже по 100 р. ежемѣсячно, къ Новому Году наградныхъ 50 р., а къ Пасхѣ—100 р.

Съ іюня 1899 г. до октября 1901 г. Азефъ живетъ въ Москвѣ, гдѣ лѣтомъ этого года прописанъ подъ своимъ именемъ въ Богословскомъ переулкѣ въ домѣ Сахарова ²⁾. Въ Москвѣ Азефъ изъ „корреспондента“ превращается въ секретнаго сотрудника, и становится еще болѣе полезнымъ охранкѣ, т.-е. выдаетъ болѣе интересныя вещи, чѣмъ за-границей; жалованье его увеличивается: въ 1899—100 р., а въ 1900—уже 150 руб. въ мѣсяцъ.

Съ 31 апр. по окт. 1901 г. Азефъ живетъ въ Москвѣ по фальшивому паспорту (со штемцелемъ и подписью при-

¹⁾ Изъ неизданной записки объ „Азефѣ и Азефшинѣ“ Л. Меньщикова.

²⁾ Неизданная записка Меньщикова.

става 2-го участка Тверской части), выданному *Зубатовымъ* ратнику ополченія 2-го разряда, *инженеру* Азефу. (Данныя *Меньщикова. В. Аг.*). Такимъ образомъ, Азефъ получаетъ право повсемѣстнаго жительства въ Россійской имперіи. 8 января 1900 г. чиновн. особ. поруч. при минист. внутр. дѣлъ *Л. А. Ратаевъ* представилъ докладъ вице-директору Д-та Полиціи *П. Н. Лемтюжникову*, гдѣ, между, прочимъ пишетъ: „...Независимо сего Азефъ убѣдительно просить о нѣкоторой прибавкѣ къ его содержанію (получаетъ 100 р. въ мѣсяцъ). Онъ говоритъ, что денегъ этихъ за глаза хватало бы за-границей, а въ Москвѣ, при тамошней дороговизнѣ, жить прямо на нихъ немыслимо. *С. В. Зубатовъ* поддерживасть его ходатайство“. Ходатайство Азефа было уважено, и онъ сталъ съ 1 янв. 1900 г. получать по 150 р. въ мѣсяцъ.

За свое двухлѣтнее пребываніе въ Москвѣ Азефъ не только увеличиваетъ свое содержаніе втрое, но, что еще важнѣе для будущей его карьеры, онъ работаетъ здѣсь подѣ начальствомъ такого „талантливаго“ охранника, какъ *Зубатовъ*, охранное отдѣленіе котораго было лучшимъ въ Россіи, изучаетъ подѣ его руководствомъ всѣ тонкости техники филерскаго наблюденія, всѣ тайны политическаго розыска. Весь этотъ опытъ сыщика, пріобрѣтенный у *Зубатова*, Азефъ примѣняетъ затѣмъ къ постановкѣ террористическихъ актовъ, чѣмъ и завоевываеъ у революціонеровъ славу замѣчательнаго организатора. Это же знакомство съ „техникой“ охранныхъ отдѣленій позволяетъ Азефу совмѣстно съ охранниками ликвидировать имъ же самимъ организованныя предпріятія такъ, чтобы революціонерамъ не бросалась въ глаза его роль провокатора. Но здѣсь, кромѣ этого, ему помогало и трагическое неумѣніе революціонеровъ анализировать причины неудавшихся покушеній и другихъ задуманныхъ предпріятій.

Послѣ ареста Томской типографіи и многихъ членовъ Сѣв. Союза соц.-революціонеровъ уцѣлѣвшая, по милости Д. П., часть Союза эмигрируетъ за-границу; Азефъ также командировается Д-томъ въ октябрѣ мѣсяцѣ 1901 г. за-границу съ жалованіемъ — небывалымъ въ тѣ времена для провокаторовъ—500 р.

въ мѣсяцъ; такъ высоко Департ. Полиц. оцѣнивалъ ужъ въ 1901 г. „работу“ Азефа.

Въ этомъ же 1901 г. 6 февраля Азефъ получилъ 150 р.— „на извѣстное употребленіе“ (!!). Въ сентябрѣ мѣсяцѣ этого же года *Зубатовъ* писалъ Ратаеву: „по свѣдѣніямъ извѣстнаго вамъ *Виноградова* (охранная кличка Азефа. Прим. и курс. *В. Аз.*), ликвидація центральныхъ группъ социалистовъ-революціонеровъ въ настоящее время неудобства не представляетъ“ ¹⁾.

Передъ отъѣздомъ за-границу Азефъ посѣщаетъ Петербургъ въ началѣ ноября 1901 г., чтобы повидаться съ соц.-революціонерами: *Вл. Бѣляевымъ*, *Як. и Кл. Селюкъ* и др. и взять у нихъ матеріалъ для 3 № „Революціонной Россіи“, который предположено издавать за-границей. По его словамъ „*Аргуновъ и К^о*“ ждутъ ареста, а потому всѣ свои связи петербургскія и саратовскія передали ему. А. сообщаетъ, что петербургскій „Союзъ Борьбы“ обогатился новыми лицами—*Ек. Ник. Демьяненко* и *Сергѣемъ Ивановичемъ*, окончившимъ въ *Харьковѣ* технологическій институтъ и служившимъ на *Екатериинской ж. д.*

За-границей (ноябрь—декабрь 1901 г.).

За-границей, благодаря Азефу и Гершуни, происходитъ сліяніе различныхъ группъ соц.-революціонеровъ; Азефъ, такимъ образомъ, становится однимъ изъ основателей партіи соц.-революціонеровъ, входитъ въ руководящій органъ ея и сближается съ *Гоцемъ* и *Гершуни*.

Изъ Берлина, куда сначала пріѣзжаетъ Азефъ изъ Россіи и гдѣ видится съ Гершуни, онъ ѣдетъ въ Парижъ, причемъ сообщаетъ: „Въ Берлинѣ и Парижѣ я поналъ въ центръ“. Въ Берлинѣ онъ вступаетъ въ только что образованную имъ и Гершуни партію соц.-революціонеровъ, о чемъ и извѣщаетъ Д-тъ Пол. Слѣдовательно, Д-ту Пол. хо-

¹⁾ Неизд. зап. *Меньщикова* объ „Азефщинѣ и Азефѣ“.

рошо извѣстно, что, какъ только образовалась эта партія, Азефъ немедленно сдѣлался ея членомъ и не простымъ членомъ, а находящимся въ центрѣ ея. Въ Парижѣ Азефъ ведетъ переговоры съ редакціей „Вѣстника Русской Революціи“, чтобы они печатали свое изданіе отъ имени партіи русскихъ соціалистовъ-революціонеровъ. При этомъ Азефъ въ донесеніи отъ 17—30 дек. 1901 г. называетъ Гершуни Гранинымъ и извѣщаетъ, что Гранинъ долженъ видѣться въ Бернѣ съ Розенбаумомъ, устраивающимъ путь для транспорта литературы черезъ руссінскую границу. Въ Бернѣ изъ Парижа ѣдетъ и Азефъ, чтобы снова повидать и Гершуни, и Чернова, одного изъ главныхъ сотрудниковъ „Вѣстника Русской Революціи“.

Въ концѣ же этого года Азефъ обо всемъ обстоятельно доноситъ своему начальству—и о выдающейся роли Гершуни, и о рѣшеніи верховъ партіи приступить къ систематическому террору, и о многомъ другомъ, что ему становится извѣстнымъ.

Давая много данныхъ о Гершуни, Азефъ выражаетъ увѣренность, что Д-тъ Пол. сможетъ установить, кто это „Гранинъ“, и слѣдить за нимъ, „братъ же его пока не нужно—онъ намъ полезенъ будетъ. Поѣздка моя въ Парижъ и Швейцарію очень хорошо сложилась; вообще очень удачно вышло, что я спровадилъ сюда Селюкъ“.

По даннымъ Азефа, Д-тъ Пол. и устанавливаетъ 29 декабря 1901 г., что Гранинъ это—Гершуни.

Въ награду за выдачу всего этого и за „московскія“ выдачи онъ получаетъ 9-го ноября 1901 года—500 руб. пособія, а къ Новому Году 200 руб. наградныхъ.

1902 годъ.

Въ 1902 г. Департ. Полиціи выдаетъ Азефу жалованье сразу за весь годъ впередъ—6.000 рубл., кромѣ того, въ томъ же 1902 г.—7-го янв.—200 р. за „служебную поѣздку“, 9 марта—250 руб. „въ возмѣщеніе расходовъ“, 4 мая—240 рубл.—„въ возмѣщеніе расходовъ“, 10 іюня—800 руб. „въ

возмѣщеніе расходовъ“, и, наконецъ, 2-го ноября—325 р.— за „служебныя поѣздки“. Такимъ образомъ, въ одномъ 1902 г. Азефъ получилъ отъ Департамента Полиціи не меньше 7.815 рубл.; мы говоримъ: „не менѣе“, такъ какъ къ Рождеству и къ Пасхѣ начальство не могло же обойти Азефа „наградными“...

Въ это время Азефъ стоялъ уже очень близко къ Гершуни и къ многимъ виднымъ фигурамъ партіи с.-р. и, несомнѣнно, всѣ эти „служебныя поѣздки“ по порученію Д-та Полиціи были вмѣстѣ съ тѣмъ и поѣздками „партійными“, также съ соотвѣтственными ассигнованіями.

Въ 1902 г. Гершуни и Розенбаумъ организовали отправку изъ-за границы въ Каменецъ-Подольскъ с.-р.-овской литературы въ коробкахъ съ масломъ и въ комнатныхъ ледникахъ. Азефъ своевременно донесъ объ этомъ своему начальству. Департ. Полиціи, чтобы не выдать провокатора, посылаетъ своего чиновника Меньщикова, впоследствии известнаго разоблачителя, въ Каменецъ-Подольскъ, не называя лица, у кого надо искать эти предметы; черезъ 3 недѣли своего пребыванія въ Каменецъ-Подольскѣ Меньщиковъ только и могъ донести Департаменту Полиціи, что городъ этотъ торгуетъ масломъ и что въ немъ волятся контрабандисты, какъ во всякомъ пограничномъ городѣ. Послѣ этого Деп. Пол. указалъ, за кѣмъ нужно слѣдить, но мѣстныя власти могли донести только, что данное лицо—сіонистъ и усердно посѣщаетъ синагогу. И, только получивъ болѣе опредѣленные указанія, сдѣлали у этого лица обыскъ, во время котораго приставъ нечаянно (!) нашелъ, между стѣнками ледника, гдѣ долженъ былъ бы помѣщаться исландскій мохъ, нелегальную литературу.

Въ январѣ-февралѣ 1902 г. Азефъ доноситъ изъ Парижа и о бундистахъ, и объ искровцахъ, и о новой группѣ „Борьба“; въ мартѣ,—что Монвейсъ или Мондвейсъ изъ Минска везетъ литературу въ чемоданахъ и что Гершуни въ Саратовѣ. „Вообще, не только большинство соц.-революціонеровъ, но и соц.-демократы—за терроръ, въ томъ числѣ и „Матвѣй (Машицкій)“, сообщаетъ неутомимый

шпіонъ. „Въ Вильнѣ—Левинъ, близкій с.-р. Левиту, хочетъ открыть контору или заводъ, чтобы они могли служить для конспиративной квартиры и мѣстомъ концентрированія революціонеровъ“. Отъ 5—18 апр. 1902 г. Азефъ сообщаетъ своему начальству, что, по свѣдѣніямъ М. Гоца, Гершуни видится въ Петербургѣ съ Иванчинымъ - Писаревымъ, Клеменцомъ, Негрескуль, часто видится съ Брешковской, которая недавно была въ Кіевѣ, а теперь, кажется, въ Одессѣ. Тутъ же прилагаетъ адресъ, которымъ пользуется въ Берлинѣ группа „Борьба“.

Чрезвычайно интересно отмѣтить слѣдующій фактъ. Вскорѣ послѣ вступленія *Лопухина* въ должность д-ра Д-та Полиціи, въ маѣ 1902 г., Рачковскій, завѣдывавшій тогда Заграничной Агентурой, обращается къ д-ру Д-та Пол. съ просьбой выдать ему 500 рублей для передачи ихъ, черезъ своего секретнаго агента, Гершуни для изготовленія бомбъ. Этимъ агентомъ Рачковскаго былъ Азефъ. Какъ Ратаевъ, тогда начальникъ Особого Отдѣла Д-та Полиціи, такъ и самъ Азефъ увѣряли Лопухина, что Азефъ не состоитъ членомъ партіи с.-р., а получаетъ всѣ свѣдѣнія исключительно благодаря личной своей дружбѣ съ Гершуни (изъ обвинительнаго акта по дѣлу Лопухина. В. Аг.).

Между тѣмъ, мы знаемъ, что, какъ только образовалась партія социалистовъ-революціонеровъ, Азефъ уже вступилъ въ нее и даже былъ однимъ изъ основателей ея. Обо всемъ этомъ самъ же донесъ Д-ту Пол., слѣдовательно и Ратаеву, который въ концѣ 1901 г. завѣдывалъ Особымъ Отдѣломъ.

23 мая—5 іюня 1902 года Азефъ сообщаетъ Ратаеву: „Балмашеву помогали лица изъ партіи, нужно полагать и Гершуни, но утверждать не могу. Во всякомъ случаѣ онъ (Гершуни) теперь состоитъ членомъ этой боевой организаціи, на этотъ счетъ у меня имѣются доказательства, которыя я получилъ послѣ того, какъ заявилъ, что у меня имѣется 500 р. на террористическія предпріятія; тогда Михаилъ Гоць мнѣ сообщилъ, что Гершуни скоро будетъ въ Швейцаріи, что эти деньги надо ему передать, такъ какъ онъ состоитъ членомъ боевой организаціи“. Затѣмъ въ слѣдующемъ доне-

сеніи Азефъ говоритъ, что, благодаря 500 р., онъ узналъ планы б. о., что необходимо сговориться о дальнѣйшей работѣ его и что члены боевой организаціи находятся въ Петербургѣ, гдѣ думаютъ совершить покушеніе на Плеве, причемъ будутъ употреблены бомбы; одновременно же готовится покушеніе на Зубатова. Въ этомъ же письмѣ Азефъ проситъ не пользоваться его донесеніями на допросахъ, такъ какъ малѣйшая неосторожность можетъ обнаружить его сношенія съ Д-томъ Пол. Въ этомъ же донесеніи находимъ слѣдующія знаменательныя строки: „Я занялъ *актуальную* роль въ партіи социалистовъ-революціонеровъ (курс. В. Аг.), отступить теперь уже невыгодно для нашего дѣла, но дѣйствовать необходимо весьма и весьма осторожно... Мое пребываніе въ Петербургѣ для дѣла нашего имѣетъ преимущества. Я думаю, что мнѣ удалось бы, благодаря денежнымъ взносамъ, знать о планахъ боевой организаціи и дезорганизовать ее, хотя, какъ Вы знаете, это очень опасный путь“.

Въ іюлѣ 1902 г. Азефъ по вызову Д. П. ѣдетъ изъ-за границы въ Петербургъ и живетъ тамъ около года.

Въ Петербургѣ Азефъ организовываетъ Петербургскій комитетъ партіи с. - р., ставитъ транспортъ литературы черезъ Финляндію и занимается рабочими организаціями. Эти свѣдѣнія сообщаетъ въ своемъ отчетѣ „судебно-слѣдственная комиссія по дѣлу Азефа“, причемъ прибавляетъ, что Азефъ вскорѣ оставилъ рабочія организаціи, такъ какъ, по его словамъ, среди рабочихъ обнаружена широкая провокація. На этомъ фактѣ мы еще остановимся.

Изъ Петербурга 16 августа 1902 г. летитъ отъ него сообщеніе, что „Серафима Георгіевна“—или „Сима“—сообщила свѣдѣнія, полученные „изъ Уфы“, что Плеве часто посѣщаетъ жену уфимскаго губернатора, г-жу Богдановичъ, и что охраны у ея квартиры не бываетъ, поэтому она рекомендуетъ выслѣдить Плеве на этомъ мѣстѣ.

Изъ письма Ратаева къ д-ру Д-та Полиц. Зуеву (1910 г.), теперь мы знаемъ, что послѣ убійства Сицягина (2-го апр. 1902 г.) Д-тъ Полиціи вызываетъ Азефа изъ-за границы

и „настаиваетъ (курс. Ратаева) на болѣе тѣсномъ сближеніи Азефа съ террористической группой, называемой боевой организаціей“.

Слѣдовательно, Деп. Пол. ужъ не удовлетворялся больше ролью Азефа, какъ члена партіи, находящагося въ „центрѣ“ ея, и „личной дружбой Азефа съ Гершуни“, — главой и руководителемъ боев. организаціи... Что же послѣ этого на официальномъ полицейскомъ языкѣ означаетъ „болѣе тѣсное сближеніе“ съ „боевой организаціей“? Это можетъ означать только—вступленіе въ нее самого Азефа.

До ареста Гершуни во всѣхъ официальныхъ документахъ, процессахъ, розыскахъ, циркулярахъ фигурировалъ глава „б. о.“ Гершуни, всѣ документы начинались съ его имени и малѣйшее проявленіе дѣятельности „боев. организаціи“ связывалось съ его именемъ. Когда же во главѣ б. о. сталъ Азефъ, въ официальныхъ документахъ сталъ фигурировать *центр. комитетъ н. с.-р. (Бакай „Былое“ № 9—10, издан. Бурцевымъ въ Парижѣ)*.

Не указываетъ ли это на то, что Департ. Полиціи совершенно сознательно скрывалъ главу „боевой организаціи“?!

Показаніе Лопухина о выдачѣ Азефу въ 1902 г. для Гершуни черезъ Рачковскаго 500 р. противорѣчитъ заявленію Ратаева Зуеву, что Рачковскій познакомился съ Азефомъ только въ 1905 г., когда онъ — Ратаевъ — передалъ Азефа Рачковскому при своемъ уходѣ съ поста начальника Заграничной Агентуры.

Азефъ въ своемъ письмѣ къ Герасимову (начальнику петерб. охраннаго отдѣл.) въ 1909 г. усиленно поддерживаетъ эту же версію и подчеркиваетъ, что съ Рачковскимъ онъ видѣлся всего 3—4 раза, и то послѣ 1905 года.

Результатомъ „настаиванія“ Департамента Полиціи на тѣсномъ сближеніи Азефа съ „боев. орг.“ явилась поѣздка Азефа въ Кіевъ, откуда онъ указываетъ на *Гершуни, Мих. Мельникова, П. П. Крафта* и доноситъ о планѣ покушенія на Плеве двухъ артиллерійскихъ офицеровъ, въ томъ числѣ *Евг. Григ. Григорьева*. Кромѣ этихъ террористовъ Азефъ выдаетъ и другихъ—Ремянникову, Вейценфельда...

1903 годъ.

18 марта 1903 года Азефъ получаетъ 310 рубл. за исполненіе въ январѣ и февралѣ „секретнаго порученія Д-та Полиціи“.

Послѣ ареста Гершуни 13-го мая 1903 г. Азефъ становится главой „боевой организаціи“; впрочемъ, и до этого Гершуни о многомъ очень важномъ совѣщался съ Азефомъ.

18 мая 1903 г. Азефъ снова получаетъ отъ Д-та Полиціи 750 рубл., сверхъ жалованья, за исполненіе „секретнаго порученія“.

Члены ц. к. партіи с.-р. въ своихъ показаніяхъ „судебно-слѣдственной комиссіи“ утверждаютъ, что Гершуни былъ выданъ не Азефомъ, а „мелкимъ провокаторомъ“, кievскимъ студентомъ *Розенбергомъ*. „Судебно-слѣдственная комиссія“ раздѣляетъ ту же точку зрѣнія.

Весьма вѣроятно, что Азефу и неизвѣстна была послѣдняя поѣздка Гершуни, такъ какъ въ этотъ моментъ Азефа не было около Гершуни; но, если-бъ Розенбергъ даже и не указалъ, откуда, когда и куда ѣдетъ Гершуни, то Гершуни все же могъ бы быть арестованъ филерами, имѣвшими фотографическую карточку Гершуни и поставленными охранкой слѣдить за Гершуни по указаніямъ, исходившимъ отъ Азефа. Вѣдь извѣстно, что въ одной и той же группѣ данной партіи всегда бываетъ по нѣсколько провокаторовъ за разъ, нужныхъ Д-ту Пол. для провѣрки показаній одного провокатора показаніями другого. Нельзя поэтому утверждать, что выдалъ Гершуни Розенбергъ, а не Азефъ.

„5-го января 1903 г. Азефъ подъ видомъ нелегальнаго *Александра Самуиловича Раскина* пріѣзжаетъ въ первомъ классѣ курьерскаго поѣзда изъ Петербурга въ Москву, посѣщаетъ своихъ знакомыхъ, а ночь проводитъ въ самомъ дорогомъ домѣ терпимости Соецкаго. А лучшіе филеры мерзнутъ всю ночь на улицѣ, стерегутъ аристократа-провокатора“. (Неизданн. записка Менѣщикова).

Послѣ ареста офицера Григорьева Д-тъ Полиціи командируетъ Азефа за-границу, о чемъ Лопухинъ и сообщаетъ Ратаеву въ Парижъ отъ 16-го февр. 1903 года: „Виноградовъ (охранная кличка Азефа. В. Аг.) вернется черезъ недѣлю“. Но Азефъ явился къ Ратаеву только въ іюнѣ, телеграфировавъ ему въ маѣ изъ Берлина о своемъ пріѣздѣ.

Въ 1903 г., въ началѣ августа происходитъ въ Германсѣ, на границѣ Франціи и Швейцаріи, конференція с.-р. заграничныхъ организацій; Азефъ присутствуетъ на ней и даже вмѣстѣ съ Черновымъ провѣряетъ посты, чтобы шпики не могли прослѣдить участниковъ этого съѣзда. Азефъ обо всемъ, происходившемъ на съѣздѣ, конечно, доноситъ Ратаеву, завѣдывавшему въ то время въ Парижѣ Загр. Агентурой, доносить, между прочимъ, и о томъ, что въ члены заграничнаго центр. ком. партіи соц. - рев. выбраны: Черновъ съ женой, Миноры, Левиты, Гоцъ съ женой, Шишко, Гуревичъ; сообщаетъ, что ѣдутъ изъ Женевы въ Россію съ террористическими планами—Ольга Таратута, Ник. Романовъ, Мятлицкая,—ставить покушеніе на в. кн. Сергѣя.

Изъ Женевы Азефъ дѣлаетъ турнэ по Швейцаріи, сообщая изъ cadaго города не только о заграничныхъ и о живущихъ въ Россіи соц. - революціонерахъ, но и о соц. - демократахъ и о бундистахъ. Не забываетъ онъ упомянуть и о томъ, гдѣ и съ кѣмъ живетъ Брешковская, о томъ, что Левитъ уѣдетъ въ Россію организовывать вооруженныя демонстраціи и покушеніе на Государя, сообщаетъ фамиліи террористовъ-рабочихъ въ Россіи и многое другое.

Въ августѣ 1903 г. въ Женевѣ Азефъ видится впервые съ Савинковымъ; въ это же время онъ доноситъ о предстоящемъ покушеніи на Плеве. Въ началѣ сентября Азефъ уже въ Берлинѣ съ Каляевымъ, Савинковымъ и Сазоновымъ. Террористы съѣзжаются въ Петербургъ въ началѣ ноября 1903 г., къ этому же времени сюда долженъ пріѣхать и Азефъ, но онъ появляется лишь въ началѣ января 1904 г.

За время этой заграничной командировки—съ іюня по декабрь 1903 г., Азефъ получилъ отъ Д-та Пол. 4.025 франковъ „въ возмѣщеніе понесенныхъ имъ расходовъ“.

Въ концѣ 1903 г. Азефъ выдаетъ *Клитчоглу*, точнѣе—всю ея группу, организованную для покушенія на Плеве. Клитчоглу арестовываютъ въ началѣ января 1904 г., а вскорѣ затѣмъ и всѣхъ причастныхъ къ этому дѣлу лицъ: 32 человека въ Петербургѣ, 12 въ Москвѣ, 14 въ Кіевѣ, 1 въ Ростовѣ на Дону—всего 59 человекъ.

И въ данномъ случаѣ насъ не интересуетъ, что Азефъ опоздалъ со своимъ сообщеніемъ на нѣсколько дней и что поэтому оспаривать у него честь выдачи столькихъ лицъ можетъ провокаторъ инженеръ *Горенбергъ*,—числившійся „секретнымъ сотрудникомъ“ Сазонова,—начальника охраннаго отдѣленія. Азефъ, конечно, не зналъ, что Горенбергъ его „упредилъ“...

1904 годъ.

Итакъ, въ январѣ 1904 г., черезъ недѣлю послѣ Ратаева пріѣзжаетъ изъ-за границы въ Петербургъ и Азефъ; здѣсь онъ видится со съѣхавшимися сюда террористами и въ концѣ января ѣдетъ въ Москву, оттуда по Россіи „по общепартійнымъ дѣламъ“. Въ началѣ февраля Азефъ снова въ Петербургѣ, откуда уѣзжаетъ опять-таки „по общепартійнымъ дѣламъ“, но скоро возвращается въ столицу.

Ратаевъ пишетъ Зуеву: „въ началѣ февраля 1904 г. всѣ террористы съѣхались... Азефъ почти ежедневно докладываетъ мнѣ, а я д-ру Д-та Пол., что его посѣщаютъ неизвѣстные террористы, которые пріѣзжаютъ изъ-за границы съ партійнымъ паролемъ—„Дмитрій живъ и здоровъ“... *примѣты ихъ (террористовъ) онъ описываетъ весьма тщательно и подробно*“ (курсивъ мой. В. Аг.).

Террористы—Каляевъ, Мацѣевскіе, Сазоновъ, Боришанскій и Савинковъ—рѣшаютъ убить Плеве 18 марта у самаго зданія Деп. Полиціи, гдѣ жилъ тогда Плеве. Азефъ за недѣлю до покушенія 18-го марта является къ д-ру Д-та Пол. Лопухину и предупреждаетъ его, что террористы организуютъ покушеніе на него, Лопухина, у самаго зданія Д. П. по

Пантелеймонской и Фонтанкѣ, т.-е. указываетъ какъ разѣ мѣста, гдѣ должны были стоять они 18-го марта; вмѣстѣ съ тѣмъ Азефъ проситъ о прибавкѣ жалованья и совѣтуетъ арестовать Левита.

Всѣ только что приведенныя свѣдѣнія мы заимствуемъ изъ писемъ Ратаева Зуеву (1910 г.).

Послѣ свиданія съ Лопухинымъ Азефъ уѣзжаетъ въ Двинскъ, какъ говоритъ онъ террористамъ, а на самомъ дѣлѣ — къ Ратаеву въ Парижъ...

Покушеніе на Плеве 18-го марта не удалось. Савинковъ и до сихъ поръ увѣренъ, что это произошло „по случайнымъ обстоятельствамъ“. Но, при чтеніи его воспоминаній еще въ 1910-мъ году, намъ ясно было, что здѣсь играли роль не „случайныя обстоятельства“, а просто выдача Азефа. Подтвержденіемъ этого является письмо Ратаева.

Мы не знаемъ, что говорилъ Азефъ Лопухину за недѣлю до 18-го марта, предупреждалъ ли онъ, что покушеніе готовится на него, Лопухина, или на Плеве, но фактъ тотъ, что вся диспозиція террористовъ была извѣстна Д-ту Пол. Шпиговъ всегда было много около зданія Д. П., а въ особенности въ то время, когда тамъ жилъ Плеве; число шпиговъ увеличивалось еще болѣе передъ выѣздомъ или пріѣздомъ Плеве.

И до покушенія террористамъ въ видѣ разносчиковъ приходилось уходить, чтобъ не быть арестованнымъ, какъ только какому-нибудь чину казалось, что данный разносчикъ слишкомъ долго стоитъ или чинъ этотъ знаетъ, что Плеве долженъ пріѣхать или выѣхать ¹⁾).

А 18 марта, когда все кругомъ Департамента Полиціи было наполнено и конной и пѣшей полиціей и буквально кишѣло шпиками, никто изъ нихъ не обращаетъ вниманіе на Каляева, стоящаго на мосту, какъ разъ противъ Деп. Пол. съ поднятой головой, со взоромъ, устремленнымъ на Пантелеймонскую ул., откуда могъ появиться Плеве; такъ стоялъ

¹⁾ Кстати, не стоялъ ли въ связи съ появленіемъ террористовъ въ видѣ разносчиковъ циркуляръ полиціи, запрещающій разносчикамъ стоять на одномъ мѣстѣ?

Каляевъ *цѣлый часъ* и все время ждалъ, что „его арестуютъ, что не могутъ не арестовать человѣка, стоящаго такъ долго на Цѣнномъ мосту, передъ прїѣздомъ Плеве“. Но зато шпики окружаютъ Боришанскаго, гораздо менѣе бросающагося въ глаза, но *имѣющаго бомбу* (курсивъ мой. В. Аг.). Боришанскій, замѣтивъ, что шпики его окружаютъ, принужденъ былъ уйти, вслѣдствіе чего покушеніе и не удалось...

Покотиловъ, затѣмъ Савинковъ ѣдутъ въ Двинскъ совѣтоваться съ Азефомъ, но не находятъ его тамъ: „уѣхалъ по общепартійнымъ дѣламъ“, какъ мы упомянули — къ Ратаеву въ Парижъ. Здѣсь Аз. живетъ всего нѣсколько дней и подъ предлогомъ, что его „мама“ больна и что его „совѣсть загрызетъ“, если онъ не поѣдетъ, отпрашивается у Ратаева и снова уѣзжаетъ въ Россію. По дорогѣ изъ Петербурга въ Двинскъ 29 марта 1904 г. Азефъ встрѣчается въ вагонѣ съ Покотилковымъ, отговариваетъ террористовъ отъ покушенія на Плеве и на Клейгельса (покушеніе на Клейгельса такъ и не состоялось), а самъ ѣдетъ въ Кіевъ...

31 марта Покотиловъ погибъ отъ взрыва бомбы въ Сѣверной гостиницѣ въ Петербургѣ.

Изъ Кіева Азефъ направляется—въ апрѣль или въ маѣ мѣсяцѣ—въ Харьковъ, гдѣ видится съ своими товарищами-террористами и вырабатываетъ планъ покушенія на Плеве (динамитъ для этого покушенія долженъ приготовить *Швейцеръ*) и уѣзжаетъ за Дулебовымъ и Пр. Сем. Волошенко, а также „по дѣламъ организовавшагося подъ его руководствомъ центральнаго комитета“. Вскорѣ вслѣдъ за этимъ Азефъ, Савинковъ, Дора Бриллиантъ и Дулебовъ видятся въ Москвѣ, откуда Азефъ „по общепартійнымъ дѣламъ“ уѣзжаетъ на Волгу¹⁾, посѣщаетъ Самару, Уфу, Владикавказъ—и отовсюду доноситъ Ратаеву, причемъ лжетъ ему, что не знаетъ, кто погибъ въ Сѣверной гостиницѣ. Въ концѣ мая неутомимый путешественникъ уже въ Петербургѣ, но и здѣсь остается лишь до второй половины іюня и 19 іюня пишетъ Ратаеву уже изъ Одессы: „отъ нихъ (отъ одесскихъ соц.-

¹⁾ См. воспоминанія Б. Савинкова.

революціонеровъ. В. Аг.) я узналъ, что дѣло покушенія на Плеве отлагается въ виду отсутствія бомбъ, которыя погибли—новое приготовленіе, которое займетъ много времени, а къ Плеве съ револьверомъ не подойдешь“... Мы знаемъ, что, дѣйствительно, послѣ неудачныхъ попытокъ (18 марта, 25 марта, 1 апр.) террористы отложили покушеніе на Плеве. Въ этомъ же письмѣ Азефъ доноситъ о готовящемся покушеніи на Иркутскаго генераль-губернатора Кутайсова и сообщаетъ свѣдѣнія, по которымъ легко „установить эту госпожу“, направляющуюся для сего акта въ Иркутскъ, причемъ прибавляетъ: „прошу, чтобъ о ея пребываніи въ Одессѣ не стало извѣстнымъ (мѣстной охранкѣ. В. Аг.), такъ какъ она тутъ очень законспирирована, а я съ ней видѣлся“.

По свидѣтельству „судебно-слѣдственной комиссіи“ (стр. 58), партія с.-р. дѣйствительно приговорила Кутайсова къ смерти за его звѣрства по отношенію къ политическимъ ссыльнымъ въ Якутскѣ...

24 іюня Азефъ уже въ Москвѣ, откуда Ратаевъ и получаетъ донесеніе, между прочимъ, и о томъ, что „у Трандафилова имѣется складъ литературы и къ нему ходитъ Беренштамъ—удобный случай избавиться отъ этого послѣдняго“, при этомъ Азефъ указываетъ совершенно точно домъ, гдѣ живутъ террористы—дверь въ дверь по черной лѣстницѣ съ Трандафиловымъ...

Савинковъ въ своихъ воспоминаніяхъ говоритъ, что Азефъ прожилъ у нихъ на ул. Жуковскаго въ концѣ мая 10 дней. Какъ разъ въ это время они замѣтили слѣжку за квартирой Трандафилова и за Беренштамомъ. Между тѣмъ, какъ мы видимъ, Азефъ впервые упоминаетъ о Трандафиловѣ и Беренштамѣ только въ концѣ іюня; это совпадаетъ и съ показаніями Савинкова, что Азефъ уѣхалъ изъ Петербурга „во второй половинѣ іюня“ (19 іюня онъ ужъ въ Одессѣ—см. выше).

Не оберегали-ли филеры Азефа отъ случайнаго ареста, какъ они это дѣлали въ Варшавѣ, напр., въ 1904 г.? Или же все это продѣлывалось для того, чтобы, въ случаѣ ареста террористовъ, они свой провалъ приписали не провокаціи, а выслѣдившимъ ихъ „шпикамъ“.

Въ этомъ-же письмѣ Азефъ доноситъ Ратаеву, что одинъ изъ служащихъ въ охранномъ Московскомъ отдѣленіи сообщилъ *Зензинову* о слѣжкѣ за нимъ и его товарищами, объ извозчикьемъ дворѣ охраны и пр., но вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ не сообщать объ этомъ даже своимъ, такъ какъ „между вашими есть служащіе въ охранкѣ“... „Все это очень щекотливо,—осторожно замѣчаетъ Азефъ,—мнѣ Зензиновъ передалъ подъ большимъ секретомъ“, поэтому Азефъ проситъ „*деликатно* (курсивъ мой. В. А.) это использовать“; фамиліи московскаго охранника Зензиновъ Азефу не назвалъ.

На кого намекалъ этотъ охранникъ: на Азефа или на Жученко, или на обоихъ вмѣстѣ?

Въ этомъ же письмѣ (отъ 24 іюня) Азефъ сообщаетъ Ратаеву, что скоро вернется за-границу. 7-го іюля 1904 г. Азефъ пишетъ Ратаеву изъ Вильны и мотивируетъ свой пріѣздъ въ этотъ городъ отсутствіемъ денегъ, чтобы ѣхать прямо въ Парижъ.

Въ Вильну пріѣзжаютъ къ нему террористы объяснить, почему не состоялось покушеніе на Плеве, назначенное на 8-ое іюля; рѣшаютъ осуществить его 15 іюля и отправляются въ Петербургъ, а Азефъ въ Варшаву, гдѣ 15-го іюля (по свѣдѣніямъ Менъщикова) получаетъ отъ Савинкова условленную телеграмму объ убійствѣ Плеве. Немедленно послѣ этого Азефъ уѣзжаетъ¹⁾ и 16 іюля ужъ шлетъ Ратаеву телеграмму изъ Вѣны.

Бурцевъ тоже утверждаетъ въ „Быломъ“, что Азефъ въ Варшавѣ получилъ телеграмму, но не говоритъ отъ кого; но Савинковъ утверждаетъ, что Азефъ узналъ объ убійствѣ Плеве изъ газетъ...

Въ Варшавѣ въ 1904 г. живетъ г. Рачковскій—и хотя не у дѣлъ—но почти ежедневно приходитъ въ мѣстную охранку и наводитъ мимоходомъ справки о розыскѣ лицъ, которыя для него были совершенно излишними (*Бакай*, „Былое“ № 9—10, Парижъ).

¹⁾ Азефъ ѣздилъ въ Россію съ такимъ паспортомъ, выданнымъ ему Ратаевымъ, который не нужно было обмѣнивать на другой по выѣздѣ изъ Россіи.

Послѣ убійства Плеве 15 іюля 1904 г., Азефъ, какъ мы ужъ говорили, немедленно уѣзжаетъ изъ Варшавы за-границу, гдѣ живетъ около года; сначала онъ отправляется въ Парижъ—къ Ратаеву, затѣмъ въ Женеву, гдѣ принимаетъ участіе въ совѣщаніяхъ по выработкѣ устава „боевой организациі“ совместно съ Каляевымъ, Швейцеромъ и Савинковымъ.

Послѣ выпуска № 4 „Летучаго листка Революц. Россіи“, посвященнаго дѣлу Плеве, всѣ они направляются въ Парижъ, и вмѣстѣ съ Боришанскимъ, Дулебовымъ, Моисенко обучаются technikѣ динамитнаго дѣла у Швейцера, живущаго съ братомъ Азефа и съ Дорой Бриллиантъ.

Здѣсь, въ Парижѣ, боевой организаціей окончательно принимается рѣшеніе убить в. кн. Сергѣя въ Москвѣ, Трепова въ Петербургѣ и Клейгельса въ Кіевѣ, куда, по настоянію Азефа, посылается Боришанскій, который въ помощь себѣ кооптируетъ супруговъ Казакъ.

Въ ноябрѣ террористы ѣдутъ въ Россію. Азефъ остается за-границей и продолжаетъ получать свое пятисотрублевое жалованье и сверхъ того разныя прибавки (на „путевыя издержки“ съ 1-го окт. по конецъ 1904 г. онъ получилъ 750 рублей).

Лопухинъ признается, что въ концѣ 1904 года ему стало ясно, что Азефъ—членъ центрального комитета партіи с.-р. Но вѣдь въ это время Департ. Пол., по даннымъ Бакая, всѣ террористическіе акты послѣ Гершуни приписывалъ центральному комитету. Слѣдовательно, Лопухину должно было быть „ясно“, что и Азефъ несетъ за нихъ отвѣтственность...

Какъ извѣстно, удастся только „дѣло в. кн. Сергѣя“, котораго 4 февр. 1905 г. убиваетъ Каляевъ...

Азефъ разѣзжаетъ въ это время, главнымъ образомъ, по Швейцаріи и отовсюду отъ него летятъ доносы Ратаеву—и о томъ, что „отъ Чернова и Савинкова онъ узналъ о готовящемся покушеніи на царя (23 сент.)“¹⁾, и о томъ, что

¹⁾ Савинковъ въ своихъ воспоминаніяхъ рассказываетъ со словъ Швейцера, что въ декабрѣ мѣсяцѣ 1904 г. *Леонтьева* (извѣстная максималистка) должна была убить царя... но балъ былъ отмененъ.

Бабушка ѣдетъ въ Америку, а затѣмъ въ Россію, и о многомъ другомъ, весьма интересномъ и важномъ для сына. 13 сент. 1904 г. Азефъ посылаетъ Ратаеву въ Парижъ телеграмму и письмо, что въ Россію ѣдетъ Степ. Слетовъ, причемъ точно указываетъ, съ какимъ паспортомъ, когда тотъ пріѣдетъ въ Петербургъ, когда и съ кѣмъ будетъ здѣсь видѣться, въ какой день и въ какомъ ресторанѣ Вас. Остр. онъ встрѣтится съ матросомъ латышемъ, который пріѣдетъ на англійскомъ пароходѣ и привезетъ литературу соц.-рев. и передастъ Слетову.

Слетовъ былъ арестованъ на границѣ, затѣмъ и латышъ матросъ около ресторана, указаннаго Азефомъ.

Меньшиковъ утверждаетъ, что Слетова арестовали на границѣ совершенно „противъ правилъ“ тонкой охранной „политики“; но д-ръ Д-та Лопухинъ былъ въ отъѣздѣ, а тов. министра внутр. дѣлъ Дурново, якобы, плохо разбирался въ этихъ тонкостяхъ и по-просту велѣлъ арестовать Слетова при самомъ въѣздѣ его въ Россію, не заботясь, что можетъ провалить, благодаря этому, провокатора...

Между тѣмъ, отъѣздъ Слетова, всѣ подробности его и его работы въ Россіи были извѣстны даже не всѣмъ живущимъ въ Женевѣ членамъ центр. комитета, а только нѣкоторымъ изъ нихъ, конечно, Азефу въ томъ числѣ. Поэтому арестъ Слетова на границѣ, а затѣмъ и другихъ лицъ, связанныхъ съ нимъ, могъ произойти только по доносу одного изъ знавшихъ объ этомъ, по доносу, слѣдовательно, провокатора.

Арестъ Слетова неизбежно долженъ былъ бы вызвать подозрѣнія и разслѣдованіе, и оно, конечно, привело бы къ раскрытію Азефа.

Въ одномъ изъ писемъ отъ сент. 1904 г. Азефъ доноситъ Ратаеву о созывѣ конференціи революціонныхъ и оппозиціонныхъ партій въ Парижѣ на 30 сент., причемъ сообщаетъ, что отъ парт. с.-р. будетъ Черновъ. Эта конференція, какъ извѣстно, состоялась и партію с.-р., кромѣ Чернова, представлялъ и самъ Азефъ подъ фамиліей Диканскаго; отъ финновъ былъ делегированъ Цилліакусъ, присутствовали также

Милюковъ и Богучарскій. Конечно, обо всемъ, что дѣлалось на конференціи, было подробно донесено Азефомъ Ратаеву.

18-го дек. 1904 г. Азефъ сообщаетъ Ратаеву о присланномъ бундистами въ редакцію „Революціонной Россіи“ документъ объ „аграрникахъ“, подъ которыми подразумѣвались соціалисты-революціонеры, хотѣвшіе вмѣстѣ съ кн. Хилковымъ проповѣдывать въ Россіи аграрный терроръ. Въ документѣ этомъ приведены всѣ дѣйствительныя фамиліи, время отъѣзда и даже фамиліи тѣхъ паспортовъ, по которымъ поѣхали уже или должны были поѣхать аграрники.

Въ 1906 г. одинъ изъ видныхъ максималистовъ (Германъ) рассказывалъ, что когда аграрники и максималисты узнали объ этомъ фактѣ, то большинство изъ нихъ начали подозревать въ выдачѣ этихъ свѣдѣній Департаменту Полиц. Азефа.

1905 годъ.

28 янв. 1905 г. Азефъ доноситъ Ратаеву объ организовавшемся въ Петербургѣ кружкѣ интеллигенціи—адвокатовъ и литераторовъ, поставившемъ себѣ цѣлью терроръ—покушенія на царя и нѣкоторыхъ другихъ высокопоставленныхъ лицъ. Осторожный провокаторъ проситъ только съ этими свѣдѣніями „обращаться очень осторожно и не превращать ихъ въ циркуляръ“. Въ этомъ же письмѣ Азефъ освѣдомляетъ свое начальство, что дѣло 6-го янв. 1905 г.—не дѣло социалистовъ-революціонеровъ.

Какъ извѣстно, 6-го янв. 1905 г., въ день Крещенья, во время молебствія на Невѣ у Зимняго Дворца, гдѣ присутствовалъ Николай II-ой и во время котораго обычно дѣлался салютъ холостыми зарядами съ Петропавловской крѣпости, на этотъ разъ были выпущены 1 или 2 боевыхъ снарядовъ по направленію, гдѣ стоялъ царь, но попали снаряды не въ него, а въ Зимній Дворецъ.

Въ этомъ же письмѣ Азефъ сообщаетъ 2 интересныя вещи: 1) что „хилковскій циркуляръ (т.-е. циркуляръ, кото-

рый, по свѣдѣніямъ, даннымъ Азефомъ, велить арестовать аграрниковъ. В. А.) все занимаетъ и занимаетъ вниманіе здѣшней организаціи, *все убѣждены, что имѣется провокаторъ* (курс. В. А.). Пріѣхалъ изъ Россіи Каинъ¹⁾ для изслѣдованія этого дѣла“, 2) что Мендель Витенбергъ, пріѣхавшій изъ Россіи, передавалъ, что на допросахъ ему говорили, „что онъ пріѣхалъ въ Россію изъ-за границы для оборудованія всякихъ мастерскихъ для Левита (арестованнаго около 18 марта 1904 г. въ Орлѣ по указанію Азефа. В. А.),—словомъ, что могъ знать только онъ—Витенбергъ, Левинъ, Левитъ и я“ (курс. В. А.).

Слѣдующее письмо-доносъ Азефа заключаетъ въ себѣ рядъ лицъ, имѣющихъ дѣло или съ взрывчатыми веществами, или съ оружіемъ, или вообще съ „боевыми дѣлами“.

Отъ 3 марта 1905 г. новый доносъ—что у соц.-демократовъ создается боевая организація, во главѣ которой супруги Бройдо, близкіе пріятели Савинкова, что Цилліакусъ (съ которымъ Азефъ видѣлся въ Лондонѣ и получилъ отъ Д. П. 600 р. въ возмѣщеніе расходовъ по поѣздкѣ) говоритъ, что „у нихъ въ Финляндіи 2 завода бомбъ“ и что „Цилліакусъ имѣетъ сношенія съ японскимъ посольствомъ и доставилъ большія суммы финляндцамъ и полякамъ. Вообще возстаніе у всѣхъ на языкѣ, и я увѣренъ, что въ ближайшемъ будущемъ состоится союзъ между всѣми революціонными организаціями для приготовленія возстанія, т.-е. вооруженія массъ оружіемъ и бомбами... Уже закуплено 6.000 маузеровскихъ пистолетовъ и черезъ мѣсяцъ будетъ куплена яхта и отправятся“... „Цилліакусъ бываетъ часто въ Гамбургѣ“.

Вотъ откуда, слѣдовательно, въ 1906 г. пошли слухи изъ черносотенныхъ круговъ, затѣмъ погромныя объявленія о томъ, что „русская революція дѣлается на японскія деньги“.

Въ 1906 г. въ Петербургѣ была даже издана анонимная брошюра (напечатана въ типографіи А. Суворина) подъ за-

¹⁾ Соколовъ—извѣстный максималистъ, имѣвшій тогда нѣмецкій паспортъ на имя Каина.

главiемъ — „*Изнанка Революціи. — Вооруженное возстаніе въ Россіи на японскія средства*“.

Въ брошюрѣ этой приводятся письма, которыми, якобы, обмѣнивались—Цилліакусъ и бывший японскій военный агентъ въ Россіи, а затѣмъ начальникъ военнаго шпіонажа Акаши— по поводу закупки оружія; воспроизведены даже фотографіи счетовъ, написанныхъ-де Цилліакусомъ, сколько передано имъ соціалистамъ-революціонерамъ, истрачено на закупку оружія для этой партіи, сколько для грузинъ, для польской партіи, для финновъ, сколько стоитъ яхта и т. п. Яхта для перевозки, купленная въ Гамбургѣ и названная „Джонъ Крафтонъ“, везла въ Финляндію 25.000 ружей и 3.500.000 патроновъ. Всего на сумму 260.000 рубл.

Такъ рассказано въ брошюрѣ, напечатанной въ типографіи А. Суворина въ 1906 г.

Революціоннымъ кругамъ Петербурга, съ своей стороны, было также извѣстно еще въ августъ—сентябрѣ 1905 г., что судно, везшее оружіе для революціонеровъ, наткнулось на мель и пошло вмѣстѣ съ грузомъ ко дну; пассажиры спаслись на лодкахъ, и мы лично знаемъ нѣкоторыхъ изъ спасшихся. Судно это называлось „Джонъ Крафтонъ“.

Въ упомянутой выше брошюрѣ и указывается, что водолазъ 25 авг. нашелъ недалеко отъ г. Кеми 93 ящика съ ружьями, патронами и штыками, а 26 авг. въ 22 кил. отъ Якобштадта въ шхерахъ Ларсмо сѣлъ пароходъ „Джонъ Крафтонъ“, гдѣ также находилось большое количество револьверовъ, ружей и патроновъ; а 28 авг. на остр. Кальмаръ найдены 700 винтовокъ, револьверы, взрывчатые вещества и революціонныя брошюры на русскомъ языкѣ...

Сопоставляя всѣ эти данныя, идущія изъ совершенно различныхъ источниковъ, неизбѣжно приходишь къ заключенію, что и въ этомъ дѣлѣ видна предательская рука Азефа и что не случайно „Джонъ Крафтонъ“ сѣлъ на мель, и не случайно нашелъ водолазъ затонувшую яхту и оружіе...

3 марта 1905 г. Азефъ сообщаетъ Ратаеву, что къ с.-р-у Рубановичу въ Парижѣ пришелъ нѣкто *Шapiro*, который поступилъ въ охранку, утраченный запугиваніями жандар-

мовъ, хотя былъ арестованъ „по ерундовому дѣлу“; Шапиро далъ много свѣдѣній социалистамъ-революціонерамъ, въ томъ числѣ, что въ Женевѣ имѣется у с.-р. 2 провокатора (въ Женевѣ постоянно жилъ Ц. К. и часто Азефъ. В. А.); что Бабушка послѣ Америки должна поѣхать въ Россію (это, какъ нами было уже указано, выдалъ Азефъ. В. А.) и что для ея ареста назначенъ лучшій ратаевскій агентъ—Бинтъ, что полиціей уже все подготовлено для ареста с.-р. Рихтера (выдалъ Азефъ. В. А.), что для этого Ратаевъ поѣхалъ въ Берлинъ... „Прошу ничего не предпринимать по отношенію къ Шапиро до разговора личнаго со мной. Это дѣло очень серьезно. Одинъ неосторожный шагъ и—провалъ мой“, пишетъ Азефъ (курс. В. А.).

Здѣсь же онъ говоритъ, что, если Ратаеву не удастся „поддѣлать“ письмо, данное ему—Азефу—Рубановичемъ для передачи центральному комитету, то онъ его вскрыетъ, „а потомъ отдѣлаюсь, что по ошибкѣ открылъ“; письмо, по словамъ Азефа, было очень важное.

Въ слѣдующемъ письмѣ отъ 3 апр. 1905 г. неутомимый провокаторъ сообщаетъ своему патрону, что Бабушка пока не ѣдетъ въ Россію, вѣроятно благодаря сообщенію Шапиро, что вмѣсто нея ѣдетъ Качурихинъ—организовать боевыя дружины въ крестьянствѣ; сообщается точно, какимъ путемъ, когда и съ какимъ паспортомъ онъ ѣдетъ и „какъ признакъ: у него забинтованная рука лѣвая“; въ концѣ А. не упускаетъ случая поддѣлаться съ Ратаевымъ сенсационной вѣсточкой: „Натансонъ прибѣгалъ къ Азефу и говорилъ, что провалилась вся боевая организація с.-р. Я читалъ фамилію Савинкова и Барыкова. Если да, то это очень важный шагъ“.

Письмо отъ 17 апр. 1905 г.—о конференціи револ. организацій въ Парижѣ, созванной Гапономъ, о томъ, что Бабушка съ княз. Хилковымъ и Гапономъ образовали боевой комитетъ... „Всѣ здѣсь занимаются закупкой оружія... есть у меня нѣсколько интересныхъ писемъ, касающихся этихъ дѣлъ. Если возможно будетъ, привезу Вамъ ихъ въ Парижъ“.

Письмо отъ 31 мая 1905 г. ... „Сюда (въ Цюрихъ. В. Аг.) заѣхалъ, чтобы узнать отъ Мейснера, гдѣ Ломовъ“.

Въ предыдущихъ письмахъ Азефъ много разъ упоминаетъ о Ломовѣ, какъ о серьезномъ боевикѣ, теперь же сообщаетъ, что—послѣ ареста въ Петербургѣ „боевой организаци“ 17-го марта 1905 г.—она, очевидно, перестала существовать, „хотя особыя надежды возлагаются на Ломова“.

Въ письмѣ изъ Вѣны отъ 5-го іюня 1905 г. Азефъ сообщаетъ Ратаеву адресъ Ломова въ Самарѣ и что у него гдѣ-то въ Россіи военный складъ и что, какъ у бывшаго артиллерійскаго офицера, у него связи въ военной средѣ и большіе планы, связанные съ военной организаціей; сообщается также, что въ Пензѣ с.-р. стремятся къ возстанію и захвату города, и даются свѣдѣнія о вѣнскихъ с.-р., а также и адреса с.-р. въ различныхъ городахъ Россіи.

Послѣднее письмо Азефа къ Ратаеву—въ іюнѣ мѣсяцѣ 1905 г. изъ Софіи. Еще весной 1905 г. Азефъ донесъ, что с.-р. послали въ Болгарію своихъ техниковъ для изученія новыхъ способовъ изготовленія бомбъ у македонскихъ революціонеровъ. Поѣздка въ Болгарію была, какъ и всѣ поѣздки Азефа, вмѣстѣ съ тѣмъ и партійной. Доноситъ онъ, какъ „Ташкенту“ удалось организовать транспортъ литературы, оружія и взрывчатыхъ веществъ изъ Болгаріи въ Россію, черезъ какіе города, какими пароходами идетъ транспортъ и кто завѣдуетъ этимъ въ городахъ и на пароходахъ; затѣмъ сообщается, что македонцы снабжаютъ бомбами и матеріаломъ для нихъ дрошакистовъ (армянская рев. партія. В. А.) и что теперь начнутъ отправлять все это для социал.-революціонеровъ; взрывчатые вещества, всѣ матеріалы для изготовленія бомбъ, часовые механизмы „для взрывовъ желѣзныхъ дорогъ, мостовъ и т. п.“, пишетъ Азефъ, „они могутъ отправлять въ любомъ количествѣ“ и при этомъ прибавляетъ: „Такъ какъ намъ извѣстно, кто это будетъ все транспортировать, то это не опасно для насъ“. И дальше: „узналъ настоящую фамилію Ломова—Троицкій, онъ поступилъ теперь на военную службу въ Самарѣ, въ качествѣ вольноопредѣляющагося. По этимъ даннымъ, Ташкентъ и Ло-

мовъ въ Вашихъ рукахъ. Но можетъ мнѣ или вѣрнѣе Л. Г. (жена Азефа. В. А.) удастся узнать еще болѣе подробно, т.-е. по какому паспорту онъ будетъ жить въ Россіи и въ какихъ городахъ“. Далѣе—Азефъ сообщаетъ, что онъ на 6 недѣль отправляется въ Россію, заѣдетъ при этомъ въ Вѣну, Краковъ, Одессу, Батумъ, Рени, Петербургъ, на Кавказъ, чтобы узнать, какъ получаютъ и гдѣ хранятъ матеріалы, посылаемые македонцами, п. - п. - с. (польская соц. парт.), дрошакисты на Кавказѣ и соц.-революціонеры въ Россіи...

Этимъ кончаются опубликованныя въ „Быломъ“ письма Азефа; мы привели изъ нихъ очень мало, но и изъ приведеннаго можно видѣть, какую массу Азефъ выдалъ революціонеровъ, дѣлъ и предпріятій до половины 1905 г. При этомъ не надо забывать, что, выдавая одного революціонера, Азефъ этимъ самымъ выдавалъ цѣлую группу лицъ, связанныхъ съ этимъ революціонеромъ, такъ какъ за послѣднимъ немедленно устанавливалась слѣжка, а переписка его начинала подвергаться перлюстраціи. А въ выдачѣ, напр., Ломова-Троицкаго выдавалась не только группа, непосредственно работавшая съ нимъ, но и цѣлая организація — „военная“, имѣвшая свои группы во многихъ мѣстахъ.

Затѣмъ нужно отмѣтить, что по однимъ письмамъ къ Ратаеву, хотя и довольно частымъ, конечно, невозможно судить о размѣрахъ выдачъ, сдѣланныхъ Азефомъ; въ его доносахъ Ратаеву не приводится, напр., содержанія писемъ, получавшихся центральнымъ комитетомъ партіи и редакціей „Револ. Росс.“. Эти письма Азефъ не переписываетъ, а по-просту даетъ ихъ на прочтеніе Ратаеву; кромѣ того, изъ писемъ Азефа Ратаеву, конечно, не узнаемъ ничего о томъ, что Азефъ передавалъ Ратаеву въ личныхъ бесѣдахъ; а вѣдь Ратаевъ часто пріѣзжалъ къ Азефу въ Женеву и еще чаще Азефъ ѣздилъ въ Парижъ и тогда отъ него чуть ли не ежедневно летѣли пневматички Ратаеву съ назначеніемъ свиданій; наконецъ, они оба часто одновременно бывали въ Россіи, гдѣ Азефъ выгружалъ свои свѣдѣнія или самому Ратаеву, или другому начальству.

Само собой разумѣется, что при личныхъ свиданіяхъ сообщалось и несравненно больше свѣдѣній, чѣмъ въ письмахъ, и несравненно болѣе важныхъ.

Но все же и изъ имѣющихся уже въ нашемъ распоряженіи писемъ Азефа видно, что онъ выдавалъ не только своихъ „товарищей“ — с.-р.-овъ, но и революціонеровъ всѣхъ другихъ партій; онъ могъ дѣлать это безъ всякаго труда, такъ какъ центральный комитетъ с.-р. часто по самымъ важнымъ дѣламъ направлялъ представителей этихъ партій къ Азефу. Но и въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ не велъ переговоровъ лично, ему, какъ члену центральнаго комитета, и, даже больше, ему, какъ Азефу, сообщалось, конечно, все, что только было извѣстно о дѣлахъ другихъ партій: отъ Азефа секретовъ не было...

Итакъ, въ іюнѣ 1905 года Азефъ ѣдетъ въ Россію съ цѣлями, изложенными имъ самимъ въ письмѣ къ Ратаеву (см. выше); конечно, эта полицейская командировка совпадаетъ, какъ всегда, съ революціонной миссіей, только цѣли ихъ прямо противоположны...

За свою поѣздку по Балканскому полуострову Азефъ получаетъ 9-го авг. 1905 г. отъ Д-та Полиціи 300 рубл. и за поѣздку по Россіи 1.000 рубл., конечно, кромѣ жалованья, возросшаго до 600 руб. въ мѣсяцъ. Въ Россіи провокаторъ видится, конечно, не только съ лицами, причастными къ транспорту оружія и динамита изъ Болгаріи...

Въ іюня 1905 г. Азефъ выдаетъ Коноплянникову съ ея динамитной мастерской, выдаетъ затѣмъ и мѣстопробываніе Брешковской въ Саратовѣ.

Бабушка не была арестована только потому, что одинъ изъ саратовскихъ охранниковъ предупредилъ мѣстныхъ с.-р.-овъ о предстоящемъ арестѣ ея.

Азефъ въ началѣ августа 1905 г. даетъ полиціи указанія объ областномъ съѣздѣ с.-р.-овъ въ Нижнемъ-Новгородѣ и объ организованномъ с.-р.-ами покушеніи на нижегородскаго губернатора Унтербергера...

26-го августа того же года членъ Петербургскаго комитета п. с.-р. *Ростковскій* получилъ письмо, принесенное ему

на службу какой-то незнакомой дамой, быстро затѣмъ ушедшей. Письмо это было написано и послано Л. П. Меньшиковымъ, старшимъ помощникомъ дѣлопроизводителя Д-та Полиціи. Доселѣ знаменитое письмо Меньшикова нигдѣ не появлялось въ томъ видѣ, въ какомъ оно было дѣйствительно написано авторомъ его. Копія, помѣщенная въ „Закл. суд.-сл. ком. по дѣлу Аз.“—не полна и не точна.

Беремъ этотъ документъ изъ неизданной записки Меньшикова:

„Товарищи! Партіи грозитъ погромъ. Ее предають два серьезныхъ шпіона. Одинъ изъ нихъ бывшій ссыльный, нѣкій Т., весной лишь вернулся, кажется, изъ Иркутска, втерся въ полное довѣріе къ Тютчеву, провалилъ дѣло Иванцкой, Старынкевича, Леоновича, Сухомлина, многихъ другихъ, бѣглую каторжанку Акимову, за которой потомъ слѣдили въ Одессѣ, на Кавказѣ, въ Нижнемъ, въ Москвѣ, Питерѣ (скоро навѣрное возьмутъ). Другой шпіонъ недавно прибылъ изъ-за границы, какой-то инженеръ Азіевъ, еврей, называется и Валуйскій; этотъ шпіонъ выдалъ съѣздъ, происходившій въ Нижнемъ, покушеніе на тамошняго губернатора, Коноплянникову въ Москвѣ (мастерская), Веденяпина (привезъ динамитъ), Ломова въ Самарѣ (военный), нелегальнаго Чередина въ Кіевѣ, Бабушку (укрывается въ Саратовѣ у Ракитниковыхъ)... Много жертвъ намѣчено предателями. Вы ихъ должны знать. Поэтому обращаемся къ вамъ. Какъ честный человѣкъ и революціонеръ, исполните (но *пунктуально*: надо помнить, что не всѣ шпіоны извѣстны и что многого мы еще не знаемъ) слѣдующее: письмо это немедленно уничтожьте, не дѣлайте съ него копій и выписокъ. О полученіи его никому не говорите, а усвойте основательно содержаніе его и посвятите въ эту тайну, придумавъ объясненіе того, какъ вы ее узнали, только: или Брешковскую, или Потапова (докторъ въ Москвѣ), или Майнова (тамъ же), или Прибылева, если онъ не уѣдетъ изъ Питера, гдѣ около него трутся тоже какіе-то шпіоны. Переговорите съ кѣмъ-нибудь изъ нихъ лично (письменныхъ сношеній по этому дѣлу не должно быть совсѣмъ). Пусть тотъ дѣйствуетъ ужъ

отъ себя, не называя васъ и не говоря того, что свѣдѣнія получены изъ Питера. Но, не разглашая секрета, поспѣшите распорядиться,—всѣ, о комъ знаютъ предатели, пусть будутъ насторожѣ, а также и тѣ, кто съ ними близокъ по дѣлу. Нелегалы должны постараться избавиться отъ слѣжки и не показываться въ мѣста, гдѣ они раньше бывали. Технику слѣдуетъ перемѣнить сейчасъ же, поручивъ ее новымъ людямъ. Если не можете сдѣлать все такъ, какъ мы совѣтуемъ—ничего не предпринимайте, если же исполните все въ точности, то увѣдомьте помѣщеніемъ въ почтовомъ ящикѣ ближайшаго номера „Революціонной Россіи“ замѣтки: „Доброжелателямъ. Исполнено“. Въ этомъ случаѣ послѣдуютъ дальнѣйшія разоблаченія“.

Придя со службы домой, Ростковскій передалъ это письмо—нелегалу „Ивану Николаевичу“, который у него былъ въ гостяхъ, т.-е. сдѣлалъ какъ разъ то, чего просилъ не сдѣлать Менъщиковъ изъ конспиративныхъ соображеній. „Иванъ Николаевичъ“, прочтя письмо, заявилъ: „Т. это Татаровъ, а Азіевъ, это я—Азефъ“ (См. „С.-р.“ — „Мои отношенія къ Азефу“, „Былое“ № 9—10, Парижъ) и рѣшилъ немедленно ѣхать въ Москву. По словамъ Менъщикова, въ тотъ же вечеръ Азефъ былъ съ копіей этого письма у Рачковскаго, завѣдывавшаго тогда политическимъ отдѣломъ Д-та Полиціи.

Здѣсь интересно отмѣтить слѣдующее. На слѣдующій день Менъщикова позвалъ къ себѣ Пятницкій, завѣдывавшій тогда временно Особымъ Отдѣломъ Д-та Полиціи и сообщилъ ему о письмѣ къ Ростковскому. На вопросъ же Менъщикова: „Кто же это Азефъ?“ — Пятницкій отвѣтилъ: „Да развѣ Вы не знаете?—это же Филипповскій, который *проходитъ по теперешнему наблюденію за террористами*, онъ теперь въ самомъ центрѣ партіи“ (Курсивъ мой. В. А.). Слова Пятницкаго еще разъ подтверждаютъ, что Департаменту Полиціи было очень хорошо извѣстно не только то, что Азефъ—членъ центр. комитета партіи с.-р., но и активный членъ боевой организаціи, и поэтому шпики ведутъ за нимъ наблюденіе, какъ за террористомъ.

Побывавъ въ Москвѣ, Азефъ самъ привезъ это письмо въ Женеву центр. комитету.

Благодаря этому письму Татаровъ послѣ непродолжительнаго разслѣдованія былъ признанъ провокаторомъ и убитъ. На его убійствѣ настаивалъ, главнымъ образомъ, Азефъ. Для него Татаровъ былъ опасенъ, какъ конкурентъ по шпіонской службѣ, гдѣ онъ могъ стать для Д-та Полиціи не менѣе полезнымъ, чѣмъ самъ Азефъ, такъ какъ, за короткое время пребыванія своего въ партіи, Татаровъ успѣлъ уже настолько выдвинуться, что былъ кандидатомъ въ ц. к., а съ другой стороны—успѣлъ уже провалить террористовъ, ставившихъ покушеніе на Трепова. Кромѣ того, Азефъ боялся, что Татаровъ, еще до письма Менъщикова узнавшій, что Азефъ провокаторъ, выдастъ его революціонерамъ. Татаровъ былъ убитъ, но Азефъ сохранилъ свой постъ и значеніе и въ партіи с.-р., и въ Департаментѣ Полиціи: письмо Менъщикова не поколебало довѣрія центрального комитета къ Азефу...

Послѣ манифеста 17 октября настали „дни свободы“, начавшіеся погромами евреевъ и интеллигенціи.

Члены центрального комитета партіи, жившіе до тѣхъ поръ въ Женевѣ, пріѣзжаютъ въ Россію и выпускаютъ отъ п. с.-р. свой манифестъ о прекращеніи террора, написанный, по свидѣтельству многихъ, подъ вліяніемъ Азефа.

Живутъ они почти открыто, выступаютъ на собраніяхъ, работаютъ въ редакціяхъ с.-р-овскихъ газетъ. Азефъ, конечно, тоже живетъ въ Россіи...

„Послѣ роспуска военной организаціи, *по настоянію Азефа*, былъ учрежденъ особый боевой комитетъ. Задача этого боевого комитета состояла въ технической *подготовкѣ вооруженнаго возстанія*“, членами этого комитета были—Азефъ и Савинковъ (Савинковъ, „Воспомин.“—„Былое“ № 1 1918 г. Курс. В. А.).

Въ декабрѣ—московское возстаніе. Изъ Петербурга посылается усмирять его Семеновскій полкъ. Многимъ с.-р-амъ приходитъ въ голову мысль взорвать желѣзнодорожные мосты, по которымъ будетъ проѣзжать поѣздъ съ солдатами, но

найти с.-р. лабораторію и боевиковъ, могущихъ дать все нужное для взрывовъ, не могли...

Во время московскаго возстанія боевымъ комитетомъ рѣшено было взорвать желѣзнодорожный мостъ Никол. жел. дороги, чтобы отрѣзать Москву отъ Петербурга и заставить такимъ образомъ забастовать Ник. ж. дор., за которой, надѣялись боевики, послѣдуетъ и забастовка рабочихъ Петербурга. „Мы передали его представителю (представителю желѣзнодорожнаго союза. В. А.) Соболеву бомбы и динамитъ, но покушеніе не состоялось: *его участники едва не были арестованы на мѣстѣ*“ (Савинковъ, „Былое“ 1918 г. № 1. Курс. мсй. В. А.).

„Все другіе планы, какъ, напримѣръ, взрывъ охраннаго отдѣленія, взрывъ электрическихъ, телефонныхъ и освѣтительныхъ проводовъ, арестъ гр. Витте и проч., *тоже не могли быть приведены въ исполненіе* боевымъ комитетомъ отчасти потому, что въ нѣкоторыхъ пунктахъ намѣченныя мѣста охранялись такъ строго, какъ *будто полиція была заранее предупреждена о покушеніи*. („Воспом.“ Савинкова—„Былое“ 1918 г. № 1. Курс. мой. В. А.).

Для подготовки возстанія въ Петербургѣ были устроены также „2 динамитныя мастерскія“ (Сав. *ibidem*). Обѣ мастерскія, не приступившія еще къ работѣ, были арестованы въ одну и ту же ночь. Штолтерфортъ, Другановъ, арестованные въ одной изъ нихъ, были сосланы на 15 лѣтъ въ каторжныя работы. Дора Влад. Бриллиантъ и Николайненъ были арестованы въ другой мастерской. Николайненъ сосланъ въ Сибирь, а Д. Бриллиантъ, „послѣ долгаго заключенія въ Петропавловской крѣпости, психически заболѣла и умерла въ окт. 1907 г.“ (Савинковъ *ibidem*).

1906 годъ.

На 1-мъ съѣздѣ партіи социалистовъ-революціонеровъ на Иматрѣ, въ концѣ декабря 1905 и началѣ января 1906 г., были избраны въ ц. к.: Черновъ, Натансонъ, Ракитниковъ

Аргуновъ и Азефъ. Этотъ же ц. к. тутъ же, на одномъ изъ своихъ засѣданій, рѣшаетъ приступить къ организаціи центральнаго террора, т.-е. къ убійству царя (Изъ воспоминаній Савинкова, *ibidem*), и тѣмъ самымъ, слѣдовательно, партія отказалась отъ своего манифеста, временно отмѣнявшаго терроръ.

Послѣ съѣзда старые члены „б. о.“ пріѣзжаютъ въ Гельсингфорсъ. Азефъ также тамъ.

Центр. комит. п. с.-р. „рѣшаетъ, что боевая организація предприметъ одновременно два крупныхъ покушенія: на министра внутр. дѣлъ Дурново и на московскаго генералъ-губернатора Дубасова, только что „усмирившаго“ Москву“ (Воспоминанія Савинкова).

Въ своихъ воспоминаніяхъ Савинковъ рассказываетъ слѣдующее: 2-го, 3-го, 24-го, 25-го и 26-го марта покушеніе на Дубасова не состоялось, такъ какъ участники его напрасно прождали возвращенія его изъ Петербурга—съ Николаевскаго вокзала—къ себѣ—въ генералъ-губернаторскій домъ. Тогда покушеніе отложено до страстной субботы. Азефъ зналъ, что покушеніе назначено на этотъ день. Въ среду на страстной недѣлѣ всѣми была замѣчена слѣжка. Въ пятницу же вечеромъ часть террористовъ всю ночь спасалась отъ преслѣдованія шпиковъ, а въ субботу, въ день покушенія, едва спаслись остальные.

Ясно, слѣдовательно, что покушеніе не состоялось, такъ какъ этому помѣшали освѣдомленные о покушеніи „шпики“.

23 апрѣля 1906 г. было совершено покушеніе на адм. Дубасова въ Москвѣ. Были убиты адъютантъ Дубасова, гр. Коновницынъ, и соц.-рев. Бор. Вноровскій, бросившій бомбу,—Дубасовъ же только легко раненъ.

Руководителемъ по организаціи этого покушенія былъ Азефъ.

Какъ намъ передавали, Вноровскій былъ поставленъ Азефомъ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ Дубасовъ не долженъ былъ проѣзжать; Вноровскій, увидѣвъ, что Дубасовъ ѣдетъ не мимо его, побѣжалъ къ коляскѣ, споткнулся и упалъ на колѣно, почему и не могъ бросить бомбы, какъ слѣдуетъ.

Савинковъ въ своихъ воспоминаніяхъ тоже утверждаетъ, что по пути проѣзда Дубасова стояли участники покушенія безъ бомбъ, а Вноровскій и Шиллеровъ съ бомбами были поставлены тамъ, гдѣ Дубасовъ не долженъ былъ проѣзжать.

Намъ кажется совершенно невѣроятнымъ объяснять случайностью то, что Дубасовъ въ дни назначенныхъ на него покушеній не пріѣзжалъ изъ Петербурга; не можемъ мы объяснить случайностью и упорное преслѣдованіе шпиками террористовъ наканунѣ и въ день несостоявшагося изъ-за этого покушенія—въ страстную субботу 1906 г.

И не случайность, что 23 апрѣля 1916 г. бомбисты стояли тамъ, гдѣ Дубасовъ не долженъ былъ проѣхать.

Объясненіе всему этому простое—Азефъ зналъ и организовалъ это „покушеніе“.

Если же оно произошло, хотя и не совсѣмъ удачно, то въ этой „случайности“ виновать уже не Азефъ, а быстрый и рѣшительный Вноровскій...

Весной 1906 года въ мартѣ пишетъ Ратаевъ Зуеву („Былое“ № 2, 1917 г.) съ Азефомъ приключилось таинственное происшествіе: начальникъ охраннаго отдѣленія въ Петербургѣ Герасимовъ арестовываетъ его съ подложнымъ паспортомъ на имя Черкасова во время слѣжки за Дурново. 3 дня Герасимовъ держитъ въ охранномъ отдѣленіи Азефа и затѣмъ выпускаетъ. „Замѣть,—говоритъ Ратаевъ,—онъ не самъ заявился, а назвалъ себя, лишь просидѣвъ трое сутокъ“... Но по Менъщикову оказывается, что Азефу и не нужно было называть себя, такъ какъ Герасимовъ отлично зналъ, кого онъ беретъ, и филеръ Тутушкинъ зналъ, что ему приказано взять „подметку“ Раскина ¹⁾ (охранная кличка Азефа). На шпиковскомъ языкѣ „подметка“ означаетъ—провокакторъ.

„Все это очень загадочно“,—говоритъ Ратаевъ.

Сдѣлалъ-ли это Герасимовъ „въ пику“ Департаменту Пол., какъ думаютъ нѣкоторые, или по другимъ причинамъ—не-

¹⁾ Изъ неизд. зап. Менъщикова.

известно. Насъ этотъ фактъ интересуесть по другимъ соображеніямъ, на которыхъ мы остановимся ниже.

Какъ мы узнаемъ теперь изъ воспоминаній Савинкова, группа б. о., наблюдавшая за Дурново съ апрѣля 1906 г., т.-е., слѣдовательно, послѣ ареста Азефа Герасимовымъ, не могла выслѣдить Дурново и только разъ неожиданно Дурново купилъ газету „Русск. Знамя“ у террориста, слѣдившаго за нимъ подъ видомъ продавца этой газеты.

Оказалось въ то же время, что другая группа революціонеровъ - слѣжчиковъ, описывавшая подробно выѣздъ Дурново и его маршрутъ, принимала за Дурново—Акимова, министра юстиц., нѣсколько похожаго на него. При этомъ намъ вспоминается, что Леонтьева убила въ Швейцаріи вмѣсто Дурново другое лицо, тоже нѣсколько похожаго на Дурново. Не участвовалъ ли въ этомъ дѣлѣ Азефъ?

Когда-же террористы рѣшаютъ все же убить и Акимова, шпики мѣшаютъ имъ и въ этомъ.

Трегубова и Павлова—участниковъ покушенія на Дурново—вскорѣ арестовываютъ на Финляндскомъ вокзалѣ, а лѣтомъ берутъ и Гоца. Всѣхъ судятъ за принадлежность къ „б. о.“ партіи и приговариваютъ къ каторгѣ.

Также неудачно окончилось покушеніе на *Римана* и *Мина*. Студ. Яковлевъ былъ арестованъ на квартирѣ Мина и приговоренъ къ 15 годамъ каторжныхъ работъ...

Во время I-ой Государственной Думы партія рѣшаетъ прекратить терроръ.

„Послѣ разгона Государственной Думы въ іюль 1906 г. центральный комитетъ рѣшилъ снова возобновить терроръ“ (Воспом. Савинк. „Былое“ № 2, 1918 г.).

Въ октябрѣ 1906 г. на совѣтѣ партіи на Иматрѣ Азефъ неожиданно отказался отъ участія въ б. о., мотивируя усталостью и невозможностью старыми способами вести дѣло („Закл. суд.-слѣдств. ком.“). „С.-р.“ („Былое“ № 9—10, Парижъ, 1909 г.) рассказываетъ, что Азефъ объявилъ, „что слагаетъ съ себя обязанности руководителя „б. о.“ и уѣзжаетъ за границу“. Это было „поздно осенью 1906 г. послѣ того, какъ Азефу были переданы слова Х., что боевая организа-

ція вызиваетъ встѣхъ молодыхъ людей, годныхъ для участія въ террористическихъ актахъ, въ Финляндію, а провинція остается безъ людей, говорилъ Х., а при переездѣ черезъ Финляндскую границу или въ Петербургъ эту молодежь арестуютъ“ (курс. мой. В. А.).

Азефъ обидѣлся якобы за „б. о.“! Просто, конечно, испугался за свою драгоценную жизнь, такъ какъ выставленное Х. обвиненіе било не въ бровь, а прямо въ глазъ и несомнѣнно указывало на провокацію Азефа.

При этомъ ни Х, ни „С.-р.“ не знали, что той-же осенью 1906 г. помощникъ Одесскаго начальника охраны „далъ знать черезъ посредство мѣстныхъ социалистовъ-революціонеровъ центр. к-ту, что онъ доставить ему свѣдѣнія о провокаторѣ, стоящемъ въ центрѣ партіи, если за полученіемъ этихъ свѣдѣній явится одно изъ указанныхъ имъ лицъ. Въ числѣ этихъ лицъ былъ названъ *Сн.*“ (Н. С. Тютчевъ. В. А.) („Закл. суд.-сл. ком. по дѣлу Азефа“). *Сн.* поѣхалъ, но не могъ найти *Соркина* (это и былъ помощникъ Одесскаго начальника охраны) ни въ Одессѣ, ни въ другомъ городѣ, куда ему сказали, что *Соркинъ* былъ переведенъ. Скоро *Соркинъ* былъ арестованъ и обвинялся въ провалѣ секретныхъ сотрудниковъ—т.-е. провокаторовъ.

Азефъ зналъ о предупрежденіи *Соркина*...

Сн. (Н. С. Тютчевъ), когда ц. к. послалъ его къ *Соркину*, „полагалъ, что объ Азефѣ именно и будетъ идти рѣчь съ охранникомъ“ („Закл. суд.-сл. ком. по дѣлу Аз.“).

Въ началѣ сентября 1906 г. *П. Я. Рыссъ* сообщилъ „лицу, имѣвшему сношенія съ соц.-рев. и боевой организаціей“, со словъ своего брата *С. Я. Рысса (Мортимера)*, известнаго максималиста, что Азефъ, онъ же Толстый и Иванъ Николаевичъ, служитъ въ Департаментѣ на амплуа агента-провокатора. „Желая въ корнѣ убить слухи объ Азефѣ и загрязнить источникъ слуховъ, ц. к. партіи с.-р. сталъ усиленно распространять слухи о провокаторствѣ *Мортимера*“.

Встрѣтивъ брата во второй разъ, *П. Я. Рыссъ* сказалъ *Мортимеру*, что его обвиняютъ въ провокаторствѣ, на что *Мортимеръ* отвѣтилъ:

„Я чистъ, объ этомъ узнають когда-нибудь. Помни, что тогда обнаружится роль Азефа, который губитъ меня“.

Весной 1907 г. Мортимеръ былъ арестованъ въ Юзовкѣ, заключенъ въ Петропавловскую крѣпость и казненъ въ Кіевѣ по приговору военно-окружного суда...

Итакъ, Азефъ обидѣлся за „боевую организацію“ и уѣхалъ изъ Россіи за-границу.

„И тогда обнаружился въ высшей степени знаменательный фактъ: уходъ Азефа не разрушилъ боевого дѣла. Центральный комитетъ сталъ дѣйствовать и дѣйствія его оказались не только цѣлесообразными, но и успѣшными“ („судебно-слѣдственная комиссія по дѣлу Азефа“, стр. 53). Дѣйствительно: 9-го дек. 1906 г. убитъ *Игнатъевъ*, 23-го дек. 1906 г. убитъ Петерб. градоначальникъ фонъ-деръ *Лауницъ*, 26-го дек. 1906 г.—военный прокуроръ *Павловъ*.

Между тѣмъ, когда раньше Азефъ ставилъ покушенія на Лауница и Столыпина, то ихъ пришлось прекратить въ самомъ началѣ, такъ какъ—въ первомъ случаѣ Моисеенко замѣтилъ за собой шпиговъ, а во второмъ—Сулятицкій былъ даже препровожденъ въ охранное отдѣленіе; изъ охраны его отвели въ камеру мирового судьи, чтобы выслать на родину, но изъ этой камеры ему удалось бѣжать...

1907 годъ.

За-границей Азефъ занялся „новыми способами“ постановки дѣла „б. о.“: онъ отыскалъ какого-то изобрѣтателя, якобы утверждавшаго въ янв. 1907 г., что онъ можетъ построить аэропланъ, „который подымается на любую высоту, опускается безъ малѣйшаго затрудненія, подымаетъ значительный грузъ и движется съ максимальной скоростью въ 140 кил. въ часъ“. Азефъ, электротехникъ по специальности, „проверилъ“ его вычисленія и нашелъ, „что Бухало рѣшилъ теоретически задачу“ (Воспом. Савинкова, „Былое“ № 2, 1918 г.).

Стоилъ этотъ шантажный опытъ инженерскихъ измышлений Азефа по аэронавтикѣ—ни къ чему, конечно, не приведшій—

20 тысячъ рублей, а по другимъ свѣдѣніямъ и всѣ 40 тысячъ.

Въ началѣ 1907 г. Азефъ снова возвращается въ Россію и здѣсь находитъ, что центральное бюро, „вѣдающее распредѣленіе работъ между членами партіи, организовано неправильно“, — и онъ — всемогущій — „занялся въ началѣ 1907 г. въ Петербургѣ перекраиваніемъ центрального бюро по собственному усмотрѣнію. Ц. к. одобрилъ его планъ преобразованія“... Всякій с.-р., откуда бы онъ ни ѣхалъ за совѣтомъ, за деньгами, или просто за свѣдѣніями, *долженъ былъ являться въ Петербургъ и предстать передъ Азефомъ*. Вскорѣ самъ онъ переѣхалъ въ Финляндію, и всѣ пріѣзжіе должны были слѣдовать за нимъ. „На обратномъ пути изъ Финляндіи въ Петербургъ, обыкновенно на Финляндскомъ вокзалѣ, ихъ арестовывали“ (С.-р.—„Былое“ № 9—10, Парижъ, 1909 г.). „Провинціальныя работники дали отпоръ Азефу и перестали къ нему являться послѣ массы проваловъ на Финляндской границѣ. Тогда, видя, что остается не у дѣлъ, онъ снова взялъ бразды правленія б. о.“ (С.-р.—„Былое“ № 9—10).

Результатомъ возвращенія Азефа въ Россію были—кромѣ арестовъ общепартійныхъ работниковъ и разстройства организаціи—еще и аресты террористовъ и прекращеніе террора.

Въ одинъ и тотъ же день—9-го февраля 1907 г.—были арестованы *Сулятицкій* и *Зильбербергъ*. Судъ приговорилъ ихъ къ смертной казни, за соучастіе въ убійствѣ градоначальника Лауница, хотя у суда не было никакихъ доказательствъ ихъ соучастія, кромѣ показанія швейцара и горничной, что они приходили къ Кудрявцеву, убившему Лауница. На основаніи такихъ доказательствъ—и показаній начальника Петербургскаго охраннаго отдѣленія Герасимова, которому далъ всѣ свѣдѣнія о Зильбербергѣ и Сулятицкомъ Азефъ,—они были повѣшены въ іюль 1907 г. подъ фамиліями *Гронскаго* (Сулятицкій) и *Штифтар* (Зильбербергъ)—партійными ихъ кличками. Охранное отдѣленіе, конечно, было очень хорошо освѣдомлено о настоящихъ

фамиліяхъ Штифтаръ и Гронскаго, но Герасимовъ этимъ умолчаніемъ прикрывалъ Азефа передъ партіей с.-р.

Еще въ началѣ 1906 г. военнымъ судомъ былъ разосланъ циркуляръ, предписывающій придавать рѣшающее значеніе свѣдѣніямъ, даваемымъ провокаторами, а для подтвержденія ихъ ограничиваться лишь допросомъ отвѣтственнаго за нихъ начальника (Бакай—„Былое“ № 11—12, Парижъ 1909 г.)...

31 марта 1907 г. былъ арестованъ *Никитенко* и вмѣстѣ съ *Синявскимъ* и *Наумовымъ* повѣшенъ 21 августа 1907 г. по дѣлу о заговорѣ на Николая II. Судъ въ полномъ составѣ поѣхалъ въ охранное отдѣленіе, допросилъ Герасимова (нач. охр. отд.) и получилъ отъ него „подтвержденіе обвинительнаго акта, гласившаго о существованіи заговора отъ имени партіи социалистовъ-революціонеровъ, а не по инициативѣ нѣсколькихъ лицъ“. По этому процессу тоже достаточныхъ формальныхъ данныхъ не было (Бакай—„Былое“ № 9—10, Парижъ).

Дѣйствительно, партіей с.-р. было поручено Никитенко и его товарищамъ покушеніе на Николая II, но, по невыясненнымъ до сихъ поръ причинамъ, Никитенко не позволено было этого говорить. Только потомъ, уже послѣ допроса Герасимова, онъ получилъ разрѣшеніе, — и въ своей рѣчи передъ судомъ сказалъ, что дѣйствовалъ отъ имени партіи соц.-рев. Такъ ли это?

Въ маѣ 1907 г. П. Я. Рыссъ снова заявилъ о роли Азефа. „Черезъ 2 недѣли послѣ этого въ квартиру родителей моихъ ворвалась жандармерія. Она даже обыска не производила, какъ слѣдуетъ быть,—а все допытывалась: гдѣ живетъ теперь Петръ Рыссъ?“. Исключительно этотъ же вопросъ предлагался его матери и отцу на допросахъ ихъ въ охранномъ отдѣленіи. „Дѣлалось очевиднымъ, что чья-то адская рука приводила въ исполненіе планъ устраненія лица, знающаго о роли Азефа“.

Осенью 1907 г. былъ арестованъ *Масокинъ*, унт.-офиц. 1-ой Туркестанской пулеметной роты, и членъ Сѣв. боев. летучаго отряда партіи с.-р. „Карль“-Альбертъ *Траубергъ*, и вся его группа. Масокинъ и Траубергъ были казнены.

И снова ц. к. получаетъ свѣдѣнія, что Азефъ провокаторъ, въ письмѣ саратовскихъ соц.-революціонеровъ, сообщавшихъ это со словъ саратовскаго охранника, который давалъ свѣдѣнія еще въ 1905 г. о важномъ провокаторѣ, присутствовавшемъ на совѣщаніи с.-р. въ Саратовѣ, и предупредившемъ объ арестѣ Брешковской. Въ этомъ письмѣ, дошедшемъ до ц. к. осенью 1907 г. („Закл. с.-сл. к.“), даются болѣе подробныя свѣдѣнія о томъ же провокаторѣ, получающемъ 600 р. въ мѣсяцъ, на котораго поэтому мѣстные охранники ходили въ садъ Очкина смотрѣть, какъ на диковинку.

Въ письмѣ указывалось, что этотъ провокаторъ „стоялъ въ Сѣверной гостиницѣ (уголъ Московской и Александровской, д. О-ва взаимнаго кредита) и былъ прописанъ подъ именемъ Сергѣя Милетоновича (Валуйскаго. В. А.). Тутъ же сообщалось объ арестѣ Филипповскаго (охранн. кличка Азефа)¹⁾ Герасимовымъ въ мартѣ 1906 г. (мы уже упоминали объ этомъ арестѣ).

Но и это письмо не произвело на ц. к. никакого впечатлѣнія. Только Гершуни послалъ одного с.-р. разслѣдовать это дѣло, но посланецъ былъ вскорѣ арестованъ.

1908 годъ.

Въ началѣ 1908 г. слухи о „большомъ“ провокаторѣ начали ходить въ партіи. Въ этотъ же періодъ „молодой М. очень больной, находясь въ провинціи, узналъ отъ мѣстнаго охранника, что въ ц. к. у партіи с.-р. есть провокаторъ, по фамиліи Азефъ. М. немедленно бросился въ Финляндію къ ц. к.“, убѣждалъ обратить вниманіе на это предупрежденіе, „но ничего не помогло“. „Члены ц. к. выслушали его очень холодно и попросили вернуться немедленно туда, откуда онъ пріѣхалъ... болѣзнь его отъ пережитаго потрясенія сразу усилилась. Вскорѣ онъ былъ арестованъ“. (С.-р.—„Былое“ № 9—10, Парижъ).

¹⁾ Содержаніе письма взято изъ „Заключ. суд.-сл. комисс. по дѣлу Азефа“, стр. 61 и слѣд.

7-го февраля 1908 г. были арестованы 12 членовъ „летучаго боевого отряда Сѣверной области“ почти въ одинъ и тотъ же часъ, въ разныхъ частяхъ города.

Тогда всюду широко стали говорить, что всѣ эти лица охранѣ были извѣстны, равно какъ и цѣль, съ которой они вышли на улицу 7-го февраля (покушеніе на в. кн. Николая Николаевича и мин. юст. Щегловитова). По этому процессу было повѣшено 7 человекъ: Лидія Стуре, Анна Распутина, Лебединцевъ (Маріо-Кальвино), С. Барановъ, Л. Синегубъ...

Говорили тогда, что Азефъ получилъ 14 тысячъ рублей за выдачу двухъ этихъ покушеній.

Вѣсти о провалѣ „летуч. боев. отр. Сѣв. обл.“ дошли и до Парижа—центра русской эмиграціи. Парижская группа соц.-рев. (такъ наз. „лѣвая“) на своемъ собраніи 16-го марта этого же года приняла слѣдующую резолюцію: „Парижская группа социалистовъ-революціонеровъ, глубоко потрясенная проваломъ Сѣвернаго боевого летучаго отряда, этою безпримѣрною катастрофой, стоившей жизни многихъ цѣнныхъ товарищей; находя, что вся совокупность обстоятельствъ наводитъ на мысль о томъ, что провалъ былъ, вѣроятно, результатомъ *систематической провокаціи*, давно, быть можетъ, свившей себѣ гнѣздо внутри партіи; сознавая весь ужасъ постигшаго партію несчастія и весь ужасъ того положенія, которое создается для партіи до тѣхъ поръ, пока мѣстъ дѣло не выяснено, сѣти провокаціи не распутаны и зло не вырвано съ корнемъ,—высказываетъ, въ виду всего этого, самое горячее пожеланіе, чтобы ц. к., всѣ партійныя организаціи и партійные работники употребили всѣ свои силы и всю свою энергію для неотложнаго разслѣдованія причинъ провала, въ цѣляхъ скорѣйшаго избавленія партіи, въ настоящій критическій моментъ, отъ возможнаго источника гибели и разрушенія.

Настоящую резолюцію довести до свѣдѣнія ц. к. и сообщить заграничнымъ группамъ, равно какъ и предложить областн. заграничн. комитету напечатать эту резолюцію въ своихъ „Извѣстіяхъ“.

На томъ же собраніи была избрана „конспиративная

комиссія“ для собиранія всѣхъ свѣдѣній, могущихъ обнару-
жить провокацію. Комиссія эта, состоявшая изъ *Агафонова*,
Гнатовскаго и *Юделевскаго*, работала совмѣстно съ *Бурце-*
вымъ, который началъ подозрѣвать Азефа еще въ 1907 г.
Бурцеву много помогъ *Бакай* какъ своими свѣдѣніями о
провокаціи вообще, такъ и спеціально объ Азефѣ, котораго
онъ зналъ, какъ провокатора, только подъ охранными кличками
„*Виноградова*“ и „*Раскина*“.

Слухи о провокаціи Азефа были такъ сильны, что ц. к.
началъ весной въ Россіи самъ разслѣдовать ихъ, а затѣмъ
за-границей была создана „комиссія по поводу слуховъ о
провокаціи“. Она состояла изъ *Натансона* (члена ц. к.),
Бунакова и *Зензинова*. Ц. к. и эта комиссія вполне
реабилитировали Азефа.

Еще въ апрѣлѣ 1908 г. одно дѣло, „которое для партіи имѣло
первостепенное значеніе...“, вслѣдствіе цѣлаго ряда недо-
разумѣній было доложено ц. к., который передалъ его
Азефу (стр. 33 и 34 „*Закл. суд. - сл. ком. по д. Аз.*“)
(Курс. мой. В. А.).

Весной 1908 г. П. Я. Рыссъ открыто заявлялъ въ Па-
рижѣ о провокаторствѣ Азефа. Въ іюнѣ, пишетъ Рыссъ,
ц. к. заявилъ мнѣ, что „намѣренъ привлечь меня къ суду за
распространяемые слухи о „нѣкоемъ лицѣ“ и предлагаетъ
мнѣ представить ц. к. документы о провокаторствѣ „этого
лица“. „Не питая никакого довѣрія“ къ ц. к., я ему ни-
какихъ данныхъ дать не желалъ, но заявилъ, что охотно
пойду на судъ“. Ц. к. къ суду чести Рысса не привлекъ
(„*Былое*“ № 9—10, Парижъ).

Въ августѣ 1908 г. состоялась въ Лондонѣ конференція
партіи соц.-рев. Азефъ не только присутствовалъ на этой
конференціи, какъ полноправный членъ, но и требовалъ на
ней, чтобы ц. к. вынесъ бы заграничному представителю
партіи соц.-рев. строгое порицаніе за противодѣйствіе ви-
дамъ „боев. организаціи“.

Судъ надъ Бурцевымъ.

Послѣ Лондонской конференціи ц. к. рѣшаетъ, наконецъ, покончить разъ на всегда съ обвиненіемъ Азефа въ провокаціи привлеченіемъ Бурцева къ товарищескому суду.

Но проходитъ болѣе мѣсяца послѣ этого рѣшенія, а Бурцева все не привлекали. За это время ему удалось получить свидѣтельство *Лопухина*, что Азефъ дѣйствительно былъ агентомъ Департамента Полиціи.

Тогда Бурцевъ далъ *набратъ* свое письмо въ ц. к. и *корректуру* его отправилъ въ ц. к.; въ письмѣ этомъ онъ говоритъ, что больше года уже обвиняетъ Азефа въ злостномъ провокаторствѣ, что всѣ попытки его убѣдить въ этомъ ц. к. были безплодны и потому онъ теперь *гласно*, за своей подписью, беретъ на себя страшную отвѣтственность обвиненія въ провокаторствѣ одного изъ самыхъ видныхъ дѣятелей партіи соц.-рев. Кончаетъ Бурцевъ письмо: „о дѣятельности Азефа и его руководителей мы много и часто будемъ говорить на страницахъ „Былое“.

„Центральный комитетъ не придалъ значенія этому заявленію (посланному Бурцевымъ ц. к. въ корректурѣ. В. А.)... Возвращая Бурцеву этотъ документъ, тов. Ц. (Савинковъ. В. А.), который уже зналъ отъ Бурцева о подтвержденіи Лопухинымъ предательства Азефа, сказалъ: „Азефъ и партія—одно и то же! У насъ отъ Азефа нѣтъ секретовъ, и потому мы вамъ возвращаемъ эту прокламацію. Дѣйствуйте, какъ хотите“ („Закл. суд.-сл. ком. по д. Азефа“, стр. 81 и 82).

Бурцевъ, посылая корректуру своего заявленія, приписалъ, между прочимъ, что, „разумѣется, это заявленіе не должно быть извѣстно Азефу и тѣмъ, кто ему можетъ о немъ передать“ („Закл. суд.-сл. ком. по д. Азефа“, стр. 81).

Но все же судъ надъ Бурцевымъ, наконецъ, состоялся.

Судьями были: Г. Лопатинъ, П. Кропоткинъ и В. Фигнеръ. Передъ судомъ Азефъ написалъ Савинкову письмо, въ

которомъ стремится оправдаться во всѣхъ вводимыхъ на него обвиненіяхъ самыми примитивными доказательствами и самымъ грубымъ образомъ, дѣлая видъ, что онъ хочетъ суда надъ Бурцевымъ, въ сущности же стараясь отказаться отъ него и склонить къ этому и другихъ.

Но есть въ этомъ письмѣ одно интересное мѣсто. Азефъ признается, что онъ по дѣлу всего одинъ разъ былъ въ Варшавѣ, у одного господина по порученію М. Гоца, по дѣлу транспорта литературы; „но этотъ господинъ мнѣ сказалъ, что онъ ничего не знаетъ и не вѣдаетъ — выпучилъ глаза только“. Этимъ Азефъ хочетъ опровергнуть Бакаю, который говорилъ, что въ началѣ 1904 г. (когда и Гоцъ, слѣд., былъ живъ) въ Варшавское охранное отдѣленіе пришелъ приказъ снять мѣстныхъ филеровъ у дома инженера Х. Бакай затѣмъ узналъ, что важный провокаторъ у соц.-рев. Раскинъ долженъ былъ посѣтить этого инженера—члена п.-п.-с., а Бурцевъ затѣмъ узналъ и фамилію этого инженера и то, что послѣдній сразу принялъ Азефа за провокатора и, несмотря на прекрасныя рекомендаціи отъ соц.-рев., не захотѣлъ съ нимъ имѣть дѣла, сказавъ Азефу, что тотъ ошибся и пришелъ, видимо, не къ тому, къ кому хотѣлъ. Азефъ какъ разъ это и говоритъ въ письмѣ къ Савинкову, хотя и другими словами.

На судѣ надъ Бурцевымъ ¹⁾, происходившемъ въ Парижѣ въ октябрѣ 1908 г., ц. к. представилъ дѣло такъ, какъ будто обвинителемъ Азефа является только Бурцевъ, „когда такого рода обвиненія дѣлались многими лицами, обращающимися къ представителямъ центра“. Обвиненія этихъ лицъ „заключали въ себѣ не только общія указанія на несомнѣнное присутствіе провокатора въ центрѣ, но и прямыя указанія лично на Азефа“.

Дѣло объ убійствѣ Гапона ²⁾ и предательская роль

¹⁾ Беремъ изъ „письма В. Л. Бурцева къ члену конспиративной комиссіи Липину“, напечатанному въ № 5 „Революціонной Мысли“, Парижъ, іюль 1909 г.

²⁾ См. „Дѣло Гапона“ Рутенберга, № 11—12 „Былое“, Парижъ, 1909 г.

Азефа въ этомъ дѣлѣ и по отношенію къ Рутенбергу, на судѣ не разсматривалось, а было упомянуто только вскользь, между тѣмъ „ложь и двойная игра въ этомъ дѣлѣ была даже не особенно хорошо прикрыта“... „Главнымъ аргументомъ за Азефа было указаніе на его безумную смѣлость“, на его личное участіе въ покушеніяхъ; между тѣмъ какъ представителямъ ц. к. — Чернову, Натансону и Савинкову, дававшимъ суду эти свѣдѣнія—было хорошо извѣстно, что Азефъ не только на мѣстѣ покушенія, но и въ томъ городѣ, гдѣ совершалось покушеніе, никогда не былъ. Единственный разъ, когда онъ былъ недалеко отъ мѣста покушенія—въ булочной Филиппова, въ Москвѣ, во время покушенія на Дубасова, да и то потому, что былъ увѣренъ, что оно не удастся, такъ какъ онъ разставилъ на пути Дубасова людей съ пустыми руками. Все это было извѣстно ц. к... Саратовское письмо—показаніе саратовскаго охранника объ Азефѣ, о которомъ мы говорили выше—на судѣ упоминалось „поверхностно (курс. Бурцева), лишь между прочимъ, какъ одна, бѣлыми нитками сшитая, продѣлка Департамента Полиціи, не заслуживающая вниманія... Объясненіе проваловъ, въ родѣ арестовъ „Карла“ (Трауберга. В. А.), а потомъ Лебединцева съ товарищами, дѣлалось невѣрно, — рѣшительно безъ всякихъ основаній отвергалась возможность въ этихъ нашихъ несчастьяхъ руки Азефа и не давались суду имѣвшіеся у моихъ обвинителей факты, показывавшіе полную возможность для Азефа выдачи этихъ дѣлъ, какъ на самомъ дѣлѣ и происходило“. Личность Азефа представителями ц. к. была изображена въ видѣ „мягкаго, съ отзывчивой душой, скромно живущаго семьянина, хорошаго товарища“; между тѣмъ, личность Азефа предстала бы совсѣмъ другой, если-бъ было сообщено все, что имъ о немъ было извѣстно.

Вообще, многое, говорившее противъ Азефа, суду не сообщалось, хотя было хорошо извѣстно представителямъ ц. к. на судѣ (письмо Бурцева къ Липину).

На судѣ Азефъ не пожелалъ явиться.

На судѣ Бурцевъ объявилъ, что и Лопухинъ, бывшій д-ромъ

Деп. Пол. съ 1902 г. по 1905 г., подтвердилъ ему, что Азефъ провокаторъ.

Но даже и въ этомъ, казалось, болѣе чѣмъ достаточномъ и авторитетномъ показаніи о провокаторствѣ Азефа, ц. к. расположенъ былъ видѣть „полицейскую интригу“, „слѣпымъ орудіемъ которой являлся, по ихъ мнѣнію, Бурцевъ“ („Закл. суд.-сл. ком. по д. Аз.“, стр. 85).

Судъ постановилъ провѣрить показаніе Бурцева о Лопухинѣ.

Все, что происходило на судѣ, представителями ц. к. докладывалось въ засѣданіяхъ ц. к. „и Азефъ, какъ *полноправный членъ ц. к.*, присутствовалъ на этихъ засѣданіяхъ“ („Закл. суд.-сл. ком. по д. Азефа“, стр. 85. Курс. В. А.).

Исключеніе было сдѣлано только относительно свѣдѣній Лопухина — говорится въ „Закл. суд.-сл. ком. по дѣлу Азефа“.

Но все же Азефу стало извѣстно и показаніе Лопухина, и онъ 11 ноября 1908 г. явился къ Лопухину на домъ съ требованіемъ не подтверждать ни суду надъ Бурцевымъ, ни кому бы то ни было, присланному отъ партіи с.-р., о томъ, что онъ, Азефъ, дѣйствительно провокаторъ. Затѣмъ 21 ноября явился къ Лопухину начальн. Петерб. охранн. отдѣл. Герасимовъ съ тѣмъ же требованіемъ и съ письмомъ Азефа, еще разъ повторявшимъ то же.

Послѣ этихъ двухъ визитовъ, Лопухинъ счелъ себя вынужденнымъ написать 3 письма: мин. вн. д. Столыпину, товар. мин. вн. д. Макарову и д-ру Деп. Полиц. Трусевичу, а затѣмъ копію передалъ двумъ своимъ знакомымъ съ просьбой, чтобы—въ случаѣ, если онъ будетъ убитъ—послать эту копію судебнымъ властямъ. Въ этихъ письмахъ Лопухинъ называлъ Азефа агентомъ Департ. Полиціи и рассказывалъ о посѣщеніи его Азефомъ и Герасимовымъ съ требованіемъ отрицать принадлежность Азефа къ Д. П. (Обв. актъ по дѣлу Лопухина).

Обо всемъ этомъ широко распространилось въ адвокатскихъ и другихъ кругахъ петербургскаго общества.

Защищать Азефа дальше было невозможно.

Замѣтимъ, что Азефъ былъ въ отсутствіи изъ Парижа цѣлыхъ 10 дней, и никто изъ центр. комит. не зналъ объ этомъ. Когда же узнали, то Азефъ объяснилъ, что онъ былъ въ Берлинѣ, и показалъ счетъ одной тамошней гостиницы, но не могъ даже описать своей комнаты.

8 января нов. ст. 1909 г. Азефъ былъ объявленъ партіей соціал.-револ. провокаторомъ.

Когда стало извѣстно, что ц. к. партіи с.-р., наконецъ, убѣдился въ томъ, что Азефъ провокаторъ, Бурцевъ съ радостью прибѣжалъ сообщить это „конспиративной комиссіи Парижской группы п. с.-р.“. Тогда же Бурцеву было заявлено, для передачи ц. к., что въ Парижской группѣ есть лица, которыя ужъ заявили о своемъ желаніи убить Азефа. Бурцевъ немедленно отправился передать это ц. к., но вернулся онъ оттуда съ отвѣтомъ, что ц. к. просить ничего не предпринимать, такъ какъ они сами это сдѣлаютъ и лучше, чѣмъ члены Парижской группы, не знающіе образа жизни и привычекъ Азефа. „Вы намъ его только спугнете“, было заявлено, по словамъ Бурцева, центральнымъ комитетомъ. Кромѣ того, было сказано, что приняты всѣ мѣры (и внутренняя и наружная слѣжка), чтобъ Азефъ не могъ бѣжать.

Представители „Парижской группы“ согласились, что если все обстоитъ такъ, то, конечно, ц. к. сможетъ это дѣло выполнить лучше ихъ.

Вскорѣ выяснилось, что Черновъ, Савинковъ и „Николай“, прійдя вечеромъ къ Азефу для допроса его и просидѣвъ до 12 ч. ночи, ушли, сказавъ: „приходи къ намъ завтра въ 12 час. дня“.

Азефъ черезъ часъ послѣ этого, въ 1 ч. ночи, бѣжалъ. Онъ уже зналъ, что Лопухинъ подтвердилъ показаніе Бурцева и что это могло уже стать извѣстнымъ не только ц. к. и что можетъ придти въ голову и рядовому члену п. с.-р. убить его; ему было ясно, что на допросѣ онъ не сможетъ доказать, что онъ не провокаторъ, когда имѣется масса вопіющихъ уликъ и когда одной изъ нихъ является уже получившее распространеніе письмо Лопухина къ Столыпину, гдѣ бывшій д-ръ Департ. Полиціи называетъ Азефа агентомъ Деп. Пол.

Азефъ и Рачковскій.

Но какъ же провокаторъ, пробывшій въ п. с.-р. болѣе 9 лѣтъ, о которомъ Ратаевъ пишетъ: „онъ далъ мнѣ столько осязательныхъ доказательствъ своей усердной службы, свѣдѣнія его всегда отличались такой безукоризненной точностью...“, какъ такой вѣрный Департаменту Пол. провокаторъ могъ убить Плеве и Сергѣя?

Когда „комиссія по изслѣдованію слуховъ о провокаціи“—въ лицѣ Натансона, Бунакова и Зензинова—допрашивала и насъ, весной 1908 г., то она задала намъ вопросъ: „а знаете ли вы, что Азефъ убилъ Плеве и Сергѣя?“—Мы отвѣтили, что знаемъ, и объясняли эти убійства Азефомъ интригами дворцовыми, интригами высокопоставленныхъ лицъ другъ противъ друга и даже упоминали о возможности участія въ этихъ интригахъ и жены в. кн. Сергѣя. Затѣмъ, уже послѣ разоблаченія Азефа, на одномъ изъ публичныхъ докладовъ Чернова, на которомъ предсѣдательствовалъ Бунаковъ, я снова повторилъ объ этомъ предполагаемомъ мною объясненіи участія Азефа въ удачныхъ покушеніяхъ на Плеве и Сергѣя.

Затѣмъ мы узнали, что Бакай и Бурцевъ, благодаря нѣкоторымъ свѣдѣніямъ перваго, стоятъ на той точкѣ зрѣнія, что убійство Плеве и Сергѣя было выгодно Рачковскому, такъ какъ Рачковскій находился во враждѣ съ Плеве, а в. кн. Сергѣй былъ покровителемъ Плеве. „Рачковскій же могъ двинуться по служебной лѣстницѣ только, если Плеве будетъ не у дѣлъ“. Бакай въ своей статьѣ: „Азефъ, Столыпинъ и провокація“ („Былое“ № 9—10, Парижъ 1909 г.). говоритъ:

„Рачковскій („бывшій воспитатель Азефа“, какъ называетъ Рачковскаго въ другомъ мѣстѣ Бакай. В. А.) несомнѣнно подтолкнулъ Азефа допустить убійство Плеве... и, наконецъ, впослѣдствіи покровительствовалъ Азефу, зная, что онъ участникъ дѣла Плеве. Расчетъ Рачковскаго оказался вѣрнымъ.

Послѣ убійства Плеве и кратковременной „весны“ Святополкъ-Мирскаго, Рачковскій былъ призванъ къ власти. По пріѣздѣ въ Петербургъ, Рачковскій тамъ завелъ второе охранное отдѣленіе (?! *В. А.*), помимо существующаго, и всю агентуру (т.-е. провокаторовъ. *В. А.*) перевелъ къ себѣ. Хорошо зная о роли Азефа, *Рачковскій прекратилъ поиски по дѣлу убійства Плеве* (курс. мой. *В. А.*) и только приблизилъ къ себѣ Азефа“.

Конечно, эти данныя Бакая требуютъ документальнаго подтвержденія—и уже теперь для насъ несомнѣнно, что въ нихъ имѣется много неточностей. Но, даже и не базируясь на данныхъ Бакая, мы можемъ утверждать, что Рачковскій, конечно, зналъ Азефа задолго до 1905 г. Вѣдь, Рачковскій, какъ извѣстно, завѣдывалъ Заграничной Агентурой съ 1885 г. по 1902 г., Азефъ же жилъ за-границей съ 1892 г. до 1899 г.—и затѣмъ часто наѣзжалъ и подолгу жилъ за-границей. При такихъ условіяхъ невозможно допустить, чтобы жадный до провокаторовъ Рачковскій и жадный до денегъ Азефъ не „вошли бы въ контактъ“. Удивительная настойчивость, съ которой они все время подчеркиваютъ, что до августа 1905 г. не были знакомы другъ съ другомъ, является лишь новымъ доказательствомъ преступности ихъ совмѣстной таинственной дѣятельности. Кромѣ того, намъ были даны и свидѣтельскія показанія, подтверждающія, что Рачковскій видался съ Азефомъ и до 1905 года.

Мы уже упоминали, что Рачковскій въ 1902 г. выписалъ изъ Д. П. 500 р. для передачи Гершуни черезъ Азефа на изготовленіе бомбъ. Рачковскій не могъ не знать объ участіи Азефа въ убійствѣ Плеве еще и потому, что, конечно, Жученко, Татаровъ, Машъ и друг. провокаторы доносили и раньше о роли Азефа въ партіи, и Рачковскій, ставъ во главѣ розыска, не могъ не знать объ этихъ донесеніяхъ, да, повторяемъ, онъ и не нуждался въ освѣдомленіи его объ Азефѣ, такъ какъ зналъ о немъ лучше освѣдомителей, и потому прекратилъ розыски по дѣлу объ убійствѣ Плеве.

Азефъ не хотѣлъ убійства Плеве, боясь за свою шкуру,—какъ выражается Ратаевъ. „Это доказываютъ его пред-

упреждения, что готовится покушение на Плеве, его чуть не ежедневныя донесения Ратаеву въ февралѣ 1904 г. о томъ, что террористы съѣхались, съ какимъ паролемъ они являются къ нему, и подробное описаніе ихъ примѣтъ, думая, что сыскъ въ Петербургѣ поставленъ такъ же хорошо, какъ и въ Москвѣ, и что этого достаточно, чтобы Д. П. могъ разыскать террористовъ и помѣшать покушенію“.

Тотъ фактъ, почему не удалось покушение на Плеве 18 марта, показываетъ, что Д. П. былъ предупрежденъ Азефомъ, о чемъ предполагаетъ и Ратаевъ. Когда затѣмъ участники покушения жили на ул. Жуковского, передъ іюльскимъ покушеніемъ, Азефъ изъ Москвы доноситъ на Трандафилова, двери чернаго хода квартиры котораго были рядомъ съ квартирой Савинкова. Азефъ рассчитывалъ, что филеры, хорошо зная въ лицо Савинкова, при слѣжкѣ за Трандафиловымъ, неизбежно натолкнутся и на Савинкова.

Такимъ же предупрежденіемъ былъ поставленный въ упоръ Азефомъ Ратаеву вопросъ: „а Вы не боитесь, что террористы могутъ бросить бомбу въ окно квартиры Плеве?“.

Когда всѣ его предупреждения не помогли, онъ рѣшилъ послужить не безъ пользы для себя, своему бывшему патрону и уѣхалъ устраивать себѣ alibi. Онъ, еще задолго до покушения, писалъ Ратаеву, что скоро будетъ у него въ Парижѣ; затѣмъ сообщаетъ изъ Вильны 7 іюля, что денегъ не хватило на поѣздку въ Парижъ, а на другой день убійства онъ уже въ Вѣнѣ.

Во время подготовленій покушения на Сергѣя, Азефа нѣтъ даже въ Россіи, его же патронъ Рачковскій—во главѣ сыска. По словамъ Бакая, Рачковскій сообщилъ Московскому охранному отдѣленію, что готовится покушение на Сергѣя, и указывалъ лицъ, за которыми нужно слѣдить, но безъ разрѣшенія изъ Петербурга не велѣлъ никого арестовывать; великому князю ничего не сообщаютъ, а только при выѣздахъ усиливаютъ охрану. „Но вотъ князь выѣзжаетъ безъ предупреждения, ѣдетъ прямо на Каляева и былъ убитъ“. А лица, ведущія розыскъ, „заявляютъ, что и для нихъ это неожиданно“.

данно, а чтобы скрыть слѣды, уничтожаютъ дневники наблюдений и всякія по сему поводу свѣдѣнія“.

Разсказанная нами въ 1-ой части этой книги исторія о Парижской мастерской бомбъ, а также только что опубликованныя свѣдѣнія о причастности Рачковскаго къ взрыву собора въ Льежѣ (въ Бельгіи) и къ убійству генерала Сильверстова (дяди Протопопова—последняго мин. вн. д. при Николаѣ II) въ Парижѣ—достаточно характеризуютъ преступную „хватку“ этого удивительно ловкаго шпиона-provokatora и честолюбиваго авантюриста-политикана.

Въ недавно опубликованномъ письмѣ къ Гессе, Рачковскій говоритъ о той горькой обидѣ, какую нанесъ ему Плеве въ 1902 г. его отставкой, высылкой на всегда изъ Франціи и присылкой открытаго листа въ Парижское посольство, чтобы всѣ могли видѣть, что онъ лишенъ полной пенсіи. Изъ этого же письма къ Гессе—дворцовому коменданту—видно, какъ Рачковскій пугаетъ Гессе такимъ опаснымъ человѣкомъ, какъ Плеве, который хочетъ стать диктаторомъ и погубить Россію, и тутъ же ловко вворачиваетъ, что Плеве готовитъ записку о несостоятельности „дворцовой охраны“, что и его, Гессе, Плеве хочетъ смѣстить съ такого выгоднаго поста и послать вмѣсто этого куда-то генераль-губернаторомъ. И прибавляетъ, что в. кн. Сергій покровительствуетъ Плеве...

Наша гипотеза требуетъ, конечно, дальнѣйшаго подтвержденія, но невѣроятнаго въ ней нѣтъ ничего и новѣйшія данныя, наоборотъ, подкрѣпляютъ ее...

Отъ того же, что Азефъ допустилъ убійства Плеве и Сергѣя, лучше онъ не становится. Много разъ охранка въ своихъ цѣляхъ совершала вмѣстѣ со своими провокаторами покушенія, убійства, взрывы и пр.

Азефъ, конечно, крупный негодяй—съ большой выдержкой и самообладаніемъ, но по сути онъ былъ самымъ обыкновеннымъ провокаторомъ и, какъ всѣ остальные провокаторы, конечно, не все выдавалъ охранѣ, скрывалъ иногда и важныя вещи, боясь, что охрана „выдастъ“ своимъ преждевременнымъ арестомъ или неумѣлыми допросами и пр. Поэтому постоянно его письма пестрятъ: „какъ можно осто-

рождѣй используйте мои свѣдѣнія; деликатно используйте эти свѣдѣнія; одинъ неосторожный шагъ и—провалъ мой; не превращайте моихъ свѣдѣній въ циркуляръ“...

И все же сколько разъ Д. П. „подводилъ“ его!

Азефу было выгодно допустить убійства Плеве и Сергѣя еще и потому, что онъ этимъ не только угождалъ своему патрону, но и спасалъ себя; проваливая покушеніе, онъ могъ провалить и себя, а помогая иногда революціонерамъ, онъ еще больше возвышался въ ихъ глазахъ, положеніе его среди нихъ еще больше укрѣплялось. А награда Департамента Полиціи за предупрежденіе покушенія—ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что онъ могъ брать, безконтрольно расходуя деньги „б. о.“.

* * *

Стоитъ только взглянуть на портретъ Азефа, чтобы удивиться, какимъ образомъ этотъ человѣкъ могъ играть хоть какую-нибудь роль среди революціонеровъ.

Даже и среди провокаторовъ наружность его выдѣляется своимъ отталкивающимъ видомъ. Таковъ же былъ и его моральный обликъ.

Бурцевъ рассказываетъ, что онъ впервые его увидѣлъ на Цюрихскомъ конгрессѣ въ 1893 г. и услышалъ такую характеристику Азефа: „вотъ грязное животное“. Изъ разспросовъ онъ вынесъ объ Азефѣ крайне неблагопріятное впечатлѣніе и не хотѣлъ знакомиться съ нимъ, какъ съ человѣкомъ грязнымъ и подозрительнымъ, что вытекало изъ рассказовъ дармштадтскихъ товарищей („Заключ. с.-сл. к.“, стр. 14). Жена Рутенберга, увидавъ его по дѣлу, написала мужу, что она увѣрена, что говорила съ провокаторомъ („Записки Рутенберга по дѣлу Гапона“). Одна студентка, жившая въ Швейцаріи еще въ 1898 г., видѣвшая его въ студенческой столовой, когда онъ со своей грузной фигурой, широко разставивъ ноги, становился неподвижно посреди столовой, вращая только во всѣ стороны выпуклыми глазами и вынятивъ толстыя губы,—говорила, что ей страшно.

было бы встрѣтиться съ нимъ не только ночью въ темномъ лѣсу, но и днемъ на многолюдномъ Невскомъ.

Какъ видно изъ „Воспоминаній“ Савинкова, и Каляеву Азефъ не понравился.

Послѣ свиданія Каляева съ Азефомъ, Савинковъ спросилъ его: „Что ты, Янекъ? Онъ не понравился тебѣ? Да?“.— Каляевъ отвѣтилъ не сразу:— „Нѣтъ... Но знаешь... я не понималъ его и, можетъ быть, не пойму никогда!“.

Одна извѣстная революціонерка такъ передавала намъ свою первую встрѣчу съ Азефомъ: „Не успѣли мы съ мужемъ войти въ комнату, какъ подымается какая-то громадная, толстая свинья мнѣ на встрѣчу и заключаетъ меня въ объятія; затѣмъ то же продѣлываетъ и съ моимъ мужемъ. Одѣта эта свинья была какъ попугай—въ пестромъ жилетѣ, яркомъ галстухѣ и пестромъ костюмѣ. Когда затѣмъ мы втроемъ (толстая свинья и былъ Азефъ) удалились для дѣлового разговора въ слѣдующую комнату, то и при разговорѣ не разсѣивалось крайне непріятное впечатлѣніе отъ него“. Настолько было сильно это впечатлѣніе, что мужъ ея, тоже старый революціонеръ, ни за что не хотѣлъ имѣть съ Азефомъ какого бы то ни было дѣла. А по уходѣ Азефа наша знакомая, не очнувшись еще отъ впечатлѣнія, какое произвелъ на нее Азефъ, обратилась къ сидящимъ членамъ ц. к. со словами: „что онъ (Азефъ) Гекубъ и что Гекуба ему?“. На что получила отвѣтъ, что теперь революціонеры не тѣ, что въ ея времена, что для конспираціи нужно совершенно иначе одѣваться, чѣмъ прежде, и т. д.

Напомнимъ еще того варшавскаго инженера, къ которому Азефъ пришелъ съ наилучшими рекомендаціями п. с.-р. и который все же рѣшилъ, что имѣетъ дѣло съ провокаторомъ...

„С.-р.“, много разъ ужъ цитированный нами („Былое“ № 9—10, 1909 г.), говоритъ: „И какъ только имъ (боевикамъ. В. А.) объявлялось, что партія въ данный моментъ въ ихъ работѣ не нуждается, а что они будутъ извѣщены въ нужное время, такъ этихъ лицъ оставляли безъ всякихъ средствъ къ существованію. Они оказывались на улицѣ

безъ гроша денегъ, а часто безъ паспорта и безъ пристанища. Въ виду того, что суммами боевой организаціи, громадными по размѣрамъ, безконтрольно распоряжался Азефъ, то очевидно, что онъ являлся виновникомъ страданій боевиковъ“. „Многіе изъ нихъ (боевиковъ. В. А.) были больны отъ напряженной работы, отъ всевозможныхъ лишеній, часто отъ голода и холода. Ихъ также Азефъ выставлялъ за дверь безъ разговоровъ“.

„Были и еще страдальцы“... Это тѣ, „которые съ мѣсяца на мѣсяцъ, пожалуй даже съ года на годъ“—ждали вызова Азефа, „чтобы выступить въ террористическомъ актѣ и умереть. Лица, осужденныя Азефомъ на такую муку, сознавали, что въ партіи что-то ненормально, что-то не ладно. Сила реакціи расла съ каждымъ днемъ, несчастія и страданія народа безмѣрны, а партія не шелохнется, и они, борцы, почему-то осуждены сидѣть, сложа руки. Они пробовали протестовать, доказывать...

Когда же ничего не помогало, они кончали самоубійствомъ. Такова была, между другими, юная Лурье, застрѣлившаяся въ Парижѣ весной 1908 г.“.

„Судебно-слѣдственная комиссія по дѣлу Азефа“.

Когда центр. комитетъ п. с.-р. призналъ, наконецъ, Азефа провокаторомъ, то многіе партійные работники были открыто возмущены тѣмъ, что ц. к. не обращалъ никакого вниманія на многочисленныя предупрежденія объ истинной роли Азефа, не отстранялъ его отъ дѣлъ. Ц. к. при возмущеніи, охватившемъ большую часть партійныхъ работниковъ, не могъ не подать въ отставку, но вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшилъ созвать V-ый совѣтъ партіи, гдѣ долженъ былъ быть избранъ новый ц. к. и комиссія для разслѣдованія азефовскаго дѣла.

Что же фактически означало это рѣшеніе ц. к.?

Оно означало прежде всего, что этотъ „совѣтъ“, созванный центр. комитетомъ (при отсутствіи какого-либо высшаго контроля), составленный въ значительной степени изъ чле-

новъ центр. комит. и назначенныхъ имъ должностныхъ лицъ, былъ въ сущности лишь эманацией того же центрального комитета (А. Липинъ, „Судъ надъ Азефщиной“. Изданіе Парижской группы социал.-революціонеровъ). Сколько намъ помнится, на этомъ V совѣтѣ п. с.-р., созванномъ ц. к., въ маѣ 1909 г., было всего 7—9 делегатовъ съ рѣшающимъ голосомъ, изъ нихъ 4—5 голосовъ принадлежало членамъ ц. к., остальные—близкимъ, оставшимся вѣрными же ц. к. „Фактически рѣшенія этого совѣта не могли быть ни чѣмъ инымъ, какъ только рѣшеніями ц. к. Это означало далѣе, что составъ комиссіи, долженствовавшій вести разслѣдованіе и вынести приговоръ по дѣлу Азефа, могъ вполне зависѣть отъ стараго центра, которому не трудно было способствовать формированію ея въ желательномъ для него смыслѣ“. „Это означало, наконецъ, что фактически подсудимые назначали своихъ судей, которые въ извѣстномъ отношеніи могли зависѣть отъ своихъ подсудимыхъ. Подобное разрѣшеніе азефовскаго дѣла вырождалось, стало быть, въ комедію и даже мистификацію“ (Ibidem).

Комиссія эта получила названіе „судебно-слѣдственной комиссіи по дѣлу Азефа“. Членами ея были назначены Бахъ (выбранный затѣмъ предсѣдателемъ самой комиссіей), Лункевичъ, С. Ивановъ и Блекловъ. Комиссія засѣдала въ Парижѣ, а ея предсѣдатель Бахъ жилъ въ Женевѣ и почти, а, можетъ быть, и совсѣмъ не присутствовалъ на ея засѣданіяхъ. Бахъ одно время былъ членомъ ц. к., онъ участвовалъ въ обсужденіи письма Менъщикова, привезеннаго въ Женеву самимъ Азефомъ, когда рѣшено было, что Татарова нужно провѣрить, а на данныя противъ Азефа не было обращено вниманія.

„Судебно-слѣдственная комиссія“ назначена была въ маѣ 1909 г., „конструировалась она въ сентябрѣ 1909 г.“, а работать начала только въ началѣ ноября того же года.

Опросила „суд.-сл. ком.“ всего 31 лицо, но построила свое „заключеніе“, главнымъ образомъ, на показаніяхъ 20 лицъ. Изъ этихъ 20 лицъ—„14 несомнѣнно, а можетъ быть 17, принадлежали къ составу центрального комитета или были весьма

близки къ ц. к.“, а еще двое изъ опрошенныхъ—„о порядкахъ внутри партіи, которые могли вести къ азефщинѣ, не были освѣдомлены, и ничего въ этомъ отношеніи дать комиссіи тоже не могли“ (А. Липинъ, „Судъ надъ Азефщиной“).

Мы не можемъ, къ сожалѣнію, остановиться здѣсь, за недостаткомъ мѣста, на болѣе или менѣе подробномъ разборѣ „Заключенія суд.-сл. комиссіи“. Отсылаемъ интересующихся къ цитированной нами брошюрѣ Липина, гдѣ подробно разобрано это „Заключеніе“ комиссіи.

Скажемъ только, что „суд.-сл. комиссія“ вполнѣ оправдала членовъ ц. к., при которыхъ „работалъ“ Азефъ, тѣхъ членовъ ц. к., на которыхъ лежала прямая отвѣтственность за напрасно загубленные Азефомъ жизни самыхъ самоотверженныхъ, самыхъ преданныхъ народу людей, за гибель многихъ революціонныхъ предпріятій и, можетъ быть, даже за исходъ революціи 1905 года, разгрому которой Азефъ содѣйствовалъ больше, чѣмъ кто-либо другой.

„Судебно-слѣдственная комиссія“ оправдала тѣхъ, которые не сочли своимъ прямымъ долгомъ установить за Азефомъ слѣжку, которая привела бы, конечно, къ раскрытію его: вѣдь онъ столько разъ видѣлся и въ Парижѣ, и въ Женевѣ, и въ Россіи съ охранниками. Но въ сущности свѣдѣнія, данныя Менъшиковымъ, саратовскимъ и одесскимъ охранниками, были такъ неопровержимы, прямо указывая на Азефа и давая столько данныхъ о его предательствѣ, что и слѣжка за нимъ была, пожалуй, излишней роскошью.

Снявъ вину съ прямыхъ виновниковъ азефщины и „работы“ Азефа въ партіи въ теченіе болѣе 9 лѣтъ, „судебно-слѣдств. комиссія“ переложила всю вину на терроръ и на „кавалергардскій духъ“ боевиковъ, жертвовавшихъ всѣмъ, что только есть самага дорогого у человѣка, поднимавшихъ партію такъ высоко въ глазахъ всего общества,—тѣхъ самыхъ боевиковъ, которые, по безпристрастному свидѣтельству „С.-р.“, голодали и холодали по винѣ Азефа и ц. к. въ то время, какъ кутежи Азефа были извѣстны не только охранникамъ, но и многимъ революціонерамъ. Боевики виноваты, а не Азефъ съ ц. к., что партія молчала въ самый разгаръ

реакціи, висѣлицъ и застѣнковъ, что ц. к. съ Азефомъ послѣ манифеста 17-го окт. отмѣнилъ терроръ, затѣмъ снова возстановилъ; во время I-ой Думы снова отмѣнилъ; послѣ разгона Думы опять возстановилъ его; на время II-ой снова отмѣнилъ?.. Развѣ однимъ этимъ не дезорганизовалась дѣятельность боевиковъ и „б. о.“?

Къ выводу, что въ столь долговременномъ пребываніи Азефа въ партіи с.-р. виноваты терроръ и боевики, „суд.-сл. комисс.“ пришла прежде всего потому, что оперировала показаніями, главнымъ образомъ, центровиковъ, т.-е. подсудимыхъ. Изъ нихъ почти по всѣмъ и, во всякомъ случаѣ, по самымъ важнымъ вопросамъ давалъ объясненія Черновъ—и комиссія, рассматривая его показанія и показанія другихъ центровиковъ-подсудимыхъ, какъ данныя вполнѣ доказанныя и неопровержимыя, пришла къ выводу, что загубленныя Азефомъ боевики сами виноваты. Показанія Чернова и центровиковъ комиссія не провѣряла и много разъ, несмотря на всю ихъ абсурдность, абсурдности этой не замѣчала.

Къ такому необыкновенному выводу „суд.-сл. комиссія“ пришла, взявъ въ основу за аксіому показаніе Чернова, что ц. к. не могъ придавать какого бы то ни было значенія предупрежденіямъ, хотя бы и многочисленнымъ, но идущимъ изъ полицейскихъ сферъ, которымъ извѣстно было, какую огромную роль въ партіи и въ боевой организаціи ея играетъ Азефъ и которыя желали поэтому своими доносами скомпрометировать его.

Арестовать-же Азефа и тѣмъ обезвредить его полиція никакъ не могла, онъ былъ неуловимъ, благодаря своей необычайной ловкости.

Между тѣмъ, въ примѣчаніи своемъ или, какъ называетъ его „суд.-сл. комиссія“, „Дополненіи“, членъ центр. комит. К. говоритъ: по поводу показанія т. Я. (Черновъ. В. А.): „долженъ сказать, что это—догадки т. Я. (о полицейской интригѣ), а не объясненіе ц. к. Никогда ни по какому поводу ц. к. не вырабатывалъ какого-либо общаго объясненія“ (Курс. мой. В. А.).

Казалось, что разъ „суд.-сл. комиссія“ построила оправданіе ц. к. на томъ, что всѣ указанія на Азефа, какъ на провокатора—вплоть до подтвержденія Лопухина, являются „полицейской интригой“, то послѣ „добавленія“ *К.*—тоже члена ц. к., что такой легенды никогда въ ц. к. не существовало, комиссія должна была бы найти другое объясненіе столь долгому пребыванію Азефа въ партіи.

Но „суд.-сл. комиссія“ рѣшаетъ дѣло гораздо проще. Къ этому уничтожающему всю ея работу замѣчанію *К.* она дѣлаетъ такое примѣчаніе: „Это замѣчаніе т. *К.* не противорѣчитъ утвержденію комиссіи, что руководители партіи видѣли источникъ обвиненія противъ Азефа въ полицейской интригѣ, ибо, утверждая это, комиссія не предполагала, конечно, выработки какого-либо постановленія ц. к. по данному вопросу“. Но, во-1-хъ, *К.* и не говоритъ о выработкѣ постановленія, во-2-хъ, какъ же замѣчаніе *К.* не противорѣчитъ утвержденію комиссіи, когда онъ говоритъ, что никогда въ ц. к. не существовало легенды о „полицейской интригѣ“.

Но комиссія, дѣлая это примѣчаніе, забыла, что на стр. 60 она сама говоритъ, что „эта гибельная гипотеза полицейской интриги очень быстро заняла положеніе официальной версіи, объясняющей всѣ слухи о провокаціи Азефа“... Слѣдовательно правъ *К.*, говоря о „выработкѣ объясненія“; развѣ „официальная версія“ не является таковымъ? А на стр. 66 комиссія уже сама себя опровергаетъ: „Но, если неуловимость Азефа могла еще казаться сколько-нибудь правдоподобной до 1905 г., когда предполагалось, что онъ ведетъ себя чрезвычайно конспиративно, то послѣ дней свободъ, въ 1906 г., когда Азефъ, такъ сказать, „разконспирировался“, *открыто жилъ и встрѣчался въ Финляндіи со всѣми членами ц. к. и боевиками, часто открыто ѣздилъ въ Петербургъ*, такая неуловимость его должна была-бы казаться совершенно непонятной. Какъ объяснить то, что, зная дѣятельность Азефа, зная его имя, имѣя возможность установить его личность и прослѣдить его при его многочисленныхъ поѣздкахъ въ Петербургъ, полиція все-таки не можетъ захва-

тить его и вымѣщаетъ свою злобу клеветой? Гипотеза полицейской интриги при такихъ условіяхъ представлялась уже совершенно несостоятельной“.

Такъ хорошо пишетъ сама комиссія и все же оправдываетъ ц. к. на основаніи этой же совершенно несостоятельной гипотезы.

На стр. 47 комиссія пишетъ: „Вообще мнѣніе, что Азефъ руководилъ всѣми общепартійными дѣлами и голосъ его имѣлъ рѣшающее значеніе во всѣхъ сферахъ партійной дѣятельности—невѣрно“.

Но ужъ на слѣдующей 48 и 49 стр. комиссія сама рассказываетъ, что въ апрѣлѣ 1904 г. Азефомъ въ центральный комитетъ были кооптированы Q. (Селюкъ. В. А.) и Ж. (Слетовъ. В. А.). А затѣмъ безъ вѣдома и согласія этихъ двухъ кооптированныхъ имъ въ ц. к. лицъ, Азефъ кооптировалъ еще двухъ. Когда Слетовъ и Селюкъ протестовали противъ такихъ дѣйствій Азефа, то, несмотря на то, что Слетова признали правымъ остальные члены ц. к., ушелъ изъ ц. к. не Азефъ, а Слетовъ—и „ц. к. съ этимъ примирился“. А на стр. 24 Черновъ доказываетъ: „Къ этому же времени относится цѣлый рядъ его (Азефа. В. А.) поѣздокъ съ *организационными цѣлями*, о которыхъ онъ намъ *потомъ* рассказывалъ: Воронежъ, Самара, Саратовъ, Кіевъ, Одесса и цѣлый рядъ другихъ мѣстъ!“ (Курс. мой. В. А.). Замѣтимъ еще, что вѣдь Савинковъ тоже давалъ свои показанія комиссіи; его же „Воспоминанія“ такъ и пестрятъ—„Азефъ уѣхалъ по общепартійнымъ дѣламъ“, „Азефъ послалъ меня по общепартійныхъ дѣламъ“, „Азефъ уѣхалъ по дѣламъ организовавшагося подъ его руководствомъ ц. к.“.

Между тѣмъ, какъ остальные члены ц. к., кромѣ короткихъ дней „свободы“, проводили все время за-границей, Азефъ все время или леталъ по общепартійнымъ дѣламъ или же къ нему по этимъ же дѣламъ должны были пріѣзжать партійные работники. А разъ онъ кооптируетъ въ ц. к. и—*организуетъ* ц. к.,—руководящій органъ всей партіей, то кому же, какъ не ему, принадлежитъ одна изъ главныхъ ролей?

Объ Азефѣ же вѣдь Савинковъ сказалъ Рутенбергу:

„Ты оскорбилъ въ его лицѣ честь партіи и всей исторіи партіи“, такъ какъ Рутенбергъ написалъ Азефу, что не хочетъ и не можетъ его больше видѣть и „только“. А позже Савинковъ сказалъ Бурцеву: „Азефъ и партія одно и то же“. О томъ, что Азефъ былъ всѣмъ въ „б. о.“, никто не споритъ. Слѣдовательно, утвержденіе „суд.-сл. комиссія“ ни на чемъ не основано.

„Суд.-сл. комиссія“ не открыла ни одного новаго факта и даже разсмотрѣла не всѣ факты, указанные Бурцевымъ, Бакаемъ, Липинымъ, а только запутала и затемнила ихъ.

Она не только не разсмотрѣла всего того, что печаталось объ Азефѣ и ц. к. въ легальной прессѣ, она не обратила никакого вниманія на то, что писалось о провокаціи вообще и объ Азефѣ въ частности, хотя бы, въ „Быломъ“, издававшемся въ Парижѣ Бурцевымъ, гдѣ помѣщены были статьи всѣми уважаемаго, заслуженнаго революціонера „С.-р.“, не разъ нами цитированнаго, Рутенберга—о дѣлѣ Гапона, Рысса о предупрежденіи имъ ц. к. объ Азефѣ, какъ провокаторѣ, и Бакай о провокаціи и Азефѣ. Она не допросила ни Рутенберга, ни Мельникова, арестованнаго по дѣлу Гершуни, указывавшаго на Азефа, какъ на провокатора, еще въ Шлиссельбургѣ, ни Рысса—всѣхъ этихъ лицъ, жившихъ тогда за-границей, ни Меньщикова, у котораго она могла бы взять подлинникъ его письма о провокаторствѣ Татарова и Азефа и не давать его въ искаженномъ и неполномъ видѣ; Бакай также не былъ допрошенъ, какъ не былъ допрошенъ и Карповичъ, несмотря на то, что изъявилъ на это письменное согласіе, посланное комиссіи (№ 32 „Знамени Труда“). Между прочимъ, комиссія отчасти оправдываетъ ц. к., что Азефъ ушелъ цѣлъ и невредимъ тѣмъ, что Карповичъ обѣщалъ всѣхъ ихъ перестрѣлять. И объ этомъ чистомъ, честномъ революціонерѣ комиссія выражается такъ: „Это совершенно чуждое соціалистической средѣ проявленіе грубой и разнузданной солдатчины, на которое ц. к. долженъ былъ отвѣтить полнымъ презрѣніемъ, было однако одной изъ причинъ той нерѣшительности, которую онъ обнаружилъ въ послѣдней стадіи Азефовскаго дѣла“. Такъ квалифицируетъ комиссія

слова Карповича, переданныя ей, конечно, однимъ изъ членовъ ц. к.; на основаніи такой передачи словъ Карповича, комиссія оправдываетъ ц. к. въ томъ, что онъ не убилъ Азефа, и даже не желаетъ выслушать самого Карповича и узнать отъ него, что, можетъ быть, несмотря на усиленно распускаемые слухи о сказанныхъ имъ словахъ, онъ этихъ словъ и не говорилъ, или говорилъ, ничего не зная изъ того, что такъ тщательно скрывалъ ц. к. объ Азефѣ! Но зато „суд.-сл. комиссія“ читаетъ „Знамя Труда“ и даже цитируетъ его.

Разбирая, почему на ц. к. не произвело впечатлѣнія даже саратовское письмо, обличающее Азефа въ провокаціи, „суд.-слѣдств. комиссія“ говоритъ: „сказался здѣсь еще одинъ моментъ, который въ революціонныхъ организаціяхъ занимаетъ и долженъ занимать весьма большое мѣсто: чувство товарищества“... И далѣе: „чувство товарищества, продолжаетъ Н. М., оскорблялось ужъ тѣмъ, что вотъ мы тутъ сидимъ и обсуждаемъ письмо и содержащееся въ немъ обвиненіе—одни, безъ Ивана Николаевича (Азефа), даже безъ его вѣдома; а онъ въ это самое время ведетъ въ Питерѣ сложную и опасную работу, ежеминутно рискуя висѣлицей, подкрѣпляемый лишь убѣжденіемъ въ нашей любви, въ нашемъ полномъ довѣріи къ нему, къ его силамъ и способностямъ“ („Закл. суд.-сл. к.“, стр. 67).

Все это было бы очень нѣжно и трогательно, если-бы не было такъ жестоко. Вѣдь саратовское письмо снова указывало неоспоримыми данными, что Азефъ провокаторъ, а Н. М. (Ракитниковъ), такъ трогательно говорящій объ Азефѣ, такъ жестоко забываетъ о боевикахъ, дѣйствительно гибнувшихъ на висѣлицахъ и въ возстаніяхъ, такъ легкомысленно забываетъ о народѣ, во имя котораго партія дѣйствовала.

Комиссія совершенно не вникла, не разобрала причинъ партійныхъ нравовъ, благодаря которымъ Азефъ могъ продержаться въ партіи столько лѣтъ, какъ не продерживался ни въ одной партіи ни одинъ провокаторъ, „работавшій“ въ боевыхъ ея дѣлахъ, несмотря на то, что ни объ одномъ провокаторѣ не было извѣстно столько уличающихъ его фактовъ, какія были извѣстны центр. комитету п. с.-р. объ Азефѣ.

Тѣ факты, которые уличали Азефа и были собраны Бурцевымъ, „С.-р.“, „конспиративной комиссіей“ Парижской группы с.-р., Бакаемъ, составляли, конечно, сотую долю того, что могло бы быть выяснено объ Азефѣ самимъ центральнымъ комитетомъ.

Въ „конспиративной комиссіи“ были нѣкоторые факты, указывающіе на роль Азефа въ возстаніяхъ, ихъ было недостаточно для того, чтобы она могла выступить съ ними въ то время, но „суд.-сл. комиссія“, если-бъ не была „эманацией“ ц. к., могла бы собрать ихъ сколько угодно. А роль Азефа въ раскрытіи полиціи плановъ готовящихся возстаній должна была быть не маловажной. Вѣдь сколько онъ выяснилъ только своей поѣздкой въ Македонію, отправлявшей оружіе и взрывчатые вещества въ Россію и на Кавказъ! А его участіе въ дѣлѣ отправки оружія на пароходѣ „Джонъ Крафтонъ“, его сообщенія Ратаеву, что возстаніе у всѣхъ на языкѣ, что всѣ революціонныя партіи хотятъ соединиться для совмѣстныхъ дѣйствій въ возстаніяхъ и вооруженіи массъ оружіемъ и бомбами: о бомбахъ теперь говорятъ, какъ объ обычной вещи, за Циліакуса нужно внимательно взяться, онъ бываетъ въ Гамбургѣ, гдѣ закупаетъ оружіе, и т. д.!

Начальникъ же и покровитель Азефа, по словамъ Бакая, провоцировалъ возстаніе въ Москвѣ въ 1905 г., въ то время какъ боевики всѣхъ партій были противъ того, чтобы поднять возстаніе, такъ какъ знали, что нѣтъ достаточныхъ силъ для этого. Въ это время въ одной черносотенной газетѣ появилось извѣстіе, что въ Петербургѣ возстаніе. Съ этой газетой пришло двое с.-р. на собраніе боевиковъ, которые рассказали, что къ с.-р. пришли представители двухъ московскихъ полковъ съ заявленіемъ, что одинъ будетъ нейтраленъ, а другой присоединится къ возставшимъ, а если въ Москвѣ возстанія не будетъ, то они уходятъ въ Петербургъ, на помощь возставшимъ тамъ. По свидѣтельству же Бакая, Рачковскій приказалъ московскимъ провокаторамъ дѣлиться свѣдѣніями о назрѣвавшемъ возстаніи въ Москвѣ только съ нимъ, а не съ мѣстными властями. Въ самый же разгаръ возстанія Рачковскій неоднократно пріѣзжалъ въ Москву и велъ тайнственные пе-

реговоры съ провокаторами. Начальство наградило Рачковского 75-ю тысяч. рублей за усмиреніе Москвы (Бакай, „Азефъ, Столыпинъ и провокація“—„Былое“ № 9—10, Парижъ 1909 г.). А разъ допустить, что Рачковскій и спровоцировалъ возстаніе и усмирилъ его въ Москвѣ, и что онъ велъ переговоры съ провокаторами, то, конечно, прежде всего и больше всего помогаль ему во всемъ этомъ Азефъ. Конечно, всѣ эти утвержденія Бакай и нѣкоторыхъ другихъ требуютъ еще дальнѣйшаго, если возможно, документальнаго разбора и подтвержденія.

Многіе утверждаютъ также, что въ Свеаборгѣ и Кронштадтѣ возстаніе вспыхнуло раньше, чѣмъ рѣшено было, и при такихъ обстоятельствахъ, которыя сразу обрекали на неудачу. Азефъ же зналъ обо всемъ этомъ и передъ возстаніями бывалъ и въ Москвѣ, и въ Кронштадтѣ.

Но „суд.-сл. комиссія“, повторяемъ мы, даже не коснулась роли Азефа въ возстаніяхъ, а вѣдь сколько было неудачныхъ возстаній, и с.-р., слѣдовательно, и Азефъ въ нихъ принимали участіе.

Какъ Азефъ парализовалъ все, что предпринималось для возстанія въ Петербургѣ, ясно изъ воспоминаній Савинкова.

Правда была Парижская группа социалистовъ - революціонеровъ (называемая еще „лѣвой“ групп. с.-р.), постановившая, что, въ виду условій формированія, эта комиссія обречена на тенденціозность сужденій и на бесплодность, въ лучшемъ случаѣ, практическихъ результатовъ. Правы были максималисты и члены московской оппозиціи п. с.-р., которые могли бы дать много матеріала для пониманія партійныхъ нравовъ, способствовавшихъ столь пышному расцвѣту Азефа, и которые все же не довѣрили этого матеріала комиссіи. Правы были и с.-р., не стоявшіе официально въ оппозиціи къ ц. к., и все же не пожелавшіе имѣть дѣло съ этой комиссіей.

„Суд.-слѣдств. комиссія“ не затронула роли Азефа, какъ предателя въ возстаніяхъ, не выяснила, почему ц. к. требовалъ, чтобы Владивостокъ, Иркутскъ и др. ждали бы ди-

рективъ отъ ц. к., благодаря чему благопріятный моментъ мѣстными организаціями упускался, а директивы отъ ц. к. приходили такъ поздно, что нельзя ужъ было ничего сдѣлать.

Благодаря работѣ такой суд.-сл. комиссіи—и послѣ нея въ партіи с.-р. осталось все по-прежнему, партія не была избавлена отъ элементовъ, губившихъ ее, и до сихъ поръ бывшіе друзья и бывшіе защитники Азефа играютъ въ ней руководящую роль.

1910 годъ. Азефъ требуетъ суда.

Но судебно-слѣдств. комиссіей не заканчивается еще Азефовская эпопея. Черезъ 2 года послѣ разоблаченія, въ декабрь 1910 г. Азефъ написалъ письмо своей женѣ, которое Бурцевъ напечаталъ 5 ноября 1911 г. въ № 3 „Будущаго“, издававшегося имъ въ Парижѣ.

По этому поводу, завѣдующій Парижской охранкой посылаетъ въ Деп. Полиціи шифрованную телеграмму 1 ноября 1911 г. и сообщаетъ, что письмо Азефа было адресовано женѣ Азефа, она передала это письмо въ началѣ 1911 г. въ заграничную делегацію п. с.-р., которая, обсудивъ его, рѣшила отказаться отъ всякихъ сношеній съ Азефомъ. Бурцевъ узналъ о существованіи письма и, когда началъ издавать „Будущее“, просилъ делегацію дать ему для напечатанія. Телеграмма эта была доложена министру.

Азефъ въ своемъ письмѣ, какъ и всѣ провокаторы, говоритъ, что онъ выдалъ только „кое-кого и кое-что“, и хочетъ, чтобы былъ устроенъ судъ надъ нимъ, но чтобы судьями были „его старые товарищи по ц. к.“. Затѣмъ Азефъ добавляетъ, что если его судъ приговоритъ къ смерти, то чтобы всѣ протоколы суда были бы напечатаны и въ русской и иностранной прессѣ; если же его не приговорятъ къ смерти, то протоколовъ можно и не печатать. (Конецъ этотъ въ № 3 „Будущаго“ не помѣщенъ. В. А.).

Словомъ, провокаторъ продолжаетъ вести себя такъ же нагло, какъ нагло (выраж. „суд.-сл. комиссіи“) онъ велъ

себя накануне своего официального разоблачения—на Лондонской конференціи,— что, впрочемъ, вполне провокатору подобаетъ.

Провокаторъ, желая суда надъ собой, самъ ставитъ условія: чтобы судили его—старые его друзья и упорные защитники, чтобы на судъ присутствовала жена и, наконецъ, наиболее странное условіе: чтобы протоколы обязательно были бы опубликованы только въ случаѣ, если судъ приговоритъ его къ смерти. „Суд.-сл. комиссія“, еще засѣдавшая въ моментъ полученія делегаціей этого письма и въ моментъ опубликованія его въ „Будущемъ“, совершенно не заинтересовалась выяснить, почему несомнѣнный, злостный провокаторъ, не пожелавшій явиться на судъ надъ Бурцевымъ и бѣжавшій отъ суда въ 1909 году, можетъ желать суда надъ собой въ 1910 г., и что означаетъ послѣднее его условіе.

Делегация призвать Азефа къ суду отказалась.

Много было разговоровъ по поводу письма Азефа послѣ опубликованія и въ Пар. гр. содѣйствія п. с.-р. („правой“), одни были за судъ, другіе противъ, но нигдѣ ни одного голоса среди с.-р. не раздалось, что къ явному, злостному провокатору примѣняютъ не обычный, а „военно-полевой судъ“, партійнымъ же, товарищескимъ судомъ судить должны тѣхъ, кто защищалъ такого провокатора всѣми правдами и неправдами.

Заключеніе.

Азефъ, слѣдовательно, пробылъ на службѣ у Департ. Полиціи болѣе 16 лѣтъ,—срокъ, небывалый для провокатора, если принять вниманіе въ особенности то, что онъ состоялъ около 10 лѣтъ въ партіи соц.-революціонеровъ и въ ея боевой организаціи. По свидѣтельству лицъ, работавшихъ въ боевыхъ организаціяхъ, провокаторъ, проникающій туда, обнаруживается довольно скоро, такъ какъ боевики живутъ

гораздо конспиративнѣе и имѣлъ дѣло съ очень ограниченнымъ кругомъ лицъ по сравненію съ занимающимися общепартійными дѣлами. И проваливались провокаторы-боевики,—или же во всякомъ случаѣ заподозривались въ провокаціи на столько, что ихъ отстраняли отъ дѣла,—часто благодаря лишь произведеннымъ арестамъ или допросамъ жандармовъ о дѣлахъ или лицахъ, извѣстныхъ только данному, весьма ограниченному кругу.

Объ Азефѣ же, какъ о провокаторѣ, говорили не только дѣла его, но, какъ мы знаемъ, были сдѣланы прямыя указанія и изъ полицейскихъ сферъ, и изъ революціонной среды.

Первое по времени изъ извѣстныхъ до сихъ поръ указаній на Азефа, какъ на провокатора, было сдѣлано въ 1902 г. студентомъ военно-медицинской академіи, работавшимъ въ Петербургской эс-эровской организаціи съ однимъ рабочимъ; послѣдній и указалъ этому студенту на Азефа, какъ на провокатора. „Рабочій этотъ былъ въ сношеніяхъ съ охранкой, но затѣмъ раскаялся“ („Закл. суд.-сл. ком.“).

Вскорѣ послѣ обвиненія Азефа въ провокаціи, студентъ этотъ былъ арестованъ.

Замѣтимъ, что лица, указывавшія на Азефа, обыкновенно подвергались этой участи. Такъ было и съ одесскимъ охранникомъ *Соркинымъ*, и съ „больнымъ с.-р. М.“ (С.-р.—„Былое“ 1909 г.), и съ тѣмъ, кому Гершуни поручилъ расслѣдовать свѣдѣнія саратовскаго охранника. Татаровъ, разгадавшій, что Азефъ провокаторъ, былъ по настоянію Азефа убитъ; Гапонъ, который могъ узнать, какъ узналъ и С. Рыссъ (Мортимеръ), о провокаторствѣ Азефа, подвергся той же участи.

Но, конечно, не всѣхъ „недоброжелателей Азефа“ постигала карающая рука „охранки“... Литераторъ Рубакинъ, хотя также высказывалъ М. Гоцу свои подозрѣнія о провокаціи Азефа, до сихъ поръ здравствуетъ.

Мих. Мельниковъ, арестованный по дѣлу Гершуни въ 1903 г., сообщилъ въ Плиссельбургѣ Гершуни о своихъ подозрѣніяхъ относительно Азефа, основанныхъ на томъ, что

по всѣмъ адресамъ, найденнымъ у него, были произведены обыски и аресты, только одинъ Азефъ остался цѣль и невредимъ, хотя у Мельникова найдено было письмо Азефа, по которому ничего не стоило добратъся до автора.

Арестъ Ремянниковой въ 1903 г. и арестъ Клитчоглу въ началѣ 1904 г. давали столько указаній на Азефа, что онъ, хорошо понимая грозящую ему опасность, страшно негодовалъ на Департаментъ Полиціи. Съ Ремянниковой Азефъ поддерживалъ „самыя тѣсныя дѣловыя отношенія“, а, кромѣ того, она была арестована и у нея была взята нелегальная литература, только наканунѣ принесенная Азефомъ. Чтобы рѣшить, пойти ли Азефу на свиданіе съ Клитчоглу или арестовать ее, — собирался весь полицейскій Олимпъ, подъ предсѣдательствомъ д-ра Д-та Пол. Лопухина, — начальникъ охр. отд. Кременецкій, нач. Особаго Отд. Д-та Пол. Макаровъ и завѣдующій Заграничною Агентурой, бывшій въ то время непосредственнымъ начальникомъ Азефа, Ратасвъ. На этомъ засѣданіи рѣшено было отложить арестъ Клитчоглу до болѣе удобнаго времени и разрѣшить Азефу пойти на свиданіе съ ней; видно, это свиданіе должно было перевѣсить ту пользу, которую можно было извлечь изъ ареста ея. Но послѣ свиданія съ Азефомъ, черезъ 2 дня, Клитчоглу была все же арестована по „пустяковому поводу“. На сколько этимъ преждевременнымъ арестомъ выдавался Азефъ, ясно изъ того, что и Деп. Пол. призналъ этотъ арестъ, въ силу тѣхъ же соображеній, ошибкой...

Неудавшееся покушеніе на Плеве 18 марта 1904 г. у зданія Деп. Пол., гдѣ жилъ Плеве, ясно указывало, что полиціи не только былъ извѣстенъ этотъ заговоръ, но извѣстна была даже диспозиція террористовъ настолько хорошо, что изъ всѣхъ участниковъ окружается шпиками и этимъ самымъ прогоняется съ поля битвы только тотъ, кто первый долженъ былъ бросить бомбу. Каляевъ же, несравненно болѣе бросавшійся въ глаза, остарляется въ покоѣ. Какъ мы знаемъ уже, благодаря этимъ предохранительнымъ мѣрамъ шпиговъ, осуществленнымъ только вслѣдствіе точнаго знакомства съ диспозиціей террористовъ, покушеніе на

Плеве на этотъ разъ не состоялось. Азефу извѣстна была эта диспозиція, такъ какъ онъ самъ участвовалъ въ выработкѣ ея...

Арестъ Слетова, и особенно лицъ, связанныхъ съ нимъ, выдавалъ Азефа, пожалуй, еще больше, чѣмъ предыдущіе факты. Если можно было еще свалить на слѣжку шпиговъ арестъ Слетова на границѣ при переѣздѣ его изъ Швейцаріи въ Россію—около 20 сент. 1904 г., то какъ объяснить, что матросъ-латышъ, только что пріѣхавшій въ Петербургъ на англійскомъ пороходѣ и подходившій къ ресторану на Вас. Островѣ, гдѣ долженъ былъ ждать его Слетовъ—тоже былъ арестованъ?! О поѣздкѣ Слетова и о лицахъ, съ которыми онъ долженъ былъ видѣться по пріѣздѣ въ Россію, извѣстно было только нѣкоторымъ членамъ центр. комитета п. с.-р., Азефу въ томъ числѣ.

То же самое можно сказать и о поѣздкѣ такъ-наз. „аграрниковъ“, о времени отъѣзда каждаго изъ нихъ изъ Женевы, о паспортахъ, съ которыми они должны были переѣхать за-границу или жить въ Россіи. Документъ Д-та Полиціи со всѣми этими свѣдѣніями былъ переданъ Бундомъ въ редакцію „Револ. Россіи“ и напечатанъ въ „Извѣстіяхъ Бунда“ въ Женевѣ, гдѣ находится и ц. к. п. с.-р.

Арестъ Слетова и латыша-матроса, а также этотъ документъ Департамента Пол. ясно указывали, что среди нѣсколькихъ лицъ изъ центр. комит., только и знавшихъ о томъ и другомъ—есть провокаторъ. Самое незначительное разслѣдованіе привело бы къ Азефу. Онъ вѣдь и самъ пишетъ Ратаеву: „Здѣсь въ Женевѣ въ группѣ соц.-рев. это письмо (письмо бундистовъ въ „Рев. Росс.“ объ аграрникахъ. В. А.) привело *всѣхъ* къ мысли, что имѣется провокаторъ, который очень близко стоитъ ко всякимъ дѣламъ, да притомъ такой, который знакомъ и съ парижскими дѣлами, такъ какъ Веденяпинъ (одинъ изъ аграрниковъ) живетъ въ Парижѣ“ (Курс. мой. В. А.). Слѣдовательно, даже членамъ группы с.-р. было ясно, что только благодаря провокатору Д-тъ Пол. могъ имѣть свѣдѣнія объ „аграрникахъ“ и что этотъ провокаторъ—членъ ц. к., знающій хорошо парижскія дѣла. Такимъ именно лицомъ и былъ Азефъ.

Почти черезъ два мѣсяца Азефъ снова пишетъ Ратаеву, что „Хилковскій циркуляръ (среди аграрниковъ былъ кн. Хилковъ. В. А.) все занимаетъ и занимаетъ здѣшнюю организацію, всѣ убѣждены, что имѣется провокаторъ“. Какъ мы уже упоминали, нѣкоторые аграрники были увѣрены, что именно Азефъ и является провокаторомъ.

Въ то самое время, когда организацію соц.-революціонеровъ въ Женевѣ, гдѣ находится и ц. к. партіи с.-р., все еще занимаетъ этотъ „Хилковскій циркуляръ“, пріѣзжаетъ изъ Россіи Витенбергъ (въ концѣ января 1905 г.) и рассказываетъ, что ему на допросахъ жандармы говорили, что имъ извѣстна цѣль его пріѣзда изъ-за границы—организовать „всякія мастерскія для Левита“, о чемъ знали только *четыре*: самъ Витенбергъ, Левинъ, Левитъ и Азефъ.

Кто же могъ сообщить это жандармамъ, какъ не провокаторъ? И въ связи съ уже имѣющимися фактами, легко было дойти до Азефа, тѣмъ болѣе, что еще до ареста Слепова и опубликованія документа объ „аграрникахъ“, самъ Азефъ пишетъ Ратаеву: „Тутъ есть группа лицъ, которая какъ будто меня избѣгаетъ... Мнѣ кажется, вопросъ идетъ о довѣріи“. Слѣдовательно, еще до приведенныхъ только что фактовъ существовало недовѣріе къ Азефу...

Въ началѣ августа 1905 г. въ Саратовѣ находилась Брешковская. Одинъ изъ саратовскихъ охранниковъ явился къ тѣмъ, у кого она жила, и предупредилъ, что Брешковскую хотятъ арестовать, и вмѣстѣ съ тѣмъ указалъ, какъ она можетъ этого избѣгнуть. На совѣщаніи нѣсколькихъ с.-р. немедленно былъ выработанъ планъ отъѣзда Брешковской изъ Саратова. Присутствовалъ на этомъ засѣданіи и Азефъ.

Не досидѣвъ до конца, онъ ушелъ, когда планъ былъ уже выработанъ. Въ день отъѣзда Брешковской оказалось, что этотъ новый маршрутъ ея тоже извѣстенъ уже петербургскимъ охранникамъ, пріѣхавшимъ арестовать ее. Ареста удалось все же избѣжать, благодаря тому, что одинъ изъ участниковъ совѣщанія встрѣтился съ тѣмъ охранникомъ, который уже предупреждалъ о грозящемъ Брешковской арестѣ, и тотъ сообщилъ, что все пропало, если не удастся

еще разъ измѣнить маршрута „Бабушки“. Удалось достать лошадь и догнать Брешковскую. Тогда же с.-р-амъ былъ переданъ саратовскій адресъ пріѣхавшаго туда „большого провокатора“ и сообщено, кто изъ с.-р. съ нимъ видится и сколько онъ получаетъ и даже примѣты его. Провокаторомъ этимъ и былъ Азефъ. Разсказъ о бѣгствѣ Брешковской былъ извѣстенъ въ Петербургѣ зимой 1905 г.; онъ не могъ не дойти и до центрального комитета.

Если вспомнить, что Шаниро (служившій въ Департаментѣ Полиціи), еще въ концѣ февраля (ст. ст.) 1905 г. давшій парижскимъ с.-р. различныя свѣдѣнія, касающіяся п. с.-р., и между прочимъ, что Д-ту Полиціи извѣстно, что послѣ Америки Брешковская собирается въ Россію и что Деп. Пол. думаетъ тамъ ее арестовать, если сопоставить съ этими свѣдѣніями данныя, полученныя отъ саратовскаго охранника, чуть не пальцемъ указавшаго на Азефа, какъ на большого с.-р-овскаго провокатора, если присоединить къ этому еще всѣ обстоятельства бѣгства Брешковской,—то, казалось, не трудно было придти къ заключенію, что именно Азефъ и сообщилъ Департаменту Полиціи о желаніи Брешковской поѣхать въ Россію.

Послѣ всѣхъ этихъ указаній на Азефа, въ концѣ августа 1905 г. центральнымъ комитетомъ партіи с.-р. было получено Менъщиковское письмо, гдѣ указаны были нѣкоторыя изъ выдачъ Азефа, въ томъ числѣ и выдача мѣстопробыванія Брешковской въ Саратовѣ.

Ц. к. повѣрилъ только той части письма Менъщикова, которая касалась Татарова. Послѣ нѣкотораго разслѣдованія было признано, что Татаровъ дѣйствительно провокаторъ, такъ какъ кромѣ указаній Менъщикова онъ былъ уличенъ еще во лжи и въ тратѣ значительныхъ суммъ на кутежи. Татарова рѣшили „изъять“, на чемъ особенно настаивалъ Азефъ. Не лишена интереса деталь: не всѣ приговорившіе Татарова къ смерти знали, что вторая часть письма Менъщикова обвиняетъ въ провокаціи и Азефа.

По совершенно непонятной причинѣ указанія Менъщикова относительно Азефа были признаны не заслуживающими

вниманія настолько, что не то, что какого бы то ни было разслѣдованія, но даже простого сопоставленія ареста Слептова, документа объ „аграрникахъ“ съ указаніями Витенберга, студента воен.-мед. академіи, Шапиро (который передалъ со словъ Ратаева, что у с.-р. въ Женевѣ есть 2 провокатора—не Азефъ ли и Татаровъ?), саратовскаго охранника и съ письмомъ Менъщикова сдѣлано не было. Отвѣтственность центрального комитета въ данномъ случаѣ была огромна. Азефъ вѣдалъ и общепартійную работу, и боевую организацію, гдѣ даже незначительный провокаторъ грозилъ членамъ ея висѣлицами и каторгой.

Членъ ц. к. Черновъ считалъ указаніе Менъщикова „полицейской интригой“, но какъ объяснить, что полиція прибѣгаетъ къ оклеветанію Азефа съ цѣлью, чтобы с.-р. убили его, какъ провокатора, тогда какъ она сама съ чрезвычайной легкостью могла арестовать его. Такъ, ей было, напримѣръ, прекрасно извѣстно, въ какомъ номерѣ какой гостиницы живетъ Азефъ, какъ объ этомъ с.-р-амъ и сообщалъ охранникъ же. Совершенно ясно, что гораздо проще арестовать въ этой гостиницѣ Азефа, чѣмъ для одурачиванія с.-р-овъ и для оклеветанія Азефа жертвовать своимъ важнымъ провокаторомъ Татаровымъ, который находился уже въ самомъ центрѣ партіи — былъ кандидатомъ въ члены ц. к.

Но въ письмѣ Менъщикова была еще одна „копейка“, по выраженію „с.-р.“, дающая возможность открыть миллионное мошенничество,—Менъщиковъ писалъ, что инженеръ Азіевъ (онъ слегка измѣнилъ фамилію Азефа или Азева, какъ его тоже называли, чтобы этимъ отвлечь подозрѣніе Д-та Полиціи отъ себя) живетъ по паспорту Валуйскаго. Ц. к. же, по крайней мѣрѣ нѣкоторые члены его, конечно, знали, что по этому паспорту жилъ, какъ нелегальный, Азефъ.

Если Департаментъ Полиціи зналъ, по какому паспорту живетъ этотъ великій революціонеръ, и столь вредный для правительства, то развѣ мыслимо допустить, что охранники его не арестуютъ, а прибѣгнутъ къ анонимному письму и, главное, выдадутъ такого важнаго провокатора, какъ Тата-

ровъ, успѣвшаго выдать полиціи не мало террористовъ. На это убійственное соображеніе уже обращали вниманіе центральнаго комитета партіи социалистовъ - революціонеровъ и часто цитированный нами „С.-р.“, а затѣмъ и Бурцевъ.

Что же касается образа жизни и кутежей Татарова, то думаемъ, что кутиль Азефъ не меньше, а гораздо больше его, и что объ азефовскихъ кутежахъ были освѣдомлены не только охранники, но и нѣкоторые члены ц. к. партіи с.-р.

Непонятно также, почему убійство Татарова, совершенное по постановленію центр. комитета п. с.-р. въ апрѣлѣ 1906 г., было официально признано дѣломъ партіи лишь послѣ объявленія ею Азефа провокаторомъ, т.-е. только въ февралѣ 1909 года?!

Центр. комитетъ п. с.-р. не пожелалъ даже войти въ сношенія съ Менъщиковымъ и получить отъ него и другія разоблаченія. Для этого нужно было только напечатать въ „Революціонной Россіи“ — „Доброжелателямъ — исполнено“. Такого объявленія въ „Рев. Росс.“ не появилось. Почему?

На этотъ вопросъ отвѣтъ даетъ Черновъ: „просьба объ объявленіи въ „Нов. Вр.“ не могла имѣть къ намъ (заграничнымъ членамъ партіи) никакого отношенія, потому что это нужно было сдѣлать въ Россіи“ („Закл. суд.-сл. к.“, стр. 60).

Изъ этого страннаго отвѣта вытекаетъ, что у центр. комитета партіи, сидѣвшаго за-границей, не было связей въ Россіи даже настолько, чтобы помѣстить простое объявленіе! Но курьезнѣе всего, что Менъщиковъ и не просилъ помѣщать объявленія въ „Новомъ Времени“, въ чемъ можно убѣдиться изъ приведеннаго нами точнаго текста его письма. Въ „Революціонной Россіи“ же отвѣта Менъщикову тоже не было дано, т.-е., по просту говоря, дальнѣйшихъ разоблаченій не пожелали.

Слѣдуетъ отмѣтить, что у Менъщикова сказано о выдачѣ Татаровымъ Иваницкой, Старынкевича, Леоновича, Сухомлина и Акимовой, а въ письмѣ Менъщикова, напечатанномъ въ „Закл. суд.-слѣдств. комиссіи“, къ этимъ лицамъ прибавлено еще 4: „Бар., Фре., Николаевъ и Фейтъ“. Какъ будто

отъ увеличенія числа „выдачъ“ Татарова стало еще болѣе убѣдительнымъ его провокаторство?!

Въ 1905 году невозможно также было не обратить вниманія центральному комитету партіи с.-р. на многочисленныя неудачи, постигшія всѣ приготовленія къ возстанію въ Петербургѣ: взрывъ моста на Николаевской желѣзной дорогѣ не былъ совершенъ, „взрыва охраннаго отдѣленія, электрическихъ, телефонныхъ, освѣтительныхъ проводовъ, арестъ гр. Витте и пр. тоже не могли быть приведены въ исполненіе, отчасти потому, что въ нѣкоторыхъ пунктахъ намѣченныя мѣста охранялись такъ строго, какъ будто полиція была заранѣе предупреждена о покушеніи“ (Восп. Савинкова, „Былое“ № 1 1918 г.). Затѣмъ, тогда же былъ произведенъ арестъ двухъ динамитныхъ мастерскихъ и лицъ, хотя и связанныхъ съ ними, но даже и не приступившихъ еще къ работѣ.

Всѣ эти планы и приготовленія къ возстанію были выработаны „боевымъ комитетомъ партіи с.-р.“, который состоялъ всего изъ 2 лицъ: Савинкова и Азефа.

Въ самыя рискованныя предпріятія ц. к. ставилъ неизмѣнно все того же Азефа.

Если-бъ ц. к. обратилъ должное вниманіе на всѣ эти неудачи „боевого комитета“ тотчасъ же или, по крайней мѣрѣ, при дальнѣйшихъ указаніяхъ на Азефа, хотя бы послѣ провала Сѣверн. летуч. отряда въ февралѣ 1908 г., когда центр. комитетъ самъ взялся разслѣдовать, не былъ ли этотъ провалъ слѣдствіемъ провокаціи, то здѣсь пришлось бы выбирать только изъ 2 лицъ, составляющихъ „боевой комитетъ“, такъ какъ только этимъ двумъ лицамъ были извѣстны всѣ планы и предпріятія комитета. Задача центр. комитета, слѣдовательно, являлась еще болѣе простой, чѣмъ въ другихъ случаяхъ, впрочемъ, тоже весьма несложныхъ. Но и эти всѣ факты не привлекли къ себѣ вниманія ц. к.

Позже произошли событія, которыя не давали уже никакой возможности кому бы то ни было придерживаться гипотезы „полицейской интриги“, а толкали вполне определенно къ выводу, что Азефъ—провокаторъ.

Въ мартѣ 1906 г. Азефъ былъ арестованъ Герасимовымъ, но черезъ три дня выпущенъ. Объ этомъ ц. комитету было сообщено осенью 1907 г. въ саратовскомъ письмѣ (удивительно долго шло до ц. к. это столь важное для него письмо!).

Почему же Сулятицкаго, Штифтара и многихъ другихъ повѣсили и сослали на каторгу, а Азефа, этого великаго террориста, выпускаютъ? Этого вопроса не пришло въ голову центральному комитету. Въ апрѣлѣ того же года Азефъ снова былъ въ рукахъ полиціи, когда послѣ покушенія на Дубасова были захвачены ею всѣ находившіеся въ булочной Филиппова. Но стоило Азефу заявить полиціи, что онъ—инженеръ, а по другой версіи—показать заграничный паспортъ, какъ полиція его отпускаетъ.

На чемъ могла въ такомъ случаѣ базироваться версія, что вся полиція, всѣ охранники только и думаютъ о томъ, какъ бы захватить Азефа? А о такихъ лицахъ, конечно, имѣются во всѣхъ охранкахъ самыя точныя свѣдѣнія и примѣты. Примѣты же Азефа настолько характерны, что смѣшать его съ кѣмъ-либо другимъ, не узнать его было невозможно. И все же ц. к. въ провокаторствѣ Азефа не заподозриваетъ.

Послѣ покушенія на Дубасова, Азефъ былъ уличенъ во лжи; неудачу покушенія онъ объяснилъ Савинкову совершенно иначе, чѣмъ это было на самомъ дѣлѣ, равно какъ уклонялся отъ истины раньше по отношенію къ Слетову, а („суд.-сл. к.“) позже и въ другихъ дѣлахъ. Но то, что по отношенію къ Татарову пошло въ доказательство его провокаціи, Азефу при столькихъ уличающихъ обстоятельствахъ—не повредило нисколько.

Повторяемъ, что и аресты Азефа—Герасимовымъ и въ булочной Филиппова, и его ложь о диспозиціи террористовъ во время самаго покушенія на Дубасова, и самая диспозиція, лишающая возможности удачно его совершить, являются въ достаточной мѣрѣ важными фактами, чтобы изъ-за нихъ однихъ заподозрить Азефа.

Въ началѣ сентября 1906 года П. Я. Рыссъ, по просьбѣ

брата своего—максималиста „Мортимера“, предупреждает ц. к. п. с.-р., что Азефъ—провокакторъ.

Въ концѣ 1906 г. Азефъ живетъ въ Финляндіи, вызываетъ къ себѣ боевиковъ; на обратномъ пути отъ него въ Петербургъ ихъ арестовываютъ въ Бѣлоостровѣ или въ Петербургѣ. Азефъ же цѣль и невредимъ при своихъ довольно частыхъ поѣздкахъ въ Петербургъ, несмотря на то, что, по мнѣнію члена ц. к. Чернова, всероссійская охранка спитъ и видитъ, какъ бы его захватить, но ея умѣнья и ловкости хватаетъ только на некрупныхъ, по сравненію съ Азефомъ, боевиковъ.

Къ этому же времени относятся и указанія одесскаго охранника Соркина на провокацію Азефа. Но ничто попрежнему не въ состояніи пробить броню довѣрія ц. к. къ Азефу, несмотря на то, что „б. о.“ бездѣйствуетъ, потому что, какъ только начинаютъ организоваться покушенія, ихъ необходимо прекращать, такъ какъ участники становятся извѣстными полиціи и филеры гонятся за ними. Такъ было съ покушеніями на Столыпина, на Лауница и др.

Зато Азефъ послѣ новаго указанія на него одесскаго охранника „разочаровывается“ въ постановкѣ боевого дѣла и уѣзжаетъ за-границу.

И тотчасъ же дѣятельность „б. о.“ изъ почти безуспѣшной становится удачной: убиты Игнатъевъ, Лауницъ, Павловъ. Въ цѣломъ рядѣ фактовъ и это косвенное указаніе не могло не имѣть значенія для людей, не ставшихъ еще окончательно глухими и слѣпыми.

Въ началѣ 1907 г. Азефъ возвращается изъ-за границы въ Россію и начинаетъ заниматься организаціонными дѣлами: онъ перекраиваетъ центральное бюро, вѣдающее этими дѣлами, на свой ладъ, съ одобренія ц. комитета. Всякій с.-р., которому нужны были деньги, свѣдѣнія, совѣтъ, долженъ былъ являться сначала въ Петербургъ, затѣмъ въ Финляндію, куда переѣхалъ Азефъ. Почти всѣхъ этихъ партійныхъ работниковъ арестовывали, бѣльшею частью на Финляндскомъ вокзалѣ (С.-р.—„Былое“ 1909 г.). Азефъ, слѣдовательно, продолжалъ то же, что и раньше, въ 1906 г., съ боевиками.

Казалось бы, что и это является немаловажным фактомъ для характеристики „дѣятельности“ Азефа, долженствующимъ обратить вниманіе ц. к., одоббившаго планъ преобразованія центр. бюро; но отпоръ Азефу данъ былъ не ц. к., а самими партійными работниками, переставшими являться къ Азефу.

Послѣ такого отпора Азефъ снова беретъ въ свои руки „б. о.“. И повторяется все снова: „б. о.“ бездѣйствуетъ, а боевиковъ арестовываютъ и вѣшаютъ: арестовываются участники второго покушенія на Столыпина, вѣшаются Штифтаръ и Сулятицкій безъ всякихъ уликъ, кромѣ показанія швейцара и горничной, что они приходили къ Кудрявцеву, убитшему Лауница, раскрываютъ и вѣшаютъ участниковъ заговора на царя—Никитенко, Синявскій и др.

Въ маѣ 1907 г. П. Я. Рыссъ снова напоминаетъ ц. к., что Азефъ—провокакторъ.

Осенью 1907 г. приходитъ въ ц. к. саратовское письмо съ указаніями, что виднѣйшій членъ партіи с.-р.—провокакторъ, что онъ пріѣзжалъ въ Саратовъ на совѣщаніе, гдѣ долженъ былъ обсуждаться вопросъ объ организаціи крестьянскихъ братствъ и дружинъ. Сообщается, въ какой гостиницѣ провокакторъ жилъ подъ фамиліей Валуйскаго (Меньщиковъ также сообщалъ, что подъ этой фамиліей жилъ Азефъ) и, что, наконецъ, провокакторъ этотъ былъ въ 1906 г. арестованъ охранн. отдѣл. въ Петербургѣ (беремъ это изъ „Закл. суд.-слѣдств. комиссіи“).

Но никакому разслѣдованію письмо, столь неопровержимо показывающее, что Азефъ—провокакторъ, не было подвергнуто. Только Гершуни поручилъ разслѣдовать дѣло одному саратовскому товарищу, но и тотъ вскорѣ былъ арестованъ. Послѣ же смерти Гершуни „дѣло это заглохло“. Но почему все же и это письмо не было показано даже *всѣмъ членамъ* центрального комитета?

Больной М.—партійный работникъ—пріѣзжаетъ изъ провинціи въ Финляндію, чтобы заявить ц. к., что Азефъ провокакторъ; его выпроваживаютъ изъ Финляндіи, и полиція его арестовываетъ. Слѣдовательно, о его предупрежденіи ц. к.,

сообщилъ Азефу и, по всей вѣроятности, поступилъ, какъ и съ саратовскимъ письмомъ: не всѣмъ членамъ ц. комитета было сообщено и объ этомъ предупрежденіи.

Затѣмъ, появляется Бакай и сообщаетъ Бурцеву, что у с.-р. есть крупный провокаторъ Виноградовъ-Раскинъ, и даетъ свѣдѣнія о немъ. Въ связи съ другими свѣдѣніями Бурцевъ приходитъ къ выводу, что Виноградовъ-Раскинъ и есть Азефъ. Но когда Бурцевъ спрашиваетъ у ц. к., былъ ли въ партіи кто-нибудь подъ фамиліей Раскинъ, ему было отвѣчено, что никогда такого не было. Между тѣмъ, въ бумагахъ Менъщикова имѣются достовѣрныя данныя, что по паспорту Раскина жилъ Азефъ и по филерскимъ наблюденіямъ видно, кто изъ соціалистовъ-революціонеровъ къ нему ходилъ...

Въ Россіи также все шире и шире распространяются свѣдѣнія, что Азефъ провокаторъ.

Арестъ Сѣвернаго боевого летучаго отряда былъ настолько очевидной провокаціей, что возмущеніе противъ ц. к. распространилось въ широкихъ слояхъ партіи. Парижская группа с.-р. посылаетъ ц. к. свою резолюцію о провокаціи въ центрѣ партіи. Ц. к. началъ разслѣдовать причины провала отряда Лебединцева-Кальвино, когда было повѣшено 7 человѣкъ. За-границей также было учреждена комиссія (являвшаяся эманацией ц. к.) для изслѣдованія слуховъ о провокаціи; но и ц. к., и эта комиссія реабилитировали Азефа; при этомъ, должно быть, для того, чтобы работа обѣихъ комиссій была наиболее плодотворной, обѣ комиссіи не сообщали другъ другу собранныхъ данныхъ за и противъ существованія провокаціи. А вѣдь заграничная комиссія, оправдавъ Азефа, заявила все же, что провокаторъ имѣется, но этимъ дѣло и кончилось.

Бурцевъ все настойчивѣе говоритъ о провокаціи Азефа. Ц. к. его не привлекаетъ за клевету, но приверженцы центровиковъ стараются всячески дискредитировать его и „Революціонную Мысль“ — неофициальный органъ Парижской группы с.-р.

Когда въ силу вышеизложенныхъ обстоятельствъ ц. к.

былъ вынужденъ привлечь Бурцева за клевету, то на судѣ представители ц. к. увѣряли судей, что только одинъ Бурцевъ клеветаетъ на Азефа. Почему, если ц. к. былъ такъ твердо убѣжденъ въ невинности Азефа, онъ не представилъ всѣхъ обвиненій противъ этого послѣдняго, выдвигавшихся какъ революціонерами, такъ и служащими въ охранныхъ отдѣленіяхъ и въ Департаментѣ Полиціи, почему онъ говорилъ неправду о личности Азефа, какъ революціонера, такъ и о личности его, какъ человѣка?

Считать Азефа настолько правымъ, чтобы даже во время суда надъ Бурцевымъ допускать его на засѣданія ц. к., гдѣ, между прочимъ, докладывалось обо всемъ, что дѣлалось на судѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ скрывать отъ судей все то, что представляло Азефа въ истинномъ свѣтѣ! При твердомъ убѣжденіи въ невинности Азефа, какъ разъ необходимо было представить суду не только всѣ предупрежденія, всѣ многочисленные факты и данныя, говорящіе о его провокаціи, приведенные нами, но привести все, что извѣстно самому ц. к. и что *могло бы* говорить о провокаціи Азефа. Ц. к., конечно, имѣлъ возможность знать гораздо больше приведеннаго нами.

Но, приведя все, *какъ будто* уличающее Азефа, ц. к. долженъ былъ бы послѣ этого опровергнуть всѣ обвиненія неоспоримыми данными и объясненіями.

Впрочемъ, нужно отмѣтить, что даже въ нѣдрахъ самаго ц. к. были люди, подозрѣвавшіе Азефа, какъ, напр., Н. С. Тютчевъ (См.—см. „судебно-слѣдств. ком.“).

Во всѣхъ партіяхъ раскрывались провокаторы. Но развѣ хотя бы объ одномъ изъ этихъ раскрытыхъ до революціи 1917 г. провокаторахъ было извѣстно столько уличающаго матеріала, какъ объ Азефѣ? А мы вѣдь и черезъ 10 лѣтъ послѣ раскрытія Азефа могли привести лишь небольшую часть того, что должно было бы быть извѣстно ц. к.

Въ теченіе 7 лѣтъ, по крайней мѣрѣ, неустанно твердили со всѣхъ сторонъ о провокаціи Азефа. Можно еще допустить, что самъ ц. к. не додумался до того, къ чему пришли рядовые члены партіи, но когда указывали прямо на Азефа,

то именно старымъ членамъ центрального комитета должны были бы стать ясными и необъяснимые до того провалы, аресты и всѣ другія многочисленныя партійныя неудачи.

Многіе, конечно, помнятъ, какъ, напримѣръ, былъ раскрытъ Гуровичъ. Ник. Федор. Анненскому знакомый его присяжный повѣренный передалъ, что жандармскій офицеръ говорилъ ему объ одномъ петербургскомъ издателѣ или литераторѣ, который является „начальствомъ“ этого жандармскаго офицера и у котораго недавно этотъ жандармъ долженъ былъ производить обыскъ; при этомъ жандармъ не зналъ, фиктивный ли это обыскъ,—тогда попадетъ ему отъ „издателя“, если онъ произведетъ его какъ слѣдуетъ, или настоящій,—и тогда,—если онъ произведетъ обыскъ поверхностно, то попадетъ отъ еще болѣе высоко стоящаго начальства. Фамиліи этого литератора жандармъ не назвалъ. Анненскій, конечно, немедленно передалъ все это своимъ друзьямъ. Въ то же время одному изъ арестованныхъ жандармы говорятъ о вещи, извѣстной только самому арестованному, еще одному лицу и Гуровичу. Сопоставляя данныя жандармскаго офицера и этотъ послѣдній фактъ, приходятъ къ заключенію, что жандармъ говорилъ о Гуровичѣ. Наряжаютъ безпристрастное слѣдствіе и судъ и объявляютъ Гуровича провокаторомъ, каковымъ, какъ извѣстно, онъ и былъ въ дѣйствительности.

Здѣсь не побрезговали свѣдѣніями жандарма и не сочли ихъ „полицейской интригой“. Откуда же, какъ не изъ полицейскихъ сферъ, можно имѣть неопровержимыя данныя о провокаторахъ?!

Защитники Азефа и защитники ц. к. приводили въ защиту непонятной слѣпоты центральныхъ дѣятелей партіи по отношенію къ Азефу то, что „боевики“ любили и уважали Азефа. Кто же, какъ не боевики, могли знать его?!

Намъ извѣстны и другіе факты, когда именно боевики отказывались работать съ Азефомъ. Но, если даже и допустить, что въ большинствѣ боевики относились хорошо къ Азефу, то вѣдь это объясняется именно тѣмъ, что они его-то — Азефа — совсѣмъ не знали (за исключеніемъ Савин-

кова), очень мало и рѣдко встрѣчались съ нимъ, и были совершенно загнипнотизированы тѣмъ, что Азефъ другъ Гершуни, Гоца и друг., что онъ „совершилъ“ то и то. Вѣдь, если многіе члены ц. к. не знали о письмахъ Менъщикова, саратовскаго охранника и многихъ другихъ предупрежденіяхъ, то боевикамъ тѣмъ болѣе не сообщалось рѣшительно ничего, что могло-бы компрометировать Азефа. Можно быть увѣреннымъ, что, знай боевики хоть часть обвиненій противъ Азефа, они не стали бы съ нимъ работать. Узнать же Азефа самимъ имъ не представлялось возможнымъ, такъ какъ ихъ довольно скоро арестовывали, посылали на каторгу, вѣшали.

Кто же состоялъ членами центрального комитета партіи въ тотъ періодъ, когда азефовская эпопея начала пріобрѣтать болѣе или менѣе острый характеръ?

Тѣ же лица, въ рукахъ которыхъ уже давно сосредоточены судьбы партіи социалистовъ-революціонеровъ: В. М. Черновъ, М. А. Натансонъ, Н. И. Ракитниковъ, А. А. Аргуновъ и Н. Д. Авксентьевъ („Былое“, 1918 г., № 1, стр. 236).

Соціалъ-демократы, говоря о Малиновскимъ, какъ-то писали, что вотъ-де с.-р. все, касающееся Азефа, раскрыли и учредили даже „суд.-слѣдств. комиссію“.

Только полное незнакомство ихъ какъ съ самимъ дѣломъ Азефа, такъ и со всей „азефщиной“, могли привести ихъ къ такому выводу...

Необходима еще громадная работа, чтобы опредѣлить какъ размѣры зла, нанесеннаго Азефомъ, такъ и выяснить всю „азефщину“, тѣ нравы, ту среду, при которыхъ оказалось возможнымъ столь грубому, и беззастѣнчивому провокатору пребывать въ самыхъ верхахъ партіи въ теченіе такого продолжительнаго времени...

II.

СПИСОКЪ

секретныхъ сотрудниковъ Заграничной Агентуры

и

лицъ, входившихъ съ ней въ сношенія.

Этотъ списокъ составленъ на основаніи документовъ, находящихся въ архивѣ Заграничной Агентуры и Департамента Полиціи (см. „Введеніе“) и допроса чиновъ этой Агентуры (завѣд. Красилюкова, помощн. его Мельникова, жанд. офицеровъ — Люстиха и Лиховскаго), равно какъ и нѣкоторыхъ секретныхъ сотрудниковъ.

Кромѣ того, я ввелъ въ этотъ списокъ и тѣхъ секретныхъ сотрудниковъ Заграничной Агентуры, которые были разоблачены еще до февральской революціи 1917 г.; въ этомъ случаѣ я воспользовался для составленія ихъ „біографій“ не только документами упомянутыхъ выше архивовъ, но и тѣми данными, которые были приведены въ соотвѣтственныхъ публикаціяхъ революціонныхъ изданій.

Затѣмъ, въ „Списокъ“ введены мной и нѣкоторые изъ тѣхъ лицъ, которыя, хотя и не служили секретными сотрудниками въ Заграничной Агентурѣ, но все же входили съ ней въ компрометирующія сношенія (Шнеуръ и др.).

Наконецъ, я отвелъ довольно значительное мѣсто въ списокѣ художн. Праотцеву, который, вѣроятно, не имѣлъ сношенія съ Заграничной Агентурой, но очень долго жилъ въ Парижѣ и вращался среди эмигрантовъ-революціонеровъ — его красочная фигура ужъ очень знакома парижской эмиграціи.

Младшему Верецкому, непричастному къ Заграничной Агентурѣ, я все же отвелъ нѣсколько строкъ для „полноты картины“ этой удивительной семьи, гдѣ всѣ трое сыновей были провокаторами.

Долженъ отмѣтить также, что въ громадномъ большинствѣ случаевъ размѣръ печатаемой мной „біографіи“ секретнаго сотрудника соотвѣтствуетъ „значенію“ его шпионско-провокаторской дѣятельности, но иногда большой размѣръ обуславливается лишь случайнымъ обиліемъ чрезвычайно интереснаго матеріала (Гольдендахъ, Познанскій, Бронтманъ, Шнеуръ и нѣкоторые др.).

Заканчивая это маленькое „вступленіе“ къ нашему списку, обращаюсь къ читателямъ съ большой просьбой — прислать мнѣ (Валеріану Констант. Агафонову) по адресу издательства „Книга“ всѣ матеріалы, фотографіи, свѣдѣнія и соображенія (имѣющіяся въ ихъ распоряженіи) какъ по отношенію лицъ, публикуемыхъ мною въ этомъ списокѣ, такъ и по отношенію лицъ, еще не опубликованныхъ, но заслуживающихъ быть въ него внесенными. Всѣ полученные мною документы по снятіи копій будутъ съ благодарностью возвращены.

Абрамовъ, Исаакъ Леонтьевичъ, с.-р., служилъ въ Заграничной Агентурѣ секретнымъ сотрудникомъ подъ кличками „Жермень“ и „Шарпантье“, получалъ 600 фр. въ мѣсяцъ.

Въ послѣднее время былъ секретаремъ Женевской группы социалистовъ-оборонцевъ („Призывъ“). А. былъ заагентуренъ въ Одессѣ лѣтъ 15 тому назадъ; тогда же получилъ заграничный паспортъ, жилъ за-границей въ Ганноверѣ (въ 1901 году), Гладбахѣ (1902 г.) и въ Берлинѣ (съ 1903 по 1909 г.г.), гдѣ съ 1907 года состоялъ въ группѣ с.-р., которую и освѣщалъ; въ это время былъ знакомъ съ Мальцевымъ Владимиромъ, съ женой Стеклова, съ сестрой Бунакова (Гальперинъ). Съ 1909 г. по 1913 г. жилъ въ Мюнхенѣ и состоялъ членомъ группы с.-р., здѣсь былъ знакомъ съ Антономъ Савинымъ, Приходько, Тесленко, Майскимъ, Донскимъ и др. Въ концѣ 1913 и началѣ 1914 года, до апрѣля находился въ Франкфуртѣ на Майнѣ и Оффенбахѣ, а затѣмъ до мая 1915 года въ Вѣнѣ, гдѣ былъ застигнутъ войной, задержанъ въ качествѣ военноплѣннаго, но вскорѣ, какъ онъ утверждалъ на допросѣ, вслѣдствіе ходатайства Рязанова передъ австрійскими социалъ-демократами былъ освобожденъ, какъ „больной товарищъ-социалистъ“, и выѣхалъ въ Швейцарію, гдѣ и пробылъ съ мая по сентябрь 1915 года въ Люцернѣ, а затѣмъ въ Женевѣ (адресъ: rue Bergalonne), гдѣ живетъ и понынѣ. Абрамовъ освѣщалъ, главнымъ образомъ, с.-р.

Примѣты: Абрамову 43—44 года, по специальности инженеръ сельско-хозяйственныхъ наукъ, средняго роста, шатенъ, усы нѣсколько рыжеватые, бороду бреетъ, близорукъ, носитъ бѣлое пенсне съ синими стеклами, глаза голубые, волосы зачесываетъ назадъ, женатъ, имѣетъ нѣсколькихъ дѣтей.

Приводимъ письмо Абрамова отъ 16 сентября 1913 года, адресованное въ Департаментъ Полиціи:

„Вамъ извѣстно, что я въ 1909 году вмѣстѣ съ многими моими товарищами былъ въ Берлинѣ высланъ изъ предѣловъ Пруссіи за участіе въ различныхъ политическихъ кружкахъ, собра-

ніяхъ и т. д.,—словомъ, по ихъ нѣмецкому выраженію, за „politische Umtriebe“. Я выѣхалъ тогда въ Мюнхенъ, сначала одинъ, чтобы прозондировать отношеніе баварской полиціи, потомъ прибыла и семья, и мы спокойно прожили свыше 4 лѣтъ, не будучи тревожимы. Когда же въ Мюнхенѣ, съ одной стороны, революціонная дѣятельность почти прекратилась, колонія ослабѣвала (притокъ новыхъ русскихъ студентовъ пріостановился), а съ другой стороны мое пребываніе тамъ не могло быть долѣе мотивировано передъ товарищами (службы я не могъ тамъ получить), то, какъ Вамъ извѣстно, съ Вашего же согласія я перекочевалъ сюда и поселился въ Оффенбахѣ близъ Франкфурта, хотя ѣзжу туда на работу каждый день, такъ какъ это находится уже въ герцогствѣ Гессенъ-Дармштадтскомъ, а не въ Пруссіи. Какъ видите, прожилъ я столько мѣсяцевъ относительно спокойно. Я говорю: „относительно“, потому что, несмотря на весь „либерализмъ“ гессенскаго министерства, приходилось каждый день таскаться въ полицію изъ-за разныхъ документовъ... Но такъ какъ у меня все въ порядкѣ, то я и не обращалъ на это особеннаго вниманія, какъ вдругъ третьяго дня грянулъ ужасный для меня громъ. Меня позвали въ полицію и заявили, что въ 4-недѣльный срокъ я долженъ оставить предѣлы Великаго герцогства Гессенскаго. Мои мольбы, просьбы, указанія на то, что у меня квартира съ почти годовымъ контрактомъ, что дѣти здѣсь въ школахъ и пр. пр., ни къ чему не привели. Они представили мнѣ отношеніе берлинской полиціи, въ которомъ заявляется, что я высланъ изъ Пруссіи за „politische Umtriebe“, и просятъ, чтобы меня и отсюда выслали. Вотъ, въ какомъ безвыходномъ положеніи я очутился. Безумнѣе всего то, что высылается и жена, хотя она изъ Пруссіи не выслана. Выходъ изъ этого положенія, кажется, только одинъ. Если гессенское Staatsministerium, по распоряженію котораго я высылаюсь, и не можетъ, пожалуй, взять уже обратно предписанія, зато оно можетъ (и часто это дѣлаетъ) дать крупныя отсрочки, сперва на 1 годъ, потомъ еще и т. д. Для этого надо подать туда прошеніе, что я и сдѣлаю. Но быть увѣреннымъ, что мое ходатайство объ отсрочкѣ безъ посторонняго заступничества будетъ уважено, я не могу. А потому необходимо, чтобы русская миссія (вѣрнѣе—русскій посланникъ въ Дармштадтѣ) подъ видомъ якобы того, что онъ или русская Заграничная Агентура заинтересованы слѣдить за мной, просила гессенское Staatsministerium, чтобы оно, если поступить отъ меня прошеніе объ отсрочкѣ и т. д., удовлетворило ее. Быть можетъ, этотъ модусъ въ конспиративномъ отношеніи не особенно хорошій, но у меня сейчасъ въ головѣ все идетъ кругомъ, и я ничего другого придумать не могу, а дѣло спѣшное. Подумайте, мой другъ, какъ меня выручить“.

При письмѣ приложенъ слѣдующій адресъ, который съ несомнѣнностью указываетъ автора этого письма: Monsieur l'Ingenieur Abramoff 66, Grüneburgweg, Frankfurt.

Аккерманъ, Вульфъ Зальмановъ, мѣщанинъ г. Варшавы, рабочій. Въ революціонной средѣ извѣстенъ былъ подъ кличкой „Файвель-Токаръ“. Былъ арестованъ въ Варшавѣ по дѣлу анархистовъ-коммунистовъ и вскорѣ же въ августѣ 1908 г. сдѣлался секретнымъ сотрудникомъ Варшавскаго охр. отдѣленія, подъ кличкой „Бѣлый“.

Въ 1909 году А. поселился въ Парижѣ (3, rue de Pressoires) и вступилъ, подъ тѣмъ же псевдонимомъ, въ число освѣдомителей Заграничной Агентуры. Доставлялъ свѣдѣніе объ еврейской группѣ анархистовъ въ Парижѣ. Получалъ 150 фр. въ мѣсяцъ. Въ мартѣ 1911 года былъ уволенъ за бездѣятельность.

Алексѣевъ, Алексѣй Ильинъ, петербургскій мѣщанинъ, служилъ, по его словамъ, бухгалтеромъ въ магазинѣ Коровина, на Садовой улицѣ въ Петербургѣ, а затѣмъ въ Парижѣ въ англійской фирмѣ, экспортирующей токарные станки. Жилъ въ Парижѣ въ 1914—1915 годахъ.

Въ 1914 году Заграничная Агентура получила доносъ о предполагаемомъ на 14 октября взрывѣ посольской церкви въ Парижѣ. Завѣдующій Агентурой назначилъ къ церкви нарядъ русской и французской тайной полиціи. Взрывъ не состоялся, но утромъ этого же дня къ завѣдующему Агентурой явился Алексѣевъ и сообщилъ о другомъ „заговорѣ“—о готовящемся покушеніи на жизнь царя. Алексѣеву дали на первый разъ 20 франковъ, чтобы вывѣдать планы злоумышленниковъ. На слѣдующемъ свиданіи Алексѣевъ потребовалъ на расходы еще 300 франковъ, но Красильниковъ ему отказалъ. На этомъ и закончились разоблаченія Алексѣева.

Примѣты Алексѣева: род. въ 1882 году, высокаго роста, свѣтлорусые волосы, лицо блѣдное, носъ большой, маленькіе усики.

Альбаумъ (Эльбаумъ), Калманъ Хаимовъ, сынъ частнаго повѣреннаго; революціонная кличка „Карлъ“; состоялъ секретнымъ сотрудникомъ Бѣлостокскаго охраннаго отдѣленія, гдѣ получалъ 75 руб. въ мѣсяцъ. Въ январѣ 1912 года Департаментъ Полиціи запросилъ Красильникова о желательности передачи въ Заграничную Агентуру Альбаума, который „предлагаетъ свои услуги въ дѣлѣ политическаго розыска въ Лондонѣ по группѣ анархистовъ“; о своемъ прибытіи въ Англію онъ долженъ былъ увѣдомить Красильникова письмомъ за подписью „Corpulent“. 2 марта Альбаумъ выѣхалъ въ Лондонъ, а 10 іюня состоялось его первое свиданіе съ представителемъ Агентуры. Однако, въ январѣ 1913 года Красильниковъ уже доносилъ Департаменту Полиціи, на основаніи

свѣдѣній, доставленныхъ секретнымъ сотрудникомъ Дорожко, что Альбаума товарищи подозрѣваютъ въ сношеніяхъ съ полиціей, причемъ у анархистки Каменецкой имѣлись прямыя указанія на то, что „Альбаумъ получилъ деньги на проѣздъ въ Лондонъ отъ начальника Бѣлостокскаго охраннаго отдѣленія“.

Примѣты Альбаума: около 26-ти лѣтъ (въ 1912 г.), выше средняго роста, блондинъ, носить усы, бороду бреетъ, глаза сѣрые, носъ и губы толстыя, лицо полное, тѣлосложенія плотнаго ходитъ, нагнувшись впередъ.

Анненскій, Григорій Николаевичъ, въ 1860 г. (какъ значится въ справкѣ Д-та Полиціи) состоялъ совѣтникомъ Могилевской палаты государственныхъ имуществъ, а затѣмъ мировымъ посредникомъ въ Могилевской же губерніи. По злоупотребленіямъ въ данной должности былъ преданъ суду. Въ 1868 г. Анненскій „самовольно оставилъ отечество и поселился въ Швейцаріи“, откуда вернулся въ 1872 г. „по Высочайшему соизволенію“ въ Россію, гдѣ въ 1872 г. шантажировалъ князя Голицына, графа Остермана. Въ 1881 г. Анненскій поступилъ на службу секретнымъ агентомъ Д-та Полиціи и былъ командированъ въ Женеву съ жалованьемъ въ 500 фр. въ мѣсяцъ, но уже въ сентябрѣ 1883 года былъ уволенъ „въ виду полной бесполезности его дѣятельности“; несмотря на эту „бесполезность“, получалъ отъ Д-та пособіе вплоть до своей смерти въ декабрѣ 1898 г., когда было выдано послѣднее пособіе его женѣ Маріи-Луизѣ.

Батушанскій, Борисъ Яковлевичъ (Берко Янкелевъ), мѣщанинъ гор. Дубоссары, Херсонской губ.; состоялъ сотрудникомъ при Екатеринославскомъ охр. отд. съ 1902 г. подъ кличкой „Бабаджановъ“; въ Россіи работалъ среди с.-д., гдѣ имѣлъ обширныя связи и пользовался полнымъ довѣріемъ. Б. пріѣхалъ въ Екатеринославъ въ августѣ 1902, и уже въ концѣ октября онъ даетъ начальнику Екатериносл. охр. отд. „цѣнныя свѣдѣнія въ смыслѣ освѣщенія противоправительственной дѣятельности мѣстной еврейской интеллигенціи“. Начальникъ Екатеринославскаго губ. жанд. управл., для удержанія Батушанскаго въ Екатеринославѣ, далъ ему 600 руб. для открытія зубоврачебнаго кабинета. Объ этой эпохѣ дѣятельности Батушанскаго, Д-тъ Полиціи докладывалъ министру внутр. дѣлъ слѣдующее: „Когда Б. устроилъ въ Екатеринославѣ зубоврачебный кабинетъ, онъ сдѣлался положительно центромъ, которому были извѣстны самые конспиративные замыслы с.-д. и с.-р. организацій, дѣйствовавшихъ въ Екатеринославѣ, а также организаціоннаго комитета Екатериносл. высш. горн. училища“. Б. не состоялъ ни въ одной партіи, но это не мѣшало давать ему охранн. отдѣленію „самыя подробныя и обстоятельныя свѣдѣнія о происходившемъ въ социаль-демократической организаціи расколѣ и

затѣмъ, раздѣленіи ея на „рабочую группу“ и „группу искровцевъ“, съ указаніемъ выдающихся дѣятелей въ обѣихъ группахъ въ началѣ марта 1903 г. Б. доставилъ въ рукописи воззванія „Организ. комит. Россійской соціалъ-демократической рабочей партіи“, которыя комитетъ предполагалъ издать по поводу празднованія 1 мая 1903 г.; благодаря Б. были выяснены всѣ делегаты этого комитета, пріѣхавшіе въ Екатеринославъ для организаціи группы „искровцевъ“, а также Азріель и Сара Кушель, прибывшіе для постановки въ Екатеринославѣ тайной типографіи; типографія эта и была арестована 24 мая 1903 г. „Заключенный 27 того же мая въ тюрьму срокомъ на 4 мѣсяца по дѣлу, по которому Б. привлекался въ 1902 г. въ Кишиневѣ, онъ и во время нахождения въ тюрьмѣ всѣми зависящими мѣрами содѣйствовалъ выясненію дѣятельности преступныхъ организацій и предупредилъ своимъ сообщеніемъ замыселъ политическихъ арестованныхъ отравить мышьякомъ чиновъ тюремной администраціи и, затѣмъ, совершить общій побѣгъ“.

27 сент. 1903 г. Б. былъ освобожденъ изъ тюрьмы и, какъ докладываетъ д-ръ Д-та Полиціи Бѣлецкій товарищу министра вн. дѣлъ, „несмотря на сильное разстройство нервной системы, благодаря 4-хъ-мѣсячному одиночному заключенію, немедленно занялся разработкой состава мѣстныхъ преступныхъ организацій, и къ половинѣ октября выяснилъ болѣе видныхъ изъ нихъ, а также мѣсто-нахожденіе тайной типографіи соціалистовъ-революціонеровъ, а затѣмъ сообщалъ весьма цѣнныя свѣдѣнія о дѣйствовавшемъ „Екатеринославскомъ соціалъ-демократическомъ комитетѣ“, относительно самыхъ конспиративныхъ сношеній и задачъ комитета“.

За столь блестящую дѣятельность министромъ внутр. дѣлъ Плеве было разрѣшено Батушанскому „въ случаѣ, если онъ будетъ скомпрометированъ въ революціонной средѣ не по своей винѣ, ходатайствовать о назначеніи ему пожизненной пенсіи въ 1.200 рублей въ годъ“.

Въ 1907 году Б. въ цѣляхъ розыска былъ командированъ за-границу, откуда посылалъ подробнѣйшія донесенія Д-ту обо всѣхъ эмигрантскихъ собраніяхъ. За-границей Батушанскій получалъ жалованья по 1.000 фр. въ мѣсяць.

Боязнь быть раскрытымъ была такъ сильна у Б., что переходила порой въ настоящую манію преслѣдованія и отражалась даже въ его донесеніяхъ начальству, которое принуждено было его утѣшать и ласковыми письмами, и денежными наградами. Трусость нисколько не ослабляла провокаторской дѣятельности Батушанскаго, и онъ, не довольствуясь освѣщеніемъ с.-д., принялъ самое горячее участіе въ подготовленіи и организаціи за-границей боевого отряда максималистовъ, который самъ поѣхалъ сопровождать въ Россію (1908 г.). Этотъ отрядъ былъ, конечно, проваленъ цѣликомъ,

а участники его (Людмила Емельянова, княжна Мышецкая, Иванъ Коломейцевъ, Николай Пумпянскій и др.) пошли на каторгу, Батушанскій же возвратился въ Парижъ.

Но предчувствія не обманывали Батушанскаго, въ октябрѣ слѣдующаго года 1909- завѣдующій Заграничной Агентурой докладываетъ Д-ту, что Б. „проваливается“, такъ какъ стала извѣстной его роль въ дѣлѣ Екатеринославской типографіи, а также, благодаря „измѣнившему“ французскому агенту Леруа, Бурцевъ обнаружилъ и знакомство Б. съ Гартингомъ.

На товарищескомъ судѣ, продолжавшемся 17 засѣданій, Б. былъ объявленъ провокаторомъ.

Послѣ „провала“, Батушанскій направляется въ Петербургъ, гдѣ хлопочетъ о выдачѣ ему обѣщанной пенсіи, безсрочной паспортной книжки и разрѣшенія носить револьверъ.

Министръ внутр. дѣлъ Столыпинъ выполнилъ обѣщаніе Плеве только на половину: Батушанскому въ іюнѣ 1910 г. было разрѣшено ходатайствовать о пенсіи въ 600 руб. въ годъ, вмѣсто обѣщанныхъ 1.200 р. Русскіе министры всегда бережно относились къ интересамъ казны...

Вѣроятно, эта скупость и недержаніе слова начальствомъ и были одной изъ причинъ, толкнувшихъ Батушанскаго на переписку съ Бурцевымъ, который предлагаетъ „проваленному“ имъ провокатору „для его будущаго спокойнаго существованія рассказать ему, Бурцеву, все о своей дѣятельности“. Подлинныя письма Бурцева, также какъ и копіи съ отвѣтовъ Батушанскаго, находятся въ дѣлахъ Д-та Полиціи.

Но одновременно съ этой перепиской Батушанскій проситъ д-ра Д-та Полиціи устроить его на государственную службу, засчитавъ ему время служенія съ 1902 г., при этомъ напоминаетъ объ обѣщанной ему пенсіи. За первымъ прошеніемъ вскорѣ слѣдуетъ второе, гдѣ Батушанскій, между прочимъ, говоритъ, что онъ „могъ бы реабилитироваться при содѣйствіи Д-та, разбивши Бурцева и его икса (секретаря Лопухина)... реабилитация можетъ быть и другая, а именно войти съ Бурцевымъ въ сношенія, выдавая ему кое-что“; въ случаѣ отказа Д-та отъ его дальнѣйшихъ услугъ Б. снова проситъ о приѣмѣ его на государственную службу, о назначеніи ему пенсіи и предлагаетъ креститься. Въ отвѣтъ на это прошеніе Б. получилъ 350 руб. единовременнаго пособія и 600 р. пожизненной пенсіи, что мотивировано слѣдующимъ образомъ: „принимая во вниманіе въ высшей степени полезную и продуктивную дѣятельность Б. въ теченіе 8 лѣтъ въ качествѣ секретнаго сотрудника, а равно и то обстоятельство, что разоблаченіе его службы правительству послѣдовало не по его винѣ. Въ бумагахъ Д-та имѣется расписка Б. отъ августа 1910 г., что ему объявлено

постановленіе Д-та, и что „въ будущемъ онъ никакихъ претензій къ Д-ту Полиціи, ни къ другимъ розыскнымъ органамъ имѣть не будетъ“. Сверхъ пенсіи Б. получилъ заграничный паспортъ, разрѣшеніе носить револьверъ и отправился въ Парижъ, гдѣ и поселился.

Бейтнеръ, Левъ Дмитріевъ, изъ дворянъ, женатъ на дочери извѣстнаго нижегородскаго купца А. А. Кузнецова, служилъ, по офиціальному свидѣтельству, въ Заграничной Агентурѣ 15 лѣтъ „съ большой пользой для дѣла“. Съ 1892 г. по 1905 г. жилъ, главнымъ образомъ, за-границей: въ Швейцаріи, Франціи и Англіи. Въ 1905 году былъ уличенъ въ сношеніяхъ съ парижскимъ посольствомъ, въ 1908 году былъ уволенъ, получилъ единовременное пособіе въ 2.000 фр., затѣмъ лечился въ Каирѣ. Среди другихъ революціонеровъ особое вниманіе обращалъ Бейтнеръ на „освѣщеніе“ Бурцева (см. 1-ую часть, стр. 60, 65, 66). Согласно „Высочайшему повелѣнію“, Бейтнеру была назначена пенсія изъ секретныхъ суммъ Департамента Полиціи по 1.000 руб. въ годъ, которую онъ получалъ черезъ свою мать Екатерину Бейтнеръ, жившую въ г. Орлѣ на Пушкарной улицѣ.

Біографія Льва Бейтнера (охранн. кличка „Москвичъ“) нами еще далеко не выяснена; многое, въ томъ числѣ и назначеніе ему пенсіи, заставляетъ предполагать, что это былъ крупный и „разносторонній“ шпіонъ и провокаторъ. По свѣдѣніямъ, сообщеннымъ мнѣ знатоками „охранной лѣтописи“, Левъ Бейтнеръ умеръ отъ Чихотки въ 1907 г. въ Копенгагенѣ.

Бейтнеръ, Марія Дмитріевна, она же „Марія Львовна Петрова“, охр. кличка „Жюльета“ и „Бланшъ“. Въ 1904—1905 г.г. состояла сотрудницей Заграничной Агентуры, жила въ Женевѣ, освѣщая с.-р., получала 200 руб. Въ 1908 г. вернулась въ Россію въ Орелъ и предложила свои услуги нач. Орловск. губ. жанд. управл. По ходатайству Столыпина, ей была пожалована пенсія въ 40 руб. въ мѣсяць. Въ 1911 г. была направлена въ Парижъ въ составъ Заграничной Агентуры, получала 350 фр. Въ 1912 г. вернулась въ Россію и въ 1916 г. поступила сотрудницей къ нач. Орловск. губ. жандармск. управл. подъ кличкой „Бланшъ“ безъ опредѣленнаго содержанія. М. Б. — сестра извѣстнаго провокатора Льва Бейтнера.

Блохинъ, Василій Григорьевичъ, кр. Псковской г. Въ 1904 г. за выдѣлку фальшивыхъ монетъ былъ приговоренъ къ ссылкѣ въ каторжн. работы на 2 г. 8 м., но по манифесту попалъ на поселеніе въ Енисейскую г. Въ 1907 г. за принадлежность къ группѣ а. - к. и нападеніе на Знаменскій скитъ былъ высланъ изъ Красноярска, гдѣ жилъ по паспорту Ивана Красильникова, въ Якутскую обл. подъ гласн. надз. полиціи на 4 года. Въ 1911 г. былъ командированъ нач. Пермск. г. ж. у. въ Парижъ, гдѣ жилъ подъ фамиліей „Барте-

невъ“. Въ 1912 г., въ виду его склонности къ шантажу, отозванъ изъ Парижа и отправленъ въ Якутскую об. Жилъ нѣкоторое время въ Иркутскѣ подъ фамиліей „Боляринова“, затѣмъ бѣжалъ, былъ арестованъ въ Саратовѣ и отправленъ въ Якутскую об. Охр. кличка „Енисейскій“ и „Племянникъ“. Револ. кл. „Сибирякъ“. Въ циркул. Д. П. объявленъ опаснымъ шантажистомъ.

Боровская, жена врача, жила въ Краковѣ въ 1904—1908 г.г., а оттуда ѣздила въ Варшаву и давала полиціи весьма важныя свѣдѣнія о п.-п.-с.

Бржозовскій, Станиславъ Валентьевичъ (Іосифъ Андреевъ); охранная кличка „Понятовскій“. Б. состоялъ секретнымъ сотрудникомъ въ Заграничной Агентурѣ съ іюня 1912 г. получалъ 250 фр. въ мѣсяць, 1 марта (апрѣль 2) 1913 г. переѣхалъ въ Сосновицы, оставленъ при начальствѣ Варшавск. охраннаго отд. съ окладомъ 50 рубл. въ мѣсяць.

Бродскій, Станиславъ; сталъ секретнымъ сотрудникомъ съ 1904 г. У Бродскаго было два старшихъ брата, имѣвшихъ большія связи въ революціонной средѣ, что и благопріятствовало его провокаторской дѣятельности. Прежде всего онъ началъ освѣщать своихъ братьевъ и ихъ не разъ арестовывали по его указаніямъ. По порученію Варшавскаго охранн. отдѣл. Бродскій ѣздилъ за-границу для слѣжки за эмигрантами. При возвращеніи въ Россію Б. былъ задержанъ на границѣ съ нелегальной литературой таможенными чиновниками, не знавшими, что литература провозилась Б. по порученію Варшавскаго охранн. отдѣл.; только благодаря вмѣшательству Варшавскаго прокурора Набокова, который зналъ о провокаторской дѣятельности Бродскаго, онъ былъ вскорѣ освобожденъ изъ тюрьмы. Среди арестованныхъ въ Варшавѣ, по указанію Бродскаго, нелегальныхъ можно указать Жирова.

Въ началѣ 1907 г. Бродскій пріѣхалъ въ Петербургъ и вошелъ въ с.-д. организацію, гдѣ въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ работалъ въ динамитной мастерской студента Неймана. Полиція знала о существованіи этой динамитной мастерской въ Финляндіи отъ Бродскаго, но только въ маѣ эта мастерская была забрана (въ Куоккала) и въ ней былъ арестованъ Нейманъ съ товарищами. Лѣтомъ 1907 г. Б. скрылся изъ Петербурга въ провинцію, гдѣ продолжалъ провокаторскую дѣятельность, а въ началѣ 1908 г. онъ „работаетъ“ уже за-границей.

Бронтманъ, Е. Гершовичъ, изъ г. Уфы. Революціонная кличка за-границей „тов. Саша“, за-границей жилъ и былъ извѣстенъ подъ фамиліей *Этеръ*. Охранныя клички: *Пермякъ*, *Хитрый*, *Ніель*. Въ справкѣ Департамента Полиціи, составленной 15 іюня 1913 г., находимъ, между прочимъ, слѣдующее:

„*Пермякъ*“ (онъ же „*Хитрый*“, онъ же „*Ніель*“); съ 5 ноября

1908 года по 3 марта 1909 года служилъ секретнымъ сотрудникомъ при Уфимскомъ губернскомъ жандармскомъ управленіи для освѣщенія дѣятельности соціалъ-демократической организаціи, получая первые два мѣсяца по 30 рублей и послѣднее время по 75 р.

Для отбытія воинской повинности онъ оставилъ службу при названномъ управленіи, но затѣмъ, бѣжавъ съ военной службы, поселился въ городѣ Саратовѣ, гдѣ, во время ликвидаціи мѣстной соціалъ-демократической организаціи, 21 октября 1909 года былъ арестованъ. При арестѣ „Пермякъ“ заявилъ о своемъ сотрудничествѣ и въ виду послѣдовавшаго благопріятнаго отзыва начальника Уфимскаго губернскаго жандармскаго управленія былъ подъ благовиднымъ предлогомъ освобожденъ изъ-подъ стражи и поступилъ на службу въ Саратовское губернское жандармское управленіе, начальникъ коего призналъ „Пермяка“ весьма цѣннымъ для розыска какъ по личнымъ качествамъ, такъ и по партійнымъ связямъ.

Изъ доклада исп. об. вице-директора Департамента Полиціи статскаго совѣтника Виссаріонова отъ 13 мая 1910 г. видно, что „Пермякъ“, получающій 45 р. жалованья, даетъ свѣдѣнія объ образованіи въ Покровской слободѣ 3-хъ коммунъ, дающихъ пріютъ бѣглымъ и нелегальнымъ, а также освѣщаетъ прибытіе отдѣльныхъ соціалъ-демократовъ.

Изъ донесенія начальника Бакинскаго охраннаго отдѣленія отъ 9 марта 1911 года видно, что „Пермякъ“ находился въ г. Баку во временной командировкѣ, гдѣ давалъ свѣдѣнія о мѣстной соціалъ-демократической организаціи; послѣ неудачной ликвидаціи, какъ въ смыслѣ обнаруженія преступнаго матеріала, такъ и въ смыслѣ создавшейся для него весьма опасной обстановки, грозившей неизбѣжнымъ проваломъ (о чемъ онъ предупреждалъ начальство), „Пермякъ“ выбылъ въ Баку.

20 октября 1910 года за № 6124 начальникъ Саратовскаго губернскаго жандармскаго управленія увѣдомилъ, что „Пермякъ“ въ сентябрѣ мѣсяцѣ, по условіямъ розыска, отправился въ Парижъ, откуда и будетъ поддерживать сношенія съ подполковникомъ Мартыновымъ. Хотя „Пермякъ“ и близокъ по своимъ связямъ къ членамъ Россійской соціалъ-демократической рабочей партіи, но, въ виду личныхъ отношеній съ *Матреной Еропкиной*, можетъ быть полезенъ освѣщеніемъ дѣятельности нѣкоторыхъ социалистовъ-революціонеровъ. Положеніе его хотя нѣсколько и поколеблено въ Баку, но, несмотря на это, командировка въ Парижъ признана желательной. Жалованье его—100 руб. въ мѣсяцъ.

3-го февраля 1911 года начальникъ Саратовскаго губернскаго жандармскаго управленія увѣдомилъ, что, по сообщенію „Пермяка“, вопросъ съ провѣркой его революціонной благонадеж-

ности (со стороны революціонеровъ-эмигрантовъ) закончился въ виду благопріятныхъ отзывовъ, видные революціонные дѣятели находятся съ нимъ въ живомъ общеніи, онъ состоитъ членомъ группы и землячества, на что протестовъ не поступало. Устанавливая такимъ образомъ въ положительномъ смыслѣ вопросъ о довѣріи къ нему со стороны социалистовъ-революціонеровъ-эмигрантовъ и принимая во вниманіе связь его по террористическому дѣлу, „Пермякъ“ просилъ разрѣшить ему поѣздку въ Америку и передать его въ вѣдѣніе завѣдующаго Заграничной Агентурой, которому онъ объяснить все положеніе дѣла и докажетъ полную возможность и желательность для дѣла розыска его временное командированіе въ Америку.

6-го февраля 1911 года Департаментъ Полиціи предложилъ завѣдующему Заграничной Агентурой (Красильникову. В. А.) войти въ непосредственныя сношенія съ „Пермякомъ“ и, между прочимъ, сообщилъ, что послѣдній получилъ возможность быть достаточно освѣдомленнымъ въ партійныхъ дѣлахъ социалистовъ-революціонеровъ и что ему было предложено войти въ составъ террористической группы. Получаемыя отъ „Пермяка“ свѣдѣнія совпадаютъ и со свѣдѣніями Заграничной Агентуры. Въ своихъ сообщеніяхъ „Пермякъ“ удостовѣрялъ, что квартира ихъ (съ Еропкиной) стала мѣстомъ, гдѣ партійная публика собирается провести часокъ-другой, попить чаю, поболтать. Нѣкоторые социалисты-революціонеры усиленно предлагаютъ Еропкиной въ виду болѣзненнаго состоянія ея поѣхать на югъ Франціи, по климатическимъ, будто бы, соображеніямъ. Однако у „Пермяка“ и Еропкиной имѣется планъ поѣхать въ Америку, пріобрѣсти права американскихъ гражданъ и, вернувшись въ Россію, приняться за партійную дѣятельность. Но въ виду представляющейся для Еропкиной возможности подойти, при условіи поѣздки на югъ, къ группѣ Савинкова, Департаментъ Полиціи указалъ полковнику Семигановскому на необходимость отговорить „Пермяка“ отъ поѣздки въ Америку съ тѣмъ, чтобы онъ, по возможности, не оставлялъ Еропкиной, а послѣдняя не отклоняла бы партійныхъ предложеній.

24-го февраля 1911 года завѣдующій Заграничной Агентурой увѣдомилъ, что 23 февраля сношенія съ „Пермякомъ“ установлены. По заявленію послѣдняго, за-границей онъ получаетъ содержанія 150 рублей, въ виду чего за мартъ ему было уплачено 400 франковъ. Кромѣ того, надворный совѣтникъ Красильниковъ сообщилъ, что изъ разговоровъ самого „Пермяка“ и изъ полученныхъ о немъ агентурныхъ свѣдѣній видно, что ни онъ, ни Еропкина далеко не занимаютъ такого положенія въ Парижскихъ революціонныхъ кругахъ, какъ о томъ сообщалось „Пермякомъ“ ротмистру Мартынову. Ихъ положеніе далеко не близкое къ центральнымъ кругамъ и, не

считая Бартольда, мало кто изъ лицъ съ положеніемъ поддержи-
ваетъ сношенія съ ними. Самъ „Пермякъ“ даже не состоитъ чле-
номъ группы, хотя онъ и утверждаетъ противное. На основаніи
вышеизложеннаго, особенныя надежды на дѣятельность „Пермяка“
возлагать едва ли является возможнымъ.

29-го марта 1911 года за № 443 завѣдующій Заграничной Аген-
турой увѣдомилъ, что Еропкина, вступившая въ члены группы
содѣйствія партіи социалистовъ - революціонеровъ подъ именемъ
„Вѣры“, въ послѣднее время прекратила посѣщеніе групповыхъ
собраній по слѣдующимъ причинамъ. По прибытіи въ Парижъ и
вступленіи въ члены означенной группы, „Вѣра“ стала обращать
на себя вниманіе почти всѣхъ членовъ группы подозрительнымъ
любопытствомъ, такъ, напримѣръ, при чтеніи фамилій или именъ
лицъ, заявившихъ желаніе вступить въ члены группы, она обра-
щалась съ просьбой назвать ей еще тѣ же имена и также указать,
кто они такіе; безъ видимой надобности посѣщала квартиры из-
вѣстныхъ социалистовъ-революціонеровъ, съ которыми общаго ни-
чего не имѣла и очень мало ихъ знала. Кромѣ того, въ группѣ
имѣлись свѣдѣнія, что „она живетъ съ какимъ-то социаль-демокра-
томъ, извѣстнымъ подъ кличкой „Григорій“, который, будучи аре-
стованъ въ Россіи, въ своихъ показаніяхъ на допросѣ много бол-
талъ лишняго, причемъ много говорилъ о социалистахъ-революціо-
нерахъ, о коихъ онъ могъ быть освѣдомленъ со словъ своей со-
жительницы“. Въ виду всего этого Еропкина въ послѣднее время
перестала посѣщать групповыя собранія.

Обо всемъ вышеизложенномъ былъ поставленъ въ извѣстность
„Пермякъ“, который, не отрицая возможности подобнаго отношенія
къ нему и „Вѣрѣ“, заявилъ, что самъ такового хотя и не замѣ-
чалъ, но опасается, что зародившіяся подозрѣнія могутъ дѣйстви-
тельно имѣть свои послѣдствія, которыя помѣшаютъ ему сбли-
зиться съ мѣстными революціонными кругами и тѣмъ самымъ ли-
шить его возможности быть полезнымъ сотрудникомъ. Въ виду этого
„Пермякъ“ возобновилъ свое ходатайство о поѣздкѣ своей въ Америку.

Для осуществленія этого проекта „Пермякъ“ просилъ выдать
ему авансомъ 600 франковъ и оплатить расходъ по переѣзду (400
франковъ). Въ теченіе своего пребыванія въ Америкѣ „Пермякъ“
обѣщалъ освѣтить жизнь и дѣятельность находящихся тамъ рево-
люціонныхъ партій, ихъ отношенія къ Россіи и т. под., такъ какъ
онъ уже жилъ тамъ раньше 4 года и извѣстенъ какъ хорошій пар-
тійный работникъ.

Завѣдующій Заграничной Агентурой, докладывая объ этомъ
Департаменту Полиціи, присовокуплялъ, что удовлетвореніе хода-
тайства „Пермяка“ являлось бы желательнымъ, такъ какъ пребы-
ваніе его въ Парижъ бесполезно.

Въ виду сего Департаментъ Полиціи 4 апрѣля 1911 года распорядился, чтобы Заграничная Агентура прекратила съ „Пермякомъ“ дальнѣйшія сношенія, обезпечила бы матеріально выѣздъ его изъ Парижа, но отнюдь не входила бы съ нимъ въ какія-либо соглашенія о необходимости его поѣздки въ Америку, отъ которой Департаментъ никакой пользы не усматриваетъ.

20-го сентября 1911 года завѣдующій Заграничной Агентурой представилъ документъ, въ которомъ социалистъ-революціонеръ Алексѣй Бессель сообщалъ одному изъ своихъ единомышленниковъ, между прочимъ, слѣдующее: „Скажите Я., что есть свѣдѣнія о томъ, что фотографъ гдѣ-то и когда-то обвинялся въ провокаціи. Пусть онъ напишетъ мнѣ его настоящую фамилію—онъ долженъ знать. Я навожу справки“.

По объясненію надворнаго совѣтника Красильникова, „фотографъ“ есть „Пермякъ“, который поставленъ въ извѣстность о возникшихъ, какъ видно изъ письма, относительно его подозрѣній.

Въ виду сего Департаментъ Полиціи 30 сентября 1911 г. предложилъ завѣдующему Заграничной Агентурой при сношеніяхъ съ „Пермякомъ“ соблюдать особую осторожность.

Ежемѣсячное содержаніе „Пермяка“ составляло: до сентября 1911 г.—400 фр., съ сент. 1911 г. до іюля 1912 г.—500 фр. и съ іюля до апрѣля 1913 г.—550 фр.

Кромѣ того, ему выдано за служебныя командировки: въ 1912 году въ январѣ — 300 фр., въ февралѣ — 500 фр., въ апрѣлѣ — 600 фр., въ іюлѣ — 120 фр., въ авг.—50 фр., въ ноябрѣ — 160 фр., въ февр. 1913 г.—275 фр. и на переѣздъ въ другой городъ въ авг. 1912 г. 500 фр.

Самымъ лучшимъ средствомъ для того, чтобы потушить зародившіяся подозрѣнія въ провокаторствѣ, у жандармовъ всегда считался переводъ секретнаго сотрудника въ другой городъ. Къ этому приему и прибѣгнулъ Красильниковъ по отношенію къ Бронтману.

2 іюля—11 авг. 1913 г. Красильниковъ сообщаетъ въ Д-тъ Полиціи Броецкому слѣдующее: „Въ апрѣлѣ 1911 г. „Пермякъ“ былъ командированъ въ Италію, а именно въ Кави де-Лаванья, гдѣ прожилъ болѣе года. За это время онъ освѣщалъ въ достаточной степени всю русскую эмигрантскую колонію, которая представляла собой значительный интересъ... Помимо свѣдѣній о всѣхъ лицахъ „Пермякъ“ нашелъ возможнымъ представить фотографическіе снимки многихъ изъ нихъ. Неосторожное обращеніе съ этими снимками въ одномъ изъ розыскныхъ органовъ Имперіи имѣло своимъ послѣдствіемъ то, что въ окружающей „Пермяка“ средѣ стали подозрѣвать его въ сношеніяхъ съ охраной и только благодаря случайности ему удалось себя реабилитировать. Тѣмъ не менѣе, его

дальнѣйшее пребываніе въ Италіи становилось невозможнымъ и онъ вынужденъ былъ перемѣнить мѣстожителство. Таковымъ ему были указаны сперва Брюссель, а затѣмъ Антверпенъ, гдѣ онъ находится и по настоящее время, освѣщая дѣятельность живущихъ тамъ Виктора Военнаго, „Медвѣдя“ и др., а также нѣкоторыхъ эсеровъ, проживающихъ въ Кави, съ которыми у него установлены дружескія отношенія, поддерживаемыя до сихъ поръ. Докладывая объ изложенномъ Вашему Превосходительству, имѣю честь почтительнѣйше добавить, что „Пермякъ“ теперь вполне заслуживаетъ удовлетворенія его ходатайства о выдачѣ ему ссуды въ размѣрѣ 2.000 руб.—съ погашеніемъ таковой въ теченіе годового срока“.

Здѣсь нужно отмѣтить, что благодаря этимъ фотографическимъ неудачамъ Бронтмана противъ него въ средѣ русскихъ эмигрантовъ въ Италіи снова возродились подозрѣнія, снова началъ воститься съ нимъ Бурцевъ, еще недавно въ печати совершенно реабилитировавшій его. Снова надо мѣнять мѣстожителство; но и въ Антверпенѣ Бронтманъ не засидѣлся и оттуда ему пришлось перекочевать въ Лондонъ, гдѣ его и застаётъ разслѣдованіе нашей парижской комиссіи и допросъ Сватиковымъ въ Лондонѣ.

Съ именемъ провокатора Бронтмана связанъ одинъ характерный эпизодъ, изложить который мы предоставляемъ перу самого Красильникова.

„Сотрудникъ Заграничной Агентуры Ніель—онъ же „Пермякъ“,—докладываетъ 25 іюня—8 іюля 1913 года Красильниковъ Департаменту Полиціи,—обратился ко мнѣ съ просьбой слѣдующаго содержанія. Въ городѣ Акстофъ Елизаветпольск. губ. проживалъ братъ его Давидъ Гершовъ Бронтманъ съ семьей, состоящей изъ жены и трехъ малолѣтнихъ дѣтей, старшему изъ коихъ мальчику—11 л., дѣвчкѣ—8 л. и мальчику—3—5. Въ Акстофѣ у Давида Бронтмана была своя аптека. Приблизительно 12 мѣсяцевъ тому назадъ Давидъ Бронтманъ умеръ, а такъ какъ жена его не вполне нормальна, то родители умершаго рѣшили взять дѣтей къ себѣ на воспитаніе, но препятствіемъ этому является происхожденіе дѣтей, не имѣющихъ права, какъ евреи, повсемѣстнаго въ Россіи жительства. Старики Бронтманы живутъ въ городѣ Уфѣ, отца зовутъ Гершъ Хаимовъ Бронтманъ, мать—Хая-Гильда. Сотрудникъ Ніель проситъ, не представится ли возможность разрѣшить малолѣтнимъ дѣтямъ его умершаго брата поселиться въ г. Уфѣ при его старикахъ родителяхъ, прося о послѣдующемъ распоряженіи не отказать въ увѣдомленіи“...

На поляхъ карандашомъ написано, вѣроятно, директоромъ Д-та: „Есть дѣла по подобнымъ просьбамъ. Прошу дать“. Ходатайство Бронтмана и Красильникова было удовлетворено членомъ

совѣта министровъ тайнымъ совѣтникомъ Кондоиди 25 іюня 1913 г...

Не только для провокаторовъ, но даже и для разныхъ родственниковъ ихъ, антисемитское царское правительство соглашалось отмѣнять и „черту осѣдлости“.

Бряндинскій, Матвѣй Ивановъ, изъ потомств. почетн. гражданъ г. Казани, родился въ 1879 г., бывшій учитель. Б. былъ высланъ въ 1907 г. подъ гласный надзоръ полиціи въ Нарымскій край Томск. губ. на 2 года, оттуда въ томъ же году скрылся; вторично былъ высланъ въ Томскую губ. на 3 года съ 28 апр. 1908 г. и снова скрылся въ 1909 г. Состоялъ секретнымъ сотрудникомъ Московскаго охранн. отдѣленія, съ апр. 1909 г. до мая 1912 г., подъ кличкой „Вяткинъ“ и „Крапоткинъ“. Обслуживалъ, по выраженію жанд. полковника Заварзина, „верхи Россійской с.-д. р. партіи“. Въ докладѣ отъ 26-го дек. 1913 г. д-ру Д-та Полиціи Бѣлецкому, опубликованномъ В. Л. Бурцевымъ, Бряндинскій сообщаетъ, между прочимъ, слѣдующее: „...Я былъ районнымъ организаторомъ и секретаремъ Московскаго городского комитета и далъ за это время матеріалъ, послужившій главнымъ фундаментомъ обвиненія на большомъ соціалъ-демократическомъ процессѣ, разбиравшемся въ Москвѣ осенью 1912 г., когда изъ 33-хъ обвинявшихся не было ни одного оправданнаго, и громадное большинство получило каторжные работы на разные сроки, какъ члены комитетовъ Московскаго городского и Московскаго окружнаго. Мною также были даны указанія, по которымъ взяты: вполнѣ оборудованная типографія съ отпечатанными номерами подпольной газеты и паспортное бюро съ массой бланковъ, печатей и штемпелей. Въ этотъ же періодъ мнѣ удалось собрать и дать свѣдѣнія о преподаваніи, внутреннихъ распорядкахъ и личности большинства учениковъ 1-ой партійной школы для подготовки работниковъ-профессіоналовъ, устроенной на о. Капри Горькимъ, Богдановымъ и Луначарскимъ“... Затѣмъ Б., какъ „техническій членъ ц. к.“, завѣдывалъ общепартійнымъ бюро, объѣзжалъ членовъ ц. к. и извѣщалъ ихъ „о времени и мѣстѣ пленарныхъ засѣданій ц. к.“. Такимъ путемъ все въ партіи с.-д. было въ рукахъ Бряндинскаго, а слѣдовательно, и Д-та Полиціи. Бряндинскому ц. к. также поручаетъ „завѣдывать общепартійнымъ транспортомъ либеральной литературы изъ-за границы въ Россію и разсылать ее по мѣстнымъ организаціямъ“. „Благодаря близости къ ц. к.,—съ гордостью заявляетъ Б., —я стараюсь парализовать тѣ начинанія ц. к., о которыхъ я могъ знать и къ которымъ имѣлъ доступъ“... Благодаря указаніямъ Б. арестовано нѣсколько членовъ ц. к., захваченъ въ Москвѣ исполнит. органъ центр. комитета, прослѣжены и уничтожены въ Россіи „остатки или зародыши организацій“, въ которыхъ начали было

работать ученики партійной школы, устроенной Ленинымъ около Парижа, арестованъ Алексѣй Росковъ, „несмѣняемый членъ нѣсколькихъ составовъ ц. к.“, „указаны петербургскіе, московскіе и тифлисскіе делегаты, имѣвшіе поѣхать на безпартійную конференцію, которая состоялась 6 янв. 1912 г. Громадные средства, затраченные партией на доставку нелегальной литературы въ Россію, пропали даромъ, такъ какъ она или гнила на границѣ, или же доставлялась въ Петербургское и Московское охранныя отдѣленія, и лишь самая незначительная часть разсылалась по мѣстамъ, причемъ адреса получателей служили путеводной нитью для раскрытія мѣстныхъ организацій. Была указана масса болѣе мелкихъ практическихъ работниковъ... если партія фактически не существовала, то въ этомъ,—справедливо замѣчаетъ Брядинскій,—и моя дѣятельность сыграла довольно значительную роль...“, и за все это Б. получалъ 150 руб. въ мѣсяцъ. Въ маѣ же 1912 года онъ былъ переданъ въ вѣдѣніе Заграничной Агентуры. Въ Парижѣ Брядинскій жилъ на улицѣ Клодъ-Бернаръ, 17. Письма, адресованныя въ Заграничную Агентуру, подписывалъ фамиліей „Dureggier“. Жалованья платили ему въ Парижѣ 400 франковъ въ мѣсяцъ. Въ мартѣ 1913 г. Б. уѣхалъ въ Россію съ тѣмъ, чтобы явиться къ судебному слѣдователю въ Ярославль „по обвиненію въ поступленіи въ высшее учебное заведеніе по чужимъ документамъ“. Примѣты: ростъ 2 арш. 5 в., глаза каріе, волосы русые.

Бурдесъ, Борисъ, состоялъ сотрудиномъ Петерб. охранн. отдѣл. въ 1881 г. Въ 1893 г. поѣхалъ въ Парижъ и оттуда предложилъ свои услуги Семякину по Заграничной Агентурѣ, причемъ указалъ, что имѣетъ связи въ революціонной средѣ благодаря своимъ виленскимъ знакомствамъ съ Борисомъ Гейманомъ, Вальяномъ, Леономъ Френкелемъ (другомъ Бебеля), Давидомъ Гуревичемъ и его сестрой Маріей, затѣмъ онъ знакомъ съ московскимъ студентомъ Троицкимъ, входящимъ въ кружокъ Василя Мятлина, Рождественскаго и сестеръ Шефтель. О Бурдесѣ въ это же время писалъ Н. Н. Сабурову — исправляющему должность директора Д-та Полиціи — начальникъ Харьковскаго жанд. управл. К. П. Вербицкій, сообщая, что Бурдесъ былъ у него въ числѣ секретныхъ сотрудиновъ Петербургскаго охранн. отдѣл. съ 1881 г. (письмо отъ 29 сентября 1893 г.). Вернувшись изъ Парижа, Бурдесъ представилъ С.-Петербургскому градоначальнику сообщеніе о дѣятельности русскихъ революціонеровъ въ Парижѣ, причемъ охарактеризовалъ слѣдующихъ лицъ: Александра Карро, Бориса Геймана, Анку Берманъ — жену Геймана, Николая Троицкаго, Марію Давыдовну Гуревичъ, Татьяну и Вѣру Гейманъ (сестры Бориса), Верховескаго, Григорьева, Яновича и др.

Вакманъ, Яковъ Ефимовичъ, мѣщанинъ г. Кишинева, род.

(приблизительно) въ 1880 г. Окончилъ техническое среднее учебное заведеніе въ Вормсѣ на Рейнѣ въ 1904 году, затѣмъ юридическій и экономическій факультеты въ Женевскомъ университетѣ, докторъ правъ Римскаго университета; окончилъ курсъ прикладныхъ наукъ уголовного розыска въ Италіи. За-границей съ 1902 года. Въ 1905 году ѣздилъ въ Россію. Въ 1906 году снова появился за-границей (Женева). Въ ноябрѣ 1906 года по собственной инициативѣ предложилъ свои услуги Заграничной Агентурѣ черезъ Россійское посольство въ Парижѣ. Жалованье ежемѣсячное отъ 250 до 600 фр. Освѣщаль, главнымъ образомъ, с.-р. Изъ Швейцаріи переѣхалъ въ Италію въ 1912—1913 г.г., продолжая свою работу секретнаго сотрудника. Значился въ Заграничной Агентурѣ подъ кличкой „Россини“. Вакманъ освѣщаль за-границей с.-р. партійныхъ работниковъ, с.-р. конференцію, о которой имѣется въ архивахъ Заграничной Агентуры подробный докладъ, съѣздъ делегатовъ русскихъ колоній въ Италіи (Римъ 1913 г.). При освѣщеніи не забывалъ давать и примѣты отдѣльныхъ лицъ. Жилъ въ Италіи по адресамъ: Rossini 7, via Margetta Romo, M-me Beatrice Battaglia, 18 villa Buonarrotti, Roma.

На допросѣ Вакманъ призналъ себя секретнымъ сотрудникомъ Заграничной Агентуры Департамента Полиціи, вступившимъ въ нее по собственной инициативѣ, но, какъ и большинство секретныхъ сотрудниковъ, признававшихся въ томъ, что они служили въ Агентурѣ, утверждалъ, что его дѣятельность не носила злостнаго характера, что онъ выдалъ всего двухъ, имена которыхъ не пожелалъ открыть, „освѣщаль“ же, и только крайне скудно, Ильина (Осоргина), Гольдберга (Кобылянского) и Колосова. Въ комитетъ по отправкѣ эмигрантовъ въ Россію Вакманъ, по его словамъ, вошелъ лишь по настоянію эмигранта Рихтера и Гр. Шрейдера, у котораго онъ пользовался полнымъ довѣріемъ. Вакманъ приводитъ слѣдующія слова Григорія Шрейдера, будто бы сказанныя имъ передъ отъѣздомъ Вакмана въ Россію: „Только Вамъ одному я могу довѣрить заботу объ эмигрантскихъ женахъ и дѣтяхъ“.

Вейсманъ, Александръ Моисеевъ, 49 лѣтъ, караимъ, потомственный почетный гражданинъ, родился въ г. Одессѣ, жена Софья Мироновна, ур. Гарбель, сынъ Илья—14 лѣтъ, сестры Бетя и Бася—последняя замужемъ за подрядчикомъ Михаиломъ Файнштейномъ. Мы беремъ эти данныя изъ „справки“, составленной 12 февраля 1911 г. и находящейся въ архивахъ Департамента Полиціи.

Съ 1882 г. по 1893 г. Вейсманъ состоялъ на службѣ въ качествѣ агента, при начальникѣ жандармскаго управленія гор. Одессы. Затѣмъ перешелъ на службу въ Заграничную Агентуру Департамента Полиціи и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ управлялъ Балканской агентурой. *А. Вейсманъ* пользовался большимъ вліяніемъ на

Балканахъ не только въ политическихъ, но и въ дипломатическихъ сферахъ; онъ былъ уволенъ въ концѣ 1903 года. „Поводомъ къ увольненію Вейсмана со службы,—читаемъ мы въ этой запискѣ,—послужили имѣвшіяся данныя, свидѣтельствовавшія о томъ, что Вейсманъ является человѣкомъ безчестнымъ и нестѣсняющимся въ средствахъ для добыванія денегъ, а равно послѣдовавшія разоблаченія его участія въ дѣлѣ устройства фиктивного покушенія на жизнь болгарскаго князя, причемъ онъ имѣлъ цѣлью открыть означенный замыселъ и, благодаря этому, получить отъ болгарскаго правительства матеріальныя выгоды; въ виду сего, по личному распоряженію князя Фердинанда, ему было воспрещено жительство въ предѣлахъ княжества. Спустя нѣкоторое время Вейсманъ отправился въ Болгарію, гдѣ у него въ Софіи имѣется собственный домъ, но на границѣ былъ арестованъ и высланъ въ Румынію. Во вниманіе къ его 20-ти-лѣтней службѣ ему было назначено изъ секретныхъ суммъ Департамента Полиціи ежегодное пособіе въ размѣрѣ 600 р. Поступивъ потомъ на службу въ Варшавскую сыскную полицію (занималъ должность дѣлопроизводителя), Вейсманъ за мошенничество былъ уволенъ и преданъ суду, въ виду чего назначенная ему изъ суммъ Департамента Полиціи пенсія выдачей была пріостановлена. Въ августѣ 1905 г. Вейсманъ заявилъ на пріемѣ въ Департаментѣ, что онъ освобожденъ отъ суда и ходатайствовалъ о возобновленіи выдачи пенсіи. Спрошенный по сему поводу прокуроръ Варшавской судебной палаты 10 сент. 1905 г. за № 2023 увѣдомилъ, что въ производствѣ у судебного слѣдователя 7-го участка г. Варшавы имѣется возникшее въ 1905 г. дѣло по обвиненію дѣлопроизводителя сыскаго отдѣленія при канцеляріи Варшавскаго оберъ-полиціймейстера, Александра Вейсмана въ преступномъ дѣяніи, предусмотрѣнномъ 2 ч. 447 и 373 ст. Улож. о нак. и, кромѣ того, въ этомъ же году у того же слѣдователя возникло еще три дѣла о Вейсманѣ по обвиненію его по 9 и 377 ст. Улож. о нак.

Вотъ какіе типы, по характеристикѣ самихъ же царскихъ властей, стояли во главѣ заграничнаго политическаго розыска.

Вейсманъ, Симонъ (Шимонъ), состоялъ секретнымъ сотрудникомъ при Одесскомъ жанд. упр. съ 1892 по 1895 г.г., а затѣмъ былъ переведенъ въ Вѣну для доставленія агентурныхъ свѣдѣній о политической эмиграціи.

Въ 1913 г. въ газетѣ „Рѣчь“ была помѣщена замѣтка о дѣлѣ инженера Алехина, въ которой было указано, что Вейсманъ оказалъ рядъ важныхъ услугъ австро-венгерскому правительству; въ руки Вейсмана и попалъ Алехинъ. (См. 1-ую часть, стр. 64).

Верецкій, Николай Николаевичъ, сынъ священника. Въ апрѣлѣ 1903 г., будучи ученикомъ 7-го класса Павлоградской гимназіи,

поступилъ секретнымъ сотрудникомъ въ Екатеринославское охранное отдѣленіе подъ кличкой „Новиковъ“ и освѣщаль павлоградскую с.-д-скую группу. Въ 1905 г. Николай В. поступаетъ въ число студентовъ Петерб. университета и одновременно переводится секр. сотрудникомъ въ Петерб. охр. отдѣленіе. Въ Петербургѣ В. состоялъ членомъ боевой организаціи при Петерб. комитетѣ партіи с.-д. и въ качествѣ такового получилъ отъ комитета болѣе 10 тысячъ рублей для приобрѣтенія оружія въ Финляндіи. В. водворялъ это оружіе въ Петербургъ мелкими транспортами, причемъ только незначительную часть передавалъ въ комитетъ, а все остальное оружіе сдавалъ въ охранное отдѣленіе. Въ 1907 г. въ партіи возникло противъ В. подозрѣніе въ растратѣ и былъ назначенъ партійный судъ. Тогда для реабилитаціи В. у него на квартирѣ былъ произведенъ обыскъ и за храненіе оружія В. былъ приговоренъ къ трехмѣсячному аресту, который и отбылъ при Петерб. охр. отдѣленіи, а затѣмъ для окончательнаго возстановленія довѣрія былъ посланъ на годъ въ Женеву, гдѣ и работалъ въ Заграничной Агентурѣ.

Въ 1908 году В. вернулся въ Россію и продолжалъ свое сотрудничество въ Петербургскомъ охранномъ отдѣленіи подъ кличкой „Мухинъ“. Въ 1912 г., подъ видомъ высылки, В. снова былъ командированъ за-границу. По отношенію къ этой командировкѣ приведенныя нами данныя (изъ бумагъ Екатеринославскаго охр. отдѣленія) нѣсколько расходятся съ свѣдѣніями, почерпнутыми нами изъ архивовъ Заграничной Агентуры, которыя гласятъ слѣдующее: Состоя секретнымъ сотрудникомъ Петербургскаго охраннаго отдѣленія (подъ псевдонимомъ „Осиновъ“), Верецкій въ бытность свою въ Парижѣ, предложилъ въ декабрѣ 1912 года свои услуги Заграничной Агентурѣ, не сообщивъ о своемъ сотрудничествѣ въ Петербургскомъ охранномъ отдѣленіи. Верецкій назвался сначала Андреемъ Ивановичемъ Ниловымъ, а потомъ Федоромъ Ивановичемъ Клячко, былъ принятъ въ число секретныхъ сотрудниковъ подъ псевдонимомъ „Бернаръ“ на жалованье въ 200 фр., которое черезъ 2 мѣсяца было повышено до 500 фр. Свѣдѣнія Верецкаго, по отзыву имѣвшаго съ нимъ сношенія жандармскаго офицера, были „правдивы и цѣнны“.

Обстоятельные доклады Верецкаго касались, главнымъ образомъ, социалистовъ-революціонеровъ и дѣятельности Бурцева, у котораго онъ, по официальному выраженію, занималъ „прочное положеніе“, благодаря чему Верецкій былъ въ курсѣ дѣлъ, которыя возбуждались противъ разныхъ лицъ по обвиненію въ предательствѣ. Въ декабрѣ 1913 г., когда выяснилось, что В. служитъ одновременно и Петербургской и Парижской агентурѣ, онъ былъ отозванъ въ Россію.

Вернувшись изъ-за границы въ началѣ 1914 г. Николай Верец-

кій былъ призванъ на военную службу, вслѣдствіе чего оставилъ работу въ охр. отдѣленіи, получивъ 900 рублей пособія. Одновременно съ назначеніемъ этой награды Д-тъ Пол. хлопоталъ объ освобожденіи В. отъ наказанія за несвоевременную явку къ отбыванію воинской повинности.

Примѣты: лѣтъ около 30, средняго роста, волосы свѣтлорусые, усы довольно густые, длинные, лицо овальное, худое, носъ толстый.

Верецкій, Михаилъ Николаевичъ, братъ Николая, воспитанникъ Екатеринославской духовной семинаріи; съ 1904 г. состоялъ секретнымъ сотрудникомъ при Екатериносл. охр. отд. и освѣщалъ с.-р. группу въ семинаріи; въ томъ же году былъ исключенъ изъ семинаріи за участіе въ беспорядкахъ и, несмотря на заступничество начальника губ. жандарм. управленія, обратно принять не былъ. Въ 1907 г. вызванъ ген. Герасимовымъ въ Петербургъ и командированъ за-границу, по возвращеніи откуда въ 1909 г. поступилъ въ охранную команду Петерб. охраннаго отдѣленія; въ 1911 г. „въ виду непрочности положенія“ ходатайствовалъ о назначеніи на должность пристава.

Верецкій, Борисъ Николаевичъ, братъ Николая и Михаила, хотя и не служилъ въ Заграничной Агентурѣ, но мы все же запечатлѣваемъ его здѣсь, какъ рѣдкій примѣръ устойчивости семейнаго типа: трое братьевъ и всѣ провокаторы. Борисъ—былъ „вспомогательнымъ агентомъ“ при Екатериносл. охранномъ отд. съ 1910 г. подъ кличкой „Безусый“, освѣщалъ семинарскія организаціи; получалъ жалованье—30 рубл. въ мѣсяць. Въ ноябрѣ 1910 г., вслѣдствіе „чрезмѣрной поспѣшности при ликвидаціи семинарскаго украинскаго кружка“, товарищи заподозрили Бориса Верецкаго въ провокаціи, и въ 1912 г. онъ былъ принужденъ оставить семинарію, причѣмъ получилъ изъ суммъ Екатериносл. охранн. отдѣленія пособіе въ 90 руб.

Виндингъ, Левъ Дмитріевъ, дворянинъ Полтавской губ., по приговору Владикавказскаго окружнаго суда, за преступленіе, предусмотрѣнное 1656 и 1687 ст.ст. Улож. о нак., лишенъ былъ всѣхъ правъ состоянія. По Высочайшему манифесту въ апрѣлѣ 1913 г. былъ освобожденъ, и, желая „реабилитировать“ себя, онъ обратился къ Моск. нач. отдѣл. по охраненію общественной безопасности съ предложеніемъ своихъ услугъ, также и въ Д-тъ Полиціи съ просьбой о выдачѣ ему денегъ на проѣздъ въ Парижъ и зачисленіи его въ Заграничную Агентуру. Ему предложено было отправиться въ Парижъ и тамъ предложить свои услуги. Съ дороги давалъ свѣдѣнія о матросахъ крейсера „Аскольдъ“. Въ Парижѣ поступилъ въ 82-ой фр. полкъ тяжелой артиллеріи.

Циркуляромъ 17 августа 1916 года за № 134597 признанъ лицомъ, не заслуживающимъ довѣрія и „склоннымъ къ провокаціи“.

Владигеровъ служилъ агентомъ Д-та Полиціи въ Румыніи въ 1885 г., одновременно былъ военнымъ агентомъ въ болгарской миссіи въ Бухарестѣ; освѣщаль дѣятельность русскихъ эмигрантовъ. Объ его роли сообщилъ эмигрантамъ бывшій драгоманъ русскаго консульства въ Рушукѣ Якобсонъ, за что и былъ избитъ Владигеровымъ. Въ 1891 г. по пріѣздѣ въ Болгарію В. былъ, по наущенію Якобсона, арестованъ Стамбуловымъ и подвергнутъ якобы пыткамъ, а имущество его было конфисковано. Послѣ двухъ лѣтъ заключенія, былъ освобожденъ и сданъ въ солдаты; бѣжалъ въ Россію и просилъ у Д-та Полиціи 12.000 фр. пособія съ тѣмъ, чтобы уѣхать за-границу. 12 января 1894 г. ему было выдано 5.000 фр.

Выровой, Захаръ Ивановичъ, столяръ, бывшій членъ Государственной Думы I созыва (соціалъ-демократической фракціи), род. въ 1879 г. Состоялъ секретнымъ сотрудникомъ Заграничной Агентуры подъ псевдонимами „Захаръ“ (до октября 1909 г.) и затѣмъ „Орликъ“, получалъ ежемѣсячно по 350 фр., а подъ конецъ 400 фр. Въ іюлѣ 1912 года Выровой думалъ поѣхать въ Россію, ссылаясь на „нѣкоторыя обстоятельства частнаго характера“, причемъ надѣялся получить отъ с.-р. явки и адреса и рассчитывалъ, что переѣздъ черезъ границу ему будетъ обезпеченъ делегаціей партіи с.-р. Уѣхалъ Выровой только въ ноябрѣ съ паспортомъ на имя Михаила Иваненко и направился въ Кіевъ (прибывъ туда, онъ долженъ былъ увѣдомить начальника мѣстной охраны письмомъ по адресу: Рейтерская, 5, П. Ф. Боговскому).

Сообщенія Вырового касались, главнымъ образомъ, анархистовъ. Одно изъ донесеній „Орлика“ за 1912 г. было посвящено обществу активной помощи политическимъ каторжанамъ, однимъ изъ учредителей котораго былъ онъ самъ. Въ августѣ 1912 г. Выровой работалъ въ Billancourt на постройкѣ аэроплановъ Фармана, что дало ему возможность написать доносъ на нѣкоторыхъ русскихъ авіаторовъ (с.-р. Небудекъ и др.). Дальнѣйшія сообщенія Вырового касались, главнымъ образомъ, „Братства вольныхъ общинниковъ“ и съѣзда анархистовъ, который предполагался въ 1914 году. Въ это время Бурцевымъ были получены указанія на провокацію среди анархистовъ. Заподозрѣнъ былъ, однако, не Выровой и не Долинъ, дѣйствительные освѣдомители охраны, а Рогдаевъ (Николай Музиль). На этой почвѣ возникли крупныя недоразумѣнія, вызвавшія „угнетенное состояніе“ среди членовъ группы, которые, ища въ своей средѣ предателя, „стали бросать въ глаза другъ другу обвиненія въ провокаціи“. По этому поводу Красильниковъ доносилъ: „дѣло Рогдаева привело къ тому, что существованіе организовавшейся Парижской федераціи анархистовъ-коммунистовъ можно считать поконченнымъ“.

Вскорѣ послѣ этого Выровой вышелъ изъ группы анархистовъ.

Весной 1915 года онъ выѣхалъ въ Россію для отбыванія военно-по-
вѣнностей, получилъ на дорогу 500 фр. Женѣ Вырового, жившей
въ Парижѣ, выплачивалось послѣ этого въ теченіе года по 200 фр.
въ мѣсяцъ.

Герцикъ, Борисъ, бывшій ученикъ технического училища Ва-
вельберга въ Варшавѣ, сынъ купца изъ Минска, въ 1903 г. посту-
пилъ на службу въ Варшавское охр. отдѣл., выдавалъ бунди-
стовъ; для приданія большаго значенія своей личности просилъ
полицію себя арестовать, но, за попытку играть двойную роль,
былъ выселенъ не только изъ тюрьмы, но и изъ Привислинскаго
края. Въ 1908 г. былъ уличенъ въ провокаціи среди с.-д. въ Же-
невѣ и въ сношеніяхъ съ начальникомъ Заграничной Агентуры
Гартингомъ-Ландезеномъ. Портретъ Герцика помѣщенъ въ № 34
„Пролет.“ и тамъ же приведена резолюція суда надъ нимъ.

Гольденбергъ, Левъ Іосифовичъ, служилъ въ послѣднее время
въ Московскомъ отдѣленіи Русскаго для внѣшней торговли банка.
Въ 1900 году поступилъ секретнымъ сотрудникомъ въ Кишинев-
ское охранн. отд. на жалованье въ 40, а затѣмъ 50 руб.; затѣмъ
уѣхалъ за-границу, гдѣ и кончилъ академію въ Антверпенѣ. За-
границей былъ знакомъ съ Ленинымъ, его женой, которыхъ и освѣ-
щалъ. Въ 1914 году Г. возвратился изъ-за границы и сталъ се-
кретнымъ сотрудникомъ Московскаго охранн. отдѣленія.

Гольдендахъ, Евгений Юльевичъ, сынъ дѣйствительнаго стат-
скаго совѣтника, а нынѣ французскій гражданинъ. Оказывалъ
услуги Парижской сыскной полиціи, а въ октябрѣ 1912 года былъ
переданъ начальникомъ „Сюретэ“ завѣдывавшему Заграничной
Агентурой. Ему былъ присвоенъ псевдонимъ „Дассъ“. Гольден-
дахъ не былъ, по официальному признанію, членомъ какой-либо
революціонной партіи, но имѣлъ связи съ лицами, стоящими близко
къ Бурцеву, почему ему и было поставлено цѣлью „освѣщать“ по-
слѣдняго. Однако, „Дассъ“ нѣсколько уклонился отъ данныхъ ему
указаній и ограничился доставленіемъ свѣдѣній о дѣятельности
кружка русскихъ хулигановъ, къ которому принадлежали Познанскій
(сотрудникъ Агентуры), Алексѣевъ (дѣлалъ доносъ о мнимомъ по-
кушеніи на царя), Леонъ Берманъ и Сергѣй—„Стрѣлокъ“ (на-
званный „кружокъ“ освѣщался еще однимъ изъ агентовъ наруж-
наго наблюденія).

Эта компанія совершенно подходила къ Гольдендаху, про кото-
раго другой секретный сотрудникъ Агентуры В. Верепкій писалъ:
„личность темная, изъ евреевъ, живетъ исключительно на средства
проститутокъ“. По свѣдѣніямъ Дасса, члены кружка хулигановъ
замышляли поочередно шантажировать охрану; они проектировали
даже устроить, въ цѣляхъ грабежа, похищеніе „Вальдека“ (под-
полковникъ Эргардтъ, помощникъ Красильникова) Планы эти не

получили осуществленія, такъ какъ Дассъ скоро „провалился“. Бурцевъ заявилъ, что онъ еще въ 1908 году состоялъ агентомъ французской полиціи и сталъ выяснять, „является ли Гольдендахъ провокаторомъ или только шпикомъ“. Въ отместку „Дассъ“ возбудилъ въ январѣ 1913 года дѣло противъ своего разоблачителя, обвиняя его въ клеветѣ, а Заграничная Агентура возобновила съ нимъ сношенія, причемъ ему была оказана въ этомъ дѣлѣ „нужная денежная поддержка“. Не ограничиваясь этимъ, Гольдендахъ подбилъ своего пріятеля Познанскаго поднять другое дѣло противъ Бурцева, но, не дожидаясь разбора его, уѣхалъ въ Москву; осенью 1913 года онъ жилъ тамъ у своей сестры Лидіи Юльевой Гольдендахъ (Пятницкая ул., д. 20, кв. 48), получая присвоенное ему содержаніе (200 фр. въ мѣсяцъ). Въ Россіи „Дассъ“ соскучился и сталъ хлопотать о разрѣшеніи (онъ не отбылъ полностью воинской повинности) вернуться въ Парижъ; къ выдачѣ ему заграничнаго паспорта Департаментъ Полиціи отнесся отрицательно, но не встрѣтилъ „препятствій къ самостоятельному переѣзду границы Гольдендахомъ, въ случаѣ если бы онъ смогъ достать самъ себѣ надлежащій документъ“. Лѣтомъ 1914 г. „Дассъ“ уже находился въ Парижѣ, гдѣ съ нимъ велъ, черезъ посредство Абашидзе, переговоры Бурцевъ, предложившій ему за „исповѣдь“ хорошія деньги. Сдѣлка не состоялась, такъ какъ Гольдендахъ убѣдился, „что у Бурцева вообще денегъ нѣтъ и что едва ли представится ему возможнымъ раздобыть хотя бы и обѣщанные имъ 3.000 фр.“. Съ началомъ войны Гольдендахъ былъ призванъ въ войска и, судя по его письмамъ къ Биттаръ-Монену, находился (октябрь 1914 г.) въ Bou-Saada (Алжиръ) въ качествѣ капрала въ 3-е Compagnie, 3-e groupe spécial.

Гончаровъ, Стефанъ Григорьевъ, крестьянинъ Старобѣльскаго уѣзда, слободы Литвиновки. Родился въ 1888 г. Бывшій рядовой Кавказскаго желѣзнодорожнаго батальона; состоялъ токаремъ на механическихъ мастерскихъ въ Рыковскихъ кояхъ. Былъ арестованъ по дѣлу мѣстнаго анархическаго кружка; бѣжалъ изъ-подъ стражи 20 ноября 1912 г.; въ январѣ слѣдующаго года поселился въ Парижѣ съ женой Гликеріей, урожденной Ставинской: 25, B-d Auguste Blanqui.

8 августа 1913 г. Гончаровъ обратился съ предложеніемъ услугъ и былъ тогда же принятъ въ число секретныхъ сотрудниковъ Заграничной Агентуры Департ. Полиц., подъ псевдонимомъ „Рено“, съ жалованьемъ по 100 фр. въ мѣсяцъ. Г. доносилъ на русскихъ анархистовъ, проживавшихъ въ Парижѣ, какъ, напримѣръ, Кучинскій („Аполлонъ“), Константиновскій („Давидъ“), Жабовъ („Осипъ“) и др.

Примѣты Гончарова: роста 2 арш. 5⁷/₈ вершка, глаза каріе, волосы темно-русые, на лѣвой рукѣ татуировка.

Гончаровъ, Яковъ Дементьевъ; состоялъ секретнымъ сотрудникомъ Одесскаго жандармскаго управленія по группѣ анархистовъ подъ кличкой „Иваненко“; въ маѣ 1911 г. былъ командированъ въ Лембергъ и Францію срокомъ на 6 мѣсяцевъ, на что было ассигновано 1.200 р. Цѣль поѣздки была: приобрѣсти за-границей серьезныя связи среди русскихъ эмигрантовъ революціонеровъ, а также „провѣрить слухъ о намѣреніи боевиковъ воспользоваться аэропланами для совершенія въ Россіи террористическихъ актовъ первостепенной важности“. По прибытіи въ Парижъ Гончаровъ долженъ былъ сообщить о томъ завѣдывавшему Заграничной Агентурой письмомъ за подписью Grandsarte, по адресу: M-r Ridler, 79, rue de Grenelle.

Гудинъ, Василій Григорьевичъ, сынъ крестьянина Муромск. у., 37 лѣтъ; бывшій студентъ Петроградскаго технологическаго института (1902 г.); заагентуренъ около 1902 г. Въ 1905—1906 году Гудинъ, по его словамъ, передалъ свой паспортъ другому лицу—революціонеру, на котораго потомъ донесъ. Революціонера, вмѣстѣ съ другими, арестовали, судили и приговорили къ ссылкѣ на поселеніе (подъ именемъ Гудина).

Гудинъ долгое время жилъ въ Бельгіи, главнымъ образомъ въ Льежѣ; женатъ на бельгійкѣ—Жаннѣ Гейне. Во время войны, изъ Бельгіи переѣхалъ въ Англію, гдѣ вскорѣ, по рекомендаціи Аладына, получилъ мѣсто лектора русскаго языка при Ливерпульскомъ университетѣ.

Гудинъ состоялъ въ партіи с.-д. (большевики). Освѣщалъ всѣ партіи. За-границей находился въ сношеніяхъ съ завѣдывавшими Заграничной Агентурой Гартингомъ и Красильниковымъ, отчасти непосредственно, но, главнымъ образомъ, черезъ ихъ агентовъ (въ Англіи—черезъ чиновника Департ. Полиціи Литвина). Въ Заграничной Агентурѣ Гудинъ имѣлъ кличку Neu (Ней); жалованья получалъ 400 фр. въ мѣсяцъ.

На допросѣ много путалъ и лгалъ, хотя фактъ своей службы въ охранкѣ тотчасъ призналъ. Протоколъ допроса собственноручно подписалъ.

Примѣты: роста высокаго (больше 2 арш. 10 вер.), тѣлосложенія плотнаго, полный; волосы свѣтлые, усы свѣтлые, не длинные, лицо круглое; бороду бреетъ.

Гурари, Левъ (Леонъ). Въ письмѣ своемъ изъ Ниццы отъ 3—16 ноября 1902 г. къ завѣдующему Заграничной Агентурой Департ. Полиц. Ратаеву Гурари предложилъ „услуги“. Онъ писалъ между прочимъ: „Я легко могу вступить въ сношенія съ Вѣрой Гурари, кузиной моей, сосланной нынѣ въ Иркутскъ. Прикинувшись оочувствующимъ и жаждущимъ дѣятельности, я смогу добыть у нея указанія, рекомендаціи... Я искренно убѣжденный

противникъ революціонной дѣятельности и приложу все умѣніе и усиліе обезвредить возможно большее число этихъ паразитовъ“. Гурари былъ принятъ въ число секретныхъ сотрудниковъ, но вскорѣ былъ уволенъ. Въ сентябрѣ 1905 г. Гурари обратился къ новому завѣдующему Заграничной Агентурой—Гартингу съ просьбой принять его на службу, ссылаясь на то, что „въ виду его близкаго знакомства съ Прекеромъ-Гнатовскимъ онъ сможетъ въ теченіе 2 хъ мѣсяцевъ дать весьма цѣнныя свѣдѣнія“. Гартингъ назначилъ ему 600 фр. въ мѣсяцъ и 1.000 фр. „на наемъ подходящей квартиры“. Однако, вскорѣ Гурари былъ опять уволенъ.

Въ іюлѣ 1910 г. Гурари снова просилъ принять его на службу, указывая на то, что въ 1892—1895 г.г., будучи въ зубоврачебной школѣ въ Варшавѣ (Джемса Леви), онъ „оказалъ много услугъ генералу Брокку“ (начальнику жандармскаго управленія). Услуги его, однако, приняты не были.

Гурари въ 1902 г. имѣлъ въ Ниццѣ экспортную контору (Fav. st. Maurice); затѣмъ держалъ въ Парижѣ зубоврачебный кабинетъ.

Въ 1909 г. Гурари состоялъ зубнымъ врачомъ при Обществѣ критики французской прессы. Лѣтомъ 1910 г. Гурари жилъ въ Drancy (Seine) во Франціи.

Гуровичъ, Михаилъ Ивановичъ, въ 1880 г. былъ помощникомъ провизора и имѣлъ аптекарскій магазинъ въ г. Луганскѣ. За участіе въ революціонномъ движеніи въ концѣ 1880 г. былъ сосланъ въ Сибирь. По отбытіи положеннаго срока возвратился въ Россію, былъ заагентуренъ, вѣроятно, въ самомъ началѣ 1890 г. подъ кличкой „Харьковцева“. Въ бумагахъ Д-та Полиціи, между прочимъ, имѣются слѣдующія отмѣтки: „30-го января 1896 г. „Харьковцеву“ выдано 150 руб. на расходы (отъ Зволянскаго), 17-го февраля того же года выдано 200 руб. въ возмѣщеніе расходовъ (отъ Зволянскаго); 14-го января 1899 года—300 руб. на переѣздъ изъ Москвы въ С.-Петербургъ; тогда же назначено „Харьковцеву“ 350 руб. въ мѣсяцъ вмѣсто получавшихся имъ ранѣе 250 руб. Какъ всѣмъ извѣстно, Гуровичъ имѣлъ обширныя связи среди революціонеровъ и „провалилъ“ очень многихъ изъ нихъ; съ провокаціонными же цѣлями онъ сдѣлалъ я издателемъ перваго легальнаго с.-д. журнала „Начало“, въ редакціи котораго принимали участіе Струве, Туганъ-Барановскій и многіе другіе видные с.-д.

Въ 1902 г. Гуровичъ былъ разоблаченъ и имя его, какъ злостнаго провокатора, было пропечатано во всѣхъ нелегальныхъ революціонныхъ журналахъ; съ этого времени „Харьковцеву“ прекращается выдача жалованья, вмѣсто котораго назначена пенсія въ 2.000 руб. въ годъ. Самъ же Гуровичъ былъ причисленъ къ Д-ту Полиціи, а въ началѣ 1903 года Гуровичъ назначенъ завѣдующимъ

Галиційской и Румынской агентурой (смотри текстъ, стр. 43—44), причемъ резиденціей его была назначена Варшава. Это галиційско-румынско-варшавское предпріятіе было ликвидировано въ слѣдующемъ году и Гуровичъ снова возвратился въ Петербургъ. Здѣсь, по даннымъ Менъщикова¹⁾, для Гуровича создали новыя должности. Его начали именовать „инспекторомъ охранныхъ отдѣленій и завѣдующимъ агентурой всей Россіи“. Это былъ самый блестящій періодъ для Гуровича: онъ разъѣзжалъ всюду по Россіи, наводилъ страхъ на жандармовъ, авторитетно поучалъ, какъ надо вести розыски, пользоваться агентурой... Недаромъ высшее начальство, вплоть до самого Николая, осыпало невиданными милостями Гуровича: и царь, и шпіоны хорошо знали, какія неоцѣненныя услуги оказывалъ этотъ предатель и сколько вреда принесъ онъ революціонерамъ. Дѣло въ томъ, говорятъ Менъщиковъ, что за продолжительное свое пребываніе въ революціонной средѣ Гуровичъ пріобрѣлъ много знакомствъ, узналъ слабыя стороны нѣкоторыхъ и, воспользовавшись многими благопріятными для себя обстоятельствами, немало лицъ завербовалъ въ провокаторы. По уходѣ изъ Д-та Полиціи Лопухина, Гуровичъ остался не у дѣлъ, но съ появленіемъ Трепова, а за нимъ и Рачковскаго, онъ снова всплываетъ, какъ помощникъ послѣдняго; къ этимъ двумъ охранникамъ переходитъ почти весь политическій розыскъ по Петербургу, половина филеровъ работаетъ у нихъ, особенно хорошо у нихъ была организована секретная агентура, благодаря которой имъ и удалось предотвратить подготовлявшееся партіей с.-р. покушеніе на Булыгина и Трепова. За столь блестящіе успѣхи, Рачковскій былъ назначенъ завѣдующимъ политической частью Д-та Полиціи на правахъ директора, а Гуровичъ получилъ орденъ и былъ назначенъ начальникомъ канцеляріи помощника намѣстника на Кавказѣ по политической части; весь штатъ этой канцеляріи Гуровичъ сформировалъ изъ бывшихъ провокаторовъ и зубатовцевъ; въ 1906 году вслѣдствіе переменъ начальства Гуровичъ принужденъ былъ выйти въ отставку.

Гутманъ, Моисей; состоялъ секретнымъ сотрудникомъ Виленскаго охраннаго отдѣленія подъ кличкой „Турокъ“. Былъ рекомендованъ подполковникомъ Радинымъ для заграничной „работы“. Въ 1908 г. прибылъ въ Парижъ и былъ принятъ жандармск. ротмистромъ Андреевымъ (Рено) въ число секретныхъ сотрудниковъ Заграничной Агентуры. Жалованья получалъ 400 фр. въ мѣсяцъ. Гутману было поручено „проникнуть въ мѣстную группу социалистовъ-революціонеровъ“, но такъ какъ онъ имѣлъ явку лишь къ нѣкому студенту Мурашкину, то въ организацію вступить ему не удалось.

¹⁾ См. „Революціонная Мысль“, № 3, сентябрь 1908 года.

Тогда Андреевъ поручилъ Гутману, „не теряя времени“, сблизиться съ Бурцевымъ и Бакаемъ. Гутманъ вошелъ въ сношенія съ ними, но вскорѣ вызвалъ у нихъ подозрѣнія и „подъ давленіемъ Бака“ признался въ предательствѣ. Опасаясь разоблаченій со стороны Гутмана, Андреевъ отправилъ его въ Россію 5 октября 1908 года, подъ конвоемъ сыщика Бинта. Черезъ двѣ недѣли Гутманъ вернулся въ Парижъ. Завѣдующій Агентурой, „опасаясь вреда, который онъ можетъ принести, рѣшилъ понудить его къ отъѣзду, но предварительно добился отъ Гутмана официальной жалобы на разоблачившаго его Бака, которая могла бы послужить нѣкоторымъ прецедентомъ при сужденіяхъ французскаго правительства на предметъ высылки Бака изъ предѣловъ Франціи. Эту жалобу предполагалось направить черезъ русскаго генеральнаго консула въ префектуру“.

28 ноября того же года Гутманъ уѣхалъ въ южную Германію, гдѣ онъ, „какъ человѣкъ, знающій нѣмецкій языкъ и малярное и декоративное ремесла, могъ найти спокойное существованіе“. На дорогу ему дали 200 фр. Живя въ Парижѣ, Гутманъ пользовался адресами: M-r Verdier, 77, rue Charlot, pour M-r Goutmanne, Paris; № 115, rue de Turenne, M-r Robert Couffin, pour Goutmanne.

Деливронъ, Андрей Андреевичъ, дворянинъ, былъ прикомандированъ къ Нагасакскому консулу Поляновскому въ качествѣ агента по наблюденію за политическими эмигрантами, потомъ къ нач. охранн. отд. во Владивостокѣ въ 1915 г., былъ принятъ на службу нач. желѣзнодорож. полицейскаго управл. Кит.-Вост. жел. дор. подъ кличкою „Морякъ“, но вскорѣ ему было отказано въ виду его склонности къ шантажу.

Димитрашвили (онъ же **Деметрашвили**), Андрей Гавриловичъ; родился въ 1886 г. въ селѣ Карагаджи, Горійскаго уѣзда, Тифлисской губ., состоялъ секретнымъ сотрудникомъ при Московск. охр. отд. съ 1910 г., освѣщалъ с.-р., агентурная кличка „Малороссъ“, въ 1912 г. въ іюлѣ Д. былъ командированъ въ Парижъ и въ апрѣлѣ 1913 г. былъ переданъ въ вѣдѣніе Заграничной Агентуры съ жалованьемъ 400 фр. въ мѣсяцъ; въ Парижѣ продолжалъ освѣщать с.-р., давалъ свѣдѣнія также о грузинахъ и объ армянахъ, состоялъ членомъ Парижской группы содѣйствія с.-р. и по своимъ связямъ могъ давать интересныя и подробныя свѣдѣнія о выдающихся дѣятеляхъ партіи. Между прочимъ, Д. слѣдилъ также и за разоблачителемъ Меньшиковымъ.

Примѣты: высокаго роста, плотный, брюнетъ, красивый, но съ тупымъ выраженіемъ лица.

Дликманъ (онъ же **Гликманъ** и **Глюкманъ**), Мовша Мордковъ, рязанскій мѣщанинъ; родился въ 1880 г.; по профессіи слесарь. Въ революціонной средѣ былъ извѣстенъ подъ кличкой „Мишель“,

„Михаилъ Саратовецъ“, „Аполлонъ“. Привлекался по политическому дѣлу въ Рязани. Впослѣдствіи былъ осужденъ на поселеніе по дѣлу о Саратовскомъ губернск. комитетѣ партіи с.-р.

Состоя секретнымъ сотрудникомъ Пермскаго охраннаго отдѣленія (подъ всевдонимомъ „Ангарцевъ“, съ ежемѣсячнымъ жалованьемъ въ 250 руб.), Дликманъ въ маѣ 1911 г. былъ командированъ, по распоряженію генерала Курлова, въ Парижъ. Первоначально доносилъ своему начальнику — полковнику Комиссарову. Въ августъ того же года былъ принятъ въ число секретныхъ сотрудниковъ Заграничной Агентуры подъ кличкой „Баллэ“. Заподозрѣнный въ сношеніяхъ съ политической полиціей еще во время пребыванія своего въ ссылкѣ (былъ реабилитированъ заявленіемъ центрального комитета партіи с.-р. въ „Зн. Труд“, № 33), Дликманъ вызвалъ недовѣрчивое отношеніе къ себѣ и у заграничныхъ товарищей. Когда надъ нимъ назначили судъ, Заграничная Агентура отказалась отъ его услугъ.

Примѣты: ростъ 2 арш. 4⁵/₈ в., глаза каріе, волосы русые.

Долинъ, Бенціонъ Моисеевъ-Мошковъ, Заславскій мѣщанинъ; секретный сотрудникъ Волынскаго охраннаго отдѣленія и Заграничной Агентуры; охранныя клички: „Ленинъ“, „Александровъ“, „Шарль“.

11-го іюня 1904 г. начальникъ Екатеринославскаго охраннаго отдѣленія ротмистръ Шульцъ доноситъ д-ру Д-та Полиціи, между прочимъ, слѣдующее: „... по вступленіи въ должность начальника Волынскаго охраннаго отдѣленія мнѣ былъ рекомендованъ полковникомъ Потоцкимъ въ качествѣ сотрудника Бенціонъ Моисеевъ Долинъ, оказывавшій нѣкоторыя услуги управленію до сформирования въ г. Житомирѣ охраннаго отдѣленія. Будучи довольно развитымъ и находясь въ близкихъ сношеніяхъ съ интеллигентными представителями оперировавшей въ то время въ г. Житомирѣ организации „Бунда“, Долинъ давалъ мнѣ полное внутреннее освѣщеніе преступной дѣятельности наиболѣе выдающихся лицъ, — благодаря чему я имѣлъ возможность пресѣкать ихъ вредную дѣятельность при соотвѣтствующей обстановкѣ... До поступленія сотрудникомъ Долинъ зарабатывалъ частными уроками весьма ограниченныя средства; будучи же сотрудникомъ и давая цѣнныя свѣдѣнія, Долинъ получалъ отъ меня послѣднее время, считая съ наградными деньгами, въ общей сложности значительно болѣе ста рублей въ мѣсяцъ. Несмотря на мои предупрежденія жить возможно скромно и придерживаться прежняго образа жизни, Долинъ, какъ онъ впослѣдствіи мнѣ сознался, довольно часто позволялъ себѣ разныя излишества и пристрастился къ картамъ, причемъ неоднократно проигрывалъ въ азартныя игры (иногда даже въ мѣстномъ клубѣ) крупныя суммы, тщательно скрывая все это въ то же время отъ меня.

Большія траты денегъ Долинымъ были замѣчены другими членами организаціи, знавшими его матеріальное положеніе, и это обстоятельство въ связи съ происходившими обысками и арестами лицъ, близко стоявшихъ къ Долину, бросило на него тѣнь подозрѣнія, но никакихъ вѣскихъ обязательныхъ данныхъ къ обвиненію Долина у организаціи не было. О всемъ же я освѣдомился уже со словъ другого сотрудника. Въ виду изложеннаго я посоветовалъ Долину по прошествіи нѣкотораго времени подѣ благовиднымъ предлогомъ поѣхать къ отцу въ мѣстечко Острополь Новгородъ-Волынскаго уѣзда и временно прервать сношенія съ организаціей, что онъ и исполнилъ. Послѣ моего пріѣзда въ Екатеринославъ Долинъ также пріѣхалъ ко мнѣ и просилъ устроить его куда-либо на службу, но по прошествіи небольшого промежутка времени заявилъ мнѣ, что для возстановленія его репутаціи въ организаціи его необходимо самого привлечь къ дознанію и продержать возможно дольше подѣ стражей непременно въ Житомирской тюрьмѣ. Просьбу Долина, выѣхавшаго вскорѣ въ Житомиръ, я передалъ частнымъ письмомъ полковнику Потоцкому и по распоряженію послѣдняго Долинъ былъ привлеченъ по 4-ой части 252 ст. Улож. о наказ. и заключенъ подѣ стражу. Вскорѣ послѣ этого я получилъ черезъ полковника Потоцкаго отъ Долина письмо, которымъ послѣдній увѣдомляетъ меня, что для окончательнаго возстановленія своего положенія въ организаціи онъ намѣренъ выгородить кого-нибудь изъ своихъ прежнихъ сотоварищей, взявъ его вину на себя, и, не ожидая моего отвѣта, подалъ по сему поводу официальное заявленіе“...

Вотъ начало карьеры осторожнаго и выдержаннаго провокатора. За время „работы“ въ Волынской бундовской организаціи Долинъ выдалъ Абрама Ческиса, Носовича, Иду Фрейдинъ, Плавскина и нелегальную бібліотеку...

Затѣмъ Долинъ переходитъ изъ „Бунда“ къ анархистамъ-коммунистамъ и изъ Волынскаго охраннаго отдѣленія въ Екатеринославское. Здѣсь, кромѣ жалованья, онъ получаетъ еще и дополнительные суммы—за отдѣльные выдачи, такъ сказать, „съ головы“. Такъ, онъ предложилъ въ мартѣ 1908 г. начальнику Екатериносл. охр. отд. жанд. ротмистру Прутенскому выдать извѣстную анархистку Таратуту, но при условіи предварительной уплаты ему за это 500 рублей. У Прутенскаго такихъ свободныхъ денегъ не оказалось, но онъ занялъ и заплатилъ Долину, а затѣмъ просилъ Д-ть объ уплатѣ ему этихъ денегъ. Въ архивахъ Д-та Пол. имѣется расписка Долина въ полученіи этихъ іудиныхъ денегъ, она помѣчена 25 марта 1908 г. и подписана—„Ленинъ“. Самая выдача и арестъ Таратуты были обдуманы и разработаны Прутенскимъ и Долинымъ чрезвычайно тонко, чтобы не „провалить“ провокатора. Та-

ратута была арестована „какъ по писанному“ и пошла въ каторжныя работы.

26 авг. того же 1908 г. тотъ же нач. Екатериносл. охр. отд. Прутенскій телеграфируетъ Д-ту Полиціи: „Извѣстный мнѣ Одесскій Екатеринославу сотрудникъ Ака (анархистовъ-коммунистовъ В. А.)— „Ленинъ“ находящійся сейчасъ за-границей предлагаетъ мнѣ выдать всѣ адреса всѣхъ городовъ Европы, по коимъ разсылаются „Буревѣстникъ“, обѣщая потомъ дать тѣ же свѣдѣнія касающіеся Россіи просить за все четыреста рублей двѣсти сейчасъ, двѣсти потомъ за отчисленіемъ аванса. Кривой Рогъ стѣсненъ въ деньгахъ срочно телеграфируйте можно ли дать. Могу дать изъ суммы отдѣленія условіи возвращенія Департаментомъ къ двадцатому августа. Передъ отъѣздомъ Ленина за-границу предлагалъ связать Гартингомъ категорически отказался. № 4072 ротмистръ Прутенскій“.

На эту телеграмму завѣд. Особ. Отд. Д-та Пол. Климовичъ отвѣчаетъ лапидарной телеграммой: „Заграничные адреса представляютъ мало интересу, за русскіе стоитъ уплатить двѣсти рублей, которые возвращу“.

Черезъ мѣсяць 6-го сент. 1908 г. тотъ же Прутенскій доноситъ телеграфно тому же Климовичу: „Екатеринославъ находится мой сотрудникъ анархистъ группы „Буревѣстникъ“ кличка „Ленинъ“, указавшій двѣ типографіи „Буревѣстника“, два склада литературы по пятьдесятъ пудовъ каждый, складъ оружія, подробный планъ транспортировки литературы оружія Россіи мѣста двухъ транспортовъ литературы и лицъ, привезшихъ ихъ въ Россію, прошу ходатайства передъ директоромъ о разрѣшеніи мнѣ пріѣхать въ Петербургъ съ Ленинымъ для передачи его Департаменту, что по моему мнѣнію будетъ полезнѣе для дѣла, чѣмъ его сношенія со мной изъ-за границы, въ виду его обширныхъ партійныхъ связей. „Ленинъ“ вполне замѣнитъ Юста, отвѣтъ прошу телеграфомъ, такъ какъ „Ленинъ“ скоро опять уѣдетъ за-границу. № 4779. Ротмистръ Прутенскій“.

Въ отвѣтъ Климовичъ телеграфируетъ 8-го сент. Прутенскому „4779 Департаментъ непосредственно *агентуры не ведетъ*¹⁾. Передайте *Ленина Аркадію Михайловичу Гартингу* для чего снесите съ нимъ денешами адресуя *Парижъ рю де Гренелль 79 монсіеръ Барре Шифруйте полицейскимъ*“.

Но ротм. Прутенскій задержалъ еще Долина въ Россіи до конца сент. 1908 г. и поручилъ ему „узнать, гдѣ хранятся 8.000 рубл. боевого интернаціональнаго отряда анархистовъ-коммунистовъ“.

Въ октябрѣ Долинъ уже въ Женевѣ и меньше чѣмъ черезъ

¹⁾ Климовичъ, конечно, уклонялся отъ истины, утверждая, что „Д-тъ непосредственно агентуры не ведетъ“.

мѣсяць (17 сент. 1908 г.) завѣд. политическимъ розыскомъ въ Швейцаріи, помощника Гартинга, ротмистръ Владиміръ Андреевъ доноситъ „лично“, „совершенно секретно“ д-ру Д-та Полиціи Трусевичу, между прочимъ, слѣдующее: „... Делегатомъ отъ ан.-синд. группы „Буревѣстникъ“, на котораго палъ жребій ѣхать въ Россію для... 1) установки связи съ счетчикомъ Хотинскаго казначейства, 2) для врученія ему *имѣющихся при делегатѣ 3 т. рублей*, 3) для попытки обмѣнять негодныя къ употребленію 49 т. рублей посредствомъ того для счетчика,—есть упомянутый въ предыдущемъ донесеніи за № 384—„Абрамъ“—членъ группы „Буревѣстника“, состоящій при редакціи въ качествѣ „экспедитора“ и являющійся въ то же время нашимъ, для за-границы вновь приобрѣтеннымъ съ минувшаго октября сотрудникомъ, дававшимъ уже въ Россіи крупныя дѣла; кличка „Ленинъ“. Такъ какъ отъ этой поѣздки Ленинъ ни въ коемъ случаѣ отказаться не можетъ, то, на обсужденіи всего дѣла 15 ноября въ Женевѣ, мы пока выработали такой планъ дѣйствій: 1) Абрамъ (Ленинъ) ѣдетъ 17 ноября въ Австрію, гдѣ „въ г. Коломна по Старо-Гончарской ул. въ д. № 90 у Стеоры Иванчукъ“ хранятся 49 т. руб. негодныхъ къ обращенію и завязываетъ съ этой женщиной связь. 2) Къ 21-му ноября Абрамъ прибудетъ въ Одессу, которую онъ избираетъ центромъ своего мѣстопробыванія на время операціи, немедленно входитъ въ сношенія съ нач-омъ одес. охран. отд-ія подп. Левдиковымъ, въ районѣ котораго лежитъ Хотинъ и котораго я долженъ увѣдомить о прибытіи Ленина“.

Затѣмъ слѣдуетъ изложеніе плана, какъ подвести счетчика, помогавшаго ограбленію Хотинскаго казначейства, передавъ ему деньги, номера которыхъ будутъ предварительно записаны.

Планъ ротмистра Андреева и Ленина былъ выработанъ такъ тонко и выполненъ такъ ловко, что счетчикъ Малайдаха и анарх. Дудниченко были захвачены съ поличными, а Долинъ остался внѣ всякихъ подозрѣній и 20-го декабря уже вернулся въ Женеву; такъ какъ онъ не желаетъ докладывать письменно, то къ нему въ Женеву 2-го янв. 1909 г. ѣдетъ помощникъ ротм. Андреева; послѣдній и доноситъ 20-го янв. д-ру Д-та Трусевичу, между прочимъ, слѣдующее:

„... Выбывъ затѣмъ изъ Одессы въ Хотинъ, Ленинъ связался, черезъ мѣстныхъ анархистовъ, съ „счетчикомъ“ казначейства для врученія послѣднему какъ условленныхъ 3 т. рублей изъ ограбленной суммы (извѣстными кредитными билетами), такъ равно и для переговоровъ объ обмѣнѣ негодныхъ денегъ на годныя, причемъ обмѣнъ былъ рѣшенъ на 16 тыс. Съѣздивъ въ Австрію и взявъ 16 т. руб. негодныхъ, Ленинъ вернулся и передалъ всѣ деньги посреднику сношеній съ „счетчикомъ“, каковой

посредникъ былъ взятъ въ наружное наблюденіе филерами Одесск. охранн. отдѣленія. Давъ, такимъ образомъ, матеріаль для ликвидаціи дѣла въ руки подполковника Левдикова, освѣтивъ попутно, также по предварительному нашему условію, Хотинскую группу анархистовъ и представивъ всѣ свѣдѣнія подполковнику Левдинову одновременно со свѣдѣніями, послужившими основаніемъ для ликвидаціи группы въ 9 человекъ съ 3 пудами анархистской литературы, сотрудникъ счелъ свою задачу законченной и вернулся въ Женеву“...

За эту предательскую „гастроль“ Долинъ получилъ 400 рубл. въ два приѣма.

Но въ концѣ 1909 г. мы видимъ Долина снова въ Россіи—въ Одессѣ; онъ, несмотря на приглашеніе и даже требованіе начальства, не хочетъ снова ѣхать за-границу „въ виду какихъ-то разногласій и несогласій съ заграничными (парижскими) анархистами“.

13 ноября 1909 г. при ликвидаціи одесской группы анархистовъ начальн. Одесскаго жандармскаго управленія „принужденъ“ былъ арестовать и „Александрова“ (вторая охранная кличка Долина. В. А.) въ видахъ охраненія его отъ „провала“ (курсивъ мой. В. А.), „Александровъ“ и до сего времени остается въ тюрьмѣ. Нѣсколько времени тому назадъ я вновь говорилъ съ нимъ по означенному выше вопросу, причемъ въ связи съ таковымъ предложилъ ему такую комбинацію: по даннымъ разслѣдованія, онъ можетъ быть высланъ въ опредѣленную мѣстность подъ надзоръ полиціи, откуда и скроется за-границу, что въ глазахъ какъ мѣстныхъ, такъ и заграничныхъ анархистовъ вполне сниметъ съ него какое бы то ни было подозрѣніе въ неискренности къ дѣлу организаціи, если таковое надъ нимъ тяготѣетъ. „Александровъ“ заявилъ на это, что его и такъ не считаютъ провокаторомъ, такъ какъ таковымъ въ глазахъ организаціи считается совершенно другое лицо, тѣмъ не менѣе изъявилъ согласіе выѣхать за-границу но только не изъ ссылки, а чтобы, вмѣсто таковой, ему разрѣшено было выѣхать за-границу на срокъ, опредѣленный для ссылки“...

Но начальство для болѣе крѣпкой реабилитаціи настаивало на ссылкѣ, и съ 21 янв. 1910 г. мы видимъ Долина уже административно-ссылнымъ въ г. Архангельскѣ, куда ему слѣдомъ было выслано 500 рубл. и паспортъ на имя Григорія Соломоновича Гайхсберга. 28-го мая Долинъ „бѣжалъ“ въ Петербургъ, 27 іюня онъ въ Одессѣ, затѣмъ въ Херсонѣ посѣтилъ своихъ родителей, 6 іюня снова въ Одессѣ, оттуда и выѣхалъ „нелегально“ за-границу „по врученному ему паспорту, выданному Одесскимъ градоначальникомъ 5 іюня сего (1910 года) за № 7442 на имя Павлоградскаго мѣщанина Хаима Янкеля Айзенбергъ“. Въ Парижъ онъ ѣдетъ уже

подъ охранной кличкой „Шарль“ и поступаетъ въ распоряженіе подп. Эргардта.

Уже въ сентябрѣ „Шарль“-Долинъ ходатайствуетъ о выдачѣ ему 2.000 фр. „для устройства его личныхъ дѣлъ“, съ погашеніемъ этого долга въ теченіе года. Подп. Эргардтъ поддерживаетъ его просьбу, а вице-дир. Виссаріоновъ кладетъ слѣдующую резолюцію: „Шарль работаетъ много лѣтъ. Онъ былъ заагентуренъ ротм. (нынѣ подполк.) Эргардтъ въ Житомирѣ. Я его видѣлъ въ 1910 г. въ Парижѣ. Онъ на меня произвелъ благопріятное впечатлѣніе своей искренностью и освѣдомленностью. Освѣщая анархистовъ, онъ имѣлъ связи съ Музилемъ (Рогдасвымъ), его женой и др. Видимо, и теперь подполк. Эргардтъ его цѣнитъ. Я полагаю бы удовлетворить это ходатайство“...

Цѣнилъ его и Красильниковъ, какъ энергичнаго и ловкаго агента, но весьма жаднаго до денегъ.

Четыре года „проработалъ“ Долинъ за-границей, получая жалованье 650 франковъ въ мѣсяцъ; жилъ онъ главнымъ образомъ въ Швейцаріи.

Въ концѣ мая (31-го) 1904 года по его просьбѣ онъ былъ вычеркнутъ изъ числа разыскиваемыхъ и ему было разрѣшено вернуться въ Россію, но онъ выѣхалъ даже раньше этого разрѣшенія, такъ какъ въ дѣлахъ Д-та Пол. имѣется открытка, посланная имъ изъ Варшавы въ Петербургъ Броецкому и датированная отъ 23-го мая.

Матеріаловъ дальнѣйшей провокаторской работы Долина въ нашихъ рукахъ въ данный моментъ не имѣется, о его же дѣятельности въ области военнаго шпіонажа мы уже сообщали въ 1-й части нашей книги (стр. 177—182) и читатель, ознакомившійся съ провокаторской эпопеей Долина, вѣроятно, согласится съ нами, что такого человѣка не угрызенія совѣсти довели до самоубійства...

Дорожко, Федоръ Матвѣевъ, крестьянинъ Гродненской губерніи Голынской вол., д. Слысина, кожевникъ. Привлекался по 102 ст. Угол. улож. (дѣло объ экспроприаціи въ Фонарномъ пер., въ Петербургѣ). Состоялъ секретнымъ сотрудникомъ Заграничной Аген-туры подъ псевдонимомъ „Мольеръ“ и „Клермонъ“; получалъ 600 франковъ въ мѣсяцъ. По офиціальному выраженію, „польза дѣлу политическаго розыска этимъ лицомъ была принесена несомнѣнная“, въ особенности въ первые годы его сотрудничества (1906 и послѣдующіе до 1910 г.)—Дорожко доносилъ о дѣятеляхъ Парижской группы с.-р. максималистовъ (Наталья Климова, Клара Зельцеръ, Лиза Кацъ) и т. д. Роль Дорожко обнаружилась случайно; онъ написалъ письмо, прося объ уплатѣ жалованья; письмо это попало, по недоразумѣнію, въ руки прис. пов. Сталя и отъ него

къ Бурцеву; послѣ этого, Дорожко былъ опубликованъ 4 мая 1913 г., какъ провокаторъ („Будущее“ № 43).

Въ апрѣлѣ 1913 года завѣдывавшій Агентурой Красильниковъ сообщилъ Д-ту Полиціи, что въ виду попытокъ Бурцева войти въ сношенія съ Дорожко „дальнѣйшее пребываніе послѣдняго въ Парижѣ сдѣлалось крайне тяжелымъ, что и побудило его возбудить ходатайство о помилованіи и разрѣшеніи возвратиться на родину“. По мнѣнію Красильникова, Дорожко заслуживалъ Высочайшей милости, „такъ какъ изъ бывшаго максималиста сталъ самымъ убѣжденнымъ и преданнымъ монархистомъ“. Однако, Д-тъ Полиц. это ходатайство отклонилъ. Дорожко вскорѣ послѣ этого уѣхалъ (по утвержденію Красильникова) въ Сѣверную Америку.

Дрезнеръ, Шія, въ началѣ 1900 г. занимался провокаціонной дѣятельностью въ соц.-дем. организаціяхъ—въ Варшавѣ, въ Севастополѣ, въ Германіи, въ Парижѣ, въ Женевѣ, въ Нанси и въ Базелѣ.

Примѣты: род. въ 1852 г., средняго роста, шатенъ, говоритъ быстро, захлебываясь.

Еваленко, Александръ (Марковъ), издатель. Состоялъ секретнымъ сотрудникомъ Заграничной Агентуры Д-та Полиц. подъ псевдонимомъ „Суринъ“ и „Сергѣевъ“, давно уже живетъ въ Нью-Йоркѣ.

Еваленко былъ освѣдомителемъ Д-та Полиціи еще въ 1885 году, когда доставлялъ свѣдѣнія (о Рубановичѣ, Федершерѣ и др.) начальнику Кіевскаго губ. жанд. управл.; въ 1894 году велъ сношенія черезъ генеральнаго консула Оларовскаго; доставлялъ свѣдѣнія объ эмигрантахъ Лазаревѣ и др.; въ 1902 велъ черезъ своихъ помощниковъ наблюденіе за Розенбаумомъ.

Въ мартѣ 1910 г. Д-тъ Полиціи производилъ разслѣдованіе о пропажѣ дѣла 3-го дѣлопроизводства за № 3, заключавшаго въ себѣ свѣдѣнія о сотрудникѣ Александрѣ Еваленко, онъ же „Суринъ“ и „Сергѣевъ“. По этому поводу бывший журналистъ Д-та Полиціи Молчановъ доложилъ, что въ концѣ 1910 г. при пріѣздѣ въ Петербургъ сотрудника Сурина, до поѣздки его въ Болгарію къ Дебагорію-Мокріевичу, и при веденіи съ нимъ объясненій старшимъ помощникомъ дѣлопроизводителя Зубовскимъ, а затѣмъ, впослѣдствіи, кажется, въ 1904 г., въ моментъ обнаруженія роли Сурина, всѣ агентурныя дѣла, его касавшіяся, подбирались для составленія справки.

Еваленко былъ уже разоблаченъ Бурцевымъ на основаніи свѣдѣній, данныхъ Меньшиковымъ; былъ опубликованъ въ американской прессѣ въ 1911—1913 г.г.

Въ бумагахъ Д-та Полиціи Еваленко значится еще подъ именемъ Конона; вѣроятно, это тотъ же самый Еваленко, который въ другихъ документахъ носитъ, какъ мы уже видѣли выше, имя

Александръ. Приводимъ слѣдующія данныя, имѣющіяся въ нашемъ распоряженіи о Кононѣ Еваленко: агентъ Д-та Полиціи. Въ докладѣ Дурново отъ 8 іюня 1887 г. значится: „въ октябрѣ 1885 г. былъ командированъ въ распоряженіе начальника Кіевскаго губ. жанд. управл. принятый Д-мъ Полиціи въ качествѣ внутренняго агента, съ ежемѣсячнымъ содержаніемъ 150 руб., еврей Кононъ Еваленко, долгое время вращавшійся въ Парижѣ въ кружкѣ выдающихся эмигрантовъ и имѣвшій связи съ скрывающимися за-границей государственными преступниками“. Въ Кіевскомъ жанд. управл. секретный агентъ Кононъ Еваленко „проработалъ“ лишь до 1 іюня 1887 г., такъ какъ съ этого мѣсяца, по докладу начальника Кіевск. жанд. управл. Новицкаго, былъ отставленъ отъ службы директоромъ Д-та Полиціи Дурново. Новицкій въ своемъ докладѣ Дурново пишетъ, между прочимъ, слѣдующее: „Кононъ Еваленко вполне бесполезенъ и крайне нечестенъ, поэтому онъ прекращаетъ ему выдачу содержанія и даже ходатайствуетъ о выселеніи его изъ Кіева, гдѣ онъ занимается коммерческими дѣлами по страховому Русскому обществу“.

Ерофѣевъ, Леонидъ Михайловъ (онъ же Островскій), шлисельбургскій мѣщанинъ, 12 іюня 1913 года явился къ завѣдующему Заграничной Агентурой и, не называя себя, предложилъ выдать Савинкова, ѣдущаго, будто бы, съ другими лицами, въ Россію для совершенія террористическихъ актовъ; при этомъ за выдачу перваго онъ просилъ вознагражденіе въ 10.000 руб., а за остальныхъ, „сверхъ того, сколько будетъ признано возможнымъ“. Ерофѣевъ былъ принятъ на этихъ условіяхъ въ секретные сотрудники, подъ кличкой „Фальстафъ“. Вскорѣ, однако, дѣйствительная фамилія новаго агента выяснилась, и Д-тъ Полиціи далъ о немъ такой отзывъ: „Ерофѣевъ является человѣкомъ крайне преступнаго направленія и порочной нравственности, который въ бытность свою за-границей, въ періодъ времени 1908—1912 г.г. присваивалъ себѣ разныя имена, располагая для сего подложными документами, совершалъ подъ этими именами кражи, вымогалъ у консуловъ и частныхъ лицъ деньги, хранилъ съ преступными цѣлями взрывчатые вещества и поддерживалъ сношенія съ революціонными организаціями“. За свои „продѣлки“ Ерофѣевъ былъ высланъ въ Нарымскій край, откуда въ мартѣ 1913 г. скрылся. Онъ бѣжалъ въ Парижъ, гдѣ предложилъ Красильникову участвовать въ кампаніи противъ Бурцева, но Красильниковъ въ виду его скверной репутаціи не отвѣтилъ ему. Въ 1913 г. онъ былъ циркуляромъ Д-та Полиц. за № 107572 объявленъ шантажистомъ.

Житомірскій, Яковъ Абрамовичъ, врачъ (въ настоящее время служитъ волонтеромъ на французскомъ фронтѣ), партійная кличка „Отцовъ“, с.-д., большевикъ. Будучи студентомъ Берлинскаго ун-та

заагентуренъ нѣмецкой полиціей, которая передала это вскорѣ завѣдывавшему Берлинской Агентурой Гартингу въ началѣ 1902 г. (см. 1-ю часть); получалъ вначалѣ 250 марокъ въ мѣсяцъ.

Въ іюлѣ 1902 г. по порученію Берлинскихъ революціонныхъ группъ Ж. совершаетъ поѣздку изъ-за границы въ Ростовъ н/Д. и нѣкоторыя другія мѣстности по даннымъ ему явочнымъ адресамъ для установленія связей. О поѣздкѣ онъ представилъ общую сводку Гартингу, за которую получилъ 500 марокъ награды и 350 марокъ въ счетъ расходовъ.

Въ 1902 г. Ж. занималъ видное мѣсто въ Берлинской группѣ „Искры“, въ 1907—1911 г.г. былъ близокъ къ большевистскому центру, исполняя различныя порученія послѣдняго по части транспорта и заграничныхъ сношеній. Въ 1907 г. Ж. присутствовалъ въ Лондонѣ на съѣздѣ Р. с.-д. р. п., въ августѣ 1908 г. участвовалъ на происходившихъ въ Женевѣ пленарныхъ засѣданіяхъ центр. комитета Р. с.-д. р. п., а въ декабрѣ этого года на общерусской конференціи Р. с.-д. р. п., происходившей въ Парижѣ. Въ 1909 г. Ж. входилъ въ составъ „заграничнаго бюро“, находящагося въ Женевѣ, и состоялъ членомъ „заграничной агентуры центрального комитета“ Р. с.-д. р. п. Житомирскій состоялъ секретнымъ сотрудникомъ русской политической полиціи не менѣе 15 лѣтъ подъ кличками, сначала а затѣмъ „André“ и „Daudet“.

За-границей Житомирскій получалъ до войны 2.000 фр. жалованья въ мѣсяцъ. Освѣщалъ дѣятельность центрального комитета с.-д. партіи, давая подробные отчеты о его пленарныхъ засѣданіяхъ, о партійныхъ конференціяхъ, въ организаціяхъ коихъ принималъ участіе, о техническихъ порученіяхъ, дававшихся отдѣльнымъ членамъ партіи, въ томъ числѣ и ему самому. Во время войны слѣдилъ за революц. пропагандой въ русскомъ экспедиціонномъ корпусѣ, къ которому былъ прикомандированъ, какъ врачъ (отчислился въ маѣ 1917 г.). Послѣдній адресъ въ Парижѣ: Bd. Raspail, 250. На допросѣ Житомирскій, не отрицая факта своей „службы“ въ полиціи, отказался дать какія-либо дальнѣйшія объясненія.

Жученко, Зинаида Федоровна, урожденная *Гернероссъ*. Охранная кличка „*Михѣевъ*“—крупный провокаторъ въ партіи социалистовъ-революціонеровъ, была близка къ многимъ членамъ центрального комитета. Вотъ что говоритъ она сама о своей шпіонской карьерѣ:

„Въ 1893 г. я познакомилась въ Петербургѣ съ г. Семякинымъ и стала агентомъ Департамента Полиціи. Весной 1894 г., по семейнымъ обстоятельствамъ, переѣхала въ Москву. Г. Семякинъ (вице-

д-ръ Д-та Полиц. В. А.), приѣхавъ туда, познакомилъ меня съ С. В. Зубатовымъ, у котораго я работала до мая или апрѣля 1895 года, вплоть до своего ареста вмѣстѣ съ И. Распутиной, Т. Акимовой и другими. До марта или февраля 1896 года я находилась подъ арестомъ въ московской Бутырской тюрьмѣ, послѣ чего была выслана въ Кутаисъ на 5 лѣтъ. Въ апрѣлѣ 1893 г. я уѣхала въ Лейпцигъ, пробывъ тамъ до весны 1904 г., когда по приглашенію Гартинга приѣхала въ Гейдельбергъ. Слѣдовательно, отъ апрѣля 1895 г. до весны 1904 г. я не работала, какъ сотрудникъ. Въ Гейдельбергѣ я вошла въ сношенія съ проживавшими тамъ социалистами-революціонерами и, получивъ отъ нихъ связи для Москвы, уѣхала въ этотъ городъ въ сентябрѣ 1905 года. Съ 1905 года, сентябрю мѣсяца, вплоть до конца февраля 1909 г. я работала въ Москвѣ, съ небольшими перерывами, вызванными моими поѣздками за границу, подъ начальствомъ г.г. Климовича и фонъ-Котена“.

Въ этомъ краткомъ своемъ *curriculum vitae* Жученко о многомъ умалчиваетъ, напр., о томъ, что, какъ было установлено дознаніемъ по дѣлу Распутина, Акимовой и др., выяснилось, что она—Жученко—помогала Бахареву ознакомиться по иностраннымъ сочиненіямъ съ изготовленіемъ взрывчатыхъ составовъ для бомбъ, а также содѣйствовала ему въ приобрѣтеніи нужныхъ для изготовленія этихъ составовъ химическихъ веществъ. Поступки—характерные для типичнаго провокатора. Также умолчала Жученко и о томъ, что, если съ апр. 1895 г. до весны 1904 г. она и „не работала, какъ сотрудникъ“, но Высочайше пожалованную ей въ 1902 г. пенсію 150 руб. ежемѣсячно получала аккуратно. Кромѣ этихъ умолчаній въ *curriculum vitae* Жученко имѣются и прямыя уклоненія отъ истины.

Начальн. Московск. охр. отдѣленія полк. Климовичъ въ докладѣ отъ 29 іюля 1906 года д-ру Д-та Трусевичу характеризуетъ слѣдующимъ образомъ провокаторскую дѣятельность Жученко:

„... Зинаида Федоровна Жученко, урожденная Гернгроссъ, оказывавшая въ теченіе многихъ лѣтъ секретныя услуги по Заграничной Агентурѣ г.г. Рачковскому (былъ высланъ изъ Парижа въ 1902 г. В. А.), Ратаеву (нач. Загр. Аг. отъ 1902 г. до 1 авг. 1905 г. В. А.) и Гартингу. Вступивъ въ февралѣ мѣсяцъ сего года въ должность Московскаго охр. отдѣленія, я засталъ г-жу Жученко проживающею въ Москвѣ и, войдя съ ней въ сношенія, ввелъ ее въ боевую организацію социалистовъ-революціонеровъ. Въ названной организаціи г-жа Жученко прибрѣла прочныя связи, благодаря чему была выяснена и ликвидирована мною вся летучая боевая организація Московскаго областного комитета, а также произведенъ рядъ менѣе крупныхъ ликвидацій“.

Изъ этихъ словъ полк. Климовича видно, что съ 1895 г. до

весны 1904 г. Жученко не почивала на лаврахъ, какъ она утверждаетъ, а служила у Рачковскаго и Ратаева, и, вѣроятно, „служба“ эта была очень важной и „деликатной“, разъ такая „искренняя“ провокаторша считаетъ необходимымъ объ этомъ періодѣ своей службы, которой она вообще, якобы, гордилась, умолчать.

Между тѣмъ, именно въ этотъ періодъ, а именно въ 1902 г., ей была назначена пенсія въ 150 р., т.-е. почти 7 лѣтъ спустя послѣ того, какъ она, якобы, прекратила свою службу въ охранкѣ. Крайне интересно выяснить этотъ скрытый періодъ дѣятельности „искренней“ провокаторши.

Климовичъ чрезвычайно цѣнитъ свою энергичную, ловкую и преданную „сотрудницу“ и всѣми силами старается снова заполучить ее изъ-за границы. Но и Гартингъ не менѣе цѣпко держится за Жученко, которую до небесъ превозноситъ и Лопухину, и Климовичу; между прочимъ, изъ письма Гартинга къ Климовичу отъ 31/18 іюля 1906 года мы узнаемъ, что благодаря Жученко было ликвидировано и дѣло Гинсбурга (18 апр. 1906 г.).

Въ докладѣ Климовича Трусевичу отъ 6 сент. 1906 г., въ которомъ мы и нашли указанія на годъ назначенія пенсіи Жученко, имѣются еще и слѣдующія интересныя строки: „Справедливость требуетъ замѣтить,—пишетъ Климовичъ,— что „Михѣевъ“ служитъ *теперь* (курсивъ мой. В. А.) не ради денегъ, а по убѣжденію“...

Теперь! Ну, а раньше изъ-за чего служила искренняя провокаторша?

Въ этомъ докладѣ имѣются слѣдующія интересныя свѣдѣнія о дѣятельности Жученко:

„Пріѣхавъ изъ-за границы въ Москву въ концѣ 1905 г., „Михѣевъ“ (охр. кличка Жученко. В. А.) пріобрѣлъ здѣсь связи съ боевой организаціей социалистовъ-революціонеровъ, въ лицѣ извѣстнаго Департаменту Полиціи Дмитрія Осиповича Гавронскаго Шнеерова и сестеръ арестованнаго нынѣ въ Ревелѣ Ильи Фундаминскаго, почему получалъ возможность освѣщать дѣятельность старыхъ централистовъ боевиковъ, свившихъ свое гнѣздо въ Москвѣ и вліяющихъ на боевыя организаціи имперіи, въ качествѣ идейныхъ руководителей. Проработавъ со мною около пяти мѣсяцевъ, въ первый разъ въ жизни въ качествѣ „не заграничной агенты“, „Михѣевъ“ пришелъ къ отрицательному взгляду на свою работу за-границей и стремится вернуться въ Москву, гдѣ ему удалось наглядно увидѣть результаты своей работы и гдѣ установились довольно прочныя связи съ революціонерами.

Это желаніе „Михѣева“ обусловливается, кромѣ того, соображеніями, что 15 мая онъ выѣхалъ за-границу, по порученію Московской революціонной организаціи, давшей ему порученіе къ извѣстному „Сашѣ“ (кличка „Бекасъ“) — закупщику оружія на 50.000 р.,

почему, силой вещей, Михѣву теперь необходимо вернуться къ по-
славшей его организаціи, что онъ и намѣренъ выполнить, судя по
последнимъ ко мнѣ письмамъ, около 12 сего сентября. Во время
своего пребыванія за-границей „Михѣвъ“ по дѣлу „Саши“ сно-
сился непосредственно съ г. Гартингомъ, а мнѣ только извѣстно
изъ его писемъ, что миссія „Саши“ уже, повидимому, закончена“.

Опять-таки эти сношенія съ „Сашей“—„Бекасомъ“ въ связи съ
закупкой оружія на 50 тыс. рублей—тоже весьма прозрачная про-
вокація.

Климовичъ тянетъ драгоцѣннаго сотрудника къ себѣ въ Мо-
скву, Гартингъ упорно задерживаетъ въ Парижѣ.

„Veuillez прекратить звать Михѣва въ Москву, Semblables pro-
cédés невозможны, никогда не соглашусь его перехода къ Вамъ“
телеграфируетъ 14/1 сент. 1906 года взбѣшенный Гартингъ Климо-
вичу, а затѣмъ въ письмѣ подробно развиваетъ эту тему: „Ми-
хѣвъ—вполнѣ порядочный и честный человѣкъ, не найдя сразу
въ Берлинѣ подходящей обстановки, а главное подъ вліяніемъ
опьяненія отъ своихъ успѣховъ въ Москвѣ, а также вслѣдствіе
Вашихъ безпрестанныхъ вызововъ, заявилъ мнѣ, что выѣзжаетъ
къ Вамъ на-дняхъ въ Москву. Подобное отношеніе между колле-
гами, служащими одному дѣлу, я считаю совершенно недопусти-
мымъ. Дѣло розыска обставлено и такъ уже невѣроятными за-
трудненіями и станетъ невозможнымъ, если мы будемъ отбивать
сотрудниковъ другъ у друга“...

Въ этой борьбѣ за Жученко—побѣда осталась за Климовичемъ:
д-ръ Д-та Полиціи Трусевичъ приказалъ Гартингу отдать знаме-
нитую провокаторшу начальнику Московскаго охраннаго отдѣленія.

Въ последнемъ письмѣ изъ этой интересной переписки Гар-
тингъ сообщаетъ Трусевичу адресъ сотрудника „Михѣва“. Frau
Schutchenko Claudinstr. 10¹ links, Berlin, W.

Въ этомъ же письмѣ Гартингъ сообщаетъ:

„Что же касается сотрудника „Саши“ (Рабиновичъ), то, по про-
ѣздѣ моемъ черезъ Берлинъ, его не оказалось въ этомъ городѣ,
откуда онъ за нѣсколько дней до моего прибытія выѣхалъ въ Па-
рижъ“...

23 ноября 1906 г. Жученко была уже въ Москвѣ. Последній ея
берлинскій адресъ былъ: Berlin O. Elldenauerstrasse 14 Herrn Leo
Strüch.

Въ Москвѣ она играетъ видную роль въ партіи соц.-рев. и со-
стоитъ членомъ областного комитета центральной области партіи.

Въ 1908 г. мы видимъ ее въ качествѣ делегатки на Лондон-
ской конференціи партіи.

Съ ноября 1906 года Жученко было повышено жалованье до
500 рублей въ мѣсяць.

Когда былъ разоблаченъ Азефъ и въ началѣ января 1909 г. ему въ теченіе многихъ недѣль были посвящены цѣлые столбцы въ газетахъ всего міра, Жученко поняла и почувствовала, что скоро настанетъ и ея чередъ; въ февралѣ 1909 г. она для бѣльшей безопасности уѣзжаетъ изъ Москвы въ Берлинъ и поселяется въ его предмѣстьи—въ Шарлоттенбургѣ. Какъ разъ въ это время уже возникаютъ противъ нея подозрѣнія: Меньшиковъ уже сообщилъ ея имя Бурцеву.

Но только въ августѣ 1909 г. ц. к. обратился къ В. Л. Бурцеву съ слѣдующимъ предложеніемъ: „Ц. к. п. с.-р. собралъ рядъ данныхъ, уличающихъ З. Ф. Жученко въ провокаціонной дѣятельности. Ц. к. считалъ бы полезнымъ предварительно, до предъявленія Жученко формальнаго обвиненія, сдѣлать попытку получить отъ нея подробныя показанія объ извѣстномъ ей изъ провокаціоннаго міра. Ц. к. полагаетъ, что вы, какъ редакторъ „Былого“, могли бы предпринять эту попытку, и со своей стороны готовъ оказать вамъ въ этомъ необходимое содѣйствіе“.

Бурцевъ былъ у Жученко 11/24 авг. 1909 г. Ихъ свиданія описаны Бурцевымъ въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ (№№ 293 и 295 отъ 19 и 22 декабря 1910 г.) подъ псевдонимомъ Волковъ. Съ другой стороны въ архивахъ Департамента Полиціи сохранились интереснѣйшія письма Жученко къ полк. фонъ-Котену (нач. Моск. охранн. отд.) съ описаніемъ этого свиданія.

Прежде всего она немедленно отправила своему начальнику-другу слѣдующую телеграмму: „Micheew ist bekannt durch der historicer. Brief folgt. Zina“.

Въ этихъ письмахъ Жученко рассказываетъ, что Бурцевъ прежде всего заявилъ ей, что получилъ свѣдѣнія о ея службѣ въ полиціи „отъ охранниковъ; среди с.-р.,—заявилъ онъ,—подозрѣній никакихъ не было. Васъ хотѣли сейчасъ же убить, но я „выпросилъ“ у нихъ; расскажите все, отвѣтьте на всѣ вопросы—и ваша жизнь гарантирована“.

„Спрашивалъ,—пишетъ Жученко фонъ-Котену,—о многомъ, многомъ, но я отвѣчала только на пустяковые вопросы. Надѣюсь, что все время оставалась спокойной и ничего не выболтала“.

При прощаньи Бурцевъ, рассказываетъ далѣе Жученко, сказалъ мнѣ: „какъ челоуѣку честному, жму Вашу руку, желаю всего хорошаго“.

Дѣйствительно, Жученко „ничего не выболтала“ и послѣдствіемъ свиданія Бурцева съ нею было лишь то, что Департаментъ Полиціи, какъ утверждаетъ Меньшиковъ, понялъ тогда, что выдалъ революціонерамъ и Жученко и Азефа—онъ—Меньшиковъ.

Когда Жученко была пропечатана какъ провокаторъ, это подняло большой шумъ и въ русской и въ иностранной прессѣ и бер-

линская полиція, опасаясь различныхъ эксцессовъ, хотѣла было выслать изъ Берлина слишкомъ ужъ прошумѣвшую шпионку, но русскія власти заступились за своего вѣрнаго Конрада Валленрода и нѣмцы въ концѣ концовъ оставили ее въ покоѣ.

Въ письмахъ своихъ фонъ-Котену Жученко принимаетъ позу героини, мужественно ожидающей трагическаго конца на своемъ посту—на своей квартирѣ въ Шарлоттенбургѣ, которую, конечно, прекрасно охраняли и русскіе и нѣмецкіе шпионы. Но благополучное существованіе ея старшаго коллеги, Азефа,—увы!—скоро лишило ее удовольствія красоваться въ этой трагической позѣ и уже 24 сент. 1910 г. она кончаетъ свое письмо фонъ-Котену сентиментальнымъ вздохомъ о быломъ: „Отъ предательства не упасется никто... О, если бы не Меньшиковъ! Тяжело, мой другъ, не быть у любимаго дѣла! безъ всякой надежды вернуться къ нему“.

Тѣмъ же элегическимъ настроеніемъ проникнуто и письмо отъ Жученко 7 ноября къ Бурцеву, которому она „ничего не выболтала“. „Осень моей жизни наступила для меня послѣ горячаго богатаго лѣта и весны“, пишетъ сентиментальная и самовлюбленная провокаторша.

Послѣ провала пенсія Жученко была сильно увеличена.

Загорскіе, Марья Алексѣевна и мужъ ея Петръ Францевичъ. Въ бумагахъ Заграничной Агентуры мы не нашли данныхъ, которыя позволили бы документально установить этапы провокаторской дѣятельности Загорской; изысканія въ архивахъ Департамента тоже не помогли намъ разобраться въ этомъ темномъ вопросѣ, и мы, къ сожалѣнію, не можемъ и здѣсь прибавить чего-либо существеннаго къ тому, что было уже нами сказано о Загорской въ 1 части нашей книги (см. стр. 133—135).

Это, конечно, не значитъ, что окончательно потеряна надежда найти пути и способы раскрыть все же „работу“ этой столь ловко законспирированной секретной сотрудницы. Какъ мы уже говорили (I. с.), конспирація проводилась такъ упорно и послѣдовательно, благодаря, главнымъ образомъ, настойчивости самой Загорской. Эта удивительная для женщины настойчивость, несомнѣнно, и спасла Загорскую отъ „провала“; она, вѣроятно, долго еще освѣщала бы центральные с.-р-овскія „сферы“, еслибъ не русская революція, когда разверзлись уста, казалось, навѣки запечатанныя „профессіональной“ тайной...

Загорская была такъ конспиративна, что даже вице-директору Д-та Полиціи Виссаріонову, съ которымъ была лично знакома, писала печатными буквами. Мы приводимъ это письмо, какъ чрезвычайно характерное для того упорства, съ которымъ эта сотрудница Ратаева, Гартинга и Красильникова оберегала себя отъ „провала“. Письмо отъ 5—18 мая 1912 г.

„Многоуважаемый Сергѣй Евлампьевичъ!

А. А. ¹⁾ мнѣ передалъ, что получилъ распоряженіе о прекращеніи со мной свиданій и о передачѣ меня другому лицу.

А. А. предлагалъ мнѣ уже неоднократно и даже настаивалъ перейти къ этому другому лицу, но я категорически отказывался, какъ отказываюсь и теперь ²⁾. Тѣ мотивы, которые мнѣ выставилъ А. А., я не считаю достаточно основательными, чтобы производить въ моей жизни ненужный переворотъ. А. А. многіе знаютъ, какъ офиціальное лицо, А. А. извѣстенъ адресъ,—это вѣрно, но А. А. ни съ кѣмъ не видится изъ тѣхъ, съ кѣмъ видится лицо, мнѣ рекомендуемое; и я нахожу, что оно (то лицо) для меня по многимъ причинамъ неудобнѣе и опаснѣе. (Я не буду вдаваться въ подробности. Вы догадаетесь сами, почему я считаю опаснѣе). Затѣмъ я вполне надѣюсь на конспиративность и аккуратность А. А. и, несмотря на его „популярность“, безъ всякой боязни иду на свиданія.

А затѣмъ Вы хоть немного должны вникнуть въ психологію субъекта при переходѣ отъ одного лица къ другому. Не надо быть особенно наблюдательнымъ, чтобы не подмѣтить, что долженъ чувствовать человѣкъ, находящійся въ такихъ условіяхъ, при знакомствѣ съ каждымъ новымъ лицомъ. Вспомните наше знакомство съ Вами, отъ котораго я такъ долго и упорно отказывался. Нельзя силой заставить раскрыть свою душу и довѣриться, не присмотрѣвшись. А отъ этого можетъ сильно пострадать дѣло, тѣмъ болѣе теперь. Да наконецъ у насъ съ А. А. установилась очень „удобная“ переписка, къ тому же скоро каникулы, и, мнѣ кажется, новое знакомство совсѣмъ не къ чему.

Я очень извиняюсь, многоуважаемый Сергѣй Евлампіевичъ, что безпокою Васъ этимъ письмомъ, но Ваше *рѣшеніе* причинило мнѣ столько волненій, это я принужденъ былъ обратиться къ Вамъ и убѣдительно прошу Васъ оставить все, какъ было до сихъ поръ. Вѣдь право же намъ на мѣстѣ гораздо виднѣе.

Съ глубокимъ уваженіемъ
преданный Вамъ С.“.

Департаментъ Полиціи не внялъ этой женской слезницѣ и настаивалъ на „передачѣ“ Загорской въ вѣдѣніе подп. Эргардта, но упорная сотрудница настояла на своемъ и до конца вела сношенія лишь съ Красильниковымъ.

Провокаторская карьера мужа Загорской, *Петра Францевича Загорскаго*, тоже далеко еще не выяснена, но она позволяетъ съ болѣею долей вѣроятности предположить, что Марья Алексѣевна

¹⁾ А. А.—Александръ Александровичъ Красильниковъ.

²⁾ „Другое лицо“—подп. Эргардтъ. См. стр. 133—135.

начала служить въ охранкѣ съ 1901--1902 года, когда Ратаевъ—несомнѣнный „крестный отецъ“ Загорской—состоялъ еще начальникомъ Особаго Отдѣла Д-та Полиціи, но уже былъ на отлетѣ за-границу.

П. Ф. Загорскій былъ „заагентуренъ“ Манусевичемъ-Мануйловымъ въ 1901 году, въ Римѣ и „освѣщалъ“, какъ и его патронъ, главнымъ образомъ, поляковъ-католиковъ. Когда лѣтомъ 1901 г. Манусевичъ-Мануйловъ пріѣхалъ въ Петроградъ, то онъ перетащилъ съ собою Загорскаго и пристроилъ его къ Департаменту. Вначалѣ Манусевичъ-Мануйловъ даже собственноручно писалъ доклады Д-ту Полиціи на основаніи „освѣщеній“ Загорскаго, но вскорѣ молодой провокаторъ эмансипировался и доставлялъ свои доносы непосредственно въ Департаментъ Полиціи; писалъ онъ въ теченіе долгаго времени по-нѣмецки, изрѣдка по-польски. „Работалъ“ Загорскій и въ Петроградѣ, и въ Варшавѣ, главнымъ образомъ, надъ поляками—„освѣщалъ“ Садковскаго, Завадскаго, Вазвицкаго, Чечевинскаго, Закрчевскаго и многіе десятки другихъ, доносилъ на Чечота и Мазуркевича, какъ пособниковъ побѣга изъ больницы Пилсудскаго, но не брезговалъ начинающій провокаторъ и русскими—освѣщалъ Тотоміанца, Ст. Ст. Семенова (друга Тотоміанца), Ходскаго, Котельникова, анархиста Гоходмана и т. д. Въ Россіи чета Загорскихъ пробыла недолго, и, вѣроятно, вмѣстѣ съ Ратаевымъ (въ 1902 году, м. б. въ 1903) перекочевала въ Парижъ. Дальнѣйшая „карьера“ Загорскаго еще не выяснена, въ числѣ секретныхъ сотрудниковъ Заграничной Агентуры онъ не числился, но несомнѣнно стоялъ въ тѣсной связи съ какимъ-нибудь учрежденіемъ русской полиціи, вѣрнѣе всего съ Д-томъ Полиціи, а можетъ быть, въ виду несомнѣнной энциклопедичности этого провокатора, и съ полиціями другихъ государствъ. Супруги Загорскіе подлежатъ еще дальнѣйшему выясненію.

Землянскій, Иванъ Федоровъ, крестьянинъ Хвалынскаго уѣзда, Адаевщинской волости и села. Масленщикъ (31 г.). Привлекался въ 1910 г. при Бакинскомъ губ. жанд. управл. къ дознанію о мѣстной организаціи с.-р.; судомъ былъ оправданъ.

17 августа 1915 г. обратился, при посредствѣ русской дипломатической миссіи въ Стокгольмѣ къ начальнику Московск. охр. отдѣл., въ которомъ писалъ: „будучи освѣдомленъ о нѣкоторыхъ предполагающихся шагахъ центральныхъ организацій р. с. - д. партій, находящихся за-границей... предлагаю Вамъ мое сотрудничество въ борьбѣ съ ними“.

Землянскій былъ рекомендованъ Департаментомъ Полиціи Заграничной Агентурѣ, но, по свидѣтельству завѣдующаго послѣдней, соглашеніе съ нимъ не состоялось.

Золотаренко, Александръ Петровичъ, онъ же Александръ

Зиновьевъ—художникъ (см. 1 ч., стр. 161). Секретный сотрудн. Заграничной Агентуры подъ кличками „Сенаторъ“ и „Матиссэ“; освѣщалъ с.-р-овъ и Вл. Л. Бурцева.

Каминчанъ, Гавріилъ Спиридоновъ, мѣщанинъ г. Кишинева. Состоялъ секретнымъ сотрудникомъ Пермскаго губ. жанд. упр., подъ кличкой „Инженеръ“, обслуживалъ партію с.-р. Былъ командированъ полковникомъ Комиссаровымъ въ сентябрѣ 1910 года въ Швейцарію, „въ цѣляхъ полученія надлежащихъ связей на Уралѣ“. Въ январѣ 1911 г. К. былъ отозванъ въ Россію, такъ какъ, по выраженію Департ. Полиц., „судебнымъ трибуналомъ ему предъявлено обвиненіе въ сношеніяхъ его, въ бытность въ срединѣ 1909 г. въ Читѣ, съ ротмистромъ Стахурскимъ, каковое обстоятельство, дѣйствительно, и имѣло мѣсто“.

Каплунъ, Борисъ Борисовичъ, сынъ дѣлопроизводителя канцеляріи Туркестанскаго ген.-губ., родился въ 1882 г. въ Ташкентѣ.

Состоя студентомъ медицинскаго факультета Женевскаго университета, обратился въ іюлѣ 1907 года въ Департ. Полиц. съ предложеніемъ услугъ; назвалъ себя членомъ заграничной лиги Росс. с.-д. р. п. и секретаремъ по внѣшнимъ сношеніямъ Женевской группы этой партіи; „такимъ образомъ,—писалъ Каплунъ,—дальше въ моей возможности проникнуть во всѣ организаціи, въ награду я прошу лишь постоянное мѣсто по полиціи съ окладомъ не менѣе 150 р. въ мѣсяцъ“. Въ другомъ письмѣ Каплунъ предложилъ раскрыть заговоръ на жизнь Московскаго градоначальника и подробности „дѣла депутата Озоля“, но только „по полученіи 1.000 руб.“. Въ третьемъ письмѣ Каплунъ соглашался уже на полученіе и половины этой суммы, а въ доказательство того, что онъ не шантажистъ, приложилъ явку на бланкѣ бюро Женевской с.-д. группы за подписью Нончева; адресъ свой онъ указывалъ: Genève, rue de Carouge, 38, chez m-me Vogel, M-elle Bougaeff pour Boris.

Завѣдывавшій Заграничной Агентурой Гартингъ принялъ Каплуна въ число секретныхъ сотрудниковъ подъ псевдонимомъ „Петровъ“. Сношенія Каплуна были многочисленны, но безсодержательны; доносилъ онъ, главнымъ образомъ, на анархистовъ,—братьевъ Керселидзе, Магалова, Бакрадзе и др.; почти всѣ его письма заканчивались просьбами о присылкѣ денегъ. Скоро, впрочемъ, товарищи заподозрили Каплуна, и онъ, симулируя покушеніе на самоубійство, „прострѣлилъ себѣ легкое“ (5 декабря 1907 г.). „Мнѣ это было необходимо,—писалъ Каплунъ по этому поводу Гартингу,—для укрѣпленія положенія; теперъ всѣ—с.-д. и прочіе извиняются, молятъ, произносятъ тирады о моей честности“... Тѣмъ не менѣе Каплунъ поспѣшилъ уѣхать въ Парижъ, а Гартингъ не замедлилъ отправить его въ Россію. 22 декабря Каплунъ, полу-

чивъ отъ жандармскаго офицера въ пограничномъ пунктѣ Вержболово желѣзнодорожный билетъ и 20 руб. (въ чемъ далъ расписку), выбылъ въ Петербургъ.

Примѣты Каплуна: выше средняго роста, шатень, небольшіе свѣтлые усики, остроконечная бородка.

Кенсицкій, Вячеславъ Александровъ; окончилъ семь классовъ гимназій, затѣмъ служилъ въ Варшавскомъ магистратѣ. Въ революціонной средѣ носилъ клички „Метекъ“, „Феликсъ“ и „Ипполитъ“.

Въ 1904 г. въ Варшавѣ была арестована группа лицъ, принадлежавшая къ польской социалистической партіи „Пролетаріатъ“; въ числѣ ихъ находился инженеръ Шанявскій, Рединъ, Кенсицкій и др. Сначала допросы велись въ административномъ порядкѣ въ Варшавскомъ охр. отдѣл. начальникомъ его ротмистромъ Петерсономъ. Изъ всѣхъ арестованныхъ одинъ только Кенсицкій сразу началъ давать вполнѣ откровенныя показанія, съ условіемъ, что его вскорѣ освободятъ, и онъ, выйдя на волю, будетъ оказывать услуги политическому розыску. На этихъ допросахъ Кенсицкій указалъ, между прочимъ, гдѣ находится партійная типографія, которая, дѣйствительно, и была затѣмъ тамъ найдена полиціей. Черезъ семь дней дѣло объ этой группѣ „пролетаріатцевъ“ было передано въ губ. жанд. управл. подполковнику Салматову (убитъ въ 1906 г.). На Кенсицкаго охранное отдѣленіе возлагало большія надежды въ смыслѣ провокаціонной дѣятельности послѣ выхода его изъ тюрьмы,—поэтому ротмистръ Петерсонъ просилъ начальника жанд. управл. генерала Черкасова сдѣлать распоряженіе, чтобы показаніями Кенсицкаго пользовались только для комбинированія вопросовъ арестованнымъ, но ни въ коемъ случаѣ не предъявляли этимъ послѣднимъ написанныхъ Кенсицкимъ протоколовъ. По небрежности или благодаря недоброжелательному отношенію къ Петерсону, Салматовъ протоколъ этотъ показалъ Шанявскому при его допросѣ; Шанявскій послѣ этого заявилъ всѣмъ, что Кенсицкій—предатель. Кенсицкій, оправдываясь, утверждалъ, что показанный Шанявскому протоколъ подложный. Партія „Пролетаріатъ“ не нашла достаточныхъ данныхъ для обвиненія Кенсицкаго, но все же исключила его изъ своихъ рядовъ.

По выходѣ изъ тюрьмы, Кенсицкій въ 1904—1905 г.г. оставался въ Варшавѣ и состоялъ секретнымъ сотрудникомъ охраннаго отдѣла, но, встрѣчая явное къ себѣ недовѣріе среди революціонеровъ, не могъ быть достаточно полезнымъ политическому розыску, и былъ отосланъ начальствомъ за-границу, сначала въ Австрію, а затѣмъ въ Италію, затѣмъ во Францію и Англію. За-границей онъ получалъ жалованье отъ 70 до 75 руб. въ мѣсяцъ, высылавшихся ему Варшавскимъ охранн. отдѣл.; начальнику этого отдѣленія Кенсицкій

сицкій писалъ подробнѣйшія донесенія о своихъ наблюденіяхъ въ средѣ заграничной эмиграціи. Въ первой половинѣ 1905 года, Петерсонъ рекомендовалъ Кенсицкаго, какъ секретнаго сотрудника, Ратаеву, завѣдывавшему въ то время политическимъ розыскомъ въ Западной Европѣ. Въ Парижѣ подъ руководствомъ Ратаева Кенсицкій освѣщалъ вначалѣ дѣятельность, главнымъ образомъ, анархистовъ, давая точныя свѣдѣнія о ихъ поѣздкахъ въ Россію, затѣмъ выдавалъ членовъ п.-п.-с., а въ концѣ перешелъ къ с.-р. максималистамъ; вообще, какъ гласитъ офиціальныи отзывъ, Кенсицкій „работалъ съ пользой въ Заграничной Агентурѣ“. Кромѣ того, онъ имѣлъ большія связи среди французскихъ анархистовъ и донесъ на нѣкоторыхъ изъ нихъ французской полиціи.

Въ 1908 г., во время похоронъ Гершуни въ Парижѣ, Кенсицкій былъ опознанъ извѣстнымъ Бакаемъ, который лично зналъ его, какъ секретнаго сотрудника Варш. охранн. отдѣл. Послѣ этого въ Парижѣ состоялся разборъ дѣла Кенсицкаго представителями различныхъ партійныхъ группъ, а затѣмъ и группой парижскихъ максималистовъ, и тотъ и другой судъ призналъ Кенсицкаго провокаторомъ, причемъ максималисты выпустили подробное заявленіе объ этомъ, къ которому приложенъ и портретъ Кенсицкаго. По сему поводу завѣдывавшій Заграничной Агентурой доносилъ Департ. Полиц., что „провалъ Кенсицкаго чрезвычайно чувствителенъ для Агентуры“, и ходатайствовалъ о выдачѣ Кенсицкому пособія въ 5.000 фр. въ виду намѣренія его уѣхать ради безопасности въ Америку. Въ Америку Кенсицкій не уѣхалъ, а, по свѣдѣніямъ Заграничной Агентуры, лѣтомъ 1910 года имѣлъ свиданіе съ Бурцевымъ, предлагая ему очень интересные документы, за которые хотѣлъ получить 500 руб. У Бурцева такой суммы не оказалось и сдѣлка не состоялась.

Ковальская (см. 1-я ч., стр. 44). Вѣроятно, настоящая фамилія ея *Скарбетъ*, а Ковальская—лишь кличка. Провокаторы часто пользовались фамиліями видныхъ революціонеровъ, воспользовалась и Скарбетъ фамиліей Ковальской—извѣстной революціонерки, больше 20 лѣтъ пробывшей въ Карійской каторжной тюрьмѣ.

Коганъ, Борисъ Веніаминовичъ. Съ 1906 г. состоялъ секретнымъ сотрудникомъ Петроград. охран. отдѣл., освѣщалъ дѣятельность центральнаго комитета Росс. с.-д. партіи и военной организаци при ц. к. Въ Петербургѣ подозрѣвался въ провокаціи, его дѣло разбиралось въ Парижѣ, но ничѣмъ не кончилось. Въ ноябрѣ 1909 г. переданъ въ Заграничную Агентуру. Неоднократно въ 1912 и въ 1913 год. командировался для освѣщенія настроенія судовыхъ командъ; ѣздилъ съ этой цѣлью въ Испанію и Англію, въ 1913 г. былъ въ Канадѣ. „Единственно, чего онъ опасается,—пишетъ Красильниковъ 26 іюля—8 авг. 1913 г.,—это встрѣчи въ Америкѣ

съ людьми его знающими; какъ извѣстно, ему предъявлено обвиненіе и противъ него возбуждено дѣло, однако дѣло это осталось безъ всякой конечной санкціи и гласнаго результата"... Въ 1916 году К. переведенъ былъ въ Стокгольмъ. К. носилъ агентурную кличку „Генераль“ и получалъ 500 фр. въ мѣсяцъ. (См. 1-ую ч., стр. 174—175).

Коганъ (онъ же *Чеканъ*) Николай; охранныя кличка „Сержъ“; командированъ за-границу какъ секретный сотрудникъ; Заграничная Агентура установила съ нимъ сношенія съ 3 ноября 1912 г.; получалъ жалованье въ началѣ 200 руб. въ мѣсяцъ, а съ декабря 1912 г. — 250 фр.; осенью 1914 г. жилъ въ Парижѣ—66, rue Vaugault; освѣщалъ социалистовъ-революціонеровъ. К. въ 1916 г. поступилъ волонтеромъ во французскую армію. Примѣты: высокаго роста, брюнетъ, съ шрамомъ отъ ожога на правой щекѣ.

Коганъ (онъ же Канъ Аврумъ *Перцовъ*), Уманскій мѣщанинъ, род. въ 1889 г., охранныя кличка „Анастасьевъ“. Съ іюня 1910 г. состоялъ секретн. сотрудн. Одесскаго жандарм. управл., освѣщалъ с.-д-скія организаціи; жалованіе получалъ 40 руб. въ мѣсяцъ. Лѣтомъ 1911 г. К. выѣхалъ самовольно изъ Одессы въ Германію. По возвращеніи принятъ на военную службу и зачисленъ въ сент. 1912 г. въ 45-й пѣхотн. Азовскій полкъ. Въ 1916 г. былъ въ Америкѣ и изъ Нью-Йорка предложилъ полковнику Заварзину свои услуги по освѣщенію заграничныхъ организацій; предложеніе было принято, онъ былъ зачисленъ въ Загран. Агентуру; ему писали по адресу: С.-А. С. Ш. Нью-Йоркъ. *M-r Leo Lerner*. 4 grade Priufind C 253 Centre street, New Iork.

Козловъ, Яковъ Тимофеевъ, крестьянинъ дер. Воронокъ, Крупецкой волости, Путивльск. уѣзд., Курской губ., бѣжалъ съ военной службы, укравъ у командира батареи, въ которой служилъ, 200 руб. Былъ арестованъ подъ фамиліей Грачевскаго при типографіи с.-р., обнаруженной въ г. Глуховѣ въ 1907 г. Бѣжалъ изъ тюрьмы и снова былъ задержанъ 20 іюля 1910 г. въ г. Белебеѣ, гдѣ онъ жилъ подъ именемъ Антона *Марченко*; былъ присужденъ къ ссылкѣ на поселеніе; здѣсь въ Красноярскѣ „былъ заагентуренъ жанд. ротм. Бѣликовымъ“, въ мартѣ 1912 г. скрылся изъ дер. Янъ, на Чунѣ.

10 іюля того же года Департ. Полиц. увѣдомилъ завѣдывавшаго Заграничной Агентурой о томъ, что въ маѣ въ Женеву былъ секретный сотрудникъ Енисейской губ. жанд. управл. по партіи с.-р., подъ кличкой „Уярскій“—Яковъ Тимофеевичъ Козловъ. По предложенію того же Департ. въ сентябрѣ за Козловымъ, жившимъ уже въ Парижѣ, было установлено наблюденіе, съ цѣлью „выяснить его положеніе въ революціонной средѣ и можетъ ли онъ приносить пользу дѣлу политическаго розыска“.

Въ это же время Козловъ писалъ изъ-за границы въ Красноярскъ жандармскому ротмистру Бѣликову, что „подготавливается

цареубійство и что онъ на-дняхъ видѣлся съ Лазаревымъ и Фигнеръ, они скоро собираются въ Россію, а относительно другихъ лицъ узнаю по прибытіи въ Парижъ, куда уже взялъ явки прямо къ ц. к.—Аргунову, Натансону и Ракитникову“. Въ октябрѣ Козловъ жилъ въ Парижѣ подъ фамиліей Васильева, въ отелѣ Медикаль, 36, на улицѣ Фобургъ Санъ-Жакъ; онъ требовалъ командированія въ Парижъ Бѣликова, такъ какъ рѣшилъ „никого другого до себя не допускать“. Въ ноябрѣ Департ. Полиц. поручилъ Заграничной Агентурѣ войти въ сношенія съ Козловымъ; чиновникъ Литвинъ, которому было поручено это, доложилъ, что Козловъ съ нимъ не пожелалъ имѣть дѣла и что онъ произвелъ на него впечатлѣніе ненормальнаго человѣка: „у него какая-то дрожь, щелкаетъ зубами, а ноги и руки такъ и ходятъ во всѣ стороны, все время испуганно озирается, какъ будто ожидая нападенія“. При свиданіи Литвина съ „Уярскимъ“ 16 января 1913 года послѣдній „опять былъ нервно настроенъ, держалъ себя вызывающе и рѣзко“. Послѣ этого завѣдывавшій Агентурой сообщилъ Департ. Полиц., что рассчитывать на полученіе отъ „Уярскаго“ въ будущемъ полезныхъ свѣдѣній данныхъ не имѣется и что лучше изъ-за границы его отозвать.

Въ октябрѣ 1914 г. Козловъ, по свѣдѣніямъ Департ. Полиц., жилъ въ Швейцаріи и пользовался для сношеній съ Россіей адресомъ: M-r Kosloff, Villa Sonas Richelieu Versoix, Suisse.

Въ 1917 году Козловъ жилъ въ Ліонѣ (50, B-d de Brotteau) и принималъ дѣятельное участіе въ мѣстномъ эмигрантскомъ комитетѣ. При пріѣздѣ въ Парижъ по дѣламъ этого комитета лѣтомъ 1917 года былъ разоблаченъ членами комиссіи эмигрантовъ, разбравшихъ дѣла Заграничной Агентуры.

Примѣты Козлова: роста 2 арш. 6¹/₄ вершк., худощавый, глаза темно-сѣрые; волосы темно-русые, рыжеватые; лицо смуглое, съ легкими слѣдами оспы.

Кокочинскій, Игнатъ Мошковъ, родился въ Лодзи въ 1881 г. Въ 1898 г. онъ поступилъ вольноопредѣляющимся на военную службу и съ этого момента вошелъ въ сношенія съ революционными организаціями Лодзи, распространялъ нелегальную литературу среди солдатъ и офицеровъ и скоро занялъ выдающееся положеніе въ Бундѣ. Партіяная кличка его—„Павелъ“. Въ августѣ 1906 г. Кокочинскій былъ отправленъ делегатомъ на 7-ой бундовскій съѣздъ, затѣмъ былъ назначенъ секретаремъ центрального бюро заграничной организаціи Бунда.

Въ 1910 г. Кокочинскій обратился письменно къ начальнику Заграничной Агентуры Красильникову съ предложеніемъ своихъ услугъ. Предложеніе было принято, и съ той поры Кокочинскій съ ея обычнымъ усердіемъ освѣдомлялъ охранку о всемъ, что дѣ-

лается въ заграничныхъ партійныхъ кругахъ. Въ спискахъ секретныхъ сотрудниковъ записанъ подъ именемъ „Гретхенъ“. Отъ Заграничной Агентуры Кокочинскій получалъ ежегодно отъ 12 до 15 тысячъ франковъ; освѣщалъ дѣятельность Бунда, польскихъ соц. партій, давалъ обстоятельные доклады о парижскихъ социаль-демократическихъ газетахъ „Голосъ“, „Началъ“, „Нашемъ Словѣ“ и сообщалъ подробнѣйшія свѣдѣнія о различныхъ заграничныхъ партійныхъ дѣятеляхъ. Сфера наблюденія „Гретхенъ“ не ограничивалась одной Франціей, но распространялась и на Швейцарію. „Гретхенъ“ докладывалъ также о событіяхъ и партійныхъ дѣлахъ въ Россіи и ѣздилъ со спеціальными порученіями З. Агентуры въ Польшу. Послѣдніе годы (1914—1917) Кокочинскій не принималъ близкаго участія въ партійныхъ дѣлахъ, но, несмотря на это, продолжалъ по-прежнему освѣдомлять охранку о Бундѣ, меньшевистскихъ организаціяхъ, составѣ редакцій и направленіи газетъ „Голосъ“, „Наше Слово“ и т. д. Многія интересующія охранку свѣдѣнія Кокочинскій получалъ отъ нѣкоторыхъ неосторожныхъ товарищей, которые рассказывали Кокочинскому, все, что знали о партійныхъ дѣлахъ и, порой, о самыхъ конспиративныхъ. По ходатайству завѣдующаго Заграничной Агентурой и по представленію министра внутреннихъ дѣлъ, К. освобожденъ военнымъ министромъ отъ отбыванія воинской повинности. На допросѣ Кокочинскій сознался въ томъ, что состоялъ секретнымъ сотрудникомъ Заграничной Агентуры.

Прилагаемъ здѣсь чрезвычайно интересный докладъ Кокочинскаго Красильникову:

„Мои частыя служебныя поѣздки я до сихъ поръ объяснялъ моимъ партійнымъ товарищамъ и моей семьѣ слѣдующимъ.

Южно-Американская импортная фирма передала всѣ операціи по покупкѣ товаровъ въ Европѣ управляющему одного изъ парижскихъ экспортныхъ домовъ. Не желая передать эти дѣла дому, въ которомъ служить, послѣдній рѣшилъ всѣ эти операціи производить лично при моемъ посредствѣ. Поэтому, по его порученію, мнѣ приходится часто ѣздить за товарами, особенно въ Австрію, за богемскими товарами (стекло, бусы, искусственные камни и прочее). Отсутствіе же всякой обыкновенно связанной съ этимъ переписки, документовъ, контрактовъ и т. п. и, наконецъ, конспиративность упомянутаго управляющаго, котораго нигдѣ и никогда не видѣли даже мои близкіе товарищи и семья, я объясняю тѣмъ, что всю переписку ведетъ онъ; опасаясь же разоблаченія его дѣятельности, идущей во вредъ интересамъ дома, въ которомъ онъ служилъ, самъ онъ избѣгаетъ свиданій со мною внѣ его дома.

Это объясненіе весьма искусственное какъ-нибудь до сихъ поръ прикрывало мою дѣятельность. Но дальнѣйшее сохраненіе

этого объясненія для блага службы и моей безопасности становится крайне опаснымъ. Ужъ одно тщательное скрываніе концовъ моихъ торговыхъ сношеній, дающихъ пропитаніе мнѣ и моей семьѣ, даже передъ такими близкими людьми, которые со мной всегда вполне откровенны, и даже передъ семьей и родственниками вызываетъ удивленіе и въ отношеніяхъ съ друзьями-товарищами создаетъ нежелательную и опасную отчужденность. И если мнѣ удастся до сихъ поръ скрывать мои сношенія и истинный смыслъ моихъ поѣздовъ за этой миѳической постройкой, лишенной осязательныхъ оправдывающихъ данныхъ, то это лишь благодаря тому безграничному довѣрію, которымъ я пользуюсь въ средѣ знакомыхъ и партійныхъ товарищей.

Но явится малѣйшее подозрѣніе, напр., станутъ подозрѣвать, что за-границей имѣется центральная провокація,—и сейчасъ по логикѣ вещей, вниманіе нѣкоторыхъ направится въ мою сторону, а абсолютная невозможность указанія существенныхъ мотивовъ моихъ поѣздовъ, какъ равно скрыванія моихъ сношеній, можетъ повести къ фатальной катастрофѣ.

Ввиду вышеизложеннаго необходимо *безотлагательно* принять мѣры для недопущенія этого. Соотвѣтственной мѣрой является единственно созданіе такого фактическаго торговаго дѣла, которое бы вызывало необходимость моихъ поѣздовъ, создало бы переписку, торговые документы и прочее.

Въ свое время у меня уже была подобная попытка. Но тогда я ухватился за первый, подвернувшійся мнѣ подъ руку, предметъ изъ области французскихъ новинокъ. Но по своему характеру новинка не можетъ долго служить; къ тому же Австрія скоро ее поддѣлала. Необходимъ товаръ постоянный, французскаго вывоза и повсемѣстнаго сбыта.

Такимъ товаромъ являются дамскіе гребни съ украшеніями изъ камней и другія дамскія туалетныя украшенія.

1) Коллекція, находящаяся на виду у всѣхъ, въ моей конторѣ, была бы первымъ осязательнымъ доводомъ моихъ занятій.

2) Сбывая этотъ товаръ безъ намѣренія имѣть при этомъ непремѣнный заработокъ, мнѣ легко было бы связаться съ коммерсантами любого для насъ интереснаго города, вызвать переписку и создать необходимость поѣздовъ.

Для этого необходимы средства, свободная наличность, чтобы можно было выполнять заказы и поддерживать существованіе этого предпріятія, минимумъ 5.000 франк.

Къ началу моей службы я находился въ очень стѣсненныхъ матеріальныхъ условіяхъ. Съ теченіемъ времени при *Вашемъ* содѣйствіи (между прочимъ, имѣю въ виду прошлогоднюю оказанную мнѣ ссуду, которую я нынѣ уже вернулъ), я освободился отъ

долговъ. Средства, необходимыя для выполненія кой-какихъ порученій, получаемыхъ мною отъ нѣсколькихъ русскихъ купцовъ и служащихъ мнѣ тоже для скрыванія источниковъ моихъ ресурсовъ, я уже тоже какъ-нибудь нахожу. Но сумму, необходимую для вышеупомянутаго дѣла—пять тысячъ франковъ, которая необходима для избѣжанія все болѣе возрастающаго риска въ моихъ съ *Вами* отношеніяхъ, мнѣ неоткуда взять.

Поэтому, я настоящимъ честь имѣю просить *Вашего* ходатайства о предоставленіи мнѣ указанной выше суммы.

И если, къ моему сожалѣнію, не представится возможнымъ хотя часть этой суммы доставить мнѣ въ видѣ безвозвратнаго пособія, а остальное въ видѣ ссуды, то усиленно прошу все-таки доставить мнѣ всю сумму хотя бы въ формѣ займа, который я стану выплачивать. Ибо проведеніе моего плана является неперемѣннымъ условіемъ моей дальнѣйшей безопасности и единственнымъ и самымъ подходящимъ выходомъ для предотвращенія того, что съ каждымъ днемъ при условіяхъ все усиливающагося значенія моей службы (вслѣдствіе возрастающаго революціоннаго движенія въ Россіи и особаго характера моихъ свѣдѣній)—можетъ стать по винѣ нашего непримѣненія къ обстоятельствамъ, уже непредотвратимымъ. Только приведеніе моего плана въ исполненіе дастъ мнѣ возможность и впредь давать безбоязненно и такія важныя свѣдѣнія, которыя добыты не партійнымъ путемъ, но при посредствѣ личныхъ связей и извѣстны иногда лишь двумъ-тремъ лицамъ (напр., время и обстоятельства поѣздки Медема, Рахмилевича и другихъ въ Россію и т. п.)“...

18 нояб. 1913 г. д-ръ Д-та Полиціи разрѣшилъ выдать „Гретхенъ“ 2.500 фр. въ видѣ пособія и 2.500 фр. въ видѣ ссуды съ погашеніемъ.

Будучи разоблаченъ, Кокочинскій не потерялъ энергіи и рѣшилъ найти себѣ работу въ новой сферѣ дѣятельности. Въ сентябрѣ 1917 г. Кокочинскій печатаетъ о себѣ нижеслѣдующее объявленіе во французскихъ газетахъ:

„Коммерсантъ, экспортеръ, уроженецъ союзной страны, проживающій въ Парижѣ 9 лѣтъ, знающій хорошо Восточную и Центральную Европу, говорящій по-русски, по-польски, на другихъ славянскихъ языкахъ и по-нѣмецки, пострадавшій отъ войны, ищетъ подходящей должности въ солидномъ торговомъ предпріятіи“.

Крѣвинъ, Вильгельмъ-Яновъ, принадлежалъ къ рижской группѣ анархистовъ латышей. Послѣ покушенія на жизнь мастера Бруваля, скрылся за-границу.

Въ октябрѣ 1913 года Крѣвинъ, находясь въ Бельгіи, предложилъ начальнику Лифляндскаго губ. жанд. упр. свои услуги и былъ принятъ въ агенты подъ кличкой „Старикъ“ съ жалованьемъ въ 50 руб. Въ слѣдующемъ же мѣсяцѣ К. былъ переданъ въ рас-

пораженіе Заграничной Агентуры. Нѣкоторое время К. жилъ въ бельгійскомъ городкѣ La Louviere. Затѣмъ его адресъ былъ: A. Rekchan (K) P. R., Watermaal, Bruxelles. Находясь въ Антверпенѣ, К. примкнулъ къ мѣстному кружку анархистовъ (Лайцитъ и др.), на который и сталъ доносить. Состоя въ Заграничной Агентурѣ, К. получалъ 250 фр. въ мѣсяцъ; охранный псевдонимъ — „Марсъ“. Крѣвинъ, по отзыву офіціальнаго лица, „мальчишка лѣтъ 19, бойкій, о себѣ большого мнѣнія“. Обиженный недостаточнымъ, по его мнѣнію, вниманіемъ, уѣхалъ въ Америку, по свѣдѣніямъ же Д-та Полиц. К. осенью 1915 г. вернулся въ Россію подъ именемъ Яна Дзениса.

Курьянскій, Гершъ Шліомовичъ (Георгій „Соломоновичъ“), Бѣлостокск. мѣщанинъ, по паспорту Григорія Георгіевича Свѣтлицкаго. Охранныя клички: „Максъ“ (въ Бѣлостокѣ), „Овигленскій“, „Тепловъ“, „Р. Данненбергъ“, „Б. Вяземскій“, въ Загр. Агентурѣ носилъ кличку Карпо (Сачковъ) (см. 1-ую часть).

Маркинъ, Теофилъ (онъ же *Русиновъ* Михаилъ Аркадьевичъ, Викторъ Милевскій, Викторъ Русинъ); охранныя кличка „Прево“, секретн. сотрудн. Загран. Агентуры по партіи с.-р.; съ 1910 г.

Милевскій, Владиславъ, состоялъ секретнымъ сотрудникомъ Д-та Полиціи съ 1873 г.

Въ 1886 г. въ Женевѣ Милевскій, Гуринъ и Бинтъ по порученію Рачковскаго разгромили типографію „Народной Воли“ (см. 1-ю ч., стр. 31—32); въ 1887 году, по указаніямъ Милевскаго, былъ арестованъ въ Вѣнѣ и выданъ русскому правительству террористъ Яцевичъ; въ 1888 и 1889 г.г. М. наблюдалъ въ Цюрихѣ за террористической группой, которая, по настоянію русскаго посольства, и была выслана изъ Швейцаріи; когда эта группа перекочевала въ Парижъ, Милевскій продолжалъ слѣдить за ней и въ Парижѣ, дополняя такимъ образомъ „внѣшнимъ наблюденіемъ“ внутреннюю провокаціонную работу Ландезена по организаціи мастерской бомбъ (см. 1-ую часть, стр. 37—38).

За всѣ эти „заслуги“ Милевскій получилъ отъ русскаго правительства два ордена и чинъ губернскаго секретаря, а на похороны его 5 августа 1904 г. въ Парижѣ выдано 1.000 фр.

Миртовъ, Сергѣй Васильевъ, бывшій студентъ Петербургскаго университета, обратился къ начальнику Симбирскаго губерн. жанд. управл., въ письмѣ отъ 23 октября 1909 г., съ предложеніемъ агентурныхъ услугъ, въ частности для разоблаченія „Бурцевскихъ разысканій“. Адресъ для сношеній былъ указанъ: „Serge Mirtoff. 132 bis rue de la Tombe Issoire“. Д-тъ Полиц. рекомендовалъ Миртова Заграничной Агентурѣ, но сношенія не наладились.

Михалковскій, Симонъ (Шимонъ), привлекался по дѣлу „Пролетаріата“, приговоренъ къ тюремному заключенію на одинъ годъ, скрылся за-границу и жилъ въ Цюрихѣ. Въ ноябрѣ 1892 г. явился добровольно къ начальнику жанд. управл. Варшавскаго уѣзда,

отправленъ въ Петербургъ, гдѣ и посаженъ въ Выборгскую тюрьму. Въ іюнѣ 1893 года было выписано изъ секретныхъ суммъ 20 руб. „для выдачи содержащемуся подъ стражей Шимону Михалковскому за оказываемыя имъ Д-ту Полиціи услуги агентурнаго характера“; по отбытіи наказанія М. былъ переданъ въ распоряженіе Рачковскаго и 17 ноября 1893 г. получилъ 110 руб. для отъѣзда за-границу, въ Швейцарію.

Михневичъ (онъ же Якобсонъ); охранныя клички: „Вороновъ“ и „Корбо“ („Corbeau“); состоялъ секретн. сотрудникомъ Саратовск. губ. жандарм. управл. съ 1908 г., въ іюнѣ 1911 былъ командированъ въ распоряженіе Заграничной Агентуры; „освѣщалъ“ с.-р., въ Парижѣ получалъ жалованье 100 руб. въ мѣсяць.

Модель, Аронъ-Яковъ Хаимовъ-Ицковъ, род. въ 1890 г.; въ 1908 г., еще гимназистомъ, состоялъ секретнымъ сотрудникомъ и „освѣщалъ“ группы учащихся въ Витебскѣ. Въ 1910 г., будучи студентомъ Лейпцигскаго университета, вновь предложилъ свои услуги и былъ принятъ въ Заграничную Агентуру съ 20-го іюня 1911 г. подъ кличкой „Мартенъ“. Въ 1913 г. былъ въ Россіи. Съ 1914 года живетъ въ Бернѣ, гдѣ учится въ университетѣ. Въ 1916 г. получалъ 300 фр. въ мѣсяць.

Молчановскій, Петръ Захаровъ, бывшій студентъ Харьковскаго ветеринарнаго института. Въ 1908 г. былъ высланъ по дѣлу Харьковскаго кружка социалистовъ-революціонеровъ въ Архангельскую губ., но въ томъ же году ему разрѣшено было выѣхать за-границу. Въ 1910 году онъ жилъ въ Парижѣ. Въ 1913 г. Молчановскій „обратился въ Д-тъ Полиціи съ предложеніемъ своихъ услугъ“, указавъ адресъ для сношеній: Plaine St. Denis (Seine), 186, m-me Ivanoff (роуг. Р. М.).

Нейштадтъ, Авагдоръ (Викторъ) Мордуховъ, Могилевскій мѣщанинъ.

Въ маѣ 1909 г. Н. послалъ въ Д-тъ Полиціи письмо съ заявленіемъ о намѣреніи своемъ посягнуть на жизнь царя; допрошенный, онъ объяснилъ свой поступокъ желаніемъ „выйти изъ затруднительнаго положенія“. Сидя въ Прилукской тюрьмѣ, Нейштадтъ рассказалъ надзирателю о существованіи тайнаго преступнаго общества; въ показаніи по этому поводу онъ заявилъ, что „яркія краски въ его рассказѣ составляютъ обычный плодъ его фантазіи“. За эти фантазіи, Нейштадтъ, послѣ медицинскаго освидѣтельствованія, признавшаго его здоровымъ въ физическомъ и психическомъ отношеніи, былъ отданъ подъ гласный надзоръ полиціи.

Въ маѣ 1907 года Нейштадтъ, жившій въ Базелѣ, обратился къ министру Столыпину съ письмомъ, въ которомъ предложилъ свои услуги въ борьбѣ съ революціонерами-террористами. Въ прошеніи своемъ онъ заявилъ, что у него „разработанъ детальный планъ втесаться

въ ихъ среду на правахъ испытаннаго товарища“. По вопросу о вознагражденіи Н. писалъ, „меня это интересуетъ ровно настолько, во сколько оцѣниваются жизненные потребности человѣка средней руки (безъ спиртуозовъ и игры)“; себя Нейштадтъ рекомендовалъ такъ: вѣроисповѣданія официально іудейскаго, возрастъ—27 лѣтъ, образованіе—домашнее, политическое credo—умѣренный прогрессистъ“. Письмо это было препровождено Д-мъ Полиціи на распоряженіе завѣдующаго Заграничной Агентурой. Принято ли было его предложеніе—неизвѣстно.

Нобель, Александръ Александровичъ.

Проживая въ Парижѣ 34, rue Broca, въ ноябрѣ 1912 г. обратился въ русское посольство съ заявленіемъ о томъ, что революціонеры замышляютъ покушеніе при помощи аэроплановъ „на священную жизнь Государя Императора“, при этомъ Нобель назвалъ рядъ лицъ, какъ участниковъ этого предпріятія. Съ такимъ же доносомъ онъ обратился къ министру Столыпину. Парижское бюро Заграничной Агентуры занялось разслѣдованіемъ полученныхъ указаній, но скоро убѣдилось въ полной ихъ вздорности. 10 марта 1913 г. Д-тъ Полиціи предписалъ „дальнѣйшія сношенія съ журналистомъ Александромъ Нобелемъ прекратить“. По свѣдѣніямъ того же Д-та въ ревельской газетѣ „Tallina Teataja“ въ августѣ 1913 года была помѣщена статья, предостерегавшая проживавшихъ за-границей относительно лица, выдающаго себя за инженера „на дворнаго совѣтника Нобея“, который, находясь въ Бельгіи, сообщаетъ русскимъ властямъ за вознагражденіе свѣдѣнія объ эмигрантахъ.

Примѣты Нобея: лѣтъ подъ 50, средняго роста, плотнаго тѣлосложенія, темный блондинъ, небольшая бородка, одѣвается чисто.

Озеровъ, Антонъ Михайловичъ, русскій подданный, секретный сотрудникъ съ ноября 1902 г.; имѣетъ сношенія съ македонскими революціонерами и съ проживающими въ Женевѣ членами народовольцевъ и анархистовъ-коммунистовъ, наблюдалъ за тѣмъ, чтобы с.-р. не получили отъ македонскихъ революціонеровъ взрывчатыхъ веществъ. Жалованья получалъ 300 фр. Знаетъ болгарскій и французскій языки. (См. 1-ую часть, стр. 63).

Орловскій, вѣроятно, настоящая фамилія его **Германдъ, Исаакъ Наумовичъ;** кажется, бывший студентъ Петербургскаго лѣснаго института. Родился въ Царскомъ Селѣ. Состоялъ въ анархическихъ группахъ съ 1907 года подъ кличкой „Адольтъ“. Орловскій-Германдъ значился въ числѣ секретныхъ сотрудниковъ Заграничной Агентуры подъ кличкой „Космополитъ“ съ іюля 1912 г. и получалъ жалованья въ началѣ 200, а подъ конецъ 350 фр. въ мѣсяцъ. Жилъ сначала въ Брюсселѣ въ 1912—1913 г.г. и состоялъ тамъ секретаремъ рабочаго союза. Въ началѣ войны уѣхалъ въ Лондонъ, за-

тѣмъ обосновался въ Голландіи, въ Гаагѣ, гдѣ былъ завѣдующимъ просвѣтительнымъ отдѣломъ „Краснаго Креста“. Въ первой половинѣ 1917 г. жилъ въ Стокгольмѣ и служилъ въ Русскомъ „Красномъ Крестѣ“ въ просвѣтительномъ отдѣлѣ. Орловскій-Германдъ освѣщалъ почти исключительно анархическіе круги, но изъ Брюсселя доносилъ, между прочимъ, о безпартійномъ студенческомъ клубѣ; въ октябрѣ 1913 года принималъ участіе въ съѣздѣ „Братства вольныхъ общинниковъ“ въ Парижѣ; на поѣздку въ Парижъ по этому дѣлу получилъ отъ Заграничной Агентуры 275 фр., представилъ подробный докладъ о засѣданіяхъ и участникахъ этого съѣзда; въ настоящее время находится въ Россіи.

Орловъ, Альбертъ Михайловичъ, онъ же Цукерманъ. Вѣроятно, эта послѣдняя фамилія является настоящей, потому что онъ еврей (возрастъ 32 года); родился въ мѣстечкѣ Коссово Гродненской губ. и жилъ въ Екатеринославѣ и Варшавѣ, какъ онъ заявилъ на допросѣ. Отбывалъ воинскую повинность, по его словамъ, въ одномъ изъ полковъ въ Казани, откуда дезертировалъ и бѣжалъ въ 1907 г. въ Англію, заагентуренъ въ Лондонѣ около 5 лѣтъ тому назадъ. Орловъ-Цукерманъ освѣщалъ, главнымъ образомъ, анархистовъ, донесъ также англійской полиціи на участниковъ извѣстнаго дѣла на Sydney Street (1910 г.), гдѣ группа русскихъ анархистовъ была осаждена англійскими войсками и уничтожена артиллерійскимъ огнемъ вмѣстѣ съ домомъ, въ которомъ засѣла. За этотъ доносъ Орловъ-Цукерманъ получилъ отъ англичанъ 163 фун. стерлинговъ. Въ Заграничной Агентурѣ носилъ кличку „Симѣнсъ“ и получалъ жалованья 400 фр. въ мѣсяцъ; одновременно состоялъ на службѣ и въ Scotland Yard (лондонская секретная полиція).

Осадчукъ, Иванъ Осиповичъ, изъ крестьянъ Подольской губ. с. Жерденовки; въ 1884 г. состоялъ унтеръ-офицеромъ при Кіевск. губ. жанд. упр. и несъ при управленіи агентурныя обязанности. Съ іюля 1890 г. поступилъ въ Заграничную Агентуру Балканскаго полуострова. „Главнымъ образомъ, специализировался на организаціи агентуры и перлюстраціи почты и велъ таковую въ Бухарестѣ, Варнѣ, Рушукѣ и Яссахъ“. Жалованья получалъ 400 фр. (По закрытіи балканской агентуры зачисленъ въ штатн. сотрудники Бессарабскаго охранн. отдѣл.).

Х. (выясняется), охранныя клички: „Молодой“ и „Леженъ“ (Lejeune); „работалъ“ среди с.-р. и анархистовъ. „Молодой“ состоялъ секретнымъ сотрудникомъ Петроградскаго охр. отдѣленія по партіи с.-р. съ 1906 г.; одно время оказывалъ услуги по освѣщенію организаціи „крайнихъ террористовъ“. На основаніи доносовъ „Молодого“ были ликвидированы: въ 1906 г. собраніе организаторовъ партіи с.-р. въ помѣщеніи союза инженеровъ, въ кв. № 1, д. № 23, по Загородному пр., гдѣ были арестованы Б. Нестеровскій, Лидія

Лойко, С. И. Донской и др.; 4-го февр. 1907 г. конференція партіи с.-р. въ XI аудиторіи Спб. у-та; кромѣ того, благодаря „Молодому“ были произведены и другія болѣе мелкія ликвидаціи. „Молодой“ „освѣщалъ“ затѣмъ „совмѣстно съ другой агентурой студенческія фракціи партіи с.-р. Петербургскаго университета и политехническихъ курсовъ О-ва народныхъ университетовъ, гдѣ онъ состоялъ въ числѣ слушателей. Въ 1910 г. „Молодой“ былъ направленъ для освѣщенія среди авіаторовъ; для этой цѣли поступилъ на службу въ авіаціонную школу въ качествѣ механика, а затѣмъ ему было выдано 300 рублей на обученіе авіаціи; въ сент. 1912 г. „Молодому“ было выдано изъ Д-та Полиціи 500 руб. для взноса въ школу за экзаменъ на званіе пилота. Въ Петербургѣ „Молодой“ получалъ отъ охраннаго отдѣленія 60 руб. въ мѣсяцъ жалованья. Въ октябрѣ 1912 г. „Молодой“ былъ командированъ въ Парижъ и ему выдано 1.454 р. на взносъ за ученіе въ Парижской высшей школѣ авіаціи. За-границей состоялъ сначала въ распоряженіи полк. фонъ-Котена (см. 1-ую часть, стр. 157), а затѣмъ былъ переданъ въ вѣдѣніе Заграничной Агентуры, отъ которой и получалъ съ ноября 1912 г. 400 франковъ въ мѣсяцъ жалованья. Черезъ годъ въ ноябрѣ 1913 г. — „Молодому“ предложено было возвратиться въ Петербургъ, такъ какъ онъ „не удовлетворялъ требованіямъ, предъявляемымъ сотрудникамъ Заграничной Агентуры“.

Перлинъ („Андроновъ“), Нахманъ Сандаровъ, въ крещеніи Наумъ Александровичъ, жилъ по паспорту **Александрова**; докторъ медицины. Въ 1886 г. былъ привлеченъ къ дознанію о государств. прест. и арестованъ; съ того же времени поступилъ въ секретныя сотрудники къ полковн. Будзиловичу (предш. Тржецяка), въ Одессѣ; выдалъ офицерскій кружокъ въ Одессѣ и круж. Делетицкой, Гринцера, Рашавскаго, Кириллова, Марморштейна и др. Съ назначеніемъ полк. Будзиловича въ Заграничную Агентуру Перлинъ бѣжалъ изъ-подъ негласнаго надзора въ Одессѣ въ Румынію, „гдѣ и способствовалъ организаціи въ Румыніи и Болгаріи революціонной агентуры“. Въ 1888 г. сообщилъ о готовившемся русскими революціонерами въ Парижѣ динамитномъ взрывѣ. Въ 1892 г. кончилъ Бухарестскій университетъ. П. сообщилъ объ отъѣздѣ Черкесова и Бурцева въ Лондонъ; организовалъ аресты революціонеровъ Ананьина и Корсакова и попытку ареста Бурцева, постоянно освѣщалъ дѣятельность мѣстныхъ эмигрантовъ. Получалъ жалованья 500 франковъ. Въ 1902 г. выѣхалъ въ Парижъ для занятій въ клиникѣ Шарко, а осенью 1903 г., защитивъ диссертацию, переселился на постоянное жительство въ Софію.

Петровъ, Александръ Ивановъ, дворянинъ, уроженецъ г. Кронштадта; родился въ 1879 г.; учился въ военно-медицинской академіи. Принадлежалъ, по его словамъ, съ 1900 г., къ Росс. соц.-

демокр. рабочей партіи. Въ революціонной средѣ былъ извѣстенъ подъ кличкой „Олегъ“.

Петровъ состоялъ съ октября 1912 года секретнымъ сотрудникомъ Заграничной Агентуры подѣ всевдонимомъ „Мишло“. Жилъ въ Парижѣ подѣ фамиліей Артемьева. При провѣркѣ свѣдѣній, представленныхъ Петровымъ, они не подтвердились. Получивши съ Агентуры 300 фр. и захвативъ еще 200 фр. у своей близкой знакомой, Петровъ 10 ноября 1912 г. скрылся.

Пиленасъ, Казиміръ, литовецъ.

Пиленасъ состоялъ секретнымъ сотрудникомъ Заграничной Агентуры подѣ всевдонимомъ „Валленродъ“ съ декабря 1909 г., раньше былъ освѣдомителемъ Скотландъ-Ярда (бюро англійской сыскной полиціи). Жилъ въ Лондонѣ; доставлялъ пространныя донесенія о русскихъ революціонерахъ-эмигрантахъ, живущихъ въ Англіи. Получалъ 600 фр. въ мѣсяцъ. Въ февралѣ 1912 года жалованье было сбавлено до 400 фр. за бездѣятельность. Въ сентябрѣ 1913 г. Пиленасъ былъ уволенъ.

Пиленасъ, Петръ, литовецъ; состоялъ секретнымъ сотрудникомъ Заграничной Агентуры съ декабря 1909 г. въ Лондонѣ подѣ псевдонимомъ „Руссель“. Получалъ 600 фр. въ мѣсяцъ; давалъ общія свѣдѣнія о русскихъ революціонерахъ-эмигрантахъ, живущихъ въ Англіи, но такъ какъ „донесенія его были основаны на сообщеніяхъ газетъ“, то содержаніе ему было уменьшено; обиженный „Руссель“ сначала отказался „отъ дальнѣйшихъ сношеній“, но затѣмъ написалъ извинительное письмо, въ которомъ сообщалъ о своемъ отъѣздѣ въ Америку и предлагалъ свои услуги по освѣщенію движенія въ Америкѣ, соглашаясь получать 400 фр. въ мѣсяцъ. „Руссель“ былъ вновь принятъ, давалъ кое-какія свѣдѣнія; спустя полтора года, т.-е. въ августѣ 1912 г., сношенія съ нимъ были прекращены.

Познанскій, Лейба Амшаевъ, мѣщанинъ Кременчугскій уѣздъ, род. въ 1885 г.

Состоялъ секретнымъ сотрудникомъ Заграничной Агентуры подѣ кличкой „Кодакъ“, но не долго; „не успѣлъ я прослужить и трехъ недѣль, какъ вдругъ извѣстный Вамъ субъектъ, подѣ названіемъ Бурцевъ, открылъ меня“, жаловался Познанскій Д-ту Полиціи въ письмѣ отъ 6-го сентября 1912 г. Красильниковъ по поводу этой жалобы писалъ начальству: „Какъ сотрудникъ, Познанскій никакой пользы оказать не можетъ, во-первыхъ, какъ лицо, разоблаченное въ сношеніяхъ съ охраной, во-вторыхъ, какъ не принадлежащій ни къ какой революціонной партіи. Общаго съ Бурцевымъ онъ ничего не имѣетъ и проводитъ время въ компаніи подобныхъ ему хулигановъ, въ игрѣ въ карты и въ посѣщеніи кабаковъ. Какъ и раньше, такъ и теперь, желаніе его быть сотрудникомъ имѣетъ одну только

цѣль—заполучить съ Агентуры деньги“. Тѣмъ не менѣе, Агентура попыталась использовать Познанскаго другимъ путемъ: сначала, онъ выступилъ свидѣтелемъ въ судебномъ дѣлѣ, которое возбудилъ противъ Бурцева агентъ Заграничной Агентуры Ю. Гольдендахъ, а затѣмъ и самъ выступилъ противъ своего разоблачителя обвиняя его въ диффамаци. На это Агентурой была дана имъ „нужная сумма“. Однако, въ виду возникшихъ опасеній, что Познанскій „можетъ попасть въ Парижъ подъ вліяніе Бурцева“, „Кодакъ“ былъ отосланъ въ Россію, гдѣ онъ, какъ скрывшійся отъ воинской повинности, былъ отправленъ въ Тамбовъ въ 28 пѣхотный Полоцкій полкъ. Въ іюнѣ того же года Познанскій бѣжалъ съ военной службы за-границу и наканунѣ разбора дѣла съ Бурцевымъ явился къ своему адвокату Гюро, причемъ „держалъ себя вызывающе, требуя денегъ“, почему „во избѣжаніе шантажа или скандала“ дѣло было рѣшено прекратить. Спустя мѣсяць Познанскій вмѣсто „суда“ пошелъ къ Бурцеву и въ присутствіи двухъ адвокатовъ далъ „откровенныя показанія“.

Въ 1915 г. Познанскій жилъ въ какомъ-то французскомъ провинціальномъ городѣ.

Поповъ, Антонъ Платоновичъ (онъ же **Семеновъ** Даниилъ); по профессіи конторщикъ. Въ революціонныхъ кругахъ извѣстенъ былъ подъ кличкой „Тимофей“. Состоялъ секретнымъ сотрудникомъ въ Баку, откуда выѣхалъ за-границу на съѣздъ моряковъ, для того чтобы „предупредить забастовку во флотѣ на Черномъ морѣ“. Съ 1 ноября 1910 года началъ давать свѣдѣнія нач. Одесскаго жанд. управл. Заварзину; благодаря ему произведенъ былъ рядъ серьезныхъ ликвидацій; охранныя клички его: „Американецъ“, „Полный“. Съ 1913 года онъ числится секретнымъ сотрудникомъ Одесскаго жанд. управл.; получалъ 150 руб., потомъ 200 руб. въ мѣсяць, а подъ конецъ, работая въ Заграничной Агентурѣ—около 800 фр.; доставлялъ обстоятельныя свѣдѣнія о потемкинцахъ, союзѣ профессиональных судовыхъ командъ въ Россіи; находился большею частью въ разъѣздахъ. Въ февралѣ 1913 года былъ, проѣздомъ изъ Александріи, въ Парижъ, гдѣ участвовалъ въ заграничной делегаціи партіи с.-р., причемъ былъ снабженъ паспортомъ на имя Александра Ивановича Глохова. По указанію Попова былъ арестованъ Николай Андреевъ Кингинъ, проживавшій по паспорту крест. Таврической губ. Федосійскаго уѣзда Михаила Иванова Игнатьева, который обѣщалъ оказывать услуги, но когда выяснилось, что онъ уже подозрѣвается въ сношеніяхъ съ охранн. отд., бѣжалъ, свѣдѣній о себѣ не давалъ, почему и было распоряженіе вновь арестовать его. Подполковникъ Щегловскій написалъ длинный докладъ о Поповѣ, гдѣ указываетъ на неискренность Попова, черезчуръ активную

роль его въ союзѣ моряковъ и предлагалъ его „ликвидировать“.. Сотрудникъ „Султанъ“ былъ проведенъ на съѣздъ и далъ „Американцу“ печати для храненія, которыя послѣдній представилъ въ Д-тъ Полиціи... Вслѣдствіе выяснившагося участія „Американца“ въ партіи, Д-тъ Полиціи предложилъ ему выѣхать на родину и прекратить сношенія съ революціонерами, въ противномъ случаѣ онъ подлежалъ аресту. Поповъ былъ затѣмъ въ Одессѣ арестованъ и при допросѣ сказалъ, что въ виду 8-лѣтней службы на пользу розыска (причемъ отрицалъ „провокаціонный“ характеръ своей работы) надѣется на близкое освобожденіе. Онъ и былъ вскорѣ освобожденъ. Въ іюль 1914 г. Поповъ-„Американецъ“ былъ командированъ снова за-границу, но застрялъ въ Варшавѣ по случаю объявленія войны и поѣздка его, въ виду трудности и дороговизны путешествія, была отложена; въ декабрѣ 1914 г. онъ выѣхалъ въ Пермь, причемъ ему былъ выданъ заграничный паспортъ на имя мѣщанина г. Костромы Даниіла Ивановича Семенова. Въ теченіе своей продолжительной работы въ полиціи онъ носилъ различныя клички: „Антонъ Платоновъ“, „Нордъ“, „Александръ Ивановичъ Глоховъ“, „Никифоръ Терентьевичъ Щегловъ“, „Тихонъ Никаноровичъ Погребцовъ“ и „Даниилъ Ивановичъ Семеновъ“. Послѣ неудавшейся командировки Поповъ весной 1915 г. снова появился за-границей, хлопоталъ здѣсь о пособіи въ 600 руб., но ему было отказано въ этомъ, такъ какъ имъ не были исполнены всѣ указанія руководителей розыска. Съ 18 мая по 18 октября Поповъ провель въ Англіи, затѣмъ поѣхалъ въ Марсель, но захворалъ и поселился въ Ментонѣ въ отелѣ Avenue de la Gare, 39. Донесенія „Американца“ за 1915 г. многочисленны: онъ сообщалъ о Русскомъ морскомъ союзѣ, въ дѣлахъ котораго онъ былъ очень освѣдомленъ, такъ какъ былъ нѣкоторое время редакторомъ заграничнаго журнала „Морякъ“, о Парвусѣ, о перевозкѣ въ Россію динамита и украинской литературы (дѣло Клячко, Тарасова и Григорія Собы), о Ливерпульскомъ кружкѣ русскихъ моряковъ, о редакторахъ газеты „Морской Листокъ“ и т. д. Весной 1916 года Поповъ опять ѣздилъ въ Англію и затѣмъ возвратился во Францію. За это время имъ былъ представленъ Заграничной Агентурѣ обширный докладъ относительно вліянія германской соціалъ-демократіи на внутреннія дѣла державъ согласія. Между прочимъ, Поповъ подозрѣвался французской полиціей въ сношеніяхъ съ нѣмцами. Завѣдующій Заграничной Агентурой Красильниковъ отзывался о Поповѣ, какъ о талантливомъ человѣкѣ. Въ 1917 году Поповъ находился въ Парижѣ и жилъ сначала 4, Avenue du Parc de Montsouris, а затѣмъ 31, rue Delambre.

Праотцевъ, Сергѣй Васильевъ, сынъ коллежскаго регистратора. Въ прошеніи, поданномъ 3 января 1914 г., Праотцевъ съ

гордостью сообщаетъ, между прочимъ, слѣдующее: „съ 20-лѣтняго возраста я состоялъ сотрудникомъ у разныхъ лицъ, ведшихъ борьбу съ революціоннымъ движеніемъ въ Россіи. Отецъ мой былъ привлекаемъ къ процессу „Народной Воли“, и потому я былъ поставленъ съ ранней юности въ революціонную среду. Сознаніе долга передъ Государемъ и Отечествомъ побудило меня использовать таковое мое положеніе въ видахъ борьбы съ революціоннымъ движеніемъ. Началъ я свою дѣятельность съ С. С. Бердяевымъ въ Москвѣ, затѣмъ продолжалъ съ С. В. Зубатовымъ. Въ 1894 г. Зубатовъ отрекомендовалъ меня покойному Семякину, и я работалъ годъ въ Петербургѣ, затѣмъ отправился на лѣто въ Саратовъ, гдѣ мнѣ пришлось работать съ двумя помощниками, командированными Зубатовымъ изъ Москвы.

На другой годъ—въ годъ коронаванія Государя Императора Николая Александровича, я продолжалъ службу въ Москвѣ около года и затѣмъ, когда революціонная среда отъ меня отошла, я уѣхалъ въ г. Клинцы, гдѣ занялъ мѣсто учителя рисованія въ тамошнемъ ремесленномъ училищѣ“...

Несмотря на этотъ вынужденный отдыхъ, Праотцеву, благодаря ходатайству Семякина, было выдано 7 февраля 1895 г. пособіе Д-томъ Полиціи въ размѣрѣ 150 р., причемъ Семякинъ даетъ слѣдующее обоснованіе своего ходатайства: „въ виду неоднократныхъ и несомнѣнныхъ заслугъ этого молодого человѣка, обнаруженной имъ теперь типографіи и кружка народовольцевъ и труднаго его матеріальнаго положенія (онъ и его жена только что оправились отъ болѣзни)“.

„Года черезъ четыре,—продолжаетъ исповѣдь Праотцевъ въ своемъ прошеніи,—когда я уже служилъ въ Кіевѣ въ коммерческихъ училищахъ, моя родственница Л. Л. Чернова ввела меня опять въ кругъ революціонеровъ, и я тотчасъ же вошелъ въ сношенія съ Д-томъ Полиціи, такъ какъ въ Кіевѣ въ то время охраннаго отдѣленія еще не существовало... Въ 1904 г. послѣ того, какъ я около двухъ лѣтъ держалъ конспиративную квартиру Гершуни въ Десятинномъ переулкѣ, я до такой степени разстроилъ свое здоровье, что попросилъ тогдашняго моего начальника—полковника Спиридовича—уволить меня. Передавъ свои связи въ революціонной средѣ по просьбѣ полк. Спиридовича одной новой сотрудницѣ, я уѣхалъ на Кавказъ. Этимъ кончилась моя служба въ качествѣ сотрудника. Въ 1905 году я оставилъ мѣсто въ Владикавказскомъ кадетскомъ корпусѣ и уѣхалъ въ Парижъ, чтобы отдаться всецѣло живописи. Въ Парижѣ жить мнѣ приходилось исключительно въ средѣ русскихъ эмигрантовъ... Въ сношенія съ политическимъ розыскомъ не входилъ, такъ какъ не интересовался революціонными дѣлами и очень тяготился той средой, въ которой жилъ“...

Здѣсь Праотцевъ говоритъ несомнѣнную неправду: онъ былъ въ Парижѣ очень жаденъ на всякія новыя знакомства и, преимущественно, вращался въ кругу с.-р., максималистовъ и анархистовъ; въ революціонныя группы не входилъ, но всегда увѣрялъ, что онъ анархистъ по убѣжденіямъ. Въ Парижѣ Праотцевъ жилъ съ своими двумя сыновьями-мальчиками шести и восьми лѣтъ и, видимо, бѣдствовалъ, могъ существовать только благодаря благотворительности эмигрантовъ—получалъ постоянныя пособія отъ эмигрантской кассы, а также, кажется, въ теченіе цѣлаго года ежемѣсячную, довольно значительную сумму отъ извѣстнаго с.-р. Фундаминскаго-Бунакова; заработка никакого не имѣлъ, такъ какъ по-французски совершенно не говорилъ, а художникъ былъ нарядность бездарный, хотя на каждую выставку „независимыхъ“ выставлялъ громадныя портреты знаменитыхъ революціонеровъ Каляева, Спиридоновой и др. Мечтой его жизни, какъ онъ выражался, было найти мецената, который далъ бы ему 100.000 фр. для написанія и постановки панорамы „Апоѳеозъ революціи“. Съ этой панорамой онъ мечталъ объѣхать весь свѣтъ.

Когда за-границей появился извѣстный разоблачитель, Л. Меньшиковъ, Праотцевъ счелъ наиболѣе благоразумнымъ уѣхать въ 1909 г. съ своими дѣтьми въ Южную Америку; разоблаченіе достигло его уже въ Буэносъ-Айресѣ, откуда ему и пришлось бѣжать въ Парагвай. Этотъ побѣгъ и свои скитанія въ лѣсахъ Парагвая онъ очень картинно описываетъ въ томъ прошеніи, о которомъ мы уже упоминали. Свое провокаторство Праотцевъ упорно отрицалъ и во время своего пребыванія въ Южной Америкѣ и въ бытность свою въ Россію, куда онъ вернулся въ 1916 году. Въ Россіи онъ получилъ мѣсто преподавателя рисованія въ частномъ коммерческомъ училищѣ въ г. Слуцкѣ.

Въ отвѣтъ на свое прошеніе Праотцевъ получилъ отъ Д-та 500 руб., причемъ отъ него взято обязательство, чтобы онъ больше не беспокоилъ начальство просьбами о пособіи.

Въ числѣ сотрудниковъ Заграничной Агентуры Праотцевъ не числился, но мы далеко не убѣждены, что онъ не былъ сотрудникомъ во время своего пребыванія за-границей какого-нибудь Россійскаго охраннаго отдѣленія.

Примѣты: род. въ 1873—1874 г., высокаго роста, хорошо сложенъ, правильныя крупныя черты лица, носить бороду, усы и длинные волосы, шатенъ, синіе глаза, толстыя и красныя губы. Выглядитъ очень нечистоплотнымъ.

Преображенскій, Михаилъ Николаевъ, родился 8 октября 1887 г. въ с. Землянкѣ, Екатеринославской губ.; привлекался въ 1907 году въ Севастополѣ и Петербургѣ по дѣлу о соц.-демократической организаціи; передъ призывомъ на военную службу

скрылся за-границу; состоялъ студентомъ технической школы въ Митвейдѣ (Саксонія).

Преображенскій вошелъ въ сношенія съ завѣдывавшимъ Заграничной Агентурой Красильниковымъ во время пребыванія послѣдняго въ Германіи (въ 1910 г.), былъ принятъ въ число секретныхъ сотрудниковъ подъ кличкой „Баумъ“; доставлялъ свѣдѣнія о членахъ партійной группы—своихъ товарищѣхъ по школѣ (Лейба Коганъ, Финкельштейнъ и др.); 8 марта 1911 г. былъ арестованъ на границѣ Италіи (за ношеніе огнестрѣльнаго оружія). Въ сентябрѣ того же 1911 г. Красильниковъ донесъ, что „Преображенскій въ виду выяснившейся полной его непригодности къ работѣ изъ состава сотрудниковъ Заграничной Агентуры исключенъ“.

Примѣты Преображенскаго: блондинъ, средняго роста.

Рабиновичъ, Георгій Ивановичъ, состоялъ секретнымъ сотрудникомъ Заграничной Агентуры у Ратаева съ декабря 1902 г.; въ ноябрѣ 1903 г. „провалился“ и вернулся въ Россію, гдѣ ему было выдано пособіе въ 250 руб.

Рекули, Раймондъ, французскій журналистъ, въ спискахъ Заграничной Агентуры числился подъ кличкой „Ратмиръ“. Въ дѣлахъ Агентуры комиссіей, разбиравшей дѣла, не найдено никакихъ слѣдовъ дѣятельности „Ратмира“.

По показаніямъ Красильникова, Рекули завѣдывалъ у него отдѣломъ иностранной печати. На обязанности его, —говорилъ Красильниковъ,—„лежало слѣдить за всѣмъ, что появлялось въ иностранной прессѣ, и указывать мнѣ всѣ статьи и сообщенія, могущія представлять интересъ для русскаго правительства, какъ въ области иностранной политики вообще, такъ и по всѣмъ вопросамъ, имѣющимъ касательство въ Россіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ, напримѣръ, по албанскому вопросу, господинъ Рекули давалъ мнѣ и собственную оцѣнку того или другого политическаго момента положенія или событія, а въ этомъ отношеніи онъ являлся лицомъ весьма компетентнымъ и авторитетнымъ, такъ какъ онъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ велъ отдѣлъ иностранной политики въ газетѣ „Фигаро“. Получалъ 500 фр. въ мѣсяцъ.

Розенбергъ, Александръ Лейзеровъ, Полтавскій мѣщанинъ, былъ разоблаченъ Бакаемъ, помогъ его уличить Менъщиковъ. Онъ былъ пропечатанъ Бурцевымъ; на партійномъ судѣ онъ сознался, что въ маѣ 1903 г. давалъ свѣдѣнія о Гершуніи Спиридоновичу.

Романова, Августа Матвѣевна, Череповецкая мѣщанка, агентурная кличка „Шульцъ“, въ революціонной средѣ жила подъ фамиліей Ольги Субботиной, Юліи Любимцевой и Маріи Федоровны Исполатовой. Состояла заграничной сотрудницей въ Парижѣ въ 1913 году.

Русиновъ, Михаилъ Аркадьевъ, онъ же Викторъ Русинъ. Родился въ 1887 г. въ Богородскомъ. Въ революціонной средѣ былъ извѣстенъ подъ кличкой „Викторъ Маленькій“.

Русиновъ состоялъ секретнымъ сотрудникомъ Заграничной Агентуры въ Парижѣ по группѣ социалистовъ-революціонеровъ. Получалъ 500 фр. въ мѣсяцъ. Псевдонимъ имѣлъ „Прево“. Жилъ въ Парижѣ подъ именемъ Теофила Маркина (д. 59, rue Bagault, а потомъ по паспорту механика Іосифа Елкина (д. 26, rue de l'Aude).

Въ 1910 г. роль Р. была случайно разоблачена: письмо къ нему съ приглашеніемъ на свиданіе попало въ руки революціонеровъ; тогда же онъ былъ опубликованъ, какъ провокаторъ; Агентура дала ему пособіе въ 400 фр. 26 мая 1910 г. Русиновъ застрѣлился.

Савенковъ, Алексѣй Михайловичъ, род., приблизительно, въ 1875 году. Крестьянинъ Рязанск. губ., Раненб. уѣзда, Солнцев. в., д. Соловыхъ. Арестованъ первый разъ въ декабрѣ 1906 г. въ г. Раненбургѣ, высланъ въ Вятку (администр. ссылка). Въ маѣ 1907 г. приговоренъ къ ссылкѣ на поселеніе, какъ с.-р., по 1 ч. 103 ст., бѣжалъ съ поселенія изъ Пинчукск. вол. черезъ Красноярскъ въ Москву въ 1908 году. Въ 1913 году жилъ въ Саратовѣ, гдѣ познакомился съ Иваномъ Михайловичемъ Шиловъ. Изъ Саратова выѣхалъ въ Москву, гдѣ и былъ арестованъ 13 іюня 1913 года. По приглашенію начальника Московскаго охраннаго отдѣленія полковника А. И. Мартынова, вступилъ въ секретные сотрудники Московск. охранн. отдѣленія, съ кличкой „Франсуа“ и жалованьемъ 150 р. въ мѣсяцъ. (По собственному признанію). 16 іюля 1913 года освобожденъ изъ-подъ ареста, съ тѣмъ, чтобы занялся французскимъ языкомъ и готовился къ отъѣзду за-границу, куда и отправился въ ноябрѣ 1913 года по паспорту Соколова, Алексѣя Михайловича, выданнаго Московскимъ охраннымъ отдѣленіемъ. 23 ноября 1913 года полковникъ Мартыновъ сообщилъ А. А. Красильникову въ Парижѣ, что „сотрудникъ, кличка „Франсуа“, ввѣреннаго ему охраннаго отдѣленія, освѣщающій организаци с.-р., выѣхалъ въ Парижѣ“. Мартыновъ рекомендуетъ Савенкова, какъ „человѣка солиднаго, имѣющаго связи среди с.-р. за-границей и полезнаго для политическаго сыска“. Красильниковъ 27 декабря 1913 года увѣдомилъ Департ. Полиціи о прибытіи „Франсуа“ въ Парижѣ. Изъ Парижа Савенковъ получилъ командировку въ Италію съ жалованьемъ 500 фр. въ мѣсяцъ. Савенковъ живетъ въ Италіи съ 5 іюня 1914 года; постоянное мѣстожителство—Кави-ди-Лаванья; оттуда и освѣщалъ всѣ партіи и революціонную дѣятельность Колосова, Христіана Шебедева и Азанчевской, равно и всѣхъ жившихъ въ Кави. Призналъ себя бывшимъ секретнымъ сотрудникомъ Заграничной Агентуры Департамента Полиціи.

Санвеловъ, Минасъ Степановичъ, родился въ 1881 г., мѣщанинъ города Кизляра, Терской области, армяно-грегоріанскаго вѣроисповѣданія. Санвеловъ вступилъ въ агентурныя сношенія съ начальникомъ Бакинскаго жанд. упр. Мартыновскимъ, получалъ въ началѣ жалованья 50 руб. въ мѣсяцъ, освѣщалъ почти исключительно „дашнаковъ“. Въ маѣ 1912 года былъ командированъ за-границу, и выѣхалъ 29 мая на Берлинъ, Женеву и Константинополь, въ февралѣ 1913 г. былъ уже снова въ Россіи—въ Петровскѣ, куда, по свѣдѣніямъ Агентуры, былъ направленъ Бакинскимъ комитетомъ партіи „дашнаковъ“. Въ этомъ же году снова былъ командированъ за-границу съ окладомъ въ 200 руб. и жилъ до марта 1915 г. въ Женевѣ, находясь въ близкихъ сношеніяхъ съ редакціей газеты „Дрошакъ“ и по-прежнему освѣщая армянскихъ революціонеровъ, а иногда и грузинъ. По его собственному признанію, помимо агентурныхъ сношеній съ представителями Заграничной Агентуры, освѣдомлялъ консула Горностаева и посла Бибикова о различныхъ проявленіяхъ революціонной и общественной дѣятельности русскихъ эмигрантовъ въ Швейцаріи. Въ мартѣ 1915 года выѣхалъ легально въ Россію, откуда отправился по порученію центральнаго армянскаго комитета въ Персію; былъ въ Ванѣ въ качествѣ представителя восточнаго бюро и въ штабѣ Араратскаго бюро совѣтникомъ (свѣдѣнія Департ. Полиц.). Вернувшись въ Тифлисъ, испросилъ разрѣшенія Департ. возвратиться въ составъ Заграничной Агентуры и въ 1916 году вернулся въ Швейцарію. Въ послѣднее время получалъ жалованье 650 фр. въ мѣсяцъ. Въ Бакинскомъ охр. отд. носилъ кличку „Козель“, а въ Заграничной Агентурѣ—„Лебукъ“. Въ Женевѣ жилъ съ женою и дѣтьми—10, rue de la Muse.

Въ 1916 году д-ръ Д-та Бѣлецкій возбудилъ ходатайство объ освобожденіи Санвелова отъ призыва его по мобилизаціи въ виду возложеннаго на него министерствомъ внутр. дѣлъ порученія. И. д. начальника мобилизаціоннаго отдѣла Аверьяновъ освободилъ его отъ воинской повинности на все время службы въ Д-тѣ Полиціи.

Селивановъ, Николай Петровичъ. Партійная кличка „Шабельскій“. По его словамъ, Селивановъ—его настоящая фамилія. Сынъ мѣщанина г. Ельца, 37 лѣтъ. Обучался въ московской мукомольной школѣ, но ея не окончилъ. Въ 1898 году былъ привлеченъ въ Харбинѣ (гдѣ имѣлъ службу) по дѣлу с.-р. и приговоренъ Иркутской суд. палатой къ ссылкѣ на поселеніе. Ссылку отбывалъ въ Иркутской губ. и въ Якутской обл. Заагентуренъ Иркутскимъ жандармскимъ управл. около 1911 года, получилъ кличку „Амурецъ“ и давалъ свѣдѣнія, находясь еще въ тюрьмѣ. Въ 1913 г. онъ бѣжалъ изъ Сибири и проѣздомъ былъ встрѣченъ на вокзалѣ въ Самарѣ, гдѣ онъ и заявилъ, что скрылся изъ Сибири.

Бѣлецкій телеграфировалъ нач. Самарск. губ. жанд. управл.: „сообщите „Амурцу“, что можетъ отправиться исключительно свой страхъ рискъ Парижъ, откуда при желаніи можетъ предложить свои услуги Д-ту непосредственно“. Такимъ образомъ, Департ. Полиціи, зная, что Селивановъ скрылся изъ мѣста ссылки, предоставилъ возможность ему бѣжать. Въ 1912 году С. изъ ссылки бѣжалъ въ Краковъ, потомъ въ Парижъ. Въ Краковѣ С. находился въ сношеніяхъ съ польскими социалистическими группами, а въ Парижѣ вступилъ въ группу с.-р., помогалъ Бурцеву въ раскрытіи провокаторовъ и въ то же время „освѣщалъ“ его самого парижской охранкѣ. Въ 1914 году Селивановъ переѣхалъ въ Лондонъ и поступилъ на службу въ Русскій правительственный комитетъ въ качествѣ пріемщика (браковщика) военныхъ заказовъ на заводѣ Виккерса.

Со времени пріѣзда за-границу С. находился въ непосредственныхъ отношеніяхъ съ агентами Красильникова, главнымъ образомъ съ чиновникомъ охраны А. И. Литвиномъ. Въ Парижѣ освѣщалъ, преимущественно, с.-р., въ Лондонѣ—с.-р. и с.-д.-большевики (Н. П. Высоцкая, Сомовъ, Литвиновъ, Клышко, Макушинъ, Боготранцъ, Максимовъ и др.).

Селивановъ оказывалъ также услуги лондонской (англійской) секретной полиціи (Scotland Yard), сообщая свѣдѣнія о русскихъ революціонерахъ; нѣкоторыхъ изъ нихъ оговорилъ, навлекая на нихъ подозрѣніе въ военномъ шпіонажѣ (Литвиновъ, Максимовъ). Селивановъ обладаетъ большими свѣдѣніями въ области военной техники; нерѣдко именовалъ себя бывшимъ офицеромъ (морскимъ, военнымъ инженеромъ); хорошо знаетъ подробности устройства многихъ крѣпостей (Краковъ и другія), планы которыхъ исполняетъ очень умѣло отъ руки. Эти данныя наводятъ на мысль, что, можетъ быть, и фамилія Селивановъ, и все, что съ ней связано въ прошломъ, не относится къ разоблаченному нынѣ сотруднику.

Въ Заграничной Агентурѣ Селивановъ имѣлъ кличку „Веберъ“. Получалъ жалованья 450 фр. въ мѣсяцъ.

Селивановъ на допросѣ фактъ своего сотрудничества въ охранкѣ призналъ и соотвѣтствующій протоколъ собственноручно подписалъ.

Стааль (фонъ-Стааль), Алексѣй Георгіевичъ, родился въ 1881 г., учился въ Кіевскомъ и Ярославскомъ кадетскихъ корпусахъ, былъ вольнослушателемъ въ Кіевскомъ политехническомъ институтѣ.

„Въ іюнѣ 1912 г. Стааль предложилъ свои услуги начальнику Одесскаго жандармск. управл. для освѣщенія инициативной группы черноморскихъ моряковъ“; его приняли въ число секретныхъ сотрудниковъ подъ псевдонимомъ „Звѣревъ“ и назначили содер-

жаніе 100 р. въ мѣсяцъ. „Въ октябрѣ того же года Стааль былъ переданъ завѣдующему Агентурой въ Константинополь. Прекративъ сообщеніе свѣдѣній по союзу черноморскихъ моряковъ, „Звѣревъ“ сталъ освѣщать панисламистское движеніе, перешелъ въ магометанство и поступилъ въ турецкую армію летчикомъ. Затѣмъ онъ переѣхалъ въ Александрію, прекратилъ сношенія съ политической полиціей, но въ маѣ 1913 г., находясь въ Марсели, потребовалъ вознагражденія 300 руб., которые ему и были уплачены.

При производствѣ дознанія въ Одессѣ было установлено, что Стааль, „состоя сотрудникомъ, передалъ обвиняемому лицу преступную литературу на пароходъ „Іерусалимъ“, каковая была обнаружена при таможенномъ досмотрѣ въ Одессѣ“. Стааль былъ привлеченъ за это въ качествѣ обвиняемаго, но за „неимѣніемъ достаточныхъ данныхъ“ дѣло было направлено къ прекращенію.

Въ февралѣ 1914 г. Стааль находился въ Парижѣ. Указывая его, какъ секретнаго сотрудника, Департ. Полиц. предупреждалъ завѣдывавшаго Заграничной Агентурой, что „Звѣревъ“ производитъ впечатлѣніе челсвѣка опаснаго; въ партійныхъ кругахъ не считается лицомъ, заслуживающимъ довѣрія благодаря разгульному образу жизни“. Въ 1914 г. Стааль жилъ лѣтомъ 8, rue Gazan, Fontenay Bois chez m-me Gaston Mounier, а осенью 55, rue de Chateadun, Nogent sur Marne. Въ іюлѣ 1917 г. Стааль указывалъ свой адресъ: chez m-me Millecent, 22 13 de Strasbourg, Nogent sur Marne. Сотрудничество свое въ полиціи С. категорически отрицаетъ.

Тумаринсонъ, Михаилъ Борисовъ, зубной врачъ, состоялъ секретнымъ сотрудникомъ Заграничной Агентуры подъ псевдонимами „Механикъ“ и „Максаковъ“. Въ маѣ 1909 г. доставилъ свѣдѣнія о парижскихъ анархистахъ-коммунистахъ (Judich sprachende) о „Буревѣстникѣ“ и т. д. По отзыву Департ. Полиц., личность Тумаринсона представляется весьма сомнительной, за нимъ числилась серія дѣлъ по кражамъ у разныхъ лицъ и въ различныхъ городахъ денегъ, платья, бѣлья, а также къ нему предъявлялись многочисленные иски изъ Женевы, Цюриха, Лондона, Чикаго и Парижа. Въ Парижской эмигрантской колоніи о немъ были чрезвычайно нелестнаго мнѣнія. Въ концѣ концовъ Тумаринсона заподозрили въ сношеніяхъ съ Заграничной Агентурой, и онъ уѣхалъ въ Россію.

По свидѣтельству Департ. Полиц. (іюль 1911 г.), Тумаринсонъ намѣренъ былъ „не возвращаться за-границу, а „работать“ въ Россіи. Провалъ же свой онъ категорически отрицаетъ“.

Усовъ, Сергѣй, подъ кличкой „Вода“, состоялъ секретнымъ сотрудникомъ Моск. охр. отд., представлялъ въ Д-тѣ Полиціи письма къ нему отъ Минора и Веденяпина и др., былъ командированъ за-границу для освѣщенія группы Бесселя.

Цатурьянъ, Мыгыртычъ Исайе, предлагалъ русскому посланнику въ Софіи въ 1907 г. доставить за 3.000 руб. свѣдѣнія о существовавшемъ въ Шумъ армянскомъ тайномъ обществѣ, а также предлагалъ выдать лицо, убившее Свена-Шуминскаго, директора почты, служившаго тамъ околоточнымъ надзирателемъ.

Чирьевъ, Илья Васильевъ, сынъ статскаго совѣтника, род. въ 1885 г. Былъ арестованъ 3 декабря 1906 г. въ Москвѣ подъ фамиліей Узнадзе, по дѣлу Гулина (складъ бомбъ и оружія); въ апрѣлѣ слѣдующаго года былъ сосланъ въ Туруханскій край, откуда въ іюнѣ 1907 г. скрылся; 10 декабря 1909 г. арестованъ въ Москвѣ подъ фамиліей Васильева. Находясь подъ стражей, Чирьевъ ходатайствовалъ о замѣнѣ ссылки въ Сибирь высылкой за-границу, что „по пересмотрѣ обстоятельствъ дѣла“ и было ему разрѣшено; 22 февраля 1910 г. Чирьевъ былъ освобожденъ изъ-подъ стражи и 8 марта выѣхалъ за-границу. Объ этомъ Д-тъ Полиціи сообщилъ завѣдывавшему Заграничной Агентурой на случай, если онъ найдетъ нужнымъ войти съ сношеніями въ Чирьевымъ „въ цѣляхъ пріобрѣтенія его въ качествѣ сотрудника“. Красильниковъ по сему поводу сообщилъ въ іюнѣ 1910 г., что сношенія съ Чирьевымъ установлены, и что ему выдана субсидія въ 200 фр. Однако, Заграничная Агентура не была довольна новымъ агентомъ; такъ, въ мартѣ 1911 г. Красильниковъ донесъ, что состоящій секретнымъ сотрудникомъ Заграничной Агентуры по группѣ максималистовъ „Катя“ (псевдонимъ Чирьева) „проявилъ полную бездѣятельность и неосвѣдомленность въ революціонныхъ кругахъ, а также и не вполне порядочное отношеніе къ дѣлу, приходя по большей части лишь только за деньгами“, причемъ однажды заявилъ, что „если онъ дастъ то, что имѣетъ, то боится себя продешевить, такъ какъ эти свѣдѣнія стоятъ дороже тѣхъ 250 фр., которые онъ получаетъ въ мѣсяцъ“. Въ виду такого поведенія Чирьевъ изъ числа сотрудниковъ былъ исключенъ. На это Д-тъ Полиціи указалъ завѣдывавшему Агентурой, что „Катя“ „занималъ безусловно серьезное положеніе въ партіи с.-р.“ и что такихъ сотрудниковъ надо стараться удерживать въ своемъ распоряженіи всѣми силами, а отнюдь не отказываться отъ нихъ вслѣдствіе лишь временнаго отсутствія у нихъ свѣдѣній и значительности уплачиваемаго имъ содержанія, такъ какъ сотрудники, подобные „Катѣ“, иной разъ въ теченіе цѣлаго года бываютъ не въ состояніи доставлять какія-либо свѣдѣнія, но затѣмъ въ одинъ день могутъ дать столь цѣнныя указанія, которыя не сравняются по своему значенію со свѣдѣніями, данными заурядными сотрудниками. Тѣмъ не менѣе завѣдывавшій Заграничной Агентурой остался относительно Чирьева при особомъ мнѣніи, сообщивъ въ отвѣтъ, что „Катя“ „производитъ впечатлѣніе чловѣка, не заслуживающаго довѣрія, крайне легкомысленнаго, прово-

дящаго время въ различныхъ притонахъ, не интересующагося дѣломъ и не только не пользующагося какимъ-либо вліяніемъ въ революціонной средѣ, но совершенно не имѣющаго съ ней связей“; возобновленіе сношеній „съ подобнымъ сотрудникомъ“ Краси́льни-ковъ призналъ нежелательнымъ.

Находясь во Франціи, Чирьевъ жилъ нѣкоторое время въ качествѣ зубного техника у одного дантиста въ Blauvais.

Опрошенный 20 іюля 1917 года въ Парижѣ, Чирьевъ призналъ свои сношенія съ охранниками, но заявилъ, что полезнаго дѣла для нихъ онъ „не сдѣлалъ ни черта“.

Примѣты его: лицо болѣзненное; роста выше средняго; блондинъ; ходитъ, въ виду слабости, опираясь на палку.

Шахновскій, Натанъ, окончилъ въ 1908 г. Ковенское коммерческое училище. По дѣлу о Ковенской группѣ анархистовъ-коммунистовъ подлежалъ ссылкѣ на поселеніе, но получилъ разрѣшеніе выѣхать за-границу.

По собственному признанію (прошеніе на имя директора Д-та Полиціи отъ 25 декабря 1909 г.), Шахновскій состоялъ въ теченіе долгаго времени сотрудникомъ при начальникѣ охраннаго пункта въ г. Ковнѣ—Александрѣ Евг. Донцовѣ, а впослѣдствіи, въ теченіе 3-хъ мѣсяцевъ, при Одесскомъ охранн. отд., подъ кличкой „Южный“ (группа анарх.-ком.). „Согласно тому же заявленію, Шахновскій былъ близко знакомъ съ жандармскимъ ротмистромъ Колоколовымъ, съ чиновникомъ при Виленскомъ охранн. отд. А. К. Ралли, ротмистромъ Г. А. Магеровскимъ, начальникомъ Одесскаго охр. отд. Левдиковымъ и полковникомъ Гноинскимъ“.

Въ октябрѣ 1908 г. временный генераль-губернаторъ г. Одессы Толмачевъ ходатайствовалъ передъ тов. мин. внутр. дѣлъ Макаровымъ о разрѣшеніи зачислить Шахновскаго въ число студентовъ Новороссійскаго университета, въ виду необходимости имѣть въ ихъ средѣ „лицъ, вполне преданныхъ порядку, политически благонадежныхъ, съ помощью которыхъ можно было бы получать свѣдѣнія“. Однако, въ виду отсутствія еврейской вакансіи и незнанія Шахновскимъ латинскаго языка, Д-тъ Полиціи отказалъ въ содѣйствіи и предложилъ возбудить соотвѣтствующее ходатайство передъ попечителемъ учебн. округа, „такъ какъ иной порядокъ могъ повлечь за собою разоблаченіе секретной роли Шахновскаго“. Въ указанное время Шахновскій состоялъ въ числѣ студентовъ медицинскаго факультета въ одномъ изъ Швейцарскихъ университетовъ и „только вслѣдствіе настоятельныхъ просьбъ начальника охраннаго отдѣленія вернулся въ г. Одессу“. Потерпѣвъ неудачу съ поступленіемъ въ университетъ, Шахновскій уѣхалъ въ Карлсруэ, гдѣ зачислился въ число студентовъ Баденской высшей технической школы (въ декабрѣ 1909 г. онъ жилъ тамъ: Гирвинг-

штрассе, 32). Въ слѣдующемъ году Шахновскій переселился въ г. Боннъ (Германія).

Находясь въ октябрѣ мѣсяцѣ 1910 г. въ Ковнѣ, Шахновскій предлагалъ мѣстному жанд. полковнику Мрочкевичу выдать нѣкоего Соловейчика за вознагражденіе въ 1.000 руб. Д-тъ Полиціи нашелъ это требованіе „чрезмѣрнымъ“. По этому поводу завѣдующій Заграничной Агентурой доносилъ начальству, что, по отзыву ротмистра Река, знающаго лично Шахновскаго, „опасаться какихъ-либо нежелательныхъ выступленій съ его стороны, хотя бы шантажного свойства, вполне возможно“ и „потому являлось бы болѣе соотвѣтственнымъ ни въ какія дальнѣйшія сношенія съ нимъ не вступать“.

Шварцъ, Левъ Соломоновъ, состоялъ секретнымъ сотрудникомъ Одесскаго охр. отд. Въ 1907 г. Д-тъ Полиціи предложилъ завѣдывавшему Заграничной Агентурой взять Шварца въ число своихъ сотрудниковъ; Гартингъ согласился принять его на службу „для Женевы“ при условіи, если „онъ можетъ подойти къ с.-р. или анархистамъ“. Послѣ этого Шварцъ былъ командированъ въ Парижъ, причемъ заграничный паспортъ и 125 руб. на дорогу онъ получилъ лично отъ завѣдывавшаго Особымъ Отдѣломъ Д-та Полиціи.

Шварцъ, Петръ Андреевичъ, помощн. адвоката въ Софіи. Шварцъ оказывалъ въ качествѣ случайнаго сотрудника агентурныя услуги д-ру (!) Вайсману, а по отъѣздѣ того въ Спб. обслуживалъ Софію, получалъ 500 фр. въ мѣсяцъ. „Всегда выдѣлялся своей корректностью по отношенію къ агентурному дѣлу... знаетъ русскій, французскій и нѣмецкій языки и, въ виду безграмотности Вайсмана, велъ перлюстрацію почты въ Софіи... обладаетъ достаточными нравственными основами и вполне воспитанъ“.

Шнеуръ, Владиміръ Константиновъ, поручикъ запаса. Составлено на основаніи „справки“ Д-та Полиц. отъ 18 сент. 1911 г.

Изъ донесеній начальника С.-Петербургскаго охраннаго отдѣленія отъ 4 ноября 1906 года за № 22259 и 7 іюля 1911 года за № 12941 усматривается, что редакторомъ ежедневной газеты „Военный Голосъ“, издававшейся въ г. С.-Петербургѣ и пріостановленной въ октябрѣ 1906 года, состоялъ Владиміръ Шнеуръ, привлеченный судебнымъ слѣдователемъ 2 участка г. С.-Петербурга въ качествѣ обвиняемаго въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 5 п. 129 ст. Уг. Ул. Такъ какъ Шнеуръ скрылся, то по опредѣленію С.-Петербургской судебной палаты отъ 5-го февраля 1909 года дѣло о немъ пріостановлено впредь до его явки или задержанія.

22 января 1910 года въ Департаментъ Полиціи поступило заявленіе Шнеура, въ которомъ онъ старается себя реабилитировать.

По словамъ Шнеура, онъ, по окончаніи курса въ кавалерійскомъ училищѣ, произведенъ въ офицеры, затѣмъ вышелъ въ за-

пасъ, много путешествовалъ, служилъ по гражданскому вѣдомству и при объявленіи мобилизаціи 4 февраля 1904 года добровольно выѣхалъ на Дальній Востокъ, для зачисленія въ одинъ изъ казачьихъ полковъ, но въ Читѣ былъ призванъ, какъ офицеръ запаса, и вскорѣ былъ назначенъ въ отрядъ генерала Мищенко. Принималъ участіе во всѣхъ развѣдкахъ и бояхъ вплоть до октябрьскихъ сраженій на рѣкѣ Шахѣ, за что награжденъ тремя боевыми наградами. Въ октябрѣ 1904 года назначенъ состоять оберъ-офицеромъ для порученій при дежурномъ генералѣ въ штабѣ командующаго арміей, но при занятіи этого поста генераломъ Куропаткинымъ былъ отставленъ. Серьезная болѣзнь прервала службу Шнеура въ арміи, и онъ въ январѣ 1905 года эвакуированъ въ Россію для леченія и въ Петербургъ. Въ это время въ лѣвой печати появились клеветническія нападенія на армію, которыя оставались безъ опроверженія. Назрѣвала необходимость въ созданіи частной военной газеты, которая съ одной стороны отстаивала бы честь и доброе имя арміи, съ другой — защищала бы ея интересы, служа дѣлу реорганизаціи.

Въ ноябрѣ 1905 года у Шнеура возникла мысль создать ежедневную газету, которую ему и удалось осуществить при помощи нѣсколькихъ офицеровъ — военныхъ юристовъ. Сначала составила небольшая группа офицеровъ-учредителей, но къ моменту окончательнаго рѣшенія вопроса на учредительномъ собраніи 19 декабря 1905 года присутствовало уже 30 офицеровъ всѣхъ родовъ оружія арміи и флота. Преобладали академики: военные юристы, артиллеристы, инженеры и генеральный штабъ. На собраніи рѣшено вести дѣло на коллегіальныхъ началахъ, для чего избраны редакціонный и хозяйственный комитеты, а Шнеуръ большинствомъ голосовъ избранъ отвѣтственнымъ редакторомъ-издателемъ.

Еще до появленія перваго номера „Военнаго Голоса“ на учредительныхъ собраніяхъ образовался нѣкоторый расколъ между Шнеуромъ и небольшой группой учредителей, высказывающихся по разнымъ вопросамъ радикально. При обсужденіи содержанія перваго же номера Шнеуръ, вопреки рѣшенію редакціоннаго комитета, наложилъ свое „вето“ на двѣ статьи. Тѣмъ не менѣе, общій характеръ „Военнаго Голоса“ съ самаго же начала пріобрѣлъ легкую тенденцію газеты, „оппозиціонной“ правительству. Въ первый же мѣсяцъ существованія газеты для Шнеура стало ясно, что весь составъ редакціоннаго комитета, за исключеніемъ двухъ лицъ, принадлежитъ къ радикальному лагерю. Чтобы облегчить борьбу, Шнеуръ сталъ уничтожать три четверти поступавшихъ по почтѣ рукописей и писемъ преступнаго содержанія, а статьи, принадлежащія перу сотрудниковъ, по мнѣнію Шнеура, вредныя и опасныя, не допускалъ своей властью къ печати. Этимъ онъ могъ избѣгнуть

отвѣтственности, но не больше. Газета уже имѣла репутацію „революціонной“, и благонамѣренные элементы арміи стали отпадать отъ сѣтрудничества. Послѣдствіемъ этого изъ состава газеты стали выбывать тѣ немногіе учредители, которые служили опорой Шнеура въ борьбѣ съ „лѣвыми“. На смѣну имъ нахлынули враждебные правительству элементы: офицеры, „увольняемые“ за неблагонадежность и замѣшанные въ политическомъ движеніи. Въ апрѣлѣ 1906 года Шнеуръ убѣдился въ полной невозможности продолжать дѣло и на одномъ изъ засѣданій просилъ сложить съ него обязанности отвѣтственнаго редактора-издателя. Но матеріальная отвѣтственность, лежавшая всецѣло на немъ, заставила его уступить и остаться на своемъ посту. Пользуясь отсутствіемъ Шнеура изъ Петербурга, въ іюлѣ редакціонный комитетъ помѣстилъ статью, отложенную Шнеуромъ, какъ преступную, и онъ былъ привлеченъ къ отвѣтственности по 126 ст.

Въ редакціонномъ засѣданіи 30 іюля 1906 года послѣ бурнаго столкновенія съ бывшими налицо членами редакціи, когда Шнеуръ открыто высказалъ, что газета клеветаетъ на армію и занимается революціонной пропагандой—онъ отказался отъ обязанности редактора, а 6-го сентября „Военный Голосъ“, по распоряженію С.-Петербургскаго градоначальника, пріостановленъ. Опасаясь обысковъ, члены редакціи, кѣмъ-то предупрежденные, наканунѣ сожгли и унесли много компрометирующей переписки и документовъ.

Въ октябрѣ 1907 года Шнеуръ былъ впервые преданъ суду С.-Петербургской судебной палатой съ сословными представителями за изданіе брошюры, но былъ оправданъ.

Въ маѣ 1908 года онъ вызывался въ С.-Петербургское губернское жандармское управленіе для объясненій по поводу сношеній редакціи съ „Офицерскимъ союзомъ С.-Петербургскаго гарнизона“, но, къ сожалѣнію Шнеура, его допрашивали въ присутствіи другого лица изъ состава „Военнаго Голоса“ и этимъ лишили Шнеура возможности дать тѣ свѣдѣнія, которыми онъ располагалъ.

Осенью того же года Шнеуръ изъ газетъ узналъ о томъ, что онъ вторично преданъ суду судебной палаты по 129 ст. По словамъ Шнеура, ему не трудно было-бы на судѣ доказать свою невиновность документально и свидѣтельскими показаніями, но для этого ему пришлось-бы предать въ руки правосудія десятки лицъ, носящихъ мундиръ, изъ которыхъ многіе увлечены были подъ давленіемъ другихъ. Опасаясь перспективы тюремнаго заключенія, что подорвало-бы окончательно расшатанное войной здоровье и лишило бы средствъ къ существованію его семью, Шнеуръ покинулъ родину и поселился въ Парижѣ.

Въ заключеніе Шнеуръ говоритъ, что его единственное желаніе нанести русской революціи послѣдній рѣшительный ударъ и

въ самое больное мѣсто—центральный комитетъ и военныя организации. Матеріально онъ обезпеченъ и положеніе его твердо.

12 февраля 1910 года за № 125133 Департаментъ Полиціи przeprowadилъ заявленіе Шнеура на распоряженіе завѣдующаго Заграничной Агентурой.

18 февраля 1910 года за № 145 завѣдующій Заграничной Агентурой сообщилъ, что въ первыхъ числахъ февраля въ редакцію газеты „Le Journal“, въ Парижѣ, явился нѣкій Владиміръ Шнеуръ и предложилъ купить у него, будто-бы, важные военные секретные документы, въ коихъ разоблачается дѣятельность какъ штаба генерала Куропаткина, такъ и нѣкоторыхъ русскихъ офицеровъ въ частности, но редакция это предложеніе отклонила. Къ сообщенію приложены фотографическія карточки Шнеура.

Въ отвѣтъ на означенное сообщеніе Департаментъ Полиціи 25 февраля за № 125189 увѣдомилъ завѣдующаго Заграничной Агентурой, что названный Шнеуръ является лицомъ, указаннымъ въ отношеніи за № 125133, и предложилъ въ сношеніяхъ съ нимъ по возможности быть осторожнымъ, такъ какъ въ виду изложеннаго въ запискѣ за № 145 возникаетъ сомнѣніе въ его искренности и возможно предположеніе склонности Шнеура къ работѣ на обѣ стороны.

10 іюня 1910 г. на имя г. вице-директора Департамента Полиціи С. П. Бѣлецкаго получилось изъ Парижа письмо Г. Гербеля (Владиміра) который, называя Шнеура своимъ пріятелемъ и сообщая о неудавшемся личномъ свиданіи завѣдующаго Заграничной Агентурой съ Шнеуромъ, рекомендуетъ его какъ человѣка рѣдкой энергіи и воли и, какъ примѣръ, рассказываетъ, что Шнеуръ, прибывшій въ Парижъ безъ всякихъ средствъ, создалъ финансовую газету, которою руководить, создалъ еще крупное промышленное (лѣсное) предпріятіе и избранъ главнымъ администраторомъ. Изъ журнала, 4 №№ коего приложены, можно усмотрѣть, говоритъ авторъ, что это первый и единственный журналъ за-границей, который отстаиваетъ достоинство и честь Россіи (по финляндскому вопросу). Въ заключеніи письма авторъ проситъ о прекращеніи дѣла Шнеура и разрѣшеніи ему вѣзда въ Россію.

25 іюня 1910 г. за № 673 завѣдующій Заграничной Агентурой сообщилъ, что въ отвѣтъ на письмо Агентуры Шнеуръ прислалъ заказное письмо, которое не могло быть получено за неимѣніемъ паспорта, въ виду чего ему было предложено взять обратно заказное письмо и прислать его простымъ. Заказное письмо Шнеуромъ было взято, но простого не послѣдовало, и на этомъ сношенія прекратились.

Справками о Шнеурѣ было установлено, что онъ сошелся съ какой-то француженкой, повидимому, располагающей денежными

средствами, такъ какъ имъ былъ нанятъ особнякъ-отель, куда они и переселились.

Принимая во вниманіе, что Шнеуръ предлагалъ свои мемуары редакціи „Le Journal“ и услуги Департаменту, завѣдующій Заграничной Агентурой заключаетъ, что Шнеуръ, конечно, преслѣдовалъ одну и ту же цѣль—добыть деньги, которыя, видимо, онъ теперь получилъ въ лицѣ вышеуказанной дамы. Такъ какъ въ розыскомъ дѣлѣ онъ едва-ли можетъ быть полезенъ, не имѣя къ партійнымъ кругамъ никакого касательства, вознагражденія-же, вѣроятно, потребуесть значительнаго, завѣдующій Агентурой просилъ указанія, слѣдуетъ-ли рисковать знакомствомъ съ нимъ изъ-за весьма гадательнаго результата.

1-го іюля 1910 г. за № 125693 завѣдующему Заграничной Агентурой сообщено, что г. директоръ Департамента Полиціи не настаиваетъ на необходимости сношеній съ Шнеуромъ.

Въ іюнѣ 1910 г. въ Департаментѣ Полиціи полученъ былъ секретный документъ изъ Парижа на имя Евгеніи Петровны Друговско й, въ Кіевѣ, въ которомъ авторъ, по всѣмъ даннымъ Шнеуръ, между прочимъ, пишетъ: „... не послалъ тебѣ до сихъ поръ прошенія на Высочайшее Имя потому, что не имѣлъ отъ тебя извѣстія. Увѣдомь, что ты можешь сдѣлать въ этомъ смыслѣ. Такое прошеніе обычнымъ рутиннымъ путемъ ни къ чему не поведетъ. Тутъ надо частное сильное вліяніе, а главное не дать ему остаться подъ сукномъ. Для меня получить возможность теперь ѣздить въ Россію—значить нажать состояніе“.

Въ началѣ настоящей войны Шнеуръ пробрался въ Россію и поступилъ снова въ русскую армію; затѣмъ обучался въ Гатчинской авіаціонной школѣ, сдѣлался военнымъ летчикомъ, былъ однимъ изъ руководителей Тифлисской школы летчиковъ, а въ 1917 году получилъ отъ военнаго воздухоплавательнаго отдѣла командировку въ Лондонъ и въ Парижъ. Вытребованный оттуда въ Петроградъ, какъ одинъ изъ обвинителей русскаго комитета въ Лондонѣ, завѣдывавшаго военными поставками, Шнеуръ вернулся уже во время октябрьскаго переворота и тотчасъ же предложилъ свои услуги большевистскому правительству. Дальнѣйшая судьба его извѣстна всѣмъ: онъ былъ назначенъ помощникомъ главковерха Крыленко, принималъ дѣятельное участіе въ брестскихъ мирныхъ переговорахъ, во время которыхъ и былъ арестованъ, когда обнаружилось его прошлое.

Въ революціонномъ трибуналѣ Ш. защищался съ необычайной энергіей и проявилъ большой ораторскій талантъ; былъ осужденъ сначала къ изгнанію изъ Россіи, а послѣ второго разбирательства и суда—къ заключенію въ крѣпости. Гдѣ находится Шнеуръ въ настоящее время,—намъ неизвѣстно.

Штакельбергъ, Сергѣй Александровичъ, баронъ, бывш. гвардеецъ, въ теченіе трехъ лѣтъ былъ секретнымъ сотрудникомъ. Петр. охр. отд. по с.-р., подъ кличкой „Петровский“; далъ нѣсколько ликвидаций и получилъ отъ Д-та Полиціи 250 руб. награды. Съ 1913 г. переведенъ въ Заграничную Агентуру подъ кличкой „Пьеръ“. Несмотря на то, что начальство и въ Петроградѣ относилось къ его свѣдѣніямъ съ нѣкоторымъ недоверіемъ, провѣряя ихъ черезъ другихъ сотрудниковъ, онъ все же за-границей получалъ жалованья 1.300 фр. въ мѣсяцъ, но велъ жизнь и въ Парижѣ и въ Монтрѣ, гдѣ онъ бывалъ, столь широкую, что, конечно, этимъ жалованьемъ онъ не могъ оплатить и четверти своихъ расходовъ. Въ Парижѣ онъ освѣщалъ военную организацію с.-р., и, по словамъ его непосредственнаго начальства, видно было, что Ш. въ курсѣ дѣлъ этой организаціи. Среди с.-р. онъ былъ извѣстенъ подъ фамиліей Бронскій.

Въ февралѣ 1916 г. Ш. уѣхалъ въ Россію и, по словамъ того же непосредственнаго его начальника, передъ отъѣздомъ стремился найти въ Петроградѣ ходы для того, чтобы получить мѣсто въ учрежденіяхъ военнаго вѣдомства, работающихъ на оборону; этого онъ достигъ, такъ какъ въ Петроградѣ состоялъ въ одномъ изъ секретнѣйшихъ отдѣловъ артиллерійскаго вѣдомства. Въ январѣ 1917 г. Ш. вернулся въ Парижъ и получилъ мѣсто въ русской военной миссіи. Ш. многими подозрѣвался въ военномъ шпіонажѣ въ пользу Германіи.

Шустеръ, Янусъ (Иванъ) Эрдмановъ (Германовъ), изъ крестьянъ Эдваленской волости, Виндавскаго уѣзда, гдѣ одно время былъ волостнымъ писаремъ, род. въ 1880 г.; былъ привлеченъ по 100 и 102 ст.ст. Угол. улож. Газенпотскимъ суд. слѣдователемъ.

Въ 1910 году, находясь въ Бернѣ, Ш. обратился къ мѣстному русскому посланнику съ письменнымъ сообщеніемъ отъ имени Волкова, „о весьма важномъ дѣлѣ“ (конференція „Воймы“ въ Цюрихѣ и пр.). Въ ноябрѣ Шустеръ уже состоялъ въ числѣ секретныхъ сотрудниковъ Заграничной Агентуры подъ псевдонимомъ „Новый“, который былъ замѣненъ потомъ кличкой „Поль“. Жалованья получалъ сначала 250 и 300, а потомъ 600 фр. въ мѣсяцъ. Доклады Шустеръ представлялъ швейцарскому представителю Заграничной Агентуры жанд. офиц. Лиховскому (прежде — Келлеръ); донесенія его касались цюрихской большевистской группы Росс. с.-д. р. партіи, с.-д. союза Латышскаго края и, за послѣднее время, вплоть до февраля 1917 г. женевской группы призывовцевъ.

По официальному свидѣтельству Красиленкова, Шустеръ „отличался своимъ рвеніемъ и усердной работой“.

Въ февралѣ 1917 г., Шустеръ жилъ около Цюриха: 163, Zurichstrasse, Hory.

Примѣты Шустера: средняго роста, брюнетъ, чахоточный.

Приводимъ здѣсь нѣкоторые отрывки изъ характернаго прошенія-письма Шустера Красильникову отъ 4/17 апр. 1913 года:

„Дорогой Другъ...

Сообщая о первомъ дѣлѣ куда слѣдуетъ, два съ половиною года тому назадъ, я имѣлъ въ виду, что этимъ выкуплю свои личные проступки и буду за это Высочайше помилованъ и такимъ образомъ опять стать человѣкомъ. Но тогда же, при моемъ личномъ свиданіи, мнѣ сказали, что это такъ скоро не идетъ и что я дѣйствительно на дѣлѣ долженъ доказать свое раскаяніе и преданность Престолу. Я примирился съ дѣйствительностью, работалъ по чистѣйшей совѣсти и старался выполнить все мнѣ порученное по возможности лучше и постоянно носилъ надежду, что въ концѣ концовъ все-таки найдутъ меня опять достойнымъ дать мнѣ и моральную поддержку. Дорогой Другъ, Вы знаете, что я играю для меня довольно опасную роль, и сознаніе, что, въ случаѣ несчастія, не могу имѣть отъ Правительства нужную моральную поддержку, меня всегда угнетаетъ.

Всѣ мои грѣхи состоятъ въ томъ, что я осенью 1905 года говорилъ на двухъ-трехъ собраніяхъ и противъ моего желанія былъ принужденъ запротоколировать въ книгахъ волостного правленія революц. требованія незаконно избраннаго волостного правленія.

Когда толпа хотѣла снять со стѣны волостного правленія Высочайшіе портреты, я угрозами и мольбой удержалъ ее отъ этого. Это все случилось въ 1905 году, въ Курляндской губ. Курмаленскомъ волостномъ правленіи, гдѣ я коротко передъ смутными днями былъ выбранъ волостнымъ писаремъ. Далѣе я удержалъ толпу отъ сжиганія дворца князя Ливена „Пельценъ“ и помогъ хозяйкѣ спрятать всю серебряную и золотую посуду, чтобы толпа не разграбила. Толпа только взломила винный погребъ и разграбила; отъ этого шага я ихъ удержать не могъ, такъ какъ угрожали меня застрѣлить и заперли меня въ одну комнату.

Я тогда еще не разобрался ни въ требованіяхъ революціонеровъ, ни въ ихъ партіяхъ. Но все, что пошло противъ жизни, имущества, такъ же и противъ Высочайшихъ Особъ, мнѣ было противно, ибо я былъ религіозно воспитанъ...

Теперь моя покорнѣйшая просьба къ Вамъ. Какъ Вы навѣрно знаете, здѣсь безъ бумагъ не дозволяется проживать, нуженъ заграничный паспортъ, или же поручительство двухъ богатыхъ мѣстныхъ гражданъ. Я до сихъ поръ проживалъ по поручительству. Проживая по поручительству, я связанъ на мѣстѣ, нахожусь постоянно подъ контролемъ мѣстной тайной полиціи (за политическими, проживающими здѣсь по поручительствамъ, строго слѣдятъ) и это связано съ опасностью, такъ какъ надзираютъ, что

извѣстное лицо дѣлаетъ, съ кѣмъ переписывается и т. д. Поэтому я въ этомъ отношеніи живу въ постоянномъ страхѣ. Далѣе не имѣю того моральнаго самосознанія, которое имѣетъ человѣкъ, у котораго всѣ бумаги въ порядкѣ, и нахожусь здѣсь, можно сказать, безъ всякихъ человѣческихъ правъ. Напримѣръ: люблю одну женщину, имѣю съ ней сношеніе уже два года, но безъ паспорта не имѣю права, не могу на ней жениться. Она—русская нѣмка, изъ г. Риги. Но я теперь имѣю такія обстоятельства, что принужденъ на ней жениться. Одинъ выходъ имѣю: стать швейцарскимъ гражданиномъ, этого предлагаетъ и мнѣ мѣстная полиція, но этого не хочу...

И вотъ, Дорогой Другъ, Вы могли бы мнѣ всѣхъ этихъ не-пріятностей устранить и дать мнѣ нужную моральную поддержку, если бы Вы мнѣ выхлопотали откуда слѣдуетъ одинъ настоящій заграничный паспортъ на мою настоящую фамилію. Сердечно я Васъ въ этомъ умоляю, сдѣлайте для меня эту милость. Я буду Вамъ на всю жизнь глубоко благодаренъ. Я тогда буду себя чувствовать настоящимъ человѣкомъ и морально успокоенъ. И всегда останусь Вамъ и дѣлу вѣренъ. Если имѣете на это матеріальныхъ издержекъ, въ слѣдующій разъ можете отсчитать.

Было бы всего лучше, если бы Вы паспортъ для меня получили бы отъ Курляндскаго губернатора.

Даю Вамъ здѣсь нужныя свѣдѣнія: моя фамилія Иванъ (Яанъ) Германовъ Шустеръ, приписанъ къ Эдваленской волости, Виндавскаго уѣзда, Курляндской губерніи, родился 1880 г. 12 августа...

Съ сердечнымъ привѣтомъ Вашъ Вамъ всегда вѣрный
Шустеръ (Валко).

Яманди, Генрихъ Федоровичъ, агент. кличка „Робуръ“, былъ секретнымъ сотрудникомъ съ 1 ноября 1902 г. въ Бухарестѣ, находился въ сношеніяхъ съ проживающими въ Бухарестѣ и Румыніи эмигрантами. Жалованья получалъ 125 фр. въ мѣсяць. Служилъ въ Бухарестской городской таможнѣ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТРАН.
Введеніе	3
Глава I. Наслѣдство „Священной Дружины“ переходитъ къ Департаменту Полиціи.—Зарожденіе русской „Заграничной Агентуры“ для наблюденія за русскими революціонерами.—Первый завѣдывающій „Заграничной Агентурой“ Корвинъ-Круковской (1883 г.).—Французская „Бригада Барлэ“.—Записка Семякина 1874 г.—Шпіонская дѣятельность русскихъ консуловъ.—Отставка Круковского и назначеніе на его мѣсто въ 1884 г. П. И. Рачковскаго.—Контрактъ Д-та Полиціи въ 1885 г. съ провокаторомъ Гекельманомъ-Ландезеномъ.—Шпіонская и провокаторская дѣятельность Ландезена въ Швейцаріи и въ Парижѣ	14
Глава II. Блестящая организація Рачковскимъ за-границей „наружнаго“ и „внутренняго“ наблюденій за революціонерами.—Разгромъ Рачковскимъ народовольческой типографіи въ Женевѣ.—Побѣда его надъ Д. Тихоміровымъ.—Укрѣпленіе связей съ иностранными полиціями и воздѣйствіе на иностранную прессу.—Провокація съ лабораторіей бомбъ въ Парижѣ.—Провокаторъ Гекельманъ-Ландезенъ скрывается въ Бельгію.—Организація Рачковскимъ Галиційской Агентуры и постановка во главѣ ея провокатора М. Гуровича.—Организація Рачковскимъ Берлинской Агентуры и постановка во главѣ ея провокатора Ландезена, перекрещеннаго въ инженера Аркадія Гартинга.—Карьера Гекельмана-Ландезена - Гартинга.—Политическая дѣятельность Рачковскаго: его роль въ подготовленіи франко-русскаго союза, его попытки вліять на папскую политику, его тайнственная отставка въ 1902 г.	28
Глава III. Завѣдующій Заграничной Агентурой Леонидъ Александровичъ Ратаевъ.—Его секретные сотрудники высшей марки: Л. Бейтнеръ, Батушанскій, М. Загорская, Евно Азефъ.—Командировка И. Ф. Манусевича-Мануйлова въ Парижъ для обработки французской прессы.—Ликвидация Балканской Агентуры.—Берлинская Агентура подъ управленіемъ Гартинга.—Успѣшное заагентурированіе имъ секретныхъ сотрудниковъ.—Ликвидация Берлинской Агентуры и ея возстановленіе.—Отставка Ратаева 1 авг. 1905 г.; его слезница.—Характеристика Гартингомъ Заграничной Агентуры при Ратаевѣ	55
Заграничная охранка.	25

- Глава IV. „Бывшій провокаторъ“ Гекельманъ-Ландезенъ — статскій совѣтникъ Аркадій Гартингъ становится завѣдующимъ Заграничной Агентурой. — Его секретные сотрудники: Житомирскій, Батушанскій, Цейтлинъ, Маасъ, Загорская. — Трагедія Черняка. — Разоблаченіе Азефа. — Докладъ Гартинга объ этомъ событіи. — Борьба Гартинга съ Бурцевымъ. — Разоблаченіе Гартинга и исчезновеніе его изъ Парижа 74
- Глава V. Защитный титулъ новаго завѣдывающаго Заграничной Агентурой с. с. А. А. Красильникова. — Устраненіе Красильникова отъ непосредственныхъ сношеній съ секретными сотрудниками. — Помощникъ Красильникова — жанд. подполковникъ Эргардтъ. — Русскіе и иностранные филёры. — Обѣщаніе Клемансо окончательно забыто. — Инцидентъ Фонтана — Леоне. — Полная реорганизація внѣшняго наблюденія. — „Частное“ бюро Бинта-Самбена. — Агенты Дворцовой Охраны за границей 101
- Глава VI. Новые помощники Красильникова по завѣдыванію секретными сотрудниками: Люстихъ, Лиховской, Литвинъ. — Организація секретной агентуры при Красильниковѣ во Франціи, въ Швейцаріи, въ Италіи, въ Англіи, въ Швеціи, въ Сѣв. Америкѣ. — Наличный составъ секретныхъ сотрудниковъ въ 1917 году: 12 с.-р.: Загорская, Деметрашвили, Бронтманъ, Абрамовъ, Санвеловъ, Селивановъ, Вакманъ, Савенковъ, Гудинъ, Патрикъ, Штакельбергъ, Каганъ (Чеканъ); 5 с.-д., бунда, польск. партій: Житомирскій, Кокочинскій, Коганъ, Шустеръ, Модель; анархисты: Цукерманъ (Орловъ), Долинъ, Орловскій, Семеновъ по „Морскому Союзу“. — Характеристика нѣкоторыхъ изъ этихъ секретныхъ сотрудниковъ. — Общая характеристика дѣятельности секретной агентуры при Красильниковѣ 122
- Глава VII. Секретные сотрудники російскихъ охранныхъ отдѣленій и Д-та Полиціи за-границей. — Докладъ о террорѣ полк. Еремина. — Записка о террорѣ, составленная Д-мъ Полиціи на основаніи данныхъ заграничныхъ секретныхъ сотрудниковъ полк. фонъ-Котена. — Полемика съ нимъ Красильникова. — Охрана высочайшихъ особъ во время ихъ заграничныхъ путешествій. — Борьба Красильникова съ Бурцевымъ. — Двойная игра Жоливе и Леоне. — Бурцевъ разоблачаетъ нѣсколькихъ сотрудниковъ Красильникова. — Тщетныя попытки Д-та Полиціи раскрыть таинственнаго бурцевскаго „корреспондента“. — Другія непріятности г-на Красильникова. — Организація имъ во время войны военнаго шпіонажа. — Роль въ этомъ дѣлѣ Долина, Литвина, Бинта и Самбена. 137
- Глава VIII. Общее положеніе политическаго розыска въ Россійской имперіи. — Корпусъ жандармовъ и шефъ его — министръ внутр. дѣлъ. — Жандармскія управленія. — Охранные отдѣленія. — Инструкціи Столыпина въ 1907 г.

о наружномъ наблюдении и о секретной агентурѣ: про-
противозаконный характеръ послѣдней инструкціи.—
Провокаціонная дѣятельность секретныхъ сотрудни-
ковъ и чиновъ политическаго розыска.—Проникнове-
ніе секретной агентуры во всѣ области русской жизни
и растлѣвающее вліяніе этого института.—Многочислен-
ные циркуляры Д-та Полиціи послѣдовательно усили-
ваютъ значеніе секретной агентуры.—Самодержцы Рос-
сійской имперіи—покровители секретной агентуры и
провокаціи.—Заключеніе 185

П р и л о ж е н і я 223

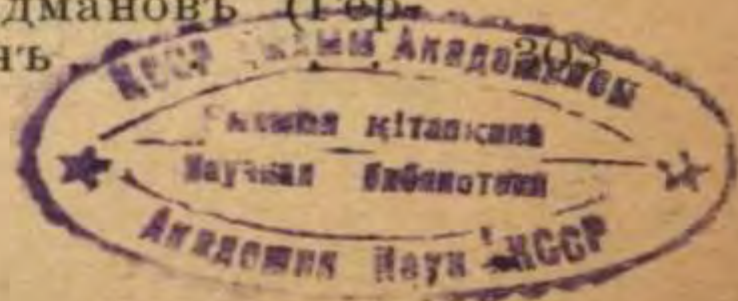
Приложеніе I. Евно Азефъ	225
Карлсруэ (1892—1899 г.г.)	229
Московскій періодъ (іюнь 1899 г.—ноябрь 1901 г.)	230
За-границей (ноябрь—декабрь 1901 г.)	234
1902 годъ	235
1903 годъ	240
1904 годъ	242
1905 годъ	249
1906 годъ	259
1907 годъ	264
1908 годъ	267
Судъ надъ Бурцевымъ	270
Азефъ и Рачковскій	275
„Судебно-слѣдств. комиссія по дѣлу Азефа“	281
1910 годъ. Азефъ требуетъ суда	291
Заключеніе	292

Приложеніе II. Списокъ секретныхъ сотрудниковъ Загра-
ничной Агентуры и лицъ, входившихъ съ ней въ сно-
шенія:

А б р а м о в ъ, Исаакъ Леонтьевичъ. — А к к е р-
м а н ъ, Вульфъ Зальмановъ. — А л е к с ѣ е в ъ, Алексѣй
Ильинъ. — А л ь б а у м ъ (Эльбаумъ), Калманъ Хаимовъ. —
А н н е н с к і й, Григорій Николаевичъ. — Б а т у ш а н-
с к і й, Борисъ Яковлевичъ (Берко Янкелевъ). — Б е й т-
н е р ъ, Левъ Дмитріевъ. — Б е й т н е р ъ, Марія Дми-
тріевна. — Б л о х и н ъ, Василій Григорьевичъ. — Б о р о в-
с к а я, жена врача. — Б р ж о з о в с к і й, Станиславъ Ва-
лентьевичъ (Іосифъ Андреевъ). — Б р о д с к і й, Стани-
славъ. — Б р о н т м а н ъ, Е. Гершовичъ. — Б р я н д и н-
с к і й, Матвѣй Ивановъ. — Б у р д е с ъ, Борисъ. — В а к-
м а н ъ, Яковъ Ефимовичъ. — В е й с м а н ъ, Александръ
Моисеевъ. — В е й с м а н ъ, Симонъ (Шимонъ). — В е р е ц-
к і й, Николай Николаевичъ. — В е р е ц к і й, Михаилъ
Николаевичъ. — В е р е ц к і й, Борисъ Николаевичъ. —
В и н д и н г ъ, Левъ Дмитріевъ. — В л а д и г е р о в ъ. —
В ы р о в о й, Захаръ Ивановъ. — Г е р ц и к ъ, Борисъ. —
Г о л ь д е н б е р г ъ, Левъ Іосифовичъ. — Г о л ь д е н-
д а х ъ, Евгеній Юльевичъ. — Г о н ч а р о в ъ, Стефанъ
Григорьевъ. — Г о н ч а р о в ъ, Яковъ Дементьевъ. — Г у-
д и н ъ, Василій Григорьевичъ. — Г у р а р и, Левъ (Ле-
онъ). — Г у р о в и ч ъ, Михаилъ Ивановичъ. — Г у т-

манъ, Моисей.—Деливронъ, Андрей Андреевичъ.—
Димитрашвили (онъ же Деметрашвили), Андрей
Гавриловичъ.—Дликманъ (онъ же Гликманъ и Глюк-
манъ), Мовша Мордковъ.—Долинъ, Бенціонъ Моисе-
евъ-Мошковъ.—Дорожко, Федоръ Матвѣевъ.—Дрез-
неръ, Шія.—Еваленко, Александръ (Марковъ).—
Ерофѣевъ, Леонидъ Михайловъ (онъ же Остров-
скій).—Житомирскій, Яковъ Абрамовичъ.—Жу-
ченко, Зинаида Федоровна.—Загорскіе, Марія
Алексѣевна и мужъ ея Петръ Францевичъ.—Землян-
скій, Иванъ Федоровъ.—Золотаренко, Александръ
Петровичъ (онъ же Александръ Зиновьевъ, ху-
дожникъ).—Каминчанъ, Гавріилъ Спиридоновъ.—
Каплунъ, Борисъ Борисовичъ.—Кенсикій, Вя-
чеславъ Александровъ.—Ковальская.—Коганъ,
Борисъ Веніаминовичъ.—Коганъ (онъ же Чекавъ), Ни-
колай.—Коганъ (онъ же Канъ Аврумъ Перцовъ).—
Козловъ, Яковъ Тимофеевъ.—Кокочинскій, Игнатъ
Мошковъ.—Крѣвинъ, Вильгельмъ Яновъ.—Курь-
янскій, Гершъ Шліомовичъ (Георгій „Соломоно-
вичъ“).—Маркинъ, Теофилъ (онъ же Русиновъ Ми-
хаилъ Аркадьевичъ, Викторъ Милевскій, Викторъ
Русинъ).—Милевскій, Владиславъ.—Миртовъ,
Сергѣй Васильевъ.—Михалковскій, Симонъ (Ши-
монъ).—Михневичъ (онъ же Якобсонъ).—Модель,
Аронъ-Яковъ Хаимовъ-Ицковъ.—Молчановскій,
Петръ Захаровъ.—Нейштадтъ, Авагдоръ (Викторъ)
Мордуховъ.—Нобель, Александръ Александровичъ.—
Озеровъ, Антонъ Михайловичъ.—Орловскій (вѣ-
роятно, настоящая фамилія его Германдъ, Иса-
акъ Наумовичъ).—Орловъ, Альбертъ Михайловичъ
(онъ же Цукерманъ).—Осадчукъ, Иванъ Осипо-
вичъ.—Х. (выясняется).—Перлинъ („Андроновъ“),
Нахманъ Сандаровъ.—Петровъ, Александръ Ива-
новъ.—Пиленасъ, Казиміръ.—Пиленасъ, Петръ.—
Познанскій, Лейба Амшаевъ.—Поповъ, Антонъ
Платоновичъ (онъ же Семеновъ, Даніилъ).—Пра-
отцевъ, Сергѣй Васильевъ).—Преображенскій,
Михаилъ Николаевъ.—Рабиновичъ, Георгій Ивано-
вичъ.—Рекули, Раймондъ.—Розенбергъ, Але-
ксандръ Лейзеровъ.—Романова, Августа Матвѣевна.—
Русиновъ, Михаилъ Аркадьевъ, онъ же Викторъ
Русинъ.—Савенковъ, Алексѣй Михайловичъ.—Са-
веловъ, Миѣасъ Степановичъ.—Селивановъ, Ни-
колай Петровичъ.—Стааль (фонъ-Стааль), Алексѣй
Георгіевичъ.—Тумаринсонъ, Михаилъ Борисо-
вичъ.—Усовъ, Сергѣй.—Цатурьянъ, Мыгыртычъ
Исайе.—Чирьевъ, Илья Васильевъ.—Шахновскій,
Натанъ.—Шварцъ, Левъ Соломоновъ.—Шварцъ,
Петръ Андреевичъ.—Шнеуръ, Владиміръ Константи-
новъ.—Штакельбергъ, Сергѣй Александровичъ, ба-
ронъ.—Шустеръ, Янусъ (Иванъ) Эрдмановъ (Гер-
мановъ).—Яманди, Генрихъ Федоровичъ.

118357

книги

В. К. Агафонова

- 1) Прилукскій уѣздъ въ почвенномъ и геологическомъ отношеніи. 1892 г.
- 2) Третичныя и ледниковыя образованія Полтавской губ. 1894 г.
- 3) Къ вопросу о поглощеніи свѣта кристаллами и о плеохроизмѣ въ ультрафіолетовой части спектра (Магистерская диссертация; Академіей Наукъ удост. золотой медали). 1902 г.
- 4) Наука и жизнь. 1906 г.
- 5) Индивидуализмъ и социализмъ. 1906 г.
- 6) Современная техника. (Вышла I-ая часть). 1913 г.
- 7) Настоящее и прошлое земли. 3-ье изданіе. 1915 г.

